

Федеральное агентство научных организаций России
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН
Институт славянской культуры МГУДТ
Славянский фонд России

Славянский мир в третьем тысячелетии

**СОГЛАШЕНИЕ (СОГЛАСИЕ), ДОГОВОР, КОМПРОМИСС
В ИСТОРИИ, ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРЕ СЛАВЯНСКИХ
НАРОДОВ**

Москва 2016

Редакционная коллегия:

Боголюбова Г.В., президент Славянского фонда РФ

Данченко С.И., доктор исторических наук, зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН

Дель Гаудио С. Associated professor, Dr., член итальянской ассоциации славистов (AIS), Италия; PhD, доцент Института филологии Киевского национального университета им. Т.Г. Шевченко

Запека О.А., кандидат философских наук, зав. кафедрой теории и истории культуры Института славянской культуры МГУДТ

Китанова М., PhD, доцент, зав. секции по этнолингвистике Института болгарского языка БАН, председатель комитета славистов Болгарии

Конёнкова А.К., кандидат культурологии, профессор, зав. кафедрой общего и славянского искусствознания Института славянской культуры МГУДТ

Корина Н., PhD, профессор Университета Константина философа в Нитре, Словакия

Никифоров К.В., доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН, профессор МГУ

Пазю-Влазловска Д., PhD, зам. директора Института славистики ПАН, Польша

Узенёва Е.С., кандидат филологических наук, доцент, ученый секретарь Института славяноведения РАН, профессор, зав. кафедрой славянских языков и культур Института славянской культуры МГУДТ (отв. редактор)

Хаванова О.В., доктор исторических наук, зам. директора Института славяноведения РАН, рук. Центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время

Чепелевская Т.И., кандидат филологических наук, доцент, ст.н.с. Отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН, профессор кафедры славянских языков и культур Института славянской культуры МГУДТ

Ученый секретарь:

Леонтьева А.А., м.н.с. Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН

Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов / Отв. ред. Е.С. Узенёва. М.: ИСЛ РАН, 2016. 526 с.

Одиннадцатый выпуск сборника научных трудов «Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов» посвящен договорам, соглашениям, поискам согласия и компромиссов в истории и культуре славянских народов. Выбор темы представляется общественно и научно значимым, поскольку осмысление негативных последствий конфликтов и положительного опыта их разрешения, акцент на добрую волю и согласие во взаимоотношениях людей, социальных групп, народов и государств должно способствовать преодолению непонимания и избеганию конфликтов. В сборнике также рассматривается широкий спектр актуальных проблем славянского языкознания, литературоведения и фольклористики.

ISBN – 978-5-7576-0369-1

© Институт славяноведения РАН, 2016

© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 7

I. Из истории славяноведения

Чуркина И.В. Словенский корреспондент «Современных известий» 11

Чепелевская Т.И. Иван Цанкар (1876–1918). К 140-летию со дня рождения 23

Лаптева Л.П. Русские историки – эмигранты в славянских странах в 20–30-е годы XX в. 40

Данченко С.И. К столетию академика Юрия Алексеевича Писарева 55

II. Мирные договоры и соглашения в истории Центральной и Восточной Европы

Папп К. Венский мир 1606 г. и его последствия 75

Штеппан К. Австро-русский альянс 1726 г.: долгий процесс при общих политических интересах сторон 85

Шрек К. Трактовка эпохи Священного союза в венгерской историографии (1867–1990) 92

Искендеров П.А. Берлинский конгресс 1878 г. и его политические последствия для Балкан 102

Барта Р. Великая Война и Парижские мирные договоры в истории международных отношений 109

Анги Я. Национальная трагедия и развитие города: влияние Трианонского мира на Дебрецен (1920–1944) 119

Стыкалин А.С. Позиция новых политических элит Венгрии и Румынии в отношении Трансильвании в процессе подготовки Парижских мирных договоров 1947 г. 126

III. Конфликты, преодоление кризисов, поиски взаимопонимания

Данченко С.И. Начало Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в. и русское общество 135

Искендеров П.А. Становление албанской государственности как типологический элемент балканской конфликтологии 157

Кирилина Л.А. Борьба за создание словенского университета в конце XIX – начале XX вв.: соглашения, компромиссы, противостояния 171

<i>МАЙОРОВА О.Н.</i> К вопросу о международных аспектах польской мирной революции 1989 г.	184
---	-----

IV. ИСТОРИЯ ЮГОСЛАВИИ И ПОСТЮГОСЛАВСКОГО ПРОСТРАНСТВА

<i>ЕДЕМСКИЙ А.Б.</i> «...разговоры с председателем советского правительства Хрущевым были очень полезными и откровенными» (беседа Н.С. Хрущева и Й. Броз Тито 28 сентября 1960 г. «на полях» заседаний Генассамблеи ООН в Нью-Йорке)	195
<i>ЛАКОВИЧ И.</i> (Подгорица) Переориентация югославской военной политики (1956–1961 гг.)	208
<i>РУДНЕВА И.В.</i> План «Загреб-4»: упущенный шанс мирного урегулирования	225
<i>ГУСЬКОВА Е.Ю.</i> Для бомбежек Югославии в 1999 г. нужен был повод...	237

V. ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

<i>НИКИФОРОВ К.В.</i> Последняя воля барона Врангеля	250
<i>СТРАХОВСКАЯ И.Г.</i> Леонид Чацкий, или горе от ума (к истории русской эмиграции)	261
<i>ПУТЯТИН В.С.</i> А.К. Елачич (1892–1941): «Свой среди чужих, чужой среди своих»	270
<i>ВАЛЕВА Е.Л.</i> Трудный выбор царя Бориса III: к проблеме присоединения Болгарии к Тройственному пакту в 1941 г.	278
<i>КУРЕННАЯ Н.М.</i> Белорусская художественно-документальная проза: на границе вымысла и факта. М.И. Горецкий. На империалистической войне	292

VI. ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ, САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

<i>МАКАРОВА Г.В.</i> Воздействие военного фактора на формирование представлений одного народа о другом (на примере контактов русских с поляками в период Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии)	300
<i>ФАЛЬКОВИЧ С.М.</i> О факторах, определявших взаимоотношения поляков и русских в ходе исторического процесса	312
<i>КАЛИГАНОВ И.И.</i> Болгария и болгары глазами участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (художника-баталиста, лейб-медика, казачьего офицера)	317

<i>Колин А.И.</i> Румыния 1905 г. глазами будущего бессарабского митрополита	335
--	-----

VII. ИДЕИ, ЦЕННОСТИ, ИДЕАЛЫ

<i>ЗАПЕКА О.А.</i> Проблема свободы в философии «общего дела» <i>Н.Ф. Фёдорова</i>	345
<i>ЗАДОРОЖНЮК Э.Г.</i> Славянский вопрос в идейном наследии евразийства: историческая реконструкция	353
<i>КОРОВИЦЫНА Н.В.</i> Чешские ценности периода либеральной трансформации	366

VIII. КУЛЬТУРА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

<i>ФРОЛОВА М.М.</i> «Абагар» 1651 г. в библиотеке А.Д. Черткова	376
<i>ЛАБЫНЦЕВ Ю.А., ЩАВИНСКАЯ Л.Л.</i> Гродненские сборники народной паралитургии – религиозные маркеры массовых представлений православного населения в последнее десятилетие Российской империи	393
<i>КОНЁНKOBA A.K.</i> Элементы народной резьбы по дереву в деревянной скульптуре Беларуси и России первой половины XX вв. С.Т. Конёнков, Д.А. Якерсон	403
<i>БЕЛОВ А.В.</i> Зарождение города Севастополя. У истоков главной военно-морской крепости России на Черном море	411
<i>ВОЛОБУЕВ В.В.</i> «Мать Иоанна от ангелов» и казус католической церкви в ПНР	420

IX. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

<i>ВЕНДИНА Т.И.</i> Русские диалекты в современной этноязыковой и этнокультурной ситуации	425
<i>РУДЕНКО Е.Н.</i> (Минск). Свобода в языковой картине мира белорусов	441
<i>ЧИВАРЗИНА А.И.</i> Символика цвета в македонской похоронной обрядности	453
<i>СТАРИКОВА Н.Н.</i> Феномен постмодернизма в словенской литературе: предпосылки и последствия	460
<i>ШИРОКОВА Л.Ф.</i> «Манифесты» и художественная практика «Поколения-56» в словацкой прозе	469

<i>ВАЩЕНКО Д.Ю.</i> Система местных топонимов в серии антологий славянской поэзии «Из века в век» (на словацком и чешском материале)	478
<i>АГАПКИНА Т.А.</i> Символика деревьев в традиционной культуре славян: бузина (род <i>Sambucus L.</i>)	487

Х. РЕЦЕНЗИИ

<i>ШЕВЧЕНКО К.В. Kaleta P.</i> Tajemné etnukum z Krymu. Osudy príslušníku karajimské emigrace do meziválečného Československa. Praříha, 2005.	496
<i>ВАСИЛЬЕВА С.В.</i> Издание историко-культурного энциклопедического справочника «Старообрядцы (семейские) Бурятии». Улан-Удэ, 2015. 264 с.	505
<i>Дронов М.Ю.</i> Цоранич Я. Из истории Греко-католической Церкви в Словакии	510

ХІ. ХРОНИКА КОНФЕРЕНЦИЙ

<i>Дронов М.Ю.</i> Научная конференция «Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе»	513
<i>СТРАШНЮК С.Ю., ЧЕНЧИК Д.В.</i> «VIII Дриновские чтения» в Харькове	516
<i>ШАЛАЕВА Т.В.</i> XXXII Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2016»	520

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Новый выпуск ежегодника «Славянский мир в Третьем тысячелетии» посвящен договорам, соглашениям, поискам согласия и компромиссов в истории и культуре славянских народов, региона Центральной и Юго-Восточной Европы в целом. Выбор темы не связан с какой-либо определенной датой или событием. Конфликтов, требовавших поиска мирного решения, в истории континента было много, и любой год мог бы дать богатый материал для обобщений и параллелей. На мысль о выборе сквозной темы нового тома редколлегию навела российско-венгерская конференция «Мирные договоры и соглашения в истории Центральной и Восточной Европы, XVII–XX вв.», проходившая в Институте славяноведения РАН в сентябре 2015 г. Ее материалы составили один из разделов ежегодника. В то же время, выбор темы представляется общественно и научно значимым, поскольку осмысление негативных последствий конфликтов и положительного опыта их разрешения, акцент на добрую волю и согласие во взаимоотношениях людей, социальных групп, народов и государств должны способствовать преодолению непонимания и избеганию разрушительных столкновений.

Том открывает традиционная рубрика «Из истории славяноведения». Статьи И.В. Чуркиной о словенском корреспонденте П. Турнере и Т.И. Чепелевской, посвященной 140-летию со дня рождения крупнейшего словенского писателя И. Цанкара, дополняют новыми штрихами биографии выдающихся деятелей словенской культуры. Л.П. Лаптева в статье «Русские историки-эмигранты в славянских странах в 20–30-е годы XX в.», вводя в научный оборот новые архивные материалы, открывает неизвестные страницы истории славяноведения. С.И. Данченко в статье, посвященной 100-летию академика Ю.А. Писарева, анализирует вклад выдающегося ученого в отечественные славяноведение и балканистику и вновь привлекает внимание к роли межличностных контактов в академической среде.

Раздел «Мирные договоры и соглашения в истории Центральной и Юго-Восточной Европы» знакомит читателя, как уже говорилось выше, с материалами одноименной конференции. Хронологические рамки статей охватывают период между заключением Венского мира 1606 г. венгерскими условиями и династией Габ-

сбургов (К. Папп) и урегулированием вопроса о государственной принадлежности области Трансильвания после Второй мировой войны (А.С. Стыкалин). XVIII век – период профессионализации дипломатии – представлен в сборнике статьей о заключении первого в истории русско-австрийского альянса в августе 1726 г. (К. Штепан). Так редколлегия отмечает 290 лет этого события. XIX век представлен двумя докладами: о месте Священного союза в венгерской исторической науке (К. Шрек) и о внешнеполитических итогах Берлинского конгресса 1878 г. (П.А. Искендеров). XX век, по мнению многих историков, начался с окончанием Первой мировой войны. В статье Р. Барты анализируются геополитические последствия для Венгрии мирных договоров, подписанных в 1920 г. в Версале. Статья Я. Анги на примере развития города Дебрецен в период между двумя мировыми войнами убедительно доказывает, что даже самые неблагоприятные последствия международных соглашений можно обратить во благо городского и культурно-национального развития.

В особом разделе сборника рассматривается история конфликтов и поиска взаимопонимания в славянском мире. Проблематика исследований охватывает события XIX в.: статья С.И. Данченко посвящена началу Восточного кризиса 1870-х годов и отношению к нему российского общества; П.А. Искендеров рассматривает становление албанской государственности как типологический элемент балканской конфликтологии; Л.А. Кирилина в контексте соглашений, конфликтов и противостояния описывает борьбу за создание в конце XIX – начале XX вв. словенского университета. Международные аспекты польской мирной революции 1989 г. анализируются в статье О.Н. Майоровой.

Ряд работ посвящен изучению истории Югославии и пост-югославского пространства. А.Б. Едемский вводит в научный оборот текст записи беседы лидеров СССР и Югославии, состоявшейся 28 сентября 1960 г. в Нью-Йорке. На основе изучения советских и югославских архивных документов автор рассматривает события осени того года как существенный этап последующего бурного развития отношений Москвы и Белграда первой половины 1960-х годов. Переориентация югославской военной политики стала предметом исследования И. Лаковича (Черногория). И.В. Руднева рассматривает вопрос о разработке в конце 1994-начале 1995 гг. плана «Загреб-4» («Z-4»), направленного на мирное урегулирование отношений между Республикой Хорватией и самопровозглашенной Республикой Сербской Краиной. Завершает этот раздел

статья Е.Ю. Гуськовой «Для бомбежек Югославии в 1999 г. нужен был повод».

Особое внимание в сборнике уделено теме человека в истории. Статьи К.В. Никифорова, И.Г. Страховской и В.С. Путигина посвящены жизни русской эмиграции. Е.Л. Валева освещает вопрос присоединения Болгарии к Тройственному пакту в 1941 г. с точки зрения личного выбора царя Бориса III. В статье Н.М. Куренной рассказывается о белорусском писателе М.И. Горецком – авторе первой «Истории белорусской литературы», основателе художественно-документального направления в белорусской словесности. А.В. Белов анализирует процесс строительства Севастопольской бухты и возникновения здесь военно-морской базы.

Тема взаимных представлений и самоопределения разных народов также нашла свое отражение в данном сборнике. Взаимоотношения и представления друг о друге поляков и русских рассматриваются в статьях Г.В. Макаровой и С.М. Фалькович. И.И. Калиганов подготовил основанную на богатом документальном материале статью о восприятии болгар и Болгарии участниками русско-турецкой войны 1877–1878 гг. А.И. Колин в статье «1905 год глазами будущего бессарабского митрополита» вниманию читателей предлагает документ из богатейшего и пока еще недостаточно востребованного историками личного фонда митрополита Русской православной церкви Арсения, в котором он делится с учителем своими впечатлениями от посещения Румынии в 1904–1905 гг.

Идеям, ценностям и идеалам славянского мира посвящены статьи О.А. Запеки, Э.Г. Задорожнюк и Н.В. Коровицыной – о проблеме философии «общего дела» Н.Ф. Федорова, славянском вопросе в идейном наследии евразийства и чешских ценностях периода либеральной трансформации соответственно.

В сборник вошли также содержательные статьи по проблемам культуры и повседневности славян. М.М. Фролова освещает историю появления «Абагара» 1651 г. в библиотеке известного русского историка, нумизмата, библиографа, слависта, мецената А.Д. Черткова. История публикации паралитургических сборников – гродненских «Молитвословов» 1906 и 1907 гг. и «Гродненского сборника набожных песнопений» 1910–1911 гг. – рассматривается в статье Ю.А. Лабынцева и Л.Л. Щавинской. Элементам народной резьбы по дереву в деревянной скульптуре первой половины XX в. посвящена статья А.К. Коненковой. В.В. Волобуев через призму взаимоотношений власти и католической церкви представляет историческую обстановку, сложившуюся в СССР и Польской Народной Республике в начале 1960-х годов.

В сборнике представлен широкий спектр актуальных проблем славянского языкознания, литературоведения и фольклористики. Статья Т.И. Вендиной посвящена вопросу устойчивости русских диалектов в условиях процесса социальной интеграции. Свобода в языковой картине мира стала темой статьи Е.Н. Руденко. Специфика македонской похоронной обрядности рассматривается через преломление цвета в статье А.И. Чиварзиной. В литературоведческих исследованиях сборника освещаются отдельные художественные направления, такие как феномен постмодернизма в словенской литературе (Н.Н. Старикова), изменения вектора развития словацкой культуры во второй половине 1950-х годов и предпосылки этих изменений (Л.Ф. Широкова). В статье Д.Ю. Ващенко на словацком и чешском материале исследуется система местных топосов в серии антологий славянской поэзии «Из века в век». Символику деревьев в традиционной культуре славян на примере бузины изучает Т.А. Агапкина.

Завершают сборник ряд рецензий и хроника конференций, проходивших в России и Украине в 2015–2016 гг.

В заключение редколлегия с удовлетворением отмечает, что на протяжении многих лет удается поддерживать баланс между авторами, которые традиционно публикуют у нас свои новые статьи, и авторами, обратившими внимание на наш ежегодник впервые. Радует и география тома: от Нижнего Новгорода до Улан-Удэ в России и целый ряд зарубежных стран – Австрия, Белоруссия, Венгрия, Молдова, Черногория.

Редколлегия надеется, что материалы этого издания вызовут интерес научной общественности в нашей стране и за рубежом и будут полезны для специалистов – славистов и балканистов, а также для студентов и аспирантов.

І. ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

И.В. ЧУРКИНА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

СЛОВЕНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «СОВРЕМЕННЫХ ИЗВЕСТИЙ»

Abstract:

Churkina I.V. *A Slovenian correspondent of "Sovremennyeizvestiya" ("Contemporary news")*

The article deals with the cooperation between Russian publicist O.A. Novikova and Slovenian journalist P. Turner trying to attract attention of the European community to the fight of the Balkan Slavs against the Ottoman rule. With the support from Novikova Turner was a secret correspondent of the newspaper "Sovremennyeizvestiya" ("Contemporary news") which was close to the Slavophiles and where he criticized Austro-Hungarian policy towards Russia.

Ключевые слова: Восточный кризис 1875–1878 гг., О.А. Новикова, П. Турнер, газета «Современные известия», славянский вопрос.

Ко времени Великого Восточного кризиса и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. относится эпизод сотрудничества русского и словенского общественных деятелей в деле пробуждения сочувствия европейского общественного мнения к балканским славянам. Речь идет об Ольге Алексеевне Новиковой, урожденной Киреевой, и словенце Павле Турнере. Оба они являлись высокообразованными людьми, оба были преданы славянской идее, оба большую часть времени жили за пределами своей родины. Вместе с тем они принадлежали к разным кругам общества.

Ольга Киреева родилась в 1840 г. (ум. в 1925 г.) в семье генерала А.Н. Киреева, личного друга императора Николая I, который был крестным отцом всех его детей: Александра, Ольги и Николая. В доме Киреева нередко собирались прогрессивные деятели, являвшиеся сторонниками отмены крепостного права в России, многие из них были близки по своим взглядам к славянофилам. К Киреевым нередко заходили такие видные их деятели как А.С. Хомяков, И.С. Аксаков и др. В 1860 г. Ольга вышла замуж за полковника Ивана Петровича Новикова (впоследствии – генерала

Генерального штаба), старшего брата долговременного русского посла в Вене Евгения Петровича Новикова. В 1860-е годы Ольга Новикова жила в Петербурге, где часто бывала в салоне великой княгини Елены Павловны, жены младшего брата Николая I Михаила. Там она встречалась со многими выдающимися людьми России: министром иностранных дел А.М. Горчаковым, наставником наследника престола К.П. Победоносцевым, со славянофилами, знакомыми ей еще с детства. В 1868 г. Ольга Новикова переехала в Англию и с тех пор большую часть времени проводила там. В Англии она подружилась с представителями русской эмиграции, с местными либералами. С лидером английских либералов У. Гладстоном она познакомилась в январе 1873 г. и переписывалась с ним вплоть до его смерти в 1896 г. Сохранилось 150 писем, написанных ею Гладстону. Близким другом и восторженным поклонником Ольги стал издатель английской либеральной газеты «The Northern Echo» («Северное эхо») В.Т. Сид, написавший о ней впоследствии книгу «Депутат от России»¹.

Начало публицистической и политической деятельности Ольги Алексеевны относится ко времени восстаний в Герцеговине и Боснии, а также в Болгарии, в 1875–1876 гг., с которых начался Великий Восточный кризис. Апрельское восстание болгар в 1876 г. окончилось поражением, за которым последовала жестокая резня турками болгарского мирного населения. Близки к поражению были и повстанцы Герцеговины и Боснии. Все это обусловило вступление в войну с Османской империей Сербии и Черногории. Тысячи русских добровольцев отправились на помощь сербам, среди них был младший брат Ольги Новиковой Николай Киреев. Он возглавил сербский отряд и 18 июля 1876 г. погиб в бою с турками под Заечаром. Его труп турки выставили на обозрение в Видине. Гибель Николая Киреева была с горячим сочувствием воспринята передовыми кругами Европы. Ольга Новикова в письме от 22(10) августа 1876 г. из Милана М.Ф. Раевскому, настоятелю русской посольской церкви в Вене, сообщала, что к ней приходила делегация гарибальдийцев с венком из иммортелей с вензелем Николая и письмом, в котором выражалось соболезнование².

Смерть горячо любимого брата потрясла Ольгу Новикову. Она стала энергичным поборником привлечения общественного мнения Англии и других европейских государств к судьбе сражавшихся против турецкого гнета славянских народов. В этом она нашла поддержку у У. Гладстона, который выступал против протурецкой политики своего соперника, главы консерваторов Б. Дизраэли. Гладстон написал статью о «болгарских ужасах», Новикова

перевела ее на русский язык, а также издала в Англии обращение И.С. Аксакова по поводу событий на Балканах. Вместе с Гладстоном Ольга Новикова создала в Лондоне кружок лиц, сочувствующих славянам, выступала на митингах, писала статьи. По словам В.Т. Стида, Ольга Новикова и Гладстон сотрудничали, чтобы «влиять на общественное мнение Англии в пользу России».³

Судьба Павла Турнера была совершенно иной. Он родился в 1842 г. в словенском Похорье, был внебрачным сыном крестьянки. После окончания начальной школы его отправили продолжать учебу в гимназию Марибора. В гимназические годы на Турнера оказали большое влияние видные деятели словенских либералов Я. Майцигер и Д. Трстеняк. После окончания гимназии юноша попытался поступить на философский факультет Венского университета, однако недостаток средств вынудил его изменить планы. Он отправился в Англию, где работал сначала торговым агентом, а затем воспитателем в семье богатого лондонского биржевика. В конце концов, Турнеру удалось окончить университет в Страсбурге и защитить там в 1874 г. диссертацию о германском и славянском семейном праве. Попытка Турнера получить место доцента права окончилась неудачей, и он снова поступил на службу воспитателем в богатые и знатные австрийские семьи. Сначала Турнер работал в семействе Эдельсхаймов, затем Палавичини – в общей сложности 27 лет.

Все это время Турнер активно сотрудничал в югославянской прессе, посылая корреспонденции в издания: словенские «Словенски народ», «Кметийске ин рокоделскеновице» («Крестьянские и ремесленные новости»), «Словенец», «Словенски господар» («Словенский хозяин»); в хорватские – «Обзор», «Народни лист»; в сербский «Видовдан». В статьях он выступал с либеральных позиций. Из словенских национальных деятелей наиболее доверительные отношения у него сложились с младословенцами – Йосипом Стритаром, Йосипом Юрчичем, Франом Левстиком, Йосипом Вошняком и др.⁴

В 1876–1880 гг. Турнер вместе с семейством Эдельсхаймов не раз бывал на известном курорте Мариенбад. Там он и познакомился с Ольгой Новиковой, которую считал самой замечательной из всех встречавшихся ему женщин. Согласно воспоминаниям Турнера, она была всесторонне образованна, остроумна, свободно говорила на русском, английском, французском и немецком языках. Однажды при встрече с Новиковой на прогулке хозяин Турнера Эдельсхайм заметил, что «это – госпожа Новикова, очень опасная русская политическая агентка и панславистка». Такая аттестация

только возбудила у Турнера желание познакомиться с нею. Вскоре представился случай для этого. Ольга Новикова имела прекрасный голос и нередко давала концерты в мариенбадском курсалоне. Она пела английские, французские, итальянские, немецкие, венгерские, русские песни на языке оригинала. После одного из концертов Турнер подошел к ней и спросил ее о содержании некоторых русских песен. «“Вы понимаете русский?” – удивлённо спросила она меня, – вспоминал впоследствии Турнер. – После краткого разговора она меня пригласила посетить её. Это приглашение для меня было очень приятно. Она приняла меня в тот же день самым любезным образом. Когда я ей рассказал, что меня в Париже профессор Кирпичников немного учил русскому языку, она сказала: “Я знаю этого учёного, он известный человек. Теперь я хочу продолжить это обучение, а вы должны регулярно меня посещать.” И потом всегда я посещал её прилежно и с радостью и разговаривал с ней обо всём на свете»⁵.

Ольга Новикова нашла в Павле Турнере близкого ей по взглядам человека. Она видела в нем то же сочувствие к славянам и всеславянским идеалам, которые имела сама. А Турнеру особенно глубоко запали в душу ее рассказы о любимом брате Николае, отправившемся добровольцем в Сербию и погибшем в 1876 г. «В горячем воодушевлении к славянству Ольга говорила мне много раз: “Мой брат, мой любимый брат Николай сражался на поле боя и погиб за славянскую идею. Я хочу продолжить его дело и отомстить за него, но я не могу сделать этого с помощью оружия, поэтому сделаю как могу, словом и пером”». И о том, что она эту борьбу блестяще продолжала, свидетельствуют ее статьи и корреспонденции в самых известных английских, французских и русских газетах и журналах, а также ее знаменитая книга «Russia and England from 1876 to 1880» («Россия и Англия с 1876 по 1880 гг.»)⁶.

Позднее рассказы Ольги Новиковой о её брате Турнере перешел своему другу, известному словенскому писателю Йосипу Юрчичу. «Последний раз мы были вместе в августе 1880 г. на Блде, где я пытался поправить своё здоровье, – вспоминал Турнер. – Пока я там жил, мы каждый день обходили один раз вокруг озера, разговаривая о многом. Также мы строили планы большого романа, который Юрчич намеревался написать. За основу мы взяли события сербско-турецкой войны, а главными героями романа должны были стать Николай Киреев, который вёл сербских добровольцев против Осман-паши, находившегося в сильно укрепленном Видине и прославившегося позднее в Пловдиве; жена Николая Киреева, урождённая княгиня, одна из первых русских кра-

савиц, которая оставила роскошную жизнь дома и ушла в армию в качестве сестры милосердия служить раненым; и Ольга Новикова, сестра героя Киреева. Данные об этом предоставил Юрчичу я и в том числе и статью, опубликованную мною в марте 1880 г. в пражской «Политике», а также некоторые фотографии указанных лиц, обо всём остальном я рассказал устно. Жаль, что неумолимая Парка слишком рано прервала нить жизни Юрчича*, а вместе с тем и его прекрасного романа»⁷.

Именно Ольга Новикова привлекла Турнера к сотрудничеству в русской газете «Современные известия» (1867–1887). Это была первая в России ежедневная газета, пользовавшаяся большим успехом в широких кругах городского населения. Ее издатель-редактор Никита Петрович Гиляров-Платонов долгое время являлся цензором. Славянофил по убеждениям, он сотрудничал в изданиях И.С. Аксакова. В «Современных известиях» публиковались статьи, которые не могли бы появиться в других газетах. Так, второй редактор Ф.А. Гиляров, племянник Н.П. Гилярова-Платонова, поместил в «Современных известиях» цикл статей о русских революционерах в Швейцарии. «Надо ещё заметить, – писал корреспондент этого издания В.А. Гиляровский, – что «Современные известия» были единственной газетой, не стеснявшейся пробираться во всю духовенство и даже полицию». Большим успехом пользовались заметки Н. Седелникова. Его фельетон в стихах «Кому на Руси жить хорошо» (подражание знаменитой поэме Н.А. Некрасова) наделал много шума. По словам Гиляровского, здесь «досталось буквально всем москвичам от самых низших до самых высших... Особенно досталось крупным московским капиталистам, которых он смешал с грязью»⁸.

Близкая к славянофилам, эта газета печатала статьи, полные сочувствия борьбе южных славян за свои права. В 1878 г. в ней была опубликована серия корреспонденций самой Новиковой, подписанная инициалами «О.К.» (Ольга Киреева), под заголовком «Права ли Россия?». Эта серия представляла собою перевод ее брошюры, изданной в Англии под тем же названием.

Вопрос о сотрудничестве П. Турнера встал в начале 1878 г. 14 апреля Ольга Новикова сообщала ему: «Редактор “Современных известий” нашёл Ваше письмо столь интересным, что поручает мне просить Вас посылать ему корреспонденции для его газеты»⁹.

* Йосип Юрчич (1844–1881), словенский писатель и политический деятель, был болен туберкулезом и умер от воспаления легких в возрасте 37 лет.

Турнер принял приглашение. Первая из его статей была напечатана 26 мая 1878 г., последняя – 15 сентября 1879 г. Они появлялись в разделе «Иностранные известия» под названием «Из Пешта». И хотя корреспонденции Турнера публиковались без подписи, его авторство не вызывает сомнения. Во-первых, они были написаны несомненно горячим сторонником всеславянских идей, скорее всего словенцем, поскольку их автор из всех славянских народов Австро-Венгрии наиболее подробно и квалифицированно останавливался именно на положении словенцев. Во-вторых, хотя автор резко отзывался о различных австрийских и венгерских чиновниках, в отношении одного из них он всё же сделал исключение, а именно генерала Эдельгайма, которого назвал одним из лучших генералов австрийской армии. Если принять во внимание, что в это время Турнер был воспитателем детей именно Эдельгайма (Эдельсхайма), то такое исключение станет понятным. Таким образом, все особенности автора корреспонденций из Пешта – словенец, сторонник всеславянских идей, человек, близкий к генералу Эдельсхайму – как нельзя лучше соответствуют именно Турнеру.

Статьи Турнера в «Современных известиях» представляют значительный интерес для исследователя словенской общественной мысли конца 70-х годов XIX в. Ибо, хотя словенские национальные деятели в это время высказывались достаточно прозрачно на страницах словенской прессы, всё же они должны были остерегаться австрийской цензуры. Турнер же мог писать в русскую газету совершенно откровенно. Принимая во внимание, что он по своим взглядам примыкал к словенским либералам, на основании его статей вполне можно чётко уяснить их позицию, их надежды в сложный период международных отношений после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Для Турнера было характерно резкое неприятие австро-венгерских порядков. Уже в первой статье он подчеркивал лживость тех свобод, которые были дарованы конституцией Габсбургской монархии. «Настоящая конституция, – писал он, – построена, как известно, на единственной основной идее и с единственной целью упрочить господство в Австрии за немцами, в Венгрии – за мадьярами. Оттеснение, унижение и угнетение славян считается спасением для монархии и даже для всей Европы». И далее Турнер добавлял, что несправедливость является основой конституции, так как она дает все права немцам и венграм, отнимая их у других народов. Да и сами немцы и венгры враждуют друг с другом. Вследствие этого удел Австро-Венгерской империи – постоянная

междоусобная война между народами-угнетателями и народами угнетенными. «От недостатка единства воли Австрийская империя перестала быть великой державой, – заключал Турнер, – распалась на два второстепенных государства». Турнер несколько раз указывал в своих статьях, что Австро-Венгрия сможет обеспечить свое существование, только предоставив полное равноправие славянским народам, в противном случае «эта старая монархия погибнет за свои грехи подобно турецкой империи»¹⁰.

Особую неприязнь Турнера вызывали порядки, сложившиеся в венгерской части монархии (Транслейтании). Самих венгров он считал «бездарным, политически ничтожным народом», который добился преобладания над другими народами не своей больше развитостью и просвещенностью, а только своею воинственностью. Турнер был убежден, что венгров постигнет судьба народов-завоевателей, когда-то захватывавших огромные территории, а затем исчезнувших с арены истории, таких как татары, гунны, турки и т.д.¹¹. После того, как венгры получили некоторую самостоятельность и изгнали немецких чиновников, вносивших в её администрацию относительный порядок, в Венгрии было уничтожено само понятие справедливости. В качестве примера Турнер приводил случай с руководителем прогрессивной организации воеводинских сербов Омладины Светозаром Милетичем. После его поездки в Сербию он был обвинен в государственной измене и лишен депутатской неприкосновенности. Милетича отдали под суд и на основании лжесвидетельства осудили на тюремное заключение. «Со времени уничтожения австрийского законодательства, – подчеркивал Турнер, – здесь царствует полнейший произвол». Это, по его мнению, растлевающе действует на весь народ¹².

Положение славян в Австро-Венгрии чрезвычайно тяжелое. «Всякое публичное славянское выступление, – отмечал Турнер, – считается преступлением». Немцы же и венгры оскорбляют славян, издеваются над ними, и это считается признаком австрийского и венгерского патриотизма. Самые заклятые враги славян получают самые высокие посты и награды. «При таких условиях, – делал вывод Турнер, – австро-венгерские славяне естественно должны стремиться к панславизму и безгранично любить всё русское». И этого боятся все немцы и венгры, панславизм является для них настоящим пугалом. Для них «быть славянином значит быть русским, а быть русским значит быть изменником своему отечеству». «Но сами австро-венгерские славяне, – добавлял Турнер, – теперь гордятся, когда их называют русскими». Они настолько близко принимают русские успехи, что «каждая победа русских над

турками была вместе с тем и победою австро-венгерских славян». Осенью 1879 г. Турнер выражался ещё более откровенно. «Балканские славяне, – писал он, – очень хорошо знают и чувствуют, что всем, что они есть и чем могут сделаться, они обязаны одной России. Австрийские славяне также хорошо понимают и чувствуют, что их национальное существование и дальнейшее освобождение обуславливаются сохранением могущества России»¹³.

Какой же выход для славян из существующего положения видел Турнер? Славяне всегда были верны Габсбургской монархии, но этим они ничего не добились. «Презрение, отчуждение, попрание их национальных и политических прав – вот награда за их безграничную верность». Венгры же получили свои права путём вероломства и неоднократных революций. Славяне должны усвоить себе, что «противника, действующего насилеием, можно одолеть только насилеием». Усиление угнетения славян со стороны немцев и венгров только лучше для первых, ибо «чем безумнее, чем бессовестнее с ними поступают, тем скорее дело дойдёт до открытого разрыва и до окончательного решения. Равномерное угнетение славян в Австро-Венгрии соединит их всех, как братьев, для общей борьбы против врагов»¹⁴. Но, призывая славян к борьбе, Турнер все же не считал, что они достигнут своих целей только собственными усилиями.

В одной из корреспонденций он приводил высказывания из письма «опытного, знающего, высоконравственного южнославянского деятеля с замечательно прямым умом» о том, что под протекторатом русской нации должна быть основана большая южнославянская империя. Основанием к таким надеждам были не только победа России над Турцией, но и тот факт, что Австрия якобы близится к распаду: с одной стороны Бисмарк ее теснит, с другой – венгры стремятся к полной независимости. «Россия должна вести дело к тому, – продолжал цитировать анонима Турнер, – чтобы все южные славяне собирались на имперский сейм в Константинополе и, в крайнем случае, в Белграде». Далее Турнер выражал пожелание, чтобы Россия попыталась достичь какого-нибудь соглашения с Ватиканом и усилить воспитание своего народа в истинно христианском духе. «Мы, славяне, – писал словенский публицист, – должны сохранить и оживить христианские принципы, потому что они дают нам нравственную силу, без которой невозможна материальная»¹⁵.

Кто же был тот выдающийся «южнославянский деятель», взгляды которого приводил в своей статье Турнер? Нам кажется, что им мог быть скорее всего хорватский политический деятель,

дьяковский епископ Йосип Юрай Штросмайер (1815–1905). Письма О. Новиковой указывают на добрые отношения, существовавшие между Турнером и Штросмайером. В частности, Турнер способствовал заочному знакомству Новиковой со Штросмайером, началу их переписки. Й.Ю. Штросмайер являлся одним из идеологов борьбы за создание национальной славянской церкви. Эта идея возникла еще до революции 1848 г. и широко распространилась среди славянского духовенства во время революционных событий. Штросмайер мечтал о славянской церкви, которая могла бы объединить всех славян. Он полагал, что славянская церковь должна проводить богослужение на славянском языке, но вместе с тем находиться в безусловном подчинении Римскому Папе. Штросмайер был убежден, что политического освобождения славяне могут добиться только с помощью России. Он имел сторонников среди славянских национальных деятелей. К ним, очевидно, относился и Турнер, который высказывал в статье надежду о достижении договоренности между Россией и Ватиканом, ибо славяне «должны сохранить и оживить христианские принципы». Эта мысль принадлежала, несомненно, Штросмайеру.

Из остальных югославянских народов словенский публицист уделял наибольшее внимание народам Боснии и Герцеговины. И это понятно – ведь именно восстанием в этих провинциях начался Восточный кризис, приведший к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. После ее окончания Босния и Герцеговина находились в наиболее сложном положении. После освобождения от турецкого ига эти провинции сразу же были оккупированы Австро-Венгрией. Не удивительно, что судьба их народов вызвала горячее сочувствие у славянской общественности. В корреспонденции от 1(13) июля 1878 г. Турнер писал о взглядах различных представителей славянских народов на самый лучший выход Боснии и Герцеговины из данного положения. Одни считали, что провинции должны быть присоединены к Сербии и Черногории, другие – к хорватским землям Австро-Венгрии. Сам Турнер придерживался точки зрения последних, полагая, что присоединение Боснии и Герцеговины к габсбургским владениям будет для них выгоднее, чем вхождение в состав балканских княжеств, так как Австро-Венгрия «имеет такие культурные средства, которых Сербия и Черногория не смогут предложить этим провинциям». Однако спустя несколько месяцев Турнер изменил данное мнение. В своей сентябрьской корреспонденции он с возмущением отмечал жестокость австрийских оккупантов по отношению к восставшим герцеговинцам и боснийцам. «Такой варварской войны, какая в настоящее время свирепствует

в Боснии и Герцеговине, ещё никогда не было, и никакая борьба не была менее популярна, как настоящая австро-венгерская «культурная миссия»). Если бы австро-венгерские войска вступили в Боснию и Герцеговину три года назад, добавлял Турнер, их встретили бы как освободителей, теперь же они вошли как завоеватели.

В декабре 1878 г. Турнер уже приводил мнение одного южнославянского деятеля (по-видимому, Штросмайера) о том, что Босния и Герцеговина должны принадлежать Сербии и Черногории, в январе же 1879 г. в корреспонденции из Пешта говорилось о взглядах на боснийско-герцеговинские дела другой части славянских деятелей, которые считали присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии благом для их населения. Во-первых, таким образом увеличивалось славянское население в государстве Габсбургов. Во-вторых, правительство должно будет затратить большие средства для введения в оккупированных провинциях европейских порядков. После «цивилизации» этих областей и внедрения в сознание южных славян общеславянской идеи можно будет основать «самостоятельное югославянское государство». Колебания Турнера между признанием относительного блага для славян присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии и осуждением этого факта, закончились весной 1879 г. Как трезво мыслящий человек, он в конце концов увидел, что управление в оккупированных провинциях не улучшилось, а «раи остались раями, какими и были».¹⁶

В своих корреспонденциях Турнер касался и положения других южнославянских народов Австро-Венгрии. С особой теплотой он писал о словенцах, подчеркивая, что они пользуются таким же уважением у южных славян, как у северных – чехи¹⁷. Турнер подчеркивал заботу словенцев о своем просвещении, отмечая их религиозную терпимость. Из словенских национальных деятелей он особо выделял Янеза Блейвейса, издателя и редактора одной из первых словенских газет «Кметийске ин рокоделске новице», и епископа Антона Сломшека, одного из основателей словенского издательского Общества св. Мохора¹⁸. С симпатией Турнер описывал борьбу воеводинских сербов за свои национальные права. К хорватам же его отношение было двойственным. С одной стороны, он глубоко уважал Й.Ю. Штросмайера и Ф. Рачкого, которые, по его мнению, «держат высоко знамя славянства, истинной братской любви и единства между православными и католиками», а с другой, Турнер решительно осуждал великохорватские идеи А. Старчевича и его сторонников¹⁹.

Сотрудничество Турнера в «Современных известиях» было недолгим. С начала 1879 г. его корреспонденции появляются в газете очень редко. Уже 23 марта 1879 г. (ст.ст.) Новикова пишет ему, что редакция «Современных известий» «с большим удовольствием печатает Ваши корреспонденции и ожидает от Вас новых статей». Спустя три дня она снова напоминает, что издатель газеты Гиляров очень высокого мнения о нем, и любая его корреспонденция будет переведена и напечатана²⁰. После этого в «Современных известиях» было напечатано всего две корреспонденции «Из Пешта». В своих воспоминаниях Турнер объясняет причины, заставившие его прекратить сношения с русской газетой. «Воодушевлённый славянским делом, – пишет он, – я не требовал за это (т.е. свои корреспонденции – *И. Ч.*) никакого гонорара. Несмотря на это, очень неожиданно мне прислали 62 рубля. Я никогда не посылал свои корреспонденции прямо по адресу «Современных известий», но верным людям в Москву. Но моя осторожность не помогла». Турнера обвинили в панславизме, а «панславист, по мнению мадьяр и пангерманистов, является государственным изменником»²¹. Он был вынужден оставить свое место у Эдельсхайма и уехать из Будапешта в Триест.

Переписка Турнера с Новиковой продолжалась до 1885 г. Она посылала ему свои статьи о славянских делах, просила доставать для нее интересующие ее материалы²². Однако корреспонденций в русские газеты Турнер больше не писал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Stead W.T.* Депутат от России. СПб, 1912.

² Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 347. Д. 53. Л. 11.

³ *Stead W.T.* Депутат от России. С. 1–179.

⁴ *Baš F. Pavel Turner // Časopis za zgodovino in narodopisje.* Maribor, 1935. Sn. 1–2. S. 45–50.

⁵ *Rokopisna zbirka Nacionalne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani* (далее – RZ NUK). Št. 2. S. 125.

⁶ *Russia and England from 1876 to 1880: a protest and an appeal / by O. K., author of 'Is Russia wrong?'; with a preface by James Anthony Froude.* London, 1880.

⁷ RZ NUK. Ms. 639. Št. 2. S. 125–127, 87.

⁸ *Гиляровский В.А.* Москва газетная // Сочинения. Т. 3. М., 1989. С. 63–65.

⁹ Pokrajinski arhiv Maribora. Privata. Olga Novikova – Pavlu Turneru.

¹⁰ *Современные известия.* 1878. № 141 (25.05.), № 305 (5.11.), № 323 (23.11.).

¹¹ Это мнение Турнера. Татары и турки существуют и сейчас.

¹² *Современные известия.* 1878. № 169 (22.06.), № 152 (5.06.).

¹³ Современные известия. 1878. № 177 (30.06.), № 340 (10.12.); 1879. № 254 (15.09.).

¹⁴ Современные известия. 1878. № 291 (22.10.).

¹⁵ Современные известия. 1878. № 340 (10.12.)

¹⁶ Современные известия. 1878. № 177 (30.06), № 259 (20.09), № 340 (10.12); 1879. № 29 (30.01), № 105 (18.04) .

¹⁷ Турнер считал северными славянами чехов, поляков, словаков.

¹⁸ Славянские известия. 1878. № 117 (30.06.), № 313 (13.11).

¹⁹ Современные известия. 1878. № 152 (5.06), № 291 (22.10.); 1879 № 254 (15.09).

²⁰ Pokrajinski arhiv Maribora. Privata. O. Novikova – P. Turneru.

²¹ RZ NUK. Ms. 639. Št. 2. S. 128.

²² Pokrajinski arhiv Maribora. Privata. O. Novikova – P. Turneru.

Т.И. ЧЕПЕЛЕВСКАЯ
(Институт славяноведения РАН, Москва)

ИВАН ЦАНКАР (1876–1918). К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Abstract:

Chepelevskaya T.I. *Ivan Cankar (1876–1918). To the 140th anniversary of birth*

The article is devoted to the 140th anniversary of birth of the Slovenian literature classic Ivan Cankar (1876-1918); the article covers the main highlights of his life and work, his contribution to the development of national literature and culture. The author also points out the most remarkable works on Cankar as well as Russian translations of his writings.

Ключевые слова: Иван Цанкар, Словения, словенская литература, переводы на русский язык, модернизм, символизм, натурализм, декаданс.

140-летие со дня рождения дает прекрасную возможность вновь обратиться к жизни и творчеству крупнейшего писателя Словении Ивана Цанкара (Ivan Cankar, 10.05.1876, Врхника – 11.12.1918, Любляна), прозаика, драматурга, поэта и эссеиста. Он родился в бедной многодетной семье мелкого ремесленника, портного, который, разорившись, вынужден был уехать на заработки в Боснию, и все материальные заботы легли на плечи матери. Начальную школу Цанкар окончил в городке Врхнике близ Любляны и благодаря проявленным способностям во многих областях знаний получил возможность продолжить обучение в реальном училище в Любляне. После его окончания в 1896 г. он уезжает в Вену для продолжения образования на техническом факультете университета, но вскоре оставляет его и решает продолжить учебу на отделении романской и славянской филологии. Однако обучения он так и не закончил, поскольку начал активно заниматься самообразованием, изучать современную европейскую литературу и философию.

Весной 1897 г. Цанкар возвращается в Любляну, осенью переживает тяжелый кризис в связи со смертью матери; затем некоторое время живет у родственников в Пуле. В конце 1898 г. он вновь уезжает в Вену, где поселяется в рабочем предместье Оттакринг в доме венской швеи Альбины Лёффлер, который стал его вторым домом вплоть до 1909 г., а дочь его хозяйки Штефка – его невестой. В Вене были написаны многие его произведения, которые печатались на родине в ведущих журналах и газетах, в издательстве Матицы Словенской¹. На родину Цанкар выезжал на короткое время: помимо улаживания своих издательских дел он

активно участвовал в общественной жизни того периода, выступал с лекциями по всей Словении, писал многочисленные полемические статьи, посвященные культурным, национальным и политическим проблемам. Весной 1907 г. Цанкар, поддерживаемый шахтерами Загорья, баллотировался в рейхсрат (парламент) как кандидат от социал-демократической партии; во время предвыборной кампании он писал политические статьи в газету «Рдечи прапор» («Красное знамя») и выступал на митингах. Так, перед рабочими г. Триеста он прочитал лекцию, в которой ратовал за культуру, доступную всему народу, подчеркивал значимость писательского труда. Свои общественно-политические и эстетические взгляды, которые Цанкару приходилось отстаивать в постоянной полемике, он часто высказывал также в статьях, эссе, письмах, иногда вводил их в текст своих произведений.

Весной 1910 г., после окончательного разрыва с Ш. Лёффлер, Цанкар возвращается на родину и до весны 1917 г. живет на Рожнике в предместье Любляны, где продолжает работать. Подъем национально-освободительного движения югославянских народов Австро-Венгрии в период Первой Балканской войны² вновь пробудил интерес писателя к политическим и национальным проблемам. Прочитанная им в Любляне лекция «Словенцы и югославы» (12 апреля 1913 г.), в которой Цанкар сформулировал программу объединения югославянских народов на принципах федерализма, одновременно отстаивая право на культурную и языковую самостоятельность каждого народа, вызвала протест у руководства и членов словенской фракции австрийской социал-демократической партии, защищавших идеи новоиллиризма. К этому добавилось также обвинение властей в антиавстрийской пропаганде, и писатель был осужден на неделю тюремного заключения.

После начала Первой мировой войны Цанкар за свои выступления был обвинен в сербофильстве и заключен в Люблянскую крепость; в конце 1915 г. он был призван в армию и провел около полутора месяцев в учебных лагерях в Юденбурге, но из-за болезни был вскоре освобожден от службы. Умер он в Любляне, куда переселился за несколько месяцев до этого.

Ранний период творчества Цанкара, когда в начале 1890-х годов в словенской печати появляются его первые поэтические и прозаические произведения, связан с участием в литературном ученическом обществе «Задруга» («Объединение»), где он знакомится с Драгоотином Кетте, Йосипом Мурном и Отоном Жупанчицем, молодыми талантливыми поэтами, будущими ведущими представителями литературного направления «Словенская модерна».

Для их эстетических взглядов в тот период характерны резкая критическая направленность против формализма эпигонов романтизма, приверженность традициям словенской реалистической прозы (творчеству Я. Керника, И. Тавчара, Я. Трдины) и увлеченность русской литературой. Их объединял поиск новых путей и возможностей для художественного воплощения своих творческих идей.

Если ранняя (до 1899 г.) поэзия Цанкара развивалась под влиянием творчества крупнейшего словенского поэта-романтика Ф. Прешерна, патриотических стихов С. Грегорича, эпических баллад А. Ашкерца и любовной лирики Г. Гейне, то в первых рассказах и повестях, некоторые из которых имели автобиографический характер, отчетливо видны следы подражания поэтическому реализму, которое сменилось увлечением реализмом (творчество Н.В. Гоголя) и натурализмом, что в 1896 г. молодой писатель определил в качестве своей литературной программы (эссе «Антон Ашкерц»).

Переезд в Вену в конце 1896 г. стал переломным этапом в его жизни. Эстетические взгляды И. Цанкара в это время формируются под влиянием новых тенденций в австрийской и европейской литературе и культуре. Знакомство с творчеством представителей австрийского и немецкого модернизма и символизма, погружение, благодаря немецким переводам, в творчество ведущих европейских писателей (Ш. Бодлер, Э. Золя, П. Верлен, Г. де Мопассан и М. Метерлинк, Г. Ибсен и Й.П. Якобсен, из русских авторов – Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой) способствовали укреплению бунтарского устремления к ниспровержению литературных авторитетов, более смелому выдвижению новых задач для отечественной литературы, складыванию собственной художественной системы. «Я позволил себе роскошь быть самим собой. К черту все теории. Мои глаза – не мертвый аппарат. Мои глаза – послушный орган моей души – моей души и ее красоты, ее сопереживания, ее любви и ненависти...», – писал он в «Эпилоге» к своему первому прозаическому сборнику «Виньетки»³.

Философские взгляды Цанкара в этот период формируются под влиянием идей Ф. Ницше и Р.У. Эмерсона, а также произведений европейских символистов (Ш. Бодлер, М. Метерлинк). В его краткой прозе этих лет доминируют психологические и общественно-критические темы и мотивы, характерные для писателей-натуралистов. Одновременно Цанкар демонстрирует свою приверженность новоромантическому направлению, декадансу и симво-

лизму, а в его складывающемся художественном стиле ощутимо переплетение черт реализма, импрессионизма и символизма.

Начало самого плодотворного, венского, периода творчества Цанкара ознаменовалось выходом в 1899 г. двух книг. Поэтический сборник с эпатажным названием «Эротика», составленный из стихов, написанных до 1897 г., и цикла «Дунайские вечера», отразил его увлечение декадансом и натурализмом. Эта небольшая по формату тоненькая книжечка вызвала резко негативную реакцию консервативных кругов: по приказу люблянского епископа А.Б. Еглича нераспроданный тираж «Эротики» был сожжен⁴. Второй сборник молодого автора «Виньетки», куда вошли рассказы и новеллы 1896–1899 гг., отразил поиски новых художественно-выразительных средств: Цанкар использует возможности импрессионистического стиля для описания глубоких переживаний своих героев. Он разрушает традиционную структуру повествования, вводит символические образы для выделения идеи произведения.

Постепенно у молодого писателя созревает и критическое отношение к декадансу, разрыв с которым Цанкар объясняет отверженностью литературе, насыщенной социально-критической проблематикой и психологическим анализом, оказывающей влияние на духовное и нравственное обновление общества. Примером ему служит искусство древних греков, Шекспира, Гете и др., которое «ставит перед собой лишь эстетические или этические цели...», европейская, а также русская классическая литература, влияние которой на Цанкара было достаточно глубоким: от Гоголя им были восприняты безграничные возможности использования сатиры и гротеска при создании художественных образов филистеров всех мастей; у Толстого и Достоевского, которых он называл «пророками», «евангелистами», Цанкар учился вниманию к философским проблемам бытия, использованию принципа постижения характера через пристальное наблюдение человеческого сознания; акцентирование внимания к маленьким героям – людям «горького духа и горячего сердца».

Итак, уже первые книги Цанкара свидетельствуют о постепенном формировании глубоко индивидуального стиля, соединяющего в себе субъективное, лирически-исповедальное и общественно-критическое, сатирическое начала. Обе эти тенденции в дальнейшем определяли и направляли его творческое развитие, отражаясь во многих произведениях венского периода. Наряду с этим в мотивах и сюжетах произведений Цанкара после 1900 г. нашли отзвуки также идеи социалистического движения, чему

способствовал его собственный жизненный опыт (статья «Как я стал социалистом», 1913 г.).

В венский период Цанкар формируется и как драматург. Уже в своей первой пьесе «Романтические души» (напечатана в 1920 г.), опираясь на реалистическую драму XIX в. он обращается к современной тематике, поднимает проблему влияния философии Ф. Ницше на европейскую культуру. Позже появляются написанная под влиянием Ибсена пьеса «Якоб Руда» (1900), где развивается мотив греха, преступления и нравственного очищения, и сатирическая комедия «На благо народа» (1901), в которой ошутимо влияние «Ревизора» Н.В. Гоголя. В ней автор развенчивает либеральных политиков, как «единственных и подлинных защитников народа», за громкими фразами о благе народа скрывающих свое политическое бессилие и своекорыстие. В 1902 г. выходит лучшая социально-политическая драма Цанкара «Король Бетайновы», где «хозяину жизни» заводчику Кантору (в этом типе автор увидел отзвук нищешанского «сверхчеловека») противостоит выступающий за народные интересы новый герой-интеллигент Макс Крнец. В его трагическом образе сплетены уверенность в необходимости борьбы с сильными мира сего и фаталистическое осознание личной обреченности.

В венский период Цанкаром были также написаны несколько больших прозаических произведений и среди них – первый роман цикла о словенском художнике «Чужие» (1901), где писатель поднимает тему словенской художественной интеллигенции, показывая, как потеря связи с родиной приводит к духовному распаду личности. Знакомую многим литературам тему «лишних людей» Цанкар обогащает здесь мотивом национальной отчужденности. Так в его творчестве начинает формироваться галерея новых типов героев – чужаков. Впоследствии продолжением этого цикла стали романы «Крест на горе» (1904) и «Новая жизнь» (1908), в которых тему безысходности постепенно сменяет мотив спасительной силы любви и веры в возрождение благодаря восстановлению связи художника с родиной. А в романе «Мартин Качур» писатель расширяет эту тему, трансформируя ее в тему «интеллигенция и народ».

Крупная проза этих лет представлена также самым объемным романом Цанкара «На улице бедняков»⁵ (1902), в котором автобиографические мотивы переплетаются с реалистическими описаниями жизни словенской полупролетарской среды. В этом произведении очень ярко проявилось новаторство автора как в создании нового жанра – новеллистического романа, так и в ис-

пользовании особых стиливых компонентов, когда реалистическое повествование дополняется элементами импрессионизма и символизма. «Развернутая система символов пронизывает собой всю художественную ткань романа, – отмечает советская исследовательница Е.И. Рябова, – проявляясь и в композиции, и в характере, и в языке образов. Символично само кольцевое построение романа – в начале и конце возникает тема недостижимого счастья...»⁶. Именно благодаря этому жизнь героини Цанкара, Франчки, ее семьи и соседей с нагорной улицы, становится олицетворением судьбы многих поколений бедняков Словении, а сам роман – своеобразным памятником матери писателя, какого, как он сам признавался, не ставил никто.

В 1904 г. выходит в свет роман «Обитель Марии Заступницы». В нем реалистическое, а порой и натуралистическое изображение жизни венских окраин на примере судеб неизлечимо больных девочек из больницы-приюта Цанкар объединяет с неоромантической идеей *hrepenenje*, которая как культ мечты, стремление к возвышенной, одухотворенной, светлой жизни, противоположной пошлой обывательщине, становится лейтмотивом его дальнейшего творчества, выдвигая на первый план тему нравственного возрождения общества.

Сатирическая проза Цанкара этих лет, направленная на разрушение царства ханжей и филистеров всех мастей, разоблачающая мещанскую мораль, которая душит все живое и прекрасное в человеке, представлена такими произведениями, как «Госпожа Юдит» (1904) и «Алеш из Разора», циклом «Историй из долины святого Флориана» (1904–1908) и др. В 1907 г., в период наибольшей общественной и политической активности писателя, Цанкар пишет свое самое значительное произведение – повесть-притчу «Батрак Ерней и его право». В ней в форме полусказки, полуевангельской притчи показан зарождающийся в обществе протест против социальной несправедливости: история батрака, возмущенного бесчеловечным отношением к нему, всю жизнь верой и правдой служившему своим господам, а в старости выброшенному ими на улицу, и теперь отправившегося на поиски справедливости. Особая форма произведения, впервые выведенный в качестве главного героя новый для литературы тип человека труда, защищающего не только свои, но и общие интересы, ритмический тон повествования, введение символов позволили исследователям сопоставить мученичество героя с крестным путем Спасителя, а известному словенскому критику И. Приятелю дали основание наз-

вать его «кратким и вселенски-могучим переложением Марксова “Коммунистического манифеста”»⁷.

Обращение писателя к богатому фольклорно-мифологическому наследию словенского народа знаменует повесть «Бродяга Марко и король Матьяж» (1905). В ней он анализирует и переосмысливает народные песни и легенды о короле Матьяже*, вплетая в сюжет проблемы современности. Эту линию продолжает повесть-сказ «Курент» (1909), ставшая, по оценкам литературоведов, одной из вершин словенской прозы. С опорой на известный фольклорно-мифологический образ древнесловенского языческого божества веселья и удовольствия Цанкар создает аллегорический образ поэта, живущего одной жизнью с народом, с болью воспринимающего его страдания. Тем самым он вводит в художественный текст элементы собственной творческой биографии. В этих произведениях также поднимаются темы разорения словенской деревни, массовой эмиграции словенцев в условиях социального и политического кризиса начала XX в. При этом автор включает в текст импрессионистическую технику повествования, поэтико-ритмический слог, вводит символы и иносказания.

Возвращение на родину в 1910 г. открывает третий, люблянский, период в творчестве Цанкара. Он отмечен новыми личными переживаниями, а также углубленными философскими размышлениями и подведением итогов. Участие в предвыборной борьбе в парламент дали материал для его реалистической психологической драмы «Холопы» (1910). В этом произведении мотивы борьбы против клерикализма, критика продажности и беспринципности либеральной интеллигенции переплетены с мотивами вины, «очищения» и «преображения». Своеобразным ответом на нападки консервативной критики, обвиняющей Цанкара в безыдейности, пессимизме и повторении тем и мотивов, стала книга критических и полемических статей разных лет «Белая хризантема» (1910), где он излагает свои взгляды на роль искусства в жизни общества.

* Король Матьяж – венгерский правитель Матяш Корвин, царствовавший в XV в. (в том числе и над панонскими словенцами) и прославившийся своими подвигами в борьбе с турками. Первые народные легенды и песни о нем получили распространение в словенских землях с конца XV – начала XVI вв., а самым востребованным стал сюжет о «смерти» короля Матьяжа (и последующем заключении в горную пещеру); заложенная в нем идея освобождения и возвращения доброго и благородного короля на борьбу за правду и справедливость отвечала национальным чаяниям словенцев, а сам сюжет стал основой многих литературных обработок.

В предвоенные годы писатель продолжает работать над созданием крупных произведений. В 1912 г. выходит его последняя пьеса «Прекрасная Вида», образец нового для словенской литературы типа драматургии, близкого к лирической драме символистов (М. Метерлинк, О. Уайльд), а также роман «Милан и Милена» (1913). В них И. Цанкар, как и в романе «Нина» (1906), развивает мотив вечного, неутомимого стремления к возвышенной неземной любви и красоте (*hrepeneŋje*), которые противопоставляются им серой грязной действительности.

Однако ведущим жанром люблянского периода творчества Цанкара становится рассказ, новелла. В его малой прозе возрастают лирическая исповедальность, самоуглубленность, а вместе с тем внимание к важным этическим проблемам современного общества. Уже в венский период он начинает объединять свои произведения в сборники («Книга для легкомысленных людей», 1901 г.; «На заре», «Мимо жизни», 1903 г.), создавая своеобразные циклы с общим тематическим и проблемным ядром. Так, в историях детей из венского предместья, вошедших в цикл «За крестом» (1909), он продолжает тему «униженных и оскорбленных». В люблянский период дальнейшее развитие получает тенденция к циклизации краткой прозы («Воля и сила», 1911 г.).

До 1914 г. Цанкар продолжает работать над книгой «Моя нива» (опубликована в 1935 г.), в которую, как бы подводя итоги своей работы, по принципу монтажной композиции объединяет четыре цикла. Среди них: «Мгновения», «Наша долина», «У святой могилы», где получила продолжение тема памяти матери писателя, а также «Из чужой жизни», где в рассказах о животных переплетены воспоминания детства с современными реалиями⁸. Автобиографические мотивы Цанкар развивает в цикле «Моя жизнь» (1914 г., в 1920 г. – в книжном издании) и повести «Грешник Ленарт» (1915 г., опубликована в 1921 г.), в которых воспоминания детства становятся поводом к философским размышлениям на тему веры, греха и раскаяния.

В годы Первой мировой войны Цанкар плодотворно работает – пишет повести и рассказы, символические новеллы и стихотворения в прозе. В них глубоко философские размышления о судьбе народа и человека на войне, переданные благодаря традиционным для него, а также новым символам, иносказаниям, обретают общечеловеческий смысл. Объединенные в книгу «Видения» (1917), что отражает новый этап циклизации малой прозы у Цанкара, эти произведения воспринимаются как цельная структура, а

по стилистике знаменуют переход от символизма к экспрессионизму.

Лекция «Очищение и омоложение» (1918 г., г. Триест) стала одним из последних его произведений: в ней накануне распада Австро-Венгрии и образования нового югославянского государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев (декабрь 1918 г.) – Цанкар дает оценку современной политической обстановки, высказывает мысль, что идеи социализма в каждой стране и у каждого народа могут обретать индивидуальный характер развития, и завершает свою речь гимном словенскому народу, выдержавшему испытания военных лет.

Подводя некоторые итоги, следует констатировать, что Цанкар по праву считается крупнейшим словенским прозаиком и драматургом, художником-новатором, который поднял словенскую прозу и драматургию на высочайший уровень, развив и углубив общественно-критическую проблематику, расширив диапазон тем и мотивов. В его произведениях нашли воплощение как социальная критика современного общества, национальные и пролетарские мотивы, так и глубоко личностная этическая проблематика, отражающая духовно-нравственные искания его современников.

В своей критике лживости и беспринципности политиков-«патриотов», в разоблачении цинизма и безнравственности «хозяев жизни» Цанкар поднимается до беспощадного обличения с элементами едкой иронии и сарказма. Этим персонажам у Цанкара противостоят образы борцов с общественным злом, среди которых своей монументальностью выделяется образ батрака Ерней (повесть «Батрак Ерней и его право»). Огромным достижением писателя стало обращение (под влиянием русской литературы и особенно Достоевского) к теме «униженных и оскорбленных»: глубоко и достоверно он раскрывает внутренний мир жителей провинциальных городков, рабочих предместий. Во многом опираясь на свой личный жизненный опыт, он открывает новый социально-тематический пласт, делая героями своих произведений страдающих от жестокости жизни детей из пролетарской и полупролетарской среды (повесть «Грешник Ленарт», рассказы «Крестный путь», «В потемках» и др.).

Значительное внимание писатель уделяет теме «интеллигенция и народ», воплощая ее в образах учителей-идеалистов («Мартин Качур», «Холопы»), а также художников, литераторов, ощущающих себя «чужаками» на родине, а свое искусство невестребованным. В своем творчестве Цанкар отозвался на многие важные события в жизни Словении и мира в целом: крестьянские бун-

ты, эмиграция, Первая мировая война. Его книга «Видения» – яркий образец антивоенной прозы и вместе с тем гимн национальному освобождению.

Современное и актуальное содержание своих произведений Цанкар передает необычайно выразительным, отличающимся особой ритмикой языком; он создает свой неповторимый индивидуальный стиль, демонстрируя тем самым огромные эстетические возможности словенского литературного языка. При этом многие вопросы и темы, глубоко волновавшие его современника, он стремился поднимать, используя понятный ему, этому современнику, язык библейских легенд, притч, язык, в котором назидательность соседствовала с философской глубиной и прозрениями. Особой значимостью обладали символы-метафоры, восходящие к фольклорно-мифологическим (король Матъяж, Прекрасная Вида) и библейским образам и цитатам, известным каждому словенцу; важным средством для донесения идеи, философского замысла у Цанкара служила кольцевая композиция построения сюжета и др.

С творчеством Цанкара связано новаторство в обновлении всей жанровой системы словенской литературы рубежа XIX–XX вв. Он поднял отечественную драматургию на высочайший уровень, придав ей значимость истинного творчества. Наряду с традиционным романом он создал образцы новеллистического символического романа; ввел в словенскую литературу новые типы рассказа: «рассказ-метафора с символическим подтекстом и короткий рассказ-этюда, по своей отточенности и философской емкости приближающийся к стихотворению в прозе» (Е.И. Рябова)⁹.

Цанкар первым среди словенских писателей обратил внимание на проблемы, важные не только для словенцев, но и актуальные для всей Европы. Поэтому он по праву считается одним из крупнейших европейских писателей рубежа веков, в творчестве которого переплелись, обретя художественное воплощение, важнейшие социальные темы и ведущие эстетические тенденции *fin de siècle* (от натурализма и декаданса до символизма и новой романтики). Творчество Цанкара оказало заметное влияние на развитие словенской литературы как эпохи модерна, так и последующих периодов: от словенского экспрессионизма 1920-х годов, социального реализма 1930-х и до наших дней.

Огромную роль Цанкар сыграл в развитии общественно-политической мысли, многие его идеи (о культурном объединении югославянских народов, решении национального вопроса) оказали существенное влияние на формирование словенской политической программы.

О значимости творчества Цанкара свидетельствуют многочисленные переводы его произведений на другие славянские языки, а также языки многих народов мира (в том числе китайский и японский).

Изучение творческого наследия И. Цанкара является одной из постоянных и ведущих тем словенского литературоведения. Это и историко-биографические труды, и работы, посвященные его прозе, драматургии, и сравнительно-типологические исследования. К анализу произведений Цанкара, изучению его творчества в контексте европейской литературы, влияния на него европейских и русских писателей, к оценке вклада в сокровищницу словенской культуры и общественной мысли в разные годы обращались многие ученые разных поколений: Д. Пирьевец, Л. Крайгер, И. Приятель, А. Слодняк, Б. Крефт, Ф. Петре, Ф. Берник, Ф. Задрavec, Я. Кос, Й. Погачник, Б. Патерну, Й. Махнич, Ш. Барбарич, М. Боршник, В. Брнчич и многие другие. Не ставя перед собой задачи охватить все направления словенского, а также российского цанкароведения, мы постараемся выделить наиболее значимые работы последних лет¹⁰.

В конце XX в. появились монографии ведущих словенских ученых, в которых поднимались важные проблемы теоретического и методологического характера, рассматривались жанрово-типологические и художественно-стилевые особенности произведений И. Цанкара разных периодов с учетом ведущих тем, мотивов, доминирующих образов-символов (Ф. Берник «Типология прозы Цанкара», 1983; он же. «Иван Цанкар», 1987 г.; Г. Коциян «Краткая проза Цанкара», 1997 г.); истоки и природа его сатиры во всех проявлениях: от легкого, беззлобного смеха, иронии до колкой сатиры и сарказма (Ф. Задрavec «Ирония Цанкара», 1997 г.)¹¹.

В 2000-е годы интерес ученых к творчеству и личности писателя не ослабевает. Появляются новые исследования: монография Ф. Берника «Иван Цанкар» (2006), ставшая итогом многолетней работы ученого по изучению творчества словенского классика; объемная книга И. Авсеник-Набергой «Любовь и вина глазами Ивана Цанкара» (2005), автор которой с позиций теологии представляет этическую и религиозную составляющие всего творческого наследия писателя. Своеобразие поэтики произведений писателя оказывается в центре внимания Й. Чех («Метафорика краткой прозы Цанкара», 2001 г.). Наряду с этим появляются работы, продолжающие сравнительно-типологические исследования в рамках цанкароведения (М. Кос «Цанкар и Ницше», 2001 г.; Л. Краль «Генри Ибсен и Иван Цанкар», 2006 г. и др.), а также традицию

изучения темы религиозных воззрений писателя (Ф. Берник «Иван Цанкар и христианство», 2006 г.), и многие другие. К литературоведам присоединяются специалисты из других сфер: личность и творчество знаменитого словенца в гендерном преломлении рассматривает врач М. Кошичек в книге «Женщины и любовь глазами Ивана Цанкара» (2001)¹².

В нашей стране творчество словенского писателя уже со второй половины XX в. привлекало внимание ученых – югославистов и словенистов: Н.И. Кравцова, Е.И. Рябовой, М.И. Рыжовой, М. Л. Бершадской, Ю.Д. Беляевой, Т.И. Чепелевской. Статьи Е.И. Рябовой 1970-х – 1980-х годов, посвященные развитию мировоззрения, философских и эстетических взглядов Цанкара, выявлению его места и роли в развитии литературно-художественных течений в словенской литературе рубежа XIX–XX вв., заложили фундамент научно-исторического подхода к изучению его творчества. Е. И. Рябовой принадлежат также развернутые предисловия к изданию перевода романа Цанкара «На улице бедняков» и первому на русском языке двухтомнику его произведений, куда вошли лучшие сочинения разных жанров¹³. Представительница санкт-петербургской литературоведческой школы М.Л. Бершадская исследовала пьесы словенского писателя в контексте развития словенской драматургии 1918–1945 гг.¹⁴.

Новые векторы в изучении творчества Цанкара обозначились в работах российских ученых 1990-х – 2000-х годов. Исследовательница из Санкт-Петербурга М. И. Рыжова, в главах по истории словенской литературы рубежа XIX–XX веков для коллективных изданий Института славяноведения РАН¹⁵, дала глубокий анализ творчества крупнейших представителей течения «Словенская модерна» и попыталась по-новому взглянуть на сложное переплетение элементов реализма, символизма, импрессионизма в произведениях лидера этого направления.

В монографии молодой исследовательницы, преподавателя Санкт-Петербургского университета А.Г. Бодровой «Автобиографическая проза Ивана Цанкара» (СПб, 2010 г.) и ряде статей впервые в российском литературоведении рассмотрена проблема типологии автобиографизма произведений словенского писателя в контексте национальной и европейской автобиографической традиции, обозначены стилистические особенности его прозы разных направлений¹⁶.

В целом ряде работ автора данной статьи в разные годы в центре внимания оказывались наиболее значимые произведения Цанкара – с точки зрения типологии жанров и особенности поэ-

тики текстов¹⁷. На основе анализа творчества писателя разных лет были выявлены некоторые характерные черты словенской модели мира¹⁸, рассмотрена художественная трансформация так называемых словенских «бродячих сюжетов», фольклорных мотивов и героев (Прекрасная Вида, король Матьяж, Курент)¹⁹. В монографии «Очерки словенской литературы в историко-культурном освещении» (М., 2013 г.) нами были представлены и по-новому осмыслены многие аспекты художественного новаторства И. Цанкара.

Примечательна переводческая традиция, связанная с именем И. Цанкара. Впервые его произведения увидели свет на русском языке в начале XX в., когда в двух первых номерах петербургского журнала «Славянский мир» за 1908 г. и 1909 г. был напечатан роман «В доме Марии Заступницы»²⁰ (перевод Я. Лаврина)²¹. В 1920-е – 1940-е годы печатались лишь отдельные произведения И. Цанкара с выраженным социальным подтекстом: повести «Батрак Ерней и его право» (1929 г., вероятно, не со словенского оригинала) и «Повесть о Симоне Сиротнике» (журнал «Интернациональная литература», перевод С.И. Урбана); в 1941 г. вышел сборник «Повести и рассказы». В 1950-е – 1990-е годы появляются многочисленные новые переводы, которые представляют весь диапазон творчества писателя: от коротких новелл и рассказов, до романов и драматургии²².

С начала XXI в. интерес к творчеству И. Цанкара в России растет. В 2003 г. вышел полный перевод его романа «Обитель Марии Заступницы», осуществленный М.И. Рыжовой²³. В 2011 г. появилось сразу несколько изданий, позволивших новым поколениям российских читателей познакомиться с творчеством словенского писателя. Так, было осуществлено второе издание романа «Обитель Марии Заступницы» в переводе М.И. Рыжовой. В рамках проекта «Словенский глагол» «Центра книги» Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ) им. М.И. Рудомино вышли две книги: «Словенская новелла XX в. в переводах М. Рыжовой», куда вошел целый ряд рассказов И. Цанкара²⁴, а также сборник «Против часовой стрелки: Словенская новелла. Избранное», где были объединены как уже известные, так и новые переводы малой прозы писателя, а в качестве переводчиков выступили известные российские словенисты и югослависты²⁵. В 2014–2016 гг., в рамках издательского проекта Благотворительного фонда Св. Иоанна Предтечи и при деятельном участии наших коллег из Санкт-Петербурга, впервые были переведены и изданы на русском языке крупные прозаические произведения И. Цанкара: роман «Крест на горе», повести «Грешник Ленарт» (2015), «Моя

жизнь» (2016) и «Алеш из Разора» – также в переводе М.И. Рыжовой. Авторами предисловий выступили российские словенисты А.Г. Бодрова и М.И. Рыжова²⁶.

В заключение следует отметить, что в данной статье мы представили лишь основные составляющие обширного и многостороннего наследия выдающегося словенского писателя, обозначили тематику современных исследований словенских и российских ученых, посвященных его жизни и творчеству, и рассмотрели вышедшие в последние годы переводы его произведений на русский язык. И эта работа вновь возвращает нас к мысли о глубине, уникальности и неисчерпаемости его удивительного художественного мира. В год 140-летия со дня его рождения отрадно констатировать, что Иван Цанкар по-прежнему на пьедестале.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Матица Словенская (Matica Slovenska) – научный и культурный институт, созданный 17 февраля 1864 г. в Любляне для организации и проведения научных и культурных мероприятий, издания книг на словенском языке из различных областей знаний.

² Первая Балканская война против Османской империи велась странами Балканского союза (Болгария, Греция, Сербия, Черногория) в период с 9 октября 1912 г. по 30 мая 1913 г.

³ *Cankar I. Zbrano delo. Zv. VII. Ljubljana, 1969. S. 195.*

⁴ Однако в 1902 г. Цанкар подготовил новое, дополненное издание «Эротики», куда вошли и новые стихи выраженного социального звучания – это был его ответ критикам. Вместе с тем, к этому времени он решает отказаться от поэтического творчества в пользу прозы и драматургии.

⁵ В более поздних исследованиях российских словенистов этот перевод названия романа И. Цанкара был заменен на вариант «На крутой дороге», как более соответствующий словенскому оригиналу (слов. «Na klancu»).

⁶ *Рябова Е.И.* Иван Цанкар и его роман «На улице бедняков» // Цанкар И. На улице бедняков. М., 1991. С. 237.

⁷ *Sankačjev zbornik. Ljubljana, 1921. S. 24.*

⁸ Каждый из циклов книги «Моя нива» имеет свою собственную цикловую доминанту. Однако помещенные под единой обложкой, они демонстрируют новый уровень соединения: внутренних цикловых связей становится уже недостаточно, и это требует выдвижения на передний план общей объединяющей идейной доминанты. Ею оказывается идея подведения своеобразного творческого итога на рубеже двух периодов творчества: венского и люблянского. Отсюда – тематическая переключка входящих в книгу циклов с более ранними произведениями, а следовательно – выстраивание более масштабных цикловых цепочек. Новая жанровая структура требует от читателя активизации внимания на уровне установления новых ассоциативных связей. Понимая это, автор пишет «Вступ-

ление» («Uvod»), призванное объяснить общий творческий замысел и тем самым направить читательскую мысль в нужное русло. См.: *Чепелевская Т.И.* Циклизация малой прозы у И. Цанкара: от книги *Moja njiva* к *Podobam iz sanj* // *Obdobja 23 – Metode in zvrsti. Slovenska kratka pripovedna proza.* Ljubljana, 2006. S. 299–309.

⁹ Иностранная литература. М., 1976. № 5. С. 160.

¹⁰ Более подробный анализ исследований, посвященных И. Цанкару, см. в: *Бодрова А.Г.* Автобиографическая проза Ивана Цанкара. СПб, 2010. С. 3–15.

¹¹ *Bernik F.* Tipologija Cankarjeve proze. Ljubljana, 1983; *Bernik F.* Ivan Cankar. Ljubljana, 1987; *Zdravec F.* Cankarjeva ironija. Ljubljana, 1991; *Kocijan G.* Cankarjeva kratka pripovedna proza. Ljubljana, 1997.

¹² *Bernik F.* Ivan Cankar. Ljubljana, 2006; *Avsenik Nabergoj I.* Ljubezen in krivda v očeh Ivana Cankarja. Ljubljana, 2005; *Čeh J.* Metaforika v Cankarjevi kratki pripovedni prozi. Maribor, 2001; *Kos M.* Cankar in Nietzsche // *Primerjalna književnost.* 2001. L. 24. Št. 1; *Kralj L.* Henrik Ibsen in Ivan Cankar // *Sodobnost.* Ljubljana, 2006. L. 70. Št. 11; *Bernik F.* Ivan Cankar in krsčanstvo // *Slavistična revija.* 2006. L. 54. Št. 4; *Košiček M.* Ženska in Ljubezen v očeh Ivana Cankarja. Ljubljana, 2001.

¹³ *Рябова Е.И.* Иван Цанкар и течения словенской литературы конца XIX – начала XX века // *Литература славянских и балканских народов конца XIX – начала XX веков. Реализм и другие течения.* М., 1976; *она же.* Общественно-политические и философские взгляды Ивана Цанкара // *Балканские исследования.* Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1981; *она же.* Иван Цанкар и его роман «На улице бедняков». М., 1961; *она же.* Иван Цанкар // *Цанкар И.* Избранное: в 2-х т. М., 1981.

¹⁴ *Бершадская М.Л.* Цанкар и словенская драматургия 1918–1945 // *Simpozij o Ivanu Cankarju.* Ljubljana, 1977.

¹⁵ *Рыжова М.И.* Словенская литература // *История литератур западных и южных славян: в трех томах.* Т. 3. Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы – 1945 год). М., 2001; *она же.* Литература на рубеже XIX–XX вв. (1890–1918). Реализм, натурализм, модерн // *Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков.* М., 2010 [данное издание – результат совместных усилий ученых ИСл РАН и Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств (Любляна)].

¹⁶ *Бодрова А.Г.* Иван Цанкар и европейская литература // VI *Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова: Материалы международной научной конференции. 9–11 сентября 2004 г.* СПб, 2005. С. 266–271; *она же.* Две парадигмы словенской автобиографической прозы (Янез Трдина и Иван Цанкар) // X *Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова: Материалы международной научной конференции 12–13 сентября 2008 г.* СПб, 2010. С. 30–36 и др.

¹⁷ *Чепелевская Т.И.* Повести и романы Ивана Цанкара 1900–1907 годов // *На рубеже веков.* М., 1989. С. 174–184; *она же.* Циклизация малой прозы

у И. Цанкара: от книги *Moja njiva* к *Podobam iz sanj* // *Obdobja* 23. Ljubljana, 2005. S. 299–309; *она же*. Телесный код и его роль в раскрытии идеи романа Ивана Цанкара «Нина» (1906) // Телесный код в славянских культурах. М., 2005. С. 135–142 и др.

¹⁸ *Чепелевская Т.И.* Легенда о короле Матъеже в фольклоре и литературе Словении // Миф в культуре. Человек – не-человек. М., 2000. С. 203–213; *она же*. Концепты дома и дороги/пути в романах Ивана Цанкара // *Obdobja* 21. Ljubljana, 2003. S. 63–71.

¹⁹ *Чепелевская Т.И.* Темы жизни и смерти в повести Ивана Цанкара «Курент» (1909) // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008. С. 282–296.

²⁰ В этих же номерах в рубрике «Портреты славянских писателей» появилась большая статья Я. Лаврина (под псевдонимом Лев Савин) о творчестве И. Цанкара. В 1910 г. перевод романа был полностью перепечатан во вновь созданном приложении к журналу. – См.: *Цанкар И.* В доме Марии Заступницы / пер. Я. Лаврина // Библиотека избранных славянских писателей. Кн. 1. Спб, журнал «Славянский мир». 1910 (текст перевода под влиянием цензуры подвергся значительным сокращениям). В журнале также были напечатаны: статья Я. Лаврина о творчестве И. Цанкара и ряд рассказов писателя в переводах М. Хруцкой и Я. Лаврина.

²¹ Янко Лаврин (1887–1986) – известный словенский писатель, литературовед, переводчик, журналист. В период с 1908 г. по 1916 г. (с непродолжительными перерывами) жил в России и активно участвовал в литературной и общественной жизни Петербурга; помимо собственных издательских проектов («Славянский мир», «Велес» и др.) много перевел на русский язык произведений словенских и других славянских писателей, писал очерки об их творчестве (И. Цанкар, А. Ашкерц), деятельно участвовал в журнале «Баян», сборниках «Перун», «Молодая Русь» и др. По приглашению М.А. Суворина с 1913 г. был международным корреспондентом газеты «Новое время»; в 1915 г. был направлен редакцией на Балканы в качестве военного корреспондента; свои очерки и корреспонденции этого периода объединил в книге «Страна вечной войны (Албанские эскизы)». Пг, 1916 г. Лаврин был знаком со многими представителями научной, литературной и художественной интеллигенции России того времени; являлся участником группы «Безкровное убийство». – См. подробнее: *Чепелевская Т.И.* Опыт национальной и личностной идентификации на материалах книги Я. Лаврина «В стране вечной войны (Албанские эскизы)». Пг, 1916 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии: Славянская идентичность – новые факторы консолидации. М., 2008; *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Художественно-литературная группа «Безкровное убийство» и Янко Лаврин как основной персонаж одноименного журнала // Янко Лаврин и Россия / Отв. ред. Ю.А. Созина. М., 2011.

²² *Цанкар И.* Избранное / предисл. и пер. Е. Рябовой. М., 1958; *он же*. На улице бедняков / пер. Е. Рябовой. М., 1961; *он же*. Рассказы. Крестный путь. Собаки. Грех / пер. и предисловие Е. Рябовой // Иностранная лите-

ратура. М., 1976. № 5; *он же*. Избранное: в 2-х т. / сост. и примеч. А. Романенко; предисл. Е. Рябовой. М., 1981; *он же*. Чужие. На улице бедняков. Мартин Качур / предисл. Е. Рябовой, пер. Е. Рябовой, М. Рыжовой, С. Урбана. М., 1987; *он же*. Король Матьяж. Петер Клепец (пер. М.Л. Бершадской). Святой Иоанн в селе Бильки (пер. М.И. Рыжовой) // Золото и солнце. Литературные сказки и легенды западных и южных славян. СПб, 1997.

²³ *Цанкар И.* Обитель Марии Заступницы: Роман, рассказы. М., 2003. Книга издана в рамках проекта «Словенская классика» (руководитель проекта – Ю. Ругель).

²⁴ Словенская новелла XX в. в переводах М. Рыжовой / отв. редакторы: Ю.А. Созина, Ю.Г. Фридштейн. М.: ООО «Центр книги Рудомино», 2011. (Серия «Словенский глагол»). В книгу вошли рассказы и новеллы И. Цанкара: «За праздничными лепешками», «В потемках», «Святой Иоанн в селе Бильки», «Дети и старики», «Врзденец», «Вечерняя молитва».

²⁵ Против часовой стрелки: Словенская новелла. Избранное / отв. редакторы: Ю.А. Созина, Ю.Г. Фридштейн. М.: ООО «Центр книги Рудомино», 2011. (Серия «Словенский глагол»). В сборник вошли рассказы и новеллы И. Цанкара: «Ее портрет» (пер. Т. Жаровой), «Петер Клепец» (пер. М. Бершадской), «Господин капитан» (пер. Л. Симоновича-Никшича), «Майская прогулка» (пер. И. Лемаш), «Чашечка кофе» (пер. А. Романенко).

²⁶ *Цанкар И.* Крест на горе / Перевод и предисловие М.И. Рыжовой. Санкт-Петербург – Шлиссельбург, 2014; *он же*. Грешник Ленарт / Перевод со словен. М. Рыжовой, автор предисловия – А. Бодрова. СПб, 2015; *он же*. Моя жизнь / Перевод со словен. М. Рыжовой. СПб, 2016; *он же*. Алеш из Разора / Перевод и предисловие М.И. Рыжовой. Санкт-Петербург – Шлиссельбург, 2016. Издания осуществлены Благотворительным фондом Св. Иоанна Предтечи.

РУССКИЕ ИСТОРИКИ-ЭМИГРАНТЫ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ В 20–30-Е ГОДЫ XX В.

Abstract:

L.P. Lapteva. Russian migrant historians in the Slavic countries in the 1920–30s.

The article describes and analyses character of the research and works of Russian migrant historians in the Slavic countries in the 1920–30s, namely in Czechoslovakia, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (from 1929 Kingdom of Yugoslavia), Bulgaria.

Ключевые слова: русская эмиграция, историки-слависты, В.А. Францев, А.В. Флоровский, Б.А. Евреинов, А.Л. Погодин, Г.А. Острогорский, В.А. Мошин, М.Г. Попруженко.

Одной из особенностей послереволюционной эмиграции из России является наличие в числе эмигрантов представителей науки. Среди историков это число значительно. Подавляющее большинство ученых этой отрасли науки не приняли порядки, установившиеся после Октябрьской революции 1917 г., и в последующие годы оставили Россию. Учёная эмиграция создавалась стихийно, разными путями и способами. Многие ушли с отступающими белогвардейскими армиями, другие были высланы советской властью за оппозицию к ней, иные выехали индивидуально – бежали или даже с разрешения советских властей, но не вернулись в Россию.

Следует отметить, что в социальном отношении русские ученые, в том числе историки, представляли собой до эмиграции зажиточный слой общества. Они занимали высокие должности в экономике, образовании, здравоохранении, управлении, судах и т.д. В быту они имели имущество, квартиры, дома, дачи, имения, прислугу, гувернанток для детей, привилегии и права, которых не было у основной массы населения Российской империи. В период революции эти слои лишились всего, отсюда – их резко враждебное отношение к революции и новой России, переданное даже детям и внукам, родившимся за границей.

В Европе русские ученые-историки распределились неравномерно в географическом отношении. Они поселились в Германии, Франции, Польше и других странах. Целая группа историков осела в чешской Праге, хотя здесь, как и во всей Чехословакии, в архивах отсутствовали сколько-нибудь значительные материалы по русской истории, а в библиотеках, до создания Славянской библио-

теки министерства иностранных дел, не было необходимого запаса литературы. Кроме Праги к русским эмигрантам-историкам достаточно гостеприимно отнеслась Югославия. Что касается Германии и Франции, где также сосредоточились значительные группы русских историков, то после некоторого первоначального оживления их деятельность постепенно была ограничена.

В новых условиях историки-эмигранты должны были приспособляться к местной научной среде, к языку страны поселения, к интеллектуальным потребностям нового для русских общества. И хотя возможности для работы историков были неблагоприятны, всё же именно в Чехословакии и Югославии достаточно результативно продолжалось их творчество. В Праге был создан ряд общественных организаций, таких как Русское историческое общество, Русский народный университет, Русский заграничный исторический архив, *Seminarium Kondakovianum*. Все эти организации издавали свои научные труды, сборники, в которых печатались сочинения русских историков. Расположенность чехословацких властей к русской учёной эмиграции, на наш взгляд, объясняется тесными контактами президента Чехословакии Т.Г. Масарика, которые он имел с русской интеллигенцией определённого политического направления еще с начала XX в. и особенно оживленными накануне распада Австро-Венгерской империи и создания независимой Чехословакии. Кроме того, политический интерес в поддержке русской учёной эмиграции был рассчитан в определенных кругах Чехословацкой республики на случай падения в России большевистского режима.

Эти обстоятельства и расчёты способствовали появлению на свет так называемой «Русской акции» помощи русским эмигрантам, которая прекратилась, как только обнаружилась ее нецелесообразность ввиду изменения политической ситуации. Впрочем, «Русская акция» весьма способствовала развитию творчества историков-эмигрантов именно в Праге. Одной из особенностей их работы было изменение тематики исследований по сравнению с той, которую они разрабатывали в России. Так, ученые, занимавшиеся изучением истории России, не имели источниковой базы для исследований и должны были переориентировать свои усилия на другие проблемы. Это относилось и к иным областям истории. Поэтому научная продукция эмиграции выражалась не в издании отдельных книг и крупных исследований, а в опубликовании множества статей в разнообразных изданиях и на разных языках. Почти полностью отсутствуют издания исторических источников, за исключением тех, которые восходили к старым многолетним изы-

сканиям в архивах проф. Е.Ф. Шмурло и В.А. Францева. Зато преобладали многочисленные публикации мемуаров, воспоминаний, документов о событиях русской жизни за время Первой мировой войны, революции, советской власти и эмиграции.

Но если русская тематика еще отражалась в каком-то жанре сочинений, то исследователи всеобщей истории, занимавшие в России почетное место в системе высшего образования, да и в науке вообще, в эмиграции или ничего не публиковали или отошли от собственно исторической работы, посвящая свое внимание проблемам философии (Л.П. Карсавин), литературы и ее истории (П.М. Бицилли). И только в области истории древнего мира и истории Византии русская эмиграция обнаружила жизнь. Правда, труды в области древней истории принадлежат, главным образом, одному лицу – ученому М.И. Ростовцеву, написавшему за границей ряд крупнейших работ по истории древнего Египта, Греции, Италии и вообще древности.

Что касается Византии, то, наряду с признанными мастерами Н.П. Кондаковым и А.А. Васильевым, в Праге выросла целая фаланга исследователей (Г.В. Вернадский, Г.А. Острогорский, М.А. Андреева), публиковавших свои работы на страницах изданий семинара Н.П. Кондакова.

Однако заметное и почетное место в работах русских историков-эмигрантов занимает изучение славянских народов с точки зрения их взаимных связей, истории права и искусства. Правда, политическая история славян и история Польши редко служили предметом изучения русских авторов в эмиграции. В первую очередь интерес эмигрантов был прикован к проблеме межславянских связей: чешско-русских, русско-балканских, чешско-болгарских и т.д. Эта проблематика была мало изучена. Национальные историографии, в основном, интересовались историей своих стран, связи с другими народами были для них второстепенным вопросом. Но в то же время в архивах Чехословакии и южнославянских стран скопилось немало материалов именно о связях, еще не востребованных наукой.

Самым крупным специалистом в области славяноведения среди русских эмигрантов в Праге был Владимир Андреевич Францев (1867–1942)¹. Полуполяк по происхождению, проживший всю жизнь на территории Польши, В.А. Францев окончил Варшавскую русскую гимназию и Варшавский русский университет, в котором затем работал, пройдя все стадии научной карьеры, и к концу существования Варшавского университета занимал кафедру славянской филологии в должности и со званием ординар-

ного профессора. В 1914 г., в связи с наступлением немцев на Варшаву, русский Варшавский университет был эвакуирован в Ростов-на-Дону. Приехавший с ним В.А. Францев вскоре попал в горнило Гражданской войны и в 1921 г. эмигрировал в Чехословакию. В 1927 г. он принял чехословацкое гражданство и был назначен ординарным профессором Карлова университета в Праге. Еще до эмиграции Францев был в числе крупнейших русских славистов, известных в Европе своими солидными трудами по истории и литературе вне российского славянства. В 1902 г. вышла его работа «Очерки по истории чешского возрождения», в 1906 г. им было издано очень серьезное исследование «Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX столетия». Им были также изданы «Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель»² и корреспонденция Й. Добровского³. Эти и другие труды получили европейское признание среди славистов. Российская Академия наук в 1915 г. избрала В.А. Францева своим членом-корреспондентом, а в 1921 г. и действительным членом. Учёный также был членом многих славянских академий и научных обществ. В преподавательской работе в Праге В.А. Францев должен был переориентироваться: если в Варшавском университете он читал лекции по чешской и южнославянским литературам, исторической грамматике чешского языка и другие курсы по зарубежным славянам, то в Карловом университете преподавал русский язык и словесность. Но в научной работе ему переориентироваться не пришлось, поменялись только некоторые акценты. Правда, в эмиграции он не создал таких фундаментальных трудов, как его магистерская⁴ и докторская⁵ диссертации, но в период с 1921 по 1948 гг. им было опубликовано 79 работ⁶. Учёный обогатил славяноведение фундаментальными изданиями источников. В 1927–1928 гг. он опубликовал корреспонденцию П.Й. Шафарика с русскими учеными⁷. Продолжал изучать творчество Й. Добровского и публиковать источники о нем⁸. В.А. Францев активно исследовал связи русских ученых и писателей с западными и южными славянами⁹. Его работы касаются и болгарско-чешских литературных связей. В отличие от других историков-эмигрантов, В.А. Францев остался верен польской проблематике. Он опубликовал ряд исследований и источников об ученых-поляках и других деятелях¹⁰. Наиболее крупной работой В.А. Францева в эмиграционный период является его монография «Пушкин и Польское восстание 1830–1831 гг.»¹¹, где он защищает русского поэта от наветов и клеветы со стороны националистически настроенных польских литераторов и публици-

тов, которые и через столетие после восстания не дали себе труда вникнуть в суть позиции А.С. Пушкина.

Наряду с активной научной работой В.А. Францев самым тесным образом сотрудничал в русских эмигрантских научных организациях и выполнял в них целый ряд общественных и академических функций.

Активным деятелем научной жизни эмиграции в Праге был также Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968)¹². До эмиграции он был экстраординарным профессором Новороссийского университета по кафедре русской истории. В 1922 г. по распоряжению советского правительства он был выслан из России и обосновался в Праге с 1923 г. На родине он занимался изучением истории России XVIII в., но в эмиграции ему пришлось переориентироваться, и он стал публиковать работы о чешско-русских отношениях вообще и их частных проблемах. Помимо многих статей на эту тему, А.В. Флоровский в 1935 г. опубликовал книгу «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.)»¹³. До появления этой книги в науке не было известно не только о характере, но и о наличии чешско-русских связей в исследуемый период. Вторым важным трудом ученого является книга «Чешские иезуиты на Руси»¹⁴, вышедшая в 1941 г. и, к сожалению, не обратившая на себя внимание исторической критики. И до настоящего времени это исследование ещё не получило надлежащей оценки.

А.В. Флоровский принадлежал к числу активных деятелей научной жизни эмиграции. С 1929 г. он являлся членом Славянского института в Праге, находился в числе руководителей Русского исторического общества и Русского заграничного архива в Праге, активно участвовал в международной научной жизни, делал доклады на всех съездах и конференциях, писал статьи о работе этих форумов, публиковал свои труды на разных языках. Словом, ученый принадлежал к числу крупнейших славистов, живших в первой половине XX в. в эмиграции.

Наряду с крупными учеными, славянскими проблемами в пражском центре эмиграции интересовались и другие лица. Среди них был Борис Алексеевич Евреинов (1888–1933)¹⁵. Ввиду того, что об этом деятеле очень мало доступных материалов, целесообразно рассказать о нём несколько подробнее. Б.А. Евреинов происходил из старой дворянской семьи Курской губернии. Среднее образование он получил в 3-й Санкт-Петербургской классической гимназии; в 1913 г. был удостоен диплома историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Научный

руководитель М.А. Полиевктов предложил Б.А. Евреинову остаться при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории, но Евреинов предпочел практическую деятельность и стал мировым судьей в своих родных краях и до революции занимал эту должность. Он вступил в партию кадетов и в 1917 г. был назначен комиссаром Временного правительства в Суджанском уезде Курской губернии. После Октябрьской революции Евреинов покинул родные края и летом 1918 г. поступил на службу в новообразовавшейся Украинской державе (Второй Гетманат) – состоял в должности секретаря учёного комитета при министерстве исповеданий в Киеве. С ликвидацией Украинской державы, в 1919 г. Евреинов вступил в ряды Добровольческой армии (т.е. белогвардейской армии, боровшейся против большевистского революционного правительства и режима) корнетом, в 17-й гусарский Черниговский полк. Активно участвовал в военных действиях против Красной армии, что впоследствии описал в очерке «Последние судороги денikinского фронта»¹⁶. В феврале 1920 г. в боях в Ростове-на-Дону был тяжело ранен в руку (с раздроблением плечевой кости), эвакуирован на пароходе из Новороссийска в Салоники, где был помещён в британский госпиталь. По выходе из госпиталя Евреинов покинул Грецию и с 1920 г. по 1921 г. был в Польше начальником канцелярии управления интернированных русских войск, а затем отдался работе в русских эмигрантских организациях. В 1923 г. Евреинов переселился в Прагу. Здесь была создана организация для сопротивления большевистскому режиму в России и проникновения в Советскую Россию. По согласованию с известным террористом Б.В. Савинковым Евреинов отвечал за техническую подготовку агентов для проникновения в СССР и за связи с антибольшевистскими организациями. Подобные конспиративные эмигрантские организации Евреинов возглавлял до конца своей жизни. В документах нет сведений о том, что именно эти организации осуществляли террор, как это делал Б.В. Савинков. Агенты Евреинова должны были устанавливать контакты с антибольшевистскими элементами в России, помогать людям, желающим ее покинуть, и распространять антисоветскую эмигрантскую литературу – главным образом газеты и брошюры.

В России ГПУ не дремало. Многие агенты не вернулись, вернувшиеся единицы, как правило, быстро покидали Прагу, по видимому, потому, чтобы больше их в Россию не посылали. Вся эта деятельность финансировалась чехословацким правительством. Это была та самая «гуманная Русская акция», которая так восхищает некоторых историков русской эмиграции в Чехии, указыва-

ющих на ее бескорыстие и человеколюбивое желание помочь попавшим в беду людям. В действительности, вся «Русская акция», 90-летие которой дальние потомки русских эмигрантов и недавние эмигранты из Советского Союза отмечали торжественно и чинно, имела антисоветскую политическую цель, а проигравшие Гражданскую войну белогвардейские офицеры из «гуманных побуждений» посылали на смерть своих агентов, чтобы отомстить за утрату прошлой привольной жизни.

В 1933 г. власти Чехословакии решили начать радиовещание на Советский Союз. Министр иностранных дел Э. Бенеш распорядился найти выдающегося знатока советской действительности и поручить ему радиопередачи, изобличавшие слабости и пороки советского режима. Выбор пал на Евреинова, обладавшего не только нужными знаниями, но и исключительной дикцией. Б.А. Евреинов был первым русским диктором эмигрантов, осуществлявшим антикоммунистические информационно-пропагандистские передачи на русском языке, т.е. участником политической борьбы в радиозфере XX века.

Наряду с активной конспиративной антисоветской деятельностью, Б.А. Евреинов успешно работал в эмигрантских организациях в Праге. Был одним из основателей Русского исторического общества и его секретарем, являлся членом Славянского института (с 1929 г.), а также Союза русских писателей и журналистов. Входил в совет и ученую комиссию Русского заграничного исторического архива и стал одним из учредителей Русского музыкального общества. В 1927 г. он сдал магистерский экзамен при русской академической группе в Праге и получил в качестве магистранта русской истории звание приват-доцента. Обладая многими способностями и дарованиями, он развернул научно-историческую деятельность. Однако, по утверждению одного из авторов, опубликовавшего о нем статью, «Евреинов был не столько ученым, сколько политиком, фактическим лидером Республиканско-демократической группы партии Народной свободы (РДГПНС) в Праге. А для большевиков – в жестокой конспиративной борьбе разведок и контрразведок – Евреинов был достойным противником. Он почти десять лет руководил нелегальными разведывательными структурами русских эмигрантов–демократов (т.е. эсеров и кадетов – Л.Л.). Его агенты проникали в Советскую Россию до весны 1930 года»¹⁷.

Вместе с тем Евреинов развернул живую научную деятельность, в центре которой была история. Одним из его интересов была история России. Он изучал архивы Чехословакии в поисках

в них русских исторических материалов. В архивах кн. Шварценбергов в Тржебони и Крумлове и архиве графов Черниных в Индржиховом Градце он обнаружил большое количество документов о пребывании русских войск в Чехии в 1799–1813 гг. Результаты своих исследований он докладывал на заседаниях Русского исторического общества. В печати он подробно осветил обстоятельства пребывания русского императора Александра I в гостях у кн. Шварценберга, опубликовал ряд архивных справок в статьях «Русские войска на юге Чехии в 1799–1800 гг.» и «Два документа эпохи наполеоновских войн», напечатал очерк «Архивариус Вацлав Бржежан», в котором говорится об авторе исторических сочинений, написанных в начале XVII в. В статье о Петре Кашпаре Святецком Евреинов осветил работу местного летописца XVIII в.

Другим аспектом интереса Б.А. Евреинова была личность и деятельность русского революционера Михаила Александровича Бакунина. В пражском полицейском архиве исследователь нашёл материалы о пребывании Бакунина в австрийских тюрьмах в 1849–1851 гг. и о выдаче его русскому правительству. Эти документы послужили автору основой для статьи «М.А. Бакунин и австрийские власти в 1848–1851 гг.»¹⁸. Им же проанализированы сведения Бакунина о его деятельности в Европе, помещенные в статье «“Исповедь” Бакунина».¹⁹ В 1933 г. была опубликована статья Евреинова «Последний этап славянской деятельности Бакунина»²⁰. По материалам архива пражской полиции Евреинов напечатал статьи: «Ю.Ф. Самарин в Праге»²¹, а также о чешских откликах на события русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. Таким образом, творчество Б.А. Евреинова в области истории было весьма плодотворно. Ученый открыл в чешских архивах много интересных и ценных материалов и ввёл их в научный оборот.

Вторым эмигрантским центром, где русские историки-эмигранты нашли себе пристанище, была Югославия (до 1929 г. – Королевство сербов, хорватов и словенцев). Здесь в 1920 г. обосновался крупный историк, бывший профессор Харьковского университета Александр Львович Погодин (1872–1947). Славист-энциклопедист после эмиграции на родине был забыт. Но в настоящее время о нем есть немало литературы, а в 2011 г. вышла наша книга о его жизни и творчестве²². Поэтому целесообразно остановиться на деятельности учёного в эмиграции лишь кратко.

Условия для научной работы в Югославии отличались от пражских. Югославское государство не имело больших традиций в этой области, не было библиотек, отсутствовали научные кадры.

В отличие от Чехословакии, где учебные заведения не испытывали большой необходимости в новых кадрах, в Югославии русских учёных-эмигрантов не только принимали на работу, но и интегрировали в свою культуру. Для осуществления преподавания они должны были изучить сербский язык, читать на нём лекции и публиковать научные труды. А.Л. Погодин получил место в Белградском университете, но преподавал не славянскую историю, как в России, а занял низкооплачиваемую должность лектора русского языка, ибо такого предмета, как история славян, в местных университетах не существовало. Не имея возможности серьёзно заниматься историей славян, А.Л.Погодин пишет статьи в разные журналы и на разные темы: лингвистические, археологические, по русской литературе. Из-под его пера в эмиграции не вышел ни один крупный труд по истории, который мог бы сравниться с работами, опубликованными им в России. Вынужденный переориентироваться в своей научной деятельности, А.Л. Погодин занялся изучением вопроса о том, что было написано в Сербии о России. В 1932–1936 гг. вышла его двухтомная «Русско-сербская библиография с 1800 по 1925 гг.», которая представляет собой ценный труд, не утративший научного значения до настоящего времени.

Больших результатов добились работавшие в Белградском университете и вообще в Королевстве СХС (Югославии) эмигранты из России, исследовавшие славянское право.

В университетах дореволюционной России славянское право не преподавалось, хотя кафедра по этому предмету была учреждена Уставом 1863 г. Однако за неимением кадров она не функционировала нигде, кроме Варшавского русского университета. За период существования этой кафедры ее занимал Ф.Ф. Зигель (1845–1921), воспитавший на юридическом факультете ряд талантливых учеников. Среди них был Федор Васильевич Тарановский (1875–1936). Он происходил из польско-русской семьи, получил среднее образование в Варшавской гимназии, а высшее – на юридическом факультете Варшавского университета. После защиты магистерской диссертации Ф.В. Тарановский преподает историю российского права в разных вузах России, а после Октябрьской революции 1917 г. эмигрирует в Белград, где организует кафедру славянского права в Белградском университете. При поддержке короля Александра Карагеоргиевича Тарановский приглашает на юридический факультет Белградского университета в качестве преподавателей А.В. Соловьева, Е.В. Спекторского, К.М. Смирнова и С.В. Троицкого. Эти люди возродили историю славянского права и подняли эту область правовой науки на мировой уровень. Ф.В. Та-

рановский читал лекции студентам на сербском языке и издал по истории права у славян учебник. Затем он обратился к изучению главного юридического памятника права Сербии в Средние века – «Законника Стефана Душана» и написал ряд статей на эту тему. Сравнительным методом он исследует чешские, польские и сербские юридические памятники и приходит к выводу «о двух различных типах единой европейской цивилизации». Тарановский писал содержательные рецензии на работы по славяноведению, объединив свой критический обзор литературы, трактующий изучение прошлого славян как неделимого, единственного в своем роде целого, в статье «Славянство как целое в истории» (1929). Делом жизни Ф.В. Тарановского был четырехтомный труд «История сербского права в государстве Неманичей» (1931, 1935). Он содержит характеристику всех видов правовых отношений в средневековый период истории Сербии. По существу, это история всего общества периода Неманичей. Изучение права славянских народов Ф.В. Тарановский осуществлял методом сравнительного исследования. Ученый внес большой вклад в науку о славянском праве.

Коллегой Ф.В. Тарановского по Белградскому университету и учеником Зигеля по Варшавскому был Александр Васильевич Соловьёв (1890–1971). Это также выдающийся учёный в области славянского права. Он окончил юридический факультет Варшавского университета в 1912 г. После ухода Белой армии из Ростова-на-Дону, где А.В. Соловьёв находился вместе с эвакуированным Варшавским университетом, он эмигрировал и в 1920 г. прибыл в Белград. Под руководством Ф.В. Тарановского А.В. Соловьёв углубляет исследование памятников сербского права, в том числе «Законника Стефана Душана», где изучает все области права, сопоставляет «Законник» с византийской правовой традицией и ставит его в единый контекст с другими законодательными актами и грамотами. А.В. Соловьёв печатает целый ряд работ на эту тему и является выдающимся исследователем истории средневековой Сербии. Наряду с «Законником» А.В. Соловьёв исследовал вопрос о значении византийского права на Балканах. В 1939 г. вышло его значительное произведение – «Лекции по истории славянского права», где он сумел вписать правовую историю средневековой Сербии в общее русло развития права славянских народов.

Следующей областью науки, в которой работали русские ученые-эмигранты, было византиноведение, в частности византийско-славянские и особенно византийско-южнославянские отношения. В этой сфере гуманитарных знаний в Югославии работали два русских ученых, деятельность которых выдвинула югослав-

ское византиноведение на третье место в Европе, после Германии и Франции. В России в дореволюционный период византиноведение имело большие достижения, но после революции эта наука постепенно была ликвидирована, тогда как именно с 1930-х годов в Югославии она процветала, благодаря учёным русского происхождения.

Кафедра византиноведения в Белградском университете ожила с приходом Георгия Александровича Острогорского (1902–1976). Он родился в Санкт-Петербурге в богатой еврейской семье. В 1919 г. окончил гимназию, семья его эмигрировала, и высшее образование Острогорский получил за границей – в Германии и Франции, защитил диссертацию о сельской общине в Византии, работал приват-доцентом во Вроцлавском университете и в 1933 г. прибыл в Белград, где развернул научную и организаторскую деятельность по византиноведению. Это был талантливый и разносторонний ученый. Он разрабатывал экономические проблемы Византии, вопросы отношений государства и церкви, византийско-славянские отношения и др., по-новому осмыслил и прокомментировал 3-ю главу из произведения византийского императора Константина VII Порфирогенета «Об управлении империей», являющегося основным источником по истории Сербии в период раннего средневековья. Его соображения были приняты наукой и признаются в настоящее время. Он досконально знал источниковую базу византиноведения, владел современными методами источниковедческого и историографического анализа и относится к числу ведущих византинистов XX в. Наряду с другими важными многочисленными работами Г.А. Острогорскому принадлежит монография «История Византии», переведенная на многие языки и не утратившая значения до настоящего времени.

В 1948 г. Острогорский основал Византологический институт Сербской Академии наук и искусств, а в 1961 г. под его руководством был проведен XII международный конгресс византологов в Охриде. Он создал целую школу своих учеников в Югославии.

Вторым ученым, поднявшим византиноведение на мировой уровень, был коллега Острогорского Владимир Алексеевич Мошин (1894–1987). Он был русским дворянином, после окончания гимназии в 1913 г. поступил в Санкт-Петербургский университет, где успел получить представление о высоком уровне исторической науки, в том числе и по византиноведению, но со 2-го курса ушел добровольцем на фронт Первой мировой войны. Во время Гражданской войны присоединился к Белой армии и вместе с ее ос-

татками прибыл в Югославию. Здесь он закончил образование, в 20–30-е годы тесно контактировал с *Seminarium Kondakovianum* в Праге и, в конечном счете, получил место приват-доцента в Белградском университете. Здесь он изучает памятники южных славян и Византии, ежегодно ездит на Афон, где исследует рукописи афонских монастырей, и печатает результаты своей работы в научных изданиях. В отличие от Острогорского, сосредоточившего свое внимание на истории Византии и византийско-югославянских отношений, В.А. Мошин исследовал русскую и южнославянскую историю, русско-византийские отношения. Предметом его штудий были вспомогательные исторические дисциплины в рамках упомянутых проблем. Он изучал археографию, палеографию, филигранологию, хронологию, художественное оформление средневековых южнославянских рукописей, дипломатику, эпиграфику и сфрагистику. Во всех этих областях В.А. Мошин является зачинателем исследования и основателем новых направлений в науке. Ученый открыл, описал и изучил огромное число древних южнославянских источников, которые он обнаружил в сербо-хорватских и македонских архивах, библиотеках и на Афоне. В.А. Мошин стал основателем югославской палеографической науки, воспитал школу югославских исследователей кириллического письма, сербских и византийских источников, создал новую методологию, включавшую филологический, текстологический, дипломатический и историко-юридический критерии, составил дипломатарий (сборник грамот – *Л.Л.*), чем способствовал значительному прогрессу современной науки в области изучения древностей южнославянских народов.

В Болгарии наибольшую известность среди русских историков-эмигрантов приобрел Михаил Георгиевич Попруженко (1866–1944). Он был профессором Новороссийского университета в Одессе, занимал кафедру славяноведения и читал все курсы предмета: историю славянских народов и литературу, введение в славяноведение, церковно-славянский язык, вел занятия по славянским языкам и т.д. – как это практиковалось в российских провинциальных университетах. В научном плане М.Г. Попруженко занимался южнославянской средневековой письменностью и в 1899 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Синодик царя Борила». Наиболее крупные труды М.Г. Попруженко посвящены изданию источников по богомилству – «Слова» Козмы Пресвитера и «Паноплии» Зигавина. В России его сочинения оценивались невысоко и подвергались серьезной критике. В 1919 г. М.Г. Попруженко эмигрировал в Болгарию, которую и раньше часто посещал, и

превратился там в крупнейшего ученого. С 1920 по 1941 гг. он читал в Софийском университете историю русской литературы, в 1923 г. был избран членом-корреспондентом Болгарской Академии наук, а в 1941 г. стал болгарским академиком. Новых больших работ М.Г. Попруженко в Болгарии не написал, но свою главную монографию постоянно совершенствовал и в 1936 г. издал ее в очередной раз. Наряду с этими трудами М.Г. Попруженко публиковал работы о болгарском Возрождении и популяризировал в Болгарии творчество русских писателей.

В заключение изложения материала о русских историках-эмигрантах следует сказать, что все они, здесь упомянутые и другие, внесли вклад в развитие исторической науки. Но этот вклад был неравноценным. Историки славянского права и византилисты способствовали приобретению этими видами гуманитарных знаний европейского уровня. Историки, жившие в эмиграции в Чехии, обогатили своими трудами сведения о состоянии чешско-русских и межславянских связей, начиная с древности и кончая современностью. Кроме того, историки, жившие в Чехии, стали родоначальниками изучения языка, истории и современности Карпатской Руси – области, вошедшей в состав Чехословакии совсем недавно и чешскими историками не изучавшейся. Из русских о Карпатской Руси писали В.А. Францев, А.В. Флоровский, А.Л. Петров и многие другие.

Наибольшую практическую пользу для славянских народов принесли те ученые-эмигранты, которые работали в Королевстве СХС (Югославии). Это новое государство состояло из народов, среди населения которых был высокий процент неграмотных, кадры интеллигенции были по численности весьма скромны, большинство научных дисциплин находилось в зачаточном состоянии. Русские ученые-эмигранты создали в Королевстве СХС (Югославии) ряд отраслей исторической науки, специальные научные учреждения, воспитали национальные кадры. Именно эти люди выполнили гуманитарную миссию, подняв своим самоотверженным трудом просвещение и науку на уровень, которого в этой стране в то время не было.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О В.А. Францеве см.: *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. Литература о нем – на с. 289–291.

² Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В.А. Францев. Варшава, 1905.

³ Korespondence Josefa Dobrovského. Díl II. Vzájemné dopisy J. Dobrovského a Jiřího Samuele Bandtkého z let 1810–1827. K vydání upravil V. Francev. Praha, 1906.

⁴ Францев В.А. Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902.

⁵ Францев В.А. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX столетия. Прага, 1906.

⁶ Syllaba Theodor. V.A. Francev: bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho činnosti. Praha, 1977.

⁷ Korespondence Pavla Josefa Šafaříka. Vzájemné dopisy P.J. Šafaříka s ruskými učenci (1825–1861). Vydal V.A. Francev. Část I v Praze, 1927; Část II v Praze, 1928.

⁸ Например, Francev V.A. Cesta J. Dobrovského a hr. J. Šternberka do Ruska v letech 1792–1793. V Praze, 1923; Řeč Josefa Dobrovského proslovená dne 25. září 1791 v České učené společnosti. S předmlouvou V.A. Franceva. Praha, 1926; Dopisy neznámé české šlechtičny Josefu Dobrovskému z r. 1796. Vydal V.A. Francev. V Praze, 1929; Францев В.А. Аббат Иосиф Добровский, патриарх славяноведения // Россия и славянство. Париж, 1929. № 11, 9/2. С. 3–4.

⁹ Например, Францев В.А. Державин у славян. Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст. Прага, 1924; «Славянские девы» кн. А.И. Одоевского. Славянофильская идея декабристов. Прага, 1923; Славянское путешествие Н.И. Надеждина в 1840–1841 гг. Прага, 1935 и др.

¹⁰ Например, Францев В.А. Последнее учёное путешествие графа Яна Поттоцкого 1805–1806. Из материалов для его биографии. Прага, 1938; Польский славянофил Роман Зморский 1822–1867. К истории польского славяноведения. Прага, 1919 и др.

¹¹ Францев В.А. Пушкин и Польское восстание 1830–1831 гг. Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Прага, 1929.

¹² Об А.В. Флоровском имеется литература, главным образом, словарного и юбилейного характера. Она перечислена в: На рубеже культуры. Российская эмиграция в межвоенный период. М., 2012. С. 20.

¹³ Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Т. I. Прага, 1935.

¹⁴ Florovský A.V. Čeští jesuité na Rusi. Jesuité české provincie a slovanský východ. Praha, 1941.

¹⁵ В Государственном архиве Российской Федерации имеется Архив Б.А. Евреинова (Ф. 5891). Из литературы о нём можно указать: Соколов М. Вторая жизнь Бориса Евреинова // Новый журнал. Кн. 251. Нью-Йорк, 2008. С. 378–404; Флоровский А.В. Борис Алексеевич Евреинов 28.XI.1888 – 29.X.1933 // Некролог из неизвестного журнала.

¹⁶ Евреинов Б.А. Последние судороги деникинского фронта // На чужой стороне. Кн. 10. Прага, 1925.

¹⁷ Соколов М. Вторая жизнь Бориса Евреинова. С. 378.

¹⁸ Научные труды Русского Народного университета в Праге, 4. Прага, 1931. С. 118–128.

¹⁹ Записки Русского исторического общества в Праге. II. Прага, 1930. С. 95–124.

²⁰ Научные труды Русского Народного университета в Праге, 5. Прага, 1933. С. 98–109.

²¹ *Евреинов Б.А.* Ю.Ф. Самарин в Праге в 1867–1868 гг. // Сборник Русского института в Праге, I. Прага, 1929. С. 333–351.

²² *Лаптева Л.П.* Русский историк-славист Александр Львович Погодин: Жизнь и творчество (1872–1947). М., 2011.

С.И. ДАНЧЕНКО

(Институт славяноведения РАН, Москва)

К СТОЛЕТИЮ АКАДЕМИКА ЮРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ПИСАРЕВА

Abstract:

Danchenko S.I. *To the 100th anniversary of the member of the Russian Academy of Science Yuri Alekseyevich Pisarev*

The article traces the career of the famous Soviet and Russian scholar, Slavicist and a specialist in Balkan studies as well as in history of international relationship in the Balkans at the end of the 19th – beginning of the 20th century Yu.A. Pisarev (1916–1993); moreover the article covers his contribution to the Soviet and Russian Slavic studies of the second half of the 20th century and to the development of international scientific ties. The author tries to create a portrait of the scholar using among other things her own recollections and dedicates this article to the 100th anniversary of Yu.A. Pisarev.

Ключевые слова: академик Ю.А. Писарев, славяноведение, Первая мировая война, Сербия, Черногория, Балканы, история международных отношений.

26 марта 2016 г. исполнилось сто лет со дня рождения академика Юрия Алексеевича Писарева (1916–1993), известного советского и российского ученого, специалиста по новой и новейшей истории Югославии и международных отношений на Балканах. Юрий Алексеевич был из той когорты исследователей, которые составляли фундамент академической науки и определяли ее «лицо» в советскую эпоху. Он стал одним из первых балканистов в нашей стране. Его труды обогатили отечественную историографию по целому комплексу проблем и явились основой для развития важнейших направлений в изучении истории Балканского региона, во всем ее многообразии. За почти полвека им было опубликовано свыше 300 работ общим объемом около 550 п.л. Это научное наследие ставит его в ряд виднейших отечественных славистов. При этом он не был лишь кабинетным ученым, а наряду с научными исследованиями вел большую научно-организационную и педагогическую работу, активно и творчески участвовал в установлении и развитии международных научных связей. Вклад Ю.А. Писарева в отечественную югославиистику и балканистику заслуживает подробного рассмотрения его жизненного и творческого пути.

В свое время известный советский историк В.Д. Королук писал: «Жизнь историка скоротечна. Жизнь его, как миг, по сравнению с вечностью и беспредельностью науки, в том числе и истории. Но хотя мы понимаем, что полное воскрешение облика

ученого невозможно, бороться с забвением нужно. Нам нужны не только профессиональные анализы трудов историков, сделанные другими историками. Нам нужно знать об их жизни – труде, судьбах, страданиях и мечтах»¹.

Вслед за В.Д. Королюком я также считаю, что научное наследие ученого необходимо рассматривать в тесной связи с его личностью, с его биографией и с той исторической эпохой, в которую он жил и творил.

К сожалению, Юрий Алексеевич не относился к тем людям, которые любят во всех деталях повествовать о своей жизни. Опубликованных воспоминаний он также не оставил. Когда в 1986 г. мне пришлось готовить статью о его жизни и научной деятельности, в связи с его 70-летием (по заказу редакции журнала «Новая и новейшая история»; была опубликована в 1986 г. № 5), я, разумеется, пыталась узнать какие-то подробности у самого юбиляра. Однако он сообщил тогда лишь скудные сведения, посоветовав не отвлекаться на «лирику» и писать только о его трудах. Да в те годы и не принято было давать жизнеописания ученых в духе издания «Портреты историков. Время и судьбы», тома которого под редакцией академика Г.Н. Севостьянова выходили уже после кончины Юрия Алексеевича. Так что совокупный образ Ю.А. Писарева как ученого, гражданина, педагога, старшего друга, духовного наставника складывался у меня при чтении его трудов, под впечатлением личного многолетнего с ним общения и рассказов о нем коллег по Институту.

Ю.А. Писарев родился 26 марта 1916 г. в Москве в семье учителя. Окончив среднюю школу и педагогический техникум в г. Ельце, он получил направление в г. Сестрорецк Ленинградской области, где некоторое время работал преподавателем средней школы. В 1937–1941 гг. Ю.А. Писарев – студент исторического факультета Ленинградского государственного университета. В июне 1941 г., после начала Великой Отечественной войны, он вступил в ряды Ленинградского ополчения, из которого был переведен в офицерскую школу воздушного наблюдения, оповещения и связи. В ноябре 1941 г. по состоянию здоровья Юрий Алексеевич был демобилизован из рядов Советской армии и эвакуирован в г. Свердловск, где работал на крупном военном заводе. После войны, в 1946–1950 гг., он учился в аспирантуре сначала Уральского государственного университета, а затем Института истории АН СССР в Москве, со специализацией по истории Югославии. Здесь в 1950 г. Ю.А. Писарев успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Аграрные отношения и крестьянское движение в Сер-

бо-хорвато-словенском государстве в 1918–1923 гг.», а затем стал работать научным сотрудником (до 1968 г.).

Советская югославистика в этот период находилась в стадии становления. Лишь с 1 января 1947 г. начал работу созданный в конце 1946 г. Институт славяноведения АН СССР. Специалистов по истории Югославии в нашей стране практически не было. Молодым ученым приходилось все делать впервые – учить славянские языки, штудировать имеющуюся в библиотеках немногочисленную литературу, выявлять новые документы в отечественных архивах.

Кандидатская диссертация Ю.А. Писарева и ряд статей, написанных и опубликованных им после защиты, явились одними из первых работ в отечественной югославистике, посвященных развитию социально-экономических отношений, крестьянскому и рабочему движению в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС). В соответствии с постулатами советской исторической науки этого периода, автор подчеркивал определяющее влияние Октябрьской революции 1917 г. в России на балканские события.

С середины 1950-х годов Юрий Алексеевич приступил к разработке истории национально-освободительной борьбы югославянских народов, входивших в состав Австро-Венгрии. В этот период он публикует целый ряд статей², в которых всесторонне анализирует различные аспекты данной проблемы. Как результат творческих усилий ученого – защита в 1960 г. докторской диссертации, которая в 1962 г. вышла в издательстве «Наука» в виде монографии «Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905–1914 гг.». Эта книга – итог многолетнего кропотливого изучения как уже опубликованных документов, так и материалов из советских и зарубежных хранилищ. Юрий Алексеевич был одним из тех исследователей, кому посчастливилось получать продолжительные командировки, прежде всего в Югославию, а также в Австрию и Венгрию, для работы в библиотеках и архивах. Именно поэтому он прекрасно знал труды зарубежных историков по тем проблемам, которые исследовал. Эта эрудиция всегда отличала и его работы, и его выступления на различных научных форумах.

В своей монографии Ю.А. Писарев подробно осветил экономическое и политическое развитие югославянских земель, входивших в состав Габсбургской монархии, представил историю политических партий, их программы и лидеров (Ф. Супило, С. Радич и др.), показал, что эти земли находились на положении внутренних колоний и были объектом экспансии австрийских монополий.

Как уже отмечалось выше, Ю.А. Писарев был одним из первых отечественных ученых-балканистов, и это наглядно проявилось в этой его работе. Он глубоко проанализировал внешнеполитическую ситуацию на Балканах, вызванную боснийским кризисом 1908 г., воздействие Балканских войн на международные отношения, национально-освободительное движение в Боснии и Герцеговине накануне Сараевского убийства. Освещая приготовления Австро-Венгрии к нападению на Сербию, он привел немало новых документов о планах ряда военных и политических деятелей Австро-Венгрии и Германии, которые с помощью войны хотели отвлечь народы своих стран от освободительной борьбы и решить в своих интересах югославянскую проблему.

Разумеется, ученый следовал идеологическим концепциям, господствовавшим в тот период в советской историографии, включив в книгу главу о влиянии на события в рассматриваемом регионе первой русской революции 1905–1907 гг. Но, во-первых, это влияние действительно имело место, хотя его степень отечественными историками, в том числе Ю.А. Писаревым, явно преувеличивалась. А во-вторых, это не помешало ему создать по-настоящему ценный, фундаментальный труд, который, на мой взгляд, открыл новую страницу в изучении в нашей стране истории югославянских народов накануне Первой мировой войны и политики великих держав в Балканском регионе. Неслучайно он получил высокую оценку научной общественности³.

Следует отметить, что период конца 1950-х – начала 1960-х годов был весьма сложным в развитии советско-югославских межгосударственных отношений. После смерти И.В. Сталина его преемники осуществили их нормализацию, после конфликта 1948 г. Конечной целью Москвы было возвращение Федеративной Народной Республики Югославия в ряды стран советского блока. Для югославских руководителей во главе с Й.Б. Тито примирение с СССР означало выгодные кредитные и торговые договоры, а также признание особого, югославского пути строительства социализма. Они трактовали нормализацию как дружбу и сотрудничество двух равноправных государств. Это разночтение стало причиной того, что отношения двух стран не были стабильны, время от времени вспыхивали новые советско-югославские конфликты. На отношениях сказывались события в Венгрии 1956 г., дискуссии вокруг новой программы Союза Коммунистов Югославии 1958 г. и др. Работы по данной теме, опубликованные отечественными историками уже в XXI веке, с привлечением недавно от-

крытых архивных материалов, во всей полноте представляют сложившуюся после XX съезда КПСС ситуацию⁴.

В этих условиях ученым-югославистам приходилось испытывать определенное давление и политических обстоятельств, и идеологических структур, работать в известной мере с «оглядкой». Тем большего уважения заслуживают они за свою научную деятельность в реалиях советской эпохи. Научные командировки в Югославию в этот период были крайне редкими; оформление, даже на поездки на конференции (3–5 дней), было таким же «серьезным», долговременным и сложным, как в «капиталистическую» страну. Общение с югославскими коллегами и свобода дискуссий также были ограничены. Советским ученым приходилось преодолевать недоверие ко «всему югославскому», утвердившемуся в представлениях партийного и государственного аппарата СССР с 1948 г.

Монографические разработки Ю.А. Писаревым ключевых проблем новой и новейшей истории югославянских народов позволили ему в конце 50-х – начале 60-х годов принять участие в создании ряда коллективных трудов. Он написал несколько глав для обобщающей работы «Советская Россия и капиталистический мир в 1917–1923 гг.» (М., 1957), ряд разделов по той же тематике для 8-го тома «Всемирной истории» (М., 1960), 3 главы для «Истории Югославии» (Т. I–II. М., 1963), в которых обобщил результаты своих предыдущих исследований.

В 1960-е годы ученый обратился к проблематике, связанной с возникновением Первой мировой войны. Юрий Алексеевич появился на свет весной 1916 г., в разгар кровопролитных боев на многих ее фронтах. И это словно определило впоследствии его научный интерес к этой теме на долгие десятилетия. Во всяком случае, в то время, когда ведущим направлением в исторических исследованиях являлось изучение влияния Великого Октября на другие страны, ключевой проблемой международных отношений начала XX в. он считал именно Первую мировую войну и ее предысторию, когда завязывались, в том числе на Балканах, сложные узлы мировой политики. Помню, как часто Юрий Алексеевич повторял, что всю жизнь мечтал изучать только Первую мировую войну – во всем многообразии составляющих ее компонентов. И еще он верил (это были 1980-е годы, начало «перестройки»), что наступит время, когда Великая война станет самостоятельным объектом глубоких исследований, а не будет лишь сопутствующим фоном Октябрьской революции.

Постепенно на первый план в научных изысканиях Ю.А. Писарева выдвигались проблемы войны и мира, ответственности политиков и дипломатов за возникновение военных конфликтов.

Из крупных вех исследуемого периода Юрий Алексеевич выделил те, которые связаны с участием в войне Сербии и Черногории. Этой теме были посвящены его монография «Сербия и Черногория в первой мировой войне» (М., 1968) и ряд статей⁵.

Прослеживая динамику освободительного движения балканских народов, ученый выступил с критикой взглядов австрийских историков Г. Юберсбергера и Г. Ганча, отстаивавших германскую версию о причастности Сербии к Сараевскому покушению на эрцгерцога Франца-Фердинанда. Собранный Ю.А. Писаревым материал опровергает эти фальсификации. Его труд, как и все предыдущие работы, основан на первоклассных источниках самого различного характера: это и обширная литература, и документы 25-ти советских и зарубежных архивов, и многочисленные мемуары участников событий, руководителей национально-освободительного движения, политиков, дипломатов, военных Сербии и Черногории, государственных деятелей великих держав. В книге обстоятельно исследуется военно-дипломатическая история Сербии и Черногории в 1914–1918 гг. Вместе с тем большое внимание автор уделит исследованию процесса объединения югославянских народов. Он показал их борьбу за свое освобождение и объединение, начиная с Нишской декларации 7 декабря 1914 г. и кончая образованием 1 декабря 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев. Большую ценность представляют разделы, посвященные истории формирования, боевых действий и интернирования командованием Салоникского фронта русского корпуса на Балканах после Октября 1917 г. Юрий Алексеевич не только воскресил забытые страницы прошлого, описав трагическую судьбу 40 тыс. русских солдат, но и показал, какую большую помощь Сербии и Черногории оказывала в то время Россия. Впервые в отечественной историографии ученый столь масштабно исследовал также развитие рабочего, крестьянского и национально-освободительного движения, проследил деятельность Сербской социал-демократической партии, ее борьбу против милитаризма и войны. Принимая во внимание все вышесказанное, представляется более чем заслуженной та высокая оценка, которая была дана этому труду советскими учеными и их югославскими коллегами⁶.

В 1968 г., в связи с реорганизацией Института истории АН СССР, Ю.А. Писарев, вместе с рядом сотрудников возглавляемого им сектора истории европейских стран народной демократии (спе-

циалистами по истории Румынии, Венгрии, Албании, Греции), перешел на работу в Институт славяноведения, ставший в это время Институтом славяноведения и балканистики. Здесь он длительное время возглавлял сектор новой истории балканских народов, а затем являлся советником Дирекции Института. Коллектив сектора был непростым, он состоял в основном из «своих» славистов, бывших учеников профессора Сергея Александровича Никитина (1901–1979), прежнего заведующего, и «пришлых» балканистов, людей талантливых, ярких, амбициозных, уже известных своими трудами в научном сообществе. Юрию Алексеевичу было, конечно, непросто руководить таким подразделением, но он как-то умудрялся это делать. Доброжелательность, умение создать вокруг себя творческую рабочую атмосферу, готовность помочь своим коллегам в самых разных ситуациях – все это способствовало успешному руководству Юрия Алексеевича научным коллективом и весомым результатам работы возглавляемого им сектора.

Но несмотря на большую научно-организационную нагрузку, он не сбавлял темпа научных исследований. В 1975 г. вышла в свет его монография «Образование Югославского государства». В ней исследуются события одного из самых бурных периодов истории югославянских народов, охватывающие 1914–1918 гг. На основе многочисленных и разнообразных источников он показал, что Австро-Венгерская империя раздиралась непримиримыми внутренними противоречиями – социальными и национальными. При этом автор выявил общие закономерности и специфические черты революционных процессов в регионе, приведших к распаду многонациональной Габсбургской монархии и образованию новых государств. Он раскрыл те политические маневры, к которым на разных этапах прибегали правящие круги Австро-Венгрии, чтобы помешать объединительным процессам югославянских народов, деятельности в этом направлении их политических и общественных лидеров. Юрию Алексеевичу удалось обнаружить в архивах СССР и Югославии немало документов, которые позволили расширить представления о событиях, связанных с Сараевским убийством и началом Первой мировой войны, в том числе о деятельности тайной организации сербских офицеров «Черная рука».

В монографии Ю.А. Писарев глубоко изучил вопрос об экспансионистских планах Австро-Венгрии на Балканах и усилении австро-сербских противоречий накануне Первой мировой войны. Он представил данные о том, что Сербия не хотела войны, так как после успешных для нее Балканских войн, понесла значительные материальные и людские потери, нуждалась в передышке. Ученый

привел слова сербского премьер-министра Н. Пашича после заключения Бухарестского мира 10 августа 1913 г.: «Сегодня в наших интересах, чтобы Австро-Венгрия просуществовала еще 25–30 лет, пока мы на юге не освоим все настолько прочно, что эти территории нельзя будет от нас отделить»⁷.

Монография Ю.А. Писарева аргументированно опровергает ряд концепций западных авторов – С. Поссоли, Б. Брэма, И. Римэка, Ф. Вюртля, пытавшихся возложить ответственность за возникновение Первой мировой войны на Сербию и Россию. Он также показал несостоятельность версии о том, что члены организации «Млада Босна», один из которых, Гаврило Принцип, осуществил «атентат» против Франца-Фердинанда, были связаны с руководителем «Черной руки» Д. Димитриевичем-Аписом и получали от него деньги.

В книге приведено немало данных о воздействии революционных событий в России в 1917 г. на освободительное движение в Боснии, Герцеговине, Хорватии, Словении, Воеводине. Она завершается изложением событий, приведших к распаду Габсбургской монархии и образованию в декабре 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев, нового государства с многочисленными проблемами, которое ожидала непростая судьба. Юрий Алексеевич говорит об этом со знанием дела, так сказать, «из будущего». Вместе с тем, учитывая ситуацию 1918 г., он подчеркивает позитивное значение совершившегося исторического акта: «В результате объединения югославянских народов в едином государстве была преодолена их вековая разобщенность, ликвидирован тяжелый чужеземный гнет, созданы условия для дальнейшего культурного развития»⁸.

С конца 1970-х годов Ю.А. Писарев основное исследовательское внимание сосредоточивает на изучении балканской политики великих держав в начале XX в.⁹. Результаты этих изысканий были обобщены им в следующей монографии – «Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны» (М., 1985). В ней рассматриваются история международных отношений и политика европейских держав на Балканах; раскрываются экспансионистские планы империалистических коалиций в Юго-Восточной Европе, особенности балканской политики Австро-Венгрии, Франции, Англии, России, Германии, Италии; прослеживаются причины превращения Балкан в «пороховой погреб» Европы. Большое внимание уделяется проблемам внутренней истории балканских народов – их борьбе против агрессии кайзеровской Германии и монархии Габсбургов; исследуется целый ряд других

сложных вопросов, в первую очередь, важная тема «Балканский союз 1912–1913 гг. и Россия».

В политике России на Балканах этих лет ученый выделил несколько этапов. На первом из них – от создания Балканского союза и до его войны с Турцией – Россия стояла за мирное урегулирование конфликта. Второй этап наступил после Первой Балканской войны, во время которого Петербург придерживался строгого нейтралитета. Вместе с тем, в книге показано, что общественность России оказала значительную поддержку и экономическую помощь балканским народам, организовав сбор пожертвований и отправку добровольцев и санитарно-медицинских отрядов на Балканы. По этому вопросу Юрий Алексеевич привел массу новых фактов и документов. После окончания Первой Балканской войны и вплоть до межсоюзнической Второй Балканской войны Петербург стремился найти пути для урегулирования споров между членами союза при помощи третейского разбирательства. Автор отмечает, что, несмотря на то, что России не удалось предотвратить развал Балканского союза и Вторую Балканскую войну, ознаменовавшую начало третьего этапа российской политики на Балканах, петербургский кабинет и после этой неудачи продолжал придерживаться курса на восстановление союза. Ю.А. Писарев делает вывод, что объективно попытка России сгладить межбалканские противоречия отвечала интересам самих балканских стран.

В западной историографии и по сей день высказывается точка зрения, согласно которой Россия стремилась превратить Балканский союз в «орудие» своих интересов. Однако сторонники этой концепции игнорируют документы, доказывающие, что правящая элита балканских государств с ее неумеренными притязаниями часто скрывала свои замыслы от России, и это также показал в своей монографии Ю.А. Писарев.

Наряду с интенсивной творческой работой, в 1970–1980-е годы Юрий Алексеевич, фанатик архивных изысканий, много времени и сил отдавал публикации новых документов с тем, чтобы возможно скорее сделать их достоянием научного сообщества. Это было в указанный период одним из основных направлений работы возглавляемого им сектора. Эта деятельность осуществлялась в рамках сотрудничества Академии наук СССР с Академиями наук и искусств Сербии, Боснии и Герцеговины, а также с Болгарской академией наук.

В 1980–1983 гг. вышел в свет двухтомный советско-югославский сборник документов «Первое сербское восстание 1804–

1813 гг. и Россия». По оценке советских и югославских специалистов, этот труд является в своем роде уникальным, во многом по-новому представляющим историю политических, дипломатических и общественных связей между русским и сербским народами в начале XIX в.

Ю.А. Писарев являлся членом редколлегии советско-югославской публикации «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1878 гг.», в которой широко представлены материалы отечественных и зарубежных архивов по истории российско-балканских отношений накануне и в период Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг.¹⁰

Активное участие принимал Юрий Алексеевич и в совместной работе с болгарскими историками над публикацией документов «Россия и болгарское национально-освободительное движение. 1856–1876», изданной в Болгарии¹¹ и являющейся логическим продолжением фундаментальной трехтомной публикации «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (Т. I–III. М., 1961–1967).

Прекрасное знание Ю.А. Писаревым истории всего Балканского региона, большой опыт организатора науки, его работа в качестве члена редколлегии всех вышеуказанных трудов во многом способствовали успешному их завершению.

В 1980-е годы основным направлением исследовательской работы сектора новой истории балканских народов, который возглавлял Юрий Алексеевич, стало изучение проблемы «Развитие государственности на Балканах в XIX – начале XX вв.». Наш многоумудрый шеф сам «придумал» эту тему – в ответ на упреки некоторых членов тогдашней Дирекции и партбюро, что сектор неоправданно много времени отдает публикаторской работе и не создает значимых обобщающих трудов. Помню, как негодовал Юрий Алексеевич после очередной такой «беседы в верхах». «Мы добываем новое знание, работаем над важнейшей проблемой русско-балканских связей, благодаря этому так успешно развивается наше международное сотрудничество, коллеги за рубежом ценят нашу работу, восхищаются нашими архивами, а нас считают чуть ли не людьми второго сорта!» – возмущался он. Однако через некоторое время Юрий Алексеевич успокоился и торжественно провозгласил начало «новой научной эры»: «Будем работать над проблемой балканской государственности!»

Сотрудники сектора с энтузиазмом откликнулись на его призыв, и в результате их исследований были подготовлены два коллективных обобщающих труда: «Образование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII в. – 70-е годы

XIX в.» (М., 1986) и «Балканы в конце XIX – начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе» (М., 1991). В качестве авторов разделов в этих трудах выступили ведущие сотрудники сектора, известные в научном сообществе слависты и балканисты: И.С. Достян, В.Н. Виноградов, Г.Л. Арш, И.В. Чуркина, В.П. Грачев и др. В этих книгах, которые до сих пор высоко оцениваются и используются специалистами, рассмотрен целый комплекс ключевых проблем истории балканских народов: государственно-политическая традиция в странах региона, развитие идей государственности у разных балканских народов, национально-освободительные движения на Балканах, этапы создания национальных государств, роль внешнего фактора в этом процессе и др.

Но, конечно, не подготовка коллективных трудов, а написание индивидуальных монографий всегда было у Юрия Алексеевича на первом месте. Авторы одного из очерков о его жизни и творчестве профессор Петербургского университета К.Б. Виноградов и ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН А.Л. Шемякин пишут о «научной ненасытности» ученого¹². И это действительно так. Он весь был заряжен на творчество и не прекращал свой личный созидательный процесс ни на один день, даже после напряженных присутственных дней в Институте шел заниматься в Ленинку. Он буквально жил в эпохе Первой мировой войны и искал, искал новые документы, которые помогали ему делать открытия, освещать еще не исследованные вопросы, по-новому рассматривать уже известные факты и события. Замыслов у него было очень много – он хотел написать и выпустить еще несколько монографий. «Теперь, когда я ни на что второстепенное не отвлекаюсь, – говорил он мне при встрече, – я хочу только работать, тем более что теперь мне не нужно защищать диссертаций, и я могу писать так, как хотел это делать всегда».

В планах Юрия Алексеевича было, прежде всего, создать трилогию «Сербия: от катастрофы к возрождению»¹³. До своей кончины (11 марта 1993 г.) он успел написать две монографии: «Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг.» (М., 1990) и «Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г.» (М., 1993), которая была опубликована уже после его смерти.

В первой книге, посвященной предыстории и началу Великой войны, автор вновь привлек еще не опубликованные документы, в том числе те, которые он получил из США от сына последнего российского военного агента в Сербии В.А. Артамонова. Значительное место в труде посвящено позиции европейских держав

в указанный период, планам сербской элиты, тактике и целям европейских милитаристов. Юрий Алексеевич делает вывод о том, что правители Австро-Венгрии с самого начала осознанно шли на военный конфликт с Сербией. Много внимания он уделит и обстановке в России накануне войны, вопросу о мобилизации русской армии, используя, в частности, ранее не известные мемуары российского посланника в Сербии князя Г.Н. Трубецкого. При этом исследователь сделал следующий вывод: Россия «оказалась втянутой в мировую войну логикой событий, что никоим образом не снимает с царизма ответственность за ее возникновение»¹⁴.

Трагедии Сербии и Черногории в 1915–1916 гг. посвящена последняя книга Ю.А. Писарева. Создавая ее, он торопился, словно предчувствовал приближение конца своей земной жизни. «Сербия на Голгофе» написана в форме очерков и в строгом смысле не является фундаментальной монографией. Многие ее сюжеты Юрий Алексеевич рассказывал мне во время наших с ним встреч и буквально погружал меня в ту далекую эпоху, в которой он так прекрасно ориентировался, что называется, был «своим». Казалось, он знал всё и про всех – дипломатов, генералов, императоров и про совсем не известных людей из разных стран, наизусть цитировал документы, буквально сыпал цифрами и фактами. Книга примечательна и размышлениями автора по важнейшим вопросам бытия – стран, народов, отдельного человека. Так, он пишет об изучаемом им периоде: «Трагедия и ее преодоление, смерть и жизнь, беспримерное унижение целого народа и его жизнестойкость, потеря Родины и вера в победоносный исход войны, в новое обретение Отчизны – таковы главные моменты, определявшие развитие событий изучаемого периода»¹⁵.

В этой книге Юрий Алексеевич затрагивает немало вопросов, о которых он никогда не переставал размышлять в своих многочисленных трудах, и словно поворачивал их разными гранями перед своим «исследовательским оком». Именно поэтому известные, уже изученные им ранее события, кажутся в следующих работах немного иными. Так, в «Сербии на Голгофе» ученый описал подробности пребывания сербов на Корфу, рассмотрел в новом ракурсе динамику русско-сербских и сербо-черногорских отношений, а также вновь обратился к развитию югославянской идеи. Казалось бы, все эти вопросы уже были досконально изучены историками и в СФРЮ, и в СССР. Утвердившейся в тот период концепции, согласно которой в рамках объединительного процесса столкнулись гегемонистский курс великосербской буржуазии, проявившийся в политике правительства Н. Пашича, и феде-

ралистско-демократическая линия Югославянского комитета во главе с А. Трумбичем, представлявшего интересы и стремления югославян Австро-Венгрии, придерживался и Ю.А. Писарев. Однако он, как справедливо подчеркивают К.Б. Виноградов и А.Л. Шемякин, «не был догматиком». Он много размышлял о набравших драматизм событиях в Югославии конца 1980-х – начала 1990-х годов и в связи с этим искал их причины в далеком прошлом. Именно поэтому он вновь и вновь обращался к эпохе создания Югославии – возможно, не все его прежние оценки казались ему верными¹⁶.

При рассмотрении научного творчества Ю.А. Писарева нельзя не упомянуть еще об одном моменте. Историк незауряден, если у него есть своя творческая манера. Именно таким ученым был Ю.А. Писарев. Уже в первых своих монографиях советской эпохи он часто отходил от принятого тогда обязательного для академических трудов строгого, суховатого стиля – факты, цифры, цитаты и никакой «беллетристики» и «лирики». Но развевавшиеся вуали на шляпках венских дам накануне Первой мировой войны и «человеческие» портреты правителей и министров в его книгах и статьях суровые редакторы издательства «Наука» как-то все же пропускали. Особенно он «распоясался», по его собственному выражению, в трудах после начала «перестройки». В свою личную «болдинскую осень», длившуюся несколько лет, Юрий Алексеевич создал яркие и запоминающиеся исторические портреты многих своих «героев» – сербского премьер-министра Н. Пашича, короля Сербии Петра Карагеоргиевича, короля Черногории Николы Петровича-Негоша, а также российского посланника в Сербии Г.Н. Трубецкого, военного агента В.А. Артамонова и др. Примечательна характеристика творческой манеры Юрия Алексеевича, данная в уже упоминавшемся очерке К.Б. Виноградова и А.Л. Шемякина: «...составляя сложную мозаику из больших и малых интересов, расчетов, амбиций, анализируя боевые операции и последствия побед или поражений армий разных стран, Юрий Алексеевич частенько спускал читателя с высот общеевропейской и балканской политики на землю, вплетая в ткань своего повествования фрагменты повседневной истории. Он старался показать и внутреннее состояние воюющего общества, т.е. жизнь простого человека, специфику его поведения, особенности военного быта и т.д.»¹⁷.

В последние годы своей жизни Юрий Алексеевич буквально фонтанировал научными идеями – в этой сфере, далекой от нелегкого тогдашнего быта и общей неопределенности бытия начала 1990-х годов, он чувствовал себя, несмотря на болезни, прекрасно

– как рыба в воде и птица в воздухе. Помню, как однажды он вдруг безапелляционным тоном заявил, что мы, т.е. сотрудники Отдела и наши коллеги, неправильно и неполноценно изучаем балканскую политику России. И далее подробно разъяснил мне свою позицию. «Мы, – сказал он, – все время фактически исследуем не историю политики, а историю дипломатии – в основном по материалам АВПРИ». В ответ на мое недоумение и вопрос: «А как надо?», он сказал: «А надо еще заниматься разведкой на Балканах! – И добавил: – Эх, жалко, что я старый и такой больной, я именно про это стал бы сейчас писать – думаю, что теперь это уже можно. Если бы вы только знали, – его глаза просто горели «первооткрывательским» огнем, – сколько материалов об этом лежит в нашем потрясающем РГВИА (Российский Государственный военно-исторический архив – *С.Д.*)!». Да, эта мечта Юрия Алексеевича так и осталась тогда мечтой... Но прошло почти три десятилетия, и вот сейчас в нашем Отделе истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время успешно трудится молодой талантливый историк Василий Борисович Каширин, который с юности только не ночует в том самом потрясающем архиве и уже создал десятки трудов, в том числе по теме русской военной разведки на Балканах, и среди них – фундаментальную и захватывающую одновременно монографию «Дозорные на Балканах»¹⁸. Когда я с неизменным восхищением читаю работы своего молодого коллеги, всегда вспоминаю Юрия Алексеевича и тот наш разговор. Думаю, что академик был бы доволен. Кстати, на страницах своей книги В.Б. Каширин 8 раз упоминает имя Ю.А. Писарева.

Созданием многочисленных трудов не исчерпывался вклад Юрия Алексеевича в науку. Важным направлением его деятельности являлась многолетняя большая работа в качестве редактора в ведущих исторических журналах СССР. Уже в начале 1950-х годов (1950–1953 гг.) он руководил отделом соцстран в журнале «Вопросы истории». В 1957–1961 гг. входил в редколлегию журнала «Новая и новейшая история»; в 1965–1985 гг. – журнала «Советское славяноведение», являясь также постоянным автором этих академических изданий. Долгие годы он был главным консультантом Большой Советской Энциклопедии по проблемам Югославии.

Благодаря специальным навыкам, приобретенным в результате многолетней редакторской работы, и несомненному таланту Юрий Алексеевич очень помогал своим коллегам разных поколений в «шлифовке» их трудов, улучшении их структуры. Редактируя статьи, он часто буквально переписывал их, не «щадя» даже обязательные в ту пору цитаты «из Маркса–Энгельса». А когда

ему указывали на данный «просчет», он отвечал, что редактирует не классиков, а их переводчиков. Правда, затем цитаты все же стал «обходить» – прожив большую жизнь на пространстве советской историографии, он знал, что осторожность никогда не бывает лишней.

Плодотворные научные исследования Ю.А. Писарев успешно сочетал с преподавательской деятельностью. Большое внимание он уделял подготовке специалистов-историков в высшей школе. С 1950 г. в течение почти 25 лет он читал лекции по всеобщей истории и руководил дипломниками и аспирантами в Московском Государственном историко-архивном институте. В 1980–1983 гг. преподавал на историческом факультете Московского Государственного педагогического института им. В.И. Ленина, а затем – на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Он участвовал в написании и редактировании учебников для вузов, различных учебных пособий. Его книги и статьи, чтение общих и специальных курсов создали ему авторитет глубокого исследователя, высококлассного профессионала, ученого с широким творческим диапазоном, блестящего лектора.

Юрий Алексеевич был очень ответственным и внимательным научным руководителем своих аспирантов, которых он любил и пестовал, начиная с первого года обучения, не оставляя их своей помощью и поддержкой и впоследствии. Более 30 его учеников (среди них – Т.А. Покивайлова, В.И. Косик, О.В. Соколовская, В.П. Меньщиков и др.) успешно защитили кандидатские и докторские диссертации и с благодарностью вспоминают своего учителя.

Картина разносторонней деятельности Ю.А. Писарева будет неполной, если не упомянуть о его участии в международном научном сотрудничестве.

Как уже отмечалось выше, в 1970–1980-е годы Юрий Алексеевич входил в состав редколлегии ряда изданий документов, осуществляемых совместно с учеными Болгарии и Югославии. При этом вклад его в эту работу, учитывая его энциклопедические знания, профессионализм и креативность мышления, был весьма весомым.

Ю.А. Писарев был одним из тех ученых, которые в разные годы достойно представляли советскую историческую славистику за рубежом. Он выступал с докладами и сообщениями на Международных конгрессах исторических наук в Стокгольме, Москве, Сан-Франциско, международных конференциях в Вене, Будапеш-

те, Белграде, Анкаре, Сараево, на симпозиумах в Мюнхене, Белграде, Загребе, Титограде, Кракове, Праге, Майнце, возглавлял советскую делегацию на V съезде историков Югославии в Охриде в 1969 г.

В 1974 г. была создана Комиссия историков СССР и Югославии. В ее состав вошли видные представители науки двух стран. Одним из заместителей председателя советской части Комиссии академика А.Л. Нарочницкого стал Ю.А. Писарев. Он принимал активное участие, в рамках Комиссии, в целом ряде встреч: в Москве (1974), Сараево (1975; во время проведения Международной научной конференции, посвященной 100-летию начала Восточного кризиса 1875–1878 гг.¹⁹), Волгограде (1978).

Заслуги Юрия Алексеевича получили высокую оценку правительства – в марте 1986 г., в связи с 70-летием, он был награжден Орденом Дружбы народов.

Для Юрия Алексеевича было очень важно стать членом-корреспондентом, а затем академиком – это ему было необходимо не в целях обогащения и приобретения каких-то материальных благ, а как признание его научных заслуг и беспредельной преданности науке. Те, кто был вхож в его дом, знают, как скромно он жил, остальные могли убедиться в этом на его поминках. У него не было огромных апартаментов, дачи, личной машины, а только кабинет в академическом доме-самострое на ул. Дмитрия Ульянова (кабинет, он же спальня), выдавший виды письменный стол («мой верный товарищ» – так говорил о нем Юрий Алексеевич) и огромные, во всю стену до потолка, шкафы с книгами и рукописями. Искомые звания он получил: члена-корреспондента в декабре 1984 г., а академика в 1991 г., незадолго до смерти. Они нужны были ему, в том числе, для статуса и возможности более свободно творить, ведь мысль его все время бежала вперед – на «балканские» и «европейские» просторы начала XX века. Я свидетель того, как Юрий Алексеевич, словно фокусник, доставал из своих шкафов все новые и новые папки, приговаривая: «Вот они, настоящие сокровища!» И еще: «Если бы вы знали, как я люблю работать!» Это мы, его коллеги, прекрасно знали и еще видели, как от этого ежедневного творческого горения – с утра до вечера за письменным столом – болезни, преследовавшие его в последние годы жизни, словно отступали, и от рождавшейся в процессе работы творческой энергии он будто возрождался, а замыслы, которых по-прежнему было немало, довольно быстро воплощались.

Так, в начале 1990-х годов Юрий Алексеевич осуществил свою давнюю мечту: добился создания в ряде институтов РАН

специальных групп по изучению истории Первой мировой войны. Этому своему любимому в те годы детищу он отдавал все силы, которых было уже немного. Но он сумел заразить этой идеей многих молодых талантливых исследователей, и в 1992–1993 гг. такие группы появились в Институтах: всеобщей истории, славяноведения, российской истории. В декабре 1992 г. в Московском Доме ученых под председательством Ю.А. Писарева состоялось учредительное собрание Ассоциации историков Первой мировой войны.

Благодаря энтузиазму Юрия Алексеевича, при поддержке его деятельных и ответственных помощников, Ассоциация проделала большую работу. Ею был подготовлен коллективный труд «Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории» (М., 1994). В декабре 1992 г. в Институте всеобщей истории РАН был проведен «круглый стол» на тему: «Первая мировая война и история XX века»²⁰.

Мечтой Юрия Алексеевича в эти последние месяцы его жизни было подготовить и провести на должном уровне Международную научную конференцию, посвященную 80-летию начала Первой мировой войны. Очень хорошо помню, с каким энтузиазмом он составлял планы, встречался с коллегами, вел переговоры. Но, увы! Конференция в 1994 г., конечно, состоялась, но уже без Юрия Алексеевича. Председательствовал на ней новый руководитель Ассоциации академик П.В. Волобуев. И впоследствии деятельность этой достойной всякого уважения организации не ослабевала. Тематика Первой мировой войны, как и провидчески предсказывал Ю.А. Писарев, стала очень популярной в научных исследованиях. В конце XX – начале XXI вв. из печати вышли серьезные академические труды²¹, в которых во многом по-новому исследуется круг проблем, касающихся предыстории войны, международных отношений, хода боевых действий, общественных движений, которыми так глубоко и плодотворно всю свою жизнь занимался Юрий Алексеевич.

Это был ученый с ярко выраженным собственным именем в науке, чьи труды уникальны по избранной и разработанной тематике, глубоко убедительны по своей научной достоверности и совершенны по профессиональному мастерству. Ю.А. Писарев не довел до конца ряд своих начинаний и замыслов. Но и того, что он сделал, достаточно, чтобы считать его видным представителем отечественной и мировой югославистики и балканистики. Без его работ нельзя представить себе отечественную историческую науку второй половины XX века.

Для нас очень важны оставленные им труды. Но не менее важен его «человеческий» след на Земле. Мне посчастливилось, начиная с июня 1971 г., работать в секторе, который возглавлял Ю.А. Писарев, и быть его секретарем – сначала техническим, а затем ученым. Два раза в неделю, а то и чаще (если мы встречались в неприсутственные дни в библиотеке или архиве), я имела возможность видеть Юрия Алексеевича и общаться с ним в самых разных ситуациях – на заседаниях сектора, на конференциях, институтских собраниях, торжественных мероприятиях, а также на ленинских субботниках, приемах в югославском посольстве, секторских посиделках и т.д. А в последние годы, когда он много болел и время от времени нуждался в помощи нас, молодых сотрудников, мы встречались в больничной и домашней обстановке. И теперь, по прошествии 23 лет со дня его кончины, я могу с уверенностью сказать, что Юрий Алексеевич был не только замечательным ученым, эрудитом, профессионалом высочайшего уровня, но и уникальной личностью. Он обладал какой-то магией, притягивающей людей. Это был человек-праздник, умевший своей жизнерадостностью, сердечностью, необыкновенным юмором зарядить на «позитив» всех вокруг, поднять настроение тем, кто попал в его «орбиту», пусть даже временно.

Юрий Алексеевич, проживший большую часть XX века, мечтал дожить до XXI-го. Он говорил: «Мне кажется, новое столетие будет поинтереснее!». Эта его мечта, к сожалению, не осуществилась... Но с нами остались его труды, которые читаются, цитируются, анализируются и помогают молодым ученым познать новое и ориентироваться в океане проблем, имя которому Первая мировая война.

Итак, в заключение, что же мы можем кратко и обобщенно сказать об академике Юрии Алексеевиче Писареве? Исследовал, писал, редактировал, рецензировал, оппонировал, руководил, преподавал, выступал, помогал, наставлял, поддерживал и в результате оставил о себе светлую память.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Королюк В.Д.* Предисловие к сборнику избранных трудов И.С. Миллера «Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в.». М., 1980. С. 17.

² *Писарев Ю.А.* Народы Югославии и первая русская революция 1905–1907 гг. // Первая русская революция и международное революционное движение. Ч. 1. М., 1955; *он же.* Национально-освободительное движе-

ние в югославянских землях Цислейтании в 1908–1909 гг. // Новая и новейшая история. 1957. № 2; *он же*. Национальное движение в Хорватии и Воеводине в 1908–1909 гг. // Ученые записки Института славяноведения. Т. XV. М., 1957; *он же*. Внутривосточное положение в Боснии и Герцеговине накануне и в период Боснийского кризиса 1908–1909 гг. // Новая и новейшая история. 1959. № 1; *он же*. Государственно-правовое и экономическое положение южнославянских земель в системе Австро-Венгрии // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 14. М., 1960; *он же*. «Млада Босна» и другие организации югославянской молодежи // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 29. М., 1960 и др.

³ См. рецензии на эту книгу: Новая и новейшая история. 1962. № 4; Вопросы истории. 1963. № 1.

⁴ *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002; *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008; *он же*. За кулисами советско-югославских отношений (июль-декабрь 1966г.) // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 1; *он же*. Два Велько из титовского окружения // Черногорцы в России. М., 2011; *Стыкалин А.С.* СССР – Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 1950-х – начало 1960-х годов) // Славяноведение. 2006. №3; Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011; *Новосельцев Б.С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М., 2015 и др.

⁵ *Писарев Ю.А.* Оккупация Сербии Австро-Венгрией и борьба сербского народа за свое освобождение в 1916–1918 гг. (до прорыва Салоникского фронта) // Советское славяноведение. 1965. № 4; *он же*. Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. // Исторические записки. Т. 79. М., 1966; *он же*. Сараевское убийство 28 июня 1914 года // Новая и новейшая история. 1970. № 5; *он же*. Неки аспекти односа Русије са Црном Гором и Србијом почетком првог светског рата // Историјски записи. Титоград, 1967. № 2; *он же*. Окупација Србије и Сне Горе 1915–1918. godine // Vojnoistorijski glasnik. Beograd, 1967. № 3 и др.

⁶ См. рецензии: Новая и новейшая история. 1969. № 6; Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd, 1970. № 1–2. С. 158.

⁷ *Писарев Ю.А.* Образование Югославского государства. М., 1975. С. 51.

⁸ Там же. С. 369.

⁹ *Писарев Ю.А.* Германский империализм и Балканы: роковые решения Вильгельма II Гогенцоллерна // Новая и новейшая история. 1983. № 5; *он же*. Югославянский вопрос в балканской политике России в 1913–1915 гг. (По неизданным и малоисследованным документам) // Исследования по истории стран Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Кишинев, 1983; *он же*. Балканы между миром и войной: Лондонские конференции 1912–1913 гг. // Новая и новейшая история. 1984. № 4; *он же*. Бал-

канский союз 1912–1913 гг. и Россия // Советское славяноведение. 1985. № 3 и др.

¹⁰ Последний, 3-й том данной публикации вышел уже в XXI в. См.: Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., 2008. Среди членов редколлегии есть и обведенное черной рамкой имя Ю.А. Писарева.

¹¹ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. I. Ч. 1–2. София, 1987.

¹² *Виноградов К.Б., Шемякин А.Л.* Юрий Алексеевич Писарев (1916–1993) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история. М., 2004. С. 373.

¹³ *Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993. С. 4.

¹⁴ *Писарев Ю.А.* Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 88.

¹⁵ *Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе. С. 78.

¹⁶ В одной из последних своих статей Юрий Алексеевич отмечал, что «необходимо попытаться ответить на вопрос: существовали ли уже тогда (в 1918 г. – С.Д.) причины для нынешнего конфликта, или, напротив, то, что происходит сегодня (в начале 1990-х годов – С.Д.), является порождением сепаратизма отдельных частей Югославии, а в 1918 г. были заложены основы для существования жизнеспособного правового государства?». См.: *Писарев Ю.А.* Создание Югославского государства в 1918 г.: уроки истории // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 25.

¹⁷ *Виноградов К.Б., Шемякин А.Л.* Указ. соч. С. 371–372.

¹⁸ *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.

¹⁹ Об атмосфере, царившей на этой конференции, и о мероприятиях, в которых принимали участие советские ученые, в том числе Ю.А. Писарев, см. нашу публикацию: *Данченко С.И.* Сараево – 1975. Воспоминания // Славянский мир в третьем тысячелетии. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. М., 2015. С. 417–432.

²⁰ Материалы этого «круглого стола» были опубликованы в журнале «Новая и новейшая история» (1994. № 4, 5).

²¹ См. напр.: Первая мировая война: Пролог XX в. М., 1998; Мировые войны XX в.; в 4-х т. Кн. 1–2. М., 2002; За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002 и др.

II. МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ И СОГЛАШЕНИЯ В ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

К. ПАПП

(Дебреценский университет, Венгрия)

ВЕНСКИЙ МИР 1606 Г. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Abstract:

Папп К. *The Peace of Vienna 1606 and its consequences*

In the article, the circumstances of signing of the Vienna peace treaty are considered. This document became a principle judicial act between the Hungarian estates and the Habsburgs, which guaranteed the preservation of the political institutions serving the basis of the autonomous status of the Kingdom of Hungary and codified religious and political rights of the Protestants.

Ключевые слова: Венгерское королевство, сословия, Габсбурги, Венский мир 1606 г.

Венский мир 1606 г. был заключен по итогам Пятнадцатилетней войны с османами и по сути своей знаменовал компромисс между Габсбургским двором и венгерскими сословиями (магнаты, прелаты, комитатское дворянство и города) после двухлетнего вооруженного конфликта¹. Эту вооруженную борьбу с венгерской стороны возглавлял Иштван Бочкай (1557–1606), которого в феврале 1605 г. избрали князем Трансильвании, а затем, 20 апреля 1605 г., на Государственном собрании в Серенче также князем Венгрии. Восстание Бочкай в значительной мере поддерживала Османская империя, с которой Габсбурги находились в состоянии длительной войны. Заключение мира знаменовало конец конфликтов, которые касались не только венгерской территории, но всей Центральной Европы, поэтому сложившийся компромисс стал важным в том числе для региональных политиков.

Император Священной Римской империи Рудольф II еще при жизни отца, после коронации в Пожони/Пресбурге (Братислава, Словакия) в соборе св. Мартина 25 сентября 1572 г., стал – под именем Рудольфа I – венгерским королем. Согласно отцовскому

завещанию, Рудольф, как первенец, унаследовал императорскую корону, чем спровоцировал значительные разногласия среди своих братьев².

Еще во времена императора Максимилиана II в 1568 г. был заключен Адрианопольский мир, который закреплял подчинение трети территории Венгерского королевства Османской империи. Впоследствии было подписано Шпееерское соглашение, в котором признавалось существование Трансильванского княжества, находящегося в вассальной зависимости от турок³. По истечении срока Адрианопольского мира началась новая, продолжавшаяся пятнадцать лет война с турками, что оказало непосредственное влияние на события первых десятилетий XVII в.

После 1526 г., со времени правления Фердинанда I Габсбурга и его наследников, как в управлении чешскими и австрийскими землями монархии, так и в положении там сословий наблюдалась известная разница. В Чехии, как и в Венгерском королевстве, внутреннее, сословное управление было довольно развитым, а самостоятельность провинции гарантировали ее права – избрание короля, законотворчество, дарование земельного подданства, инициатива при назначении на руководящие административные должности и т.д. В австрийских провинциях, напротив, гарантом территориальной автономии выступал сам правитель, и сходные устремления он истолковывал как достойные уважения партикулярные интересы отдельных земель.

Государство Габсбургов во время войны против османов в значительной степени опиралось на венгерское дворянство, которое обеспечивало армию продовольствием, благодаря чему получало существенную прибыль. Ссужая крупные суммы венскому двору, оно становилось бенефициаром продолжающейся войны. В то же время в рядах венгерского дворянства были и активные участники войны, которые стремились за свое участие в боевых действиях получить от короля более высокий ранг (например, баронский титул), или имение – во владение или временное пользование. Проблемы не заставили себя ждать, когда выяснилось, что война исчерпала финансовые возможности казны, и суммы, необходимые для продолжения боевых действий, придется взыскать со своих подданных. Двор выступил как раз против той части дворянства, которая до того однозначно служила ему опорой. В ходе так называемых процессов об оскорблении величества, когда имения крупнейших землевладельцев-аристократов были конфискованы, Рудольф II получил в свое распоряжение имущество, однако восстановил против себя значительную часть дворянства. Оскор-

бление величества трактовалось довольно широко: такое обвинение можно было заслужить за несогласие с волей государя. Так случилось с Иштваном Иллешхази, когда взятые им в аренду сельские городки (*mezővárosok*) были объявлены королевскими городами, и с Жигмондом Ракоци⁴, вступившим в переписку с турками по поводу выкупа из плена своих зависимых крестьян и солдат.

Второй, не менее важный, источник конфликта состоял в конфессиональной принадлежности венгерского дворянства и городов. Рудольф II, сам католик, в своих владениях поддерживал католическую церковь. Он не считался с тем, что во второй половине XVI в. Реформация изменила религиозную принадлежность жителей: две трети населения в Австрии и Чехии уже исповедовали протестантизм; в городах Венгерского королевства протестанты составляли большинство (преимущественно – последователи Лютера, то есть евангелики, меньшая часть – кальвинисты или реформаты). Солдаты приграничных крепостей и комитатские дворяне в основной своей массе также были протестантами, а среди представителей высшей аристократии, к примеру, в начале XVII в. всего трое оставались католиками. На Государственном собрании в 1604 г. Рудольф, не обсудив это с сословиями, дополнил корпус законов королевства ст. XXII/1604. Тем самым он восстановил против династии венгерские политические круги, не говоря о том, что нарушил право сословий обсуждать дела религии на Государственном собрании как вопрос политический.

Когда представители верхневенгерских вольных королевских городов прибыли к королю жаловаться на то, что у них отнимают лютеранские храмы, их делегатов не пустили к государю. При этом в ст. XXII/1604 утверждалось, что по вопросам религии никто не смеет обращаться к нему с жалобами, а в королевских вольных городах, которые напрямую подчиняются монарху, действует право верховного королевского патроната, то есть их жители должны исповедовать ту веру, которую им дозволил король.

Когда в 1604 г. ставший жертвой показательных судов Иштван Бочкаи (1557–1606) взял под свои знамена часть гайдуков, игравших ключевую роль в войне против турок, речь шла только об использовании в личных интересах гайдуцкого восстания. Когда в ноябре того же года в Кашше (Кошице, Словакия) к ним присоединились часть горожан и вовлеченное в конфликты дворянство, речь уже шла о восстании против монарха, вооруженное подавление или политическое умиротворение которого двор обеспечить не мог⁵.

Подготовка компромисса между двумя сторонами началась в июне 1605 г. и длилась почти год. Бочкаи и его сторонники уже через месяц сформулировали в 16 пунктах свои требования, которые направили двору⁶. В ноябре–декабре 1605 г. официальные представители короля присутствовали на Государственном собрании в Корпоне (Крупина, Словакия), после чего в Вену была направлена делегация из трех человек во главе с Иштваном Иллешхази, получившая решительное указание, чтобы переговоры по вопросам, которые представители двора сочли приемлемыми, продолжались. В феврале 1606 г. в Вене делегация выработала определенный вариант текста, который, однако, по некоторым позициям отличался от пожеланий, прежде сформулированных на Государственном собрании. Ввиду этого Бочкаи вызвал Иллешхази в Кашшу, чтобы там, на новом Государственном собрании, где помимо послов (депутатов) от венгерского дворянства, присутствовали также представители Трансильвании и гайдуков, тот отчитался о проведенных переговорах. Весной 1606 г. в Кашше проходили продолжительные дебаты, в результате которых в окончательный текст соглашения были последовательно возвращены пункты, сформулированные в Корпоне (то есть исходные требования сословий)⁷.

Таким образом, Венский мир устанавливал свободу вероисповедания среди протестантов – для евангеликов и реформатов из дворян, горожан и жителей приграничных крепостей. Он гарантировал избрание надора (палатина), который был королевским наместником и предводителем сословий на Государственном собрании, прекращение практики судебных процессов об оскорблении величества и возмещение ущерба их жертвам. В соответствии с требованиями сословий, система казенных палат, созданных еще при Фердинанде Габсбурге, отменялась, и вместо них восстанавливалось действовавшее в XV в., подконтрольное сословиям казначейство. В соглашении было также прописано возмещение личных убытков Иштвану Бочкаи, ввиду того, что он утвердил свою власть как глава Трансильванского княжества, территория которого расширялась за счет присоединения комитатов Берег, Угоча и Сатмар, а также крепостей Сатмар (Сату-Маре, Румыния) и Токай с прилегающими к ним районами. Одновременно принималось предложение Бочкаи и его сторонников о посредничестве в деле заключения мира между монархией Габсбургов и Османской империей (Житваторокский мир)⁸.

Авторитет Бочкаи и его сторонников значительно укрепляла поддержка со стороны османов. Вместе с тем для Габсбургского

двора представлял угрозой тот факт, что турки отправили Бочкай корону, признали его королем и стремились установить контроль над приобретенными им территориями⁹. Его военные успехи, с одной стороны, оказывали давление на двор, который в предлагаемых обстоятельствах не мог уклониться от переговоров, с другой стороны – на дворян Венгерского королевства, опасавшихся, что экспансия гайдуков и Бочкай затронет и их владения. Военные и дипломатические успехи принесли Бочкай новых сторонников, поскольку гарантами Венского мира выступили австрийские и чешские сословия. Иными словами, сословия во владениях Габсбургов встали на сторону восставших, что можно объяснить сходством проблем, которые они решали. Эрцгерцог Матиас был заинтересован в подписании соглашения не меньше: отец не упомянул его в своем завещании, и восстание венгерских сословий давало ему в руки оружие против старшего брата.

Эрцгерцог Матиас был третьим сыном императора Максимилиана II, который после пребывания статхаузером южных нидерландских провинций (1578–1581) стал в 1593 г. наместником Нижней и Верхней Австрии. С 1605 г. именно он вел переговоры с венгерскими сословиями, таким образом, Венский мир он считал личной заслугой.

Первым последствием Венского мира для владений Австрийского дома стала смена власти. 29 декабря 1606 г. умер Бочкай, и Рудольф II использовал это как повод для того, чтобы аннулировать мир, однако нарушения уже сложившейся договоренности не хотело венгерское дворянство. Решение трансильванцев пошло вразрез с волей покойного Бочкай: они выбрали своим князем не предложенного и выдвинутого им военачальника Балинта Хомоннаи-Другета, но правителя Жигмонда Ракоци. Для этого у них, в соответствии с сохраненным при турках правом свободного выбора князя (на латыни – *libera electio*), имелись все возможности. Венский двор отдавал предпочтение Габору Батори, который, помимо прочего, был одним из крупнейших землевладельцев в Венгерском королевстве и в случае своего избрания обещал признать зависимость страны от Габсбургов (что соответствовало бы полномочиям воеводы, который стоял во главе провинции в домохаческой Венгрии, но не прописанной в Венском мире независимости княжества), а также поддержку католической веры. Его последующий приход к власти, впрочем, был вызван не помощью габсбургского двора, но нерешенной проблемой с гайдуками. В 1607 г. из-за обещанных, но не полученных земельных наделов вспыхнуло второе восстание гайдуков под предводительством капитана Ан-

драша Надя. В феврале 1608 г. в Дебрецене гайдуки договорились с Габором Батори, что тот выполнит их требования, взамен они поддержат его приход к власти, что и воспоследовало¹⁰.

Эрцгерцог Матиас использовал эту возможность, чтобы выполнить пункты Венского мира, и принял на службу 6 000 гайдуков, которых использовал для вооруженного выступления против Рудольфа. Спустя несколько лет именно Матиас II предоставил королевскую помощь поселениям гайдуков, у которых благодаря Бочкаи появились привилегии. Так, пешие и конные гайдуки из гайдуцких поселений в комитате Сабольч были переведены в подчинение коменданта Кашши, то есть стали солдатами Венгерского королевства.

Ввиду общего сопротивления императору австрийские и моравские сословия в феврале 1608 г. заключили в Пожони союз с венгерскими, что на практике означало их поддержку эрцгерцога Матиаса. Тот со своими войсками продвинулся до самой Праги, и 24 июня 1608 г. был заключен мир, по которому Венгерское королевство, Нижняя и Верхняя Австрия, Моравия переходили в его власть, а Тироль, Передняя Австрия и Чехия, в свою очередь, оставались за Рудольфом. Венгерскую корону Рудольф передал своему младшему брату, эрцгерцогу Матиасу¹¹.

После раздела власти Матиас был вынужден выполнить все требования своих сторонников по тем вопросам, которые уже были прописаны в Венском мире касательно венгров. Можно сказать, что Венский мир служил образцом и для других центрально-европейских провинций монархии.

Позицию Матиаса и претворение в жизнь пунктов Венского мира поддержало Государственное собрание в Пожони, которое в 1608 г. провозгласило эрцгерцога венгерским королем под именем Матяша II¹². Наместником избрали Иштвана Иллешхази, статус протестантских конфессий был узаконен, а также установлен круг лиц, которые имеют право принимать участие в Государственном собрании: верхняя палата, в которую входили аристократия и высшее духовенство, была отделена от нижней, где заседали представители комитатского дворянства и городов, официальные представители отсутствующих аристократов и низшее духовенство. Реорганизация управления экономикой и финансами (замена казенных палат на казначейство), о чем говорилось в статьях Венского мира, так и осталась на бумаге. Таким образом, на Государственном собрании Матяш сделал очередной жест, чтобы привлечь на свою сторону венгерское дворянство.

Главной проблемой для государя и венского двора по-прежнему оставался религиозный вопрос: главный сподвижник Матияса – венский епископ Мельхиор Клесль не торопился с его разрешением, а венгерское католическое духовенство, не говоря уже о Папе Римском и его легатах, выступали категорически против. Иначе рассуждал один из духовных вождей венгерских католиков, Петер Пазмань (1750–1637), который отвергал насильственные меры и стремился достичь результатов путем мирного распространения католического вероучения. Он полагал, что учебным заведениям евангеликов и реформатов, набравшим силу в течение XVI в., следует противопоставить систему среднего и высшего образования, в первую очередь под патронатом иезуитов, расширить сеть библиотек и типографий, что в конечном итоге позволит привлечь в лоно католической церкви значительное число верующих.

Новый правитель в конце концов добился равновесия: в 1615 г. он на 20 лет продлил заключенный с турками Живаторокский мир, а также заключил в Надьсобмате (Трнава, Словакия) соглашение с новым трансильванским князем Габором Батори. Далее, Матиясу пришлось уступить амбициям эрцгерцога Фердинанда и передать тому в 1617 г. чешский престол. Однако вскоре разгорелся серьезный конфликт с сословиями во главе с Матиясом (Матияшем) Турном из-за различных толкований дозволения протестантам строить свои храмы. К недовольным присоединились моравские дворяне. 23 мая 1618 г. ввиду явного непонимания между местной аристократией и представителями двора дело дошло до знаменитой Пражской дефенестрации, когда трое королевских уполномоченных были сброшены в крепостной ров (из-за незначительной высоты они не пострадали), что знаменовало начало чешского восстания¹³.

Конфликты, которые вели к противостоянию аристократии и двора, демонстрируют очень много сходных черт со странами Центральной Европы, и как можно было увидеть, в конце концов они вели к уступкам со стороны двора. Поскольку, впрочем, его стремление к оттеснению сословий и усилению католической церкви сохранялось, в последующие десятилетия сходные проблемы возникали вновь. Вестфальский мир 1648 г., положивший конец Тридцатилетней войне, привел к ослаблению Габсбургов и дальнейшему внутреннему ослаблению Священной Римской империи. При этом, чтобы Габсбурги усилили свои позиции именно в центральноевропейских владениях, были крайне необходимы устойчивый компромисс с венгерскими сословиями и устрашение чешских сословий после битвы при Белой Горе (1620). Расправа над чешски-

ми сословиями, подтверждение положений Венского мира и иные уступки венгерским сословиям – такова была цена стабилизации внутри владений Австрийского дома.

Чешский вопрос был в конце концов разрешен насильственным путем. Фердинанд II, избранный императором Священной Римской империи в августе 1619 г., обратился за военной помощью к новообразованной Католической Лиге и, получив ее, наголову разбил повстанцев. В Чехии и Моравии начались масштабные конфискации имущества, которые затем начала выкупать сохранившая верность монарху австрийская католическая аристократия. В 1627 г. земли Чешской короны утратили право избрания короля и «Обновленным земельным уставом» («*Verneuerte Landesordnung*») были низведены до наследственной провинции¹⁴.

В Венгерском королевстве князь Трансильвании Габор Бетлен, выступавший союзником чешских сословий, привлек на свою сторону значительную часть ведущих политиков и после занятия Пожони стал напрямую грозить Вене. Летом 1620 г. Государственное собрание в Бестерцебане (Банска Бистрица, Словакия) избрало Бетлена королем, а сословия, в свою очередь, объявили об изгнании католиков. В декабре 1621 г. был заключен Никольсбургский¹⁵ мир, в котором обновлялись положения Венского мира, признавались княжеские полномочия Бетлена, а семь комитатов, относившихся к Венгерскому королевству, переходили под его юрисдикцию. В том числе город Кашша – столица Верхневенгерского генералата и резиденция Сепешской казенной палаты. Доходы с уступленных территорий поступали отныне в трансильванскую казну, не говоря уже о полной свободе вероисповедания для протестантов.

В 1622 г. Фердинанд II на государственном собрании в Шопроне сумел привлечь на свою сторону сословия на территории оставшегося под его властью Венгерского королевства и подверг существенным изменениям систему властных отношений. Надором избрали того самого Санисло Турзо (по вероисповеданию – евангелика), который был сторонником Бетлена и представлял его интересы на мирных переговорах в Никольсбурге. С другой стороны, государственным судьей стал католик Миклош Эстерхази. На большинство ведущих позиций были назначены новые люди из числа аристократов, как традиционно верных династии, так и недавно перешедших на сторону короля. Задачей Государственного собрания было, вне всяких сомнений, «устранение расхождений во взглядах» и «умиротворение сторонников», а символически значимым событием стала официальная коронация второй

супруги Фердинанда II – Элеоноры-Анны Гонзага. Об этом событии папский двор отзывался в том ключе, что оно «доказывает и гарантирует верность и любовь венгров»¹⁶.

Что касается религиозного вопроса, император не стал проводить насильственную рекатолизацию, характерную для австрийских провинций, но выбрал более медленный путь добровольной рекатолизации, предложенный Петером Пазманем. В Австрийских провинциях, Чехии и Моравии сословия пытались достичь компромисса, подобного тому, что был реализован в положениях Венского мира. Вместе с тем, принципиально иная ситуация не могла ни умерить абсолютистские притязания Габсбургов, ни предотвратить насильственное возвращение в католичество.

В Венгерском королевстве усиление зависимости от Вены и в то же время необходимость обороны страны от османов, а также успешное военное выступление трансильванских князей вынудили Габсбургов пойти на компромисс, и в первой половине XVII в. те не только многократно подтверждали положения Венского мира (последний раз в 1645 г. в Линце в договоре с Дёрдем I Ракоци (1593–1648)), но также на Государственных собраниях включили эти два мирных договора в число законов королевства.

Перевод с венгерского Д.Ю. Ващенко

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О восстании Иштвана Бочкаи из последних работ см.: *Pálffy G. A Magyar Királyság és a Habsburg Monarchia a 16. században*. Бп., 2010. 351–407. old.

² *Tóth I.Gy. Rudolf király (1552–1612) Nagy képes millenniumi arcképcsarnok*. Бп., 1999. 89–91. old.

³ Максимилиан II – император Священной Римской империи (1564–1576), как король Венгрии и Чехии – Максимилиан I (1563–1576) – заключил соглашение с османами и трансильванским князем Яношем Жигмондом (1570–1571).

⁴ *Károlyi Á. Illésházy István hűtlenségi pere*. Бп., 1883; *Szakály F., Hiller I. Illésházy István (1540–1609) Nagy képes millenniumi arcképcsarnok*. Бп., 1999. 82–85. old.; *Trócsányi Z. Rákóczi Zsigmond (Egy dinasztia születése)*. Debrecen, 1979 (A Debreceni Déri Múzeum Évkönyve. 1978).

⁵ *Papp K. Bocskai kassai fejedelmi udvara. «Nincsen nekünk több hazánk ennél» Tanulmányok a Bocskai felkelés történetéből / Szerk. J. Barta-íj., K. Papp*. Бп., 2004.

⁶ *Magyar Országgyűlési Emlékek / Szerk. Á. Károlyi*. Бп., 1899. XI. köt.

⁷ *Károlyi Á: Bocskay és a bécsi béke // Századok*. 1907. 1–19. old.; *Bocskai és Illésházy levelezése*. Бп., 1878 (Történelmi Tár); *Illésházy és más főurak levelezése*. Бп., 1878 (Történelmi Tár); *Bocskai István politikai levelezése /*

Közli K. Szabó. Bp., 1882. 1–33 old. (Történelmi Tár); Bocskay István leveles könyve 1605. mártius 20 – április 29 // Közli K. Thaly. Bp., 63–120. old. (Magyar Történelmi Tár. XIX. köt.).

⁸ Papp K. Nemesi vélemények változása a békeszerződés folyamatában // «Frigy és békesség legyen...» A bécsi és a zsitvatoroki béke / Szerk. K. Papp, A. Jeney Tóth. Debrecen, 2006. 225–241. old.

⁹ Bocskai kíséretében a Rákosmezőn: Emlékiratok és iratok Bocskai István fejedelem és Lalla Mohamed találkozójáról 1605. november 11 / Közreadja F. Csonka, F. Szakály. Bp., 1988.

¹⁰ Papp K. Debrecen és a hajdúmozgalom 1606–1608-ban // Báthory Gábor és kora / Szerk. K. Papp, A. Jeney Tóth, A. Ulrich. Debrecen, 2009. 355–365. old.

¹¹ Zöllner E. Ausztria története. Bp., 1998. 160. old.

¹² Az 1608. évi – koronázás előtti és utáni – törvények. Magyar Történelmi Szöveggyűjtemény I. Szerk. Sinkovics Imre. Bp., 1968. 398–419.

¹³ Pohl W., Vocelka K. A Habsburgok. Bp., 1995. 201–205. old. См. также оригинальное немецкое издание: Pohl W., Vocelka K. Die Habsburger: eine europäische Familiengeschichte. Graz Wien, 1993.

¹⁴ Zöllner E. Ausztria. 164. old.

¹⁵ Никольсбург – совр. Микулов (Чехия). – (Прим. перев.)

¹⁶ Pálffy G. Egy elfelejtett kiegyezés a 17. századi magyar történelemben. Az 1622. évi koronázódiéta Sopronban // Egy új együttműködés kezdete. Az 1622. évi soproni koronázó országgyűlés // Szerk. P. Dominkovits, Cs. Katona. Sopron; Bp., 2014. 17–57. old.

АВСТРО-РУССКИЙ АЛЬЯНС 1726 г.: ДОЛГИЙ ПРОЦЕСС ПРИ ОБЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСАХ СТОРОН

Abstract:

Steppan Ch. *The Austrian-Russian alliance of 1726: a long drawn process despite mutual political interests*

The article considers why Austrian Monarchy and the Russian Empire for a long time could not sign the first in their history alliance.

Ключевые слова: Российская империя, Австрийская монархия, договор 1726 г.

После заключения австрийско-русского союзного договора в августе 1726 г. русский представитель на переговорах вице-канцлер Андрей Иванович Остерман (1687–1747) в своих записках назвал документ «великим и полезным делом». По мнению Остермана, обе стороны рассматривали его как «выгодный», так как их связывали общие политические интересы по отношению к Турции, Швеции и Польше. Отсутствие общих границ явилось дополнительным поводом для союзников «искренне желать друг другу всего самого хорошего»¹.

Эта оценка союза встречается и в современной австрийской и российской историографии. Сергей Нелипович, например, в своей фундаментальной монографии о русско-австрийских отношениях во второй четверти XVIII в. пришел к следующему выводу: «Долго шли две страны к этому договору. Объединенные общими интересами гарантии европейских границ и борьбы с турецкой угрозой, не имеющие территориальных споров, они заключили союз только перед лицом угрозы утраты независимости внешнеполитического курса»². Невозможно не согласиться с автором в том, что угроза внешнеполитической изоляции от других европейских держав ускорила процесс сближения. Но затягивание переговоров было, прежде всего, результатом тех более ранних конфликтов, которые не имели прямой связи с вышеупомянутыми внешнеполитическими и геополитическими вопросами.

Это нашло отражение в долголетнем стремлении дипломатов к созданию межгосударственной дружбы, которая никак не могла быть достигнута в первой половине 20-х годов XVIII в., несмотря на вышеупомянутые общие внешнеполитические интересы. Не стоит удивляться, что монархи обеих стран обещали друг другу в первой статье союзного договора «истинную вечную и пос-

тоянную дружбу»³. Эти слова не были пустой фразой договорной риторики XVIII в. Наоборот, акцент на крепкие дружеские отношения в преамбуле договора свидетельствует о том, что дружба между монархами была необходимой основой для дальнейшего политического альянса. И даже если традиционная историография долгое время рассматривала международные отношения только как результат взаимодействий государств и их геополитических интересов, то история возникновения австрийско-русского договора показывает, что личные отношения между монархами и их представителями играли важнейшую роль в создании дружбы. Данная статья посвящена употреблению термина «дружба» в коммуникации дипломатических представителей Австрии и России до подписания договора в августе 1726 г. Этот краткий очерк не только выявляет обстоятельства, которые помешали созданию крепких дружеских отношений, но и обращает внимание на отражение политической реальности в договорах раннего Нового времени.

Первая серьезная попытка заключения договора между двумя государствами была сделана в начале 20-х годов XVIII в. В то время австрийско-русские отношения вышли из серьезного кризиса. Причиной напряженности был конфликт, вызванный бегством царевича Алексея в 1716 г. в Вену, что привело к временному прекращению дипломатических отношений между императором Карлом VI (1712–1740) и русским царем Петром I. Только при дипломатическом посредничестве русских представителей при венском дворе межгосударственные отношения сдвинулись с мертвой точки. Дипломатам удалось убедить императора в необходимости «создания крепкой и истинной дружбы» между двумя дворами⁴. Венские министры ответили в таком же духе и написали в своем отзыве на русское предложение, что установление «постоянной дружбы» и вероятное заключение союза возможны, в случае если они забудут «все прошедшие смуты». Эти взаимные обещания не были пустыми словами. Уже в следующем году император отправил графа Штефана Кинского (1679–1749) в Россию с целью заключения союзного договора⁵.

Именно термин «дружба» был ключевым словом при общении графа Кинского с русскими представителями не только во время межгосударственного сближения, но и в моменты осложнения двусторонних отношений. Итак, первая официальная встреча Кинского с Петром I ознаменовалась утверждением взаимной дружбы. Неоднократно австрийский посол и русский монарх упоминали этот термин в своих приветственных речах во время торжественных аудиенций. В память о бывших конфликтах они гово-

рили о желании «восстановления», «сохранения» и «увековечения» дружбы. Для того, чтобы усилить серьезность этого намерения, собеседники называли дружбу «приятной», «ценной», «любимой» и «благотворной». И даже ее основу они обозначили во время первой встречи как «совместные интересы», которые не были противоположными и, следовательно, «легко достижимыми»⁶.

В высказываниях представителей обеих сторон отразились те моменты, которые упоминаются и в современной историографии в качестве связующих элементов межгосударственных отношений. Почему же, если уже при первой встрече Кинского с Петром I это было настолько очевидно и неоднократно подтверждалось в разговорах Кинского с разными представителями русского двора, реализация обоюдного желания затягивалась? Ответ на этот вопрос найдется в событиях 1721 г. Несмотря на то, что Кинский во время переговоров с русским вице-канцлером Петром Павловичем Шафировым (1669–1739) в октябре 1721 г. в очередной раз подчеркнул желание его двора восстановить крепкую дружбу с царем, австрийский представитель в конце того же года угрожал ему возможным «оскорблением» дружбы императора. Причиной этого быстрого изменения убеждений графа Кинского стала просьба Шафирова добиться признания императорского титула русских царей при венском дворе⁷.

Развитие событий показывает, что слова Кинского не были пустой угрозой. Принятие императорского титула Петром I сделало сотрудничество с венским двором практически невозможным. Несмотря на то, что Кинский в дальнейшем стремился к созданию «откровенной и доброй дружбы» с русским двором, он писал в своих донесениях о вероятной «враждебности» между двумя дворами и «прекращении дружбы», если русская сторона продолжит настаивать на признании титула в рамках текущих переговоров⁸. Конфликт о титуле Петра I дошел до того, что император Священной Римской империи приказал своему эмиссару покинуть миссию в Санкт-Петербурге. Уже во второй половине 1722 г. Кинский, ссылаясь на мнимые проблемы со здоровьем, простился с русским императором. В столице новой империи в качестве официального представителя Карла VI и информатора для венского двора остался секретарь посольства Себастьян Гохгольцер⁹.

С отъездом Кинского из Петербурга о высказанном ранее желании Вены установить дружеские отношения с русским двором забыли. Из донесений Гохгольцера, когда речь шла о сношениях с российской стороной, надолго исчез сам термин «дружба». Несмотря на общее охлаждение дипломатических отношений и

связанное с этим прекращение переписки между двумя монархами, венские эмиссары старались избегать прямого конфликта с Санкт-Петербургом. Итак, Гохгольцер спрятал досаду за улыбкой и придумал отговорку для оправдания своего отсутствия на коронации императрицы Екатерины I в мае 1724 г.: во время торжественной церемонии в Москве секретарь посольства проходил курс лечения в усадьбе Перово. Однако новый этап сближения с русским двором стал возможен только после смерти Петра I в январе 1725 г. и вступления на престол его второй жены. Австрийские дипломаты со всей очевидностью связывали конфликт о титулатуре с личной антипатией и недоверием по отношению к Петру I¹⁰.

И вдруг после смерти столь мало любимого австрийцами царя в официальной переписке двух дворов вновь встречается термин «дружба». В ходе своей первой аудиенции у новой государыни Гохгольцер передал ей «дружеский привет» и слова «глубокого уважения» от Карла VI¹¹. Помимо смены власти в России международная обстановка делала сближение с новой русской государыней практически неизбежным. Заключение альянса между австрийским императором и Испанией в апреле 1725 г. и связанное с этим формирование Ганноверского союза между Англией, Францией и Пруссией привели к изоляции Карла VI на международном уровне. Таким образом, Россия стала не только важным политическим партнером для обоих блоков, но и обретала право на дружбу всех европейских держав¹².

В этих обстоятельствах австрийский император впервые после многолетнего молчания употребил слово «дружба» в общении с русским представителем в Вене. В ходе аудиенции по поводу передачи нотификационной грамоты Екатерины I своему «дружелюбнейшему брату» Карлу VI, император в ответе русскому эмиссару Людвигу Ланчинскому (1680–1752) выразил надежду на «продолжение дружбы»¹³. Одновременно Гохгольцер поведал русской императрице о «надежде» Карла VI на «добрую дружбу» Екатерины I, чтобы в дальнейшем обеспечить «сохранение хорошего взаимопонимания и спокойствия» между двумя государствами. Екатерина ответила в таком же духе, обещала свою «постоянную дружбу» и выразила желание «закрепить устойчивую дружбу»¹⁴.

Решающим фактором в деле дальнейшего сближения обеих сторон было достижение компромисса в титулатуре: Екатерина I отказалась от императорского титула в переписке с Карлом VI, в то время как австрийский император обещал русской государыне в знак особого уважения писать ей официальные письма собственноручно. Это соглашение сделало возможным решение об отправ-

лении полномочного посла с целью заключения союзного договора со стороны венского двора¹⁵. Официальным началом переговоров между двумя державами стала передача ответной грамоты Карла VI своей «дорогой подруге и сестре» Екатерине I в рамках официальной аудиенции Гохголцера¹⁶. С этого момента всё говорило об окончательном сближении.

Екатерина I использовала в своем ответе Гохгольцеру «поток» изъявлений дружбы. Помимо выражения надежды на «приятную», «ценную», «любимую» и «благотворную» дружбу императора, она также говорила о «страстном желании соединения» обоих государств и «потребности» в «крепком союзе» с императором. Карл VI со своей стороны ответил на это отправлением графа Амадея Рабутина (1682/1683–1727) в качестве чрезвычайного посла в Санкт-Петербург¹⁷. «Соединение» стало ключевым словом в его описаниях процесса сближения с русским двором в политических вопросах, который привел к установлению «истинной дружбы» посредством союзного договора 1726 г. Не стоит удивляться, что Екатерина I, по словам Рабутина, в присутствии всех иностранных дипломатов дала понять: она «тем более довольна» этой новостью, что теперь сможет «без сомнений доверять дружбе цесаря», и ей не нужно более «сомневаться в тесной связи между двумя империями»¹⁸.

Эта связь на основе взаимной дружбы действительно стала стабильным и решающим фактором международных отношений двух последующих десятилетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский Государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 199. Оп. 1. № 244. Ч. 1. Бумаги, касающиеся графа Остермана. Д. 8. Известие графа Остермана о союзе Российского двора с Римско-императорским. Л. 1–2.

² *Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 33.

³ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1. Трактаты с Австрией 1648–1762 гг. Recueil Traités et Conventions conclus par la Russie avec les Puissances Étrangères. Т. 1. Traités avec l’Autriche. 1648–1762. СПб, 1874. С. 36, 38.

⁴ См. подробнее: *Никифоров Л.А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 214–250; *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого: в 8 т. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. СПб, 1859. С. 118–235; *Флоровский А.В.* Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955. С. 24–30; *Pilss F.* Die Beziehungen des kaiserlichen Hofes unter Karl VI. zu Russland bis zum Nysstädter Frieden (1711–1721). Phil. Diss. Wien, 1949.

⁵ См. подробнее: *Höfler C.* Fragmente zur Geschichte Kaiser Karl's VI. Nach geheimen brandenburgischen Archivalien und Aufzeichnungen des Grafen Stefan Kinsky bearbeitet // *Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe.* 1868. Bd. 60. S. 417–453; *Steppan Ch.* Akteure am fremden Hof. Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen, 2016. S. 138–173 (*Schriften zur politischen Kommunikation.* Bd. 22).

⁶ Донесение Ш. Кинского – Карлу VI, 3.X.1721. См.: Österreichisches Staatsarchiv (далее – ÖStA). Haus-, Hof- und Staatsarchiv (далее – HHStA). Staatenabteilung (далее – StA). Russland (далее – RU) I. Kt. 26. Russica 1719–1721. Fol. 196r, 202r–202v, 204r–204v; *Steppan Ch.* Akteure. S. 177–181.

⁷ Донесение Ш. Кинского – Карлу VI, 13.X.1721. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 26. Russica 1719–1721. Fol. 235r–237v; Донесение Ш. Кинского – Карлу VI, 17.XI.1721. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 26. Russica 1719–1721. Fol. 294v–295v; *Steppan Ch.* Akteure. S. 181–184, 188–191; *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Göttingen, 2004. Bd. 2. S. 469–470.

⁸ Донесение Ш. Кинского – Ф. Шёнборну, без даты. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 27. Russica 1722. Fol. 112v–113v; Донесение Ш. Кинского – Карлу VI, 6.IV.1722. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I, Kt. 27. Russica 1722. Fol. 188r–188v; Донесение Ш. Кинского – Карлу VI, 13.IV.1722. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 27. Russica 1722. Fol. 192v–195r; *Steppan Ch.* Akteure. S. 215–216, 227–229.

⁹ Донесение Ш. Кинского – Карлу VI, 23.V.1722. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 27. Russica 1722. Fol. 182r–184v; Донесение Ш. Кинского – Карлу VI, 29.V.1722. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 27. Russica 1722. 242r–243r; *Steppan Ch.* Akteure. S. 234–237; *Wittram R.* Peter I. S. 473.

¹⁰ См. подробнее: *Steppan Ch.* Akteure. S. 245–279, 282–283.

¹¹ Донесение Н. Гохгольцера – Карлу VI, 10.IV.1725. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 29. Russica 1724–1725. Fol. 171r–171v; *Steppan Ch.* Akteure. S. 294.

¹² См. подробнее: *Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976. С. 82–90; *Хелунович С.Г.* Союз. С. 14–25; *Leitsch W.* Der Wandel der österreichischen Rußlandpolitik in den Jahren 1724–1726 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Neue Folge. 1958/1959. Bd. 6. S. 34–72; *Steppan Ch.* Akteure. S. 287–295.

¹³ Грамота Екатерины I – Карлу VI, 12.II.1725. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 29. Russica 1724–1725. Fol. 71r–71v; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: в 29 т. Кн. X: 1725–1740. М., 2003. С. 31; *Steppan Ch.* Akteure. S. 289–291.

¹⁴ Донесение Н. Гохгольцера – Карлу VI, 10.X.1725. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 29. Russica 1724–1725. Fol. 171r–171v, 173r; *Steppan Ch.* Akteure. S. 294.

¹⁵ Оценка Имперской придворной канцелярии, 13.VIII.1725. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 30. Russica Juni–Dezember 1725. Fol. 43v–59r; Протокол конференции императорских советников, 2.X.1725. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 30. Russica Juni–Dezember 1725. Fol. 205r–206r; *Leitsch W. Wandel*. S. 73–76; *Steppan Ch. Akteure*. S. 297–305.

¹⁶ Ответная грамота Карла VI – Екатерине I, 10.X.1725. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 30. Russica Juni–Dezember 1725. Fol. 170r–171r.

¹⁷ Донесение Н. Гохгольцера – Карлу VI, 1.XII.1725. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 30. Russica Juni–Dezember 1725. Fol. 82r–83r; *Steppan Ch. Akteure*. S. 305–310, 315–320.

¹⁸ Донесение А. Рабутина – Ф. Шёнборну, 31.VIII.1726. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU II. Kt. 2. Berichte Juli–Dezember 1726. Fol. 183v–184v; *Брикнер А. Австрийские дипломаты в России. По документам венского архива // Вестник Европы. 1893. № 28/12. С. 512; Steppan Ch. Akteure*. S. 337–346.

К. ШРЕК
(Дебреценский университет, Дебрецен)

ТРАКТОВКА ЭПОХИ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА В ВЕНГЕРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1867–1990)

Abstract:

Schrek K. *Concepts of the Age of the Holy Alliance in the Hungarian historiography (1867–1990)*

The article considers concepts developed by Hungarian historians, their interpretations of the phenomenon of the Holy Alliance, the epoch, which got its name from it and the whole system of international relations of the first half of the nineteenth century.

Ключевые слова: Священный союз, историография, международные отношения, Венгрия.

Эпоха Священного союза являет собой определенный этап в истории европейской политики и дипломатии. И в зарубежной, и в венгерской историографии этот период, датируемый 1815–1848 гг., традиционно изучается с самых разных точек зрения. В настоящей статье мы хотели бы представить вниманию читателей те позиции и мнения, которые выработала венгерская историография о данной эпохе и самом Священном союзе. Мы рассмотрим этапы в развитии профессиональной венгерской историографии между 1867 и 1990 гг. в хронологической последовательности. Рамки статьи не позволяют дать полный обзор, поэтому здесь мы постараемся в общих чертах обрисовать и представить эволюцию взглядов и возможных путей интерпретации Священного союза, одноименной эпохи и связанной с ними системы международных отношений.

Если оставить в стороне политические памфлеты и трактаты, то в первых в Венгрии сугубо исторических работах о Священном союзе внимание ученых сосредоточивалось на событиях европейской истории после 1815 г. и самом понятии Священного союза. Примером таких работ могут служить сочинения Михая Хорвата (1809–1878) и Гезы Баллаги (1851–1907). Характерной чертой венгерской исторической науки¹, окончательно превратившейся в последней трети XIX в. в профессиональную, являлось то, что сюжеты из всеобщей истории часто рассматривались довольно обзорно, исключительно как фон для истории национальной. Причиной тому служило в первую очередь стремление к утверждению национальных интересов, которое лежало в основе венгерских исторических сочинений тех лет. Представитель так называемого незави-

симого лагеря² в венгерской исторической науке Михай Хорват, исповедовавший либеральные взгляды и выступавший за политическую самостоятельность Венгрии, в своем многотомном труде «История Венгрии» первым дал обзор политической истории в 1815–1848 гг. Впрочем, его взгляд на изучаемую эпоху отличаются пессимизм и ирония. Он критиковал великие державы и возлагал на них ответственность за то, что те не создали условий для того, чтобы в долгосрочной перспективе можно было добиться «как справедливого разделения властей, так и уважительного обращения с национальностями»³. Отдельно он рассматривал отсутствие необходимых структурных изменений внутри Габсбургской монархии.

В похожем ключе написан том «Двадцать пять лет венгерской истории с 1823 по 1848 гг.», с которым связано одно из самых важных замечаний касательно общности идеи и целей Венского конгресса и Священного союза. М. Хорват априорно считал целью конгресса введение более жестких политических принципов и удержание национальных движений в строгих рамках. Для соответствующей главы труда характерно рассмотрение национальных процессов в отрыве от европейского контекста, а также выделение определенных сегментов имперской дипломатии – особенно австрийской линии – и проецирование их на ситуацию в Венгрии. По мнению историка, Венская система – в первую очередь под влиянием князя Клеменса Меттерниха (1773–1859) – «принимала во внимание только права господствующей верхушки, только их она стремилась оградить новыми гарантиями при помощи принципа легитимности»⁴. Тем самым, легализация прав отдельных народов стала невозможной, а выработанные для сохранения статус-кво государственные принципы были зафиксированы в документах Священного союза. Как следствие, «политика реакции, давления, угнетения <...> стала обычной в управлении государствами Европейского континента»⁵.

Современник М. Хорвата – Г. Баллаги – обратился к означенной проблематике в труде «Эпоха становления национального государства», который представлял собой девятый том из десяти-томной «Истории Венгрии», вышедшей в свет под общей редакцией Шандора Силади (1827–1899). По мнению автора, основную проблему составляли расхождения в интерпретации понятий «революция» и «легитимизм», что затем и стало фактором, дестабилизировавшим Венскую систему⁶. Для великих держав «революция означала слом традиционных государственных и общественных институтов и провозглашение народного суверенитета»⁷. Од-

нако в противовес ведущим европейским политикам народы континента под революцией «понимали слом государственного устройства, произошедший при Наполеоне, а под легитимностью – полноту власти монарха, идущую от Господа <...> и неприкосновенность династических прав»⁸. Порядок, установившийся после 1815 г., в сущности своей был не чем иным, как «реставрацией при поддержке реакции»⁹. Он был главной гарантией мира в противовес революциям, что особенно ярко проявлялось в политике австрийского правительства¹⁰.

Общей чертой всех рассмотренных произведений – как уже отмечалось ранее – является применение специфически венгерского исторического нарратива, и это можно понять: подобные рассуждения, все без исключения, взяты из монографий, посвященных определенному периоду национального прошлого, а не из работ по всеобщей истории.

Создание первого по-настоящему обобщающего исторического научного труда связано с именем Хенрика Марцали (1856–1940). При рассмотрении периода 1815–1848 гг. он уже не ограничивается Габсбургской монархией и Венгрией, но опирается на широкий европейский контекст. В своей «Истории Нового времени» (1885) Марцали подробно описал революционную эпоху, период окончания Наполеоновских войн, Венский конгресс и последовавшее установление нового миропорядка на континенте. Именно на фоне этих событий он и рассматривает создание Священного союза, называя самые значительные события эпохи «декларацией о намерениях». По мнению Марцали, у документа, который скрепили русский царь Александр I, прусский король Фридрих Вильгельм III и австрийский император Франц I, было два главных недостатка. Один состоял в том, что сам союз был «создан для правителей»¹¹, и о праве народов на самоопределение никто не думал. Второй заключался в том, что «христианскую веру отождествили с абсолютизмом»¹². Тем самым Священный союз не только сдерживал революционные волнения, но и контролировал действия, направленные против господствующего религиозного строя, что сказывалось как на свободе печати, так и на свободе совести. Марцали полагал, что «европейские правительства существенно отстали от уровня, достигнутого просвещенным абсолютизмом в прошлом веке»¹³. Соответственно, создание союза в такой форме оказалось как в общественном, так и в политическом плане явлением неблагоприятным.

Одной из основных причин сложившегося положения Марцали называл полное игнорирование прав национальностей, что,

если учесть достижения периода Наполеоновских войн, может считаться серьезным шагом назад. Ведь параллельно с действиями великих держав в покоренных странах снизу начались антифранцузские выступления, которые внесли свой вклад в крах созданной Наполеоном империи¹⁴. Однако национальный принцип, уже игравший в ту эпоху существенную роль, еще не влиял на процесс принятия решений. Пренебрежение к нему равным образом стало ошибочным как для венских соглашений, так и для миропорядка, установившегося после 1815 г. В заключение Марцали писал: «В целом великие народы современной Европы после революции оказались еще дальше от конечных целей национального самоуправления и прогресса»¹⁵, поскольку в эпоху Священного союза, возникшего как ответ на все вышеуказанное, приоритет был за «*правом дворов*»¹⁶, а не правом народов, и эта тенденция указывала на направление, противоположное ходу исторического развития¹⁷.

Эде Вертхеймер (1848–1930) в обобщающей работе по истории дипломатии «Мирные конгрессы и мирные договоры в XIX–XX вв.» проанализировал последствия Венского конгресса и пришел к следующему заключению. Поскольку «формально под европейский полицейский надзор была поставлена»¹⁸ Франция, цели Четверного союза, который 20 ноября 1815 г. подписали Англия, Австрия, Пруссия и Россия, в основе своей не отличались от сформулированных прежде для Священного союза: ведь в принципиальных вопросах «они двигались в одном направлении»¹⁹. Далее, Вертхеймер с высоты прошедших десятилетий находил безосновательными опасения, связывавшиеся с договором, который подписали правители трех восточноевропейских империй. Ведь согласно оценке, которую дал Священному союзу К. Меттерних, это был «пустой и трескучий документ»²⁰. Причина такого высокомерного пренебрежения кроется в том, что соглашение в формальном и содержательном плане нельзя назвать классическим межгосударственным договором в традиционном понимании слова, скорее это была идеологическая декларация о моральных и нравственных принципах. Ввиду отсутствия конкретных обязательств Священный союз, таким образом, не был международным соглашением в традиционном понимании. С другой стороны, Священный союз не оказывал заметного влияния на жизнь остальных европейских государств. Автор полагал, что в эпоху конгрессов повсеместно доминирующей была идея контрреволюции, что и привело к «началу эпохи реакции»²¹. Главным двигателем этого процесса он в первую очередь считал австрийского канцлера К. Меттерниха²².

Бела Ивани-Грюнвальд (1867–1940), как и Вертхеймер, считал, что этот межгосударственный договор не был реальным дипломатическим союзом²³. Впрочем, свою позицию он обосновывал совсем по-другому и ставил во главу угла принцип баланса сил²⁴. Согласно Ивани-Грюнвальду, есть два способа достижения равновесия. Во-первых, сотрудничество всех государств против той державы, которая грозит нарушить мир в Европе. В этом случае для поддержания равновесия достаточно осуществлять совместный контроль. Во-вторых, поддержание симметрии в межгосударственных отношениях на континенте путем объединения всех европейских государств вокруг двух ведущих альянсов²⁵. Вместе с тем, смысловое наполнение понятия «баланс сил» в английском, австрийском и российском культурно-историческом контексте было совершенно иным. Для Великобритании было важно достижение ведущих позиций в мировой экономике, в то время как в сфере международных отношений притязания были консервативно скромными²⁶. Австрийские представления о балансе сил коренились в защите своих центральноевропейских интересов, когда развитие государств связывалось с прочным миром и порядком. Такая позиция изначально предполагала враждебность любым революциям²⁷. Наконец, историк особо выделял концепцию Александра I, которая, согласно Ивани-Грюнвальду, выражалась в том, что он считал европейские проблемы частным случаем борьбы добра и зла²⁸ и пытался сохранить баланс сил посредством Священного союза²⁹.

Среди исторических исследований, написанных после 1945 г., особого внимания заслуживают работы Иштвана Бибо (1911–1979). Эпоха Священного союза, по мнению философа, совпала с тем периодом венгерской истории, когда «вопрос политической и общественной независимости стал общим делом»³⁰. Корни данной ситуации он ищет в правлении Иосифа II, который проводил свои реформы во имя создания высокоцентрализованной и мощной империи. Эта тенденция, однако, сошла на нет, поскольку влияние Великой французской революции было столь сильным, что венское правительство свернуло реформы³¹. Между тем, революционные идеи сохраняли свою силу в опосредованной форме, и «в этом причина проводимой Францем I и Меттернихом реакционной, консервативной политики, основанной на компромиссе с условиями Священного союза»³². Одновременно с этим процессом Европе пришлось столкнуться с новым вызовом – требованием «переустройства общества на демократических принципах»³³, которое вскоре зазвучало повсеместно.

В работе под названием «Рукописи о легитимности (1944–1947)» И. Бибо, однако, затронул круг вопросов, связанных со Священным союзом, уже в другом аспекте, подвергая анализу сам принцип легитимности. С его точки зрения, царь Александр I в 1814 г. истолковывал это понятие совершенно иначе, нежели делал это годом позднее. Так, поначалу российский царь считал основой поддержания мира принцип легитимизма, который в чистом виде означал только законность конкретных правительств и никоим образом не подразумевал реакционность³⁴. Постепенно в сознании царя данное понятие претерпело изменения, стало более консервативным и обрело окончательную форму в документе о создании Священного союза. Причины подобной трансформации Бибо видел в возвращении Наполеона, что глубоко потрясло Александра I, повлияло на систему его идей и представлений, и после 1815 г. он начнет принимать решения именно в таком душевном состоянии³⁵.

В числе ученых периода смены идеологических ориентиров мы бы хотели выделить историка-марксиста Эржебет Андрич (1902–1986), которая достаточно подробно занималась эпохой Священного союза, или, говоря точнее, изучала дипломатический контекст венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг. Исследовательница делала основной акцент на связях между Австрией и Россией, где одной из главных составляющих, с ее точки зрения, являлась как раз эпоха Священного союза. Тесное сотрудничество между венским и петербургским правительствами она трактовала как противовес гражданским общественным силам и попытку защитить «устаревшие средневековые институты»³⁶. Между тем, социально-экономические изменения, значительно ускорившиеся в XIX в., набирали силу и к концу 20-х – началу 30-х годов XIX в. существенно ослабили основы союза, который был вновь укреплен в 1833 г. новыми договорами в Мюнхенгеце и Берлине³⁷. В данном контексте внимание Андрич в первую очередь сосредоточилось на австрийских имперско-политических интересах. Несмотря на то, что под влиянием европейских событий 1830 г. одной из приоритетных целей российской внешней политики стало более тесное сотрудничество с Австрией, заключение Священного союза, по мнению историка, соответствовало основополагающим интересам Вены, которая увязывала его с традиционной австрийской внешней политикой, ориентированной на поиск союзников и заключение соглашений³⁸.

Сходных взглядов на Священный союз придерживался Янош Варга (1927–2008): он рассматривал его в контексте проблемы венгерской независимости и в проекции на так называемую эпоху

реформ в Венгрии (1825–1848). Эрик Мольнар (1894–1966) считал сотрудничество трех держав, скрепленное договором трех правителей, внешнеполитическим принципом (средством), находящимся в полном соответствии с австрийской политикой и способствовавшим дальнейшему укреплению австрийской феодально-абсолютистской системы. «Любое прогрессивное внешне- или внутриполитическое, венгерское или общеимперское, антифеодальное и национальное стремление <...> наталкивалось на противодействие этой системы, и потому ее устранения требовала сама логика исторического развития, а ослабление давало шанс на успех прогрессивным движениям»³⁹.

В то время как работы Э. Андрич и Я. Варги представляли марксистское направление в венгерской историографии, нашего внимания также заслуживают исследования Домокоша Кошари (1913–2013) и Иштвана Диосеги (род. 1937), которые, хотя и относятся к периоду после 1945 г., однако отличаются от рассмотренной выше марксистской концепции. Среди работ по истории дипломатии и политики монографии И. Диосеги можно назвать основополагающими, поскольку дают синтез истории указанной эпохи, возникновения Священного союза, и международного контекста⁴⁰. Его работы помимо собственно изложения фактов содержат мало оценочных суждений. Важным и интересным дополнением к нарисованной картине являются рассуждения Диосеги, что характерным признаком формирования внешней политики после 1815 г. является оборонительная позиция великих держав, благодаря чему традиционная характерная для XVIII в. внешняя политика, важную часть которой составляли территориальные изменения большего или меньшего размаха, отошла на задний план, и приоритетным стало долгосрочное сохранение сложившихся международных отношений на континенте⁴¹.

В заключение нам хотелось бы остановиться на книге Д. Кошари «Политическое устройство Европы после 1815 г.», где, по сравнению с уже рассмотренными исследованиями, дается самая универсальная и многоаспектная интерпретация системы Священного союза. Автор присоединяется к мнениям, ставящим под сомнение особую значимость соглашения, однако не оспаривает его важность и вес⁴². Кошари отнюдь не стремится принизить ценность Священного союза, поскольку политические стремления и проблемы, нашедшие в нем свое выражение, проявили себя как реальные компоненты политической структуры той эпохи. Вместе с тем, с этой точки зрения неважно, какие конкретно документы давали ему право на существование или повод для отсылки⁴³. В

связи с Меттернихом автор подчеркивает, что в сочинениях, созданных уже после 1848 г., бывший канцлер стремился принизить важность Священного союза, несмотря на то, что принципы и методы, примененные австрийской стороной, оставались для него неоспоримыми⁴⁴. То, что выражение «Священный союз» превратилось в нарицательное и обрело негативные коннотации, стало заслугой прогрессивных сил эпохи и кругов, разделявших воззрения, согласно которым Священный союз был «единением трех восточноевропейских держав <...> на службе у политики интервенции»⁴⁵.

Подводя итоги, можно сказать, что Священный союз и эпоха, названная по его имени, получали в венгерской историографии совершенно различную интерпретацию. Вместе с тем, есть и некоторые общие мотивы, которые позволяют найти точки соприкосновения при всех различиях во мнениях. К числу таковых относятся взгляд на проблему из Центральной Европы, фокусировка внимания на Австрии и политике Меттерниха, а также поиск взаимосвязи указанных событий с Венгрией, интегрированной в Австрийскую империю, что остается исходной точкой рассуждений об эпохе. При всем том данные исторические работы исключительно глубоко и разносторонне трактуют указанный период и могут обогатить современного историка содержащимися в них ценными фактами и интерпретациями⁴⁶.

Перевод с венгерского Д.Ю. Ващенко

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постепенное формирование профессиональной исторической науки – как в других европейских странах – шло бок о бок с ее институционализацией, в чем выдающуюся роль сыграли Венгерское историческое общество и его журнал «*Századok*». По этой теме см.: *Erős V. Modern historiográfia. Az újkori történetírás egy története*. Bp., 2015. 133. old.

² *Romsics I. Clio bővületében. Magyar történetírás a 19–20. században – nemzetközi kitekintéssel*. Bp., 2011. 89. old.

³ *Horváth M. Magyarország történelme*. Pest, 1873. VIII. köt. 477. old.

⁴ *Horváth M. Huszonöt év Magyarország történelméből 1823-tól 1848-ig. Második javított kiadás*. Bp., 1868. I. köt. 19. old.

⁵ *Ibid.* 20. old.

⁶ *Ballagi G. A nemzeti államalkotás kora. A magyar nemzet története*. / Szerk. Szilágy. Bp., 1897. IX. köt. 9. old.

⁷ *Ibidem*.

⁸ *Ibidem*.

⁹ *Ibid.* 16. old.

¹⁰ *Ibidem*.

- ¹¹ *Marczali H.* Az újkor története. A demokratikus mozgalmak és a francia forradalom kora. 1774–1830. Bp., 1885. III. köt. 716. old.
- ¹² *Ibidem.*
- ¹³ *Ibidem.*
- ¹⁴ *Ibid.* 717. old.
- ¹⁵ *Ibid.* 724. old.
- ¹⁶ *Ibidem.*
- ¹⁷ *Ibidem.*
- ¹⁸ *Wertheimer E.* Békekongresszusok és békeszerződések a XIX–XX. században. Bp., 1918. 44. old.
- ¹⁹ *Ibidem.*
- ²⁰ *Ibid.* 45. old.
- ²¹ *Ibidem.*
- ²² *Ibidem.*
- ²³ *Iványi-Grünwald B.* A legújabb kor története. Eszméktől a forradalmakig. Irányelvek az európai diplomáciában. Egyetemes történet / Szerk. B. Hóman, Gy. Szekfű, K. Kerényi. Bp., 1937. IV. köt. 228. old.
- ²⁴ *Ibid.* 225. old.
- ²⁵ *Ibidem.*
- ²⁶ *Ibid.* 226–227. old.
- ²⁷ *Ibid.* 227. old.
- ²⁸ *Ibid.* 228. old.
- ²⁹ *Ibidem.* Здесь необходимо кратко упомянуть одно сочинение, также вышедшее в свет в конце 1930-х годов, которое по-новому освещает историю Священного союза. По мнению Андора Немета (1891–1953), объединение правителей связано не с реакционными мотивами, но скорее с необходимостью охранять и поддерживать мир на континенте. См.: *Németh A.* Metternich, avagy a diplomácia magas iskolája. Bp., 1939. 91. old.
- ³⁰ *Bibó I.* Eltorzult magyar alkat, zsákutcás magyar történelem // Bibó István munkái / Szerk. I.Z. Dénes. Bp., 2012. 125–126. old. (Centenáriumi sorozat. 7).
- ³¹ *Ibid.* 125. old.
- ³² *Ibidem.*
- ³³ *Ibid.* 26. old.
- ³⁴ *Bibó I.* Kéziratok a legitimitásról [1948]. In: Politikai hisztériák. Bibó István munkái. Centenáriumi sorozat. 2 / Szerk. I.Z. Dénes. Bp., 2011. 336.
- ³⁵ *Ibid.* 340. old.
- ³⁶ *Andics E.* A Habsburgok és Romanovok szövetsége. Az 1849. évi magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete. Bp., 1961. 12. old.
- ³⁷ *Ibid.* 12–13. old.
- ³⁸ *Ibidem.*
- ³⁹ *Varga J.* Magyarország a napóleoni háborúk és a Szent Szövetség idején // Magyarország története / Szerk. E. Molnár. I. köt. Bp., 1964. 416. old.
- ⁴⁰ *Diószegi I.* Klasszikus diplomácia – modern nagyhatalmi politika. Bp., 1967.; *Idem.* Nemzetközi kapcsolatok története, 1789–1918. Bp., 1980.
- ⁴¹ *Diószegi I.* Klasszikus diplomácia. 92–93. old.

⁴² *Kosáry D.* Európa politikai rendszere 1815 után // A történelem veszedelmei. Írások Európáról és Magyarországról. Bp., 1987. 206. old.

⁴³ *Ibidem.*

⁴⁴ *Ibid.* 208–209. old.

⁴⁵ *Ibid.* 209. old.

⁴⁶ Работы Эмиля Нидерхауэра, Эмиля Палоташа, Эндре Арато органически связаны с историей Восточной Европы XIX в., однако в своих исследованиях по общественной, экономической и дипломатической истории они остаются в рамках традиционной интерпретации исторического фона Священного союза, поэтому подробный обзор их сочинений не включен в настоящую работу.

П.А. ИСКЕНДЕРОВ
(Институт славяноведения РАН, Москва)

БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС 1878 г. и ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ БАЛКАН*

Abstract:

Iskenderov P.A. *Congress of Berlin 1878 and its political consequences for the Balkans*

The article is devoted to the history of the Congress of Berlin 1878 and its consequences for the Balkans. The research is based on various diplomatic as well as archive documents. The author analyzes approaches the Great Powers towards topical Balkan problems and new models of Balkan peacemaking. The technical aspects of the Congress of Berlin organization are also under examination.

Ключевые слова: Берлинский конгресс, Россия, Балканские войны, Первая мировая война, Австро-Венгрия, Германия, Англия, Франция, Сербия, Болгария, Албания, Румыния, Греция, Кипр, Османская империя, геополитика, миротворчество, конфликтология, межнациональные отношения.

18 декабря 1906 г. в итальянской Палате депутатов с программной речью выступил тогдашний министр иностранных дел этой страны Т. Титтони. Непосредственным поводом к этому послужила яркая речь депутата от крайне левого крыла парламента Барцилаи, поставившего под сомнение необходимость членства Италии в Тройственном союзе. Министр решительно выступил в защиту внешнеполитического курса кабинета. Он солидаризировался с оценками, звучавшими ранее из уст его германского и австрийского коллег Б. фон Бюлова и А. Эренталя о необходимости тесных союзных отношений между Италией, Германией и Австро-Венгрией. Титтони заверил депутатов, что внешняя политика Рима останется неизменной и будет заключаться в искреннем поддержании как Тройственного союза, так и дружбы с Францией и Англией. По его словам, лучшим примером подобного дружественного соглашения выступает представленный на рассмотрение парламента англо-итальянский трактат об Абиссинии. С Австро-Венгрией у Италии, по словам Титтони, имелся не менее дружественный и взаимовыгодный договор – по вопросу сохранения статус-кво в Албании.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («Историческая типология межнациональных конфликтов на примере Балкан»), проект № 14-01-00264.

Что же касается в целом балканских дел, то министр иностранных дел Италии подчеркнул, что его страна сочувствует разумному применению принципа национальностей на Балканском полуострове. В этом вопросе, по его словам, Италия находится в единомыслии с другими державами, подписавшими Берлинский трактат 1878 г., которые, вверив Австро-Венгрии и России специальные полномочия по выполнению Мюрцштегской программы проведения реформ в Македонии, тем не менее, не отказались от права подавать свой голос в балканских делах¹.

Какую же роль в балканских делах сыграл проходивший с 13 июня по 13 июля 1878 г. Берлинский конгресс? На этот счет в историографии существуют подчас диаметрально противоположные оценки. Российский историк В.Н. Виноградов считает, что именно в результате работы Берлинского конгресса и подписания 13 июля итогового трактата на Балканах «рухнула доктрина статус-кво, препятствовавшая развитию полуострова, подкреплявшая османскую власть в регионе»².

Британская исследовательница Миранда Виккерс подчеркивает и, очевидно, даже преувеличивает влияние решений Берлинского конгресса на пересмотр внешнеполитических приоритетов России. По ее мнению, «Берлинский конгресс более или менее заглушил амбиции России на Балканах. И она была вынуждена с этого времени переключить свое внимание на восточное направление, где вскоре вступила в конфликт с молодой японской державой»³.

Колин Шиндлер в своей статье на такую, казалось бы, весьма далекую от Берлинского конгресса и Балкан тему как политическая история Израиля 1990-х годов прямо призывает использовать опыт Берлинского конгресса для решения современной палестинской проблемы. «Почему великие державы, передавшие, согласно Берлинскому договору от 1878 г., Болгарию болгарам и Сербию сербам, не могут вернуть Палестину евреям?» – задается он спорным, но базирующимся на исторических аналогиях вопросом⁴.

Хватает в историографии и противоположных оценок. Так, французский историк А. Мале полагает, что, «вернув Македонию под владычество султана, Европа по наущению Англии и Австрии вопиющим образом нарушила требования гуманности»⁵. Однако подобные констатации, насколько могут быть по-человечески понятными, настолько же и бессмысленны, когда речь идет о вопросах геополитики.

Говоря о Берлинском конгрессе как, по сути, о первом опыте балканского миротворчества, необходимо отметить масштабную подготовительную работу, которую провели практически все его участники из состава «концерта великих держав» и которой подчас так не хватает сегодняшним форумам. Сам Берлинский трактат стал верхушкой айсберга, в основе которого находились скрытые от постороннего взгляда торги, согласования и взаимные уступки. По инициативе председательствовавшего на Конгрессе германского канцлера О. Бисмарка, участники форума всячески избегали дискуссий на открытых заседаниях. Как только по тому или иному вопросу намечались противоречия, он снимался с обсуждения и переносился на уровень частных переговоров заинтересованных сторон. И лишь после достижения согласия он вновь ставился на открытое обсуждение «для официальной формулировки решения»⁶.

Более того, как справедливо подчеркивает американский исследователь в области международных отношений Сидней Фей, «почти все существенные вопросы были урегулированы до открытия конгресса, во время различных предварительных переговоров; таким образом, конгрессу оставалось только зарегистрировать решения, которых уже добился Бисмарк, чрезвычайно старавшийся удовлетворить интересы как Австрии, так и России»⁷.

Последняя мысль, правда, представляется не столь очевидной – принимая во внимание характер принятых в итоге решений и наступивший затем кризис в российско-германских отношениях.

Впрочем, «сан-стефанская» Болгария, способная стать региональным тяжеловесом, не отвечала интересам не только Англии и Австро-Венгрии, но и балканских столиц. И в Афинах, и в Бухаресте, и в Белграде также негативно отнеслись к условиям Сан-Стефанского прелиминарного договора. А, следовательно, настаивая на полной реализации Сан-Стефанского соглашения, Россия рисковала остаться с одним (пусть и мощным) союзником и одновременно обрести на Балканах враждебный блок в лице Сербии, Румынии и Греции. Тот же самый блок, который спустя 35 лет поставит ту же Болгарию на грань военной катастрофы во время Второй Балканской войны 1913 г.

Берлинский конгресс явил собой международный форум, всего лишь засвидетельствовавший предварительно проделанную его участниками гигантскую подготовительную работу. Каждая из великих держав готовилась по-своему. Но все придавали одинаково большое значение предстоящим решениям, выходящим далеко за рамки собственно Балканского полуострова. Преддверие

Берлинского конгресса – это не только дипломатические контакты, меморандумы и требования. Это еще и срочные меры военно-политического характера, как, например, вотивирование австрийской и венгерской парламентскими делегациями кредита на пополнение запасов вооружений. Это – послание английской королевы к очередной сессии национального парламента, из которого следовал вывод о грядущей мобилизации резервистов. Это – приведение в боевую готовность румынской армии. Это – активные закупки Россией в США судов с прицелом на возможное начало общеевропейской военной кампании. Н.П.Игнатьев еще летом 1877 г. обсуждал данный вопрос напрямую с британским военным агентом Уэлсли. Российский дипломат предупредил, что война с Россией станет губительной для Англии, поскольку соединенный русско-американский флот парализует английскую торговлю и отрезет метрополию от ее колоний, породив тем самым социально-экономический и политический кризис в самой Англии, оставшейся без сырья. Разумеется, подобный вывод был определенным преувеличением, однако в качестве одного из «факторов сдерживания», безусловно, имел право на существование⁸.

Это, наконец, и многие другие элементы, содержавшие в себе одновременно военно-прикладные и сугубо демонстративные аспекты⁹.

Что же касается «чистой дипломатии», то непосредственной предтечей Берлинского трактата можно считать особый русско-английский меморандум, подписанный в Лондоне 30 мая 1878 г. Именно данный документ формально закрепил пересмотр самого спорного положения Сан-Стефанского договора о расширенных границах Болгарского княжества. В обмен на это, а также на отказ от ряда территориальных завоеваний на Кавказском фронте Россия заручилась поддержкой со стороны Англии других положений Сан-Стефано. Конечным результатом сложной игры британской дипломатии стало приобретение Англией права занять стратегически важный остров Кипр, что предусматривалось тайным договором Лондона с Османской империей от 4 июня 1878 г. Данный документ содержал положение о британском содействии Порте в защите ее владений на Кавказе, но при этом признавал передачу России Батума, Ардагана и Карса. Подписанное же 6 июня Англией и Австро-Венгрией соглашение о совместной политической линии на предстоящем Берлинском конгрессе фактически стало завершающим документом, предопределившим решения, принятые в столице Германии. Обе державы договорились не допустить расширения болгарской территории к югу от Балканского хребта.

Кроме того, Австро-Венгрия заручилась британской поддержкой своих планов оккупации Боснии и Герцеговины.

Пожалуй, единственный момент, когда ход заседаний Берлинского конгресса мог серьезно отклониться от заранее распisanого сценария, был связан с демаршем английского делегата Б. Дизраэли (лорд Биконсфилд), пригрозившего 20 июня покинуть форум. Поводом послужили, как водится, дотошные британские журналисты, обнаружившие содержание секретного русско-английского меморандума от 30 мая, но при этом не знавшие о существовании англо-турецкой Кипрской конвенции от 4 июня. В результате британское общественное мнение обвинило Дизраэли в излишней уступчивости по отношению к России – что и спровоцировало всплеск его активности в Берлине, в частности, по вопросам о статусе Восточной Румелии, судьбах Софийского санджака и сроках пребывания в Болгарии русских войск. В результате компромисс был достигнут на основе передачи Софийского санджака Болгарии при одновременном предоставлении Порте права ввести войска в Восточную Румелию. Что же касается продолжительности русского военного присутствия в Болгарии, то она была установлена в 9 месяцев – в отличие от полугодичного срока, предусмотренного англо-австрийским соглашением от 6 июня 1878 г.¹⁰

Не допустить появления на Балканах региональной сверхдержавы – именно этот принцип стал ключевым для подавляющего большинства участников Берлинского конгресса. И данную задачу Конгресс выполнил. Более того, даже после Второй Балканской войны 1913 г. те же великие державы попытались умерить чрезмерные аппетиты победивших Болгарию балканских союзников, отдавая себе отчет в том, что миру и стабильности на Балканах противопоказаны как чрезмерно усилившиеся, так и униженные страны и народы. Последующая роль Болгарии в Первой мировой войне лишь подтвердила этот тезис.

Далее, именно Берлинский договор, предусмотревший создание на Балканах целого ряда национальных независимых государств, стал фактически первым документом во всемирной дипломатической истории, прописавшим международно-правовое обеспечение прав национальных меньшинств. Говоря словами Даниэля Филпотта, защита меньшинств наконец стала нормальным условием, возложенным на новые государства¹¹. В Болгарии, Восточной Румелии, Румынии, Сербии, Черногории, а также на всех территориях Османской империи провозглашалась полная свобода совести, все граждане вне зависимости от вероисповедания получали гражданские и политические права. Таким образом, рели-

гиозное, гражданское и политическое равноправие впервые документально провозглашалось всеобъемлющими ценностями для Балкан вне зависимости от государственной принадлежности тех или иных областей. А статья 44 Берлинского трактата, прямо обязывавшая Румынию обеспечить равные права проживавшим на ее территории евреям, непосредственно касалась пресловутого «еврейского вопроса», считавшегося особо актуальным для Балкан.

Следует также сказать, что и слабость, и противоречивость решений Берлинского конгресса, в свою очередь, явились следствием как раз попыток нарисовать на Балканах сбалансированную картину – в том числе в плане определения границ. Балканы – один из классических регионов мира, где границы, нарисованные на основе этнического принципа, не могут решить межэтнические проблемы, а лишь закладывают новые «мины замедленного действия». Ведь сами эти этнические границы очень часто носят условный характер, не учитывая этническую «чересполосицу», сложный процесс многовекового этногенеза, а также объективно сформировавшиеся культурно-исторические особенности различных частей одного и того же этноса, разделенного государственными, религиозными, природными и прочими разграничительными линиями.

С этой точки зрения Берлинский конгресс стал примером своеобразной искусственной и сознательной «балканизации сверху», когда из одной Болгарии делалось две, их границы искусственно сужались за счет македонских земель; когда на три части оказывался разделенным сербский этнос; когда не были учтены национально-государственные интеграционные устремления албанцев.

При этом, создав на Балканах мозаику независимых, автономных, оккупированных и прочих государств, территорий, провинций и областей, державы-«миротворцы» в лучших традициях геополитики позаботились о том, чтобы сохранить в неприкосновенности «святая святых» – транспортные пути. Главная водная артерия региона – Дунай – объявлялась нейтральной и свободной для судоходства. Проход военных кораблей через Черноморские проливы по-прежнему запрещался, и даже передававшийся России порт Батум получал статус порто-франко (вольной торговой гавани) и должен был использоваться исключительно торговыми судами.

Теперь балканским странам предстояло употребить усилия на хозяйственное освоение приобретенных территорий, преодоление финансово-экономических последствий трехлетнего международного кризиса, решение накопившихся политических вопросов

и новых межнациональных – то есть заняться тем, что с присущим им красноречием сербы назвали «консолидацией военных завоеваний». Эти задачи балканские народы и государства решили лишь отчасти.

Компромиссы, достигнутые между самими великими державами, с одной стороны, позволили урегулировать кровопролитный Великий Восточный кризис 1875–1878 гг., вместивший в себя несколько войн, но с другой, сохранили на беспокойной балканской земле старые узлы противоречий и завязали новые узлы – македонский, косовский, добруджанский, боснийский и целый ряд других.

Ну и, наконец, последняя красноречивая черта Берлинского конгресса. Наибольшие выгоды – в том числе территориальные – извлекли из балканского кризиса две державы, не принимавшие непосредственного участия в собственно военных действиях – Англия и особенно Австро-Венгрия. Монархия Габсбургов смогла утвердиться в двух стратегически важных районах Балкан – Боснии и Герцеговине и Новопазарском санджаке, где получила документальное разрешение держать воинские гарнизоны и сооружать железные дороги и прочие объекты военной и гражданской инфраструктуры. Но это уже относится к сфере высшего дипломатического искусства, выходящего за рамки собственно балканского урегулирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 511. Л. 30.

² Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 160.

³ Vickers M. The Albanians. A Modern History. London; New York, 1995. P. 33.

⁴ Shindler C. Likud and the Christian Dispensationalists: A Symbolic Relationship // Israel Studies. 2000. Vol. 5. P. 158.

⁵ Лависс Э., Рамбо А.Н. История XIX века: в 8 т. / Под ред. Е.В. Тарле. Т. 7. М., 1939. С. 448.

⁶ История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в Новое время (1872–1919) / Под ред. В.П.Потемкина; сост. В.М. Хвостов, И.И. Минц. М.; Л., 1945. С. 48.

⁷ Фей С. Происхождение мировой войны. Т. 1. С. 55. М., 1934.

⁸ Российская дипломатия в портретах / Редколл. А.В. Игнатьев и др. М., 1992. С. 255–256.

⁹ Лависс Э., Рамбо А.Н. История. С. 444.

¹⁰ История дипломатии. Т. 2. С. 48–49.

¹¹ См.: Philpott D. Sovereignty: An Introduction and Brief History // Journal of International Affairs. 1995. Vol. 48. N 2. P. 353–369.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И ПАРИЖСКИЕ МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

Abstract:

Barta R. *The Great War and the Paris peace treaties in the history of international relations*

The article considers the principles and geopolitical consequences of the system of peace-treaties signed after World War One in the residences around Paris.

Ключевые слова: Первая мировая война, Парижская мирная конференция, национализм.

Предварительные замечания. В венгерской и мировой историографии все более распространенным становится выражение «короткий XX век», когда за точку отсчета берется начало не столетия, а Первой мировой войны, а соответственно, окончание связывается с распадом Советского Союза и прекращением холодной войны². Многие полагают, что период с 1914 г. по 1991 г. характеризуется последовательной конфронтацией, хотя действующие лица, конкретные мотивации и последствия в разные годы могли быть разными. Также XX век порой называют веком Америки, поскольку именно эта молодая сверхдержава (США) установила свою прочную экономическую, военную и политическую гегемонию в мире. Все это лишь на время смогло уравнивать и сдерживать другую сверхдержаву, возникшую на руинах царской империи – Советский Союз. И хотя он также очертил собственную сферу имперских притязаний, в затянувшемся, изнурительном экономическом, военном, техническом, технологическом, идеологическом противостоянии периода холодной войны Москва проиграла Вашингтону. В истории XX века судьбу Европы в первую очередь решали отнюдь не европейские страны. Новая эпоха принесла с собой перемены такого масштаба и глубины, что, в свете происшедшего, XIX век, как и все предыдущие столетия, стал казаться эпохой идиллического спокойствия³.

Двадцатимиллионные потери в Первой мировой войне шокировали население стран-участниц, которое в годы войны ежедневно убеждалось на собственном опыте, что спасения нет даже в тылу⁴. В своем временном и пространственном размахе Великая война охватила целые континенты и перешагнула через океаны. Глобальный и тотальный характер конфликта определил цели войны, тактику сторон, а также аппетиты победителей. Во время

Парижской мирной конференции победившие государства Антанты существенно отклонились от принятой ранее политики репараций и постарались добиться полного или практически полного уничтожения проигравших⁵. Европейские державы, сгруппированные в антагонистические союзы, преследовали различные цели, но все без исключения готовились к большой континентальной войне, и здесь, в шовинистическом угаре, охватившем как большие, так и малые народы, практически в каждой стране подавляющая часть населения поддерживала свое политическое и военное руководство. Начало масштабной войне положили конфликты на Балканах, что в целом не стало сюрпризом даже для современников, знакомых с предысторией Восточного вопроса. На Балканах сербы, пользовавшиеся массивной российской поддержкой, хотели не только окончательно освободиться от австро-венгерского присутствия, но стать ведущим народом в будущем южнославянском государстве. Получая деньги и оружие из России, они прилагали немало усилий к тому, чтобы подстрекать южнославянские народы Австро-Венгрии к восстанию против Вены и Будапешта. Все это не только наносило ущерб российско-австрийским интересам, но также напрямую затрагивало великодержавную политику Берлина. На самом деле, Германская империя использовала балканские конфликты в качестве благовидного предлога для того, чтобы на западе начать давно уже запланированное наступление на Францию. Аннексия Австро-Венгрией в 1908 г. Боснии и Герцеговины послужила на какое-то время противовесом сербским и русским устремлениям, однако спустя четыре года Первая Балканская война вновь изменила расстановку сил. При поддержке из России объединенные вооруженные силы малых балканских народов одержали победу над турками. По итогам войны, Болгария существенно прирастила свою территорию, на которую, впрочем, претендовали Белград и Бухарест, не говоря уже о греках и готовившихся к реваншу турках. Не прошло и года после окончания Первой Балканской войны, как бывшие союзники вместе выступили против Болгарии и летом 1913 г. за каких-то два месяца нанесли ей поражение во Второй Балканской войне⁶. Эти конфликты запустили чрезвычайно опасный процесс, поскольку в немецких и австрийских правящих кругах окрепла убежденность, что балканский вопрос следует уладить раз и навсегда путем опережающего (превентивного) военного удара. Они полагали, что нельзя позволять самостоятельно решать свои дела малым народам полуострова, поскольку те не заслуживают доверия и в любой момент могут вступить друг с другом в конфликт.

Противоборствующие стороны. Поводом к войне (*casus belli*) стало убийство 28 июня 1914 г. в Сараево наследника австро-венгерского престола и его супруги. После этого Вена отправила Белграду неприемлемый ультиматум, полагаясь на заверения, данные немцами Францу Иосифу: мол, в случае войны им не нужно будет объяснять, что значит союзнический долг. Сходным образом сербы при гарантированной поддержке русских решились на войну с Веней⁷. Сегодня нам уже доподлинно известно, что за объявлением войны стояли глубокие и давно назревавшие экономические и геополитические конфликты. Первая мировая война, если судить по исходным намерениям противоборствующих сторон, начиналась отнюдь не как война мировая. Каждый из противников рассчитывал на короткую, быструю и, само собой разумеется, победоносную войну. Главной целью немцев было, следуя давнему плану Альфреда Шлиффена (1833–1913), быстро (предварительно захватив Бельгию) поставить на колени французов, а затем уже выступить против русских. Высказывание кайзера Вильгельма II («Обед в Париже, ужин в Петербурге») прекрасно отражает царившую в Берлине веру в быструю победу. Австро-Венгерская монархия после провокации со стороны Сербии, каковой явилось Сараевское покушение, не могла остаться в стороне, поскольку шестеро из семи участников покушения были боснийскими сербами. Впрочем, вступление в войну Вены и Будапешта еще не означало превращения войны в мировую, поскольку главной целью двуединой монархии был разгром Сербии. Прежде всего, ради того, чтобы маленькое югославянское государство не подстрекало бы более за русские деньги другие югославянские народы, проживавшие в пределах монархии. При всем том венгерский премьер-министр Иштван Тиса (1861–1918) считал вступление в войну опрометчивым шагом, так как не был уверен ни в нейтралитете Румынии, ни в верности союзническому долгу Болгарии, и с полным правом опасался за южные и восточные границы Трансильвании. Французы вступили в войну в первую очередь ради присоединения прирейнских областей и Эльзаса и Лотарингии, а также чтобы противодействовать немецким великодержавным амбициям; англичане же делали это ради поддержания баланса сил на континенте и обеспечения автономии малых народов, таких, как бельгийцы. Царская Россия, как обычно, пыталась снять внутреннее напряжение с помощью военных успехов и видела залог своего присутствия в Европе в максимальном расширении своих территорий или, по крайней мере, установлении над некоторыми из них военного контроля⁸.

Отнесение войны к категории мировой обусловлено географическим размахом конфликта и большим числом участников. На стороне Центральных держав, начавших войну (Австро-Венгерская монархия, Германская империя), в войну вступили также Османская империя и Болгария, вследствие чего протяженные фронты развернулись на Балканах, в Малой Азии, в Палестине, на Ближнем Востоке. Круг членов Антанты расширился не только за счет европейских стран⁹. Со вступлением в войну Японии и США лагерь союзников, где уже числились Италия и Румыния, включил в себя новые континенты. Хотя выход России из войны в марте 1918 г. на время усилил позиции немцев (был закрыт Восточный фронт), однако на Западном фронте американцы успешно сдерживали немецкие атаки. Бои велись даже в Африке, в Германской Восточной Африке – вплоть до 1918 г., военные действия на море также не прекращались.

Это была первая война, в которой противоборствующие стороны в полной мере подчиняли тыл нуждам фронта. Вместо мобилизованных мужчин на военных заводах и в сельском хозяйстве были задействованы миллионы женщин, детей, стариков; карточная система, выдача продуктов строго по пайкам и военнопленные, прибывавшие в тыл, заставляли каждого ощутить на себе реальность этой войны. Для достижения победы воюющие стороны не колеблясь использовали все передовые достижения промышленной революции. Сплав традиционной военной стратегии (открытое нападение, пешая атака, рукопашный бой) с применением современных средств боя привел к кровавым жертвам прежде невиданного масштаба. Эти потери несли армии, численность которых не имела аналогов в истории. В случае всеобщей мобилизации Австро-Венгерская монархия могла выставить 3,5 млн солдат, Германия – 4,5 млн солдат и вдобавок грозную военную технику. Французы могли выставить более 4 млн солдат, но у них не было боеспособной артиллерии. У англичан до введения в 1916 г. всеобщей воинской повинности армия не достигала и одного миллиона человек, однако имперский флот (*Imperial Grand Fleet*) в количестве 757 боевых единиц утверждал их непревзойденное превосходство на море. Больше всего солдат могла выставить Российская империя (в случае всеобщей мобилизации – 6,5 млн чел.), однако техническое оснащение армии, ее офицерский состав, а также флот были крайне слабыми¹⁰. По сравнению с 850-тысячной итальянской армией бельгийская 200-тысячная и сербская 250-тысячная казались практически карликовыми.

Для идеологического обоснования войны и в интересах поддержания боевого духа в тылу элиты противоборствующих стран прикрывали свои военные и геополитические цели национальными интересами. Для этого прекрасно подходили шовинизм, коллективная ненависть по отношению к другим народам, которая внедрялась в сознание целых поколений через систему образования и официальную пропаганду. Неизбежность войн, их закономерное повторение были объявлены традиционным средством разрешения конфликтов, событием, которое невозможно избежать, но к которому следует хорошо подготовиться. Причины и цели войны были различные у каждой страны, но в любом случае они были весьма конкретными, и именно это с наибольшей интенсивностью внедряли в сознание жителей. Успехам официальной военной пропаганды повсеместно способствовало то обстоятельство, что жители стран, вступающих в войну, готовились к одному большому столкновению, к молниеносной войне, и это воинственное воодушевление объединяло простых людей с их правительствами. Поддержка, оказываемая военной идеологии и пропаганде, в основе которых лежали шовинизм и национализм, была столь значительной, что ни европейские социал-демократы, ни другие левые политические силы, выступавшие с антивоенной программой, ничего не могли ей противопоставить.

Принципы и издержки работы мирной конференции. К лету 1918 г. стало окончательно ясно, что государства Антанты располагают большими военными резервами, и их окончательная победа – лишь вопрос времени. Колоссальные людские ресурсы Антанты, брошенные на Западный фронт, практически бесперебойная работа морских путей сообщения и поддержка США создали все возможности для того, чтобы главы стран Антанты приступили к формулировке своих послевоенных целей. Касательно раздела Турции они договорились еще раньше (секретное соглашение Сайкса-Пико)¹¹; к лету 1918 г. были приняты планы интервенции стран Антанты в Советскую Россию и раздела Австро-Венгерской монархии. Лидеры национальных движений монархии, как в эмиграции, так и внутри страны, открыто дали понять: они более не желают в ней жить и требуют собственной государственности¹². Летом 1918 г. французское и британское правительства приняли проект раздела монархии, и такая позиция определялась целым рядом соображений. С одной стороны, пояс из малых государств, возникших на месте нынешней Австро-Венгрии, вместе с получившими независимость прибалтийскими странами и Польшей, сформировал бы необходимую линию защиты, «санитарный коридор».

дор» (*cordon sanitaire*) против распространения в Европе российского большевизма; с другой стороны, мелкодержавный национализм во вновь создаваемых государствах считался достаточно сильным препятствием на пути возможного возрождения двуединой монархии. К тому же сама необходимость гарантировать существование новых стран давала Франции и Великобритании возможность расширить сферу своего влияния в Центральной Европе и на Балканах. Соответственно Лондон и Париж поддерживали местных национальных политиков. После длительных колебаний сходную позицию заняло также правительство Соединенных Штатов Америки. Теперь существование Австро-Венгерской монархии зависело от сроков окончательной победы Антанты¹³.

Ввиду огромных человеческих и материальных потерь, понесенных в годы Великой войны, правящие круги держав-победительниц, во многом руководимые жадной мести, желали в полном объеме навязать свою волю проигравшим странам. Между тем, еще в начале 1919 г. представлялся случай установить прочный мир, иными словами, была возможность ввести в действие один из основополагающих дипломатических принципов XIX века – компенсационную политику. Теоретическую основу для такого договора 8 января 1918 г. сформулировал американский президент Вудро Вильсон (1856–1924) в 14 пунктах послания к Конгрессу, которое, будучи ловким пропагандистским трюком, адресованным общественному мнению, по большей части стало мерилом для всех мирных конференций в окрестностях Парижа. Американский план урегулирования предполагал воссоздать Европу в рамках концепции, где были сплавлены национальное самоопределение (*national self-determination*), политический и экономический суверенитет, а также либеральная торговая политика (свободная торговля). Вместе с тем пресловутое национальное самоопределение, фактически ставшее девизом мирной конференции, было проще сформулировать в теории, нежели применить на практике. В реальности суверенное право народов и наций создавать независимое государство по собственному желанию страны-победители и их младшие союзники распространяли исключительно на самих себя. Программа Вильсона предлагала демократические решения для таких спорных вопросов, как государственная принадлежность территорий с этнически смешанным населением (по этому вопросу следовало провести плебисцит среди местных жителей), регулирование конфликтов между новообразованными государствами (следовало создать международную организацию – Лигу Наций), гарантия прав

национальных меньшинств (их права должны были быть прописаны в каждом мирном договоре)¹⁴.

Послевоенное мироустройство должна была поддерживать располагавшаяся в Женеве Лига Наций, у которой не было собственных вооруженных сил, поэтому в случае конфликтов между членами она могла лишь давать рекомендации соответствующим правительствам. Основную массу жалоб на новые границы в Европе поступали в Лигу Наций от национальных меньшинств. Международная организация также могла накладывать распоряжения об аресте и вводить санкции в отношении лиц, нарушивших международное право, но контролировать исполнение она не могла¹⁵. Было принято решение об учреждении международного суда с центром в Гааге. Экстренная помощь под эгидой Лиги Наций была направлена в страны, которые после войны оказались на грани банкротства (Австрия, Болгария). Просчеты Парижских мирных договоров были очевидны уже современникам. Еще в 1919 г. экономический эксперт британской мирной делегации Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) в брошюре «Экономические аспекты мирного договора», переведенной на многие языки, в том числе на венгерский, обратил внимание на то, что установленный в Европе порядок с экономической точки зрения оказался нежизнеспособным. Систему малых государств, образованных после проведения в Европе новых границ, разрывали внутренние конфликты, и поскольку национализмы малых народов видели врагов в соседях, вдоль новых границ быстро оформились конфликтные зоны. При их проведении не принимался в расчет принцип этнического большинства даже там, где для этого были возможности (район Судетов, юг Словакии, запад Трансильвании). Вильсоновский постулат о национальном самоопределении победители применяли только в отношении к самим себе, и эти очевидные двойные стандарты лишь разжигали в побежденных жажду реванша.

Все это на фоне отсутствия очевидного лидера в виде той или иной региональной великой державы в Центральной и Восточной Европе стало предпосылкой для роста влияния постепенно набирающей силу Германии. В итоге Конгресс США не ратифицировал мирные договоры, поскольку счел многие фундаментальные положения Лиги Наций противоречащими американской конституции. Если американцы участвовали в послевоенном урегулировании лишь на некоторых территориях, представителей советских большевиков вообще не пригласили на мирные переговоры. В итоге Советский Союз, новая великая держава, зарождавшаяся на востоке, остался в стороне от послевоенного устройства мира.

За этим стояли не только причины идеологического порядка (неприятие большевизма), но и желание стран Антанты наказать русских за то, что те в 1918 г. вышли из войны. Во время мирной конференции никому не пришло в голову, что две великие державы, которые в будущем станут вершить судьбы Европы и мира, временно отстранялись от принятия решений на континенте. На востоке один из столпов традиционного баланса сил в Европе обрушился, а запад континента попал в экономическую зависимость от американцев. Ошибочные решения мирной конференции естественным образом привели к сползанию в новую войну, но система мирных договоров, подписанных в пригородах Парижа, была не единственной и не решающей причиной начала Второй мировой. События в Европе между 1919 и 1939 гг., важные изменения в политике великих держав, последствия мирового кризиса, распространение и столкновение нацистской¹⁶ и советской большевистской идеологий создали те условия, без которых новая система мирных договоров сама по себе не могла привести к войне.

Некоторые итоги. Новые государственные границы изменили жизнь миллионов людей, послевоенное состояние разочарованности, потери, хаос в экономике практически в каждой стране создали революционную ситуацию. Воздействием Первой мировой войны можно по большей части объяснить общую революционную волну, как и то, что в самых разных странах появились новые, часто экстремистские политические силы. После 1918 г. в Европе широко распространилось мнение, что традиционные политические элиты дискредитировали себя, необходимы новые идеи, новое устройство, участие в политике стало массовым требованием. При всем том у миллионов людей коренным образом изменилось мировоззрение, образ мыслей, поскольку война быстро и беспощадно превратила в условность прежнюю систему ценностей.

Примером запутанности международных отношений послевоенного периода стал острый спор, вспыхнувший в 1921 г. между французами и британцами по поводу репараций, которые в конечном итоге составили 132 млрд марок золотом, и всю эту сумму немцы должны были выплатить за 37 лет¹⁷. Основная проблема по-прежнему заключалась в экономической несостоятельности Европы. Это подтверждает тот факт, что представители немецкого крупного капитала всеми способами саботировали выполнение экономических и финансовых предписаний мирного договора. Американцы отстранились от европейских дел, а французы, ввиду нанесенных войной убытков, также не были способны вдохнуть жизнь в экономику на континенте. В данной ситуации британцы взяли

инициативу на себя, с той целью, чтобы по мере расширения зоны фунта стерлингов на континенте Лондон превратился в мотор европейской экономики. Разрешению репарационных вопросов и претворению британских предложений должна была служить экономическая конференция, открывшаяся 10 апреля 1922 г. в Генуе, где наряду с представителями проигравших стран присутствовали также делегаты из Советского Союза. Единственным достижением этого совещания, окончившегося очевидным провалом, было то, что под Генуей, в Рапалло, немецкая и советская делегации договорились об установлении дипломатических связей, тем самым положив начало советско-немецким отношениям, которые вплоть до 1941 г. оставались взаимовыгодными¹⁸.

Перевод с венгерского Д.Ю. Ващенко

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья представляет собой сокращенную и переработанную версию одной из глав монографии автора. См.: *Bartha R. Az első és második világháború képes története.* Debrecen, 2010.

² *Gyáni G. A 20 század, mint emlékezeti esemény.* Текст доступен по адресу: www.penzugykutato.hu/sites/default/files/Gyani_Gabor_090930.pdf 2014. nov. 4 (дата последнего посещения 1.XII.2015). *Hobsbawm E. A szélsőségek kora. A rövid huszadik század története 1914–1991.* Bp., 1988. 16–23. old.

³ *Barta R. Az első és második világháború.* 13. old.

⁴ *A háború hatásai (források) // Az első világháború. Nemzet és emlékezet / Szerk. D. Szabó.* Bp., 2009. 157–224. old.

⁵ Современный взгляд на Парижские мирные договоры см. в: *Macmillan M. Béketeremtők. Az 1919-es párizsi békekonferencia.* Bp., 2012.

⁶ О Балканских войнах см.: *A balkáni háborúk és a nagyhatalmak. Rigómeztől Koszovóig. Politikátörténeti Füzetek/Szerk. T. Krausz.* Bp. 1999. XIII. old.; *Demeter G. Kisállami törekvések és nagyhatalmi érdekek a Balkán háborúk idején (1912–1913).* Bp., 2007; *Idem. A két balkán háború hadtörténete (1912–13).* Debrecen, 2008; *Hall R.C. The Balkan Wars, 1912–13. Prelude to the first World War.* London; New York, 2002.

⁷ *Barta R. Az első és második világháború.* 21–22. old.

⁸ *Galántai J. Az első világháború.* Bp., 1988. 91–121. old.

⁹ В новейшей английской исторической литературе Великую войну прямо называют британской имперской войной: *Morrow J.H., jr. The Great War. An imperial History.* London, 2005. P. 278–323.

¹⁰ *Ellenségeink hadereje.* In: *A Nagy Háború írásban és képen. Északon és délen / Szerk. Lándor Tivadar.* I. köt. Bp., 1915. 19–23. old.

¹¹ *John H. Morrow Jr. The Great War.* P. 14.

¹² *Ausztria-Magyarország nemzetiségeinek közös nyilatkozata. Róma, 10.IV.1918 // Galántai J. Az első világháború.* 223. old.

¹³ *Barta R. Az első és második világháború.* 147–148. old.

¹⁴ Ibid. 173–174. old.

¹⁵ Об ошибках Лиги Наций см.: *Balogh A.* A Nemzetek Szövetsége húsz évi működésének mérlege // *Erdélyi Tudományos Füzetek.* 1940. 119. sz. 3–15. old.

¹⁶ Военная программа нацистской партии, пришедшей в Германии к власти в январе 1933 г., и ее воплощение в жизнь гораздо более обусловили начало Второй мировой войны, нежели мирный договор, завершивший Великую войну. Ср., например: *Kershaw I.* Hitler. 1889–1936. Hybris. Вр., 2003. 19–28.; 509–523.; 544–553. old.

¹⁷ *Macmillan M.* Béketeremtők. 232–248.; 573–574. old.

¹⁸ О межвоенных советско-немецких связях и военном сотрудничестве см.: *Groehler O.* Selbstmordische Allianz. Deutsch-russische Militärbeziehungen 1920–1941. Berlin, 1992.

Я. Анги
(Дебреценский университет, Дебрецен)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАГЕДИЯ И РАЗВИТИЕ ГОРОДА: ВЛИЯНИЕ ТРИАНОНСКОГО МИРА НА ДЕБРЕЦЕН (1920–1944)

Abstract:

Angi J. *National tragedy and urban development: the influence of the Trianon peace treaty on Debrecen (1920–1944)*

The article treats the history of the city of Debrecen after World War One, through the prism of new advantages, which were used to rebuild the educational and cultural infrastructure.

Ключевые слова: Дебрецен, Трианонский мирный договор, территориальные потери, университет, городской музей.

Система мирных договоров, положившая конец Первой мировой войне, в том числе документ, подписанный в Трианонском дворце, имела для Венгрии трагические последствия¹. Венгерское королевство, которое также принято называть исторической Венгрией, потеряло две трети своей исходной территории и около половины прежнего населения².

Во время румынской оккупации (с 23 апреля 1919 г. по 11 марта 1920 г.) Дебрецен, естественно, пострадал не менее других. По подсчетам тех лет и согласно исследованиям современных историков, материальный убыток составил 2,345 млрд крон. Из-за инфляции сложно определить его эквивалент в других валютах. Например, в начале столетия 1 доллар стоил 5 австро-венгерских крон, соответственно, австро-венгерскую крону золотом обменивали на венгерскую крону в пропорции 1:1, однако новые деньги неуклонно обесценивались. Что касается материального ущерба, румыны вывезли 50–60% промышленной и сельскохозяйственной техники, 30–50% поголовья скота. Городское население понесло ущерб в размере 100 млн долларов, если считать по курсу 1920-х годов. Точные людские потери определить еще сложнее: за единственный месяц от нехватки молока умерли 24 младенца, в городе постоянно ощущался недостаток лекарств, продовольствия, топлива, одежды, моющих средств. Можно со всей уверенностью утверждать, что речь идет о сотнях жизней³.

Впрочем, весной 1920 г. Дебрецен смог перевести дух: оккупационные войска оставили город, жизнь стала постепенно налаживаться. Венгерско-румынскую границу провели приблизительно в 30–40 км от Дебрецена, вдоль железнодорожной линии Сат-

марнемети–Надьварад–Надьсалонта–Арад–Темешвар (Сату–Маре–Орадя–Маре–Салонта–Арад–Тимишоара, Румыния), но так, что все указанные города оказались на румынской стороне. Тем самым область Бихар, в течение многих столетий связанная с Надьварадом тысячами экономических, культурных, образовательных и религиозных нитей, лишилась своего центра. В то же время эта ужасная потеря и обрыв естественных связей повысили значимость Дебрецена.

Динамичное развитие города началось, естественно, не после Трианонского мира. Еще в XIV в. Дебрецен был одним из важнейших городов в своем регионе, который в годы, когда большая часть Венгрии находилась под властью османов, превратился в один из самых богатых городов в стране. Земельные владения города, принадлежащий ему скот, личное имущество жителей Дебрецена и округа составили основу экономики, и в конце XVIII – начале XIX вв. он по численности населения считался одним из самых крупных городов Венгрии.

Перепись населения, проведенная по указу императора Иосифа II в 1784–1785 г., выявила, что в Дебреcene на тот момент проживало около 30 тыс. жителей, и он, таким образом, являлся самым населенным городом в стране, опережая Пресбург/Пожонь (Братислава, Словакия), Буду и крупные города Альфельда, так называемой Верхней Венгрии (северо-западные, северные и северо-восточные области королевства) и Трансильвании. У нас нет оснований утверждать, что так уже не было во время Освободительной войны под предводительством Ференца II Ракоци в начале XVIII в. Правда и то, что во всех подобных оценках и подсчетах Буда и Пешт, которые в 1873 г. были объединены и позднее стали столицей страны, рассматривались отдельно⁴.

Впрочем, это стремительное развитие в случае Дебрецена было прервано после революции и национально-освободительной войны 1848–1849 гг. Особенно бросается в глаза замедление в развитии города после подписания в 1867 г. соглашения о преобразовании Австрийской империи в Австро-Венгерскую монархию, когда в Венгрии началась индустриализация в современном понимании слова. Только 1890-е годы привнесли в развитие Дебрецена новый импульс, однако в сущности за полвека, предшествовавшие Первой мировой войне, город по объективным условиям, из-за географического расположения и консервативных взглядов его жителей не так выиграл от системы дуализма, как другие венгерские города. Ближайший к нему Надьварад, к примеру, на рубеже

XIX–XX вв. как в экономическом, так и в общественном и культурном отношении стал более буржуазным, нежели Дебрецен⁵.

В 1920 г. ситуация оказалась принципиально иной. Страна потеряла свою прежнюю коронационную столицу Пресбург, самый значительный город Трансильвании – Коложвар (Клуж-Напока, Румыния), многие центры буржуазного развития на севере, юге, в Трансильвании, в том числе – Надьварад. Венгрия оказалась в крайне тяжелом экономическом положении и с трудом справлялась с той проблемой, что традиционная, веками складывавшаяся общенациональная система разделения труда была уничтожена.

Рамки статьи не позволяют в полной мере осветить проблему использования в экономике преимуществ, которые принесла новая ситуация. Вместо этого позволим себе более подробно остановиться на двух сферах или институтах, изучением которых автор статьи занимается многие годы и надеется, что читатель примет такой субъективный выбор.

Одним из институтов, развитие которых после Трианонского мирного договора получило новый импульс, оказался Дебреценский университет, в межвоенный период носивший название Дебреценский венгерский королевский университет им. Иштвана Тиссы. Это высшее учебное заведение, основанное в 1912 г. на базе реформатского (кальвинистского) коллегіума XVI в., в годы между двумя войнами, вне всякого сомнения, пережило первый период своего расцвета. Первые годы существования университета запомнились нехваткой учебных помещений, снижением числа студентов и, отчасти, преподавателей, ушедших на фронт. В конце концов, здания университета были построены на часть суммы займа, полученного от Лиги Наций в годы, когда министром внутренних дел Венгрии был граф Куно Клебельсберг (1875–1932). В 1923–1927 гг. были сданы в эксплуатацию здания клиники медицинского факультета, в 1928 г. – стадион, в 1932 г. – главное здание университета. Наряду с созданием инфраструктуры, важным оставалось повышение уровня преподавания и научно-исследовательской деятельности, и здесь Дебреценский университет стал лучшим в Венгрии после Будапешта⁶.

Осенью 1920 г. в Дебрецен вынужденно переехали университет им. Франца Иосифа из отошедшего к Румынии Коложвара и университет им. Елизаветы из оказавшегося на территории Словакии Пресбурга. В конце концов, венгерское правительство приняло решение перевести данные университеты в два других венгерских города – соответственно Сегед и Печ.

Трианон также повлек за собой и другую проблему: новые границы и иная государственная принадлежность отторгнутых территорий привели к тому, что круг абитуриентов, т.е. потенциальных студентов, сузился. Прикарпатье, традиционно – еще во время существования реформатского коллегиума в XVI–XIX вв.⁷ – служившее базой для пополнения студенчества в Дебрецене, присоединили к Чехословакии, большую часть Парциума – к Румынии. Практически невозможным стал прием выпускников знаменитых гимназий, расположенных в Сепешском крае (отошел к Чехословакии). В свете всего сказанного неуклонное повышение уровня образования и науки в Дебреценском университете заслуживает восхищения.

Естественно, создание соответствующей инфраструктуры не могло завершиться без уже упомянутого строительства. В момент основания университета в нем не было естественнонаучных кафедр, и эту ситуацию следовало срочно исправить. В плане подготовки преподавательских кадров особое значение приобретало открытие базовой гимназии, что произошло несколько позднее – в 1930-е годы.

Численность студентов в 20–30-е годы XX в. последовательно росла. В целом это являлось общемировой тенденцией, но динамика роста в Венгрии – в том числе в Дебрецене – была особенно заметной. Это само по себе позитивное явление повлекло за собой переизбыток специалистов, особенно с дипломами философов (в том числе историков, филологов) и юристов. Выпускники по данным специальностям впоследствии с огромным трудом могли устроиться на работу. Проиллюстрируем это на конкретных примерах: число студентов Дебреценского университета за десять лет возросло с 806 чел. в 1922 г. до 1 527 чел. в 1933 г., и благодаря этому город весь межвоенный период оставался важным культурным центром. Это, в свою очередь, стало решающим фактором для развития другого института – городского музея⁸.

Городской музей Дебрецена был основан в начале столетия, в 1902 г., и до середины 1920-х годов сохранял характер обычного провинциального музея. У его истоков стояли подлинные энтузиасты, чья работа достойна лишь восхищения, но и по характеру экспозиции, и по целевой аудитории музей оставался на провинциальном уровне⁹.

Трианон и здесь повлек за собой весьма неоднозначные последствия. 18 октября 1920 г. в Дебрецен приехал Фридьеш Дери (1852–1924), родившийся на юге Венгрии, но постоянно проживавший в Вене богатый владелец шелковой мануфактуры. В Ав-

стро-Венгерской монархии он был одним из самых успешных и профессионально признанных предпринимателей. Его образованность возвышала Дери над представителями первого поколения быстро разбогатевших промышленников. Ученость для него заключалась не только в специальных познаниях в собственной профессиональной области, но также в эрудиции и понимании в вопросах культуры и искусства. Семья привила ему буржуазные добродетели: бережливость, усердие, щедрость, гражданскую ответственность, любовь к родине, патриотизм. Он не только сам коллекционировал предметы искусства, но и жертвовал деньги на общественно значимые проекты: строительство библиотеки в г. Байя, возведение памятника писателю Мору Йокаи (1825–1904), Музей изобразительных искусств, Этнографический музей и – несмотря на свое католическое вероисповедание – Дебреценский реформатский коллегийум. К 1919 г. его художественное собрание – не считая книг, рукописей, монет – насчитывало 5 тыс. экземпляров, ценность которых составляла 15 млн крон (3 млн американских долларов по текущему на тот момент курсу)¹⁰.

Лишившись после Трианонского мирного договора части коллекции, Ф. Дери решил подарить одному из венгерских городов свое исключительно ценное собрание. Сначала он подумал о родном городе Байя, однако ввиду нестабильности ситуации на юге страны и близости границ с Королевством сербов, хорватов и словенцев решил по-иному. Он принял предложение венгерского министерства культуры и остановил свой выбор на Дебрецене, главным образом ради того, чтобы его собрание помогало в деле образования университетской молодежи.

В октябре 1920 г. Дери в торжественной обстановке подписал в Дебрецене договор, согласно которому он передавал государству свое собрание с тем условием, что произведения искусства из музея, названного его именем, ни при каких обстоятельствах не могут быть перемещены в другое здание. Он предусмотрел и то, чтобы власти Дебрецена внесли в годичный бюджет фиксированную сумму на поддержание музея. Также он пожелал, чтобы на принадлежавшие ему акции для музея было построено новое здание. В 1924 г. Дери умер, не дожив даже до начала строительных работ. С течением времени из-за инфляции и спада венгерской экономики эти бумаги потеряли свою ценность. Власти Дебрецена – не имея поддержки от государства – в 1925 г. решили построить новое здание музея на средства города.

Нынешнее здание музея Дери было возведено в 1926–1928 гг. Более полутора лет длилась организация экспозиции, и в итоге

музей был открыт в мае 1930 г. Он содержал самое большое, богатое, ценное и разнообразное собрание произведений искусства во всей Венгрии, если не считать Будапешта. На торжественное открытие был приглашен министр культуры К. Клебелсберг¹¹.

Итак, в тени великих, судьбоносных трагедий национально-го масштаба находилось место для локального развития и расцвета. Пример Дебрецена – прекрасное тому подтверждение. С присоединением значительных территорий Великой Венгрии к Чехословакии и Румынии город ощутимо потерял часть своих традиционных экономических, культурных и образовательных связей. При всем том развитие Дебрецена в 1920-е годы получило новый импульс, о чем красноречиво свидетельствует история университета и городского музея.

Перевод с венгерского Д.Ю. Ващенко

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По истории Венгрии на русском языке см.: *Контлер Л.* История Венгрии. М., 2002; на английском языке см.: *The Corvina History of Hungary / Szerk. P. Hanák.* Вр., 1990; в том числе по истории Венгрии в XX в. см.: *Hoensch J.K.* A History of Modern Hungary, 1867–1994. London; New York, 1996; *Romsics I.* Hungary in the Twentieth Century. Вр., 1999; в том числе по истории Первой мировой войны см.: *Heyman N.M.* World War I. Guides to Historic Events of the Twentieth Century. Westport (CT), 1997; *Taylor A.J.P.* The First World War and its Aftermath, 1914–1919. London, 1998; *Tucker S.C., Roberts P.M.* Encyclopedia of World War I. Santa Barbara, 2005; *The Cambridge History of the First World War: 2 vols. / Ed. by J. Winter Jay.* Cambridge, 2014. На венгерском языке наиболее подробно Первая мировая война рассматривается в сборнике: *Az első világháború / Szerk. D. Szabó.* Вр., 2009.

² Самой важной работой на английском языке, посвященной Трианонскому мирному договору, по-прежнему считается: *Total War and Peacemaking. A Case Study on Trianon / Ed. by B.K. Király, P. Pasto, I. Sanders.* Boulder (CO); New York, 1982.

³ *Zoltai L.* Oláhok Debrecenben. 1919.IV.23 – 1920.III.11. siralmas története // *Képes Kalendárium 1921. évre.* Debrecen, 1920. 40–58. old.; *Veres G.* Debrecen román megszállása 1919. április 23-tól 1920. március 11-ig // *Magyar történeti tanulmányok XV / Szerk. A. Fehér.* Debrecen, 1982. 5–54. old.; *Idem.* Debrecen a román megszállás idején // *Debrecen története. 4. köt. 1919–1944.* Debrecen, 1986. 165–186. old.

⁴ *Kováts Z.* A népesedési viszonyok // *Debrecen története. 2. köt. 1693–1849.* Debrecen, 1981. 15–69. old.; *Balogh I.* Mezőgazdasági termelés és agrártársadalom // *Debrecen története. 2. köt. 273–308. old.*

⁵ Kováts Z. Népesedési viszonyok // Debrecen története. 3. köt. 41–63. old.; Orosz I. Földbirtoklás, mezőgazdasági termelés és agrártársadalom Debrecenben 1850–1918 között // Debrecen története. 3. köt. 77–232. old.

⁶ A Debreceni Egyetem története, 1912–2012 / Szerk. I. Orosz, J. Barta-iff. Debrecen, 2012. 57–73. old.

⁷ Makkai L. Debrecen iskolájából az ország iskolája (1660–1703) // A Debreceni Református Kollégium története / Szerk. J. Barcza. Debrecen, 1988. 43–65. old.; Tóth B. A Kollégium története a XVIII. században // A Debreceni Református Kollégium története. 66–150. old.; Bajó M. A nemzeti műveltség jelentkezésének és kibontakozásának kora // A Debreceni Református Kollégium története. 151–191. old.

⁸ A Debreceni Egyetem története. 74–102. old.

⁹ Löfkovits A., Zoltai L. Jelentés Debrecen szabad királyi város múzeuma 1910. évi működéséről és állapotáról. Debrecen, 1911; Sőregi J. Löfkovits Arthur. Debrecen, 1936; *Idem.* Zoltai Lajos élete és működése. Debrecen, 1942.

¹⁰ Vezető Debrecen sz. kir. város Déri-Múzeumában / Összeáll. I. Ecsedi. Debrecen, 1930. 10–11. old.; Vezető a debreceni Déri Múzeumban / Összeáll. J. Sőregi; második, átdolg. és bőv. kiadás. Debrecen, 1938. 7–8 old.; Vezető a Déri Múzeum kiállításaihoz / Szerk. I. Dankó. Debrecen, 1978. 3–4. old.; Lakner L. Déri Frigyes és múzeuma. Debrecen, 2014. 8–13. old.

¹¹ A debreceni Déri-Múzeum / Tervezte: D. Györgyi, A. Münnich // Tér és forma. 1930. 6. sz. 257–272. old.; Balogh I. Debrecen. Bp., 1958. 63–66. old.; Sági L. Debrecen település- és építéstörténete. Debrecen, 1972. 78–81. old.

А.С. СТЫКАЛИН

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ПОЗИЦИЯ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ВЕНГРИИ И РУМЫНИИ В ОТНОШЕНИИ ТРАНСИЛЬВАНИИ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ПАРИЖСКИХ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ 1947 г.

Abstract:

Stykalin A.S. *Attitudes of new political elites of Hungary and Romania towards the Transylvania issue during framing of the Paris Peace Treaties of 1947*

The article examines the confrontation of the interests of the political elites of Hungary and Romania concerning the future of Transylvania in the context of the evolution of the attitudes of the victorious powers to the issue.

Ключевые слова: Парижские мирные договоры 1947 г., Парижская мирная конференция, Венгрия, Румыния, Трансильвания, антифашистская коалиция, державы-победительницы во Второй мировой войне.

Вопрос о послевоенных межгосударственных границах в Дунайско-Карпатском регионе и его отражении в проектах будущих мирных договоров с союзниками «Третьего рейха» Венгрией и Румынией приобрел актуальность в начале 1944 г. К этому времени становилось все более очевидным, что война раньше или позже завершится победой антигитлеровской коалиции, а вместе с поражением нацистской Германии рухнет и установившийся по ее воле европейский «порядок». Это означало полную утрату легитимности решений обеих Венских арбитражей (октябрь 1938 г. и август 1940 г.), не говоря уже о территориальных приращениях Венгрии, осуществленных в годы Второй мировой войны силовым путем с санкции Берлина¹.

Проекты послевоенного устройства Европы прорабатывались как в Вашингтоне, Лондоне, так и в Москве, где этим занимались, в частности, комиссии при Наркомате иностранных дел СССР (НКИД), возглавляемые И.М. Майским и М.М. Литвиновым. При этом, как явствует из материалов комиссий², руководство СССР придавало Румынии более важное стратегическое значение, чем Венгрии, ведь контроль над Румынией открывал ворота на Балканы и к Черноморским проливам. В силу этого возникает идея будущего долгосрочного пакта о военном сотрудничестве с Румынией с предоставлением СССР права держать в этой стране свои базы (в том числе военно-морские и авиационные)³. С другой стороны, в материалах комиссий Наркоминдела четко проводилась мысль о том, что СССР настолько же заинтересован в усилении послевоенных позиций Чехословакии, насколько не заинтересован в уси-

лении Венгрии: если при окончательной перекройке карты Европы окажется возможным «прирезать» к Чехословакии какие-либо новые территории (тем более в целях компенсации за передаваемую ею СССР Подкарпатскую Русь), это стоило бы без колебаний сделать⁴; в то же время любой спорный территориальный вопрос в отношениях Венгрии с ее соседями (будь то Чехословакия, Румыния или Югославия) было бы целесообразно решать не в пользу Будапешта⁵.

Румынские оппозиционеры-эмигранты, вступая в 1944 г. в контакты с представителями антигитлеровской коалиции, пытались выяснить условия будущего перемирия и каждый раз доказывали целесообразность включения в проект перемирия положения о полной передаче Румынии Трансильвании, что гарантировало бы, по их мнению, безболезненный переход страны на сторону антигитлеровской коалиции⁶. Западные державы считали преждевременным давать такие обязательства и гарантии⁷, в Лондоне и Вашингтоне как возможная альтернатива рассматривалась идея создания независимой Трансильвании. В Москве такой проект тоже прорабатывался как своего рода запасной вариант – об этом явствует, в частности, из записей обсуждения в июне 1944 г. на заседании комиссии под руководством М.М. Литвинова⁸. Советские эксперты в целом осознавали невозможность строгого соблюдения этнического принцип при проведении венгеро-румынской границы, перерезающей на две части Трансильванию с ее смешанным населением. А значит, они понимали, насколько бесперспективно найти на этом пути решение, в равной мере удовлетворяющее как венгров, так и румын⁹. В этих условиях и возникла идея в качестве временного решения, вплоть до установления в Румынии надежного просоветского правительства, пойти на создание формально самостоятельной Трансильвании как советского протектората. Такое государственное образование мыслилось в качестве инструмента советской внешней политики в Дунайском регионе, орудия давления на Венгрию, Румынию и даже в известной мере на титовскую Югославию¹⁰. Правда, от этой идеи быстро отказались, поняв, что трансильванский государственный проект в современных условиях нежизнеспособен, ибо не может сплотить на единой платформе венгров и румын: нет единой трансильванской элиты, а есть политические силы, тянущие либо в сторону Венгрии, либо в сторону Румынии¹¹. Предпочтение было отдано присоединению Трансильвании к Румынии, при этом СССР следовало поставить в положение единственного гаранта сохранения у Румынии Трансильвании при выполнении ею двух условий: 1) тесный и долгосрочный союз

с СССР; 2) отказ от претензий на Бессарабию, аннексированную СССР в июне 1940 г. Предполагалось, что гарантированное соседней великой державой присоединение Трансильвании вполне компенсирует утрату Бессарабии, обладание которой Румыния, находясь в соседстве с СССР, не могла не считать для себя делом более чем проблематичным.

23 августа 1944 г. Румыния, как известно, решительно порвала с нацистской Германией. По более позднему признанию короля Михая, сделанному в беседе с венгерским историком М. Фюлепом в 1994 г., главным мотивом для него при разрыве с «Третьим рейхом» было стремление предотвратить утрату Трансильвании в условиях, когда западные державы не могли гарантировать право Румынии на этот край¹². В текст перемирия с Румынией от 12 сентября был включен тезис о послевоенном вхождении в состав Румынии «всей или значительной части» территории Трансильвании. Этот пункт перемирия стал реальностью, с которой не могли потом не считаться венгерские дипломаты на разных стадиях работы Парижской мирной конференции¹³. С одной стороны, Москва настояла на признании в тексте перемирия больших прав Румынии, нежели Венгрии, на Трансильванию, и это было успехом не только советской политики (имевшей виды на Румынию как послевоенного союзника СССР), но в еще большей мере успехом румынской элиты, вовремя переметнувшейся на сторону антигитлеровской коалиции. С другой стороны, представители западных держав добились включения в документ важной оговорки о «значительной части» Трансильвании, и она стала своего рода «зацепкой», которая, с одной стороны, позволяла державам-победительницам сохранять действенный инструмент давления на Румынию, а с другой, давала венграм некоторые надежды на частичную ревизию крайне неблагоприятных для страны довоенных, так называемых «трианонских» границ, а значит, расширяла, пусть в незначительной степени, поле маневров венгерской дипломатии.

Советская сторона без больших колебаний приняла предложенную представителями США и Великобритании поправку, поскольку это открывало некоторые дополнительные возможности для того, чтобы шантажировать Румынию, настаивая на проведении ее правительством курса, в большей мере соответствующего интересам руководства СССР. В дальнейшем действенным инструментом давления становится и вопрос о румынской администрации в Северной Трансильвании, которая должна была сменить в этом крае венгерскую с уходом частей вермахта и венгерской армии. Попытки установить румынскую власть на освобожденной

Красной армией территории имели место в октябре 1944 г., однако месяцем позже, в ноябре того же года, повсеместно вводится советская военная администрация – красноармейское командование не без оснований ссылалось на то, что румынская администрация не может (или даже не хочет) воспрепятствовать нежелательным межэтническим разборкам в тылу наступающей Красной армии (речь шла в первую очередь о погромах мирного венгерского населения военизированными отрядами, составленными из румын). Вернули румынскую администрацию в крае лишь в марте 1945 г., когда в результате разрешения глубокого внутривосточного кризиса к власти в стране пришло хорошо контролируемое СССР правительство П. Грозы. Если поздней осенью 1944 г. вопрос о восстановлении румынской администрации в Северной Трансильвании ставился в зависимость лишь от выполнения действующим правительством всех условий соглашения о перемирии, то потом он был по сути увязан с вопросом о характере власти в Румынии, причем, как следует из документов, формирование «надежного», с точки зрения СССР правительства Грозы в обмен на восстановление румынской администрации в Северной Трансильвании было не экспромтом, а заранее спланированным политическим ходом¹⁴, в качестве же политтехнолога выступал неоднократно посещавший Бухарест А.Я. Вышинский, в то время зам. наркома иностранных дел¹⁵. Выполнение СССР взятых на себя обязательств по Трансильвании не только стало успехом просоветских сил Румынии, но и привязало к левому лагерю главную венгерскую партию — Демократический союз венгров, довольствовавшийся получением сильных позиций во власти на местном (трансильванском) уровне и не претендовавший на большее. Сдержанная позиция Запада в отношении этой сделки была не созвучна настроениям в румынском обществе, общественное мнение справедливо связывало именно с левыми силами большой внешнеполитический успех, тогда как прозападная ориентация так называемых «исторических» (национал-цэранистской и национал-либеральной) партий ослабляла их позиции (выпускник Будапештского университета П. Гроза, хотя и слыл единственным в румынской элите «мадярофилом», скорее был самым умеренным мадярофобом. Тем не менее он демагогически призывал харизматического лидера национал-цэранистов Ю. Маниу сначала добиться от своих «англо-американских хозяев» подвижек в трансильванском вопросе, а затем уже рассчитывать на свое участие в правительстве¹⁶).

Торг между западными державами и СССР по вопросу о характере власти в Румынии продолжался на заседаниях Совета

министров иностранных дел стран-победительниц в сентябре и декабре 1945 г.¹⁷. США и Великобритания выражали готовность подписать с Румынией мирный договор лишь при условии придания ее правительству более представительного характера. С их стороны наблюдалось также стремление к установлению более справедливой в этническом плане венгеро-румынской границы, и, таким образом, допускалась ее некоторая корректировка в исторической области Кришана (в венгерской традиции – Парциум) на крайнем западе Румынии. Итоги последних свободных выборов в Венгрии 4 ноября 1945 г. (оглушительный успех Партии мелких хозяев, набравшей 57% голосов) были восприняты на Западе с воодушевлением, дав новые сильные аргументы в пользу более провенгерской позиции, однако это воодушевление вскоре сменилось разочарованием, когда выяснилось, что «мелкие хозяева» отнюдь не собираются бросать вызов коммунистам – они не пошли на формирование однопартийного правительства и даже уступили компартии контроль над силовыми структурами. Уже в декабре 1945 г. США и Великобритания дают согласие на подписание мирного договора с Румынией, удовлетворившись весьма формальным включением в состав правительства еще двух некоммунистических политиков, лояльных СССР.

Вопреки всем последующим усилиям венгерской дипломатии вопрос о послевоенной границе Венгрии и Румынии был по сути решен уже в декабре 1945 г. Но венгерская элита, видя в последние месяцы 1945 г. некоторые благоприятные для себя подвижки англо-американцев в трансильванском вопросе, этого не поняла, она ждала от Запада новых шагов в интересах Венгрии. Более того, надежды на некоторый пересмотр границ внушил венграм сам Сталин, любивший разыгрывать своего рода «политический театр», как это произошло и в ходе его встречи с венгерским премьер-министром Ференцем Надем, посетившим Москву во главе правительственной делегации в апреле 1946 г. («в пользу Венгрии еще можно было бы что-то прирезать, а что именно – мы посмотрим», говорил тогда Сталин¹⁸). Венгерская сторона, обнадесившись, избегала в те месяцы контактов с румынами, не желая связывать себя какими-либо обязательствами. Активизировавшаяся в кулуарах Парижской конференции венгерская дипломатия все чаще ставит вопрос о тяжелом экономическом положении трансильванских венгров и о нарушениях при лишении венгров румынского гражданства. В 1945 г. эти вопросы фактически не понимались, публично выражалось удовлетворение положением венгров в Румынии, особенно в сравнении с Чехословакией. Впрочем,

и в 1946 г. эту тему затрагивали осторожно, в целом считая правительство Грозы наиболее приемлемым для Венгрии румынским правительством, однако, по оценке министра иностранных дел Я. Дён-дёши (в том числе выраженной в ходе встречи с В.М. Молотовым 9 апреля), полный отказ от территориальных претензий к Румынии (тоже союзнику нацистской Германии) создал бы немалые внутривнутриполитические трудности для молодой венгерской демократии, ослабив позиции демократических сил¹⁹. Весной 1946 г. в Будапеште еще питали надежды на получение территории в 22 тыс. кв. км с гг. Надьварадом (рум. – Орадя) и Арадом, потом умерили и эти требования. Все было тщетно: лидеры западных держав не стали настаивать на корректировке границ, Москва же с самого начала заняла однозначную позицию. Вопрос был решен не в пользу Венгрии, собственно говоря, его решение ни в коей мере не зависело от более успешного «перетягивания каната» венгерской либо румынской дипломатией, а было всецело predeterminedено консенсусом победоносных держав.

В дальнейшем советское руководство, совершенно не заинтересованное в усилении центробежных тенденций в формирующемся под эгидой СССР военно-политическом лагере, приложило немалые усилия для примирения левых элит Венгрии и Румынии. Трансильванский вопрос, однако, продолжал и далее (что вполне понятно) присутствовать в национальном сознании как венгров, так и румын – в условиях жестких диктатур начала 1950-х годов подспудно, а затем все более открыто и зримо²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Территориальные приращения хортистской Венгрии в 1938–1941 гг. происходили в такой последовательности. 2 ноября 1938 г. германо-итальянский арбитраж в Вене вынес решение о передаче Венгрии южных областей Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) общей площадью около 12 тыс. кв. км и с населением свыше 1 млн человек. Весной 1939 г. венгерские войска оккупировали всю Подкарпатскую Русь. 30 августа 1940 г. на основании Второго венского арбитража Венгрия получила Северную Трансильванию (около 43 тыс. кв. км) с населением более 2,3 млн человек. В апреле 1941 г., во время антиюгославской кампании «Третьего рейха» и его союзников, венгерская армия оккупировала и закрепила за собой часть территории королевской Югославии (в исторической области Воеводина, относившейся к венгерским «коронным землям») площадью около 12 тыс. кв. км.

² См., например: Записка главы комиссии НКВД СССР по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее со-

юзниками, И.М. Майского народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову по вопросам будущего мира и послевоенного устройства (датировано 10 января 1944 г.) // Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы / Отв. редактор Т.М. Исламов. М., 2000. С. 219–231.

³ Причем, если с Югославией и Болгарией в принципе допускался трехсторонний пакт с участием Великобритании (в которой в начале 1944 г. в Москве еще по инерции видели главного соперника на Балканах), то с Румынией, как отмечалось в вышеприведенном документе, пакт «непременно должен быть двусторонним» // Там же. С. 224.

⁴ Там же. С. 222. Как было отмечено далее в том же разделе записки И.М. Майского, «СССР выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии, которая ввиду политических настроений ее населения, а также в связи с недавним (в декабре 1943 г. – А.С.) подписанием советско-чехословацкого пакта взаимопомощи на 20 лет способна быть важным проводником нашего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе».

⁵ Как было подчеркнуто в рекомендациях комиссии Майского, «СССР не заинтересован в создании сильной Венгрии. К тому же Венгрии, как и Италии, необходимо дать понять, что союзники не забыли ее позиции в нынешней войне. Поэтому политика СССР в отношении Венгрии должна сводиться к тому, чтобы сохранить венгерское государство, но по возможности сузить его территорию, строго следуя этнографическому принципу. В тех случаях, когда в применении данного принципа возникают какие-либо сомнения, решать вопрос следует против Венгрии. Третейское решение о Трансильвании должно быть пересмотрено в соответствии с национальным принципом, но с известным уклоном в пользу Румынии, которая... после войны должна заключить пакт взаимопомощи с СССР и, таким образом, станет важным фактором нашей обороны на юго-востоке. Венгрия, по крайней мере на первые годы после войны, должна быть оставлена в положении международной изоляции. На Венгрию также должны быть наложены репарации» // Там же. С. 223–224.

⁶ Показательны, в частности, материалы встреч советских дипломатов в Египте с румынским политиком князем Б. Штирбеем весной 1944 г. Как читаем в одном из донесений, «румыны придают первостепенное значение вопросу о возвращении Трансильвании. На этом вопросе Стирбей останавливается почти в каждой беседе с тов. Новиковым (послом СССР в Египте Н.В. Новиковым – А.С.). Так, в беседе 29 марта Стирбей сказал: “Вопрос о Трансильвании очень дорог сердцу румын, и положительное его разрешение подняло бы дух румынской нации”. В следующей беседе он прямо спросил тов. Новикова, готово ли Советское правительство дать заверения о возвращении этой области Румынии» // Там же. С. 232.

⁷ Об этом информировало Наркоминдел посольство СССР в Каире. Так, 8 апреля 1944 г., ознакомившись с советским проектом условий перемирия с Румынией, британские и американские дипломаты выразили некоторые сомнения в связи с уже включенным туда пунктом, где речь шла об анну-

лировании решений венского арбитража по вопросу о Трансильвании. При этом было замечено, что, «пожалуй, сейчас преждевременно давать такие ясные и определенные обязательства румынам». Конкретный ответ на советские предложения был ими отложен до консультаций со своими правительствами // Там же.

⁸ См. запись заседания Комиссии НКВД СССР по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства по вопросу о Трансильвании от 8 июня 1944 г. // Там же. С. 238–245.

⁹ «Любое разрешение будет вызывать недовольство одного или другого из этих государств, а то и обоих государств», – прямо указывал в своей записке от 5 июня Литвинов // Там же. С. 235.

¹⁰ Как справедливо замечал Литвинов, «при населении свыше 5 млн человек и площади свыше 100 тыс. кв. км Трансильвания была бы больше многих других европейских государств, обладая к тому же значительными экономическими ресурсами» // Там же. С. 237. По мнению Литвинова, контроль над новым государством позволил бы усилить советское давление как на Венгрию, так и на Румынию, и тем самым воспрепятствовать стремлению и той, и другой страны войти в какие-либо враждебные СССР коалиции.

¹¹ На заседании комиссии Литвинова видный советский дипломат Я.З. Суриц с немалым скептицизмом отреагировал на предложенный проект создания венгеро-румыно-трансильванской федерации в качестве некоего временного политического образования под эгидой СССР. По его оценке, никак не может быть жизнеспособной комбинация двух кровных врагов плюс некая величина, составленная из двух слагаемых, из которых каждое тянет в свою сторону // Там же. С. 240.

¹² См. интервью с королем Михаем: *Fülöp Mihály. A királyi Romania és Erdély, 1944–1947* // *História*. Budapest, 1994. № 2. 24–29.о.

¹³ Вопросы, о которых идет речь, нашли отражение в книге: *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос, 1940–1946 годы. М., 2008. Гл. 3, 4.

¹⁴ Так, в начале января 1945 г. Сталин, принимая в присутствии Г. Димитрова румынских коммунистов Г. Георгиу-Дежа, А. Паукер и Г. Апостола, призвал их доказывать всеми средствами пропаганды, что в случае создания в стране левого правительства с решающим голосом компартии Советский Союз «поможет, чтобы Трансильвания была румынской». См.: *Димитров Г.* Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997.

¹⁵ См.: Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов / Отв. редактор Т.А. Покивайлова. М., 1998.

¹⁶ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. С. 352.

¹⁷ Материалы частично опубликованы // Там же. С. 324–346.

¹⁸ См. запись приема Сталиным венгерской правительственной делегации 10 апреля 1946 г. // Там же. С. 382–393.

¹⁹ См. запись их беседы // Там же. С. 378–381.

²⁰ См.: *Стыкалин А.С.* Венгерское национальное меньшинство в Трансильвании как фактор отношений Венгрии и Румынии в 1950-е–1980-е годы. Наследие прошлого и реальные проблемы эпохи социализма // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / Отв. редактор Е.П. Серапионова. М., 2014. С. 231–256.

III. КОНФЛИКТЫ, ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСОВ, ПОИСКИ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

С.И. ДАНЧЕНКО

(Институт славяноведения РАН, Москва)

НАЧАЛО ВЕЛИКОГО ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА 70-х годов XIX в. и русское общество

Abstract:

Danchenko S.I. *Start of the Great Eastern Crisis of the 1870s and the Russian society*

The article is devoted to the 140th anniversary of the Great Eastern Crisis 1875–1878. With the help of the numerous archive documents and materials of central and local press which have been published since the 1950s in Russian the author analyses the development of the social movement in Russia which aim was to provide help for the Herzegovinians and Bosnians, who began a rebellion against the Turkish rule in the summer of 1875. The role of the Slavic Committee, individual activists and the Russian Orthodox Church taking part in the organization of this help is also described.

Ключевые слова: Великий Восточный кризис 1875–1878 гг., Босния и Герцеговина, русское общество, помощь балканским славянам в 1875 г., Славянские комитеты, славянофилы.

Летом 1875 г., далеко от России, на Балканах, в горах одной из османских провинций Герцеговины вспыхнуло очередное восстание против власти турок, которое вошло в историю как начало Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в.

Восстания здесь происходили с конца 1850-х годов неоднократно, и всякий раз они подавлялись с присущей османским войскам жестокостью. Однако это не проходило бесследно – в своей освободительной борьбе герцеговинцы приобрели боевой опыт, тем более, что их поддерживали соседи-боснийцы, автономная Сербия и никогда не признававшая турецкой власти Черногория.

Уже с весны 1875 г. волнения в Герцеговине и соседней Боснии усилились – в связи с ухудшением материального положения

народа. Неурожай 1874 г. и последовавшая затем долгая суровая зима, вызвавшая массовый падеж скота, поставили население края на грань голода. И в это самое время в бедных селениях появились сборщики податей, которые требовали их в увеличенных размерах. В ответ герцеговинцы взялись за оружие.

Впоследствии русский консул в Сараево А.Н. Кудрявцев так писал о причинах восстания в Герцеговине: «Известно всем и каждому, что герцеговинское восстание было возбуждено экономическим разорением страны, безобразием местных администраций и вообще безвыходным положением христианского населения, претерпевающего столько угнетений, мучений и унижений от магометанского населения и турецких чиновников. Что делали и как жили христиане? В поте лица своего они работали дни и ночи, платили, пока могли, подати и повинности правительству, выплачивали треть и четвертую части помещикам, поили, кормили и насильственным образом одаривали жандармов, столь часто появлявшихся в их селах. И пока был еще кусок хлеба у себя дома, пока жена и дети имели на себе хотя рубашки, сносились убийства и увечья, унижения и неправды перед судилищем турецких кадий, оскорбления и осквернения самого бесчеловечного свойства бегов и аг. Но когда этого куска хлеба не стало, а жандармы наехали на села с требованием “вынь да подай откуда хочешь”, народ бежал в горы, и из экономического или аграрного вопроса восстал давно ожидаемый, но усилиями Европы отклоняемый вопрос политический»¹.

Началом массового вооруженного восстания в Герцеговине считается 23 июня (5 июля) 1875 г. Сигналом послужило нападение гайдуков на турецкий караван на дороге Мостар-Невесинье. В августе восстание охватило всю северную Герцеговину и большую часть южной. Ряд турецких крепостей и городов – Никшич, Горанско, Невесинье, Трубинье, Билеч – были блокированы восставшими.

Восстание расширялось, несмотря на попытки великих держав – России, Австро-Венгрии и Германии, опасавшихся развития конфликта на Балканах, надавить на османские власти с целью умиротворить повстанцев. Войска, брошенные на подавление восстания, безжалостно уничтожали целые села, предавали мучительной смерти стариков, женщин, детей. Очевидец событий, русский консул в Дубровнике А.С. Ионин писал в МИД России 23 сентября (5 октября) 1875 г.: «...мы до сих пор не имеем возможности еще вполне сообразить все размеры настоящей катастрофы. Будет ли война или мир, ее последствия в скором времени предстанут во

всем своим ужасе, как горькое осуждение против Турецкой империи, как самый законный **предлог для общественной благотворительности** (выделено нами. – С.Д.). Бывают и в других странах революции и бедствия, но здесь – это не революция, а зверское истребление и людей, и всего, что они производят...»².

В августе 1875 г. началось восстание в Боснии. Оно охватило значительные территории между реками Уной, Врбасом и Савой, городами Нови, Приедором, Баня Лукой. Повстанцы осадили города Приедор, Костайницу, Дубицу, Орахов, Градишку. Затем восстание распространилось на северо-восток и юго-запад Боснии. Области, компактно населенные мусульманами, участия в восстании не принимали³.

Жестокие репрессии турецких войск вызвали массовое бегство герцеговинцев, а затем и боснийцев в соседние Черногорию и Далмацию.

Иностранные корреспонденты газет и журналов быстро разнесли по всей Европе весть о балканской трагедии. Они не жалели красок для описания зверств турок и страданий несчастных христиан. И как результат – независимо от действий правительств во многих странах возникло общественное движение помощи восставшим и беженцам. Первые комитеты были созданы в Черногории и Сербии – их возглавили митрополит черногорский Иларион и митрополит сербский Михаил; затем – в Воеводине (Нови Сад, Карловцы, Панчево) и Далмации (Герцег Нови, Сплит и др.). Комитеты возникли также на территориях с хорватским населением – в Сисаке, Осиеке, Ясеновце, Костайнице; их работу курировал Загребский комитет во главе с епископом Й. Штросмайером. В движении помощи участвовали и сербы, и хорваты⁴.

Комитеты помощи появились и в Европе: в Италии (Рим, Болонья, Венеция), в Вене, Женеве, Германии, Англии, на о. Крит и даже в Северной Америке. 16 (28) августа в Париже был образован Международный Центральный комитет помощи герцеговинцам под председательством сербского митрополита Михаила (вице-председателем стал хорватский епископ Й. Штросмайер). Дейтельным членом комитета, фактически взявшим на себя всю огромную оргработу, стал Гавриил Веселитский-Божидарович, герцеговинец по происхождению. Его дед выехал из Герцеговины и поселился в России, отец был генералом на русской службе, сам Гавриил учился в Пажеском корпусе в Петербурге, некоторое время служил в гвардии, затем – по линии министерства иностранных дел России, жил по преимуществу за границей и являлся корреспондентом различных газет.

После создания Международного комитета помощи Веселитский-Божидарович активно действовал то в Париже, то в Дубровнике, бывал в Белграде, Цетинье и других местах. Он без устали организовывал снабжение беженцев и повстанцев продовольствием, одеждой, лекарствами. А.С. Ионин находился с ним в постоянном контакте и передавал ему деньги, поступавшие из России⁵. В донесении в МИД от 23 сентября (5 октября) 1875 г. Ионин писал: «Здесь (в Дубровнике – С.Д.) находился в продолжении 2-х недель Гавриил Сергеевич Веселитский, делегат Парижского общества. Своей энергией, одушевляемой истинным и бескорыстным чувством человеколюбия, своим тактом, который поставил его здесь совершенно вне политических соображений, – он принес... много пользы... Познакомившись с г. Веселитским, после наведенных мною справок, я могу смело рекомендовать его императорскому министерству... как человека вполне надежного и с тактом, не имеющего ничего общего с Парижем, хотя он там и живет постоянно»⁶.

Самой насущной задачей Международного комитета был сбор денежных средств для закупки продовольствия, необходимого беженцам, так как население бедной Черногории, оказавшейся в эпицентре трагических событий и ставшей главной «территорией спасения», само очень нуждалось и было не в состоянии прокормить десятки тысяч человек.

Ссылаясь на частное письмо к нему черногорского сенатора Станко Радоница, А.С. Ионин 8 (20) ноября 1875 г. сообщал в Петербург следующее: «Божидар Петрович и митрополит Иларион с другими важнейшими лицами в Черногории ходят теперь из села в село, собирая от черногорцев посильные подаяния для бежавших герцеговинцев. Они собирают где несколько фунтов картофеля, где два кочана капусты, где рубашку, где несколько крейцеров денег. Нужды так велики и настоятельны, что нет сомнения, что черногорцы, которые в такие минуты не жалеют себя, сделают все возможные пожертвования, чтобы облегчить судьбу своих братьев, но вы можете себе представить, что можно собрать в Черногории и какое впечатление может произвести на народ эта необходимость жертвовать последним куском хлеба только потому, что турецкому правительству угодно быть невыносимым и варварски жестоким. Страна, которая жила недавно еще грабежом других, теперь спокойно должна терпеть, что ее грабят». Прекрасно, не понаслышке знакомый со сложившейся ситуацией, русский дипломат продолжает: «Кто бы мог несколько лет тому назад сказать, что Черногория может быть так терпелива, иметь настолько здра-

вого политического смысла..., выдерживать такое политическое испытание? Кто мог подумать недавно еще, что страна эта, жившая за счет чужих и турок, может столь великодушно приютить и кормить у себя целое население, ибо до сих пор помощь, пришедшая в Черногорию извне, не достигает и малой доли того, что уже было пожертвовано Черногорию без крика и театрального хвастовства за последние 4 месяца...». А.С. Ионин убежден, что при данных обстоятельствах главное, чтобы «в Черногории не сделалось... вспышки негодования, которая увлекла бы за собою события на новый и решительный путь». Необходимо прийти на помощь черногорскому народу и в первую очередь собрать как можно больше средств для покупки продовольствия⁷.

В России инициаторами оказания помощи герцеговинцам, а затем восставшим в августе 1875 г. боснийцам, выступили Славянские комитеты. Правда, вначале они бездействовали, ибо за недостатком информации их руководители полагали, что восстание – дело рук Австро-Венгрии, которая «под эгидой дружбы с Россией, старается забрать в свои руки Восток»⁸.

А тем временем русские газеты и журналы настойчиво распространяли по всей России информацию о герцеговинском восстании. «Вся читающая Россия», а вслед за ней и «нечитающая» были в курсе славянских дел. Так, по свидетельству Г.В. Плеханова, в столовой рабочих Василеостровского патронного завода в Петербурге ежедневно за обедом читались вслух газетные сообщения о герцеговинском восстании⁹.

Из русских периодических изданий первым написал о восстании в Герцеговине «Одесский вестник», который поддерживал связь с балканскими странами и считал дошедшие слухи преувеличенными, но признавал возможность восстания из-за насилия и произвола властей¹⁰. Вторым отозвался редактировавшийся генералом в отставке М.Г. Черняевым журнал «Русский мир», помещивший 8 июля перепечатки из иностранных газет о столкновении у Невесинья¹¹. 25 июля 1875 г. авторитетная петербургская газета «Голос» писала о своем полном сочувствии к восставшим, о непомерном налоговом гнете и жестокостях турок и призывала к помощи пострадавшим¹².

А вскоре и в других изданиях регулярно стали появляться сообщения о тысячах беженцев, лишенных пропитания, одежды и всего самого необходимого. Под влиянием усиливавшейся день ото дня агитации прессы, расцвет которой приходится как раз на годы Восточного кризиса, движение в русском обществе началось.

23 августа Санкт-Петербургский отдел Славянского комитета обратился в МИД с просьбой разрешить проводить сборы в пользу герцеговинцев на всей территории Российской империи. 25 августа последовало разрешение на эту акцию императора Александра II, и министр внутренних дел известил об этом всех губернаторов специальным циркуляром.

14 сентября 1875 г. с посланием к русскому народу об оказании помощи славянам Герцеговины, Боснии и Старой Сербии обратился сербский митрополит Михаил. Рассказав вначале о страданиях славян и бесчинствах турок, он призвал русских «братьев и сестер», «счастливо наслаждающихся драгоценною свободою», услышать «голос, полный мольбы, бедной, гибнущей райи» и «во имя славной национальности, во имя единой святой православной церкви..., во имя гуманности», «подать посильную помощь бедным, брошенным всеми на произвол судьбы вашим братьям-славянам». Свое послание митрополит Михаил закончил словами Спасителя: «Понеже сотворите единому сих братий моих меньших, Мне сотворите» (Евангелие от Матфея)¹³.

20 сентября 1875 г. с аналогичным посланием обратился к Московскому славянскому комитету черногорский митрополит Иларион. В нем говорилось о тяжелом положении беженцев-герцеговинцев в Черногории. «Весь этот народ гол, бос и голоден, все они размещены по домам черногорцев..., но и те, и другие лишены всего необходимого, чтобы пережить лютую зиму... Нужно хлеба! Заботу о нем приняло на себя наше правительство. Но у них нет с собой никакой посуды, никакой одежды, нет постелей, а это необходимо, как и пища; ибо кроме раненых между этими страдальцами много детей, женщин и старцев, немощных и больных... Ввиду всего этого Цетинский комитет обращается к человеколюбию и милосердию Славянского благотворительного комитета, да придет он возможно скорее на помощь страдальцам как денежными пожертвованиями, так и предметами первой необходимости... Жизнь нескольких тысяч страдальцев зависит от помощи, и притом скорой помощи вашей»¹⁴.

23 сентября 1875 г. в газете «Голос» было опубликовано обращение Г.С. Веселитского-Божидаровича, в котором он взывал к россиянам: «... пришлите поскорее помощи. Помогите сирым, голодным, измученным, лишенным всего... и уповающим только на помощь извне, особенно из России»¹⁵.

По всей России начался сбор средств в пользу славян. Сборы проводились в самых разных формах: по подписным листам, в редакциях журналов и газет, в театрах, на музыкальных вечерах, на

родных гуляньях, а также кружечные и тарелочные сборы в церквях, торговых заведениях и т.д. Москвичи свои пожертвования опускали в кружку у церкви Сербского подворья, открытого 30 ноября 1874 г. на Солянке. Только за три дня, с 5 по 8 сентября 1875 г., было собрано 700 руб. сер.¹⁶ В воскресенье 14 сентября в Благовещенском храме подворья его настоятель о. Савва отслужил торжественную панихиду об упокоении «всех православных, иже в Старой Сербии, Герцеговине и Боснии христоролюбиво и братолюбиво пострадаша». Глава московских славянофилов И.С. Аксаков накануне писал секретарю комитета Н.А. Попову: «В воскресенье предполагается отслужить панихиду в Сербском подворье по убитым герцеговинцам. Надо бы придать этому больше гласности и торжественности... Нужно непременно агитировать, возбуждать общество в Москве и тем произвести некоторое нравственное давление на правительство»¹⁷.

Сбор пожертвований в пользу славян происходил в России и раньше – по линии Русской православной церкви. В Россию приезжали в основном священники из балканских владений Османской империи и с разрешения Св. Синода собирали средства для строительства, обустройства или восстановления церквей у себя на родине, а также для открытия школ, училищ, семинарий. С конца 1850-х годов к этому виду деятельности активно подключился Московский славянский комитет, который оказывал приезжавшим «сборщикам» немалую помощь, в том числе информационного характера. Так, когда в феврале 1873 г. в Россию для сбора пожертвований приехал архимандрит из Боснии Савва Косанович, Н.А. Попов проявил много энергии, чтобы помочь ему в выполнении его миссии и даже написал и оперативно опубликовал специальную работу «Православие в Боснии и его борьба с католическою пропагандою и протестантскими миссионерами» (М., 1873) – с целью познакомить россиян с нуждами православного населения в Боснии.

В начале октября 1875 г. Московский славянский комитет опубликовал воззвание сербского митрополита Михаила, послание черногорского митрополита Илариона и свое обращение в «Московских епархиальных ведомостях», в ряде других газет, а также отдельной листовкой, сотней тысяч экземпляров разосланной по всей России. Помимо этого, призывы к жертвованиям сделали Главное управление Красного Креста и Св. Синод.

Вначале сборы «на славян» были еще незначительны, текли, по выражению И.С. Аксакова, тонким ручейком. Однако постепенно ситуация менялась. «Россия, – писал Аксаков А.С. Ионину в

Дубровник 22 октября, – что ивановский тяжелый колокол: раскачивается медленно, а загудит, так не скоро уймешь... Кажется, нам удалось подвинуть общественное чувство, несмотря на сдержанность, вынуждаемую своего рода политическими соображениями, официальных сфер»¹⁸. До октября 1875 г. из Москвы было уже выслано из собранных средств 30 тыс. руб. на нужды беженцев. Московская Дума приняла решение послать от имени города 20 тыс. руб.¹⁹.

А затем случилось небывалое в истории пореформенной России – в стране, где подавляющее большинство населения жило бедно и очень бедно, возникло широчайшее движение по оказанию помощи «страждущим братьям-славянам». Учитывая размеры империи, оно было значительно масштабнее, чем аналогичное движение в других странах. «20 лет тому назад, – констатировал И.С. Аксаков, – еще немислимо было собирать такие суммы на славянское дело, а теперь шлют деньги даже мещане и крестьяне...»²⁰. 7 ноября 1875 г. он же писал: «Сбор течет упорной струей, несмотря ни на что: ни на безденежье, ни на правительственное безучастие...»²¹.

Следует отметить, что в советскую эпоху в историографии данное общественное движение рассматривалось главным образом в 1876 г. – в связи с Апрельским восстанием в Болгарии и сербо-турецкой войной. Даже высказывалось мнение, что «во второй половине 1875 г. движение выражалось еще в форме сочувственного обсуждения известий о восстании в Герцеговине...»²². Однако новые публикации документов дают массу материала об организации помощи славянам и сборе пожертвований в России уже в 1875 г.

В советской историографии было принято акцентировать внимание в первую очередь на откликах на балканские события передовых, как тогда писали, представителей общества – демократов и революционеров. Вместе с тем документальные материалы, хранящиеся в отечественных архивах, многие из которых уже опубликованы, свидетельствуют о том, что и другие слои Российской империи – крестьяне, ремесленники, рабочие, студенты – живо и деятельно реагировали на происходящее на Балканах. Сопроводительные письма к пожертвованиям в Славянские комитеты и редакции газет из всех уголков России поражают своей искренностью и подлинными чувствами милосердия и сострадания. Вот некоторые примеры.

Из письма крестьянина слободы Кукарки Яранского уезда Вятской губернии Даниила Медведева И.С. Аксакову от 15 нояб-

ря 1875 г.: «Находясь мы на дальнем севере, глубоко прочувствовали все бедственное положение наших православных братьев-славян – по плоти и духу, обреченных по неисповедимым судьбам божьим на страдания под мусульманским гнетом. Помня, что и мы, ныне под крепким скипетром благоденствующие, некогда так же страдали от татарской орды. Чувствуя необходимую помощь страдальцам герцеговинцам, поднявшим знамя для освобождения свободы, дорогой всякому цивилизованному человеку, но мы знаем, что можем помочь только посильно своими трудами, а политический вопрос подлежит решению мудрого правительства. И так на этом рассуждении жертвуем в пользу семейств страдальцев Востока – герцеговинцев: Даниил Федосеев Медведев 10 руб., Павел Осипов Бердников 2 руб., Федор Васильев Ермаков 3 руб., Владимир Яковлев Старостин 1 руб., всего шестнадцать рублей серебром»²³.

В «пользу славян, пострадавших от настоящего восстания в Герцеговине», профессор Новороссийского университета Н.А. Головкинский (русский геолог; в 1871–1876 г. – профессор минералогии, декан и ректор Новороссийского университета в Одессе) в ноябре 1875 г. прочел публичную лекцию «Мысли о прошедшем и будущем нашей планеты»²⁴.

«Жертвы эти... приносятся из глубины народного сочувствия, они – не от избытка средств, а от избытка чувства жалости и болезни о бедствиях наших братьев», – писал директор Острожской учительской семинарии Н.Д. Богатинов, сообщавший о добровольном ежемесячном отчислении 5% содержания служащими семинарии для «бедных и больных в Черногории»²⁵.

В декабре 1875 г. в редакцию газеты «Русский мир» поступили пожертвования (от 50 руб. до 10 коп.), в том числе, от учеников и учениц Костромского двухклассного училища, от мещан В.И. Камацинова и Н.А. Чекалова, от офицеров 2-го батальона 84-го пехотного Ширванского полка, от служащих Полтавской губернской управы, от детей: Володи Замыцкого (10 коп.), Саши Иконникова (2 руб.), Лены Кукушкиной (2 руб.), Васи Бабенко (25 коп.), Вити Дубинина (40 коп.), Сережи Дунаева (20 коп.) и др. Всего в редакции газеты на 19 декабря 1875 г. было собрано более 3000 руб.²⁶.

Из письма протоиерея Благовещенского собора Воткинского завода в Вятской губернии Михаила Преображенского в Московский славянский комитет от 24 ноября 1875 г.: «Глубоко сочувствуя и желая с возможною скоростью помочь страждущим семействам герцеговинцев и остальных с ними славян, почтительнейше

представляю при сем в комитет 10 руб., собравшихся из незначительных пожертвований, доходивших даже до одной копейки, и покорнейше прошу комитет препроводить их бедствующим страдальцам»²⁷.

Как сообщала газета «Саратовские губернские ведомости» 27 сентября 1875 г., в редакцию поступили «пожертвования в пользу раненых и больных жертв восстания в Герцеговине и Боснии» в размере 587 руб., которые начальником губернии были направлены в С.-Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета. Всего же на тот момент через эту газету было собрано 904 руб. 75 коп.²⁸.

Многочисленные архивные документы различного происхождения, открытые и опубликованные отечественными историками, убедительно свидетельствуют о том, что подавляющее число пожертвований в 1875 г. (и в последующие годы) поступало от крестьян, рабочих и городской бедноты.

«Сочувствием к бедствующим славянам проникнуты все сословия губернии, но... не в равной мере... только лишь в среде крестьянского населения в большинстве местностей сочувствие, можно сказать, полное», – доносил начальник Тульского жандармского управления²⁹.

О том, что сочувствие к балканским славянам «явственнее обрисовывается» в «простом необразованном классе», «стоит более на стороне крестьянского населения», сообщали местные власти Петербургской и Тамбовской губерний³⁰.

«Крестьянское население... глубоко проникнуто сочувствием к безотрадному положению славян Балканского полуострова», – доносили в Петербург из Ярославского жандармского управления. Сумма пожертвований по Ярославской губернии складывалась в следующей пропорции: 80% было пожертвовано крестьянами, 15% – служащим сословием и 5% – дворянством³¹.

Примерно такие же цифры приводили в своих рапортах с мест жандармские чиновники из других губерний. Так, начальник Псковского жандармского управления писал в 1875 г.: «Боле других сословий в пожертвовании участвовали крестьяне, так как из 15 тыс. руб., собранных в Псковской губернии, 12 тыс. внесли крестьяне, а прочие 3 тыс. – жители городов»³².

Начальник Могилевского жандармского управления сообщал, что помещики губернии вовсе не принимали участия в кампании по оказанию помощи южным славянам. В Тамбовской губернии помещики, даже такие крупные как Енгальчев, Снетков и Петрово-Соловово, владевшие именьями по 40-70 тыс. десятин земли,

не дали на «дело славян» ни одной копейки. Та же картина наблюдалась и в отношении купечества, обладавшего большими капиталами, но оставшегося безучастным к «славянскому делу». Как свидетельствуют архивные документы, приведенные советским историком Т.Г. Снытко, известные московские купцы Перлов и Ермаков не только ничего не дали в фонд помощи балканским славянам, но и не позволили организовать сбор пожертвований в «своих», т.е. находившихся под их попечительством, церквах³³.

Касаясь отношения различных классов и групп к движению сочувствия балканским славянам, III отделение в докладной записке 1875 г. на имя императора так отзывалось о купцах: «Купечество, за весьма немногими исключениями, не принимало почти никакого участия в общем движении и, занятое исключительно мыслью о наживе, уклонялось от всяких пожертвований»³⁴.

Широкие сборы привели к сосредоточению в кассах Славянских комитетов значительных средств. С.А. Никитин называет следующие цифры. На 1875 год приходный бюджет Московского комитета составлял всего 7 тыс. руб. Эта сумма предусматривала обычные расходы на стипендии, пособия и пр. «Когда же с момента начала сборов стали притекать пожертвования в пользу славян, они достигли неслыханных до того размеров: с 1 сентября 1875 г. по 22 октября 1875 г. было собрано 742 тыс. руб. и израсходовано 383,5 тыс. руб.»³⁵.

Сколько всего было собрано денег «на славян» за несколько месяцев 1875 г. – невозможно подсчитать. Одно можно утверждать – это были весьма значительные суммы, судя хотя бы по отчету А.С. Ионина в МИД России от 20 декабря 1875 г. (по ст.ст.). Из него следует, что только в русском консульстве в Дубровнике было получено, считая на австрийские гульденy, почти 200 тыс. И это только с 1 (13) октября по 15 (27) декабря 1875 г. Средства были присланы от Славянских комитетов, от редакции газеты «Голос», от хозяйственного управления Св. Синода, других учреждений и частных лиц³⁶.

По данным Славянских комитетов, общая сумма всех сборов и пожертвований, направленных в Герцеговину по общественной линии, составила на 25 декабря 1875 г. 360 тыс. руб.³⁷.

Впоследствии сборы значительно увеличились. Как следует из отчета С.-Петербургского славянского комитета, с августа 1875 г. по октябрь 1876 г. было собрано около 900 тыс. руб. только этим комитетом³⁸.

С.А. Никитин считал, что на самом деле русская помощь была значительно больше, и цифры, приводимые в различных до-

несениях и прочих документах, ввиду несовершенства отчетности, не отражают реального положения. В середине 1876 г. Веселитский-Божидарович писал: «В январе месяце прекратились пожертвования из Франции, в апреле из Швейцарии, в июне и из Англии. Одна Россия осталась верною несчастным славянам...»³⁹.

Досконально изучивший архивные материалы по данному вопросу С.А. Никитин сделал вывод, который никогда не оспаривался учеными из других стран: «... русские средства были основным источником поддержки герцеговинцев»⁴⁰.

Подчеркивая значение именно «народных» сборов в России «на славян», А.С. Ионин писал в донесении в МИД 23 сентября (5 октября) 1875 г.: «Официальных затрат казны нигде не может быть достаточно в минуту народных бедствий, да кроме того органы правительств не всегда достаточно ловки, чтобы уметь удовлетворить нужды народа именно тогда, когда это необходимо...»⁴¹.

Отечественные исследователи в своих трудах по данной проблеме также отмечали решающую роль именно народной помощи славянам в 1875 г. и в последующие годы. Так, В.Я. Гросул писал: «... финансовое положение России было весьма сложным. Развитие капитализма не зашло столь далеко, чтобы привести к сколько-нибудь значительному накоплению капиталов. Крупные средства были израсходованы на проведение реформ и заметно возросшую бюрократию. Финансовые затруднения с началом Восточного кризиса усугубились... и акциями внешних сил, прежде всего английских банкиров, стремившихся к ослаблению экономического положения России. В этих условиях общественная материальная помощь балканским народам играла исключительно важную роль»⁴².

Простым русским людям были чужды мысли об использовании ситуации на Балканах в целях установления там политической гегемонии России, им не нужны были ни Проливы, ни Константинополь, ни ослабление Османской империи. Они слышали, что родственный им, православный народ, угнетенный турками, поднялся на борьбу, и ему нужно помочь. И здесь закономерно встает вопрос: а каким образом простой, «серый» люд по всей империи узнавал о событиях на Балканах? В свете опубликованных в последнее десятилетие документов, можно констатировать, что у истоков этого «знания» были не только деятельность Славянских комитетов, о которых было мало известно в глубинке, и газетно-журнальная агитация, часто носившая в эти годы фанатичный, истеричный характер. Особую и очень важную роль в том, что движение по оказанию помощи балканским славянам приобре-

ло такой широкий размах, сыграла, на наш взгляд, Русская православная церковь. В условиях сильной централизации власти в Российской империи, когда местные органы самоуправления были практически лишены инициативы, а общественная жизнь сильно ограничена, именно церковь располагала инструментом овладения общественным мнением через овладение сознанием отдельного человека – с помощью разносторонней церковно-религиозной практики.

С разрешения правительства и Св. Синода в церквях по всей России произносились проповеди о бедствиях славян, зачитывались воззвания сербского и черногорского митрополитов. В селах священники красочно повествовали народу о страданиях «братьев по вере и крови», местные архиереи распространяли подписные листы и собирали средства. «С самого начала герцеговинской борьбы, – читаем мы в воззвании Московского славянского комитета к русскому обществу, – духовенство на всем пространстве России, от архипастырей до сельских священников, явилось верным и ревностным ходатаем пред русскою землею о нуждах наших славянских братий и красноречиво доказало, что вместе с чувством христианского милосердия оно хранит в себе неизменно живое народное чувство и верное разумение русского исторического призвания и долга»⁴³.

Так, из письма настоятеля Крутомайданской Троицкой церкви в Нижнем Новгороде священника Платона Мачицкого к И.С. Аксакову от 12 января 1876 г. мы узнаем, что 1 января он прочитал в своем храме собравшимся прихожанам послание сербского митрополита Михаила и «по произнесении особой речи в поминание простолюдинам-прихожанам о тех постоянно существующих бесчеловечных притеснениях и угнетениях, которые терпят наши собратья..., и в вызове их сердечного сострадания к таковым несчастным страдальцам, предложил им пригласительный лист для записи своих добровольных подаяний, по которому собранные деньги в количестве 21 руб. серебром вместе с подписным листом» священник послал в Московский славянский комитет⁴⁴.

На что тратились собираемые в России пожертвования? Прежде всего на покупку муки, кукурузы и сухарей для пропитания беженцев из Герцеговины и Боснии. «...консульством (в Дубровнике – С.Д.) и Цетиньским благотворительным комитетом было употреблено вместе на покупку хлеба и сухарей 125 609 флоринов, что составляет почти 4/5 всех денег, употребленных до сих пор на помощь в Черногории», – писал А.С. Ионин в МИД России

20 декабря 1875 г. (1 января 1876 г.). «Из Одессы, – добавлял он, – доставлено 672 куля муки и 3122 четверти маиса».

А число беженцев всё росло. «Ревизия сделана была 2 месяца назад, – продолжал А.С. Ионин, – и показала около 35 тыс. душ, но с тех пор число бежавших постоянно увеличивалось, и даже некоторые из тех, которые укрылись было вначале на австрийской территории, ... перекочевали в Черногорию, где жизнь для них гораздо лучше и удобнее зимою, где черногорцы принимают беглецов в свои дома, снабжают их по крайней мере кровом и топливом, чего беглецы не имеют в Далмации, где им часто приходится существовать под открытым небом, несмотря на необыкновенно холодную зиму нынешнего года, где правительство выдает им только хлеб, а народ и общество помогают относительно весьма слабо»⁴⁵.

Помимо хлеба, из-за сильных холодов беженцы очень нуждались в теплой одежде. «Всякое пожертвование бельем, платьем, одеялами, сукном и пр., какого бы качества оно ни было, – пишет Ионин в донесении, – ...никогда не будет бесполезным и лишним». При этом русский консул подчеркивает: «Весьма желательно, чтобы лица, специально жертвующие на помощь платьем, присылали бы для этого деньги в Триест, где за весьма умеренную цену можно достать всё необходимое и соответствующее местным костюмам. Таким образом, можно было бы избежать лишних трат, сопряженных с пересылкой вещей, купленных в России, причем иногда провоз и таможенные пошлины превосходят ценность пожертвованных вещей»⁴⁶.

В заключение своего донесения-отчета А.С. Ионин подводит итог: «... из всех денег, израсходованных до настоящего времени консульством, 7/8 употреблено на помощь в Черногории и 1/8 – в Далмации»⁴⁷.

На собранные в России средства был также снаряжен и отправлен в декабре 1875 г. в Черногорию первый санитарный отряд – для медицинской помощи герцеговинцам, боснийцам и черногорцам. В его составе (всего 35 человек) были: врачи – Алишевский, Ковалевский, Жужукин, Богоявленский; сестры милосердия – Карцова, Е. Королева, У. Королева, Кочкина, Попова, Сципура, Терпиловская, Харламова и Надеждина. Вспомогательный персонал состоял из студентов Медико-хирургической академии. Отряд отправлялся от Общества попечения о раненых и больных воинах. Главноуполномоченным Общества при санитарном отряде был член С.-Петербургского славянского комитета П.А. Васильчиков.

Русские медики везли с собой большой груз (541 пуд) лекарств и медицинских принадлежностей⁴⁸.

Информируя своих читателей об отъезде санитарного отряда в Черногорию, газета «Голос» писала: «Как отряду, так и транспорту предстоит весьма неудобный путь во всякое время года, особенно в настоящее суровое время, трехсуточный переезд морем, трехсуточный переход на вьюках. Наконец, и по самом приезде в Цетинье, весьма небогатыми помещениями и удобствами, лишения и неудобства еще долго будут постоянными спутниками отряда...». Далее автор корреспонденции сообщал следующие подробности: «На содержание лазарета и санитарного персонала Общество назначило на полгода 60 000 руб. Сверх того оно передало главноуполномоченному 15 000 руб. на покупку хлеба... Петербургский и Московский славянские комитеты со своей стороны передают главноуполномоченному Общества собранные ими пожертвования. Можно с уверенностью полагать, что для первой закупки хлеба в распоряжении уполномоченного будет до 50.000 руб. Этой суммы для обеспечения от голодной смерти 40.000 переселенцев достаточно будет только на один месяц (полагая в месяц на каждого едока по одному пуду ржи и считая один пуд ржи с перевозкой в 1 руб. 25 коп.). Нет сомнения, – заключает корреспондент, – что принятое Обществом Красного Креста в этом деле участие будет поддержано всеми силами нашего русского общества, и недостатка в деньгах не будет»⁴⁹.

28 декабря 1875 г. отряд прибыл в Дубровник, где в рекордные сроки открыл больницу для лечения раненных повстанцев. Для работы в ней были оставлены врач Богоявленский и сестры милосердия Надеждина и Терпиловская. Остальные отправились в Черногорию⁵⁰.

Из доклада Главного управления Общества попечения о раненных и больных воинах императрице Марии Александровне, курировавшей его деятельность, о положении герцеговинских и боснийских беженцев (конец 1875 г.) мы узнаем, что всего, по имеющимся на тот момент сведениям, в Далмации, Хорватии, Славонии и Черногории было 140 тыс. переселенцев (в Черногории – 50 тыс.). «В австрийских землях и среди католического населения, – отмечалось в докладе, – выходцы терпят большой недостаток в одежде и помещении, к которому католики относятся весьма равнодушно... В Черногории переселенцы как бы у себя дома, но, по причине чересчур большого наплыва людей, сами черногорцы лишены средств к существованию, а их правительство поставлено в затруднительное положение»⁵¹.

О деятельности русского санитарного отряда в поистине экстремальных условиях с благодарностью отзывались герцеговинцы, боснийцы и черногорцы. Впоследствии в Черногории был организован еще ряд госпиталей⁵².

Следует отметить, что, несмотря на расширявшееся и набиравшее силу движение в русском обществе в пользу беженцев и повстанцев, не все в России одобряли «славянский порыв». В прессе раздавались голоса, призывавшие думать не о «страждущих славянах», а в первую очередь о своем собственном народе и собираемые средства употребить на улучшение его материального положения и образование. Однако в русском обществе постепенно формировалась такая атмосфера, которая мешала рационально воспринимать действительность. Да и трудно поступать рационально и думать в первую очередь о собственном благе людям, которые с детских лет слышали от родителей и мудрых старцев: «Если тебе плохо, найди того, кому еще хуже, и помоги ему».

Еще одной формой проявления сочувствия в русском обществе к «братьям-славянам» было возникновение добровольческого движения. Первые добровольцы появились в Герцеговине, а затем в Боснии осенью 1875 г. В основном это были русские революционеры, находившиеся на нелегальном положении. В советскую эпоху данный факт в историографии всячески подчеркивался и превозносился в большинстве работ, хотя число добровольцев тогда было весьма незначительно – авторы приводят разные цифры: 50, 70, более ста человек. Роль революционеров в добровольческом движении советскими историками⁵³ если не преувеличивалась, то подчеркивалась как «значительная», «первая» и т.д. Вместе с тем данный вопрос представляет несомненный интерес и заслуживает и рассмотрения, и дальнейшего углубленного изучения, чтобы не впадать в другую крайность.

В одной из прокламаций герцеговинских повстанцев, помещенной 31 июля 1875 г. (позже она была перепечатана в петербургской газете «Голос» от 20 августа /1 сентября/), содержался призыв ко всем народам, находившимся под султанским игом, подняться на борьбу с оружием в руках, а к «остальным славянам» – просьба «помочь..., чтоб вскоре можно было сказать, что турецких райов более уже не осталось»⁵⁴.

Но на помощь герцеговинцам пришли не только «остальные славяне»: помимо сербов и черногорцев, среди добровольцев были итальянцы, чехи, венгры, поляки.

Приняли участие в восстании и русские революционеры. Вскоре после его начала были получены сведения, что оно пресле-

дует цель завоевать политическую независимость и по своему характеру является социальным движением. «Последнее было особенно важно, и можно полагать, – пишет российская исследовательница, автор многих работ по данной теме В.М. Хевролина, – что именно это обусловило решение ряда революционеров ехать в Герцеговину»⁵⁵.

Основным мотивом поездки русской революционной молодежи на Балканы явилось не просто сочувствие, желание помочь угнетенным народам, а стремление добиться установления демократического строя в славянских землях после их освобождения. Создание демократических славянских государств или их федерации могло бы явиться, по мнению русских революционеров, преддверием к освобождению русского народа и послужить началом к основанию в будущем Великой славянской федеративной республики, идея которой была популярной в некоторых революционных кругах.

Русские добровольцы прибыли в Герцеговину главным образом из южных областей империи. Ссылаясь на данные газеты «Одесский вестник», В.М. Хевролина приводит следующую статистику: из Одессы в Герцеговину отправилось 25 чел., из Киева – 10. Интернациональный отряд во главе с киевлянином В.Я. Яновским насчитывал 80 чел. Среди первых уехавших в Герцеговину добровольцев были революционно настроенные студенты, гимназисты, члены революционных кружков, служащие библиотек, книжных магазинов. В.М. Хевролина называет некоторых из них: П.А. Енкуватов, О.М. Габель, И.В. Зелинский, братья В.П. и А.П. Лепешинские, И.К. Дебагорий-Мокриевич, И.М. Ходько и др., которые уехали в Герцеговину в 1875 г. на средства, собранные украинскими либерально-буржуазными организациями – «громадами». Из Швейцарии прибыли сражавшийся в рядах парижских коммунаров М.П. Сажин и известный впоследствии писатель С.М. Степняк-Кравчинский. В боснийском восстании участвовали революционер Н.Д. Далматов и журналисты левого толка С.Ф. Шарапов и Ф. Васильев. Почти все они были на нелегальном положении и границу перешли также нелегально⁵⁶.

Добровольцы принимали участие в боевых действиях, но условия горной партизанской войны были очень тяжелы; осенью и зимой восставшие испытывали недостаток в теплой одежде, еде и медицинской помощи, не хватало оружия, пороха. Это явилось одной из основных причин кратковременности пребывания в Герцеговине многих русских волонтеров. Однако на смену им приезжали новые. Некоторые настолько освоились, что продолжали ос-

таваться в Герцеговине и Боснии поздней осенью и даже зимой, например, М.П. Сажин, В.Я. Яновский, Н.Д. Далматов и др.

В.М. Хевролина не разделяет точку зрения некоторых исследователей «о случайности и бесполезности этого добровольческого движения для дела русской революции». «Именно с Герцеговины, – пишет исследовательница, – начинается в среде народников пересмотр отношения к политической борьбе. Попав в Герцеговину, русские народники, отрицавшие политическую борьбу, приняли в ней участие, более того, стали считать, что участие в такой борьбе есть дело служения народу. Это было мнение единиц, но уже сам факт осознания того, что движение на Балканах имеет свои определенные задачи, что создание национальных независимых государств на Балканах продиктовано насущной исторической необходимостью, является исторически прогрессивным, сам факт знаменателен с точки зрения идеологии народничества. Это было отступление от теории в пользу практики». Именно поэтому восстание в Боснии и Герцеговине автор справедливо, на наш взгляд, расценивает «не только как крупнейший факт в истории югославянских народов, но и как событие, оказавшее значительное влияние на общественно-политическую жизнь России...»⁵⁷.

В XXI веке история восстания в Герцеговине и участия в нем россиян (несмотря на запрет и противодействие официальных сфер) обогатилась, благодаря публикации отечественными историками документов из Российского Государственного военно-исторического архива, новыми фактами. Так, теперь известно, что помимо революционно настроенной молодежи и революционеров-нелегалов, о чем писали в своих трудах советские историки, в ряде сражений, в том числе в битве при Дуге в ноябре 1875 г., принял участие близкий к славянофилам полковник русской службы в отставке, парижский корреспондент «Московских ведомостей» и «Русского мира» Петр Августинович Монтеверде (1839 – после 1896). В сентябре 1875 г. он выехал в Герцеговину, где сблизился с руководителями восстания П. Павловичем и Б. Зимоничем и участвовал в ряде сражений, а также вместе с А.С. Ионичем и Г.С. Веселитским-Божидаровичем организовывал денежную и продовольственную помощь повстанцам (вплоть до весны 1876 г.)⁵⁸.

Общественное движение в России в пользу славян, возникшее во второй половине 1875 г., не угасло, как в Европе, а значительно расширилось, набрало силу и размах в следующем году – в связи с началом сербо-турецкой войны. Разумеется, без разрешения и одобрения властей это движение не могло бы принять такие

значительные масштабы. Как следует из документов, эти масштабы весьма беспокоили правящую элиту империи, особенно «порыв» и «энтузиазм» бывших крепостных крестьян и остального «серого люда». Историки могут анализировать источники и рассуждать о том, правильно или неправильно поступали русские люди, помогая далеким балканцам, когда думать нужно было о себе и своих нуждах. Но факт остается фактом – общественное движение в России в 1875 г. возникло, и на Балканы потекли не только значительные средства – сотни тысяч рублей, но в 1876 г. развернулось добровольческое движение, и тысячи русских добровольцев отправились в Сербию, чтобы вместе с сербами и черногорцами сражаться против турок.

В заключение следует подчеркнуть большой вклад отечественных историков в создание документальной базы исследований по рассматриваемой проблеме. Результатом их работы стало издание в 1960–1980-х годах целого ряда публикаций документов, монографий и статей по практически не изученной в тот период теме. Эти труды не утратили своей научной значимости и по сей день, и к ним неизменно обращаются ученые нового поколения, изучающие историю балканской политики России и русско-балканских связей. Разумеется, советская историография в целом и по рассматриваемой теме, в частности, была и идеологизированной, и в чем-то мифологизированной – об этом легко теперь рассуждать из XXI века. Но не нужно требовать от отечественных ученых больше того, что они могли сделать и опубликовать в реалиях советской эпохи. Свою работу они выполняли добросовестно, неустанно и самоотверженно добывая крупницы нового знания и делая его достоянием науки.

В последние годы интерес к изучению истории Восточного кризиса 1875–1878 гг., несколько угасший в конце XX в., вновь усилился. Наглядным свидетельством этого стали фундаментальные публикации документов, примечательные не только новыми материалами, но и новыми подходами в исследовании различных аспектов темы.⁵⁹ На очереди – новые интересные труды, учитывающие как уже созданную богатую литературу, так и достижения и тенденции отечественной и зарубежной науки XXI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. Документы. М., 2008. С. 190 (А.Н. Кудрявцев – Н.П. Игнатьеву 10 декабря 1875 г.).

- ² Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878 гг. М., 1978. С. 67.
- ³ Россия и восстание... С. 91.
- ⁴ Там же. С. 24.
- ⁵ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. М., 1960. С. 280.
- ⁶ Россия и национально-освободительная борьба. С. 67.
- ⁷ Россия и восстание... С. 163–164.
- ⁸ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 270.
- ⁹ *Хевролина В.М.* Революционная Россия и боснийско-герцеговинское восстание // Балканские исследования. Вып. 3. Освободительные движения на Балканах. М., 1978. С. 45.
- ¹⁰ Одесский вестник. 4 июля 1875 г.; *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 269.
- ¹¹ Русский мир. 8 июля 1875 г.; *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 269–270.
- ¹² Голос. 25 июля 1875 г.; *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 270.
- ¹³ Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875–1878 гг. Сборник документов и материалов. Самара, 2009. С. 18–19.
- ¹⁴ Там же. С. 20.
- ¹⁵ Голос. 23 сентября 1875 г.
- ¹⁶ Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи. 1804–1878 гг. М.–Белград, 2011. С. 574.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Россия и восстание... С. 154.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 155.
- ²¹ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 281.
- ²² *Снытко Т.Г.* Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875–1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957. С. 95.
- ²³ Россия и восстание... С.171.
- ²⁴ Россия и национально-освободительная борьба. С. 79.
- ²⁵ *Нарочницкая Л.И.* Национально-освободительные движения на Балканах и народные массы России во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. // Балканские исследования. Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982. С. 135.
- ²⁶ Россия и национально-освободительная борьба. С. 86.
- ²⁷ Там же. С. 78.
- ²⁸ Народы Поволжья... С. 21.
- ²⁹ Цит. по: *Нарочницкая Л.И.* Указ. соч. С. 132.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 132, 133.

- ³² *Снытко Т.Г.* Указ. соч. С. 97.
- ³³ Там же. С. 96.
- ³⁴ Там же. С. 96–97.
- ³⁵ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 311.
- ³⁶ Россия и национально-освободительная борьба. С. 87.
- ³⁷ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 286; Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб, 1876. С. 491–492.
- ³⁸ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. I. М., 1961. С. 144.
- ³⁹ Россия и национально-освободительная борьба. С. 120.
- ⁴⁰ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 287.
- ⁴¹ Россия и национально-освободительная борьба. С. 66.
- ⁴² *Гросул В.Я.* Восточный кризис 70-х годов XIX в. и российское общество // 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. Материалы международной научной конференции. 15–17 мая 1978 г. М., 1978. С. 140.
- ⁴³ Россия и национально-освободительная борьба. С. 125.
- ⁴⁴ Народы Поволжья. С. 28.
- ⁴⁵ Россия и национально-освободительная борьба. С. 89–90.
- ⁴⁶ Там же. С. 90–91.
- ⁴⁷ Там же. С. 89.
- ⁴⁸ Там же. С. 84–85; Голос. 17 (29) декабря 1875 г.
- ⁴⁹ Россия и национально-освободительная борьба. С. 85; Голос. 6 (18) декабря 1875 г.
- ⁵⁰ Россия и национально-освободительная борьба. С. 95.
- ⁵¹ Там же. С. 94.
- ⁵² См.: *Јовановић Ј.* Прилог изучавању помоћи Русије херцеговачким избеглицима у Црној Гори (1875–1878) // Историјски записи. 1976. Св. 2. С. 282–283.
- ⁵³ См.: *Никитин С.А.* Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875–1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957; *Яковлев Н.Н.* К вопросу об участии русских добровольцев в боснийско-герцеговинском восстании 1875–1876 годов // Советское славяноведение. 1975. № 6; *Гросул В.Я.* Революционная Россия и освободительные движения на Балканах в 70-х гг. XIX в. // Новая и новейшая история. 1978. № 2; *он же.* Восточный кризис 70-х годов XIX в. и российское общество // 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. Материалы международной научной конференции. 15–17 мая 1978 г. М., 1978; *он же.* Революционная Россия и Балканы (1874–1883). М., 1980; *Хевролина В.М.* Революционное народничество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875–1878 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1968; *она же.* Революционное народничество и национально-освободительное движение на Балканах в 1875–1876 гг. // Славянское возрождение. М., 1966; *она же.* Революционная Россия и боснийско-герцеговинское восстание // Балкан-

ские исследования. Вып. 3. Освободительные движения на Балканах. М., 1978.

⁵⁴ Голос. 20 августа (1 сентября) 1875 г.

⁵⁵ *Хееролина В.М.* Революционная Россия и боснийско-герцеговинское восстание... С. 41.

⁵⁶ Там же. С. 42–43.

⁵⁷ Там же. С. 48–49.

⁵⁸ Россия и восстание... С. 185.

⁵⁹ Об этом подробнее см.: *Даченко С.И.* Начало Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в. и русское общество: проблема отечественной историографии. // *Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии.* Сб. статей. М., 2015.

П.А. ИСКЕНДЕРОВ
(Институт славяноведения РАН, Москва)

СТАНОВЛЕНИЕ АЛБАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КАК ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ БАЛКАНСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ*

Abstract:

Iskenderov P.A. *Establishment of the Albanian state as a typological element of the Balkan conflictology*

The article is devoted to the history of the Albanian state creation which took place in 1913–1914. The research is based on the unpublished documents from Russian as well as foreign archives. The author pays special attention to the historical roots and genesis of inert-ethnic conflicts in the Balkans – in the first place that of Kosovo. The role of Great Powers is also analyzed in the article.

Ключевые слова: Россия, Балканы, Сербия, Албания, Косово, Международная контрольная комиссия по Албании, великие державы, международные отношения, межэтнические конфликты, конфликтология, государственность, А.М. Петряев.

Развитие ситуации в кризисных районах европейского, евразийского и постсоветского пространства настоятельно требуют перехода от описательной к прогностической модели реагирования на современные вызовы и угрозы. В этих целях представляется необходимым более активно привлекать новейшие методы анализа исторического процесса и актуальных социально-экономических и политических проблем, включая сравнительный анализ, системный подход, принципы ситуационной логики и исторического моделирования. Подобные методы позволят создать целостную картину динамики зарождения, вызревания, эволюции и эскалации межнациональных конфликтов на Балканах, а также выработать комплексные модели их раннего предотвращения и эффективного долгосрочного урегулирования. Особое внимание следует уделять как внутренней динамике развития межнационального конфликта, так и роли в соответствующем процессе внешнего фактора. Подобный анализ позволяет создавать корреляционные модели развития ситуации в различных кризисных очагах с тем, чтобы на данной основе приступить к созданию многовариантных динамических моделей, предусматривающих возможность снижения кон-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («Историческая типология межнациональных конфликтов на примере Балкан»), проект № 14-01-00264.

фликтного потенциала и выхода на параметры политического урегулирования кризисов, выработку эффективных методик кризисного и посткризисного урегулирования. Как показывает международная практика последних двух десятилетий, арсенал имеющихся в распоряжении международного сообщества теоретических и практических антикризисных механизмов является недостаточным и не позволяет адекватно отвечать на имеющиеся в обширном балканско-черноморско-кавказском регионе угрозы.

С этой точки зрения одним из элементов подобного анализа может послужить историческая реконструкция событий, непосредственно связанных с формированием накануне Первой мировой войны албанской государственности.

После довольно длительного обсуждения различных кандидатур, 3 декабря 1913 г. великие державы (а фактически Австро-Венгрия и Италия) согласовали кандидатуру устраивавшего их албанского князя. Им стал Вильгельм Вид (1876–1945) – капитан прусской армии, племянник румынской королевы Елизаветы, двоюродный брат короля Швеции, сын принцессы Марии Нидерландской и родственник германского императора Вильгельма II. Сообщая о принятом решении 24 декабря 1913 г. на заседании комиссии по иностранным делам Франции, премьер-министр этой страны Гастон Думерг заявил: «Все великие державы согласились вручить албанскую корону принцу Виду, находящемуся в родственных отношениях с румынской королевской семьей.

Франция тем охотнее солидаризировалась с этим назначением, что она находит в нем возможность отметить позитивную роль, которую играет румынский народ в качестве фактора равновесия между балканскими народами, и его умиротворяющую роль в последнем конфликте...»¹.

Понятно также, что появление на Балканах «очередного монарха из немецкой княжеской фамилии вполне отвечало интересам Вены. Но и Рим надеялся, что новоиспеченный албанский князь, связанный тесными родственными узами с правящей династией старшего партнера по Тройственному союзу и протестант по вероисповеданию, будет придерживаться нейтралитета в конфликте австрийских и итальянских интересов в Албании»². Впрочем, как мы увидим далее, эти надежды оправдались не вполне...

После определенных колебаний, Вид согласился принять предложение, и перед великими державами, в лице их представителей в Международной контрольной комиссии (орган, созданный великими державами для проведения государственно-административ-

ных, финансовых и иных реформ в Албании), встала задача лишить власти существовавшие в Албании местные правительства.

Проблема отставки правительства Исмаила Кемали, созданного в конце 1912 г., была решена довольно просто. К этому времени делегаты Международной контрольной комиссии потеряли к нему доверие, ибо, как отмечает отечественная исследовательница Н.Д. Смирнова, «некоторые из таких его акций, как поддержка проекта албано-болгаро-турецкого союза или планов воссоединения Косова и Чамерии (область на границе Албании и Греции – *П.И.*) с Албанией, подорвали его авторитет в МКК (Международная контрольная комиссия – *П.И.*). Члены комиссии не без основания заподозрили Исмаила Кемали в благожелательном отношении к кандидатуре мусульманского претендента на албанский престол и даже в попытке заговора против МКК с целью отстранить ее от албанских дел»³. Официальное сообщение Международной контрольной комиссии об отставке Кемали было датировано 22 января 1914 г.

Переговоры же с Эссад-пашой Топтани были в самом разгаре. Спустя три дня российский представитель в Международной контрольной комиссии А.М. Петряев фактически признался в том, что Комиссия вынуждена плясать под дудку властолюбивого албанского правителя: «Эссад Паша уклоняется выйти в отставку, – пишет он, – настаивая на сохранении за ним его особенного положения в Дураццо и предлагая условия, считаемые Комиссией неприемлемыми. На вчерашнем совещании мы пришли к заключению о необходимости сделать еще одну попытку уговорить его последовать примеру Измаила Кемали...»⁴.

Эта попытка была обставлена более серьезно. На переговоры с Эссадом из Влеры в Дуррес на борту стационара отправились два делегата Комиссии (представители Англии и Германии). Другой стационар также отправился во Влеру. «В случае неуспеха этой миссии, уже великим державам придется решать, не пора ли предпринять против Эссада принудительные меры», – телеграфировал в МИД России Петряев⁵.

Продолжая вести двойную игру, маневрируя между Сербией и Австро-Венгрией и стремясь укрепить собственные позиции внутри Албании, Эссад-паша не удовлетворился результатами переговоров своих эмиссаров в Белграде и продолжал обращаться к сербскому правительству через сербских офицеров пограничной службы, пытаясь заручиться поддержкой своих политических планов со стороны кабинета Николы Пашича. Одновременно он направил вверенные ему войска в Центральную и Юго-Восточную

Албанию и к берегам Охридского озера, демонстрируя тем самым готовность использовать все имеющиеся силы и средства для захвата власти в стране. Однако спустя некоторое время его образ действий резко изменился: Эсад-паша отказался от конфронтации с назначенными европейскими державами на пост албанского князя принцем Видом и стал одним из его ближайших сподвижников, заняв посты министра национальной обороны и внутренних дел и отвечая, таким образом, как за военные вопросы, так и за поддержание внутреннего порядка в стране. Этот шаг вызвал в целом недоуменную реакцию как на международной арене, так и внутри самой Албании. По свидетельству французского военного агента в Сербии и члена Международной комиссии по разграничению Северной Албании подполковника Фурнье, совершившего ознакомительную поездку по стране, побывавшего, в частности, в Дурресе, Эльбасане и Тиране и прожившего несколько недель в Шкодере, поддержка Эсад-паши среди местного населения, причем не только мусульманского, но и католического, была совершенно исключительной; его имя было окружено ореолом славы, а находившиеся в его распоряжении военные силы и материальные средства по албанским масштабам были беспрецедентными. В связи с этим общественное мнение Албании склонялось к мысли о том, что властолюбивый, энергичный, всесильный и в полной мере осознающий свое собственное величие Эсад-паша решил осуществлять новую линию: примирившись на словах с кандидатурой христианского князя (объективно выступавшего для албанского населения проводником чужих идей и выразителем чуждых интересов), чтобы усыпить подозрения извне, начать плести против него интриги и выжидать подходящего момента для осуществления честолюбивых замыслов. В этой связи показательным является следующий факт, доверительно сообщенный главой сербского правительства Пашичем российскому посланнику в Сербии Н.Г. Гартвигу: перед самым своим отъездом во главе специальной делегации, передавшей Виду официальное приглашение занять албанский престол, Эсад-паша вновь командировал в Белград своего уполномоченного с ходатайством о выдаче ему 10000 золотых, обязуясь со своей стороны содействовать территориальным притязаниям сербской стороны, и тем самым продемонстрировал, помимо финансовых запросов, полную уверенность в собственных силах и влиянии⁶.

Тем не менее, и влияние Эсад-паши на албанской политической сцене также не стоило переоценивать. Как сообщал в январе 1914 г. А.М. Петряев, «число самозванных правителей здесь (в

Албании – П.И.) увеличивается с каждым днем. Всякий набравший шайку в несколько вооруженных лиц провозглашает себя правителем до тех пор, пока его не сменит другой, более сильный. Беспристрастные наблюдатели из албанцев говорят о временах турецкого управления как о чем-то совершенном в сравнении с теперешнею анархией»⁷. А французский дипломатический представитель Л. Краевский в своих донесениях из Албании давал понять, пусть и слишком категорично, что и сам Эссад-паша не является самостоятельной фигурой, а «находится полностью в руках» представителя Италии барона Алиотти⁸.

Вопрос о формировании албанской депутации к князю Виду решался непросто. По свидетельству российского комиссара Петряева, «при той партийности и личных соперничествах, которые являются характерными для Албании, выбор делегатов, действительно пользующихся доверием нации, оказался невозможным»⁹. Эссад-паша, продолжал российский дипломат, «назначенный, или вернее сам себя назначивший главою депутации, в сущности является представителем Центральной Албании, где он и пользуется большим влиянием и значением, в других же частях ее у него много недругов.

Таким образом, отправившаяся с ним депутация всей Албании отнюдь не представляет. В Скутари мусульмане отказались послать своих делегатов, как из-за личных счетов с Эсадом Пашою, так и потому, что дело идет о христианском князе. Точно так же поступили и жители Мата, Люмы и Малесии.

Вильгельм Вид прибыл в Дуррес 7 марта 1914 г. на австрийском судне в сопровождении итальянского, французского и английского эскорта, и 9 марта он принял членов Международной контрольной комиссии. В ходе аудиенции, продолжавшейся более часа, он получил от них информацию о состоянии дел в Албании. Как по-дипломатичному торжественно сообщил Петряев, «Его Высочество интересовался положением Албании, и мы сочли долгом, на основании имеющегося у нас опыта, подробно изложить ему все трудности устройства этой страны»¹⁰.

По свидетельству российского дипломата, «один из членов Комиссии, заведовавший финансовыми делами, подробно доложил князю о печальном состоянии государственной казны, едва позволяющей удовлетворить самые неотложные нужды по управлению страной. Особенное внимание Его Высочества было обращено на необходимость достать средства для уплаты организованной голландскими офицерами жандармерии (более 200 000 франков в месяц). При этом было отмечено, что одно содержание, по плану ин-

структоров, 5000 чел. жандармов потребует ежегодно 6 000 000 франков, т.е. более половины теперешнего албанского бюджета. Эти данные очень поразили князя, и он заметил, что заключение международного займа является настоятельной необходимостью.

Вернувшись на следующий день, 10 марта, вместе с остальными членами Контрольной комиссии во Влеру, Петряев смог еще раз лично убедиться в безрадостности ситуации, сложившейся в Албании. «До сего дня правительство еще не образовано, – сообщал он в Петербург, – и в Албании продолжают действовать власти, установленные Контрольной комиссией. По-видимому, князь намерен призвать Фериду Пашу или Турхана Пашу. Вся страна с нетерпением ждет этот первый шаг князя, и, разумеется, разными албанскими партиями пускаются в ход всевозможные интриги, чтобы провести тех или иных влиятельных беев. Если князь, мало знакомый с истинным положением страны, позволит увлечь себя по этому пути, то созданное им правительство не будет пользоваться никаким авторитетом в глазах населения. Между прочим, есть основание думать, что два бее, один сын Суреи, известного партизана (приверженца – *П.И.*) Австрии, а другой брат члена Контрольной комиссии успели уже занять около князя место каких-то советчиков и стараются провести желательных их партии лиц. Это уже вызвало неудовольствие других беев.

Составление кабинета в Албании, где всякий бей притязает на пост министра, является труднейшею задачею, и, может быть, на первое время лучшим разрешением вопроса было бы продолжить существующее теперь управление. Албания не готова к самостоятельной государственной жизни в европейском смысле этого слова, и всякие попытки в этом направлении только увеличат смуту», – констатировал в своем донесении А.М. Петряев¹¹.

Но и Эссад-паша не терял времени даром. Как сообщал 10 марта 1914 г. тот же Петряев, «по полученным... сведениям, в Мате, за несколько дней до прибытия князя, состоялось собрание байрактаров (местных лидеров – *П.И.*), решившее не признавать поставленного Европой правителя и подать петицию о переходе под власть сербского короля, во владениях которого уже находится несколько сот тысяч албанцев»¹².

Органический статут для Албании действительно рождался в муках, причем, в процессе работы над документом трудностей возникало все больше. Первые донесения российского представителя в Контрольной комиссии Петряева были пронизаны сдержанным оптимизмом. 8 января 1914 г. Петряев в донесении на имя министра иностранных дел России С.Д. Сазонова (документ хра-

нит собственноручную помету ознакомившегося с ним императора Николая II) изложил ход работы над Органическим статутом Албании следующим образом:

«...внимание Комиссии задержалось на вопросе о нейтралитете Албании.

Лондонские постановления об этом говорят глухо, специально коснувшись лишь нейтрализации порта, к которому выйдет будущая Адриатическая железная дорога. Удержав постановление о порте, Комиссия, по отношению к нейтралитету, остановилась на общей формуле, дающей Албании право принимать меры к ее защите. Практически это не имеет особого значения, так как, например, сооружение крепостей неосуществимо, ибо на постройку и оборудование одной из них не хватит всего годового албанского бюджета. Хотя, в конце концов, мы и нашли общую примирительную формулу, но, во время обмена мнений по этому вопросу, тем не менее обнаружилось, что австрийский и итальянский делегаты и их албанский сотоварищ склонны толковать нейтралитет Албании в смысле предоставления ей широкого права иметь войско и крепости. Более определенно в этом отношении придется высказаться при обсуждении вопроса об организации милиции и жандармерии»¹³.

Однако с течением времени даже авторы Органического статута стали более скептически относиться к перспективам государственного обустройства Албании. Об этом свидетельствует следующее донесение, впервые вводимое в научный оборот: «Во время обсуждения частей статута, касающихся введения конституционной формы правления в Албании, – сообщал 16 апреля 1914 г. Петряев, – все члены Контрольной комиссии, включая даже и албанского представителя, были согласны в том, что вновь создаемое государство совершенно к ней не подготовлено. Этим объясняется намеченное нами весьма ограниченное число членов Народного собрания (всего около 37 человек) и его смешанный состав из лиц, по выборам, по назначению и по праву, причем последним в общем предоставлено 16 мест. Компетенция этого Собрания также нами сужена. Тем не менее, теперешнее албанское правительство находит даже и такое государственное устройство чрезвычайно либеральным и не соответствующим интеллектуальным силам страны. В таком смысле, по крайней мере, высказывались в беседе со мною князь и Турхан Паша.

Когда был поднят вопрос, следует ли обусловить законность концессий, выдаваемых правительством, согласием на них Народного Собрания, то против этого возражали и остались при особом

мнению австрийский и итальянский делегаты, не желавшие очевидно, чтобы дела такого рода предавались гласности. При голосовании они остались в меньшинстве. Что касается административного деления, то мы нашли нужным сохранить турецкое подразделение на санджаки, казы и нахиэ и расширили только участие, в местных делах, провинциальных советов, к которым будут привлечены выборные от населения. Албанию предположено разделить на 7 санджаков.

Кроме жандармерии, предусмотрено образование милиции, причем, по моему предложению, несмотря на протесты австрийского делегата, внесена оговорка, что, согласно Лондонским постановлениям, в качестве инструкторов милиции, офицеры великих держав и балканских государств приглашаемы быть не могут.

Наибольшие трудности встретились, когда пришлось составлять ту часть статута, которая касается положения вероисповедных общин и организации школьного дела в Албании. При этом мой итальянский коллега старался провести такие начала, которые ослабили бы связь католиков с австрийцами. Он особенно настойчиво доказывал необходимость того, чтобы содержание духовенства разных исповеданий было отнесено на счет государства. Этим, по мнению Г. Леони, высказанному им мне доверительно, будет подготовлено постепенное освобождение католического духовенства от австрийской денежной зависимости.

В вопросе о школах австрийский, и, в особенности, итальянский делегат, при поддержке их албанского сотоварища, упорно высказывались за такие законоположения, которые бы обеспечили преобладающее значение албанских национальных школ с преподаванием на албанском языке. Это постановление уже теперь находится в противоречии с теми льготами, которые, вероятно, албанское правительство вынуждено будет предоставить эфиротам. Мне кажется, что в этом отношении в статут должны быть внесены соответствующие поправки.

В статьях, относящихся к положению православной и католической церкви, предусматривается возможность дарования им автономии, но только после особых соглашений албанского правительства со Вселенским Патриархом и Папой. Албанский делегат пытался добиться немедленного и безусловного признания автокефальности названных церквей, но не встретил ни в ком из своих коллег никакого сочувствия.

Обращает на себя внимание признание, по предложению албанского представителя, самостоятельного существования бекташской секты, насчитывающей в Албании, особенно южной,

около 300 000 последователей. Бекташи являются рационалистами среди мусульман. Они отрицают всякие обрядности, стоят за равноправие и, отличаясь большой терпимостью, поддерживают хорошие отношения с христианами. Им принадлежат многочисленные «текэ» (монастыри), разбросанные в разных частях Албании, где бекташи собираются для бесед под руководством своих шейхов. При турецком владычестве открытое исповедание бекташизма было запрещено, и последователи его подвергались всевозможным гонениям.

Особенно внимание нами было уделено организации юстиции. Намечено образование судов сельских, единоличных мировых и коллегияльных первой инстанции, а также предусмотрено создание трех апелляционных судов. Что касается кассационного, то устройство его, при настоящем положении вещей в Албании, признано неосуществимым. Вообще, главным препятствием к проведению в стране юридической реформы здесь явится, конечно, недостаточность личного состава. В настоящее время, в Албании имеется всего лишь три-четыре десятка лиц с каким-нибудь юридическим образованием, а между тем для замещения всех предложенных судейских мест потребуется около 300 человек.

Таковы в общем основные черты выработанного нами статута.

В заключение считаю долгом отметить, что с точки зрения строгого юридического мышления, составленный Контрольной комиссией статут для Албании несомненно имеет большие недостатки и в нем нашли место такие нормы и положения, которые не относятся к области государственного права. Но не нужно упускать из вида, что сама страна, для которой он писался, представляет особенности, не вкладывающиеся в обычные европейские понятия»¹⁴.

Окончательный текст Органического статута провозглашал Албанию конституционным, суверенным и наследственным княжеством под гарантией шести великих держав – Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, Франции и России. Главой гражданской и военной администрации объявлялся князь, в полномочия которого входило, в частности, назначение совета министров. Законодательным органом являлось национальное собрание, часть депутатов которого избиралась, а другая назначалась князем.

Несмотря на ряд прогрессивных положений, позволяющих считать Органический статут «первым конституционным актом независимого албанского государства», некоторые его статьи «серьезно ущемляли суверенитет Албании»¹⁵. Они предусматривали про-

должение деятельности Международной контрольной комиссии с широкими полномочиями, а также действие всех международных соглашений, заключенных Османской империей, и сохранение режима капитуляций¹⁶.

Противоречивый характер носило и образованное под эгидой Международной контрольной комиссии новое правительство Албании. Фигура его номинального главы Турхан-паши, в силу его предыдущей дипломатической службы в Петербурге, не вызывала у российской дипломатии серьезной оппозиции, чего нельзя было сказать о патриотически настроенных албанцах, не видевших в человеке, отсутствовавшем в стране 50 лет, выразителя албанских национальных интересов¹⁷. Вошел в состав нового правительства Албании и еще один крупный «патриот» – Пренк Биб Дода, ранее успевший заявить российскому вице-консулу в Шкодере Г.Ю. Ферхмину, что «до общеалбанских интересов ему нет никакого дела»¹⁸.

Российский комиссар в Албании А.М. Петряев также довольно скептически оценивал как структуру и состав новообразованного правительства, так и перспективы деятельности в нем самого Эссада-паши. «Первое, что бросается в глаза, – писал он в Петербург 20 марта 1914 г., – при чтении этого списка, это число созданных министерств, не соответствующее ни размерам, ни финансовым ресурсам, ни просто потребностям Албании в данную минуту. В заканчиваемом нами проекте Статута различные отрасли управления мы сосредоточили лишь в четырех министерствах.

Князю при составлении его первого правительства пришлось, очевидно, руководствоваться не столько действительными нуждами страны, сколько желанием удовлетворить честолюбие разных влиятельных беев, а также принять во внимание областную и религиозную рознь...

Безусловно, самую яркую личностью в кабинете является Эссад Паша. По поводу последних событий я уже имел не раз случай говорить о нем. Положение, занятое им теперь при князе, лишь еще более подчеркивает его энергию, смелость и изворотливость, соединенные с нравственными качествами и замашками средневекового кондотьера (руководитель отряда наемников, нанятых для охраны городов – *П.И.*). Несомненно, считаясь с опасностью иметь его против себя, князь вынужден был назначить его на самый важный и ответственный пост министра внутренних дел с званием военного министра, данным очевидно для удовлетворения военного честолюбия генерала, который, пользуясь этим, не замедлит, вероятно, подкрепить свое положение созданием какой-либо во-

оруженной силы для своего личного распоряжения. Все знающие Эссада Пашу понимают, что фактическим правителем Албании, при настоящих условиях, будет он, а не князь. Это обстоятельство производит на благомыслящих и умеренных албанцев крайне тяжелое впечатление, так как административные приемы Эссада Паши и склонность к темным политическим авантюрам здесь хорошо известны¹⁹. В своем обширном донесении Петряев уделил крайне мало места остальным членам албанского правительства, ограничившись, по сути, их перечислением и фразой о том, что «об остальных членах нового правительства остается сказать весьма немного, так как рядом с Эссадом Пашою они никакого значения иметь не будут»²⁰.

Однако свои кое-какие предварительные соображения персонального свойства российский дипломат все-таки представил. По его мнению, «Прэнк Биб Дода, мирдитский князь, назначен министром, чтобы дать удовлетворение Северной Албании и католическому элементу. Православные представлены докторами, уроженцами Корицы, Тургулисом и Адамидесом. Средняя и южная области Албании имеют своих представителей в лице Мюфида Бея, бывшего до сих пор делегатом в Комиссии, и Азиза Паши из Берата»²¹.

Ничего хорошего, по убеждению Петряева, не сулил кадровый состав нового правительства и перспективам развития отношений Албании с Сербией. Речь идет, в частности, о назначении на пост министра почт и телеграфов Хасан-бея Приштины, названного им «представителем ирредентов из присоединенных Сербии албанских областей»²². «С точки зрения будущих отношений к Сербии, – сообщал Петряев на Певческий мост, – едва ли можно назвать удачным назначение на министерский пост лица, известного за одного из организаторов последнего набега албанцев на сербскую территорию и постоянно проповедующего здесь возвращение отторженных от Албании местностей»²³.

Что же касается общего направления внутренней и внешней политики нового кабинета, то на сей счет российский представитель был крайне сдержан: «Пока трудно сказать что-либо более положительное о будущей внутренней и внешней политике только что образованного албанского правительства, вероятно, не имеющего никакой определенной программы. В виду того, что за последнее время Эссад Паша недвусмысленно высказывал свои симпатии к Италии, можно лишь предположить, что влияние этой державы на албанские дела теперь значительно усилится»²⁴.

Весьма меткая характеристика, данная Эссаду российским дипломатом, как нельзя лучше характеризует всю противоречивость отношений албанского лидера с Белградом. Его политические амбиции служили одновременно и создавали почву для взаимовыгодного взаимодействия с сербскими властями и ставили эти связи в тесную зависимость от его собственных сиюминутных планов. К тому же присутствие в новом правительстве взаимодействовавшего с сербами Эссада-паши отчасти нивелировалось фигурой Хасана Приштины, получившего пост министра почт и телеграфов.

Оговорка Петряева о том, что фигура Турхан-паши Пермети хорошо известна российскому внешнеполитическому ведомству, была не случайной: новый глава правительства Албании (унаследовавший этот пост от Фейзи-бея Ализоти, возглавлявшего «довидовский» кабинет с 22 января по 7 марта 1914 г.) ранее занимал должность посла Османской империи в Петербурге. Помимо этого, он был хорошо известен в Афинах благодаря своей деятельности в качестве губернатора Крита в 1895–1896 гг. и блестящему знанию греческого языка. Правда, в самой Албании многие обвиняли Турхан-пашу в слабом знании албанского национального дела именно по причине его широкой дипломатической активности.

Несмотря на формальное присутствие в Албании князя и правительства, подлинными хозяевами в этой стране оставались Австро-Венгрия и Италия, продолжавшие свою нескончаемую борьбу за более выгодную финансово-экономическую эксплуатацию ее богатств и населения. Фортуна в этой борьбе в первые месяцы 1914 г. все явственнее поворачивалась лицом к итальянцам. В марте в беседе с германским послом в Вене Г. Чиршки начальник Генерального штаба австро-венгерской армии Ф. Конрад фон Гетцендорф откровенно признавал, что в Албании «итальянцы в экономической сфере гораздо более деятельны и ловки, чем австрийцы. Австрийский коммерсант тяжел на подъем и лишен духа предприимчивости, итальянский же, напротив, очень активен и получает действенную поддержку от своих банков»²⁵.

Стремясь максимально укрепить позиции в Албании, Австро-Венгрия и Италия были не прочь использовать в этих целях своих нынешних и потенциальных балканских союзников. В середине июля 1914 г. Певческий мост оказался не на шутку встревожен идеей Вены и Рима, к которой присоединился и Турхан-паша, направить в Албанию румынский отряд – о чем министру иностранных дел России С.Д.Сазонову дали понять австрийский и итальянский послы в Санкт-Петербурге. Однако Сазонов проявил

твердость. Он сообщил всем троим, что «Россия не имеет оснований отступать от усвоенного ею сдержанного отношения к албанскому вопросу»²⁶. Тем не менее, 250 румынских добровольцев прибыли на помощь албанскому князю²⁷. Это, в свою очередь, сделало развитие ситуации в стране еще менее предсказуемым...

Подводя итоги рассмотрению проблемы, следует особо подчеркнуть, что в условиях кризисной ситуации в Албании, остроты общей ситуации на Балканах, а также противоречий в рядах великих держав, России и конкретно ее представителю в Международной контрольной комиссии удавалось оказывать стабилизирующее влияние. Тем самым Петербург на протяжении последних предвоенных лет внес существенный позитивный вклад в укрепление албанской государственности и предотвращение новых кровопролитных конфликтов в балканском регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Borchgrave Bon de. Albanie et Albanais // La Revue Generale. 1914. Juillet. P. 61.*

² Краткая история Албании. М., 1992. С. 256.

³ *Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М., 2003. С. 62.*

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 82. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 532. Л. 56–58.

⁷ Цит. по: Краткая история Албании... С. 257.

⁸ Там же. С. 262.

⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 6. Л. 14.

¹⁰ Там же. Л. 26.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 24.

¹³ Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2113. Л. 97–98.

¹⁴ Там же. Ф. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 6. Л. 33–34.

¹⁵ За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 47.

¹⁶ *Puto A. La question albanaise dans les actes internationaux de l'époque imperialiste. Vol. II. Tirana, 1988. P. 579–609.*

¹⁷ Известна пренебрежительная оценка албанцев, как «стада баранов», высказанная Турхан-пашой Пермети в беседе с главой германского министерства иностранных дел фон Яговым // Краткая история Албании... С. 258–259.

¹⁸ Там же. С. 258.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 6. Л. 30.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 31.

²⁴ Там же.

²⁵ Цит. по: За балканскими фронтами... С. 55.

²⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2115. Л. 38.

²⁷ За балканскими фронтами... С. 57.

Л.А. КИРИЛИНА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ СЛОВЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.:
СОГЛАШЕНИЯ, КОМПРОМИССЫ, ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

Abstract:

L.A. Kirilina. *Struggle for the establishment of the Slovenian university at the end of the 19th – beginning of the 20th century: agreements, compromise, confrontation*

The article is devoted to the peculiarities of the common struggle of the Slovene national activists, supporting different political lines, for the establishment of the Slovenian university at the end of the 19th – beginning of the 20th century. Special attention is paid to their quest for compromise and efforts to join forces as well as to the growing Slovene-Germans and Slovene-Italian confrontation.

Ключевые слова: словенский университет, национальная борьба словенцев, студенческое движение, политические партии в словенских землях в конце XIX – начале XX вв.

Требование создания словенского университета являлось составной частью политической программы словенцев с 1848 г., и с тех пор оно стало одним из главных пунктов их борьбы за национальное равноправие. В 1868–1871 гг., в период словенского таборского движения*, борьба за создание словенского университета вспыхнула с новой силой. Венское студенческое общество «Словения» уже на своем учредительном собрании 26 мая 1869 г. потребовало открыть его в Любляне¹.

К концу XIX в. чехи, хорваты и поляки уже имели свои университеты. Однако многие ненемецкие народы монархии Габсбургов, среди них и словенцы, упорно продолжали вести борьбу за создание собственных университетов. Языковые реформы, проведенные правительством К. Бадени, антинемецкие выступления в Праге и забастовка немецких студентов в 1898 г. вновь всколых-

* Введение дуализма (1867 г.) словенцы восприняли как тяжелый удар, нанесенный славянам. Среди либералов прокатилась мощная волна протеста. К поддержке своей программы они старались привлечь крестьян и горожан, организуя митинги (таборы) под открытым небом, на которых обсуждались вопросы борьбы за национальные права словенцев. Всего в период с августа 1868 г. по август 1871 г. в словенских землях было проведено 18 таборов, на которые приходило от 5 до 30 тыс. человек из разных слоев общества.

нули этот наболевший вопрос. С тех пор требование создания словенского университета непрестанно, с большей или меньшей интенсивностью, выдвигалось как на различных общественных митингах, так и на заседаниях провинциальных собраний словенских земель и венского рейхсрата – и почти всегда вместе с требованием отказать итальянцам в праве создать собственный университет в Триесте.

В конце XIX – начале XX вв. этот вопрос перерос в один из узловых моментов словенско-немецкого, а позже и словенско-итальянского противостояния, а также стал для словенских национальных деятелей разных политических направлений стимулом к объединению их усилий, к установлению сотрудничества с другими австрийскими славянами.

Немцы и национально индифферентные словенцы считали само собой разумеющимся, что преподавание в будущем Люблянском университете должно вестись исключительно на немецком языке, языке образованных людей. Хотя в конце XIX в. словенский литературный язык уже полностью сформировался и имел собственную научную и профессиональную терминологию, это обстоятельство не было замечено многими немецкими политиками, которые и в начале XX в. продолжали выступать против образования словенского университета с теми же аргументами, что и 40 лет назад. По их мнению, словенский язык был недостаточно развит для того, чтобы преподавать на нем в высших учебных заведениях; у словенцев не имелось ни научной литературы, ни своих профессоров, и вообще они были «недостаточно культурно развиты». В свою очередь, словенские патриоты обвиняли немцев в том, что они отказывают им «в праве самостоятельного культурного развития»².

Некоторые немецкие националисты заняли шовинистические позиции. Так, на одном из заседаний австрийского рейхсрата в марте 1910 г. депутат Вастиан высказался против открытия любых ненемецких университетов, аргументируя это тем, что «ненемецкие народности требуют университеты не из любви к своему народу, а из враждебности по отношению к немцам»³. В ожесточенной полемике за и против словенского университета оставалось все меньше места для взвешенного и объективного подхода и поиска компромиссов.

Борьба за словенский университет, а также за словенизацию начального и среднего образования⁴, являлась в конце XIX – начале XX вв. одним из немногих программных пунктов, спланивавших словенских католиков и либералов, находившихся в жесткой

конфронтации по большинству национально-политических вопросов. Практически все словенские патриоты считали необходимым создание словенского университета. Однако существовали и спорные моменты, горячо обсуждавшиеся словенской общественностью. В каком городе будет основан словенский университет – в Любляне или Триесте? Должен ли университет стать чисто словенским или югославянским, либо же следует принять компромиссное решение об открытии немецко-словенского (в Любляне) или итальянско-словенского университета (в Триесте)? Выдвигать ли требование о создании теологического факультета или ограничиться юридическим? Как относиться к требованиям итальянцев открыть итальянский университет в Триесте? Позиции по этим и другим злободневным вопросам то разделяли, то сплачивали словенских патриотов.

Большинство выступало за то, чтобы университет был в Любляне, но многие приморские словенцы полагали более подходящим городом Триест. Так, один из крупнейших идеологов социал-демократов Х. Тума писал, что он был против университета в Любляне, поскольку «люблянское наречие испорчено германизмами», а люблянские студенты провинциальны и неотесанны. Университет, по его мнению, нужно открыть в Триесте, а не в Любляне, поскольку Триест – крупный, быстро развивающийся торговый город, который будет более привлекателен для профессоров⁵.

Напротив, крайние либералы и католики доказывали необходимость создания университета в Любляне. Один из вождей словенских либералов И. Хрибар, заняв пост жупана (градоначальника) Любляны (1896–1910), приложил значительные усилия к ее модернизации. За время его управления облик Любляны существенно изменился, она превратилась в красивый современный город, причем город словенский. Хрибар стал одним из главных вдохновителей борьбы за словенский университет. Он добился выделения стипендий молодым словенцам для обучения в институтах за границей – они должны были впоследствии стать (а некоторые и стали) профессорами будущего Люблянского университета. С требованиями создания в Любляне словенского университета и словенской Академии наук и искусств он неоднократно выступал и в провинциальном собрании, и в рейхсрате.

Против предложения Тумы основать словенский университет в Триесте высказались и национальные радикалы (левые либералы)⁶. Лидер словенских христианских социалистов Я.Е. Крек также утверждал, что каждый здравомыслящий человек должен признать, «что политические и социальные условия в Любляне

очень подходят для того, чтобы она стала научным центром для всех племен на славянском юге» империи. Новообразованный университет в Любляне вступит в «братское научное содействие» с Загребским университетом⁷.

Резолюции о выдвигании требования открыть университет в Любляне и о последующей передаче его правительству приняли в феврале 1898 г. словенские депутаты провинциальных собраний Крайны, Каринтии, Штирии и Приморья⁸. На заседании крайнского провинциального собрания представитель Немецкой партии выдвинул компромиссный вариант: создать в Любляне двуязычный немецко-словенский университет. Предложение депутаты приняли, был создан университетский фонд. Однако через несколько лет временному соглашению с немцами пришел конец. В своей речи на заседании крайнского провинциального собрания 24 ноября 1905 г. лидер словенских католиков И. Шуштершич обвинил ряд немецких депутатов в «двурушничестве»: в провинциальном собрании они выступали за университет, но в рейхсрате голосовали против предложений Шуштершича по этому вопросу. Шуштершич заявил, что католическая партия выступает «против словенско-немецкого университета в Любляне», за создание «чисто югославянского университета», в котором занятия будут вестись на словенском и хорватском языках, ибо словенско-немецкий университет скоро «превратится в чисто немецкий». Вообще, по убеждению Шуштершича, национально смешанные университеты «в наше время являются основой не для мирной научной работы, а для национальных споров и разногласий»⁹. Впоследствии вопрос об открытии словенско-немецкого университета в Любляне больше не поднимался.

Крайности националистического подхода проявились в начале XX в., когда на повестку дня в рейхсрате встал вопрос об открытии итальянского университета в Триесте, поднимавшийся итальянцами с 1867 г. Против этого решительно выступили национальные деятели не только словенцев, но и других славян. Словенцы, как и другие югославы империи, в принципе признавали право итальянцев на собственный университет. Так, словенский поэт и либерал А. Ашкерц писал в 1901 г.: «Мы, словенцы, не протестовали бы... в принципе против итальянского университета, поскольку мы стоим на позиции абсолютного равноправия всех австрийских народов». Но итальянцы обосновывали свои требования тем, что Приморье является итальянской провинцией, а словенцы доказывали, что большинство его населения составляют славяне. Итальянцев в Цислейтании едва наберется 600 000 чел., а югосла-

ван – свыше 2 млн, и их права на свой университет еще больше обоснованны. Пусть у итальянцев будет университет где-нибудь в другом месте, открытие же его «в преимущественно славянских провинциях стало бы провокацией для славян»¹⁰. Подобных взглядов придерживались словенские политики разных направлений, лозунги «за» словенский университет и «против» итальянского на несколько лет стали лейтмотивом национальной борьбы словенцев. Аргументация практически не менялась. Так, словенские национально-радикальные студенты в 1905 г. писали в своем печатном органе газете «Омладина»: «Если мы признаем право итальянцев на университет в Триесте, это означало бы, что мы откажемся от всех наших надежд на Триест, откажемся от нашего национального существования»¹¹. А в 1909 г. в 5 номере журнала словенских студентов-католиков «Зора», посвященном вопросу о словенском университете, имеет место следующее высказывание: «Хотя мы признаем за итальянцами право на свой факультет, мы не можем допустить, чтобы этот факультет открыли в Триесте, в городе, находящемся на исключительно словенской территории. Это было бы неоправданной протекцией итальянцам, которая повредила бы словенским национальным интересам и до крайности обострила бы национальную борьбу на австрийском юге»¹².

В октябре 1901 г. произошли столкновения между итальянскими и немецкими студентами в Инсбруке (где на юридическом факультете университета некоторые предметы преподавались на итальянском языке). Министр просвещения В. Хартель обещал оказать итальянцам помощь в создании их университета в Триесте и поставил вопрос о его открытии на обсуждение рейхсрата. Многие немцы считали, что, кроме них самих, в империи существует лишь одна культурная нация – итальянская, к тому же Италия являлась союзницей Австро-Венгрии и портить отношения из-за университета не имело смысла. Создание итальянского университета в монархии также ослабило бы позиции ирредентистов и уменьшило отток итальянских студентов, желавших обучаться на своем языке, из Австро-Венгрии.

События в Инсбруке и заявление Хартеля вызвали протест австрийских славян, в том числе и словенцев. По словам А. Ашкерца, «итальянцы и немцы» вывели словенцев из «летаргии». Чтобы представить себе интенсивность развернувшейся борьбы за словенский университет, проследим, к примеру, хронику событий ноября 1901 г. Волна манифестаций началась с выступлений словенских студентов. 7 ноября состоялся митинг всех югославянских студентов в Граце, 8 ноября – митинг славянских студентов в

Вене, в котором приняли участие более 1200 студентов и 30 депутатов рейхсрата. Открыл его И. Приятель, в будущем видный словенский историк литературы. Ректору Венского университета вручили меморандум для передачи правительству, в котором выдвигались требования словенского университета в Любляне, а также признания действительности экзаменов Загребского университета в Цислейтании¹³.

10 ноября 1901 г. на Совете общины г. Любляны была принята резолюция о необходимости создания словенского университета в Любляне. 11 ноября 1901 г. прошел крупный митинг славянских студентов в Высшем Техническом училище в Праге, в котором приняло участие более 3000 чел. На митинге выдвигались требования открытия словенского университета в Любляне и чешского в Брно. 12 ноября на заседании палаты депутатов в рейхсрате все югославянские парламентские клубы выступили в поддержку требования создания университета в Любляне. И, наконец, 16 ноября прошел митинг студентов Загребского университета под председательством ректора Врбанича в поддержку требования о создании югославянского университета в Любляне.

А. Ашкерц с воодушевлением отмечал, что манифестации показали «настоящую славянскую взаимность» и доказали, «что противоречия между словенскими партиями не таковы, чтобы при необходимости они не могли бороться за одну цель»¹⁴. Пожалуй, этими двумя позитивными моментами и исчерпались успехи борьбы за словенский университет в том году. Когда в декабре 1901 г. словенские депутаты вновь выдвинули на заседании австрийского рейхсрата требование основать в Любляне югославянский университет с юридическим, философским и теологическим факультетами, немецкий националист Бергер решительно заявил, что «если у нас появится ряд других, иноязычных, совершенно не нужных университетов, то это будет не только ударом по немцам в Австрии, это будет началом конца Австрии»¹⁵. После ожесточенных споров большинство депутатов отклонило требование словенцев, сочтя его преждевременным.

При Совете общины г. Любляны в 1901 г. была сформирована Университетская комиссия под руководством И. Хрибара. По его призыву в начале 1902 г. студенческие общества «Словения» в Вене и «Триглав» в Граце создали университетские отделы комиссии¹⁶. Однако в деятельности этих организаций не хватало согласованности. На это обстоятельство, в частности, жаловались члены «Триглава» в своем письме И. Хрибару 9 декабря 1903 г., упомянув, что о прошедшей 3 декабря демонстрации протеста сло-

венских студентов в Вене они, как и их товарищи в Праге, узнали постфактум из газет. Университетский отдел общества «Триглав» принял постановление о том, что центральная комиссия в Любляне должна сообщать всем отделам «о проведении акций»; в свою очередь, все отделы обязаны информировать ее и друг друга о действиях, которые они «планируют самостоятельно»¹⁷. Впоследствии обществам удалось достигнуть большей координации своих действий. О планирующихся студентами акциях в поддержку требования создания словенского университета помещались краткие заметки в газетах.

В 1904–1905 гг. произошел новый всплеск студенческих волнений в австрийских университетах, толчком к которому опять послужили требования итальянцев. Часть словенских депутатов рейхсрата в то время склонялись к компромиссу. Они готовы были отказаться от оппозиции по вопросу о создании итальянского университета в Триесте взамен на обещание открыть в Триесте начальные и средние словенские школы¹⁸. Это вызвало сильное негодование у большинства словенских политиков. Словенские национальные радикалы, студенты Венского университета, выступили с критикой позиции депутатов. Уже в первом номере газеты «Омладина» они определили свое отношение к вопросу о возможности сотрудничества славян с итальянцами. Поскольку итальянские студенты также притесняются немцами, как и славянские, и у них «много сходных интересов», в борьбе за равноправие немецких студентов, писала газета, они являются союзниками, и поэтому сотрудничество в проведении общих мероприятий возможно. Однако когда славянские студенты предложили итальянским поддержать их акцию за открытие ряда славянских университетов, итальянцы выдвинули условием дальнейшего сотрудничества включение в их общее выступление требования об открытии итальянского университета в Триесте. В связи с тем, что словенские и итальянские требования находятся «в жесточайшем противоречии», никакого компромисса быть не может и сотрудничество в этом вопросе исключено¹⁹. Эту позицию словенские национальные радикалы подтвердили и на своем первом съезде в Триесте в сентябре 1905 г.²⁰

Австрийские и итальянские социал-демократы высказали свое мнение по этой проблеме в мае 1905 г. на совместном заседании в Триесте. Подчеркнув, что вопрос об итальянском университете играет большую роль в разжигании национальной вражды, они пришли к компромиссному решению добиваться создания в Триесте итальянского университета с чтением ряда курсов лекций на

словенском языке. Словенские социал-демократы, входившие в состав Австрийской социал-демократической партии, это решение поддержали. Х. Тума привел практические аргументы в его пользу: итальянцы выступают за открытие чисто итальянского университета в Триесте, а словенцы – чисто словенского в Любляне, это требует больших затрат, к тому же каждый из них будет «националистический и шовинистический». Лучше организовать один итальянско-словенский университет в Триесте²¹. Позиция, занятая словенскими социал-демократами по вопросу об итальянском университете, была подвергнута резкой критике и католиками, и либералами.

Заявление министра просвещения Австро-Венгрии В. Хартеля в 1905 г. о том, что «правительство решило начать изучение и обсуждение вопроса о возможности создания юридического факультета» для словенцев, стало наибольшим достижением словенцев в борьбе за открытие своего университета²².

Осенью 1908 г. вспыхнули студенческие волнения в Вене. Предметом раздора вновь стал вопрос об итальянском университете в Триесте, вызвавший столкновения между итальянскими и немецкими студентами. Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины усугубила ситуацию. Немецкие газеты писали, что в условиях дипломатической изоляции Австро-Венгрии после аннексии открытие итальянского университета в Триесте поможет наладить отношения с Италией²³. Словенцы совершенно по-другому интерпретировали новую политическую ситуацию, полагая, что она будет способствовать увеличению веса славян в монархии. Я.Е. Крек писал, что после аннексии Боснии и Герцеговины «число южных славян увеличилось почти на 2 миллиона. Государственные интересы требуют, чтобы им были созданы в рамках нашего государства все необходимые условия для культурного развития. Университет тут стоит на первом месте»²⁴. Новое австрийское правительство, которое возглавил Р. Бинерт, предложило компромиссное решение: открыть итальянский юридический факультет в Вене. Однако и это предложение вызвало отпор у словенцев, добивавшихся первоочередного решения своих, а не итальянских проблем.

4 декабря 1908 г. словенские, хорватские и сербские студенты Венского университета организовали манифестацию против итальянского университета в Триесте и за словенский университет в Любляне. 10 января 1909 г. состоялся митинг в Любляне, в котором приняло участие более 3000 чел., представителей как католиков, так и либералов. 27 января все словенские студенческие об-

щества в Вене (католическая «Даница», либеральная «Словения», национально-демократическая «Омладина») устроили общий митинг, на котором заявили, что правительство, к своему стыду, прогнулось под натиском Италии вместо того, чтобы исполнить желания своих верноподданных словенцев²⁵. Был образован постоянный университетский отдел, в котором объединились студенты всех политических направлений. Однако их сотрудничество оказалось недолговечным. Католики настаивали на требовании открытия теологического факультета в будущем словенском университете, либералы же отказались поддержать это требование, как противоречившее их принципам. Вслед за этим члены католического общества «Даница» в письме к «Словении» от 31 января 1909 г. заявили, что будут продолжать борьбу за открытие теологического факультета и, учитывая несовпадение позиций обоих обществ, считают их «совместные действия на родине и в Вене невозможными»²⁶. Таким образом, словенские либеральные и католические студенты отказались от общих акций, ослабив тем самым эффективность своих действий.

В рейхсрате югославянские депутаты заявляли, что они не допустят учреждения итальянского университета, если одновременно не будет создан словенский университет в Любляне²⁷. С конца июня по октябрь 1909 г. крупнейшая группировка рейхсрата «Славянская уния» во главе с И. Шуштершичем, в которую входили словенские, хорватские, сербские, чешские и русинские депутаты, проводила obstruction, заблокировав обсуждение вопроса об открытии итальянского юридического факультета в Триесте²⁸.

Весной 1910 г., когда правительство, наконец, предложило на рассмотрение рейхсрата проект закона по этому вопросу, страсти вновь накалились. Министр просвещения К. Штюргк в своей речи подчеркнул, что вопрос об итальянском университете представляет явление исключительное, выбивающееся из ряда других подобных требований. При этом он сослался на высокий культурный уровень итальянского народа и на традицию университетов в Падуе и Павии. Подобное противопоставление вызвало шквал негодования среди чешских, украинских, хорватских и словенских депутатов, резко выступивших против избирательного решения общих проблем и потребовавших одновременного открытия университетов для всех австрийских народов, нуждающихся в них. Не удовлетворило предложение правительства и итальянцев, продолжавших настаивать на открытии своего университета в Триесте.

Югославянские депутаты вновь поставили условие: они соглашаются на итальянский университет, но не в Триесте, а где-

нибудь в Южном Тироле, взамен же получают право открыть югославянский университет в Любляне. Приморский словенский либерал О. Рибарж в своем выступлении упрекнул правительство в том, что оно награждает ирредентистов, забывая о южных славянах, являющихся опорой монархии. Главной причиной оппозиции словенцев итальянским требованиям, по мнению Рибаржа, являлось нежелание итальянцев создать нормальные условия для развития словенских школ. «Если господа желают есть жаркое, пусть сначала дадут нам каждодневный хлеб», – заявил он²⁹. Впрочем, среди югославянских депутатов полного единодушия не было. Парламентский «Союз южных славян», объединявший словенских, хорватских и сербских либералов и входивший в то время в состав «Славянской унии», по инициативе словенского либерала М. Пля решил принять правительственные инициативы относительно итальянского университета, не обозначив условием своего согласия одновременное создание словенского. Этот шаг словенские католики расценили как предательство словенских интересов³⁰.

В конце мая итальянские депутаты приняли предложение правительства об открытии итальянского юридического факультета в Вене. Югославянские депутаты вновь попытались прийти к компромиссу с итальянскими, согласившись на итальянский университет в Триесте при условии одновременного открытия словенских школ в Триесте и Истрии. Когда представители итальянцев не дали такого обещания, югославы начали парламентскую obstruction, сорвавшую дальнейшее проведение заседаний.

Заняв непримиримую националистическую позицию в вопросе об образовании итальянского университета, словенцы восставали против себя многих политиков. Австрийские социал-демократы обвинили их в «национальном шовинизме»³¹. В результате итальянские требования поддержали в рейхсрате социал-демократы и большинство немецких партий, а также чешские лидеры Т.Г. Масарик и К. Крамарж³². Летом 1910 г. Масарик и Крамарж вышли вместе со своими сторонниками из состава «Славянской унии»³³. Масарик охарактеризовал югославянские требования как «преимущественно незрелые и неопределенные», что вызвало шквал негодования в словенской католической прессе, обвинившей его в стремлении «разбить славянскую солидарность»³⁴.

20 ноября 1910 г. в Праге по призыву студенческого общества «Иллирия» состоялась манифестация югославянских студентов. В принятой резолюции выдвигалось требование «одновременно с решением вопроса об итальянском университете дать законодательные гарантии создания словенского университета в

Триесте»³⁵. Пражскую манифестацию обещали поддержать словенские студенты в Вене, Граце, Мариборе, Целье, Горице и Триесте³⁶. Однако внутривнутриполитическая обстановка в тот момент была довольно напряженной. Правительство Р. Бинерта отложило обсуждение в рейхсрате вопроса об итальянском университете, и словенские депутаты решили не обострять ситуацию. На встрече с делегацией словенских студентов в Вене И. Хрибар «подчеркнул, что в том критическом положении, в котором находится сейчас правительство, дело не может сдвинуться с мертвой точки»³⁷. После разговора с Хрибаром студенты постановили перенести проведение демонстраций в Вене и Любляне на неопределенный срок³⁸. Этот факт свидетельствует о том, что при принятии решений о проведении своих акций студенты руководствовались мнением влиятельных словенских политиков.

Борьба за университеты с большим или меньшим накалом велась вплоть до начала Первой мировой войны, но не привела к созданию ни итальянского, ни словенского университетов.

В последнем десятилетии перед началом Первой мировой войны обсуждение вопросов об открытии новых университетов (итальянского в Триесте, словенского в Любляне, чешского в Брно и др.) достигло такого накала, что стало одним из основных пунктов межнациональной борьбы австрийских народов («войны всех против всех»). Славянские народы Австро-Венгрии во многом поддерживали требования друг друга и выступали единым фронтом против немцев и итальянцев. В борьбе за создание своего университета участвовали практически все словенские национальные силы, все политические партии и течения. В первых рядах этого движения находились студенты. Словенским патриотам часто удавалось достичь компромиссных решений и координации своих действий, заключать соглашения, поскольку все они считали эту борьбу необходимой и безотлагательной, а существовавшие между ними разногласия по другим проблемам часто отступали на второй план. Однако как сплоченности, так и последовательности в выдвижении своих требований им все же не хватало, о чем свидетельствуют, в частности, колеблющиеся позиции ряда депутатов рейхсрата. Существенно, что взгляды словенских политиков по вопросу об итальянском университете все больше приобретали агрессивную националистическую окраску, а после аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г. их отношения с итальянцами и немцами перешли в фазу жесткой конфронтации.

До распада Австро-Венгерской империи вопрос о создании словенского университета так и не был решен. Университет в

Любляне, занявший центральное место в словенской культурной и научной жизни, был открыт лишь в 1919 г. И это произошло уже в другом государстве – Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Vencajz J.* Spomenica o petindvajsetletnici akademičnega društva Slovenija na Dunaji. Ljubljana, 1894. S. 50.

² Slovenski narod. Ljubljana, 25.09.1911. S. 1.

³ Slovenski narod. 18.03.1910. S. 2.

⁴ Подробнее см.: *Чуркина И.В.* Борьба за словенскую школу (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Патристический подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. М., 2015. С. 266–275.

⁵ *Tuma H.* Iz mojega življenja. Spomini, mosli, izpovedi. Ljubljana, 1997. S. 295–298; *Tuma H.* Vseučiliško vprašanje // Omladina. Ljubljana. 1904/05. № 9. S. 149.

⁶ Omladina. 1905/06. № 1. S. 18.

⁷ *Krek J.E.* Naše vseučilišče // Zora. Ljubljana, 1908/09. № 5. S. 93.

⁸ Rokopisna zbirka Narodne in Univerzitetne knjižnice v Ljubljani (далее – RZ NUK). Ms. 1411. Hribar, Ivan. VIII.2.1. Slovensko vseučilišče. L. 8, 9, 11.

⁹ Arhiv Republike Slovenije (далее – AS). 16. Deželno predsedstvo za Kranjsko 1781–1918. Konv. 71. Univerza v Ljubljani. Šk. 31.

¹⁰ *Aškerc A.* Za vseučilišče v Ljubljani // Ljubljanski zvon. Ljubljana, 1901. № 12. S. 838–840.

¹¹ *Zerjav G.* Dunajski nemiri // Omladina. 1904/05. № 1. S. 5.

¹² Shod združenega slovenskega dijaštva za slovensko vseučilišče // Zora. 1908/09. № 5. Listnica uredništva.

¹³ Slovenski narod. 09.11.1901. S. 1.

¹⁴ *Aškerc A.* Op. cit. S. 842.

¹⁵ Цит. по: *Melik V., Vodopivec P.* Slovenski izobraženci in avstrijske visoke šole 1848–1918 // Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1986. № 3. S. 271.

¹⁶ RZ NUK. Ms. 1411. Hribar, Ivan. VIII.2.1. Slovensko vseučilišče. L. 53, 56.

¹⁷ Ibid. L. 141.

¹⁸ *Pierazzi J.* Problem slovenske univerze v Trstu v avstrijski dobi // Zgodovinski časopis. 1975. №3–4. S. 257.

¹⁹ Omladina. 1904/05. № 1. S. 4–5.

²⁰ Omladina. 1905/06. № 1. S. 18.

²¹ *Tuma H.* Op. cit. S. 295–298.

²² *Melik V., Vodopivec P.* Op. cit. S. 271.

²³ *Pierazzi J.* Op. cit. S. 258.

²⁴ *Krek J.E.* Op. cit. S. 93.

²⁵ Uvod za vseučilišče v Dunaju // Zora. 1908/09. № 5. S. 110.

²⁶ Taki so! // Zora. Ljubljana, 1908/09. № 5. Listnica uredništva.

²⁷ *Pierazzi J.* Op. cit. S. 255–261.

²⁸ *Cvirn J.* Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovinci (1848–1918). Ljubljana, 2006. S. 291.

²⁹ Slovenski narod. 18.03.1910. S. 1–2.

³⁰ Slovenec. Ljubljana. 24.03.1910. S. 1.

³¹ Ibid. S. 1.

³² *Rahten A.* Slovenska ljudska stranka v dunajskem parlamentu. Slovenska parlamentarna politika v habsburški monarhiji 1897–1914. Celje, 2001. S. 102.

³³ *Cvirn J.* Op. cit. S. 291–293.

³⁴ Slovenec. 26.07.1910. S. 1.

³⁵ Министр внутренних дел – провинциальному президенту в Любляне. Вена, 25.01.1911. // AS. 16. Deželjno predsedstvo za Kranjsko 1781–1918. Konv. 71. Univerza v Ljubljani. Šk. 31.

³⁶ Slovenski narod. 26.10.1910. S. 1.

³⁷ Slovenski narod. 13.12.1910. S. 1.

³⁸ Slovenski narod. 15.12.1910. S. 1.

О.Н. МАЙОРОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНЫХ АСПЕКТАХ ПОЛЬСКОЙ МИРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1989 г.

Abstract:

Mayorova O.N. *On the international aspect of the Polish peaceful revolution of 1989*

The article focuses on the international aspects of the Polish peaceful revolution of 1989. The author reveals the important role of the United States in the Polish transition to the democracy, analyses the documents which present the active position of the American administration towards the situation in Poland and the cardinal change of the strategy directed at the strengthening of the US position in the region of Central and East Europe from that time on.

Ключевые слова: события в Польше в 1989 г., позиция Вашингтона, «Солидарность».

Международные аспекты польской мирной революции, непосредственным импульсом к которой послужили соглашения «круглого стола», а затем парламентские выборы 4 июня 1989 г., мало изучены. Объясняется это главным образом ограниченностью доступа к архивным документам в странах, сыгравших важную роль в польском «переходе к демократии». Поэтому столь большое значение имеют, в частности, две публикации документов, представляющие позицию американской администрации в обозначенный период, – корреспонденция Посольства США в Варшаве с Госдепом США за 1989 г.¹ и корреспонденция Посольства ПНР в Вашингтоне с МИД ПНР². В обоих случаях документы были рассекречены раньше обычного.

При анализе международных аспектов следует учитывать, что основная динамика и направление событий были, разумеется, внутренними. Материалы подтверждают констатацию посла США в Варшаве в 1983–1989 гг. Дж. Дэвиса, что «политическое землетрясение 1989 г. было результатом польских событий»³. Но не следует рассматривать как исключительно пассивный фактор и внешне-политический контекст этих событий. Это касается прежде всего политики США, ее эволюции и целей.

На основе отношения Вашингтона к событиям в Польше можно проследить начало трудного формирования пространства деятельности для американской политики в Центральной и Восточной Европе.

Президент США Дж. Буш распорядился произвести «стратегический пересмотр» внешней политики США 15 февраля 1989 г.,

то есть меньше, чем через месяц после прихода к власти республиканской команды во главе с ним. Начавшиеся в Польше переговоры «круглого стола», на наш взгляд, повлияли на этот процесс.

США проявляли осторожность, опасаясь, что «круглый стол» – это скорее тактическое решение польских властей, чем инициатива, которая может принести стратегические перемены. Польский посол в США Ян Кинаст, делая для МИД обзор американской прессы в день открытия заседаний «круглого стола», писал, в частности: «Единократно признают, что “учитывая внутренние деления в партии, оппозиции и костельной иерархии, начало переговоров рискованно для всех сторон”... Чувствуется стремление взаимно уравновесить элементы “скептицизма” и “оптимизма”...»⁴.

Так же серьезно относился к переговорам «круглого стола» и Зб. Бжезинский – известный американский политик и политолог, в 1977–1981 гг. – советник президента Дж. Картера по делам национальной безопасности. У него создалось впечатление, что на этот раз, в отличие от 1981 г., когда польские власти могли бы более серьезно рассматривать возможность компромисса с оппозицией, что «позволило бы избежать военного положения и “потери” 8-ми лет,... власти серьезно стремятся к политическому компромиссу, хотя на фоне трудной экономической ситуации может дойти до радикализма с обеих сторон»⁵.

Эта серьезность явно проявлялась у посла США в Польше Дж. Дэвиса, когда 13 февраля, т.е. через неделю после начала переговоров «круглого стола», он направил госсекретарю Дж. Бейкеру предложение, которое должно было побудить к переговорам обе стороны, особенно польское правительство: «Предлагаю, чтобы Соединенные Штаты выступили со скромными предложениями, которые были бы символическим политическим жестом и одновременно увеличили бы возможности деятельности посольства в этой все более динамичной и неопределенной ситуации»⁶. Замысел Дэвиса тогда еще не вызвал большого энтузиазма в Госдепе. При очередных встречах польских дипломатов с американскими собеседниками была представлена сдержанная и выжидательная позиция: «Запад и США приняли сейчас в отношении Польши выжидательную позицию»⁷.

Через месяц после начала «круглого стола» посол Дэвис представил новый пакет предложений, суть которых, как отмечает польский исследователь К. Михалек, проанализировавший американскую корреспонденцию, сводилась к тому, что США должны поддержать соглашения «круглого стола». В письме госсекретарю Бейкеру 7 марта говорилось: «Растет вероятность, что в Польше в

течение нескольких следующих недель будет достигнуто историческое соглашение между правительством и “Солидарностью” при благословении и явной поддержке Костела... Это может быть перелом, на который мы работали 40 лет или дольше... Без возврата к очевидному экономическому росту и большей заангажированности Запада в польские дела никакое соглашение не будет в состоянии получить поддержку значительной части польского общества, которое скептически настроено после повторявшихся в прошлом неудач». Затем Дэвис представил конкретный план снижения польской задолженности Парижскому клубу. Он доказывал также необходимость крупных инвестиций в Польшу, финансируемых Всемирным банком. В заключение своих предложений Дэвис решительно подчеркивал: «Хотя соглашение «круглого стола» не приведет через мгновение к демократии, полной суверенности и экономическому процветанию, но выведет Польшу на путь смелого политического эксперимента, полного как больших надежд, так и опасностей. Этот успех будет иметь последствия в коммунистическом мире...»⁸.

11 марта 1989 г. Посольство США в Варшаве получило частичный ответ на свои предложения. Госсекретарь Бейкер информировал о завершении в общих чертах выработки новой восточноевропейской политики. Он излагал возражения со стороны Департамента обороны: там считали, что повторится история времен правления Э. Герек*, и американская помощь будет потрачена впустую. В заключение госсекретарь отмечал: «Хорошо складывается, что выработка нами политики и заседания “круглого стола” одновременно приближаются к концу. Объявление этого в Сенате приведет, в частности, к тому, что анализ действительно станет очень существенным»⁹. Следовательно, налицо частичный успех Дэвиса: удалось довести до признания Госдепом того, что происходят изменения кардинального значения для судеб Польши и этой части Европы. Удалось также переломить сопротивление в структу-

* Эдвард Герек – первый секретарь ЦК ПОРП в 1970–1980 гг. Партийно-правительственное руководство Польши во главе с Герекем начало осуществлять политику динамичного развития экономики страны, главным инструментом которой были многомиллиардные кредиты, взятые на Западе. В начале 1970-х годов удалось временно повысить уровень жизни, но уже в 1976 г. наблюдались волнения трудящихся в связи с ростом цен. Необходимость расплачиваться по кредитам привела в конце 1970-х годов к ухудшению положения в стране. В 1980 г. после серии массовых общенациональных забастовок, проведенных в знак протеста против повышения цен на продовольствие, отправлен в отставку.

рах правительства, вытекающее из разочарования ходом реформаторских процессов в Польше в прошлом.

Дэвис был почти уверен в успехе «круглого стола». 21 марта он предсказывал Бейкеру, что «обе стороны зашли слишком далеко, чтобы вернуться, и сейчас я почти уверен, что в начале апреля уставшие переговорщики подпишут свое историческое соглашение и встанут из-за стола, с беспокойством смотря на Запад и ожидая нашего ответа»¹⁰.

И действительно, 5 апреля Соглашения «круглого стола» были подписаны. Белый дом приветствовал это событие, считая его «историческим шагом в направлении плюрализма и свободы»¹¹. Американские СМИ всесторонне анализировали подписанные соглашения, раскрывали их значение. В контексте отношений Восток – Запад преобладали оценки, что это «явное доказательство «окончания холодной войны»». Отмечали важность такого фактора, как прямая и косвенная поддержка со стороны советского лидера М.С. Горбачева, политика которого давала «прикрытие и импульс» реформаторам в стране. СМИ справедливо указывали на существование оппозиции по отношению к соглашениям как в «Солидарности», так и в партии. Подчеркивали, что «путем заключения договора с Валенсой “С[олидарность]” становится в большей степени ответственной за экономическую ситуацию в стране». Внушалась потребность «”значительных решений” в сфере помощи Запада для “поддержания прогресса в Польше”, например, по пути “уменьшения задолженности и других форм помощи”»¹².

Масштабы перемен в политической системе вызывали удивление, в частности, у членов Конгресса США. Польский посол передавал в Варшаву их мнение: «Радикализм преобразований представляет шок, [...] ключевым вопросом сейчас является улучшение экономической ситуации»¹³.

Таким образом, поощрение соглашений «круглого стола» в конечном счете служило интересам Соединенных Штатов. Американские СМИ видели в них «возможность увеличения сферы “помощи США для демократических сил на Востоке” без возбуждения опасений со стороны СССР»¹⁴. Спустя десять лет советник по вопросам безопасности в администрации президента Дж. Буша-старшего Б. Скоукрофт с удовлетворением писал: «Теперь представлялось очевидным, что Польша идет в направлении политической автономии, выхода за пределы коммунистического контроля, и этот процесс будет требовать поддержки и одобрения со стороны Соединенных Штатов. Теперь мы имели просто идеальный ар-

гумент, обосновывающий проведение нашей новой политики в отношении Восточной Европы»¹⁵ (подчеркнуто мною – О.М.).

Для Польши остро стоял вопрос экономической и финансовой помощи Запада и главным образом со стороны США. Поэтому важная часть рассматриваемой корреспонденции – представление и анализ американской позиции в отношении ожиданий польских властей по экономическим вопросам, как непосредственно американской помощи на двусторонней основе, так и получения решающей американской поддержки польских требований, выдвигаемых перед международными финансовыми институтами. Еще в феврале, когда продолжались заседания «круглого стола», польский посол в США Ян Кинаст предлагал в ходе переговоров с американской делегацией представить пакет конкретных экономических вопросов, имеющих особую важность для польской стороны¹⁶.

После окончания «круглого стола», в апреле, в Конгрессе проводились интенсивные консультации по проекту закона «Помощь для Польши», представлявшего реакцию США на эти соглашения¹⁷. Данная тема активно обсуждалась и в американской прессе. В комментариях подчеркивалось, что «события и перемены в Польше являются следствием политики Запада, которая связывала возможное выделение экономической помощи с либерализацией общественно-политической системы. Соглашение “к[руглого] с[тола]”, по этим оценкам, является призывом к экономической помощи Запада...»¹⁸.

Как следовало из выступления президента Буша 17 апреля, о чем подробнее речь пойдет ниже, «польский пакет» включал 8 пунктов, в том числе: охват Польши общей системой преференций, участие частного сектора по разным направлениям, переговоры по соглашению о частном предпринимательстве, поддержка расширенных программ обучения и обмена, адресованных формирующемуся независимому сектору, поощрение американского бизнеса на инновационные программы в польских предприятиях и т.д. При этом, как подчеркивал министр иностранных дел ПНР Т. Олеховский, основное достоинство «пакета» польской стороне представлялось в том, что «он был согласован... с другими западными государствами-кредиторами Польши. Это означает согласие на окончательное оформление наших отношений с МВФ и ВБ, а также отсрочку наших платежей Парижскому клубу...»¹⁹.

Точку зрения польской стороны на решение проблемы задолженности представил член Политбюро ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) Ю. Чирек в ходе визита в США в

мае. Польская сторона высказывала пожелание, чтобы США убедили «союзников уже в ходе экономического саммита 7-ки в Париже* в необходимости отказа Запада от дискриминационных мер в отношении Польши»²⁰.

Интенсивные усилия правительства ПНР, направленные на получение одобрения американской стороной польских экономических требований, были связаны также с ожиданием, что позиция США будет иметь ключевое значение в процессе формирования политики Запада в целом в отношении процесса перемен в Польше.

Усилия польской стороны по поиску финансовой поддержки проводимым в Польше реформам увенчались успехом. В июне 1989 г. Конгресс США выделил 1 млрд долл. на «безусловную поддержку институтов и демократических инициатив» в Польше, 2 млн долл. на закупку медицинского оборудования и лекарств, а 13 декабря 1989 г. главами дипломатии 24-х наиболее промышленно развитых стран была утверждена программа PHARE (Польша и Венгрия: помощь для реструктуризации их экономики)²¹. В конце 1989 г. МВФ при поддержке правительств крупнейших стран Запада учредил специальный фонд в 1 млрд долл. с целью стабилизации курса злотого. Примерно такие же суммы согласились предоставить в качестве кредитов США и ЕЭС. А в феврале 1990 г. Парижский клуб выразил согласие на отсрочку уплаты польского внешнего долга.

После «круглого стола» возникла настоятельная необходимость в выработке совместной позиции Запада в отношении Польши и Восточной Европы в целом. Т. Симонс, заместитель помощника госсекретаря США по европейским вопросам, представляя американскую позицию на Совете НАТО 13 апреля, выразил надежду «иметь наиболее активные и наиболее удачные отношения с двумя странами (Восточной Европы – *О.М.*), осознающими важность политической реформы и соблюдения прав человека, – Польшей и Венгрией...»²².

Новая политика в отношении Восточной Европы была оглашена президентом Бушем 17 апреля в речи в городке Хамтрамк в штате Мичиган, где проживало много семей, имеющих родных в Восточной Европе, особенно в Польше. Как передавал в Варшаву польский посол Ян Кинаст, Буш подчеркнул, что – «подписание соглашений (“круглого стола” – *О.М.*) представляет перелом в послевоенной истории В[осточной] Е[вропы], а также отражает

* Саммит G-7 проходил в Париже 14–16 июля 1989 г.

“реализм генерала Ярузельского”, “духовное руководство костела”, “силу и мудрость Валенсы”»²³. Давая оценку выступлению Буша, Ян Кинаст подчеркнул, что «это первое практическое проявление реакции Запада на события в Польше»²⁴.

Таким образом, речь Буша фактически замыкала период выработки американской позиции в отношении переговоров «круглого стола» и их результатов. Главное в стратегическом пересмотре – подход со стороны администрации будет определяться реализацией политических и экономических реформ, а также сближением этих стран с США.

Опыт прошлого подсказывал США, что необходимо проявлять значительную сдержанность по отношению к обеим сторонам переговорного стола в Польше, для которых американские дипломаты в Варшаве были одновременно важными и желательными собеседниками. Об этом можно судить, как отмечает К. Михалек, по многочисленным реляциям посла Джона Р. Дэвиса о беседах с ведущими представителями как руководства «Солидарности», так и правительственной стороны, передаваемых в Госдепартамент США. Разумеется, и американское посольство, и Госдеп поддерживали так называемую общественную сторону в этих переговорах. Не случайно посол Дэвис постоянно получал текущую информацию о ходе и тактических шагах во время переговоров от руководителей именно этой стороны²⁵.

Среди ближайшей группы сотрудников президента проявились острые разногласия в отношении стратегии подхода к Польше. Часть из них проявляла определенную сдержанность в отношении переговоров и соглашений «круглого стола», негативно оценивая опыт польско-американского сотрудничества в 1970-е годы, когда команде Э. Герека оказали экономическую помощь, но существенных экономических реформ проведено тогда не было, страна обременила себя огромными долгами. Такую же позицию занимал и Департамент финансов США. А советник по делам национальной безопасности Б. Скоукрофт и госсекретарь Дж. Бейкер полагали, что «на этот раз ситуация иная, и речь идет не только об удалении Польши от Советского Союза, но и о больших и решительных шагах в направлении открытого общества, и неразрывной частью этого процесса являются экономические реформы»²⁶.

Темп выработки новой стратегии был стремительным. Потребовалось неполных три месяца (от инаугурации Буша 20 января до выступления в Хамтрамке 17 апреля) для формулирования внешнеполитической стратегии новой администрации. Катализатором, несомненно, послужили финальные постановления «круг-

лого стола» в Польше, когда, по словам Бжезиньского, «снижается заинтересованность ею как фактором дестабилизации в лагере соцстран и может возрасти заинтересованность как страной, лидирующей в политических реформах»²⁷, стабилизирующей порядок в регионе.

Указанные цели, среди прочих, преследовались и во время визита Буша в Польшу в июле 1989 г. Несомненно, это было событием особого значения в польско-американских отношениях, что нашло отражение в рассматриваемой корреспонденции. Визит, состоявшийся спустя всего несколько месяцев после вступления Буша на пост президента, был демонстративным проявлением поддержки США системных изменений, происходивших в Польше в течение более полугода. Заключение соглашений «круглого стола», а затем проведение парламентских выборов 4 июня 1989 г. были событиями, резко ускорившими сроки визита. Он состоялся 9–11 июля. При этом Вашингтон считал, что это период «несравненного шанса» для интересов США в Польше, что это «концептуально новая цель США», которая должна привести к преодолению раздела Европы²⁸.

Цели американской стороны были в основном выполнены. Визит, в частности, продемонстрировал поддержку оппозиции и показал, что она является равноправным партнером для контактов и переговоров²⁹.

Польской стороне этот визит представлялся как «существенный элемент в американской стратегии, направленной на укрепление позиций США (в Центральной и Восточной Европе – *О.М.*), а также активно влияющей на направление перемен в соцстранах Европы»³⁰. Президентом было дано обещание выступить в Конгрессе США о выделении безвозмездной помощи в размере 100 млн долл. на развитие частного сектора польской экономики.

Сокрушительное поражение ПОРП на выборах в Сейм 4 июня, переход союзнических партий на сторону оппозиции и неудачная попытка формирования правительства генералом Ч. Кищаксом поставили в повестку дня политической жизни страны вопрос о пересмотре соглашений «круглого стола» и образовании некоммунистического правительства. В заявлении польских властей в связи с обострением политической ситуации в начале августа отмечалось, в частности: «Выдвижение Л. Валенсой предложения о создании правительства «Солидарностью» в коалиции с Объединенной крестьянской партией и Демократической партией... означало бы фактическое принятие оппозицией полной государственной власти...»³¹. Однако поддержки со стороны США получено не бы-

ло. Вашингтон не воспринял происходившие события как нарушение соглашений «круглого стола», которые были задуманы «не как что-то статичное, а как динамичный процесс...»³².

Такая позиция США исходила из убеждения, что в Польше создалась чрезвычайно сложная и очень деликатная ситуация. Возможность формирования первого некоммунистического правительства в стране, причисляемой к сфере непосредственного советского влияния, в Вашингтоне, разумеется, расценили как «большое историческое событие, имеющее очень важное значение для США»³³. Позиция американской администрации в отношении быстрого процесса перемен, происходящего в условиях обостряющейся политической борьбы и экономического кризиса в Польше, оставалась очень уравновешенной и осторожной. Это было одной из характерных черт позиции США в целом в рассматриваемый период, одной из главных политических ценностей. Она была подтверждена и в заявлении Дж. Буша 24 августа в связи с назначением Т. Мазовецкого премьером первого некоммунистического правительства³⁴.

Другая ценность – сохранение стабильности в Европе. В своем выступлении в Хамтрамке Буш, в частности, подчеркнул, что «они (Вашингтон – *О.М.*) будут помнить, что Польша по-прежнему является членом В[аршавского] Д[оговора], и что они не сделают шагов, причиняющих вред безопасности Запада»³⁵. Значит, общая, но достаточно явно выраженная поддержка эволюционного направления перемен, и одновременно блестящий пример политической мобилизации президентом Бушем поддержки со стороны европейских союзников (в НАТО, G-7 и других международных институтах). Словом, пример несомненного лидерства, осуществляемого в многостороннем стиле.

Впоследствии, вспоминая начало мирной революции в Центральной и Восточной Европе в 1989 г., президент Буш отметил: «Я не хотел поощрять стремительное развитие событий, которые вышли бы из-под контроля»³⁶. Действительно, опасение перед неконтролируемым развитием событий глубоко проникло в сознание американских руководителей и политических стратегов. Показательной для этих последних представляется оценка Зб. Бжезиньского, высказанная Ст. Квятковскому (советнику В. Ярузельского, а в 1989 г. – директору ЦИОМ) еще до окончания заседаний «круглого стола»: «Дружеские отношения между Польшей и СССР необходимы. Это в польских государственных интересах, а также желательно с точки зрения политики США»³⁷. Однако, несмотря на эти главные установки на сохранение стабильности в

Европе, президент Буш в интервью в польской прессе накануне своего визита высказал мнение о необходимости вывода советских войск из Польши³⁸.

Из корреспонденции Посольства США с Госдепом и Посольства ПНР с МИД следует, что в августе 1989 г. закончился начатый переговорами «круглого стола» политический эксперимент и начинался эксперимент экономический, связанный с трансформацией экономической системы в Польше.

Посольство ПНР представляло аргументы только коммунистических властей, т.е. одной из сторон внутреннего конфликта, причем той, которая по определению не пользовалась политической симпатией американских хозяев. Несмотря на это, из представленной корреспонденции Посольства ПНР в Вашингтоне складывается вполне четкий подход американской администрации, парламентских кругов, в какой-то степени американского общественного мнения о событиях, развивавшихся в Польше в 1989 г. США поддержали соглашения «круглого стола», видя в нем исторический шанс на мирную системную трансформацию в стране, нестабильной в этой части Европы, что одновременно служило и интересам США. Вместе с тем эта поддержка не была безусловной, она зависела от постоянных и последовательных устремлений Польши в направлении демократии. В сфере экономики американская поддержка также была обусловлена проведением экономических реформ, реструктуризацией экономики.

Спустя более 25 лет вызывает удивление способность американской администрации распознавать «знамения времени». Важным было также активное, но не «интервентное» включение в течение польской мирной революции. Это было «золотое» время американской дипломатии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ku zwycięstwu “Solidarności”. Korespondencja Ambasady USA w Warszawie z Departamentem Stanu, styczeń-wrzesień 1989. Warszawa, 2006.

² Ku wielkiej zmianie. Korespondencja między Ambasadą PRL w Waszyngtonie a Ministerstwem Spraw Zagranicznych, styczeń – październik 1989. Dokumenty do dziejów PRL. Zeszyt 20. Warszawa, 2008.

³ Ku zwycięstwu... P.8.

⁴ Ibid. Dok. 14. P. 56–57.

⁵ Ibid. Dok. 25.

⁶ Цит. по: *Michałek Ksz.* Ku zmianie amerykańskiej strategii wobec Europy Wschodniej: administracja George’a Busha seniora wobec Okrągłego Stołu // Polski rok 1989. Sukcesy, zaniechania, porażki. Warszawa, 2009. S. 477.

- ⁷ Ku wielkiej zmianie... Dok. 25.
⁸ *Michalek Ksz.* Op. cit. S. 477.
⁹ Ku zwycięstwu... S.121.
¹⁰ Ibid. S. 130.
¹¹ Ku wielkiej zmianie... Dok. 33.
¹² Ibid. Dok. 37.
¹³ Ibid. Dok. 41.
¹⁴ Ibid. Dok. 37.
¹⁵ Цит. по: *Michalek Ksz.* Op. cit. S. 481.
¹⁶ Ku wielkiej zmianie... Dok. 21.
¹⁷ Ibid. Dok. 36.
¹⁸ Ibid. Dok. 39.
¹⁹ Ibid. Dok. 46.
²⁰ Ibid. Dok. 48.
²¹ Ibid. Dok. 81, 83.
²² Ku zwyciestwu... S. 169.
²³ Ku wielkiej zmianie... Dok. 44.
²⁴ Ibidem.
²⁵ *Michalek Ksz.* Op.cit. S. 484.
²⁶ Цит. по: *Michalek Ksz.* Op. cit. S. 485.
²⁷ Ku wielkiej zmianie... Dok. 25.
²⁸ Ibid. Dok. 70.
²⁹ Ibid. Dok. 73, 72.
³⁰ Ibid. Dok. 50, 72.
³¹ Ibid. Dok. 75.
³² Ibid. Dok. 76.
³³ Ibid. Dok. 78.
³⁴ Ibid. Dok. 79.
³⁵ Ibid. Dok. 44.
³⁶ Цит. по: *Szlajfer H.* Wstęp // Ku wielkiej zmianie... S. 11.
³⁷ Ibid. Dok. 25.
³⁸ Ibid. Dok. 67.

IV. ИСТОРИЯ ЮГОСЛАВИИ И ПОСТЮГОСЛАВСКОГО ПРОСТРАНСТВА

А.Б. ЕДЕМСКИЙ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**«...РАЗГОВОРЫ С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ХРУЩЕВЫМ БЫЛИ ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНЫМИ И ОТКРОВЕННЫМИ» ***
**(БЕСЕДА Н.С. ХРУЩЕВА И Й. БРОЗ ТИТО 28 СЕНТЯБРЯ 1960 Г.
«НА ПОЛЯХ» ЗАСЕДАНИЙ ГЕНАССАМБЛЕИ ООН В НЬЮ-ЙОРКЕ)**

Abstract:

Edemsky A.B. “... *the talks with the head of the Soviet government Khrushchev were very useful and honest*” (the talk between N.S. Khrushchev and J. Broz Tito of September, 28, 1960 during the United Nations General Assembly session in New York)

The article introduces the text of the talk between the leaders of the USSR and Yugoslavia which took place on September, 28, 1960 in New York. On the basis of the Soviet and Yugoslav archive documents the author considers the events as an important period of the following rapid development of the relations between Moscow and Belgrade in the latter half of the 1960s.

Ключевые слова: советско-югославские отношения, нормализация, урегулирование конфликтов, Й. Броз Тито, Н.С. Хрущев.

Консультации советского лидера Н.С. Хрущева и югославского президента Й. Броз Тито, состоявшиеся 28 сентября 1960 г. в помещении советской миссии при ООН в Нью-Йорке, занимают особое место в истории советско-югославских отношений в 1960-е годы. После довольно длительного перерыва со времени переговоров на высшем уровне в Румынии в начале августа 1957 г., эта встреча стала одним из отправных пунктов новой фазы активизации отношений между Белградом и Москвой. До недавнего времени она оставалась на периферии внимания отечественных авторов,

* *Tito Josip Broz. Govori i članci. Knjiga XVI. Zagreb, 1962. S. 36.*

затрагивавших данный период в своих работах, а составители издания документов о советско-югославских встречах на высшем уровне второй половины XX столетия, вышедшего в 2014 г., не включили текст записи почти полуторачасовой беседы в состав этого фундаментального сборника¹.

Переговоры двух делегаций 28 сентября были проведены, по современной дипломатической терминологии, «на полях» проходившей в Нью-Йорке XV сессии Генеральной ассамблеи (ГА) ООН, в заседаниях которой, наряду со многими главами государств-членов этой организации или председателей их правительств, принимали личное участие лидеры Советского Союза и Югославии. Несмотря на закрытый формат встречи, она широко освещалась в зарубежной печати: несколько раз была анонсирована², а после проведения отражена в публикациях влиятельных СМИ. Так, на первой полосе газеты «Нью-Йорк Таймс» от 29 сентября, в репортаже, сопровождавшемся фотографией советского руководителя, в благожелательном для Хрущева тоне было сообщено, что «лидеры говорили почти два часа»³. Комментарии на тему встречи, включая замечания об открытой демонстрации Хрущевым дружеского отношения к Югославии, публиковались и позже⁴.

Сами участники встречи и в день ее проведения, и в ближайшие дни ограничились распространением текста согласованного ими сообщения о ней и небольшими комментариями, которые не выходили за его рамки. Краткая информация о беседе была помещена в советской печати 29 сентября, как часть сообщения Пресс-группы при Председателе Совета министров СССР, в котором, среди нескольких встреч Хрущева в Нью-Йорке, было сообщено и о беседе «между Председателем Совета министров СССР Н.С. Хрущевым и президентом ФНРЮ Й.Б. Тито». В частности указывалось, что «в дружественной атмосфере», «в откровенной беседе обсуждались международные вопросы, о ликвидации колониализма, о положении в Конго¹, вопросы работы XV сессии ГА

* После обретения независимости 30 июня 1960 г. в Конго обострились противоречия между левонационалистическим премьер-министром П. Лумумбой (1925–1961) и консервативными силами во главе с президентом Ж. Касавубу. Положение осложнилось из-за сепаратизма богатых регионов, поддерживаемых бельгийскими компаниями. Лумумба считал необходимым вести решительную борьбу с сепаратистами и их бельгийскими покровителями, обратившись за помощью к СССР. 14 июля Совет безопасности ООН принял резолюцию, призвавшую Бельгию вывести войска из Конго и заменить их силами ООН. В начале сентября 1960 г. Касавубу заявил об отстранении Лумумбы с поста премьер-министра.

ООН, о советско-югославских отношениях и другие». В сообщении были перечислены и остальные участники встречи: с советской стороны – министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, заместитель постоянного представителя СССР при ООН П.Л. Морозов, советники делегации П.А. Сатюков, М.А. Харламов; с югославской стороны – государственный секретарь по иностранным делам ФНРЮ К. Попович, генеральный секретарь президента Югославии Л. Матес и постоянный представитель ФНРЮ при ООН Д. Видич⁵. Сообщение аналогичного содержания было помещено и в югославской печати. Отличие было лишь в том, что публикацию сопровождала фотография Тито и К. Поповича, сидевших за столом напротив Хрущева, а сообщение было опубликовано на день позже, 30 сентября⁶.

В ответах на вопросы югославских журналистов (западные предпочитали спрашивать Хрущева) Тито не вышел за рамки совместного пресс-релиза. «Вы видели текст, видели, что мы разговаривали час 45 минут по вопросам, которые приведены в совместном сообщении», – указал югославский лидер. Он назвал беседу «очень полезной и откровенной»⁷. Через неделю, 4 октября, отвечая на вопросы югославских журналистов на лайнере «Леонардо да Винчи», увозившем югославскую делегацию на родину, на прямой вопрос, в чем проявилось единство взглядов с Хрущевым во время встречи, Тито ответил кратко и высокопарно: «...по ряду проблем, которые интересуют весь мир. Констатируется, что существуют очень близкие взгляды на вопросы разоружения, на колониальную проблему и мирное сосуществование»⁸.

Столь большой интерес, проявленный СМИ, объясним. Лидеры двух стран не встречались друг с другом с августа 1957 г. Еще до переговоров в Румынии (2–3 августа) отношения между ними были серьезно испорчены после резко негативной реакции официальной Москвы на ряд высказываний И. Броз Тито в Пуле 11 ноября 1956 г. и отказа СССР от наращивания финансово-экономического сотрудничества с ФНРЮ. Решение Тито не ехать в Москву для участия в торжествах в ноябре 1957 г. по случаю 40-летия революции в России и в совещании коммунистических и рабочих партий, усиленное последующим отказом югославской делегации подписать Декларацию совещания в Москве 16 ноября 1957 г., а также самостоятельная разработка югославским руководством и принятие новой программы Союза коммунистов Югославии (СКЮ) в 1958 г. вызвали пропагандистскую критику в печати и заявления советского руководства, а также давление на ФНРЮ в сфере финансово-экономических отношений. С учетом

бесславных итогов тотальной конфронтации 1948–1953 гг., Кремль избрал иную стратегию и тактику поведения. Связи между правящими партиями двух стран были заморожены, но контакты «по государственной линии» сохранялись. В выступлении на XXI съезде КПСС в конце января 1959 г. советский лидер Хрущев фактически заявил о проведении «дифференцированной политики» в отношении ФНРЮ. «Мы питаем самые дружеские чувства к братским народам Югославии, к югославским коммунистам – героям подпольной и партизанской борьбы, – говорил он. По ряду вопросов внешней политики у нас общий язык. Мы будем и впредь развивать с Югославией торговлю на взаимовыгодной основе. Мы будем стремиться сотрудничать с Югославией по всем вопросам борьбы против империализма, за мир, по которым наши позиции будут совпадать». О политике КПСС в отношении СКЮ было заявлено определенно: «Все будет зависеть от Союза коммунистов Югославии. Его руководители сами изолировали себя от международного коммунистического движения. Поэтому дело за Союзом коммунистов Югославии сделать поворот в сторону сближения с коммунистическими партиями на основе марксизма-ленинизма, что отвечало бы и интересам самого югославского народа»⁹.

Тенденции к оживлению советско-югославских отношений наметились в начале 1960 г. после продолжительной встречи С. Вукмановича-Темпо и Н.С. Хрущева в Москве 16 января, в ходе которой был рассмотрен широкий круг вопросов двусторонних отношений недавнего прошлого¹⁰.

Участие обоих лидеров в сессии ГА ООН создало возможности для их постоянных контактов. В научно-публицистической литературе имеется версия, согласно которой югославская делегация в зале заседаний располагалась на ряд выше советской делегации, что позволило Хрущеву «то и дело оборачиваться к Тито и делиться с ним своими впечатлениями от происходящего»¹¹. В американской печати было отмечено, что Хрущев приветствовал официальную речь Тито, произнесенную на заседании Генассамблеи¹². До переговоров 28 сентября 1960 г. западные СМИ сообщали о имевших место еще трех контактах двух лидеров¹³. Югославская печать сообщала о двух. Последний из них имел место перед началом второй части заседания Генассамблеи 27 сентября¹⁴.

Переговоры 28 сентября¹⁵ (они могут быть названы и консультациями) состоялись в помещении миссии СССР при ООН. Беседа началась с констатации Тито ее значения, с чем согласился Хрущев. В первой части встречи имели место обмен мнениями по

поводу заседаний Генассамблеи и констатация того, что добиться каких-то целей в ООН можно лишь наладив процесс взаимодействия.

Весьма важным был обмен мнениями собеседников о значении деятельности нейтральных государств в международных делах и готовности Советского Союза оказывать помощь через ООН развитию стран, освободившихся от колониальной зависимости, но при условии успешной реализации советских инициатив в сфере разоружения. В разговоре также была выявлена высокая степень согласия двух стран в отношении ситуации в Конго и необходимости помощи П. Лумумбе, перспектив участия в мировых делах Кубы. Стороны подтвердили единство взглядов относительно приема коммунистического Китая в ООН, что, по их мнению, должно было бы изменить в положительном плане ситуацию в ООН в целом в пользу роста влияния социалистических стран.

Важной темой встречи стало подтверждение югославской стороной поддержки действий Москвы в вопросе разоружения и в отношении критики СССР колониализма («Товарищ Тито говорит о нашей поддержке разоружению и т.д.»). При обсуждении этого вопроса Тито вновь высказался за развитие советско-югославских связей, заметив, что «небольшие различия не должны быть препятствием к сотрудничеству по крупным проблемам». И тут же при упоминании опасности разведывательных полетов авиации США над территорией СССР было констатировано, что они – «общая проблема, а не тема беспокойства исключительно СССР». Один из югославских участников встречи указал на «необходимость осудить сам принцип полетов такого рода», с чем согласился Тито.

В последующем разговоре стало ясно, что в завершающейся в США предвыборной президентской кампании советская сторона благоволит демократам. Хрущев достаточно внятно ответил на вопрос Тито относительно возможности в ближайшее время своей встречи с президентом США Д. Эйзенхауэром. Советский лидер заметил, что не видит в ней смысла, так как «это пошло бы на пользу только республиканскому кандидату в президенты США Р. Никсону. Согласившись со словами Тито, что сохранение благоприятной атмосферы может оказать влияние на Д. Кеннеди, кандидата в президенты США от Демократической партии, «не «менять и продолжить политику» своего предшественника в Белом доме, Хрущев высказался относительно своего видения перспектив развития мировой ситуации в целом. Он предсказал, что холодная война будет продолжаться с различной степенью интен-

сивности. «Возможно, – заметил советский руководитель, – что до настоящего разоружения дело не дойдет вовсе, но и в этих условиях можно рассчитывать на то, что настоящей войны не будет. СССР, как и США, к этому не стремится». Хрущев набросал весьма мрачный сценарий ядерной войны: разрушение Нью-Йорка, уничтожение Западной Европы в течение десяти минут. По словам советского лидера, «США не были бы уничтожены, но им был бы нанесен сокрушительный удар». В ответ на это югославский лидер заявил, что «мир должен быть сохранен любой ценой»¹⁶.

Вторая часть беседы, которая уже с самого начала вышла за рамки обмена мнениями и согласования действий на проходящем форуме, была посвящена обсуждению двусторонних отношений. Тито по меньшей мере дважды впрямую говорил о необходимости их улучшения, давая понять, что их осложнение во многом навязано Москве враждебной позицией Пекина к югославскому руководству. Югославский лидер назвал отношения «ненормальными, хотя для этого нет серьезных причин и препятствий. По главным вопросам, – заметил он, – мы сходимся, и вероятно в перспективе окажется, что нас меньше вещей разделяет». Тито заметил, что имеющиеся расхождения естественны и из них не следует создавать камень преткновения, как «это все же делается на Востоке». Он подчеркнул, что югославы не хотят быть догматиками от марксизма, но подвергают ревизии лишь то, что «мешает правильному применению теории в соответствии с обстоятельствами». Поэтому, по его мнению, югославов неверно называть ревизионистами.

Хрущев согласился с тем, что хотя в целом «отношения не являются нормальными», но заметил, что «по государственной линии дело идет хорошо». Он напомнил, что «еще не забыл речь товарища Тито в Пуле, которая стала началом нового конфликта. Потом последовала Программа СКЮ, с которой они (советские руководители – А.Е.) не соглашаются, в свое время написав нам (югославам – А.Е.) об этом в письме». Автор записи зафиксировал и фразу Хрущева о том, что внутреннее развитие Югославии «не является препятствием для отношений и <...> не нужно преувеличивать существующие различия».

Советский лидер также сообщил о начале подготовки съезда КПСС и ее новой программы, в которой придется «говорить и о югославском ревизионизме». В ответ на это Тито попросил избежать данного, по его словам, неоправданного шага¹⁷. «В Москве «хорошо известно, – заметил он, – что в тяжелой ситуации Югославия была бы с ними». Тито также заметил, что югославы не против критики и дискуссии, но против «извращенных и лживых

сообщений», которые «ненормальны, наносят вред». Тито без нажима заметил, что советские товарищи «помнят вопросы, по которым не соглашаются, забывая при этом, где и сколько мы их поддерживаем, им помогаем».

Во время разговора о взаимных отношениях выявились и точки согласия. Хрущев не только признал первенство югославского руководства в критике Сталина, но с гордостью заявил, что он нанес «по Сталину более серьезный удар», чем югославы, обещав продолжить действовать в этом направлении. Он обратил внимание собеседников на то, что не расправился с оппонентами по-сталински: Молотов отправлен в Вену советским представителем в Международное агентство по атомной энергии/МАГАТЭ («пусть походит в театры»); Маленков стал директором электростанции, а Шепилов и Каганович оставлены в Москве. Советский лидер рассказал о том, как Каганович позвонил ему по телефону и просил, чтобы с ним не поступили так, как поступал Сталин со своими оппонентами. Хрущев явно гордился проявленной им сдержанностью, повторяя Тито свой ответ Кагановичу: «Ты правильно понял, мы вас не убьем, живите и стыдитесь. Но в случае вашей победы, вы бы нас всех поубивали точно так, как это делал Сталин». При этом советский лидер с гордостью рассказал югославам, что в СССР «нет политзаключенных, сокращена численность и агентуры, тогда как при Сталине каждый следил за каждым».

Изложенный в записи дальнейший ход беседы свидетельствует, что в Москве больше не придавали такого серьезного значения, как прежде, целому ряду вопросов, по которым ранее были расхождения с Белградом. Хрущев заметил, что Венгрия больше не является проблемой советско-югославских отношений, признав правоту Тито в отношении Кадара¹⁸, который «проявил себя хорошо и ситуация в Венгрии значительно исправилась». Хрущев признал правильной и позицию Тито в отношении Ракоши*, заметив, что тот «нанес огромный вред», «идиот», «сейчас живет в СССР, его соответствующим образом охраняют, а он еще и не доволен»¹⁹.

Оба лидера были едины и в отношении экстремистских концепций международных отношений, преобладавших, по их мне-

* Ракоши Митяш (Матиас) (1892–1971) – с 1951 г. первый секретарь ЦК ВПТ, одновременно в 1952–1953 гг. – председатель Совета министров ВНР. 18 июля 1956 г. на пленуме ЦК ВПТ был освобожден с поста первого секретаря и члена Политбюро. 26 июля 1956 г. выехал в СССР.

нию, в высказываниях руководителей коммунистического Китая. В ответ на слова Хрущева о бессмысленности теории неизбежности войны до исчезновения последнего капиталистического государства последовала фраза югославского лидера – «в этом вопросе между нами нет расхождений». Встреча завершилась словами Тито «о необходимости нормализации наших отношений» и желательности «встретиться и рассмотреть все, что они считают препятствием в отношениях». Советский лидер согласился с желательностью новой встречи («давайте поговорим»). Запись встречи закончилась лапидарной фразой: «таким образом, осталось при случае это уточнить». В целом же было очевидно, что обе стороны провели консультации весьма конструктивно. Об этом свидетельствовал и их общий тон, и ряд конкретных фраз документа («... товарищ Тито ограничивается небольшой оговоркой, избегая ненужного спора»; «в отличие от прежнего Хрущев разговаривал спокойно» и др.)²⁰.

В настоящее время, с учетом состояния изученности советских материалов рассматриваемого периода, не представляется возможным утверждать, что в советских документах данной встрече придавалось какое-то особое значение. Так, в составленной МИД СССР справке о встречах Хрущева в Нью-Йорке «на полях» заседаний Генассамблеи ООН рассматриваемый нами разговор с Тито отражения не нашел. Однако с достаточно высокой степенью уверенности можно утверждать, что одним из его не столь отдаленных последствий стала замена советского посла в Белграде. В начале ноября в Президиуме ЦК КПСС было оформлено решение о назначении советским послом в ФНРЮ А.А. Епишева, служившего (с 1955 г.) послом СССР в Румынии²¹.

Из югославских документальных источников известна попытка советского посла в Белграде обсудить ход и итоги встречи двух лидеров в Нью-Йорке во время встреч с И. Вейводой, помощником К. Поповича, имевших место 17 ноября и 23 ноября 1960 г.²². Не вполне ясно, по каким причинам Замчевский вспомнил о ней через полтора месяца, сетуя на то, что разговор в Нью-Йорке велся в слишком общей форме, тогда как «для поправки²³ отношений» следует разговаривать именно о конкретных вопросах. Ровно через неделю после этого (23 ноября) Замчевский вновь вернулся к той же теме²⁴. Сложно с точностью утверждать, чем руководствовался советский посол, готовящийся покинуть страну своего пребывания. За его словами, к примеру, могла быть и реакция советского руководства на трения в отношениях с делегациями Албанской партии труда (АПТ) и Коммунистической партии Китая (КПК) на совещании

компартий в Москве, и личные переживания Замчевского, подвигшего в то время итоги своей трехлетней работы в Белграде. Полное представление об этом возможно составить лишь после получения исследователями доступа к документам соответствующих подразделений ЦК КПСС, хранящимся в Москве в Российском Государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), или же ко всем текстам рабочих дневников Замчевского за осень 1960 г., бережно хранимых в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

После высказываний Тито для СМИ в октябре 1960 г. известных к настоящему времени упоминаний ее югославскими участниками немного. По свидетельству американского посла в Югославии К. Рэнкина, в начале февраля 1961 г. Тито в беседе с ним заметил, что одним из результатов его разговоров с Хрущевым в Нью-Йорке было достижение договоренности о визите К. Поповича в Москву в 1961 г. и ответном визите Громыко в Югославию²⁵.

В свою очередь, Хрущев упоминал о встрече с Тито в Нью-Йорке несколько раз при разных обстоятельствах. 7 августа 1961 г. во время беседы с послом ФНРЮ в СССР Л. Мойсовым советский лидер вспомнил о просьбе Тито не критиковать югославский ревизионизм в новой Программе КПСС и на предстоящем, XXII съезде КПСС²⁶. В 1962 г. Хрущев упоминал о встрече дважды, но весьма пренебрежительно. В мае 1962 г. на встрече с партактивом Болгарской коммунистической партии (БКП) в Евксиновграде при характеристике Тито («когда я был в Нью-Йорке, он пришел ко мне на прием и сказал: “может быть, мы помиримся”. Я ему сказал: “товарищ Тито, мы не можем забыть вашей речи, помним ее, и я лично не могу забыть этой речи в Пуле. Это была позорная, предательская речь”. Мы знаем цену Тито»)²⁷ и в начале сентября того же года (в так наз. «Рекомендациях Брежневу для беседы с Тито»), когда Хрущев неверно указал год встречи.²⁸

В историографии материалы встречи не только хорошо известны сербским исследователям, но и частично опубликованы. Крупный сербский историк Д. Богетич первым использовал текст записи данной беседы в своей монографии «Новая стратегия внешней политики Югославии» (2007), достаточно подробно изложив ее содержание²⁹. В следующей большой монографии Богетич ограничился лишь краткой негативной характеристикой встречи, указав, что проведенные тогда переговоры «состояли из взаимных обвинений, а их атмосфера не была особенно сердечной»³⁰. Старейший в Белграде исследователь советско-югославских отношений Д. Трипкович отметил, что встреча 28 сентября стала очевид-

ным свидетельством того, что советская сторона была довольна позицией югославского правительства в международных вопросах и улучшением климата в политических отношениях двух стран³¹.

Известный сербский историк, профессор Белградского университета Л. Димич довольно подробно описал встречу в одной из статей изданной им в 2014 г. книги о внешней политике Югославии. Он рассмотрел данную встречу исключительно в контексте настойчивых посреднических усилий «пятерки» лидеров ведущих неприсоединившихся стран добиться прямого контакта между Хрущевым и президентом США Д. Эйзенхауэром. Вместе с тем историк все же уделил некоторое внимание и собственно советско-югославским сюжетам. По его словам, во время встречи обе стороны стремились «определить области взаимного согласия и вычленили пространства с различными позициями»³².

Данная тенденция сербской историографии, по всей видимости, имела решающее влияние на то, что текст встречи 28 сентября был опубликован в Сербии с лакунами, появившись в документальном издании о подготовке и проведении первой встречи в верхах неприсоединившихся государств в Белграде (сентябрь 1961 г.). Из текста документа было изъято почти все, что имело значение для отношений Югославии с СССР³³. Вслед за этим документ и даже в данной, усеченной, версии не был опубликован в фундаментальном сборнике документов о советско-югославских встречах и переговорах на высшем уровне во второй половине XX столетия³⁴.

Безусловно, не только сам факт имевших место довольно продолжительных консультаций 28 сентября 1960 г., но и высказанные обоими лидерами в их ходе (помимо критических) конструктивные соображения, требуют обязательного включения данной встречи в канву советско-югославских отношений первой половины 1960-х годов. Вне всякого сомнения, запись беседы этой встречи должна быть издана на русском языке. Необходимо также и поиск ее советской версии, нахождение которой также обогатит изучение двусторонних отношений в указанный период, ставший началом нового сближения СССР и Югославии в последние годы правления в СССР Хрущева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Стыкалин А.С.* СССР–Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 50-х – начало 60-х годов) // *Славяноведение*. 2006. № 3. С. 95–102; *Матонин Е.* Йосип Броз Тито. М., 2012. С. 314; *Новосельцев Б.С.*

Записка Н.С. Хрущева о беседах с Й. Б. Тито (январь 1963 г.) // Славяноведение. 2015. № 1. С. 38–43; Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. В 2-х т. Т.1: 1946–1964. / Гл.ред. М. Милошевич, В.П. Тарасов, Н.Г. Томилина. М., 2014. Составители этого тома, включив в него ряд материалов встеч, собственно встречами «на высшем уровне» не являвшимися, не посчитали возможным рассказать о встрече в Нью-Йорке даже во введении издания и всего лишь упомянули о ней в одном из комментариев к соображениям Хрущева при подготовке визита Брежнева в Югославию осенью 1962 г. (См.: Встречи и переговоры на высшем уровне... С. 547, комментарий № 706).

² Советско-югославские отношения обсуждались в западных СМИ за две недели до встречи. См.: *Schwartz H. Tito vs. Khrushchev: Area of Conflict Extended as Leaders Prepare to Meet at General Assembly // New York Times. 10.IX.1960. P. 10.* Анонс встречи был в изданиях, вышедших за день до нее. См.: *Salisbury H. Khrushchev Says He Would Talk Ad Infinitum to Get Arms Pact // New York Times. 28.IX.1960. P.17*

³ *Raymond J. Khrushchev says he and Tito agree // New York Times. 28.IX.1960. P.1*

⁴ *Moscow accord with Tito hinted // New York Times. 30.IX.1960. P. 9.*

⁵ Дружеские встречи. Пребывание Н.С. Хрущева в Нью-Йорке // Правда. 29.IX.1960. С.1.

⁶ Борба. 30.IX.1960. С.1.

⁷ *Tito Josip Broz. Govori i članci. Knjiga XVI. Zagreb, 1962, S.36.* Заявление было частично опубликовано в югославской печати 29 сентября.

⁸ *Ibid., S.67.* Это высказывание было опубликовано в югославской печати 5 октября (*Ibid. S.444*).

⁹ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января – 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. т. I. М., 1959. С. 89. Эти оценки были закреплены в соответствующей части резолюции съезда. (Там же. т. II. С. 451).

¹⁰ Подробнее см.: *Едемский А.Б.* К истокам новой фазы развития советско-югославских отношений в первой половине 1960-х годов // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. К 60-летию К.В. Никифорова. Сб. статей / Редколл.: С.И. Данченко, К.А. Кочегаров, Б.С. Новосельцев, О.В. Хаванова (отв. ред.), Е.С. Узенёва. – М.: Институт славяноведения, 2016. С. 338–349.

¹¹ *Матонин Е.* Йосип Броз Тито. М., 2012. С.314. В этой же книге сообщается (без указания на источник) и о якобы имевшей место встрече Тито и Хрущева 30 сентября. См.: *Матонин Е.* Йосип Броз Тито. М., 2012. С.314.

¹² *Mr. Khrushchev Applauds Marshal Tito // The Times. 23.IX.1960 p.14.*

¹³ *Raymond J. Khrushchev says he and Tito agree // New York Times. 29.IX.1960. P.1.*

¹⁴ Борба. 23.IX. 1960. С.1. Отдельно, в рамках фоторепортажа «Встречи во Дворце ООН», была опубликована совместная фотография Тито и

Хрущева, а рядом – Тито и кубинского лидера Ф.Кастро (Борба. 26.IX.1960. С. 2). За день до консультаций 28 сентября, в помещении советской миссии при ООН в Нью-Йорке югославские газеты сообщили об имевшей место продолжительной беседе Тито и Хрущева в здании Дворца ООН в перерыве между заседаниями 27 сентября (Борба. 28.IX.1960. С.1).

¹⁵ Arhiv Jugoslavije (AJ), (837), Kancelarija Predsednika Republike (KPR), I–2.12: Zabeleška o razgovoru druga Tita sa Hruščovom dana 28 oktobra 1960 godine. На архивном файле, в который вложена эта запись беседы, дважды указана дата 28.IX.1960 г. В обоих случаях римская цифра взята в скобки. Внизу сделано примечание об ошибочной датировке документа «28 октября» вместо «28 сентября» со ссылкой на белградскую газету «Политика» от 29 сентября 1960 г.

¹⁶ Zabeleška o razgovoru druga Tita sa Hruščovom... S. 1–3.

¹⁷ Об отношении в Югославии к XXII съезду КПСС подробнее см.: *Едемский А.Б.* Проекция второй волны десталинизации в СССР на развитие советско-югославских отношений (осень 1961 – весна 1962 г.) // IV МО: Сб. статей / Под ред. В. Т. Юнгблода. Киров: Вятский ГГУ – ООО Радуга, 2016. [в печати].

¹⁸ Имеются ввиду рекомендации югославы во время брионских консультаций 2–3 ноября 1956 г., когда советская сторона высказывалась в пользу Мюнниха как главы нового правительства, но согласилась с предложенной югославами кандидатурой Я.Капара. О консультациях см.: Встречи и переговоры на высшем уровне... Док. 15. С. 269–277. Составители оставили ссылку и на публикацию 1998 г., где перевод на русский был сделан с венгерского яз. версии, отредактированной В.Мичуновичем его первоначальной записи этой встречи при издании в 1977 г. так называемых «дневников» Мичуновича. Трудно согласиться с мнением составителей сборника, что это всего лишь «некоторые разночтения» (Там же, С. 277). О сознательном искажении (фальсификации) исходной записи, обнаруженной при сопоставлении двух текстов см.: *Едемский А.Б.* По следам секретных консультаций на Брионах 2-3 ноября 1956 г. // Славянский альманах. 2010. М.: Индрик-Институт славяноведения РАН, 2011. С. 462–488.

¹⁹ Zabeleška o razgovoru druga Tita sa Hruščovom... S.4–5.

²⁰ Ibid., S.5–6.

²¹ Предложение о назначении в Белград Епишева Громько внес в Секретариат ЦК КПСС 19 октября 1960 г., менее чем через неделю после возвращения из Нью-Йорка советской делегации. См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 802. Л. 144–152 об.

²² AJ. KPR. I–5–b/99–9. Ivo Vejvoda. Zabeleška o razgovoru sa sovjetskim ambasadorom Ivanom Zamčevskim, 17.XI.1960 g S. 1.

²³ Характерно, что был употреблен именно данный термин, имеющий весьма широкое значение в сербохорватском языке от «ремонта» и «исправления» до «улучшения» и «выздоровления». В то время как для по-

наятий «улучшение» и «развитие» имелись соответствующие конкретные аналоги.

²⁴ АЈ.КРР. I-5-b/99-9. Ivo Vejvoda. Zabeleška o razgovoru sa sovjetskim ambasadorom Ivanom Zamčevskim, 23.XI.1960 g S. 1-2.

²⁵ Foreign Relations of the United States. 1961-1963 / Gen. ed. D.S. Patterson. Washington (DC), 1994. Vol. XVI. P. 185. Doc. 88. Telegram from the Embassy in Yugoslavia (Rankin) to the Department of State. Belgrade, 7.II.1961.

²⁶ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 47. Пк. 193. Д. 10. Л. 11-12. Запись беседы Н.С. Хрущева с послом ФНРЮ в СССР Л. Мойсовым 7 августа 1961 г.

²⁷ «Я являюсь продуктом сталинской эпохи»/ Речь Н.С. Хрущева на товарищеском ужине в Евксинограде (Варна) 16 мая 1962 года. // Источник. 2003. №6. С. 137.

²⁸ Встречи и переговоры на высшем уровне... С. 547.

²⁹ *Bogetić D.*, Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956-1961. S. 347-348.

³⁰ *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi: 1961-1971. Beograd, 2012. S. 67.

³¹ *Tripković Đ.* Jugoslavija - SSSR 1956-1971. Beograd, 2013. S. 108.

³² *Dimić L.* Jugoslavija i hladni rat. Beograd, 2014, S. 252.

³³ Београдска конференција несврстаних земаља 1-6 септембра 1961.: прилог историји Трећег света / Богетић Д., Димић Љ. Београд, 2013. С. 236-237. В данном изданню дається ссылка на архив АЈ. КРР. (837), I-2 / 12. Вместе с тем публикаторы оставили дату встречи как 28 октября, не поставив ни примечания, ни исправления ее, хотя и предыдущие документы (записи о встречах Тито с Насером и Неру) датированы сентябрем, а последующий документ - встречи с Неру и Насером проведены 28 сентября. (Ibid, S. 236-237, 239).

³⁴ Југославија - СССР. Сусрети и разговори на највишем нивоу руководи-лаца Југославије и СССР 1946-1964. Том 1. Београд, 2014.

И. ЛАКОВИЧ
(Институт истории Университета
Черногории, Подгорица)

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ЮГОСЛАВСКОЙ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ (1956–1961 гг.)*¹

Abstract:

Laković I. *Pivot in the Yugoslav military policy (1956–1961)*

On the base of the documents of Yugoslav and US origin, this paper treats the beginning of pivot of Yugoslav military policy towards the cooperation with the USSR in the second half of the 1950s. In the period between 1951 and 1958, Yugoslavia was receiving military aid from the Western countries, particularly the USA. That support provided the source for both maintaining the combat readiness of Yugoslav troops, as well as modernization of their arsenal. On the other hand, such an aid could have easily become a way into closer bonding to NATO, which was the outcome Tito definitely had not wanted. He used the opportunity which emerged after Stalin's death to step into the process of normalization of relations with the USSR, while maintaining close economic and certain level of military ties with the West. The latter, however, slowly faded with time – The Balkan Pact with Greece and Turkey remained inefficient, while Yugoslavia unilaterally stepped out from the program of the US military aid in late 1957. Although it had not meant the immediate turn towards the military cooperation with the East, such policy had soon become a reality. Diversifying its orientations into three main categories – close political associating with the “Third world” countries, preserving its economic relationships with the West and opening the chapter of strategic cooperation in domain of military equipping with the USSR, Yugoslavia additionally consolidated its position between the confronted blocks.

Ключевые слова: Югославия, СССР, США, переориентация военной политики Югославии в 1956–1961 гг.

В период после советско-югославского конфликта 1948 г. Югославия совершила политический, экономический и военный поворот в сторону Запада, особенно США. Последние стали главным источником модернизации ее вооруженных сил, осуществляя поставки недостающего вооружения и оборудования. 14 ноября 1951 г. после подписания в Белграде соглашения о вхождении Югославии в программу американской военной помощи, начался период открытия Федеративной Народной республики Югославия (ФНРЮ)

* Работа написана в рамках проекта *Црна Гора и Југоисточна Европа у спољној политици Великих Сил у првој половини XX вијека.*

западным военным концепциям, не только в рамках поставок вооружения, но и в смысле стратегической интеграции¹. Программа в период своего существования повлияла на появление представления о Югославии как о стране, очень близкой к НАТО. В начале 1953 г. это было дополнительно подкреплено фактом подписания Балканского пакта с Грецией и Турцией, полноправными членами данного союза². Однако югославское руководство не было готово отказаться от своего нынешнего политического курса и стать частью западной военно-политической системы, поэтому по окончании Триестского кризиса 1953–1954 гг.³ оно начало сотрудничество с недавно добившимися независимости странами Азии и Африки⁴ и пошло на нормализацию отношений с СССР⁵. Сохранение текущего уровня сотрудничества с Западом стало фактором, осложняющим развитие советско-югославских отношений⁶.

Опора на программу военной помощи США, в условиях непосредственной военной опасности на восточных и западных границах, была оправданна. Однако со временем открывались перспективы, которые не отвечали интересам югославского партийного и политического руководства. Для проведения независимой внешней политики и политики мирного сосуществования с блоками Югославия нуждалась в военном потенциале, в качестве опоры ее внешнеполитической позиции. Ее вооруженные силы должны были находиться на удовлетворительном оперативно-технико-тактическом уровне, что, опираясь на внутреннее производство, возможности и ресурсы, было невозможно. Таким образом, выбор стратегического партнера и военного союзника становился непременным условием проведения внешней политики. В период 1949–1951 гг. эта дилемма разрешилась сама собой – чувствуя угрозу одного блока, Югославия искала поддержку со стороны другого. Однако после начала нормализации отношений с СССР большое значение получили анализ и оценка возможностей сверхдержав и их военных союзов в случае их возможного столкновения. Нужно сказать, что такой выбор привел к принятию решений, которые на долгий срок определили югославскую военную и внешнеполитическую ориентацию.

Согласно доступным документам, в 1956–1957 гг. в Югославии сформировалось представление о положении, потенциалах и возможностях ведения войны между военными блоками. Считалось, что за восемь лет с момента основания НАТО, пятнадцать европейских стран, входивших в Североатлантический Альянс, располагали 30 дивизиями действующей армии и 15 дивизиями резерва против 175 русских и 65 дивизий стран социалистическо-

го лагеря. Численность самолетов НАТО составляла около 3 000 против, как оценивалось, 19 000 русских и 2 500 принадлежавших странам соцлагеря; соотношение в танках было еще более выражено, а советский подводный флот считался самым мощным в мире. Важно упомянуть, что атомными и водородными (термоядерными) бомбами теперь располагали не только США, но и Советский Союз, так что картина возможного столкновения для европейских стран НАТО казалась весьма неблагоприятной. Такие оценки сознательно не учитывали американские хозяйственные и мобилизационные возможности, потому что относились к ситуации возможного столкновения на европейской территории. Хотя, теоретически, его длительность из-за разрушительной силы оружия свелась бы только к первому удару и возможному непосредственному ответу. Югославские политики считали, что мобилизация американцев на своей территории не окажет значительного влияния на судьбу военных действий в Европе в первой, решающей фазе столкновения. Ядерная война не могла быть длительной, поэтому крепкая экономика и наличие человеческих ресурсов, защищенных от ужасов войны, не играли бы в ней ключевую роль – так, как это произошло в годы Второй мировой⁷.

Позже эксперты югославского Секретариата иностранных дел отчасти приняли во внимание бурное развитие стратегической и тактической авиации стран западного блока. Однако, с точки зрения количества, концентрации и развёртывания войск на возможном европейском театре военных действий, абсолютный перевес остался на стороне Востока. Согласно архивным данным, в мирное время НАТО располагало 42-мя против 72 дивизий восточного блока; через 7 дней после начала мобилизации расстановка сил оценивалась как 104 против 195 восточных дивизий, а через месяц общее число дивизий составляло бы 186 против 330. На главном направлении возможного удара сил Варшавского договора – Центральной Европе – количественное соотношение сил выходило 2:1 в пользу СССР и его союзников, т.е. 45 дивизий против 22 западных, а благодаря их удачному географическому расположению получалось даже 3:1. Подобное также относится и к трём другим возможным театрам военных действий (среднеазиатский, дальневосточный, арктический), так что, в целом, восточный блок имел значительное превосходство в сухопутных силах. Если к этому прибавить тот факт, что современные концепции ведения боевых действий, подразумевавшие использование ядерного и термоядерного оружия, теоретически предполагали возможность ведения удачных наступательных операций, даже при соотношении

сил 1:1, картина советского превосходства получалась ещё более явной⁸.

Югославское руководство, вне зависимости от своих политико-идеологических симпатий и антипатий, понимало, что выбор военно-стратегического партнера, если он не связан с нападением или выраженной угрозой нападения одной из сверхдержав, должен быть сделан в соответствии с потенциалом всех предложенных вариантов. Югославская сторона считала, что СССР в 1950-е годы в ходе гонки вооружений превзошёл своего западного противника, и что его нынешний военный потенциал выше. Ещё важнее было то, что не существовало предпосылок (или югославские аналитики их не видели) для изменения положения в ближайшем будущем, и, таким образом, создавалось впечатление о советском военном превосходстве как о долговременном факте.

С другой стороны, оставаться или выйти из Программы помощи для совместной обороны⁹ было для Югославии вопросом, который, наряду с оценкой, какой из блоков в настоящий момент или в долгосрочной перспективе будет сильнее, влиял на её судьбу, вне зависимости от того состоится ли глобальное вооруженное столкновение сверхдержав. Программа западной военной помощи, вопреки всем недостаткам, была единственной возможностью для модернизации югославских вооруженных сил и, таким образом, создала предпосылки улучшения отношений с НАТО на высшем уровне партнерства. В дальнейшем, этот факт означал бы потерю равноудаленного от блоков положения и препятствовал нормализации отношений с СССР. Югославское руководство особенно беспокоило сознание того, что военная помощь США представляет собой угрозу для идеолого-политического проекта внутреннего общественного и государственного развития ФНРЮ. Однако выйти из программы до окончательной нормализации отношений с Советским Союзом означало бы оказаться на неизвестной территории на половине пути в противоположном направлении, с армией, находящейся в процессе модернизации и технического перевооружения. Сотрудничество с Западом означало ясно выраженные и известные последствия, невозможные для югославской верхушки; ориентация на восточный блок, казалось, предполагала определенные возможности для сохранения государственно-идеологических приоритетов. Югославия стояла на пути интеграции в одну из двух доминирующих военных систем, если не в смысле полного принятия стратегических и военно-политических доктрин, то, однозначно, в смысле принятия материально-технической культуры и правил пользования системами вооруже-

ния, что означало укрепление межгосударственных и межармейских отношений на фоне эксплуатации упомянутого оружия¹⁰.

На решение Югославии покинуть программу американской военной помощи, кроме обозначенных существенных причин, также повлияли и некоторые оперативные и технические вопросы. США в начале действия программы создали прецедент, который больше не повторился, однако предоставление помощи теперь было сопряжено с постоянными задержками поставок, затягиванием переговоров, недоверием между участниками проекта с обеих сторон и ее непосредственными исполнителями на местах. Скупость и медлительность, в которой временами упрекали американцев¹¹, уменьшали значение поставок и в оперативном, и в стратегическом смысле. Программа оказалась бременем для югославского руководства и была недостаточно привлекательной, чтобы принять решение продолжить в ней участие.

Словом, было очевидно, что программа военной помощи не успела прочно связать Югославию с западным блоком. Сохранение членства ФНРЮ в Балканском пакте могло повлечь за собой определённые политические или экономические последствия, но военный аспект этого союза был практически сведен на нет и превратил эту организацию в, по большей части, бесполезную для НАТО и Запада. Кроме того, уже в то время было ясно, что попытки координации стратегических оборонительных планов между Югославией и западным блоком оказались безуспешными, что было высказано в положении американского Объединённого Генерального штаба¹²: «Снабжение югославских вооружённых сил не является частью ни одного согласованного или одобренного американско-югославского военного плана»¹³. Укрепление Югославской Народной армии (ЮНА) было результатом договоренностей, но они должны были привести к координации планов и созданию системы совместной обороны, причем американские поставки должны были использоваться так, как это было запланировано в Вашингтоне. Действуя в своих интересах, американская сторона, безусловно, оказывала влияние, но не имела ни полного контроля, ни возможности планировать размещение войсковых частей, которые она обеспечивала своими вооружениями.

С другой стороны, значение военной помощи Югославии президент Д. Эйзенхауэр¹⁴ воспринимал через призму содействия её положению вне зоны советского контроля и её неучастия в проектах коммунистической экспансии в мире. В этом он видел пользу от продолжения действия программы. 9 октября 1956 г. Объединенный Генеральный штаб США направил югославскому

Секретариату обороны своё положение, в котором была выражена государственная позиция по этим вопросам. В первой части говорилось о советском контроле над Югославией: «Хотя дать однозначный ответ по данному вопросу невозможно, совокупность новейших разведывательных данных указывает на то, что в югославской политике не произошло изменений и Югославия не находится под влиянием СССР. И все-таки, необходимо признать, что Тито, вопреки своей провозглашаемой нейтральной позиции, в последнее время движется в сторону советской политики. Учитывая, что Тито коммунист, логично ожидать, что его дальнейшие краткосрочные политические планы будут определяться принципом целесообразности». Во-вторых, в этом документе указывалось, что «Тито в переговорах с Западом недвусмысленно отказывался отклониться от своей коммунистической идеологии. Поэтому существует вероятность, что он поддержит программу, которая в качестве долгосрочной цели предполагает реализацию ряда коммунистических установок, в том числе и утверждение их идеологического диктата по всему миру. Возможно, что имелись тайные советско-югославские договоренности, но американский Генштаб не обладал информацией, подтверждающей их существование»¹⁵.

В-третьих, «стратегическое значение для США и НАТО имеет географическое положение Югославии, т.е. устранение угрозы использования её территории как плацдарма для передвижений или других военных операций вражеских сил. Самым желательным для США вариантом было бы установление контроля над территорией союзной им Югославии, но при этом даже сохранение на определённом уровне югославского нейтралитета, который бы лишил СССР возможности использовать эту стратегически важную территорию, для США приемлем. Тито в настоящий момент проводит гибкую и непредсказуемую политику, благодаря которой Югославия пользуется привилегиями со стороны США и СССР, избегая при этом значительных обязательств по отношению к ним. Хотя американская сторона и НАТО этим недовольны, её независимость, насколько нам известно, до сих пор лишает СССР возможности использовать югославскую территорию и вооруженные силы, а также делает невозможным доступ советского флота к Средиземному морю через Адриатику. В интересах США поддерживать хотя бы такое стратегическое преимущество, каким мы ныне пользуемся. Невозможно установить, может ли прекращение военной помощи повлиять на изменение позиции Тито. Но известно, что он серьезно нуждается в ней, так что отказ от продолжения военной и экономической помощи означал бы уступку Со-

ветскому Союзу. Несмотря на это, пока обстоятельства не будут благоприятствовать иному курсу, военную помощь Югославии нужно прекратить»¹⁶.

Югославская сторона первой сделала решительный шаг к выходу из Программы помощи для совместной обороны. Летом 1956 г. Тито в нескольких своих выступлениях озвучил информацию о готовности Югославии отказаться от военной помощи. В условиях постоянного затягивания и проверок целесообразности оказания помощи ФНРЮ со стороны американского Конгресса и Администрации и фактического срыва поставок вооружений ему стало ясно, что продолжение программы было бы возможно лишь в случае серьёзного политического поворота в сторону НАТО и Запада. Для такого шага не было ни желания, ни политической необходимости. 6 декабря 1957 г. на Брионах Тито сообщил американскому послу Дж. Ридлбергеру о своём решении выйти из Программы военной помощи. Согласно сербскому историку Д. Богетичу, американский дипломат согласился с мнением югославского президента о том, что программа создает обоим сторонам больше проблем в развитии двусторонних отношений, чем политической пользы, упомянув при этом, что югославский односторонний отказ от помощи негативно скажется на международном положении США. Поэтому они договорились закончить Программу в форме «согласованного прекращения помощи»¹⁷.

Окончание сотрудничества, основанного на военной помощи Югославии со стороны США, стало облегчением для американской Администрации. 14 апреля 1958 г. на заседании Совета национальной безопасности США обсуждалась новая платформа американской политики в отношении Югославии. Во время обсуждения резолюции NSC 5805 государственный секретарь Дж. Даллес настаивал на том, чтобы в ее окончательный текст не вносить формулировку, согласно которой «Югославия отказалась от любой военной помощи со стороны США». «Им было совершенно ясно, как и по вопросу приглашения Тито посетить с визитом США, что продолжение военной помощи Югославии станет позором (embarrassment) для Администрации и осложнит ее отношения с Конгрессом и различными группами в США. Нужно подчеркнуть, что Тито больше помог освобождению Администрации (got off the hook), чем искренне хотел отказаться от любой американской военной помощи». Госсекретарь Даллес повторил, что благодарит его за этот поступок¹⁸.

Выход Югославии из Программы американской военной помощи в конце 1957 г.¹⁹, хотя и влиял на дальнейшее планирование

и реализацию государственной военной политики, в сущности, меньше всего был продиктован интересами армии. До тех пор Программа обеспечивала качественную модернизацию югославской военной системы и пополнение арсенала самой необходимой военной продукцией. Ее сложность, цена и невозможность самостоятельного производства постоянно напоминали, что единственным способом заменить свой арсенал более мощными и современными образцами для Югославии может быть только стратегическое партнерство с одной из двух сверхдержав, как основное условие непрерывных поставок вооружения и военных комплектующих. Однако югославской государственной верхушке было понятно, что столь существенная связь с одним из противостоящих блоков означает неизбежное попадание под его влияние и перспективу потери независимости, либо в форме собственного государственного и общественного устройства, либо в проведении своей внешней политики. Несмотря на недавний выход из Программы помощи, представляющей самый важный источник модернизации и укрепления югославских вооруженных сил, считалось, что ее политическая цена весьма высока. С другой стороны, у армии не было гибкости дипломатической службы; для нее стагнация в материально-организационном развитии являлась проблемой, требующей системных и долгосрочных решений. Военное сотрудничество с Западом могло стать таким решением, но от этого проекта отказались в момент, когда поставки американских вооружений стали недостаточными и не могли быть причиной настоящих политических поворотов²⁰.

Югославское руководство в ходе реализации программы, при нескрываемом недовольстве США, постоянно старалось как можно меньше использовать поставляемую продукцию, а значительную ее часть сохранить²¹. Таким образом, в распоряжении ЮНА оказалось большое количество американской военной техники в рабочем состоянии, но продление срока ее эксплуатации могло быть только временной мерой до принятия какого-то нового системного решения. Хотя такое решение искали в гораздо менее драматических условиях, чем десятью годами ранее, любое промедление стало бы препятствием на пути развития югославских вооруженных сил²².

Прекращение Программы американской военной помощи, если посмотреть на него через призму нормализации отношений с СССР и активного развития сотрудничества со странами «третьего мира», должно было стать шагом, подтверждавшим независимость югославской политики и уравновешенность её позиции

между противостоящими блоками²³. На первый взгляд казалось, что такое действие осуществляется в данный момент – большая часть вооружений по ранее утвержденным программам была предоставлена, поставки оставшегося были осложнены различными политическими вопросами, а продолжение Программы не было запланировано. Перспективы экономической консолидации с СССР, сквозь завесу идеологического тумана, казались спасительным решением, восстанавливающим равновесное положение в финансовой и материальной зависимости Югославии от иностранных государств. Военное сотрудничество с США происходило в одном историческом периоде, теперь международная ситуация складывалась по-другому, и югославская сторона решила прекратить сотрудничество. Вместо высказываемых прежде угроз, критических кампаний в средствах массовой информации, экономических и дипломатических блокад, сейчас в отношениях с Востоком, за исключением Албании и Китая, отчетливо проявлялось стремление к уменьшению числа спорных вопросов в будущем. Впечатляющие суммы одобренных советских кредитов и прием, оказанный Тито в ходе его визита в СССР в 1956 г., это подтверждали²⁴.

На самом деле такой идиллии не было, и ни одна из сторон не верила в ее существование. Для Советского Союза и его лидера Н.С. Хрущева возвращение Югославии под покровительство Кремля представляло собой ту цель, к которой стремились и за которую были готовы заплатить определенную цену. Таким образом, целью СССР было именно то, чего Югославия никак не хотела допустить, – снова подчиниться и возвратиться в советский лагерь²⁵. Когда осенью 1957 г. стало понятно, что новые расхождения по этому вопросу неминуемы, казалось, что сложившаяся ситуация грозит Югославии большим проигрышем – в отношении программы военного сотрудничества с Западом не существовало определенности, а советские кредиты еще не были предоставлены в предусмотренном объеме. С точки зрения потребностей югославских вооруженных сил все указывало на начало нового периода нехватки и импровизации.

В 1959 г., согласно плану *«Дрвар»*, произошла реорганизация Югославской Народной армии в соответствии с изменившейся картиной военной опасности. Осознание силы и разрушительной мощи оружия, находящегося в распоряжении сверхдержав, а также сложившееся представление о том, что нападение на Югославию может быть осуществлено с разных сторон, предопределили новую организацию государственной обороны. Поскольку предыдущая концепция была задумана в большей степени с целью пре-

дотворачивания прорыва с Востока по заданным направлениям, сейчас было необходимо создать систему, которая смогла бы остановить «агрессора», откуда бы ни было совершено нападение. В новой концепции был учтен опыт ведения в Югославии партизанской войны (1941–1944 гг.). Принятая в 1958 г. «Стратегия общенародной войны» предусматривала децентрализацию, большую мобильность и автономность военных подразделений, что по задумке югославских военных позволило бы повысить эффективность ЮНА в войне с применением термоядерного оружия. Хотя такой подход к проблеме национальной обороны имел свою внутреннюю логику, он представлял собой ещё один шаг, который отдалял Югославию от США²⁶.

Однако эта переориентация в глазах американских официальных лиц означала и изменение представлений о Югославии. По мнению представителей США, независимая позиция югославов в отношениях с Москвой делала им честь, но не налагала обязательств использования военных сил для того, чтобы воспрепятствовать возможным агрессивным намерениям Запада. Территориальное расположение разворачиваемых частей указывало на то, что Запад в новых планах югославского командования не представлял собой безопасного тыла. Американским стратегам было очевидно, что это служит подтверждением нежелания Белграда продолжить или возобновить военное сотрудничество на прежних условиях²⁷.

Хотя эти действия совпали по времени с новым охлаждением в отношениях с Востоком, их реализация продолжилась без изменений. Оставшись без финансовых средств, которые предполагалось получить в виде советских кредитов, Югославия попыталась снова сделать ставку на экономическое сотрудничество с западными странами²⁸, настаивая на заключении военных соглашений на коммерческой основе. Но при попытке получения лицензии на производство британского истребителя «Нем» (*Gnat*) оказалось, что при существующих материальных, инфраструктурных и финансовых условиях это невозможно²⁹. Дальнейшее устойчивое развитие и модернизация армии требовали поддержки со стороны того или иного стратегического партнера. Выбирая его из двух возможных вариантов, югославы руководствовались идеологическим сходством и геополитическими оценками.

Окончание соглашения о предоставлении американской военной помощи Югославии косвенно повлияло на динамику реализации ряда проектов, спонсируемых США в рамках Закона о совместной безопасности (*Mutual Security Act*)³⁰. Например, строи-

тельство Адриатической магистрали в переговорах с американскими кредиторами постоянно проходило как военный проект. США взяли на себя его финансирование ещё в январе 1955 г., но в течение двух лет было сделано недостаточно. Югославская сторона в марте 1957 г. предоставила дополнительные документы, надеясь сдвинуть вопрос с мертвой точки, но прямого ответа так и не последовало. 24 января югославский посол в США Лео Матес поднял этот вопрос в разговоре с вице-секретарем Кларенсом Далласом Диллоном (Clarens Douglas Dillon). Он сообщил, что югославскую сторону проинформировали, что ещё не принято решение, каким образом этот проект будет финансироваться, поскольку в новых политических обстоятельствах США всё больше старались изменить формулировку «безвозмездная помощь» на «заем». В ответ Диллон пояснил, что, поскольку проект был представлен как военный, в момент прекращения военной помощи, согласно договору, автоматически прекратилось и его финансирование. Между тем, поскольку речь шла об очень важном вопросе и, учитывая выступления югославских официальных лиц (напр., С. Вукмановича-Темпо о том, что Югославии нужна не помощь (grants), а займы), считалось, что лучше всего будет реализовать этот проект в рамках установленного экономического сотрудничества³¹. Кроме того, 3 февраля 1958 г. было подписано соглашение о поставках американских сельскохозяйственных излишков за 1957–1958 гг. на сумму 62,5 млн долларов, причём около 75% зерна было предоставлено займы сроком на 30 лет, а остальное в виде безвозмездной помощи³².

Бросается в глаза, что изменение международной ситуации летом 1958 г. не повлияло на югославское решение не подписывать новые договоры о западной военной помощи. Новый американский посол в Югославии Карл Ренкин (Carl Rankin), сменивший в феврале 1958 г. Джеймса Ридлбергера, 20 июня требовал от Государственного департамента, в связи с новой напряженностью в отношениях между Белградом и Москвой, которая напомнила ему события 1948 г., быть готовым предложить новые схемы оказания военной помощи Югославии³³. Между тем, уже 1 июля он получил югославское требование, которое было совершенно противоположно его инициативе, в котором его просили ускорить процесс формализации соглашения о прекращении американской военной помощи. Более того, требование содержало предупреждение, что если американская сторона будет и дальше затягивать с решением, то Югославия будет вынуждена отказаться от военной помощи в одностороннем порядке³⁴. Ренкину было понятно, что

это выступление связано не только с желанием окончательно прояснить ситуацию по уже фактически законченной Программе, также оно было сообщением, что как бы серьезно не выглядела ситуация, Югославия всё-таки не ожидает обострения и усиления напряженности, как это было десять лет назад.

Тито воспользовался случаем на переговорах, посвященных ситуации в Ливане и англо-американской интервенции в этой стране, и обратил внимание Ренкина на то, что Югославия, даже в случае ухудшения положения, не желает видеть чужих войск на своей территории, особенно войск отдельных стран. В случае агрессии и невозможности обороны собственными силами, югославское правительство будет искать помощи у ООН как единой организации, но никак не у её членов по отдельности³⁵.

Доступная американская документация демонстрирует очевидный недостаток военных сведений о Югославии в период после прекращения Программы военной помощи³⁶. В большинстве американских анализов положения дел в ФНРЮ, в которых ее военной политике уделялось достаточно внимания, этот вопрос рассматривался только в самых общих чертах. Чаще всего это была попытка угадать югославские намерения с помощью анализа изменений оборонной концепции страны, предусматривавшей переход от стратегии фронтального сопротивления к стратегии сохранения своих сил. Новой задачей югославской армии было бы, в случае невозможности избежать столкновения двух блоков, пережить ядерный удар и организовать сопротивление в новых условиях. Кроме того, было очевидно стремление военных частей достичь самого высокого уровня самодостаточности внутри предусмотренных районов действий, исходя из ресурсов, которыми они располагали, т.е. планировалась тесная координация военных и гражданских структур. По оценке американских аналитиков, югославское командование, располагая самой многочисленной на Балканах армией, насчитывающей около 320 тыс. человек, в случае неудачи или невозможности ведения оборонительных операций, координируемых из единого центра, сможет организовать широкомасштабную партизанскую войну³⁷.

Отсутствие данных могло быть следствием прекращения работы американского отделения администрации Программы военной помощи (AMAS)³⁸, представители которого, используя свои прямые и ежедневные контакты с представителями ЮНА, могли получить информацию о тогдашних проблемах и перспективах югославского военного аппарата. Складывается впечатление, что американская сторона была уверена, что пока власть сохраняется

в руках Тито и его окружения, Югославия не войдет снова в советскую орбиту влияния, т.е. ее территория останется недоступной силам Варшавского договора, за исключением варианта ее захвата военным путем³⁹.

Динамичная и энергичная политика, направленная на сближение с новыми политическими партнерами, недавно освободившимися из колониальной зависимости от европейских империй, была одним из важнейших шагов в этом направлении. Но нельзя было терять из виду и свое положение в Европе, а также необходимость сохранения на должном уровне государственной безопасности, как основного предварительного условия ведения внешней политики в любом направлении. Таким образом, новое охлаждение в отношениях с Востоком в 1958 г. сыграло, может быть, решающую роль – Югославия осталась в сфере западного экономического влияния, но была не готова предоставить только одной стороне монополию одновременно на экономическое и военное влияние на нее. Новые разногласия с СССР на этот раз не предполагали максималистских ожиданий от Югославии в смысле ее формального включения в блок. В таких условиях было легче использовать возможность расширить двусторонние связи на основании экономического сотрудничества с СЭВ и военного сотрудничества, что для Москвы и Белграда было знаком если не союзничества, то хотя бы похороненного состояния враждебности. Когда в 1961 г. с первыми поставками советской военной техники начался период военного взаимодействия с восточным блоком, уже налаженные экономические и политические связи с Западом и будущими неприсоединившимися странами представляли достаточный противовес для сохранения равновесия. Между тем, такое сотрудничество больше не было прямым подчинением. Намерение сохранить хотя бы на минимальном уровне договоренности с Западом о поставках военной продукции выражалось стратегическую линию югославского руководства не отказываться ни от одной из существующих возможностей в данных обстоятельствах⁴⁰.

В конце концов, этот «минимум» не был незначительным и незаметным. Зимой 1959 г. югославские власти попытались получить американский заем, при помощи которого они рассчитывали пополнить свои эскадрильи истребителей и бомбардировщиков. Речь шла о покупке нескольких истребителей Ф-84Г «Тандерджет» (*Thunderjet*) и Ф-86Е «Сейбр» (*Sabre*), которые были на вооружении югославской армии после прекращения Программы военного сотрудничества, находящейся в процессе реорганизации. В марте 1959 г. Ренкин информировал Тито и Кочу Поповича⁴¹, что

по этому вопросу уже заключены договоры и обеспечены финансовые условия⁴². После того, как в конце того же года Югославия купила первые 78 самолетов⁴³, а через год с небольшим еще 130⁴⁴, начало поставок советских «МИГ 21» означало своеобразное сохранение равновесия влияний. Но истребительная авиация не была единственной областью военного сотрудничества с СССР. В течение 1961 г. югославская армия закупила 16 подержанных американских танков «Шерман» (*Sherman*) М4А3, но такое приобретение служило скорее ширмой стратегическому решению снабжения бронетанковых частей советскими танками Т-54 и Т-55. В конце года ЮНА приобрела первые двадцать, а в следующем году еще сорок этих боевых машин⁴⁵. Так началась новая эпоха в истории югославских вооруженных сил, для которой была характерна зависимость в большей степени от советской военной техники, особенно в оснащении военной авиации и бронетанковых частей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О военном сотрудничестве Югославии и Запада см.: *Bekić D.* Jugoslavija u Hladnom ratu. Odnosi sa velikim silama, 1949–1955. Zagreb, 1988; *Bogetić D.* Jugoslavija i Zapad, 1952–1955. Jugoslovensko približavanje NATO–u и Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961. Beograd, 2000; *Lis L.* Održavanje Tita, Beograd, 2003; *Dimitrijević B.* Jugoslovenska armija 1945–1954. Nova ideologija, vojnik i oružje. Beograd, 2006; JNA od Staljina do NATO pakta. Armija u spoljnoj politici Titove Jugoslavije. Beograd, 2006; *Laković I.*, Zapadna vojna pomoć Jugoslaviji 1951–1958. Podgorica, 2006.

² См. *Balkanski pakt 1953–1954.* Beograd, 2005.

³ См. *Milikić M.* Jugoslavija, Italija i Tršćanska kriza 1948–1954. Doktorska disertacija. Univerzitet u Beogradu, fakultet političkih nauka. Beograd, 2012.

⁴ См. *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961. Beograd, 2006.

⁵ См.: *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008; *Luburić R.* (urednik). Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953–1955. Tematska zbirka dokumenata. Podgorica, 1999.

⁶ *Foreign Relations of the United States* (в далее: FRUS) 1958–1960. Volume X Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia, Washington, D.C., 1988. Doc. 122, editorial note. P. 325.

⁷ Дипломатический архив Министерства иностранных дел Республики Сербии (далее – ДАМСПРС). ПА. 1956. Ф. 67, 21, 424055. С. 1–4; ДАМСПРС. ПА. 1957. Ф. 75, 10, 28667. С. 24–25.

⁸ Архив Вооруженных сил Республики Сербии (далее – ВА). С–865–ц, 545, 3. С. 9–13.

⁹ Mutual Defense Aid Program (MDAP) – Программа помощи совместной обороны, на основании Закона о совместной безопасности (Mutual Security Act – MSA) 1951.

¹⁰ *Laković I. Zapadna vojna pomoć... S. 220–221.*

¹¹ ДАМСПРС. ПА. Стр. пов. 1955. Ф. 3, 332. Материал для конференции с г. Murphy-jem. Проблемы в работе военной помощи. С. 1–22.

¹² JCS – Joint Chiefs of Staff – Объединённый Генеральный штаб американских вооружённых сил.

¹³ National Archives and Records Administration (далее: NARA). RG 218, JCS, E 13, box 121, f ccs 092 Yugoslavia 7–6–48 sec 28. Department of Defense Policy Position on Yugoslavia. 11 oct. 1956.

¹⁴ Дуайт Эйзенхауэр (Dwight David Eisenhower) – президент США 1953–1961 гг.

¹⁵ *Ibid.* S. 1–2.

¹⁶ *Ibid.* S. 3.

¹⁷ *Bogetić D. Nova strategija... S. 110–111.*

¹⁸ FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. Doc. 122. Editorial note. P. 325.

¹⁹ NARA. RG 334, E 292, box 27, f 319.1 jan-mar. AMAS quarterly activity report for period ending 31 December 1957; FRUS 1958–1960. Volume X, Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. Doc. 122. Editorial note. P. 111, 325; VA. II odjeljenje. K 21, f 3. R br. 3. Vojna pomoć SAD, S 1.

²⁰ *Laković I. Zapadna vojna pomoć... S. 168–172.*

²¹ ДАМСПРС. стр. пов. 1955. Ф II, 213. С. 1–4.

²² NARA. RG 273. E1. Box 46, f NSC 5805/1. Operations coordinating board report on U.S. policy toward Yugoslavia (NSC 5805/1). December 10, 1958. P. 5.

²³ Об утверждении югославской внеблоковой и самостоятельной политики в конце 50-х – начале 60-х годов XX в. см.: *Bogetić D. Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961.* Beograd, 2006; *Bogetić D. Jugoslovensko-američki odnosi 1961–1971.* Beograd, 2012; *Dimić Lj., Bogetić D. Beogradska konferencija nesvrstanih zemalja.* Beograd, 2012.

²⁴ *Лаковић И. Прилог проучавању југословенске војне политике 1958–1961. године // Историјски записи. № 3–4. 2013. С. 229–230.*

²⁵ *Bogetić D. Nova strategija... S. 74–80.*

²⁶ *Dimitrijević B. Modernizacija i intervencija. Jugoslovenske oklopne jedinice 1945–2006.* Beograd, 2010. S. 111–113.

²⁷ *Allen J., Kauzlarich R.* (eds.). From «national communism» to national collapse. US intelligence community estimative products on Yugoslavia, 1948–1990. National Intelligence Council. Washington, 2006. P. 12 (264).

²⁸ FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. Memorandum of Conversation, Secretary’s trip to New York. 27. September 1958. Doc. 135. P. 362.

²⁹ NARA. RG 334. E 292, box 27, f 319.1 jan-mar; AMAS Air Section Report for April 1957. P. 3.

³⁰ MSA – Mutual Security Act (1951), закон по которому американский Конгресс, под предлогом помощи совместной обороны от коммунизма, одобрил предоставление экономической, материальной, финансовой и военной помощи союзническим странам на сумму около 7,5 млрд долларов.

³¹ FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. Memorandum of conversation, Washington. January 24, 1958. Doc. 116. P. 307.

³² Архив Югославии (далее – АЈ). КПП. I–3–а САД. Информационные данные об отношениях Югославии и США. С. 1. Согласно этому соглашению, в Югославию должны были поставить 520 000 тонн пшеницы, 20 000 тонн хлопка и 26 000 литров растительного масла. // См.: *Bogetić D. Nova strategija...* S. 279–280.

³³ FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. Telegram from the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade, June 20. 1958. Doc. 129. P. 339.

³⁴ *Ibid.* Telegram from the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade. 1. July 1958. Doc. 130. P. 340.

³⁵ АЈ. КПП. I–3–а САД. Заметка переводчика товарища Кведеревой о разговоре товарища Президента Тито с г. Ранкином, американским послом в Белграде, на встрече в Брионах 26 июля 1958 г. С. 6; FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia, Memorandum of conversation, Brioni, 26 July 1958. Doc 132. P. 348; *Bogetić D. Nova strategija...* S. 259.

³⁶ Более того, в нескольких документах, анализирующих ситуацию в стране, военный компонент сотрудничества упоминается только в немногих сжатых предложениях, чтобы после прекращения Программы помощи военное сотрудничество существовало только в виде поставок небольшого числа запасных деталей и материалов на коммерческой основе, а также организации обучения и тренировок для некоторых югославских военнослужащих. // FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. Operations Coordination Board Report, Washington. June 24. 1960. Operations plan for Yugoslavia. Anex A. Defense program in Yugoslavia. Doc. 158. P. 427; *Ibid.* Operations Coordination Board Report. Washington. December 21. 1960. Report on Yugoslavia (NSC 5805/1). Period covered: December 24. 1959 through December 21. 1960). Doc. 177. P. 476.

³⁷ *Allen, Kauzlarich*, данный сборник документов, NIE 15–61, Outlook for Yugoslavia, P. 12 (264).

³⁸ AMAS – American Military Assistance Staff, отделение, которое, согласно соглашению о американской военной помощи, при посольстве США в Белграде планирует и программирует поставки военных материалов в Югославию // См.: *Laković I. Zapadna vojna pomoć...* S. 187–202.

³⁹ FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. National Security Council Report, 5805. Washington. February 28, 1958, Draft Statement of U.S. Policy toward Yugoslavia. Doc. 120. P. 317.

⁴⁰ Югославская сторона настаивала на долгосрочных экономических связях с Западом. Таким способом она старалась избежать постоянной ежегодной проверки ее политики и продемонстрировать ее стратегическое определение сотрудничества с Западом, как одного из центральных компонентов политического направления // FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. Telegram from the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade, March 21, 1959. Doc. 142. P. 374–375.

⁴¹ Константин (Коча) Попович – югославский секретарь иностранных дел.

⁴² *Ibid.* Memorandum of conversation. 19. March 1959. Doc. 141. P. 372.

⁴³ *Ibid.* Operations coordinating planning board report. Washington. December 23, 1959, Report on Yugoslavia (NSC 5805/1). Doc. 152. P. 401.

⁴⁴ *Ibid.* Operations Coordination Board Report. Washington. December 21, 1960. Report on Yugoslavia (NSC 5805/1). Period covered: December 24, 1959 through December 21, 1960). Doc. 177. P. 476. *Ibid.* Operations Coordination Board Report. Washington. December 21, 1960. Report on Yugoslavia (NSC 5805/1). Period covered: December 24, 1959 through December 21, 1960). Doc. 177. P. 476. Первые 78 самолетов были штурмовиками Ф-86Е, а позже были приобретены 130 истребителей-бомбардировщиков Ф-86Д. // См.: *Laković I. Zapadna vojna pomoć...*, S. 270.

⁴⁵ *Dimitrijević B. Modernizacija i intervencija...* S. 126–127; *Allen J. Kauzlarich R. Memo for the Director, Yugoslavia and the Soviet Bloc, 18 July 1963, pg 3 (293).*

И.В. РУДНЕВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ПЛАН «ЗАГРЕБ-4»: УПУЩЕННЫЙ ШАНС МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Abstract:

Rudneva I.V. *Zagreb 4 Plan: the lost chance of a peaceful settlement*

The article considers the issue of the Zagreb 4 Plan («Z-4») drawing-up which occurred at the end of 1994 – the beginning of 1995 and the events which were connected with this plan. The plan was aimed at a peaceful settlement in the relations between the Republic of Croatia and the self-proclaimed during the Yugoslav crisis in the former Yugoslavia. None of the conflict sides accepted the Plan.

Ключевые слова: современный югославский кризис, мирное урегулирование, Хорватия, Республика Сербская Краина, Сербия, Союзная Республика Югославия, план «Загреб-4».

В условиях распада многонационального государства – Социалистической Федеративной Республики Югославии, роста регионального национализма, создания независимых государств и разгоревшейся гражданской войны на территории Республики Хорватии 19 декабря 1991 г. была провозглашена Республика Сербская Краина (РСК). Она включала в себя три территории: Книнскую Краину у границы с Западной Боснией, Славонскую Краину у границы с Северной Боснией, Подунайскую Краину у границы с сербской Воеводиной. Столицей РСК стал город Книн; основной территориальной единицей являлась община. В РСК насчитывалось 28 общин. В соответствии с принятой Конституцией, РСК являлась «национальным государством сербского народа и всех граждан, которые в ней живут»¹.

Попытки краинских сербов, на основании международного права на создание независимого государства, узаконить свой суверенитет через Организацию Объединенных Наций (ООН) не увенчались успехом. Хорватия кроме статуса национального меньшинства ничего сербам не предлагала.

24 февраля 1992 г. Совет Безопасности ООН принял Резолюцию № 743 об отправке на территорию бывшей Югославии миротворческого контингента, который встал на границе между Хорватией и РСК. Миротворцы способствовали стабилизации ситуации в регионе и дали возможность Краине начать налаживать функционирование нового государства – финансовой системы, судо-

производства, деятельности органов внутренних дел, выдачи гражданам обновленных документов. В декабре 1993 г. в республике прошли первые выборы депутатов Скупщины и президента на многопартийной основе.

РСК возглавил Милан Мартич. Будущий президент окончил полицейское училище в Загребе, работал в полиции города Шибеника, позже – младшим полицейским инспектором в Книне, а затем здесь же стал начальником полицейского участка. Летом 1990 г. он возглавил сербское гражданское ополчение. С 1991 до 1995 гг. М. Мартич занимал несколько важных постов в руководстве Сербской Краины – министра обороны, заместителя командующего Территориальной обороны, министра внутренних дел.

Телевизионная сеть и банковская система РСК за эти годы были переориентированы на Союзную Республику Югославию (Сербия и Черногория). Правительство Краины рассчитывало в скором времени завершить интеграцию с СР Югославией. Эти планы, прежде всего, не устраивали правящую элиту Хорватии, которая считала территорию РСК своей и не теряла надежды со временем реинтегрировать ее. Представители ряда стран и международных организаций, выступавшие против изменения государственных границ и тем более против создания крупного сербского государства, поддерживали Хорватию.

С 1994 г. на Республику Сербскую Краину и Республику Хорватию началось сильное давление международного сообщества (Европейского союза, ООН, Международной конференции по бывшей Югославии* (МКБЮ), Контактной группы**) с целью переориентировать непризнанное государство на сотрудничество с Загребом. Все усилия были направлены на то, чтобы избежать очередной эскалации конфликта, не допустить возобновления военных действий, создать условия для возвращения беженцев, способствовать налаживанию мирной жизни. В рамках этого процесса 29 марта 1994 г. было достигнуто Соглашение о прекращении огня², заключенное в Загребе под эгидой Международной конференции по бывшей Югославии при участии послов США и Рос-

* Международная конференция по бывшей Югославии – специальная международная структура, призванная заниматься урегулированием ситуации в Югославии (1992 г. – февраль 1994 г.).

** Контактная группа – международная структура, созданная в марте 1992 г. под эгидой ООН с целью координации подходов к урегулированию положения на Балканах. В ее состав вошли представители США, России, Великобритании, Франции и Германии.

сийской Федерации (РФ). Оно положило конец активным боевым действиям между хорватскими правительственными войсками и силами краинских сербов.

2 декабря 1994 г. было подписано Соглашение о нормализации экономических отношений³ между Краиной и Хорватией, которое предполагало налаживание автомобильного и железнодорожного сообщения, восстановление нефтепровода, электро- и водоснабжения. По Соглашению, РСК получила коридор, связавший ее с Белградом, который не контролировался хорватской стороной. От Хорватии документ подписал Хрвое Шаринич. В 1992–1993 гг. он занимал пост премьер-министра Хорватии, позже возглавлял Управление национальной безопасности. В рассматриваемый период Х. Шаринич являлся председателем хорватской делегации на переговорах с краинскими сербами и, как он признавался, 10 раз тайно встречался с президентом Сербии Слободаном Милошевичем. Также Х. Шаринич исполнял обязанности председателя комиссии по делам отношений Республики Хорватии с Миротворческой миссией ООН. Позже он дважды занимал пост начальника канцелярии президента Хорватии. Много интересных подробностей и ранее не известных фактов он представил в своей книге «Все мои тайные переговоры со Слободаном Милошевичем»⁴.

От сербской стороны Соглашение о нормализации экономических отношений подписал Боро Микелич, премьер-министр РСК, от международных представителей – Д. Оуэн, министр иностранных дел Великобритании в 1977–1979 гг., а в 1990-х годах сопредседатель Международной конференции по бывшей Югославии; Товаль Столтенберг, который в 1993 г. был назначен специальным представителем Генерального секретаря ООН в Югославии; Леонид Владимирович Керестеджиянц, посол РФ в Республике Хорватии в 1992–1996 гг. Свидетелем выступил Питер Гелбрейт (Peter W. Galbraith), посол США в Хорватии в 1993–1998 гг.

Переговоры шли трудно. Экономическое сотрудничество сербских территорий с Республикой Хорватией было менее затратным и более перспективным, чем совсем недавно налаженные связи с Белградом. Но руководство РСК опасалось, что более тесное экономическое сотрудничество с Загребом может стать угрозой с таким трудом обретенной независимости. Подписание договора с Краиной хорватская общественность восприняла также крайне болезненно. Многие посчитали этот шаг предательством национальных интересов, «капитуляцией» – как можно содействовать экономическому процветанию территории, которая «взбунтовалась, самовольно отделилась»?

Прекращение военных действий и налаживание экономических связей подсказывали международным посредникам логический переход к началу политического урегулирования. Осенью 1994 г. для РСК был разработан Проект соглашения по Краине, Славонии, Южной Баранье и Западному Срему, целью которого являлось мирное урегулирование отношений с Хорватией, известный как «Загреб-4» (или «План Z-4»). Инициатором идеи стал П. Гелбрейт. Обсуждение шло по линии Контактной группы. В нем активное участие приняли посол России в Хорватии Л.В. Керестеджиянц, посол Франции Жан-Жак Гайярд и представители МКБЮ.

Согласно этому Проекту, создавалась автономная Сербская Краина – на тех территориях, где до конфликта сербы составляли большинство населения. Им предоставлялось право использовать свои государственные символы, а также ввести в обращение собственную валюту. Сербы получали законодательную власть, право избирать президента и кабинет министров (правительство), имели право сформировать силы правопорядка⁵.

12 сентября 1994 г. П. Гелбрейт встретился с президентом Республики Хорватии Франьо Туджманом и изложил ему «План Z-4», предложив рассмотреть вариант с двумя автономными областями – Глиной и Книном, которые бы обладали элементами государственности. Их существование было зафиксировано в официальных документах еще в 1992 г., в частности в Конституционном законе, принятом хорватским Сабором. Эти две области можно было бы, согласно «Плану Z-4», соединить коридором через Слунь. Территории в Восточной и Западной Славонии были бы демилитаризованы и реинтегрированы в состав Хорватии в течение пяти лет.

«Президент сидел мрачный. В те дни его сильно раздражало и утомляло то количество глупости, которое озвучивали отдельные представители международного сообщества»⁶, – описывал Х. Шаринич реакцию Ф. Туджмана на предложение П. Гелбрейта. Дело в том, что еще 19 августа 1994 г. на своей летней вилле на Брионах хорватский президент в беседе с высшим руководством страны с удовлетворением отмечал, что за последние три года Хорватия добилась того, что теперь сама может решать свою судьбу. «Мы не можем больше допустить продления мандата СООНО»⁷. Они будут мешать подготовке хорватской армии»⁸, – заявил Ф. Туджман. Х. Шаринич уверяет, что именно в эти дни было при-

* СООНО – Силы ООН по охране.

нято окончательное решение о военном варианте «освобождения оккупированных территорий». Это объясняет то раздражение и сарказм, с которыми хорватский президент встретил предложение П. Гелбрейта. Форму презентации, выбранную американским послом, Х. Шаринич назвал «непрофессиональной», «недостойной опытного дипломата», «попыткой разрушить все прежние подходы к решению хорватских проблем». «Он (П. Гелбрейт – *И.Р.*) напоминал торговца, который пытается что-то продать по высокой цене»⁹, – едко отмечал Х. Шаринич в своих воспоминаниях. Чем дальше описывал П. Гелбрейт все составляющие «Плана Z-4» по Краине, тем более нелепым он казался хорватской стороне. Недоумение слушателей, например, вызвала фраза: «У сербов будут свои государственные институты, полиция, налоговая система. Но, если они будут продавать мясо в Республике Хорватии, тогда будут следовать хорватским стандартам»¹⁰. Все присутствующие на встрече переглянулись между собой, отреагировав на фразу о мясе. Х. Шаринич пишет: «Вероятно, мы подумали одно и то же: “О чем это он говорит, они и есть Республика Хорватия”»¹¹.

Ф. Туджман попросил предоставить ему План в письменном виде, прежде чем с текстом познакомится общественность. «Вам должно быть ясно, что нельзя серьезно отступать от конституционного закона. Возможно, в крайнем случае, будет что обсудить. При условии, что две области станут одной жупанией»¹², – заключил он.

Хорватская сторона сразу же провела ряд встреч, желая выяснить, кто поддерживает П. Гелбрейта. Норвежский дипломат К. Эйде заявил, что слышал в Женеве о «Плане Z-4», но его содержание держится в строжайшей тайне. Состоялась также встреча с Д. Оуэном, который только что вернулся из России, где планы по Хорватии, по его словам, не понравились Москве. Русские хотели бы для Краины большей автономии. Он сообщил также, что собирается ехать в Белград и сообщить о «Z-4» Милошевичу, и что Книн еще не в курсе всего происходящего¹³. Посол Германии в Хорватии Хорст Вейсел посоветовал хорватам принять План, так как он не угрожал, по его мнению, целостности государства¹⁴.

19 октября состоялась вторая встреча П. Гелбрейта и Ф. Туджмана, на которой План был представлен более детально. На этот раз американский посол заручился поддержкой еще трех своих коллег (послов в Хорватии Франции, России и Германии). Согласно Проекту, предполагалось полностью отдать под управление Хорватии области Западной и Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема. Это позволило бы большинству хорватских бе-

женцев вернуться на места прежнего проживания. Новое автономное образование планировалось назвать Краиной, у которого был бы свой президент, парламент и суды, а также своя символика – флаг и герб. Непременным условием являлось уважение законов Республики Хорватии. Автономия касалась образования, культуры, энергетики, туризма, торговли, налогов, полиции. Границы между Хорватией и Краиной предусмотрено не было. Допускалось заключение международных и региональных соглашений, одобренных загребскими властями. Денежные средства должны были находиться под контролем Народного банка Хорватии, но если бы Краина захотела, то могла бы печатать собственные банкноты. Конституционный суд состоял бы из двух судей от Краины, двух от Хорватии и трех представителей международного сообщества. Граждане Краины должны были являться гражданами Республики Хорватии. Границу с Боснией и Герцеговиной (БиГ) контролировал бы Загреб, а Краина за следующие пять лет была бы полностью демилитаризована¹⁵.

План «Z-4»¹⁶

Изложив весь План, П. Геллбрейт обратился к хорватскому президенту с просьбой, которая удивила и озадачила всех присутствовавших: «Прошу Вас и ваше правительство, не говорите ни “да” ни “нет”, когда его примите»¹⁷. Вероятно, американский посол опасался реакции краинских сербов. Если бы хорваты сразу

ответили положительно, то это насторожило бы Книн, если бы они сразу отказались, то не оставили бы шансов для дальнейших переговоров.

Единственное, что Ф. Туджман мог позволить сербам в Хорватии, это объединить две области в жупанию и претендовать на культурную автономию. По словам Х. Шаринича, президент Хорватии заявил, что «если он примет План, то хорватский народ его распнет». Подобное предложение «испортило бы репутацию США в Хорватии, поэтому не придавайте документ гласности»¹⁸, – попросил Ф. Туджман П. Гелбрейта.

Хорватские дипломаты изучили и проанализировали План и направили свое заключение Ф. Туджману. В нем говорилось, что «в Хорватии в данное время не то дипломатическое, правовое, экономическое и военное положение, чтобы принять подобный план. Тем более, очевидно, что Контактная группа не может выступать с позиции “принять или отказаться”»¹⁹. Дипломаты рекомендовали президенту «сконцентрироваться на форме, а не на содержании» статуса сербских территорий. Прежде всего, предлагалось исключить все понятия государственности или даже квазигосударственности, федерализма или конфедерализма. Для хорватской стороны были неприемлемы любые намеки на возможный дуализм в государстве, исключались двойное гражданство и возможность самостоятельных международных переговоров. По словам хорватского дипломата М. Нобило, Ф. Туджман считал, что, предлагая «План Z-4», П. Гелбрейт действовал не по инструкции из Вашингтона, а исходя из собственных амбиций, в погоне за славой²⁰.

Хотя президент Хорватии был против Плана, 30 января 1995 г. он принял у себя посла Франции в Хорватии Ж. Гайярда и в ходе встречи заявил, что рассмотрит предложение. Таким образом, Загреб занял стратегически выгодную для себя позицию. Принципиально не принимая «План Z-4», хорватские власти сделали вид, что готовы его обсуждать, тем самым не раздражая международных представителей и выигрывая время для осуществления своих истинных замыслов. Пока шли консультации и переговоры, хорваты не теряли времени даром. Военные укрепляли территории, пограничные с Краиной, закупали новое вооружение. Началась активная дипломатическая деятельность по досрочному прекращению действия мандата миротворческих сил ООН и выводу их с приграничных территорий.

30 января 1995 г. до сведения руководства краинских сербов было доведено, что создана так называемая «Мини Контактная

группа» во главе с П. Гелбрейтом, которая собирается предложить новый «План Z-4» в качестве основы на переговорах Книна и Загреба. В ее состав также вошли посол РФ Л.В. Керестеджиянц, от МТБЮ – Т. Столтенберг, Д. Оуэн, Г. Аренс, от ЕС – посол Франции Ж. Гайярд и посол Германии Х. Вайзен. Как видим, с хорватской стороны шли переговоры и консультации по поводу содержания проекта уже четыре месяца, а сербов об этом даже не информировали. Неудивительно, что власти Краины пришли к выводу, что этот План разработан совместно с хорватами в ущерб интересам РСК.

На закрытом заседании краинской Скупщины 8 февраля 1995 г. М. Мартич заявил, что «План Z-4» не позволит сербам «жить в одном государстве». Он неприемлем, так как препятствует проведению переговоров на равноправной основе²¹.

В интервью белградскому еженедельнику «Время» по поводу отношения к «Плану Z-4» Милан Бабиц, министр иностранных дел РСК, заявил, что «государственные структуры РСК, как и народ», не примут того, чтобы территория Краины стала автономной единицей или двумя автономными единицами типа жупаний²². Действительно, согласно Плану, Краина сохраняла лишь треть своей территории, 11 общин, в то время, как все остальные общины с большинством сербского населения «растворились» бы в Хорватии. Но, даже то, что оставалось, было разделено на две части. При этом все коммуникации оказывались под контролем хорватских властей, что ставило сербов в прямую зависимость от Загреба.

План, созданный в условиях таинственности, без предварительных консультаций, не вызвал доверия у сербской стороны. Желания его обсуждать не возникло еще и потому, что хорваты не скрывали своего намерения вернуть «непокорные» территории. Несмотря на заключенное Соглашение о прекращении огня, они неоднократно его нарушали. Экономическое сотрудничество также не осуществлялось в полной мере. Краинские сербы серьезно опасались возможного военного наступления хорватских войск, особенно после окончания 31 марта 1995 г. мандата СООНО, который Загреб продлевать не собирался. Стремясь обезопасить себя, Скупщина Республики Сербская Краина и Скупщина Республики Сербской* (РС) еще осенью 1992 г. подписали Декларацию²³,

* Республика Сербская – была провозглашена в Боснии и Герцеговине (РСБиГ) 9 января 1992 г. 28 февраля того же года была принята Конституция РСБиГ, согласно которой территорией республики были объявлены

в которой зафиксировали стремление к объединению двух непризнанных государственных образований и, самое главное, обещали друг другу поддержку в случае военного нападения. 20 июня 1993 г. РСК подтвердила свое желание об объединении всех сербских земель, на основании референдума по данному вопросу на своей территории.

10 декабря 1994 г. на заседании краинской Скупщины М. Бабич представил стратегию «создания Сербской Федерации, в качестве основного направления внешнеполитической линии РСК». В его выступлении говорилось, что РСК и Республика Сербская не признаны на международной арене, но они располагают территорией и всеми необходимыми для любого государства атрибутами. Опираясь на результаты прежних референдумов и декларации, основной целью РСК провозглашалось ее объединение с РС и Союзной Республикой Югославией. При этом М. Бабич предложил три варианта создания единого сербского государства. Первый вариант предусматривал, что РСК и РС войдут в СРЮ в качестве еще двух федеральных единиц. Вторым вариантом было создание федерации с РС и ее объединение на конфедеративных началах с СРЮ. Одновременно М. Бабич связывал этот вариант с созданием мусульманско-хорватской федерации и объединением ее с Хорватией. Третий вариант – объединение РСК и РС в едином унитарном государстве. «Этот путь, конечно, не будет быстрым и легким, но это единственный выход для сербов»²⁴, – закончил свое выступление 10 декабря 1994 г. М. Бабич. Краинская Скупщина поддержала планы по объединению сербских территорий. Таким образом, РСК видела свое будущее не в составе Хорватии, а в едином сербском государстве.

Конечно, принимая во внимание дальнейшие события, решение сербов отказаться от переговоров было ошибочным. Возмож-

сербские автономные области, общины и другие этнически сербские земли в Боснии и Герцеговине. При этом РСБиГ была объявлена частью югославского федеративного государства. После того, как БиГ 5 апреля 1992 г. провозгласила независимость от Югославии, СРБиГ 7 апреля 1992 г. объявила об отделении от Боснии и Герцеговины и о том, что остается в составе Югославии. С 12 августа 1992 г. республика стала называться просто Республикой Сербской. В 1995 г. планировалось объединение РС и существовавшей в тот момент на территории Хорватии Республики Сербская Краина в единое государство – Западно-Сербскую Федерацию или Государство Западная Сербия, не состоявшееся ввиду международного давления.

но, если бы они не так поспешно и решительно отвергли «План Z-4», у них был бы шанс избежать надвигающейся катастрофы. 30 января 1995 г. П. Гелбрейт подвел итог своих переговоров с конфликтующими сторонами: «Факты говорят сами за себя. Хорваты приняли “План Z-4” и согласились, что он может стать основой для будущих переговоров. В отличие от них краинские сербы решительно его отвергли»²⁵.

31 января 1995 г. разработчики «Плана Z-4» отправились в Белград. Они хотели, чтобы С. Милошевич оказал давление на руководство РСК, но президент СРЮ их не принял.

Таким образом, «План Z-4» не устроил ни одну сторону конфликта. Хорваты были против создания на своей территории образования, которое со временем могло поставить вопрос о самостоятельности. Краинские сербы выступили за объединение всех сербских территорий в одно государство и боялись потерять хотя бы часть своей непризнанной государственности.

28 июля 1995 г. в Книн приехал Генеральный секретарь ООН Я. Акаши и предложил свою программу мирного урегулирования. Он передал сербам обещание Ф. Туджмана участвовать в политических и военных переговорах с Книном, но обусловил их «политической реинтеграцией сербов на основе Конституции Хорватии и ее закона о меньшинствах»²⁶. Фактически сербам был выдвинут ультиматум, ответа на который никто не ожидал. Тем не менее, сербы Краины приняли все условия Ф. Туджмана, но было уже поздно. Запоздало и заявление М. Бабича, которое он сделал в Белграде, что РСК готова принять несколько измененный «План Z-4».

Уже много лет идут жаркие споры среди политиков, общественных деятелей, историков и политологов о том, кто несет ответственность за неиспользованный шанс мирного урегулирования, кто виноват в том, что произошло с Республикой Сербской Краиной. Десять лет спустя, в августе 2005 г., в интервью изданию «Б-92» министр иностранных дел Сербии В. Драшкович всю ответственность за последствия отказа от Плана возложил на С. Милошевича и руководство Краины, назвав их «соучастниками хорватского злодеяния»²⁷.

В августе 1995 г. по решению руководства Республики Хорватии были проведены две масштабные молниеносные военные операции хорватских сил, сопровождавшиеся массовыми убийствами сербов. Республика Сербская Краина прекратила свое существование, а с ее территории было изгнано, по самым скромным подсчетам, от 170 000 до 250 000 сербов.

Как нам представляется, «План Z-4» мог стать основой для урегулирования сербского вопроса в Хорватии. Однако международные представители слишком поздно начали переговоры с сербами, упустив время для серьезного согласования их позиции, дав при этом хорватам возможность подготовить военную операцию по уничтожению РСК.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Устав Републике Српске Крајине // <http://ru.scribd.com/doc>.

² *Радуловић С.* Судбина Крајине/ Прилози. Споразум о прекиду ватре између РХ и РСК, који је потписан у руској Амбасади у Загребу (29.03.1994). Београд, 1996. С. 156.

³ Доклад Сопредседателей Координационного комитета Международной конференции по бывшей Югославии о заключении Экономического соглашения между правительством Хорватии и местными сербскими властями (2 декабря 1994 г.) // Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Том третий. Документы международных организаций по мирному урегулированию кризиса в Хорватии, Боснии и Герцеговине 1990-х гг. / Сост. и отв. редактор Е.Ю. Гуськова. М., 2000. С. 169–175.

⁴ *Šarinić H.* Svi moji tajni pregovori sa Slobodanom Miloševićem. Između rata i diplomatije 1993–1995 (1998). Zagreb. 1999. S. 468.

⁵ Ibid. S. 148.

⁶ Ibid. S. 154.

⁷ Ibid. S. 148.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid. S. 154.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibid. S. 155.

¹² Ibidem.

¹³ Ibid. S. 156.

¹⁴ Ibid. S. 158.

¹⁵ План Z-4 (апрель 1995 г.). Проект соглашения по Краине, Славонии, Южной Баранье и Западному Срему // Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Том третий... С.176–194.

¹⁶ *Mišić M.* Zašto je Plan Z-4 bio neprihvatljiv? // <http://rs-lat.sputniknews.com/analyze/20150804/3705221.html>.

¹⁷ *Šarinić H.* Svi moji tajni pregovori sa Slobodanom Miloševićem... S.159.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ *Nobilo M.* Hrvatski feniks: Diplomatski procesi iza zatvorenih vrata: 1990–1997. Zagreb, 2000. S. 446.

²⁰ Ibid. S. 447.

²¹ Цит. по: *Barić N.* Srpska pobuna u Hrvatskoj: 1990–1995. Zagreb, 2005. S. 476.

²² Ibid. S. 478.

²³ *Радуловић С.* Судбина Крајине / Прилози. Приједорска декларација о уједињењу РСК и РС (31.10.1992). Београд, 1996. С. 154–155.

²⁴ *Радуловић С.* Судбина Крајине/ Прилози. Положај РСК и опције свесрпског уједињења на предлог СДС Крајине. Документ усвојила Скупштина РСК 10 новембара 1994. године... С. 162–165.

²⁵ Цит. по: *Varić N.* Srpska pobuna u Hrvatskoj: 1990–1995... S. 476.

²⁶ Цит. по: *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 497.

²⁷ Da li je Plan- Z4 mogao biti alternativa ratu? 02.08.2005 // http://www.b92.net/specijal/oluja/index.php?nav_id=174031.

Е.Ю. ГУСКОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ДЛЯ БОМБЕЖЕК ЮГОСЛАВИИ В 1999 Г. НУЖЕН БЫЛ ПОВОД...

Abstract:

Guskova E.Yu. *There had to be a reason/ spark for the 1999 bombardment of Yugoslavia...*

The article is devoted to one of episodes of NATO preparation for the aggression against Yugoslavia which became a reason for conducting bombing strikes in March – June, 1999. Anti-terrorist operation of the Yugoslavian security forces against the Albanian fighters near the village of Rachak was presented to the world by the head of Control mission of OSCE in Kosovo and Metokhiya American William Walker as «massacre» of civilians. The positions of the USA, Russia and the leaders of Yugoslavia on this matter on the eve of aggression of NATO were investigated by the author in this article with the help of numerous documents.

Ключевые слова: Югославия, Россия, США, Косово, НАТО, Рачак, информационная война.

Сегодня многие задаются вопросом, можно ли было избежать агрессии НАТО против Югославии в марте–июне 1999 г.? Избежать жертв, разрушений, вызванных бомбовыми ударами готовых самолетов по военным объектам, городам и селам Сербии и Черногории? С уверенностью можно сказать, что никакие уступки со стороны Белграда не смогли бы предотвратить военную акцию НАТО. Имеющиеся в нашем распоряжении документы показывают, что президент Югославии Слободан Милошевич шел на компромиссы и заключил с представителем НАТО несколько договоров, очень не выгодных Югославии, в надежде, что уступки будут оценены, и война против его страны не состоится.

Напомним, что в 1997–1998 гг. в автономном крае Косово велась война между албанскими боевиками и силами безопасности Югославии. Последние к октябрю 1998 г. разгромили значительную часть албанских боевиков и деблокировали важнейшие коммуникации. По данным югославских военных, число воюющих албанцев с 20 тыс. сократилось до трех¹.

Как только силы безопасности Союзной Республики Югославии (СРЮ) освободили большую часть территории Косова, вмешались международные организации. В сентябре 1998 г. Совет Безопасности (СБ) ООН принял резолюцию 1199, обязывающую

сербов прекратить огонь, вывести военных, создать условия «для осуществления эффективного и постоянного международного наблюдения в Косове» и начать мирные переговоры с албанской стороной². В ответ правительство и Скупщина Сербии предлагали ряд мер по решению проблемы политическими средствами в рамках границ СРЮ.

Но НАТО имела собственный сценарий развития событий на Балканах. Уже на следующий день после принятия резолюции Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана заявил, что Советом Альянса принято решение о переходе к очередной фазе подготовки к возможным силовым действиям НАТО в Косове³. 1 октября 1998 г. СБ ООН не рекомендовал осуществление натовской военной операции в Югославии, на что представители НАТО заявили, что Альянс готов нанести удары без одобрения Совета Безопасности. Страны – члены НАТО начали подготовку к возможной акции: составлялись оперативные планы, формировались команды и готовились самолеты. 13 октября Совет НАТО отдал приказ об ускоренной подготовке к военной операции и выдвинул Белграду ультиматум. В Югославию полетел специальный представитель США по Балканам Ричард Холбрук. Заручившись поддержкой НАТО, России и Контактной группы, Холбрук надеялся на успех своей миссии. Он передал С. Милошевичу слова президента США Б. Клинтона, что через четыре дня по Югославии нанесут авиаудары, если не будут приняты условия НАТО. 13 октября 1998 г. после долгих раздумий и обсуждений с экспертами С. Милошевич пошел на подписание договора с Р. Холбруком о принятии всех требований, выставленных США и НАТО. Так появился документ под названием «Принципы политического урегулирования ситуации в Косове и Метохии»⁴. В ночь на 14 октября правительство Сербии одобрило результаты переговоров и утвердило «Принципы».

Но политического урегулирования не получилось. НАТО готовилась к войне, и для нее было очень важно, что С. Милошевич согласился на четыре условия: доступ НАТО к воздушному пространству над Косовом для разведки наземной ситуации; введение в регион двухтысячного международного корпуса гражданских наблюдателей ОБСЕ; возвращение более десяти тысяч изгнанных косоваров; начало политического процесса. Казалось, что Холбрук вступил на дорогу урегулирования и мира. Но это было не так: договоренности меняли соотношение сил на Балканах не в пользу Югославии, облегчали НАТО планируемую военную операцию.

Наблюдение натовцев в небе и на земле над территорией Югославии во многом ограничивало военную и политическую ма-

невренность сербской полиции и армии. Югославский Генеральный штаб оценивал, что, на самом деле, лидеры США и НАТО вовсе не являлись сторонниками мирного разрешения кризиса в Косове и Метохии и не собирались придерживаться только что подписанных соглашений. Уже тогда они были готовы к применению силы для закрепления своего военного присутствия в этом регионе. Подтверждением тому стало угрожающее заявление Генерального секретаря НАТО Х. Соланы: «НАТО будет с воздуха внимательно контролировать территорию Косова и постоянно грозить применением военной силы..., оставаясь полностью готовым и настроенным на военную интервенцию в случае несоблюдения соглашения»⁵. А глава австрийской дипломатии Вольфганг Шисел мечтал распространить воздушный контроль Альянса на всю территорию Югославии, а верификаторам ОБСЕ предоставить дополнительные гарантии. Он был дерзок в своих планах потому, что к тому времени решение об агрессии против СРЮ уже было принято. В конце января 1999 г. началась подготовка к эвакуации Верификационной миссии ОБСЕ, хотя в тот момент она еще не была полностью укомплектована.

Выполняя свои обязательства, спецподразделения армии и полиции, находившиеся в Косове и Метохии во время проведения антитеррористической операции (июль-сентябрь 1998 г.), убрали блокпосты с путей сообщения, покинули край и вернулись в постоянные места пребывания, в том числе за пределы Косова. Отвод сербских военных из края албанские боевики сразу использовали для возвращения на свои позиции, перегруппировки сил и начала наступательных действий. С октября 1998 г. по январь 1999 г. в Косове было «очищено» от сербов 35 сел⁶. Становилось понятно, что военная операция НАТО неизбежна.

Таким образом, договор о политическом урегулировании был дымовой завесой, скрывающей подготовку НАТО к агрессии. Альянсу оставалось лишь найти соответствующий «веский» повод для развязывания военных действий против СРЮ, не стесняя себя тем, что они не были санкционированы Советом Безопасности.

В январе 1999 г. мир облетела жуткая весть: сербы, продолжая зверствовать в Косове, вырезали мирных жителей в селе Рачак. Вывод из произошедшего был естественным: сербы заслуживают сурового наказания. В роли борца за справедливость должна выступить НАТО.

Что же произошло в этом албанском селе?

Рачак – небольшое село с 250 домами недалеко от Штимля у подножья горы Езерска-Планина. В Рачаке находились штаб тер-

рористической группы и отряд из 126 албанских боевиков. Оттуда постоянно совершались вылазки и нападения на полицейских. В январе эти акции участились, среди полицейских были убитые. Об антитеррористической операции в селе Рачак подробно пишет военный корреспондент М. Дрецун⁷. Она планировалась полицией давно, но откладывалась, поскольку все её акции моментально интерпретировались как нападение на мирное население. В этот раз полиция знала, что в селе не было мирных жителей, кроме нескольких стариков. Антитеррористическая операция против боевиков, в которой должны были участвовать 110 полицейских и небольшое армейское подразделение, была назначена на 15 января, о чем миссия ОБСЕ была оповещена. Согласно плану, небольшая группа полицейских начала выдвигаться к селу в 3 часа ночи. Они прошли незаметно через село и заняли первый ряд окопов, вырытых албанцами на горе за селом, и пустовавший в ту ночь⁸. Остальные полицейские и военные ждали начала операции на дороге, ведущей в село. К утру боевики фактически были окружены.

О предстоящей операции было известно, поэтому 15 машин наблюдателей ОБСЕ находились на возвышенности у села, кроме того, съемки происходящего вели журналисты Ройтера. На рассвете военные и полицейские начали движение в сторону села. Албанцы поднялись по тревоге и побежали к вырытым окопам, не зная, что они уже заняты сербскими полицейскими. Здесь погибло много вооруженных албанских боевиков. Части из них удалось спуститься в село, где развернулась перестрелка с наступающими от дороги отрядами. Небольшими группами албанцы пытались прорваться в горы.

Операция длилась 15 часов, боевиков спаслось немного, их штаб был уничтожен. Полиция была довольна результатами проведенной операции. Часть полицейских вернулась на базу, часть должна была охранять окопы, но из-за нападения пришедших на подмогу албанцев со стороны Езерска-Планина они были вынуждены отойти в Урошевац. Албанцы вошли в село. И здесь начинается спектакль, режиссером которого выступил руководитель Контрольной миссии ОБСЕ в Косове и Метохии американец Уильям Уокер. Всех убитых во время операции боевиков сносят на поле, где и вовсе не стреляли, часть их переодевают в гражданскую одежду, а остальных увозят в Будаково и там хоронят.

На следующее утро, 16 января, в селе внезапно появился У. Уокер. Он обнаружил там «расправу» над мирным населением, созвал журналистов западных СМИ, запретив появляться сербским следователям и журналистам, и сделал заявление с места со-

бытий. «Это масакр. Нахожусь здесь. Могу видеть тела», – сказал Уокер по телефонной связи командующему НАТО в Европе В. Кларку утром 16 января 1998 г. Он обнаружил «горы тел» в гражданской одежде, многие из которых были убиты с близкого расстояния. Этот факт на пресс-конференции для иностранных и албанских журналистов он назвал «неописуемым преступлением», «преступлением против человечности», которое совершили сербские силы полиции⁹. После этого о селе Рачак заговорили мировые средства массовой информации.

А вот как описывает это событие Мадлен Олбрайт. Она услышала по радио «репортаж о настоящей резне, случившейся за восемь тысяч километров от ее дома», ужаснулась тому, как Уокер рассказывал журналистам, что людей «расстреляли разными способами, но большинство – практически в упор». Уокер своими глазами видел тела сорока пяти человек, одни были разбросаны по заснеженному оврагу, другие свалены в кучу. У всех погибших на теле зияли ужасные раны, все были одеты в штатское. Одному отрубили голову. Когда Уокера спросили, кто виноват в этом преступлении, он без колебаний ответил: «Это сербская полиция». По его версии, «сербь начали обстрел селения за день до инцидента. После артиллерийской атаки в Рачак вошли военизированные подразделения. Они согнали женщин и детей в мечеть, забрали взрослых мужчин и увели их с собой. Позже жители села обнаружили их тела»¹⁰.

Ложь, так вовремя распространенная по миру, вызывала крайне негативную реакцию тех, кто стремился наказать сербов. Но были и сомневающиеся. Некоторых журналистов поражало, что на одежде «зверски убитых мирных жителей» нет следов от пуль, следов крови, что рядом с убитыми лежат чистые фески¹¹.

Следователь окружного суда из Приштины Даница Маринкович с трудом прорвалась к месту происшествия. В служебной записке от 15 января она писала: «Когда мы пришли в село Рачак и остановились вблизи мечети, было около 14 часов, и тогда со всех сторон по нам открыли огонь. Полиция нас предупредила, что идти дальше до места, где мы должны проводить осмотр, небезопасно»¹². Полиция сообщила, что в селе были найдены обмундирование и оружие албанских боевиков. В этот день и вторая попытка попасть на место происшествия не удалась. Группу следователей снова обстреляли албанцы. Провели осмотр места только 18 января. Все убитые были перевезены в Институт судебной медицины в Приштине. Патологоанатомическая экспертиза была начата 19 января сербскими и белорусскими экспертами в присут-

ствии членов Верификационной миссии ОБСЕ. 22 января к ним присоединились 16 финских экспертов. В отчете утверждалось, что о резне безвинных гражданских лиц в с. Рачак не может быть и речи. Специальные тесты показали, что все убитые албанцы имели следы пороха на руках, использовали оружие, а, значит, были участниками боевых действий¹³.

Уокер запретил работу следственной группы окружного суда города Приштины на месте предполагаемого преступления, сразу обвинив армию СРЮ в «преступлении против человечности», «в злодейском убийстве 45 гражданских лиц», которое он сам якобы видел¹⁴.

19 января заявление сделал председатель Совета Безопасности, что придало версии Уокера большую весомость: «Совет Безопасности решительно осуждает жестокое убийство косовских албанцев в деревне Рачак в южной части Косова, Союзная Республика Югославия, 15 января 1999 года, о чем сообщила Контрольная миссия ОБСЕ в Косове (КМК). Он с глубокой обеспокоенностью отмечает, что в докладе КМК говорится, что жертвами были гражданские лица, в том числе женщины и по меньшей мере один ребенок. Совет отмечает также заявление главы КМК о том, что ответственность за это жестокое убийство лежит на силах безопасности Союзной Республики Югославии и что в нём принимали участие одетые в форму военнослужащие Союзной Республики Югославии и сотрудники сербской специальной полиции. Совет подчеркивает необходимость проведения срочного и полного расследования фактов и неотложно призывает Союзную Республику Югославию к взаимодействию с Международным трибуналом по бывшей Югославии и КМК в целях обеспечения привлечения к суду ответственных за это лиц»¹⁵.

Западные СМИ стали раздувать убийство группы албанцев в Рачаке на юге края. Несколько позже прибывшие белорусские эксперты после исследования места преступления пришли к выводу, что тела убитых людей были привезены из другого места. Затем была создана «нейтральная» международная экспертная группа финских патологоанатомов, имевшая задачу путем вскрытия трупов установить, идет ли речь о расстреле гражданских лиц или о погибших в бою террористах Освободительной армии Косова (ОАК). По их мнению, большинство убитых – военные, переодетые затем в гражданскую одежду. На пальцах многих из них были обнаружены следы пороха, пулевые отверстия были найдены на телах, но не на одежде¹⁶.

Отчет финских экспертов был опубликован только через год. Версия об убийстве 45 мирных жителей разбилась о доказательство экспертов, которых уж никак нельзя было обвинить в предвзятости. Как говорится в докладе, «в 39 случаях из 40 невозможно говорить о расстреле безоружных людей». Главный вывод экспертов: убийства в Рачаке не было. Данные финских экспертов подтвердил и директор Института судебной медицины Гамбурга Клаус Пюшель, который изучил заключение финских патологоанатомов. По его словам, экспертиза не представила доказательств, что убитые были мирными жителями, и тем более того, что они были убиты сербскими военными. Есть вероятность, и эту версию поддерживают многие эксперты, что речь идет о спланированной акции албанских экстремистов, которые перевезли в поселок трупы убитых в боях террористов¹⁷.

Свидетель на процессе Слободана Милошевича албанец Шукри Буджа показал, что в зоне Рачака находились «47 солдат, включая поваров, и другой вспомогательный персонал этого рода». К моменту начала «инцидента» солдаты ОАК находились в двух местах: в траншеях и на базе. Рано утром сербские силы начали атаку, была поднята тревога, и солдаты стали уходить с базы. В это время было убито десять солдат ОАК. Позднее сербские силы взяли позиции, занимавшиеся боевиками. Бой продолжался практически целый день. Свидетель утверждал, что были убиты и гражданские лица, однако их тела не забрали с поля боя, так как «был приказ забирать только тела членов ОАК». Ш. Буджа заявил, что вечером 15 января после ухода из деревни ее жителей они «случайно» узнали об убийстве, которое там произошло. На перекрестном допросе выяснилось, что албанские боевики заранее убедили жителей деревни Рачак покинуть свои дома «в связи с надвигающейся опасностью», что стрельбу по полиции начали албанцы, что среди убитых были и члены ОАК¹⁸.

Президент Сербии Милан Милутинович сделал заявление, распротранённое в ООН, пытаясь привлечь внимание мировой общественности к очередной лжи под названием «убийство в Рачаке»: «Пытаясь ввести в заблуждение мировое общественное мнение и тем самым организовать согласно хорошо известным рецептам своего рода новый «Маркале»¹⁹, посол Уолкер заручился полным сотрудничеством со стороны своих протеже из террористической так называемой «ОАК». В серии лживых утверждений и измышлений он обвинил наши государственные органы, предприняв явную попытку отвлечь внимание от террористов, убийц и по-

хитителей людей и вновь защитить их, как он защищал их все это время»²⁰.

В Сербии многим было ясно, что Рачак – хорошо срежиссированный спектакль, который был необходим для вмешательства НАТО. Мир готов был наказать руководство Югославии, Югославскую армию, а вместе с ними и весь сербский народ. В Совет Безопасности посыпались письма от Австралии, Албании, Исламской группы в ООН, выражавшие возмущение в связи «с хладнокровным убийством 45 невинных мусульман из числа гражданского населения», которое следует рассматривать как проявление «этнической чистки в Косове»²¹. Россия в совместном заявлении с США также возмутилась убийством албанцев, «которому нет никакого оправдания», упомянула и грозящую краю «гуманитарную катастрофу»²².

Это был прекрасный повод рассердиться на сербов. Мадлен Олбрайт этот случай настолько возмутил, что госсекретарь начала действовать. Она попросила генерала Кларка, верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО, и генерала Клауса Наумана, председателя Военного комитета Альянса, отправиться в Белград и потребовать от Милошевича прекратить насилие. Сербскому же лидеру напомнили о том, что угроза НАТО о вооруженном вмешательстве остаётся в силе. М. Олбрайт со своими наиболее авторитетными советниками стала разрабатывать стратегию, которая бы соединила в себе силовые и дипломатические методы и позволила бы «остановить» Милошевича. По ее мнению, «албанцы более чем заслуживали, чтобы международные инспекторы рассказали об их смерти всему миру»²³. Она начала звонить министрам иностранных дел стран – членов НАТО и предложила, чтобы Альянс ускорил нанесение ударов.

План госсекретаря состоял в том, чтобы увязать достижение политического урегулирования с угрозой воздушных ударов. Вернее, бомбить уже спланировали, но надо показать добрую волю к переговорам. Правда, хорошо бы было, чтобы сербы отказались участвовать в переговорах. Представитель США в НАТО Александр Вершбоу не один месяц неустанно твердил, что НАТО, в конечном счете, будет вынуждено применить силу, чтобы помешать Милошевичу и дальше терроризировать население Косова. М. Олбрайт стремилась тогда обеспечить информационную поддержку агрессии НАТО против Югославии, упорно внедряя в умы тезис о гуманных целях операции, о безальтернативности бомбовых ударов, о заботе об албанском населении.

К 23 января американский план был готов. Он предполагал «инициацию переговоров путем угрозы воздушными ударами, а также использование натовских миротворческих сил»²⁴. Если же С. Милошевич откажется от переговоров, а албанцы согласятся, считала госпожа госсекретарь, то «урегулированию предшествовал бы период бомбардировок, который бы продолжался ровно столько, сколько понадобилось бы, чтобы убедить Милошевича пойти на переговоры»²⁵.

На обращения югославского руководства в Совет Безопасности об ответственности албанцев за эскалацию террористической деятельности, за нападения на полицейские патрули, похищения военных и мирных жителей никто не отреагировал. Министр иностранных дел СРЮ писал в СБ, что с 13 октября 1998 г. по 14 января 1999 г. албанскими сепаратистами было совершено в общей сложности 599 террористических актов и провокаций, 186 из которых были направлены против гражданских лиц, а 413 – против сотрудников министерства внутренних дел. В ходе этих нападений 53 человека были убиты, 112 получили ранения, 43 человека были похищены²⁶. С. Милошевич пытался поговорить с генералами Кларком и Науманом, настаивая, что в Рачаке погибли исключительно террористы; обвинил Билла Уокера в предвзятости. «Когда Кларк упомянул о возможности нанесения силами НАТО воздушных ударов, Милошевич назвал его “военным преступником”»²⁷.

За подтасовку фактов и препятствия, чинимые в расследовании «случая Рачак», Белград объявил Уокера персоной нон грата и обязал его покинуть территорию Югославии в течение 48 часов. Совет Безопасности призвал Белград «отменить это решение и в полной мере сотрудничать с г-ном Уокером». Один из пленных албанцев показал, что во время посещения Холбруком штаба террористов в Косове тот сказал: «Уокер хорошо сделал Рачак и, чтобы не быть под прицелом, переброшен на другой континент»²⁸.

Совет Безопасности расценил события в Рачаке как последнюю угрозу усилиям по урегулированию этого конфликта путем переговоров и мирными средствами²⁹. Такое решение фактически давало натовцам карт-бланш начинать бомбёжки Югославии даже без разрешения Совета Безопасности.

Итак, Рачак «сделан». Благодаря ему М. Олбрайт заручилась поддержкой своего правительства и военных. Ее мемуары показывают, что именно она была мотором всей натовской операции: в одном лице и генштабом, и министром, и солдатом. Опять же, имя Рачак, она принялась уговаривать Европу. Но Европа не сра-

зу откликнулась положительно на военные планы Олбрайт. Старый Свет видел свой материк мирным, бесконфликтным, был готов долго переговариваться, чтобы достичь даже мизерного результата. М. Олбрайт задумала найти для Европы еще один весомый аргумент. Например, можно организовать широко освещаемую мирную конференцию, которая закончится ничем из-за позиции Белграда. И тогда можно будет говорить и о силовом варианте разрешения конфликта³⁰.

М. Олбрайт полагала, что инициатором мирной конференции должна стать Контактная группа³¹, «только если Россия – член Контактной группы – не будет чинить препятствий»³².

Сомнения М. Олбрайт не были напрасными. Российский Генштаб, как вспоминал генерал-майор Л.Г. Ивашов, располагал информацией о Рачаке от российского посольства в Белграде, от наблюдателей из России в Косовской Верификационной миссии. Кроме того, Генштаб использовал информацию, полученную от независимых экспертов из Финляндии и от местного населения, которые не видели полицейских рейдов, направленных на арест больших групп населения, и не подтвердили, что их сгоняли всех вместе для того, чтобы расстрелять. «Мы были очень удивлены выводами г-на Уокера, которые не были основаны на тщательном расследовании, и в которые не были вовлечены российские эксперты. Наши представители вообще в этом не участвовали», – писал генерал Л.Г. Ивашов³³.

М. Олбрайт понимала, что в создавшейся ситуации необходимо заручиться поддержкой Москвы. Ее диалог с тогдашним российским министром иностранных дел И. Ивановым, которого она считала умным и обаятельным, закончился тем, что Иванов разделил ее мнение о политическом урегулировании и угрозу силовыми действиями посчитал возможной. Вывод для европейских коллег по Контактной группе был однозначный: «Иванов не будет становиться у нас на дороге, так что мы должны объединиться и вместе предьявить Милошевичу ультиматум»³⁴. План о будущей «неуспешной конференции в Рамбуйе» начал осуществляться.

Фактически «случай Рачак» и мирная конференция должны были стать поводом для очередного наказания Сербии. Это подтверждают письма Генерального секретаря Организации Североатлантического договора от 28 и 30 января 1999 г. на имя Президента Югославии, названные «последним предупреждением». НАТО делала вывод, что кризис в Косове по-прежнему угрожает миру и безопасности в регионе, а потому стратегия НАТО направлена на прекращение насилия и содействие завершению переговоров по

временному политическому урегулированию в Косове, что должно предотвратить гуманитарную катастрофу. «Шаги в этом направлении должны включать принятие обеими сторонами приглашения начать к 6 февраля 1999 года переговоры в Рамбуйе <...>; полное и незамедлительное выполнение обеими сторонами соглашения о прекращении огня и властями Союзной Республики Югославии их обязательств перед НАТО, включая приведение численности, структуры и действий югославской армии и специальной полиции в строгое соответствие с соглашением НАТО/Союзная Республика Югославия от 25 октября 1998 года, прекращение чрезмерного и несоразмерного использования силы в соответствии с этими обязательствами». В случае, если указанные шаги не будут предприняты, «Генеральный секретарь НАТО может санкционировать нанесение ударов с воздуха по целям на территории Союзной Республики Югославии»³⁵.

Переговоры в Рамбуйе послужили задуманной цели обвинить сербов в их срыве. Требования к сербам были столь высоки и унижительны, что прийти к соглашению не удалось. Теперь и Европа больше не сомневалась, что Югославия заслужила наказания бомбовыми ударами. Воздушная операция НАТО против Югославии началась 24 марта 1999 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стојановић М. Повезаност «ОВК» и НАТО-а у извођењу борбених дејстава против снага безбедности СРЈ // Војска Југославије у одбрани од агресије НАТО: Сведочанства. Књ. 1. Београд, 2009. С. 33.

² Документы ООН. S/RES/1199 (1998); S/RES/1199 (1998)

³ Югославия на пороге 2000 года: Документы, факты, свидетельства, мнения. М., 1999. С. 44.

⁴ Документ ООН. S/RES/1203 (1998); Принципы политического урегулирования ситуации в Косове и Метохии (14 октября 1998 г.) // Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Т. 2. М., 2007. С. 122–123.

⁵ Цит по: Милошевич С., Вилич Д., Тодорович Б. В чем обвиняют Югославию? М., 2002. С. 73.

⁶ Там же. С. 300, 302.

⁷ Дрецул М. Други Косовски бој. Ветерник, 2001.

⁸ Там же. С. 20–24.

⁹ Zločin i kazna // НИИ. Београд, 2002. 17 јан. Режим доступа: www.nin.rs

¹⁰ Олбрайт М. Госпожа госсекретарь. Мемуары. М., 2004. С. 510.

¹¹ Заговор против Югославии. Война в Косове. Период распада. Часть 2. Фильм Аркадия Мамонтова. 2007.

¹² Симић И. Истина о Рачку. Београд, 2006. С. 203

¹³ Там же. С. 507–550, 575.

¹⁴ Письмо министра иностранных дел СРЮ на имя министра иностранных дел Королевства Норвегии, действующего председателя ОБСЕ (18 января 1999 г.) // *Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии*. Т. 2. М., 2007. С. 166; Заявление Президента Республики Сербии Милана Милутиновича (16 января 1999 г.) // Там же. С. 163–164.

¹⁵ Заявление председателя Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (19 января 1999 г.) // Там же. С. 169.

¹⁶ Югославия на пороге 2000 года... С. 49.

¹⁷ *Фокина К.* Расстрела в Рачаке не было // *Независимая газета*. М., 2000. 25 март. Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2000-03-25/6_rachak.html

¹⁸ *Меязев А.С.* Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале. Записки из зала суда. Книга первая. Обвинительная часть. Казань, 2006. С. 98–99.

¹⁹ Взрывы на рынке Маркале в Сараеве в 1994 и 1995 гг., вина за которые была возложена на сербов.

²⁰ Заявление Президента Республики Сербии Милана Милутиновича (16 января 1999 г.) // *Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии*. С. 163.

²¹ Документ ООН. А/53/87.

²² Югославия на пороге 2000 года... С. 50.

²³ *Олбрайт М.* Госпожа госсекретарь... С. 511.

²⁴ Там же. С. 512–513.

²⁵ Там же. С. 512.

²⁶ Документы ООН. S/1999/24; S/1999/56; S/1999/51. Заявление по Косову, сделанное членами Контактной группы в Бонне (25 марта 1998 г.) // *Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии*. С. 56–58; Письмо министра иностранных дел СРЮ на имя министра иностранных дел Королевства Норвегии, действующего председателя ОБСЕ (18 января 1999 г.) // Там же. С. 165–168.

²⁷ *Олбрайт М.* Госпожа госсекретарь... С. 513.

²⁸ *Ворђевић Ђ.А.* Косметска голгота преваре НАТО пакта и Америке. Нови Сад, 2007. С.157.

²⁹ Заявление председателя Совета Безопасности ООН (19 января 1999 г.) // *Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии*. С. 169.

³⁰ *Олбрайт М.* Госпожа госсекретарь... С. 513.

³¹ Контактная группа была создана в 1994 г. с целью координации урегулирования на Балканах из министров иностранных дел США, России, Великобритании, Франции и Германии.

³² *Олбрайт М.* Госпожа госсекретарь... С. 514.

³³ Свидетельские показания Л.Г. Ивашова // *Говорят свидетели защиты: Суд над Слободаном Милошевичем*. М., 2005. С. 202.

³⁴ *Олбрайт М.* Госпожа госсекретарь... С. 515.

³⁵ Письмо министра иностранных дел СРЮ на имя председателя Совета Безопасности ООН (1 февраля 1999 г.) // Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. С. 173–174.

V. ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

К.В. НИКИФОРОВ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ БАРОНА ВРАНГЕЛЯ

Abstract:

Nikiforov K.V. *The Last Will of Baron Wrangel*

The article tells about the last will of P.N. Wrangel who bequeathed that he should be buried in the Holy Trinity Russian Orthodox Church in Belgrade under the Russian colours. However the Serbian authorities stood up against it as the church was located at the abrogated cemetery. Anyway the will of the Baron was done but his grave was considered to temporary from the very beginning and his reburial, even in Russia, was conceded.

Ключевые слова: барон Врангель, последняя воля, перезахоронение, церковь Св. Троицы в Белграде.

В 2005 г. в некрополе Донского монастыря с государственными почестями произошло перезахоронение одного из руководителей Белого движения генерала А.И. Деникина. Через два года рядом с ним был погребен прах генерала В.О. Каппеля. Перезахоронение на родине видных деятелей Белого движения вызвало противоречивые отклики как в русском зарубежье, так и в России. Впрочем, в России остается противоречивым отношение и к самим этим деятелям. Так, несколько раз было отказано в посмертной реабилитации адмирала А.В. Колчака, и в то же время в 2008 г. был снят восхваляющий его художественный фильм «Адмираль».

Наиболее непримиримые «белые организации» зарубежья назвали подобные перезахоронения «кошунственным спектаклем». В Заявлении Российского обще-воинского союза говорилось, что «провалилась и идея чекистов перезахоронить в ЭрЭфии одновременно с ген. Деникиным прах Главнокомандующего Русской Армии Ген. шт. генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля. Здесь бывшие советские, а ныне “федеральные” чиновники получили отпор: потомки генерала Врангеля, в частности, его сын, барон Алексей

Петрович Врангель, своевременно выступили с протестом по поводу чекистских планов, справедливо отметив, что время перезахоронения Белых вождей еще не наступило, ибо преступления коммунизма в РФ так до сих пор юридически не осуждены»¹.

Тем не менее, вопрос о перезахоронении останков Врангеля в Донском монастыре Москвы периодически вновь всплывает на поверхность. С подобной инициативой 29 января 2007 г. выступил, например, С.С. Зуев, глава Фонда по увековечению памяти о жертвах политических репрессий. В связи с кончиной А.П. Врангеля ответ пришел от живущего в Нью-Йорке внука генерала, адвоката Петра Алексеевича Базилевского. В письме, в частности, говорилось, что «за последние два десятка лет произошли огромные перемены в сознании россиян относительно сущности “большевизма” и советской власти. Однако не произошло главного: осуждения этого зла на государственном уровне». Генерал Врангель «по собственной воле, изъявленной при жизни, похоронен в склепе русской церкви в Белграде. Там он покоится по сей день, а недалеко лежат тысячи сослуживцев, чинов его армии... Как в жизни, так и в смерти, он находится в строю, вместе со своими офицерами, солдатами, казаками. Взять сейчас его – одного – для перезахоронения в Москве, взять его из рядов преданных ему подчиненных (и преданных его памяти потомков их) можно только по очень уважительной причине. Будь он жив, вряд ли бы он сам согласился бросить свою армию для чести ехать в Москву один, зная, что там до сих пор почетное место рядом с Кремлем занимают Ленин и Сталин. ...с тяжелым сердцем сожалеем, что время для перезахоронения Врангеля на родине еще не наступило... преждевременное захоронение его лишь умалит значение подвига и жертв – как самого Врангеля, так и всех Белых воинов, отдавших жизнь на благо России»².

Как видим, острота дискуссий по-прежнему не спадает, несмотря на грядущий уже столетний юбилей октябрьского переворота в России. Это заставляет нас еще раз посмотреть на события, связанные с кончиной и захоронением последнего главнокомандующего Русской армии.

Как известно, барон Петр Николаевич Врангель скончался 25 апреля 1928 г. в Брюсселе. Смерть от скоротечного туберкулеза 49-летнего генерала, только недавно перебравшегося из Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевства Югославии) в Бельгию³, породила немало слухов об отравлении его советскими агентами.

Перед своей кончиной Врангель успел выразить «свою последнюю волю, чтобы прах его был погребен в Белградском русском православном храме, воздвигнутом на горсти русской земли, вывезенной из Крыма, под сенью русских боевых знамен»⁴. Вследствие такого пожелания тело скончавшегося генерала было набальзамировано и в свинцовом гробу временно, до отправки в Белград помещено во временном склепе на брюссельском кладбище Иксель. Через три месяца гроб был перевезен в бетонный постоянный склеп на кладбище Сент-Жюль⁵.

Выбор барона был понятен. Сербия на карте русского зарубежья занимала не самое главное, но особое место. Прежде всего Сербия знаменита тем, что стала пристанищем эвакуированной Русской армии во главе с самим главнокомандующим Врангелем и части иерархов Русской православной церкви, которые образовали затем Русскую православную церковь за границей. Центром и того, и другого стал небольшой провинциальный городок Сремски-Карловцы в сербской Воеводине⁶. Но большинство беженцев принял Белград. До постройки собственного храма в сербской столице для своих религиозных нужд беженцы использовали модельню, открытую в 1920 г. в помещении эмигрантской столовой в бывшей французской казарме на улице Краля Петра, а затем службы были перенесены в здание только что созданной 1-й русско-сербской гимназии⁷. Иногда использовались и сербские церкви, в частности, сербский храм Св. Александра Невского, построенный еще в 1876 г. на месте, где находилась небольшая русская военная церковь⁸.

Однако русские беженцы обязательно хотели иметь свой собственный храм. Причем, это не встречало понимания сербских иерархов, полагавших, что для религиозных нужд беженцев вполне подходят православные сербские храмы. Но для русских людей храм был нужен не только как место для молитв, но и как место для встреч, как маленький клочок земли, где бы и вдали от родины ощущался русский дух. «Первая и неотложная забота русских на чужбине... при любых условиях – это иметь свой духовный очаг, храм и хор»⁹.

Организатором отдельного русского прихода и строительства русской церкви был выходец из Ставрополя, настоятель храма в Новороссийске, протоиерей о. Петр Беловидов. С большим трудом он получил разрешение сербского патриарха Димитрия на перестройку покойнического барака, находившегося на бывшем старом городском кладбище в Ташмайданском парке, во временную переносную церковь. На эту постройку жертвовали не только рус-

ские. Так, премьер-министр Н. Пашич пожертвовал 40 тыс. динаров, его супруга подарила колокол, а два кирпичных завода выделили необходимое количество кирпича. Однако против подобной перестройки выступили священники находившейся рядом церкви Св. Марка, считавшие барак своей собственностью. Они обратились с жалобой к патриарху Димитрию, а тот послал об этом запрос иерарху русского священничества за границей, бывшему митрополиту Киевскому и Галицкому Антонию (А.П. Храповицкому).

Но пока шло разбирательство, строители ускорили работы и всего за 39 дней (по некоторым данным, даже без должного фундамента) воздвигли небольшую церковь по проекту военного инженера и архитектора В.В. Сташевского. Получилась скромная, но уютная каменная церковь шатрового типа с прекрасным иконостасом в древнерусском стиле, с одной из главных святынь верующей России – Курской-Коренной иконой Божией Матери «Знамение». Свято-Троицкий храм стал центром русского зарубежья в Королевстве СХС и кафедральным собором митрополита Антония¹⁰.

Первая служба в Русской церкви состоялась 4 января 1924 г. На следующий день патриарх Димитрий направил митрополиту Антонию грамоту, в которой несколько запоздало давал согласие на временную установку церковного колокола. Он особенно просил информировать русскую церковную общину о том, что «вместо этой часовни будет построена новая русская церковь в Белграде на другом месте, как это и было предусмотрено договором и нашим разрешением, данным в согласии с Вашим мнением»¹¹. Но и тогда священники из храма Св. Марка не смирились и продолжали оказывать сопротивление. «Лишь после того, как Н. Пашич прислал жандармов, колокол был подвешен без помех»¹².

И все-таки эта была не часовня, а настоящая церковь и даже небольшой храм. И в этом храме хранилось более 200 боевых знамен и штандартов многих русских гвардейских и старых царских полков, в том числе периода Отечественной войны 1812 г., обороны Севастополя и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Были здесь также знамена различных белогвардейских частей времен гражданской войны¹³. Именно под их сенью и хотел быть упокоенным главнокомандующий Русской армии.

Однако в выполнении последней воли генерала Врангеля, которой занимались глава Делегации по защите интересов русских беженцев в Королевстве СХС В.Н. Штрандтман и специально созданный Комитет по увековечению памяти главнокомандующего, возникли неожиданные трудности. Правительство Королев-

ства было «вполне расположено к перенесению праха генерала Врангеля в Белград», но оно отказывалось удовлетворить желание о погребении его в Русской церкви, поскольку она находилась на территории уже упраздненного кладбища, откуда еще год назад «были перенесены все без исключения покоившиеся останки». Правительство предлагало воздвигнуть гробницу генерала Врангеля на белградском Новом кладбище (Новом гробле. – *К.Н.*), где уже были «погребены генерал М.В. Алексеев, воеводы Путник и Мишич, Н.П. Пашич и другие местные выдающиеся государственные деятели»¹⁴.

12 мая 1928 г. в беседе с помощником Штрандтмана Н.С. Урсати сербский патриарх Димитрий обещал в случае переноса праха Врангеля в Сербию лично отслужить чин отпевания в Соборной церкви Белграда. По его словам, генерал Врангель – русский «великан» и «надо, чтобы все было обставлено соответственно; на старом кладбище хоронить нельзя, но он будет покоиться там, где ваши и наши “великаны”»¹⁵.

Сложившаяся ситуация сильно беспокоила вдову Врангеля баронессу Ольгу Михайловну. Она продолжала надеяться, что «все же удастся добиться разрешения на временное помещение праха главнокомандующего» в Русской церкви. Однако все было напрасно. В.Н. Штрандтману сообщали, что баронесса «положительно подавлена отказом Сербского правительства дать разрешение на погребение П.Н. в Русской церкви. Она совершенно справедливо заявляет, что покойный ее муж высказал определенное желание быть похороненным в Русской церкви в Белграде, но что он никогда не высказывал предпочтения быть похороненным в Сербии вообще»¹⁶.

Есть версия, что вдова Врангеля с самого начала хотела, чтобы его могила оставалась в Брюсселе, где ей было бы легче за ней ухаживать. Но и последнюю волю своего мужа она, конечно, не могла открыто оспаривать. И лишь когда возникли проблемы с местом погребения, она снова высказала свои предпочтения¹⁷.

В связи с позицией вдовы вопрос о похоронах Врангеля на Новом белградском кладбище, как того хотели югославские власти, отпал. Казалось, что вообще отменяются похороны в Белграде или где бы то ни было в Сербии. Представители русских беженцев особенно переживали из-за этого. Они считали, что «только при похоронах в Сербии» Врангелю могли быть отданы приличествующие главнокомандующему воинские почести¹⁸.

Комитет по увековечению памяти главнокомандующего 22 мая 1928 г. передал королевскому правительству специальное хо-

датайство, в котором говорилось, что «Врангель питал особо теплые чувства к братскому народу сербов, хорватов и словенцев, прожил на территории Королевства СХС пять лет». При жизни он был «почетным председателем Комитета по постройке Белградского русского храма и одним из щедрых жертвователей на него». Погребение Врангеля в Русской церкви, «как создателя храма... и как человека глубоко верующего – не противоречит каноническим правилам». Члены Комитета вновь просили «разрешить временное хранение гроба генерала Врангеля (в Русской церкви. – *К.Н.*), впредь до предстоящего отвода на Новом кладбище русского участка, на котором он будет похоронен до перевоза в Россию» (когда это станет возможным. – *К.Н.*)¹⁹.

Таким образом, просьба был сдвинута «в совершенно другую плоскость»: «не погребение в Русской церкви, а постановка гроба временно в Русской церкви (для чего мог бы быть оборудован склеп, если нет под церковью подвального помещения) с тем, чтобы при первой же возможности перенесения русских знамен в другую церковь или, если Бог даст, знамена вернутся в Россию, то и гроб будет перенесен в другое место»²⁰.

31 мая 1928 г. В.Н. Штрандтман докладывал о сути проблемы в Париж главе Совета бывших русских послов М.Н. Гирсу: «Старое белградское кладбище закрыто, а на нем находится наша Церковь и притом временно и не только на нем не разрешают новых похорон, но и прежние могилы переносятся на Новое кладбище». Из беседы в Министерстве иностранных дел Королевства СХС Штрандтман «вынес вполне ясное впечатление, что просить большего, чем временное помещение праха в Русской церкви до перенесения его на Новое кладбище, безнадежно»²¹.

Глава Делегации по защите интересов русских беженцев особенно подчеркивал, что не стоит рассчитывать на помощь сербского патриарха: «во-первых потому, что место Русской церкви вообще намечается к изъятию из церковного ведения, а во-вторых, – и тут значение Патриарха может быть только отрицательным, потому, что Его Святейшество никогда в Русской церкви не был, так как считает, что был обманут ее строителями, которым он разрешил (на словах) поправить и улучшить стоявший на том месте покойнический барак, отведенный нам под церковные службы, а отнюдь не воздвигать самостоятельный Храм, как это было сделано в действительности... до сих пор Его Святейшество считает себя обиженным и к Русской церкви относится более, чем сдержанно. Рассчитывать, следовательно, на то, чтобы он способствовал похоронам генерала Врангеля в этой церкви, нельзя»²².

Параллельно с вопросом о похоронах Врангеля русские беженцы пытались решить вопрос о выделении им участка на Новом кладбище в Белграде – «русской парцеллы». В 1929 г. старшая сестра существовавшего в эмиграции Мариинского церковного сестричества и председатель Общества попечительства духовных нужд княгиня М.А. Святополк-Мирская, знавшая короля Александра Карагеоргиевича еще по России, добилась от белградских властей выделения земли на действующем городском кладбище. Там она предполагала воздвигнуть новую часовню для отпевания усопших. В момент переговоров стало известно о разрушении Иверской часовни в Москве. Тогда и возникла мысль воссоздать ее в Белграде.

С просьбой собрать необходимые средства к эмигрантам обратился Главный совет Общества попечения о духовных нуждах под председательством А.И. Щербакова. В воззвании, в частности, говорилось: «Не стало молитвенной сени, куда в течение 3-х столетий люди всех положений и состояний, богатые и нищие, мудрецы и юродивые, простецы и вельможи, и сам Русский Царь – несли свои радости и горести, проливали слезы скорби и умиления». Однако была собрана лишь десятая часть необходимых денег. Княгиня Святополк-Мирская, придя за благословением на постройку часовни к митрополиту Антонию, посоветовала на это. Владыка ее благословил и успокоил: «Не беспокойся, соберут, русский человек дает на водку, но он дает и на Церковь»⁶. И владыка оказался прав – деньги вскоре собрали.

Вопрос о захоронении Врангеля также решился положительным образом, причем единственно возможным способом – решением самого короля Александра Карагеоргиевича. 18 июля 1929 г. военный министр генерал Хаджич вызвал к себе представителей Комитета по увековечению памяти П.Н. Врангеля и объявил, что «Его Величество разрешил похоронить главнокомандующего в Русской церкви». Однако он предупредил, что по новому городскому плану Русская церковь, как и сербская церковь Св. Марка, подлежит сносу; «впрочем, – добавил он, – срок этот настолько длинен, что успеют всех нас похоронить раньше, чем этот план будет приведен в исполнение»²³.

О перезахоронении праха Врангеля в Белграде осталось множество воспоминаний. Это неудивительно, поскольку столь знаменательное событие для жителей города и для осевших в стране русских беженцев не могло не осесть в памяти.

Поезд «Восточный экспресс» с телом Врангеля въехал в Сербию на станцию Суботица 4 октября 1929 г. На станции собралась огромная толпа тех, кто хотел бы отдать дань уважения русскому

главнокомандующему. 5 октября последние почести Врангелю отдали уже жители Нови-Сада. Затем через Сремски-Карловцы поезд отправился в Белград, куда прибыл на главный железнодорожный вокзал в восемь часов вечера и где его также ожидала огромная толпа²⁴.

Рано утром в воскресенье 6 октября 1929 г. гроб из затянутаго черным крепом вагона вынесли старшие русские начальники во главе с генералом А.П. Кутеповым. Отпевание в здании вокзала совершили настоятель Русской церкви протоиерей о. Петр Беловидов, русский архиепископ Феофан Курский, епископ Нишский Досифей²⁵, всего 40 священников. В службе принимал также участие знаменитый русский хор Е.П. Маслова. После этого гроб был установлен на лафет. До Русской церкви траурный маршрут пролегал от привокзальной площади (которая тогда называлась площадью Вильсона) по улицам Тетовской, Балканской, Кралици Наталии, Милоша Великого и Таковской. Впереди лафета с гробом шло русское духовенство – десять рядов по четыре священника в каждом. За русским духовенством двигалось сербское. За гробом казак вел белого командирского коня, несли множество венков, за венками – русские и иностранные ордена покойного. Далее следовала почетная стража и семья Врангеля. Шли воинские части – «конвой, казачья гвардия, артиллеристы, александрийцы, батальон 2-го сербского полка, батарея, генералитет, офицеры гарнизона и снова бесконечная черная лента делегаций». Процессия растянулась на несколько километров. Вдоль всей дороги стояли казаки с саблями наголо. Тротуары были запружены толпой, окна домов и балконы были полны любопытными²⁶.

Конечно, десять лет эмиграции оставили свой след. Русский свидетель схожих событий на белградских улицах так передал увиденную картину: «Славные формы наших боевых полков, поношенные черески лихих казаков; ордена, милые косынки боевых сестер и старенькие гимнастерки ветеранов с примятыми погонами. Разочарованные и подавленные изгнанники... недавние герои в потрепанных одеждах! Все они на мгновение как бы воскресли: души их наполнились национальной гордостью и глаза заблестали боевым огнем... Есть величие и в рубище! Есть слава и в поношенной, старенькой форме! Есть гордость и в измятых погонах!»²⁷.

На перезахоронении праха генерала Врангеля присутствовали представители 76 эмигрантских колоний из Сербии, Болгарии, Франции, Бельгии, Германии и Италии, десяти благотворительных организаций, семи научных групп, девяти культурно-просве-

ительских и четырех художественных союзов, а также всех полков и дивизий Русской армии в изгнании²⁸. Возле церкви Св. Троицы были выстроены воинские части и кадетский корпус с оркестрами. За церковную ограду внесли множество венков. В самой церкви в заупокойной литии принимали участие русские и сербские священники, которых возглавляли сербский патриарх Димитрий и митрополит Антоний. Гроб опустили в мраморную гробницу «на глазах тысяч людей», многие из которых не скрывали слез²⁹.

Мы видим, что семья генерала и его соратники не без труда, но выполнили все-таки последнюю волю П.Н. Врангеля. Главнокомандующий Русской армии упокоился «под сенью родных знамен, иссеченных в боях, избитых пулями»³⁰. Это, как можно было понять, и было самым главным. Но упокоился временно. Причем, допускалось даже перезахоронение в России. Конечно, возвращать прах генерала на родину сейчас, позже или не возвращать вовсе – дело родственников. Их аргументы понятны, кроме одного – рядом в Белграде покоятся «тысячи сослуживцев и чинов его армии». Это не совсем рядом, и этот фактор во время перезахоронения никак не учитывался. В то время «русская парцелла» на Новом гробле Белграда только-только обустроивалась. Она разрослась позже, затем пришла в сильное запустение, к 100-летию Первой мировой войны была отреставрирована, к сожалению, неудачно.

Говорят, что нет ничего более постоянного, чем временное. Русская церковь Св. Троицы стоит и поныне. Исчезла лишь соседняя сербская церковь Св. Марка, в которой были похоронены король Александр Обренович с супругой. Она оказалась поглощена одноименным величественным храмом, загородившим вид и на Русскую церковь. Но небольшой Свято-Троицкий храм на Ташмайдане пережил и годы Второй мировой войны, став после ее окончания подворьем Русской православной церкви, и месяцы налетов бомбардировок в 1999 г., когда он лишь немного пострадал после ракетного удара по зданию сербского телевидения. И поныне в этой церкви покоится мраморный склеп с прахом генерала П.Н. Врангеля. В социалистическое время его стыдливо прикрывали, чтобы не бросался в глаза, но сейчас место упокоения генерала освобождено от всяких драпировок.

И только русских боевых знамен в церкви больше нет. Они исчезли при не выясненных до конца обстоятельствах после освобождения Белграда Красной армией в 1944 г. Находились свидетели, которые утверждали, что видели в сторожке при Русской церкви в Белграде «мусорную кучу из остатков древков и лент от

знамен за боевую славу». Но полотнища знамен «были упакованы в пять ящиков... и снабжены описями». Представителями русской эмиграции они были вывезены сначала в Вену, затем в Дрезден. Далее их следы теряются. Возможно, они были найдены советскими войнами и даже, по некоторым данным, переправлены ими в один из ленинградских музеев³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Заявление Русского Обще-Воинского Союза по поводу перезахоронения чекистами праха генерала А.И. Деникина в Российской Федерации. Октябрь 2005 г. // <https://maxpark.com/community/1161/content/647776>.

² Ответ внука П.Н. Врангеля на предложение о перезахоронении праха генерала в РФ // Легитимист. Информационное агентство Российского императорского союза-ордена // <http://legitimist.ru/sight/history/2015/otvet-vnuka-vrangelya-na-predlozhenie-o-perezaxoronenii.html>.

³ Несмотря на короткий срок пребывания в Бельгии, Врангель успел подготовить там к печати свои воспоминания, названные им «Записки». См., например, одно из первых изданий в России: *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Часть I, II. М., 1992.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Миссия в Белграде. 1928–1930. Д. 114. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 1, 10.

⁶ Подробнее см.: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005. С. 248–280.

⁷ *Глигориевич Б.* Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами // *Русская эмиграция в Югославии.* М., 1996. С. 111; *Косик В.* Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000. С. 63.

⁸ *Бурий О.* Руска литерарна Србија. 1920–1941. Београд, 1990. С. 23.

⁹ *Арсеньев А.Б.* Русские монастыри и приходы в Сербии // *Русские в Сербии.* Белград, 2009. С. 57.

¹⁰ *Маевский В.* Русские в Югославии. Нью-Йорк, 1966. С. 23–29; *Йованович М.* Указ. соч. С. 278.

¹¹ *Йованович М.* Указ. соч. С. 278.

¹² *Косик В.* Указ. соч. С. 65.

¹³ Белоэмиграција у Југославији. 1918–1941. Т. II. Београд, 2006. С. 134.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. 1928–1930. Д. 114. Л. 13–13об.

¹⁵ Там же. Л. 17.

¹⁶ Там же. Л. 19, 25.

¹⁷ *Кронер Э.* Белая армия, Черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля. М., 2011. С. 431–432.

¹⁸ АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. 1928–1930. Д. 114. Л. 25 об.

¹⁹ Там же. Л. 26–27.

²⁰ Там же. Л. 28–28об.

²¹ Там же. Л. 31–31об.

²² Там же. Л. 32.

⁶ Цит. по *Косик В.* Указ. соч. С. 90–91.

²³ АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. 1928–1930. Д. 114. Л. 49–49об.

²⁴ *Кронер Э.* Указ. соч. С. 432.

²⁵ Будущий митрополит Загребский, канонизированный Сербской православной церковью как священномученик.

²⁶ АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. 1928–1930. Д. 114. Л. 76; *Кронер Э.* Указ. соч. С. 432–433; http://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/08/30/pamyati_generala_vrangelya_stranichka_vospominanij; <http://www.istmira.com/istpravomir/general-vrangel/934-general-vrangel-stranica-21.html>

²⁷ *Маевский В.* Указ. соч. С. 41–42.

²⁸ *Кронер Э.* Указ. соч. С. 432–433.

²⁹ *Маевский В.* Указ. соч. С. 27–28; http://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/08/30/pamyati_generala_vrangelya_stranichka_vospominanij.

³⁰ http://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/08/30/pamyati_generala_vrangelya_stranichka_vospominanij.

³¹ *Маевский В.* Указ. соч. С. 24–27.

И.Г. СТРАХОВСКАЯ
(Институт славянской культуры
МГУДТ, Москва)

ЛЕОНИД ЧАЦКИЙ, ИЛИ ГОРЕ ОТ УМА (К ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ)

Abstract:

Strakhovskaya I.G. *Leonid Chatsky or woe from wit (to the history of Russian emigration)*

The article presents valuable data of the history of the Russian emigration of the first wave. The author attempts to analyze the relationship between the poets, who were the members of the Berlin literary Association «Brotherhood of the Round Table».

Ключевые слова: история русской эмиграции, литературное объединение «Братство Круглого Стола» (Берлин 1922 г.), журнал «Современник» («Sovremennik», Торонто 1960 – 1980 гг.), Канадская ассоциация Славян, Анна Горенко (Ахматова), Николай Гумилев, Георгий Иванов, Владимир Набоков (Сирин), Леонид Страховский (Чацкий), Глеб Струве.

В 2015 г. в «Новом Журнале»¹ появилась публикация А.А. Бабикова² на основе материала рукописи из архива В.В. Набокова³, где автор статьи ссылается на сообщение, взятое из газеты «Руль»⁴ 1922 г.: «12 ноября в основанной отцом Набокова газете “Руль” было сообщено о бойкоте сотрудников “Накануне”⁵ и выходе из “Веретена”⁶ семи его членов, среди которых были писатель Сергей Горный (Александр Оцуп), прозаик Иван Лукаш, вскоре ставший другом и соавтором Набокова, поэт Глеб Струве, сам Владимир Сирин и поэт Леонид Чацкий (Страховский). Последний немедленно предложил создать новое непубличное и даже “тайное” объединение “Братство Круглого Стола”, в которое, помимо упомянутых литераторов, вошли Владимир Амфитеатров-Кадашев, прозаик и критик Владимир Татаринов, Николай Арбузов, позже ставший владельцем книжного магазина, поэт и журналист, участник поэтической группы “Зеленая мастерская” Евгений Кумминг, гимназический учитель Николай Яковлев, позднее – поэт Владимир Корвин-Пиотровский»⁷.

Название, восходящее к легендарным артуровским рыцарям, было предложено, по свидетельству Струве, тем же Чацким, ставшим секретарем «Братства». В одном из примечаний публикации Бабикова приводятся сведения о Страховском (Чацком): «Леонид Иванович Страховский (1898, Оренбург – 1963, Торонто) – поэт,

прозаик, переводчик, историк и литературовед. Окончил Царско-сельский Александровский лицей, в 1917 г. поступил в Петроградский университет, тогда же начал сочинять стихи. Дружил с Г. Ивановым, который познакомил его с Гумилевым, сочувственно отнесшимся к его [Страховского – И.С.] стихотворным опытам. В 1919 г. эмигрировал в Англию. С 1922 г. – деятельный участник литературной жизни русского Берлина, сотрудничает с журналом “Спологи”, альманахами “Веретено”, “Медный всадник” и в том же году выпускает под псевдонимом Леонид Чацкий книгу рассказов “Фантазии лорда Генри”, сборник стихов “Ладья” и перевод романа Г. Шеффауэра “Корабль шампанского”. В середине 20-х годов уезжает в Бельгию и поступает в Лувенский университет. Там выпускает под своим именем второй сборник стихов “У антиквара” (1927). Затем переезжает в США, получает звание профессора, преподает в университете Мэриленда и в Гарварде. Автор книг по истории и русской литературе. С 1948 г. – профессор университета Торонто, где основывает журнал “Современник”⁸, продолжает печатать стихи (в том числе под старым псевдонимом) и прозу⁹.

«Для трех самых молодых и активных членов “Братства”, трех начинающих поэтов, почти ровесников (Струве, Чацкого и Набокова), английские литературные ассоциации названия были знаком их тайного культурного родства. Все трое приехали из Англии, где Струве и Набоков подружились в 1919 г. (причем именно Струве, поступивший в Оксфорд, посоветовал Набокову, увлеченному естествознанием, выбрать Кембридж), Чацкий же, отбывший из Архангельска в Англию на британском военном корабле, был лондонским приятелем Струве. Всех троих отличал британский или “псевдобританский пошиб”, которым Набоков позднее наделит некоторых своих героев»¹⁰.

В воспоминаниях, опубликованных в специальном, посвященном Набокову юбилейном выпуске журнала «TriQuarterly» (1970, № 17), Джулиан Мойнахан¹¹ описал Страховского как талантливое, педантичное, эмоционального человека с богатым воображением и сравнил его с Набоковым¹². Струве от имени Мойнахана описывает Страховского несколько иначе и рассказывает о том, что когда Мойнахан в конце Второй мировой войны учился в Гарварде, русскую литературу у них преподавал Страховский: «Он был “наш Пнин”, и я никогда не забуду, как он, бывало, заставлял нас анализировать стихотворения акмеистов, напечатанные на mimeографированных листках, и рыдал, рассказывая нам о трагической гибели своего любимейшего мастера поэтического слова Ни-

колая Гумилева. Доктор Страховский был жестким педантом с исключительно своеобразным личным стилем, с воображением, обращенным в сторону дореволюционного прошлого, наделенный богатой эмоциональной природой. Некоторые из этих же черт, поднятых до уровня возвышающегося над всеми гения, отличают Набокова»¹³. Герой набоковского романа Пнин, как и Страховский (по случайному ли совпадению?), родился тоже в 1898 г., у обоих жизнь связана с Санкт-Петербургом, оба потеряли родителей во время революции, оба эмигранты, окончившие европейские университеты, и приблизительно в одно и то же время оказались в США. Как один, так и другой стали профессорами американских университетов, преподававшими русский язык и литературу. При воображаемых картинах России Пнин плакал о навеки утраченной родине. Страховский, по словам Мойнахана, «рыдал, рассказывая о трагической гибели своего любимейшего мастера поэтического слова Николая Гумилева» (см. выше). Однако в этом же юбилейном номере журнала Набоков отмечает, что Страховский вовсе не напоминал Пнина. «Главный герой – профессор русского языка и литературы Тимофей Пнин показан с легкой иронией как русский интеллигент старой школы, пытающийся вписаться в американскую академическую среду. Фоном повествования служит картина жизни первой волны русской эмиграции в Америке. В финале романа уволенный профессор уезжает из города, но из более поздних произведений (“Бледное пламя”) можно узнать, что он возглавил кафедру славистики в другом университете»¹⁴, как и Страховский, который из Гарвардского университета в 1948 г. был переведен на славянское отделение Торонтского университета, где и работал в должности профессора истории и литературы до своей скоростижной смерти в 1963 г. Интересно, что и в судьбах самого Набокова (Сирина) и Страховского (Чацкого) оказалось также удивительно много совпадений. Оба – отпрыски аристократических семейств, начинали как поэты, оба – эмигранты, у обоих в результате Октябрьской революции были убиты отцы, оба окончили европейские университеты и преподавали в Гарвардском. В Кембриджском университете Набоков основал Славянское общество, впоследствии переродившееся в Русское Общество Кембриджского университета¹⁵. Страховский был президентом Канадской ассоциации Славян, соредактором «Американского Славянского и Восточно-Европейского Обозрения», основателем первого в истории Канады русского толстого журнала «Современник» и торонтской университетской славянской газеты¹⁶.

«Судьба двух рыцарей “Круглого Стола” после берлинской поры оказалась отчасти схожей: Чацкий переехал в Америку, <...> преподавал словесность в Гарварде, где через десять лет после него будет читать лекции и Набоков. Впоследствии Набоков не раз вспоминал своего берлинского знакомого – всегда с большой долей иронии. Он никогда не упоминал о том, что состоял с Чацким в одном литературном объединении, имел с ним общих друзей...»¹⁷. Вот что пишет Набоков Роману Гринбергу¹⁸ 25 декабря 1943 г., когда Набоков безуспешно искал постоянное место работы в американских университетах: «В Гарварде учителемствует человек по фамилии Cross, знающий только середину русских слов и совершенно игнорирующий приставки и окончания. Из двух его сподручных один все сводит на Польшу, а другой, Леонид Страховский (в двадцатых годах, в Берлине, писавший стихи под акмеистов и подписывавшийся “Леонид Чацкий”), занимает студентов собственными поэмами, которые он их заставляет учить наизусть и все рассказывает о большом своем друге и сподвижнике Гумилеве (которого он вряд ли когда-либо видел), так что Гумилев стал в некотором роде посмешищем у студентов»¹⁹. А вот отрывок из воспоминаний Георгия Иванова: «В начале 18 года Гумилев познакомил меня с молодым поэтом Леонидом Страховским. Поэт был молод, был, в сущности, еще подростком – революция застала его на школьной скамье, и теперь в большевистском Петербурге он беспечно «донашивал» «контрреволюционную форму» Александровского лицея. Несмотря на юность, он был сдержан, серьезен и много говорил о поэзии, обнаруживая настоящие познания и вкус. Гумилев явно ему покровительствовал. Стихи молодого Страховского нравились Гумилеву – он называл их “акмеистическими” – в устах Гумилева серьезная похвала»²⁰. В своих суждениях Набоков был «строг» не только к Страховскому, например, он Зигмунда Фрейда называл «венским шарлатаном» в разговоре со студентами. «Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что общее прошлое Набокова и Чацкого – жизнь молодого русского поэта-эмигранта – более не объединяет, а скорее разъединяет “собратьев”»²¹.

После выхода лирических сборников «Гроздь» и «Горный путь» в 1923 г. в Берлине В. Сирина обвинили в творческой незрелости и подражательности А.А. Фету и А.А. Блоку²², однако это не помешало Набокову при жизни стать классиком, стилю которого присущи игра в шарады из реминисценций, головоломки из зашифрованных цитат. Набоков ставил в укор Чацкому, например, то, что тот, описывая лондонский парк, всюду видит «метку» Берд-

слея. В своей рецензии он отсылает своих читателей к Оскару Уайльдсу, Джеймсу Уистлеру и начинает свой разбор стихов Чацкого словами: «Поспешим предупредить читателя, что Л. Чацкий Англию проглядел»²³. Таким образом, если имя Сирина связали с русскими именами Фета и Блока, то Чацкого с англо-американскими – Бердслея, Уайльда и Уистлера. Подобное противостояние имело место между символистами, выбравшими себе «четыре точки опоры» – Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, и акмеистами, с их «тоской по мировой культуре», назвавшими тоже четыре ключевых имени для своего творчества – Шекспира, Рабле, Вийона и Готье.

Уже немолодой 55-летний акмеист Страховский в 1953 г. в Торонто издает свой третий, последний поэтический сборник «Долг жизни» с посвящением: «Памяти безукоризненного поэта, совершенного кудесника русского слова, дорогого и уважаемого Друга и Учителя НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА с чувством глубочайшего смирения посвящаю я эти стихи. Л.С.»²⁴. Произошел ли термин «акмеизм», первоначально использовавшийся наряду с термином «адамизм», от греческого «акме» – расцвет, вершина, острие, или от имени Анны Андреевны Горенко (Ахматовой) «акматус», то ли и от того и другого вместе взятых, так и осталось неизвестным. В литературной заметке «Фет и Ахматова» Страховский сравнивает два стихотворения Фета – «Музе» и Ахматовой – «Муза».

Музе

Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих –
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.

Всё та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.

Муза

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы “Ада”?» Отвечает: «Я».

«Если Тютчев и Фет, “открытые” символистами, имели на них, по их собственному признанию, большое влияние, эти имена совсем не упоминаются акмеистами. Поэтому-то так поразительно сходство между стихотворением Ахматовой “Муза” из ее последней книги “Ива” (1940) и стихотворением Фета “Музе” из “Вечерних огней” 1888 г. Это, конечно, не плагиат, но очевидный отклик, подсознательный отголосок в поэтической душе Ахматовой, должно быть, давно ею прочитанного и глубоко воспринятого стихотворения Фета. Здесь налицо тот же пятистопный ямб с чередующимися женскими и мужскими рифмами. Здесь та же форма – строфы в четыре строчки каждая, у Фета – три, а у Ахматовой – две. И здесь то же настроение и, что еще важнее, мысли»²⁵. Помимо звуковых как «Пришла и села» у Фета (*ил* и *с-л*) и «Вот вошла» у Ахматовой (*ил*) Страховский отмечает, что в обоих стихотворениях муза посещает поэта – «входит» к поэту. Кроме того, в обоих стихотворениях запечатлено чувство тревоги. Фет говорит: «Счастлив и тревожен», Ахматова передает чувство тревоги словами: «Жизнь, кажется, висит на волоске». Оба поэта сознают себя недостойными музы. Фет пишет: «И если дар мой пред тобой ничтожен», а Ахматова: «Что почести, что юность, что свобода пред милой гостьей» (думается, что свобода для Ахматовой в 40-е годы была ценностью значительно большей, чем почести или ушедшая юность). О свободе говорит и Фет: «Заботливо храня твою свободу». Кроме того, Страховский подчеркивает, что и для Фета, и для Ахматовой муза не простая, земная, телесная, как у Пушкина. Вещая «незримая земле, в венце из звезд», у Фета, и которая «диктовала страницы “Ада”» Данте и пришла в «покрывале», как Сибилла, у Ахматовой. Хотел ли этим сравнением Страховский как бы намекнуть на уход Ахматовой от акмеизма и от Гумилева, памяти которого оставался верен до конца своих дней? Ответ он получил зашифрованный: «Все, что пишет о Мандельштаме в своих бульварных мемуарах “Петербургские зимы” Георгий Иванов <...> мелко, пусто и несущественно. <...> Хуже, конечно, что это иногда попадает в серьезные литературоведческие труды. Вот что сделал Леонид Шацкий (Страховский) с Мандельштамом: у автора под рукой два-три достаточно “пикантных” мемуара (“Петербургские зимы” Г. Иванова, “Полутороглазый стрелец” Бенедикта

Лившица, “Портреты русских поэтов” Эренбурга, 1922). Эти книги использованы полностью. То, что в ряде журналов и газет печатались стихи Мандельштама – хотя бы великолепный цикл “Армения” в “Новом мире” в 1930 г., Шацкого нисколько не интересует. Он очень развязно объявляет, что на стихотворении “Музыка на вокзале” Мандельштам кончился, перестал быть поэтом...<...> И все это в книге, вышедшей под эгидой лучшего, старейшего и т.п. университета Америки (Гарвардского), с чем и поздравляем от всей души – лучший, старейший университет Америки»²⁶. Ахматова искусно изменила псевдоним Страховского Чацкий на Шацкий, придав тексту иронический оттенок с намеком на неустойчивость автора.

О Чацком сохранились воспоминания его современников, не только ироничные, но и анекдотичные. В письмах Глеба Струве Владимиру и Вере Набоковым 1942–1985 гг. описывается история о том, как в 1920 г., будучи в Англии, Страховский вздумал поехать к Врангелю в Крым. Попал под самый занавес, пришлось возвращаться одиночкой, через Марсель, с большими приключениями. Когда, в очень «замухрышчатом» виде, с отросшими бакенбардами, он явился в один знакомый русский дом в Лондоне, ему открыла дверь старая няня и пошла докладывать хозяйке: «Барыня, барыня! Там вас не то Евгений Онегин, не то сам Пушкин спрашивает». После того Страховский и взял себе псевдоним Чацкий. В этом же письме Струве сообщает: «У меня сохранились рисунки Страховского – шаржи на членов кружка²⁷, причем В.В. [Набоков – И.С.] изображен в виде жирафообразного кентавра неплохо»²⁸. Имеется и еще одно трагикомичное воспоминание Струве о жизни Страховского²⁹. После того как Страховский из Берлина в 20-х годах уезжает в Бельгию и поступает в Лувенский университет, он решается разделаться со своим «легкомысленным» поэтическим прошлым и отказаться от претенциозного псевдонима. Написав и подписав своим подлинным именем длинный некролог, в котором сообщалось о смерти молодого безвременно ушедшего поэта Леонида Чацкого, Страховский отправил его в «Последние новости». Газетный редактор не знал, что Чацкий – псевдоним. Видимо решив, что речь идет о давно забытом поэте, который не заслуживает такого длинного некролога, редактор сократил его наполовину и напечатал без подписи. Родной дядя Страховского³⁰ М.И. Ростовцев – русский и американский филолог-классик, археолог и искусствовед, преподававший в это время в Йельском университете в Америке, прочтя напечатанный в газете некролог, послал взволнованный запрос в Лувен о судьбе своего племянника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Старейший в Зарубежье «НОВЫЙ ЖУРНАЛ», основанный в 1942 г. по инициативе И. Бунина писателями М. Алдановым и М. Цетлиным, формировал литературный процесс Зарубежья. Сегодня в журнале представлено как современное творчество, так и наследие русской литературы. Выходит 4 раза в год. Издается в Нью-Йорке. Главный редактор – Марина Адамович.

² Андрей Александрович Бабилов – исследователь литературы русской эмиграции, составитель полного собрания драматургии Набокова.

³ *Бабилов А.* К истории берлинского «Братства круглого стола» (Неизвестная рецензия Набокова) // Новый Журнал. 2015. С. 281.

⁴ «Рул» – русская эмигрантская ежедневная газета. Выходила в 1920–1931 гг. в Берлине. Редактировалась лидерами кадетской партии И.В. Гессеном и В.Д. Набоковым.

⁵ Ежедневная газета. Берлин, 26 марта 1922 – 15 июня 1924. № 1–651.

⁶ В мае 1922 г. в Берлине было основано содружество писателей, художников и музыкантов «Веретено», ставившее своей целью проповедовать творческое начало жизни и утверждать веру в созидательные силы русского искусства. В состав его совета вошли: А.М. Дроздов (председатель), Г.В. Алексеев, Сергей Горный (Н.А. Оцуп), В.А. Амфитеатров-Кадашев, В.Л. Пиотровский и др. В содружество вошли писатели: И.А. Бунин, Э.Ф. Голлербах, И.С. Лукаш, С.К. Маковский, В.И. Немирович-Данченко, Б.А. Пильняк, А.М. Ремизов, Г.В. Росимов, В. Сирин, а также художники С. Сегаль, В.А. Белкин, А.В. Андреев, М. Банд, И.И. Мозалевский. Летом содружество выпустило одноименный литературно-художественный альманах «Веретено», в котором были опубликованы произведения И.А. Бунина, И.С. Лукаша, А.М. Ремизова, Б.А. Пильняка, С.К. Маковского и др. После второго заседания, куда А.М. Дроздовым был приглашен А.Н. Толстой, в ту пору редактировавший литературное приложение к просоветской газете «Накануне», восемь активных членов – И.А. Бунин, Сергей Горный, И.С. Лукаш, В. Сирин, Г.П. Струве и др. – покинули содружество. А.М. Дроздов летом 1923 г. уехал в Советскую Россию. (Сведения приведены по данным Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Литературные союзы и организации).

⁷ *Бабилов А.* Указ. соч.

⁸ Современник *Sovremennik*, Торонто (1960–1980) – журнал русской культуры и национальной мысли, основанный проф. Л.И. Страховским – №№1–47/48. Под редакцией профессора Л.И. Страховского Торонтского университета №№ 1–7 (1960–1963).

⁹ *Бабилов А.* Указ. соч.

¹⁰ Там же.

¹¹ Мойнахан Джулиан (Moynahan Julian) – американский романист, литературный критик, автор книги «Vladimir Nabokov» и предисловия к роману «Приглашение на казнь».

¹² *Бабиков А.* Указ. соч.

¹³ Письма Глеба Струве Владимиру и Вере Набоковым 1942–1985 гг. Дата публикации: 26 февраля 2008. Источник: <http://portalus.ru> (с).

¹⁴ См. Пнин (Роман). Материал из Википедии – свободной энциклопедии: «Пнин» – роман В.В. Набокова, написанный на английском языке в США и изданный книгой в 1957 г. (ранее некоторые главы были опубликованы в журнале «New Yorker»).

¹⁵ [https://ru.wikipedia.org/wiki/Набоков, Владимир Владимирович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Набоков,_Владимир_Владимирович).

¹⁶ <http://www.mochola.org/russiaabroad/popov/s/htm>

¹⁷ *Бабиков А.* Указ. соч.

¹⁸ Гринберг Роман – издатель и бизнесмен.

¹⁹ *Бабиков А.* Указ. соч.

²⁰ Николай Гумилев в воспоминаниях современников <http://tululu.org/read70181/153/>; Возрождение, №9, 1950. См. и ср. ^{9, 19} о знакомстве Л. Стравовского и Н.С. Гумилева.

²¹ *Бабиков А.* Указ. соч.

²² Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн. Под редакцией проф. А.П. Горкина. 2006.

²³ *Бабиков А.* Указ. соч.

²⁴ *Мезенцева Л.* Литературный календарь // Журнал «Литература». 2003. №15.

²⁵ *Страховский Л.* Фет и Ахматова // Новый Журнал. 1957. № 49. С. 261–264.

²⁶ *Ахматова А.* Листки из дневника. Воспоминания об О.Э. Мандельштаме. Примечания Л.А. Илюниной и Ц.Т. Снеговской // www.akhmatova.org/proza/mandel.htm

²⁷ Кружком Г. Струве назвал «Братство Круглого Стола».

²⁸ Письма Глеба Струве Владимиру и Вере Набоковым 1942–1985 гг. Дата публикации: 26 февраля 2008 г. Источник: <http://portalus.ru>(с)

²⁹ Там же.

³⁰ Мать Л.И. Стравовского – урожд. Татьяна Ростовцева – была сестрой выдающегося российского историка М.И. Ростовцева. Отец – член Сената, губернатор в Тургае, затем в Вятской губернии и Тифлисе.

В.С. ПУТЯТИН

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

**А.К. Елачич (1892–1941):
«Свой среди чужих, чужой среди своих»**

Abstract:

Putyatin V.S. *A.K. Jelacic (1892–1941): «At home among strangers, a stranger among his own»*

The article is devoted to the life and work in Russia and Yugoslavia of the historian, Slavist Alexei Jelacic, who wrote many works on the history of southern and western Slavs and taught courses on the history of southern and western Slavs at the Faculty of Philosophy in Skopje.

Ключевые слова: Русская эмиграция, А.К. Елачич, славяноведение, философский факультет Университета в Скопье.

О жизни и научной деятельности Алексея Кирилловича Елачича можно узнать лишь из кратких биографических справок и немногочисленных статей, посвященных ученому¹. А вместе с тем, согласно оценке сербского исследователя Мирослава Йовановича, долгое время Елачич был единственным историком в Югославии, изучавшим не только историю России, но и историю южных и западных славян².

Родился А.К. Елачич, как он сам написал уже в эмиграции, в «русской интеллигентной семье, принадлежащей к младшей ветви старинного хорватского рода»³. Отец умер, когда ему было 4 года, и он остался со своим младшим братом на попечении матери и бабушки (матери отца)⁴. Закончил гимназию в Киеве в 1909 г. с золотой медалью⁵. Затем переехал в Санкт-Петербург вместе с матерью (жили на Васильевском острове) и поступил в университет, где изучал историю и философию. В частности, Елачич работал специально по истории религии у профессоров А.И. Андреева и В.Н. Бенешевича, по всеобщей истории у профессоров И.М. Гревса, Бутелла и Н.И. Кареева, по русской истории у профессора С.Ф. Платонова и С.В. Рождественского и по филологии у профессора А.С. Лаппо-Данилевского. Занимался в архивах Государственного совета и Священного Синода и в императорской публичной библиотеке.

Алексей Кириллович принимал участие в переводе текстов для хрестоматии «Очерков по истории Византии» профессора Бенешевича, а также в последней корректировке этого издания, о чем не преминул сказать в предисловии профессор⁶. В подготовке

труда среди многих студентов принимала участие и жена Алексея Кирилловича – Мария Александровна Карпицкая-Елачич⁷, вольнослушательница историко-филологического факультета Петербургского университета.

В 1913 г. Елачич окончил университет с дипломом первой степени и по предложению своих наставников был принят ассистентом при кафедре русской истории. В 1913–1914 гг. он ездил с научными целями по Германии, Швейцарии, Италии и Греции, работал в архивах Штутгарта и Венеции. Также в этот период он активно сотрудничал с издателями Нового энциклопедического словаря, для которого писал статьи по отечественной истории (среди них, например, статья, посвященная Екатерине II⁸). По одним сведениям, после возвращения в Петроград он начал читать лекции на кафедре русской истории⁹, но сам он пишет о нахождении на фронте¹⁰. С 1917 до 1919 гг. Алексей Кириллович преподавал на Высших женских курсах и в народном университете Киева, а 23 декабря 1918 г. в Университете Св. Владимира сдал экзамены на звание магистра и с успехом прочитал пробную лекцию по русской истории. В следующем году он представил магистерскую работу на тему: «Церковный вопрос в Екатерининской комиссии 1767–1774»*. Но она так и не была защищена, из-за событий Гражданской войны, а рукопись в 2-х тетрадях осталась в России после эмиграции ученого¹¹. В том же году Елачич сдал в университете экстерном дипломный экзамен по юридическому факультету¹².

Важным событием киевского периода жизни ученого стал выход его монографии «Самодержавие и народ в России в XVIII в.». Вскоре Алексей Кириллович был избран доцентом и экстраординарным профессором русской истории Государственного украинского университета в Каменец-Подольске, созданного гетманом Павлом Скоропадским¹³. По всей видимости, к этому шагу его подтолкнула не только возможность преподавать, но и то, что собственное имение в 1003 десятин располагалось поблизости от города – в селе Ходаковцы Пашковецкой волости.

«Участие в борьбе с большевиками» вынудило А.К. Елачича эмигрировать в Сербию, куда он прибыл 16 февраля 1920 г. и где незамедлительно начал учить сербский язык и работать в местной прессе¹⁴. Любопытно, что в отличие от большинства российских эмигрантов, прибывших в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС), Алексей Кириллович почти сразу начал активно пи-

* Название диссертации разнится в различных документах, но тематика вполне ясно определена.

сать и общаться на сербско-хорватском языке – видимо, сказались его югославянские корни.

Вместе с тем он не оставляет и преподавательскую деятельность и работает школьным учителем в Приштине, Плевле, а затем в Скопье¹⁵. Сохранилось его письмо ректору Белградского университета от 11 мая 1920 г., в котором Алексей Кириллович просил устроить его на философский факультет Университета в Скопье¹⁶, а также письмо декану философского факультета в Скопье от 30 декабря 1920 г. с просьбой рассмотреть его кандидатуру в качестве гонорарного профессора или наставника по предметам «русская история» и «национальные движения в Европе в конце XVIII–XIX вв.»¹⁷

Первоначально эти просьбы не встретили отклика не только среди сербов, но и среди русских эмигрантов. Так, филолог-славист С.М. Кульбакин писал 17 апреля 1921 г. А. Беличу¹⁸: «А мы сами, русские, отклонили здесь русского Елачича, и я поддерживал желание Ристича* провести Лоренца**». Несмотря на это, в весенний семестр 1921 г. Елачичу удалось начать читать курс по русской истории в качестве гонорарного наставника. В то же время Алексей Кириллович продолжил научную деятельность под руководством профессора и академика Фердо Шишича, проявив при этом старание и методическую подготовку¹⁹.

Совмещая работу в гимназии и на факультете в Скопье, в 1922–1923 гг. Елачич также работал в хорватских архивах, изучая социальные причины революции 1848 г. На основе архивных материалов им была написана докторская диссертация на тему: «Крестьянское движение в Хорватии и Славонии в 1848–1849 гг.», с успехом защищенная в Люблянском университете в 1925 г. В том же году в Загребе на сербско-хорватском языке вышла достаточно известная его работа «Русская революция и ее причины»²⁰.

Вскоре после этого на философском факультете Университета в Скопье было принято решение (профессорами Й. Матасовичем, М. Костичем, Р. Груичем и др.) о чтении курса по истории южных и западных славян (в качестве необязательной дисциплины – *В.П.*), программа которого должна была быть согласована с преподавателями всеобщей истории. Исходя из того, что общая нагрузка на факультете составляла 6 часов в неделю, министерство просвещения вынуждено было снизить Елачичу, как настав-

* Ристич Светомир (1886–1971) – философ, лексикограф.

** Лоренц Борислав (1883–1975) – философ, профессор богословского факультета Белградского университета.

нику в гимназии, количество часов в неделю до 12, с тем, чтобы он мог помочь в работе семинара по всеобщей истории на факультете²¹. Об успешности преподавания нового курса свидетельствует избрание Алексея Кирилловича 29 декабря 1926 г. на должность доцента кафедры истории южных и западных славян на философском факультете Университета в Скопье по конкурсу, который был объявлен по решению Совета от 25 марта 1926 г. под номером 451²².

К сожалению, полностью вся документация по педагогической деятельности А.К. Елачича на философском факультете не сохранилась, но то, что имеется, позволяет судить об особенностях преподавания в университетах Королевства СХС того времени. Каждый читаемый курс (в рамках русской истории или истории южных и западных славян) мог быть как семестровым, так и годовым, а их посещение было свободным для студентов. Их число не регламентировалось. Так, в письме к декану от 29 мая 1928 г. Елачич отмечал, что постоянных студентов на семинарских занятиях в зимнем семестре было 6, а в летнем – 2²³. Уменьшение числа студентов было связано не с нежеланием их посещать занятия именно русского профессора, а с общей практикой в Королевстве СХС, когда многие молодые люди с весны до осени помогали своим родителям в сельском хозяйстве, оставляя на это время учебу, а ближе к зиме вновь возвращались на студенческую скамью.

Сами по себе читаемые лекционные курсы менялись год от года или в зависимости от семестра и посещения его студентами. Так, в отчете за 1928–1929 учебный год²⁴ по истории южных и западных славян читались курсы: «Чехи и поляки в XVIII и XIX в.» (2 часа в неделю) и «Россия и южные славяне» (1 час); по русской истории – «Россия перед Мировой войной и во время нее» (2 часа), а также был общий курс, объединявший эти две дисциплины: «Русская, чешская и польская историография» (1 час в летнем семестре)²⁵.

Читаемые курсы, как по русской истории, так и по истории южных и западных славян, видоизменялись – менялась тематика и рассматриваемый период. На следующий год Елачичем были прочитаны новые курсы: «Начало славянской истории (славяне и старожилы, соседи славян, переселение, формирование первых государств западных и южных славян)» и «Славянофилы и западники, славянский “Ренессанс” и “Панславизм”»²⁶.

И только в 1934–1935 учебном году на факультете появились общий курс под названием «История южных и западных славян» (XI–XIV вв.), а в качестве специального – «Московская Русь

в XVII в.»²⁷. По всей видимости, предмет становится обязательным для изучения всех студентов. К сожалению, сохранившиеся материалы факультета не дают нам возможности точно судить об этом.

Однако научные работы Елачиича однозначно свидетельствуют о неслучайности его интереса к этому предмету. Так, в 1930 г. появляется его труд «История Чехословакии», в 1933 г. – «История Польши» а в 1938 г. – «Современная Чехословакия». Любопытно, что Елачиич считал эти книги своего рода серией по истории славянских народов. А первой была «История России» (1929 г.) – от расселения восточных славян до правления Николая II и революции. Данная работа является одним из первых трудов по истории России, написанных на сербско-хорватском языке.

Особый интерес представляют труд Елачиича «Русская социальная мысль XIX в.» (Белград, 1934) и две статьи: «Великие мастера русской литературной критики и социальной мысли: Д.И. Писарев, Н.К. Михайловский» (Русский архив. №№ 28–29. С. 161–183 и №№ 30–31. С. 122–144), которые, по замыслу автора являлись второй частью вышеуказанной монографии.

Последним трудом ученого стала научно-публицистическая работа «Россия и Балканы» (Белград, 1940), по всей видимости, приуроченная к установлению торговых и дипломатических отношений между СССР и королевством Югославией, последним из европейских стран сделавшим этот шаг.

Помимо научных исследований из-под пера Елачиича вышло множество публицистических работ, посвященных самому широкому кругу вопросов, – от культуры до политики. В 1926 г. при Земгоре в Белграде* фактическим главой организации Ф.М. Махиным²⁸ был основан Институт изучения России и Югославии, в работе которого принял участие и Алексей Кириллович, проводивший в нем семинар по изучению Югославии. Постепенно научное отделение Земгора, представлявшее институт, превратилось в редакцию ставшего достаточно популярным журнала «Русский архив», материалы в котором печатались на сербско-хорватском языке. Практически в каждом номере можно было встретить статью или рецензию Елачиича.

Алексей Кириллович участвовал также в деятельности различных славянских общественных организаций: Югославо-чехословацкой лиги, Югославо-польской лиги в Скопье, Чехословацко-югославской лиги в самой Чехословакии, Югославского

* Российский Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей был создан в 1921 г.

сокола²⁹. В рамках общественной деятельности Елачич зачастую читал лекции, предназначенные для самой широкой публики. Так, в 1931 г. по просьбе центра по воспитанию рабочих в Скопье он прочел лекцию об известном русском мыслителе и социологе Г.В. Плеханове, после которой в полицию поступило сообщение об ее революционной и антимонархической направленности, что вскоре было опровергнуто³⁰.

Однако Вторая мировая война прервала не только педагогическую и научную деятельность Алексея Кирилловича, но и его жизнь. По воспоминаниям его коллеги и товарища по Петербургскому университету В.А. Мошина, после оккупации Югославии А.К. Елачич не выдержал нервного потрясения и скончался 24 октября 1941 г. по пути в Белград, в Нишской психиатрической больнице³¹, что опровергает утверждение, появившееся в монографии В.Г. Пашуто «Русские историки-эмигранты в Европе» (М., 1992), согласно которому ученый был депортирован в СССР в 1945 г. и погиб в заключении³². Косвенно первую версию подтверждают слова известного слависта Александра Львовича Погодина в его письме к С.Н. Смирнову от 14 ноября 1941 г.: «Слышали ли Вы, как странно умер А.К. Елачич? Я очень любил и уважал его. Но люди его плохо понимали и гнали. У меня есть его письма, которые дадут представление об его личности, и я их оставлю Алексею*, чтобы он когда-нибудь напечатал их. Сколько народу теперь гибнет. Что останется к лету из нас?»³³.

Несмотря на крайне непростое время, Алексей Кириллович Елачич нашел упокоение на Новом кладбище в Белграде.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Любарская Т.Г. Пленники Танатоса: попытка исследования экспроприированной судьбы (А.К. Елачич) // Зарубежная Россия 1917–1939. Спб, 2000. С. 227.

² Энциклопедија српске историографије. Београд, 1997. С.407.

³ Архив Српске академије наука и уметности (далее – АСАНУ). 14386–III–79. Письмо А.Елачича ректору Белградского университета в мае 1920 г.

⁴ Любарская Т.Г. Пленники Танатоса... С. 227.

⁵ АСАНУ. 14386–III–79; Столетие Киевской первой гимназии: Т. 1. Киев, 1911. С. 299.

⁶ Бенешевич В.Н. Очерки по истории Византии. Вып. 1. Спб, 1912. С.8.

* Погодин Алексей Александрович (1925–2004) – архимандрит, духовный писатель, переводчик, сын А.Л. Погодина, скончался в США.

- ⁷ Т.Г. Любарская в своей статье цитирует письма молодого А.К. Елачица к М.А. Крпицкой, когда она еще была его невестой. Об участии в хрестоматии см.: *Бенешевич В.Н.* Очерки... С. 8.
- ⁸ Новый энциклопедический словарь. Спб, 1914. Т. 17. С. 395–402.
- ⁹ Энциклопедија српске историографије. С. 407.
- ¹⁰ АСАНУ. 14386–III–79. Письмо А.Елачица ректору Белградского университета в мае 1920 г.
- ¹¹ Характеристика А.К. Елачица, написанная Р.Груичем 5 марта 1922 г. // Русская колония в гр. Скопье (1920–1943) / Под ред. Л.И. Жила, Ф. Петровский. Скопье, 2015. С. 799.
- ¹² АСАНУ. 14386–III–79. Письмо А. Елачица ректору Белградского университета в мае 1920 г.
- ¹³ Предложение по занятию места гонорарного профессора от 17 октября 1925 г. // Русская колония в гр. Скопье (1920–1943). С. 742.
- ¹⁴ АСАНУ. 14386–III–79. Письмо А.Елачица ректору Белградского университета в мае 1920 г.
- ¹⁵ Энциклопедија српске историографије. С. 407. К сожалению, в Архиве Сербии в фонде Министерства просвещения Королевства СХС не оказалось личного дела ученого.
- ¹⁶ АСАНУ. 14386–III–79. Письмо А. Елачица ректору Белградского университета в мае 1920 г.
- ¹⁷ Письмо А.К. Елачица декану философского факультета в Скопье от 30.12.1920 г. // Русская колония в гр. Скопье (1920–1943). С. 717.
- ¹⁸ АСАНУ. 14386–III–330. Письмо С.М. Кульбакина А. Беличу от 17 апреля 1921 г.
- ¹⁹ Предложение по занятию места гонорарного профессора от 17 октября 1925 г. // Русская колония в гр. Скопье (1920–1943). С. 743.
- ²⁰ *Јелачић А.* Руска револуција и њено порекло. Загреб, 1925.
- ²¹ Предложение по занятию места гонорарного профессора от 17 октября 1925 г. // Русская колония в гр. Скопье (1920–1943). С. 744.
- ²² Письмо ректору Белградского университета от декана философского факультета П. Колендича // Русская колония в гр. Скопье (1920–1943). С. 746.
- ²³ Отчет от 29 мая 1928 г. // Там же. С. 751.
- ²⁴ Отчет от 23 мая 1929 г. // Там же. С. 752.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Отчет от 19 мая 1930 г. // Там же. С. 753.
- ²⁷ Отчет от 10 июня 1935 г. // Там же. С. 770–771.
- ²⁸ Подробнее см.: *Тесемников В.А.* Превратности судьбы генерала Ф.Е. Махина // Токови историје. Београд, 2008. №№ 1–2. С. 68–83.
- ²⁹ Отчет от 10 июня 1935 г. // Русская колония в гр. Скопье (1920–1943). С. 770–771.
- ³⁰ Письмо секретаря Центрального секретариата рабочего объединения от 16 апреля 1931 г. // Там же. С. 762–763.
- ³¹ *Мошин В.А.* Под теретом. Београд, 2008. С. 129.
- ³² *Пауито В.Г.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 192.

³³ Национална библиотека Србије. Личный фонд С.Н. Смирнова. Р699–III–36 // Письмо А.Л. Погодина С.Н. Смирнову от 14 ноября 1941 г.

Е.Л. ВАЛЕВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**ТРУДНЫЙ ВЫБОР ЦАРЯ БОРИСА III:
К ПРОБЛЕМЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ БОЛГАРИИ
К ТРОЙСТВЕННОМУ ПАКТУ В 1941 г.**

Abstract:

Valeva E.L. *A hard choice for Tsar Boris III: on the issue of Bulgaria's accedence to the Tripartite Pact in 1941*

A number of circumstances made Bulgaria under the rule of Tsar Boris III run the gamut from neutrality to the alliance with Hitlerite Germany. The article describes difficult internal and external conditions under which the Bulgarian monarch had to work and to make this fatal choice.

Ключевые слова: история Болгарии, царь Борис III, Вторая мировая война, Тройственный пакт, болгаро-германские отношения.

В августе 2013 г. в Болгарии шумно и помпезно отмечалось 70-летие со дня смерти царя Бориса III (1894–1943), в котором приняли участие президент страны Р. Плевнелиев, патриарх Неофит, отслуживший панихиду в Рильском монастыре, сын царя Симеон Саксен-Кобург-Готский (в 2001–2005 гг. – премьер-министр страны)¹, почетный военный караул. Мнения по этому поводу в болгарском обществе, как всегда, разделились: одни считали, что Борис, первый и единственный болгарский монарх, рожденный и умерший в Болгарии, пользовавшийся большой популярностью у населения, заслуживает высоких почестей, другие же полагали, что чествование царской особы в республике противоречит здравому смыслу.

В связи с данным событием в стране вновь оживились дискуссии вокруг этой неоднозначной, но, несомненно, исключительно значимой для новейшей истории Болгарии фигуры. Где следует ставить акцент: «царь-объединитель», спасший страну от ужасов войны, или союзник Гитлера, каковы сильные и слабые стороны его правления? На протяжении почти полувека историческая оценка царя Бориса III была однозначно отрицательной. Для его авторитарного режима, утвердившегося после переворота 1935 г., марксистская историография даже изобрела новый странный термин – монархо-фашизм (при том, что фашизм – это массовое движение, опирающееся на низы, которого не было, кстати, в Болгарии, а монархизм коренится в наследственной власти аристократии).

Не останавливаясь на противоречивом отношении к царю Борису болгарского общества, отметим, что в настоящее время большинство профессиональных историков достигло определенного консенсуса относительно его личности и политики, несмотря на имеющиеся нюансы по некоторым вопросам его единоличного правления². Сегодня уже прошло время крайних, диаметрально противоположных оценок, имевших место не только сразу после его смерти, в середине 1940-х годов, но и после общественно-социальных перемен 1989 г. Однако нельзя не согласиться с мнением болгарского профессора И. Баевой, что абсолютно объективная оценка царя Бориса, как и любой другой яркой политической фигуры бурной истории XX в., пока вряд ли возможна, поскольку на нее по-прежнему оказывают влияние неугасающие страсти дня сегодняшнего (в том числе связанные с возвращением в Болгарию его сына Симеона Саксен-Кобург-Готского – но уже не как монарха, а как премьер-министра)³.

Тем не менее, в настоящее время в болгарских исторических исследованиях, свободных от идеологии и общественных настроений, преобладают положительные оценки деятельности царя Бориса III – главным образом, благодаря его умению лавировать между различными внешнеполитическими опасностями, перед которыми оказалась Болгария накануне и во время Второй мировой войны⁴. Управляя в невероятно трудных условиях, царь Борис приложил огромные усилия, чтобы удержать Болгарию от кровопролитных военных действий на фронтах Второй мировой войны. В то же время он откликнулся на общественные настроения, требовавшие возвращения территорий, отторгнутых от Болгарии по условиям Нейиского договора 1919 г. Иное дело, что с начала 1941 г. международные события развивались таким образом, что от маленькой Болгарии зависело все меньше и меньше: роль внешнего фактора была чрезвычайно велика. И, конечно, нельзя забывать, что крайний результат деятельности монарха отрицателен: Болгария оказалась союзницей побежденной в войне коалиции.

Задачей данной статьи является высветить роль царя Бориса в один из самых тяжелых моментов истории Болгарии XX века, раскрыть внутренние и внешние условия, в которых он действовал и делал судьбоносный для страны выбор, показать всю безвыходность ситуации, в которой он оказался.

Борис III вступил на престол в возрасте 24 лет после поражения Болгарии в Первой мировой войне, где она выступила на стороне Германии, и отречения отца, царя Фердинанда, а умер вне-

запно в разгар Второй мировой войны*, когда на Болгарию оказывали мощное давление обе воюющие стороны. Молодой монарх встал у государственного кормила в смутное и бурное время, и таковым оказалось все его царствование. Солдатское восстание 1918 г., последовавшая национальная катастрофа и жестокий для Болгарии Нейиский договор были только началом испытаний. В первые пятнадцать лет своего царствования он столкнулся с массовыми народными выступлениями, военными заговорами, противоборством бесчисленных политических партий.

Поведение царя Бориса III во многом предопределялось судьбой его отца: сын действовал очень внимательно и осторожно, терпеливо выжидая и сохраняя запасные варианты для выхода из неудобных ситуаций, предпочитая, чтобы непопулярные действия совершались другими. В отличие от высокомерного царя Фердинанда, Борис вел демонстративно скромный образ жизни, часто ходил без охраны, считался примерным семьянином, любил общаться с простым народом, неплохо знал его жизнь и обычаи, поскольку родился и вырос в Болгарии. Он был образованным человеком с разносторонними интересами. Определяя модель управления царя Бориса как скрытый авторитаризм, И. Баева метко назвала его виртуозом в умении воспользоваться возможностями, созданными действиями других. Так, он сумел связать свое имя с достижениями (национальными и экономическими) и в то же время отмежеваться от негативов – репрессивного законодательства, диктаторских методов. Царь всегда стремился к достижению своих целей сложным путем, нередко прибегая к политическим интригам. В итоге со временем, к середине 1930-х годов, ему удалось сосредоточить непосредственное управление страной в своих руках. Выработавшееся у него с годами умение балансировать между партиями и политиками в сотрясаемой переворотами и восстаниями стране помогло ему научиться лавировать также и во внешней политике.

Играя ключевую роль при выработке внешнеполитического курса, царь Борис осознавал противоречивость ситуации, сложив-

* Официальное медицинское заключение – инфаркт, но внезапная смерть монарха потрясла болгарское общество и оставляет вопросы по сей день. Среди множества гипотез причин смерти наиболее широко распространенной была версия об отравлении царя немцами. Современная болгарская историография объединилась вокруг позиции, что царь умер естественной смертью в результате огромного психического перенапряжения в судьбоносный для страны период.

шейся накануне Второй мировой войны. С одной стороны, он искренне намеревался сделать все возможное, чтобы Болгария осталась от нее в стороне, поскольку хорошо помнил военную катастрофу 1918 г., когда его страна выступала в союзе с Германией*. С другой стороны, Борис III понимал, что именно новая мировая война может разрушить пагубную для Болгарии Версальскую систему, ликвидировать сложившийся столь неблагоприятный для его страны статус-кво**.

Накануне Второй мировой войны Болгария провозгласила нейтралитет и стремление к мирной ревизии Нейнского договора. Несмотря на сильное дипломатическое давление со стороны великих держав, осторожный царь Борис и болгарское правительство не спешили примкнуть к той или иной группировке. В секретной директиве № 19, которую премьер-министр Георгий Кьосеванов направил 19 апреля 1939 г. всем болгарским дипломатическим представительствам за границей, говорилось, что «Болгария проводит и будет проводить до тех пор, пока это окажется возможным, самостоятельную политику, не связывая себя никакими обязательствами» и что «в конечном счете Болгария придерживается выжидательной политики». Но уже тогда начала обозначаться линия болгарских правящих кругов на сближение с Германией: «Наши экономические связи с Германией, которая поглощает более 75 % нашего экспорта, делают для нас невозможным, независимо от политических соображений, присоединение к демократическим государствам против тоталитарных государств»⁵.

С началом войны стало ясно, что страна, расположенная в районе, где скрестились интересы могущественных сил, не сможет долго оставаться в стороне от мирового конфликта. В то время, как борьба дипломатии обоих блоков за Болгарию принимала все более интенсивный характер, царь Борис не спешил с принятием «зафиксированных политических обязательств», пытаясь как можно дольше сохранять известную политическую самостоятель-

* Царь Борис окончил Софийскую военную академию, в годы Первой мировой войны был офицером специальной миссии Генерального штаба болгарской армии и регулярно оказывался на линии фронта, лично знал многих офицеров.

** В результате Нейнского договора 1919 г. Болгария потеряла часть территории, в том числе выход к Эгейскому морю (свыше 11 тыс. км² или 1/10 территории страны и 1/7 населения), которая передавалась Греции, Румынии и Королевству СХС.

ность и свободу рук во внешней политике, уверяя недовольных этим дипломатов великих держав, сколь выгоден для их стран болгарский нейтралитет. Царю приписывают следующие слова: «Мои офицеры симпатизируют Германии. Народ любит Россию. Я – правнук Луи Филиппа. Царица – дочь итальянского короля. А парламент... парламент, разумеется, болгарский. Выводы делайте сами».

В обстановке международной нестабильности и неопределенности, а также острой политической борьбы внутри страны Борис III решает окончательно монополизировать решение вопросов как внутренней, так и внешней политики. С этой целью в феврале 1940 г. он распускает ненадежный с его точки зрения парламент – рассадник различных политических настроений, а также отстраняет от власти Г. Кьосеиванова, который стал вызывать недоверие царя своими амбициями проводить самостоятельную политику. Премьер-министром царь назначил профессора археологии Богдана Филова, известного своими прогерманскими взглядами. При Филове решение всех, даже мельчайших вопросов управления целиком перешло в руки царя⁶.

Первым видимым успехом внешней политики Болгарии под руководством царя Бориса было решение добруджанской проблемы. Болгарская дипломатия еще с апреля 1940 г. начала подготовительную кампанию за возвращение Южной Добруджи. Кампания была встречена великими державами благосклонно. Неожиданно не только СССР, но и Германия, Англия, Италия и даже США проявили заинтересованность в приписывании себе заслуги возможного мирного разрешения болгаро-румынского спора.

Однако болгарское правительство решает искать поддержку своих требований главным образом у Германии. Еще в июне 1940 г. царь Борис предупредил германского посланника Г. Рихтхофена, что после занятия Бессарабии Советским Союзом в Болгарии непременно начнутся массовые выступления за возвращение Добруджи. Напомнив ему об активности болгарских коммунистов, царь заметил, что, если Болгария не получит хотя бы обещание со стороны Германии, может возникнуть опасность «насильственного переворота, который в будущем приведет к установлению тесных связей с Москвой»⁷. Тогда уже новый режим в Болгарии получит Южную Добруджу от СССР. Царь же предпочитает получить ее из рук Германии.

15 июля 1940 г. Гитлер в письме к румынскому королю посоветовал ему «договориться одновременно как с Болгарией, так и с Венгрией на разумной основе»⁸, а 26 июля Гитлер и Риббентроп

пригласили в Зальцбург румынских премьер-министра и министра иностранных дел. В условиях военной мощи Германии летом 1940 г. и безнадежного положения Румынии, часть которой была занята СССР, предложение Гитлера румынскому правительству урегулировать добруджанский вопрос было равносильно приказу. Возвращение Южной Добруджи в пределы Болгарии согласно Крайовскому соглашению в сентябре 1940 г., несомненно, крупнейший внешнеполитический успех царя Бориса, заслуживающий высокой оценки, поскольку оно произошло мирным путем, в результате международной договоренности и оказалось единственным территориальным приобретением Болгарии, сохранившимся за ней по окончании Второй мировой войны.

Царская тактика лавирования оказалась подвергнутой серьезному испытанию уже осенью 1940 г., когда важнейшим оружием Германии в борьбе за внешнеполитическую ориентацию балканских стран стал заключенный 27 сентября 1940 г. Тройственный пакт, подписать который предложили и Болгарии, причем в ультимативной форме⁹.

Тем не менее, даже в этой быстро меняющейся международной обстановке царь продолжает маневрировать. По-прежнему надеясь, что удовлетворение территориальных притязаний Болгарии может произойти без утери ею нейтралитета, Борис пишет 22 октября личное письмо Гитлеру. В нем царь высказывает мнение, что в настоящий момент присоединение Болгарии к пакту было бы преждевременным и опасным, поскольку существует угроза нападения со стороны Турции и Греции, а Болгария совершенно не подготовлена в военном отношении. Борис III предлагал фюреру еще раз обсудить, «безусловно ли необходимо изменение проводившейся до сих пор недвусмысленной и хладнокровной политики Болгарии, которая по сей день держит под угрозой наших и Ваших врагов. Это имело бы последствием немедленное израсходование наших скромных сил, не говоря о том, что полная мобилизация привела бы к застою в хозяйственной жизни и производстве страны»¹⁰. Этим письмом царь начал свою ловкую тактику затягивания дела, которую ему удалось продолжить до марта 1941 г.

С царским письмом в Берлин направляется царский советник Б. Морфов. Однако Гитлер демонстративно отказывается его принять, и письмо вручается госсекретарю Э. Вайцзекеру. Спустя несколько дней Вайцзекер заявляет болгарскому посланнику в Берлине П. Драганову, что Риббентроп настаивает на присоединении Болгарии к пакту и дает болгарскому правительству на размышление еще несколько дней¹¹.

Тем временем в ходе начавшейся в конце октября 1940 г. итало-греческой войны развилось контрнаступление греческой армии. Германия вынуждена прийти на помощь своему союзнику. В директиве Главного штаба германских вооруженных сил предусматривается оккупация Северной Греции немецкими войсками и их прохождение в случае необходимости через территорию Болгарии. В связи с этими планами возобновляется натиск германской дипломатии на царя Бориса. После безрезультатной беседы Й. Риббентропа с послом П. Драгановым 14 ноября, германское министерство иностранных дел приглашает царя на встречу с Гитлером. Вместе с министром иностранных дел И. Поповым болгарский монарх тайно вылетает 17 ноября 1940 г. в резиденцию фюрера в Берхтесгадене.

Этот визит состоялся спустя несколько дней после другого, более известного в истории, – переговоров В.М. Молотова в Берлине 12–13 ноября 1940 г. Как известно, основное внимание на переговорах было обращено на Юго-Восточную Европу и, в частности, на Болгарию, тесно связанную с проблемой Черноморских проливов. В директивах Сталина Молотову перед поездкой один из пунктов гласил: «Болгария – главный вопрос переговоров, должна быть, по договоренности с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию»¹². В ходе переговоров Молотов неоднократно поднимал вопрос о советских гарантиях Болгарии и заверял, что СССР ни в коем случае не хочет вмешиваться во внутренний порядок страны¹³.

Можно себе представить, как напряженно следили за ходом берлинской встречи в Софии. 17 ноября 1940 г. царь Борис и Попов прибыли в резиденцию фюрера с твердым намерением не подписывать Тройственный пакт главным образом из-за страха перед СССР. На настойчивое требование Гитлера присоединиться к пакту болгарский монарх повторил уже известные аргументы: неподготовленность Болгарии к войне, экономические выгоды, которые Германия получит, если Болгария не будет втянута в военные действия, опасность со стороны Турции и, конечно, возможность ухудшения отношений с СССР¹⁴. Царь напрямик спросил Гитлера, зондировался ли вопрос о присоединении его страны к Тройственному пакту во время недавней встречи с Молотовым. Гитлер избежал прямого ответа, но сказал, что «большевики зондировали наше мнение о возможном создании военных баз в Болгарии», и подчеркнул, что Германия поддержит болгарскую сторону в вопросе

об отказе от создания советских баз лишь в том случае, если Болгария подпишет Тройственный пакт. «Шантаж был очевиден, – рассказывал впоследствии царь Н. Мушанову, видному болгарскому политику, лидеру демократической партии. – Надо было вырваться из клещей, в которые меня зажал Гитлер, приняв в принципе присоединение к пакту, но оставив открытым вопрос о дате присоединения»¹⁵.

Таким образом, и на этом этапе попытки Германии включить Болгарию в свою коалицию потерпели провал. Тем не менее, встреча царя Бориса с Гитлером вызвала крайнее раздражение в Москве. 18 ноября болгарский посланник имел беседу с Молотовым, который в разговоре прибегал попеременно к угрозам и обещаниям. «Если Болгария нуждается сейчас в какой-либо гарантии, то какую гарантию ей дал бы сейчас СССР. При этом нынешний внутренний режим и государственный строй Болгарии, – подчеркнул Молотов, – должен остаться таким, как он есть и как этого хочет сама Болгария»¹⁶.

Без колебаний царь Борис и премьер-министр Филев отвергают новое советское предложение. Спустя несколько дней, 24 ноября 1940 г., в Москву был направлен ответ, в котором говорилось, что Болгария не чувствует себя в опасности и не нуждается в гарантиях¹⁷.

Однако советская дипломатия не сдавалась. 25 ноября 1940 г. в Софию прилетает генеральный секретарь Наркоминдела А.А. Соболев с предложением заключить пакт о взаимной помощи. Болгарский политический деятель Ст. Мошанов так записал высказывание об этом царя Бориса: «Не прошло и недели [после возвращения царя из Берхтесгадена. – *Е.Л.*], как наступил один из самых неприятных дней в моей жизни – миссия Соболева. То, что я считал шантажом со стороны Гитлера, – требование Советским Союзом баз в Болгарии – Соболев предложил нам под видом пакта о взаимной помощи. Если Гитлер недвусмысленно угрожал мне своими войсками, Сталин оказывает нажим через мой собственный народ»¹⁸. Царь Борис имел в виду начавшуюся по всей стране массовую кампанию за принятие советского предложения, вошедшую в историю Болгарии под названием «Соболевской акции».

В основных пунктах советское предложение повторяло предыдущее, сделанное осенью 1939 г. Исходя из общих интересов Болгарии и СССР, говорилось в нем, Советский Союз возобновляет свое предложение о заключении пакта о взаимной помощи, «который поможет Болгарии в осуществлении ее национальных устремлений не только в Западной, но и в Восточной Фракии». В

соответствии с пактом СССР обязывался оказать Болгарии всяческую, в том числе и военную, помощь в случае угрозы ей со стороны третьей державы или группы стран. Болгария же должна была оказать помощь СССР в случае возникновения реальной угрозы интересам Советского Союза в Черном море или в районе проливов. Особо оговаривалось, что пакт никоим образом не затрагивает внутренний режим, суверенитет и независимость Болгарии. Кроме того, СССР выражал готовность помочь Болгарии деньгами, продовольствием, вооружением и другими материалами – в форме займов, а также обещал расширить закупки болгарских товаров¹⁹.

Однако царь Борис и Филев как раз опасались, что подписание подобного договора приведет к вмешательству СССР не только во внешнюю, но и во внутреннюю политику Болгарии, тем более что болгарские коммунисты в этот период резко активизировали свою деятельность, используя широко распространенные в Болгарии русофильские чувства. Царь Борис в разговоре с Н. Мушановым раздраженно сказал: «Я считаю с этими чувствами, но не оставлю ворота овчарни открытыми для того, чтобы вошел волк. Даже в принципе не могу говорить о помощи со стороны большевиков. Тот факт, что прежде, чем прислать к нам Соболева, они проводили зондаж у немцев, показывает, что путь к болгарским базам идет через Берлин. Миссия Соболева имеет лишь тот результат, что поколебала меня в моем решении еще потянуть время в вопросах с немцами»²⁰.

Ответ болгарского правительства на соболевское предложение был однозначно отрицательным. «Вчера были вчетвером (премьер-министр, министр иностранных дел, внутренних дел и военный министр. – Е.В.) у царя для обсуждения предложения Соболева и решили его в принципе отвергнуть», – записал Филев в своем дневнике²¹. В очень осторожной, но достаточно категоричной форме болгарское правительство, ссылаясь на возможное осложнение отношений с Германией, отклонило советское предложение. Письменный ответ министр иностранных дел И. Попов передал 30 ноября советскому посланнику А.А. Лаврищеву²².

Миссия Соболева вызвала, естественно, огромное раздражение в Берлине, где полным ходом шла подготовка к нападению на СССР. С декабря 1940 г. Гитлер уже демонстративно игнорировал своего бывшего союзника – СССР, а затем и вовсе стал действовать наперекор ему, и в первую очередь на Балканах. «Миссия Соболева» и подписание плана «Барбаросса» 18 декабря 1940 г. завершили первый этап советско-германского противоборства на Бал-

канах, когда он носил дипломатический характер. С начала 1941 г. СССР и Германия вступили в открытую политическую борьбу за Балканы и Болгарию, в частности.

Натиск на царя Бориса со стороны Германии и СССР (Англия и США тоже не бездействуют, но их позиция имеет уже второстепенное значение), а также со стороны внутренней левой (коммунисты) и правой (националистические прогерманские организации «Национальные легионы», «Ратник», Союз офицеров запаса) оппозиции был огромен. Международные события и внутренняя ситуация завлекли монарха в капкан, и, чтобы выбраться из него, Борис III должен был сделать судьбоносный выбор.

В доверительном разговоре с Н. Мушановым 19 декабря 1940 г. царь Борис признал, что в принципе принял решение дать согласие на прохождение германских войск через территорию Болгарии, если Германия вновь поставит вопрос об этом. «Я не могу пренебречь германскими гарантиями перед большевистским натиском, – сказал монарх. – А времени терять нельзя. Если была бы хоть малейшая возможность другого выхода, я бы ее не упустил». Царь не мог принять и совета английского посланника Ренделла – дать хотя бы один артиллерийский залп против переправляющихся через Дунай германских войск, чтобы продемонстрировать свое несогласие: «Легко ему говорить, когда между бельгийским берегом и Англией есть Ла Манш! Иначе мой “коллега” и друг Георг VI плавал бы по морям на каком-нибудь дредноуте как “летучий голландец”. Дилемма одна: Германия или Россия. Это две силы, которые будут решать судьбу Европы. Чувства Вам говорят – Россия, но если Вы послушаете голос разума, то ответите – Германия!»²³. Это означало, что внутренне царь уже был готов к принятию решения, ставшего для страны роковым.

В первый день нового, 1941 года болгарский премьер Б. Филов отправился в Вену для продолжения переговоров с Гитлером и Риббентропом по вопросу о вступлении Болгарии в Тройственный пакт. «С их точки зрения мы должны войти как можно быстрее, с нашей – следует дожидаться удобного для нас момента», – записал Филов в дневнике²⁴. Болгарский премьер следовал указаниям царя, настаивавшего, чтобы подписание пакта состоялось одновременно с вступлением германских войск на болгарскую территорию – с тем, чтобы предотвратить негативную реакцию, как внешнюю, так и внутреннюю. Можно согласиться с мнением болгарского историка академика И. Димитрова, который писал: «...преждевременный союз с Германией, когда еще неясен исход войны – это, по мнению царя Бориса, не отвечало интересам ре-

жима, династии. Избежать этого союза – это было ему не под силу. Вопрос стоял так: во-первых, как этот неизбежный, навязанный обстоятельствами, не отвечающий интересам Болгарии союз связать с ее интересами, оправдать этими интересами, и во-вторых – как его оправдать в глазах общественного мнения»²⁵. С точки зрения царя Бориса, присоединение к Тройственному пакту можно было оправдать только одной исторической задачей: национальным объединением (имелось в виду прежде всего присоединение Западной Фракии, т.е. греческой части Македонии).

По возвращении в Софию Филову оставалось окончательно убедить царя в неизбежности подписания пакта. После артистически разыгранной сцены (царь ломал руки и говорил, что «предпочитает отказаться от престола или броситься в объятия России») Борис выслушал доводы Филова и «признал их правоту»²⁶.

Болгаро-германские переговоры и быстро меняющаяся военная обстановка на Балканах в конце 1940 – начале 1941 гг. вызвали бурную дипломатическую активность Англии и США на Балканском полуострове. Они в последний раз попытались удержать царя Бориса от вступления в Тройственный пакт. В середине января Форин Офис официально предупредил болгарского посланника в Лондоне Момчилова, что Англия будет считать присутствие германских войск в Болгарии за болгарское соучастие в германских операциях против нее²⁷. Неожиданную активность проявила на этот раз и американская дипломатия. В январе 1941 г. президент Рузвельт направил в Софию своего эмиссара полковника У. Доновена, который встретился с Поповым, Филовым и царем Борисом. Заверяя царя в неизбежности благополучного для Англии исхода войны, Доновен просил его не пропускать германские войска через свою территорию для нападения на Грецию.

Однако ни серьезные предупреждения советской дипломатии, ни английские угрозы, ни «ухаживания» американской дипломатии не могли остановить заработавший механизм присоединения Болгарии к державам оси. Не следует забывать и чисто военный фактор: решение о присоединении было принято в тот момент, когда в соседнюю Румынию уже вступил мощный контингент гитлеровских войск, готовившихся к балканской операции.

20 января 1941 г. после 8-часового обсуждения решение о вступлении Болгарии в Тройственный пакт было одобрено Советом министров Болгарии. Однако лишь после подписания 17 февраля болгаро-турецкой декларации о ненападении, после получения из Берлина подробных инструкций о том, как и когда следует уведомить Москву, Стамбул и Белград о предстоящем присоеди-

нении, после урегулирования с Германией всех военных и хозяйственных вопросов Болгария подписала 1 марта 1941 г. Тройственный пакт. В тот же день авангардные части армии фельдмаршала В. Листа переправились через Дунай, а на следующий день вся его 680-тысячная армия вступила на территорию Болгарии. Позволив вермахту использовать свою территорию в качестве плацдарма для агрессии против соседних Греции и Югославии, Болгария превратилась в надежный тыл нацистской Германии, в ее южный стратегический плацдарм.

Предположение о том, что Болгария могла, отказавшись от своих ревизионистских устремлений и вступив в союз с соседними балканскими государствами, помешать гитлеровской агрессии на Балканах весной 1941 г., является, на наш взгляд, умозрительным построением. Фактом же остается то, что царю Борису удалось в сложнейших условиях союза с Германией свести выполнение Болгарией обязательств по отношению к своему могущественному партнеру к минимуму. В годы войны Болгария была поставлена в иные условия, чем другие страны региона. Значительно (хотя, как оказалось впоследствии, временно) увеличив свою территорию, не участвуя в военных действиях, сохраняя известную самостоятельность во внутренней и даже во внешней политике, Болгария оставалась весьма «своенравным» союзником «Третьего рейха».

С другой стороны, учет царем Борисом традиционно русофильских чувств болгарского народа имел своим результатом то, что Болгария – единственный из германских сателлитов – сохраняла дипломатические отношения с СССР на протяжении почти всей войны и, несмотря на нажим Гитлера, не направила на Восточный фронт ни одного солдата.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По завещанию царя Бориса он был погребен в часто посещавшемся им при жизни Рильском монастыре. В связи с усилившимся паломничеством к месту погребения царя власти Отечественного фронта спустя три года заставили царицу перезахоронить гроб в маленькой часовне в малодоступном для посетителей парке дворца «Врана» близ Софии. После отъезда царской семьи из Болгарии в сентябре 1946 г. дворец стал правительственной резиденцией. Для новой коммунистической власти царь Борис III являлся не столько прямым политическим противником, поскольку уже умер, сколько важным элементом идеологизации истории после 1944 г. По ее указанию часовню взорвали и сравняли с землей, тленные останки исчезли. Однако в углу могилы чудом сохранился сосуд из армированно-

го стекла, в который поместили сердце царя после проведенной в 1943 г. аутопсии (о нем исполнители варварского акта или не знали, или его не нашли). В 1991 г. во время раскопок сосуд был обнаружен, сердце снова исследовали патологоанатомы, подтвердившие официальный диагноз смерти царя – обширный инфаркт. В 1993 г. сосуд с сердцем вновь захоронили в восстановленной могиле царя в церкви Рильского монастыря. Поэтому о царе Борисе говорят: дважды крещенный (по католическому и по православному обряду, его крестным отцом стал русский царь Николай II) и трижды погребенный.

² См.: http://news.bnt.bg/bg/a/107352-za_lichnostta_i_politikata_na_car_boris.

³ <http://www.vsekiden.com/139715>.

⁴ Ibidem.

⁵ Текст директивы № 19 опубликован в ряде исследований. См., напр.: *Валев Л.Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964. С. 20–21; *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България в навечерието на Втората световна война // *Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет*. Т. LXI. Кн. III. София, 1968. С. 171.

⁶ *Димитров И.* Иван Багрянов. Царедворец, политик, държавник. София, 1995. С. 31.

⁷ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее – ADAP). Serie D. Bd. X. Frankfurt/Main, 1963. S. 46.

⁸ Ibid. S. 183.

⁹ Централен държавен исторически архив (далее – ЦДИА). Ф. 176. Оп. 8. А.е. 17. Л. 31.

¹⁰ България – своснравният съюзник на Третия райх. Документална колекция. Ред. В. Тошкова и др. София, 1992. С. 11; ADAP. Serie D. Bd. XI/I. Bonn, 1964. S. 310–311.

¹¹ См. *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България... С. 374.

¹² Директивы И.В. Сталина В.М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. // *Новая и новейшая история*. 1995. № 4. С. 78; см. также: *Волков В.К.* Советско-германские отношения во второй половине 1940 г. // *Вопросы истории*. 1997. № 2. С. 9.

¹³ ADAP. Serie D. Bd. XI/I. S. 470–471; *Безыменский Л., Горлов С.* Накануне (Переговоры В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.) // *Международная жизнь*. 1991. № 8. С. 111–112.

¹⁴ Научен архив на Българската академия на науките (далее – НА БАН). Сб. IV. Спомени на Ст. Мошанов. Т. IX. Съпротива и капитулация. Л. 18–19; *Филов Б.* Дневник. София, 1990. С. 211.

¹⁵ НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 19.

¹⁶ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП). Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. М., 1998. Док. 532. С. 110; ADAP. Serie D. Bd. XI/2. Bonn, 1964. S. 542.

¹⁷ ADAP. Serie D, Bd. XI/2. S. 578; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). Док. 549. С. 138.

¹⁸ НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 20.

¹⁹ Архив на Министерство на вътрешните работи (АМВР). II Народен съд. А.е. 14. Л. 42; ADAP, Serie D. Bd. XI/2. S. 646.

²⁰ НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 20.

²¹ *Филов Б.* Дневник. С. 211–212.

²² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). Док. 564. С. 159.

²³ НА БАН. Сб. IV. Д. III. Л. 21–22.

²⁴ *Филов Б.* Дневник. С. 215.

²⁵ *Димитров И.* Професор Богдан Филов и неговият дневник // *Филов Б.* Дневник. С. 101.

²⁶ *Филов Б.* Дневник. С. 222–223; ЦДИА. Ф. 95. Оп. 1. А.е. 2. Л. 130 (дневник царского советника Л. Лулчева).

²⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3. Пап. 10. Д. 117. Л. 36; см. также: *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България... С. 409.

Н.М. КУРЕННАЯ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**БЕЛОРУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА:
НА ГРАНИЦЕ ВЫМЫСЛА И ФАКТА.
М.И. ГОРЕЦКИЙ. НА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ**

Abstract:

Kurenayaya N.M. *Belorussian documentary and fictional prose: on the border of fact and fable. M.I. Horetski. At the imperialist war*

The article is devoted to the work of M.I. Haretski, who was the author of the first “History of Belarusian literature”, the founder of the documentary and fictional movement in the Belarusian verbal folklore. According to the author’s opinion, Haretski’s style had several peculiarities, among them are laconism, philosophical thinking without deliberate didacticism, delicacy to the historic and topical problems of the Belarusian people.

Ключевые слова: М.И. Горецкий, белорусская литература, биографизм, эго-документы, словесность, литература факта.

Не вызывает сомнения тот факт, что документальность – характерная и сильная черта белорусской литературы. Свидетельством тому могут служить произведения многих белорусских писателей. Самым ярким примером последнего времени стала Нобелевская премия по литературе за 2015 г. С.А. Алексиевич. Ее перу принадлежат произведения, жанр которых можно отнести к художественно-документальной прозе, имеющей в национальной литературе давние корни. А. Адамович, также творивший в русле документально-художественной словесности, считал документальность не только жанром, но и «стилем неоднородным, но чрезвычайно созвучным нашему времени»¹.

Одним из родоначальников этого направления белорусской литературы стал Максим Иванович Горецкий (1893–1938), автор сборников рассказов, автобиографических повестей, романов, драм. Его личность занимает особое место в ряду выдающихся белорусских писателей первой половины XX в. – благодаря многогранным талантам, философскому взгляду на мир, на историческую судьбу родной, обездоленной Беларуси, особому чувствованию характерных национальных особенностей своего народа в сопоставлении с соседними народами – русскими, украинцами, литовцами. Эти черты отразились в его художественных произведениях, они способствовали самым разносторонним научным занятиям М. Горецкого по продвижению и распространению знаний о белорусах в

мире. Он новатор в самых разнообразных гуманитарных областях – литературоведении, лексикографии, фольклористике. Одной из наиболее значительных заслуг М. Горецкого по праву считается создание первой «Истории белорусской литературы» (1920), много лет являвшейся единственным трудом такого рода, неоднократно издававшимся в дополненном виде. Этот труд стал учебником не для одного поколения белорусских школьников и студентов. М. Горецкий – создатель (в соавторстве с родным братом – Г. Горецким) первого русско-белорусского словаря (1918), автор «Хрестоматии белорусской литературы. XI век – 1905 год» (1922), сборника «Народные песни с мелодиями» (1928). Он перевел на белорусский язык «Слово о полку Игореве», отдельные произведения М. Горького и А. Фадеева. Исследователь творчества М. Горецкого М. Мушинский отмечал черты, присущие его писательской манере, – «отсутствие какой бы то ни было нарочитости, искусственной драматизации и схематизма. Это была высокая простота, рожденная самобытным взглядом на жизнь, умением самое сложное выразить в доступной форме»².

Жизнь М.И. Горецкого оборвалась трагически рано. В 1937 г. он был репрессирован по делу «Союза освобождения Беларуси», обвинен в национализме, в 1938 г. расстрелян в Вятке, реабилитирован в 1957 г.

В историю белорусской документально-художественной литературы, более того в мировую литературу, М. Горецкий вошел в первую очередь как автор повести «На империалистической войне (Записки солдата 2-й батареи N-ской артиллерийской бригады Левона Задумы)» [На імперіялістычнай вайне. (Запіскі салдата 2-й батарэі N-скай артылерыйскай брыгады Лявона Задумы)]. В ней нашел отражение личный опыт писателя, воевавшего в качестве вольноопределяющегося телеграфиста одной из артиллерийских батарей в течение первых пяти месяцев Первой мировой войны. Эта книга дополняет знания о тех событиях через восприятие их непосредственного участника, более того во многом открывает читателю самое главное в любой войне: человека на войне, его «превращения», страшные подробности военных будней, жизнь не по правилам, лишённую привычных моральных законов. При жизни писателя повесть была издана в 1926 г., через 50 лет она была переиздана и переведена на иностранные языки, в том числе на русский.

Биографический характер повести обусловил ее своеобразные жанровые черты – создание конкретно-личностного мира, ограниченного жизненной историей и опытом автора. Небольшое по

объему произведение открывается своеобразной экспозицией-вступлением в последующее повествование, разделенное на три коротких главы, имеющие собственные названия, – *Лагерь, Начало, Мост*. Затем автор вводит в текст наиболее важную и существенную составляющую повести – *Дневник*, посвященный непосредственным впечатлениям вольноопределяющегося Левона Задумы. *Дневник* также разделен на небольшие части – *Овраг, Варшлеген, Привалы, Форты, Оленбург, Бегство, Неман, Поворот, Стоим, Переезд, Горы*. Последняя его глава – *Катастрофа* – рассказывает о самых драматических событиях военной жизни автора: гибели командира и близких товарищей, серьезном ранении самого Левона Задумы, трагических днях между жизнью и смертью, проведенных им в госпитале. Можно предположить, что описанием этих событий писатель хотел завершить свою повесть; об этом же свидетельствует и авторская помета: «Конец дневника». Но на каком-то этапе (не следует забывать, что повесть создавалась в течение десятилетия) пришло решение о продолжении и ином, чем предполагалось ранее, конце повести. Пребывание в госпитале, постоянное ощущение надвигающейся со всех сторон смерти, медленное и мучительное выздоровление, не покидающие солдата мысли о бессмысленности, бесчеловечности войны и, наконец, краткосрочный отдых в родном доме описаны в завершающих новеллах – *Обоз, Госпиталь, Побывка, Письмо*.

Как нам представляется, столь нетрадиционная, несколько перегруженная членением текста композиция повести была продиктована прежде всего индивидуальной авторской манерой, склонностью М. Горецкого к созданию произведений короткой формы, в первую очередь, рассказа. В белорусской литературе не было примеров введения документов в ткань художественного произведения (а дневник, воспроизведенный в повести, с полным правом можно считать эго-документом, документом личного происхождения), отсутствовал и определенный опыт в создании литературы факта. М. Горецкий, задумываясь над синтезом художественного и документального в повести «На империалистической войне», создал жанровую форму, в которой он соединил документ и вымысел, военный дневник писателя и короткие новеллы о том или ином событии первых месяцев войны на просторах Восточной Пруссии, о боевой дружбе и солдатском быте.

Дневник, включенный в повесть «На империалистической войне», несмотря на его не подлежащую сомнению автобиографическую основу, все же более художественный текст, чем документальный. Стремление писателя создать произведение, в котором,

согласно канонам художественной литературы, автор – М. Горечкий – не идентичен главному персонажу, определило и вымышленное имя автора Записок. Левон Задума, по существу, альтер-эго самого писателя. В то же время в повести воспроизведена подлинная история нескольких месяцев войны с точными топонимами, документальной хроникой наступлений и отступлений, количеством выпущенных снарядов по противнику. В пользу большей художественности, чем документальности, повести говорит и создание еще одного вымышленного образа – командира батареи, в которой воевал будущий писатель: «Показался высокий, задумчивого вида офицер, с усами и подстриженной бородкой... С виду это был высокий и плечистый мужчина, немного сутулый, хотя и молодой, с усами и бородой, как на царских портретах... Однако глаза у него были глубокими и печальными... Наслышан я был и о его чудачествах: большой набожности, мелочной привязанности к порядку и опрятности»³. Несмотря на то, что все персонажи повести имеют говорящие фамилии-характеристики, отражающие их человеческую суть, – Задума, Шолопутов, Гноев, Хитрунов, Пупский, командир остается безымянным на протяжении всего повествования. Можно предположить, что это намеренный авторский прием. Скорее всего, по замыслу писателя, командир – человек-символ, олицетворяющий лучшие черты солдат и офицеров русской армии, представлявших самые разные народы империи. Наряду с этим он не похож на статично-монументальный образец, он очень живой и достоверный: одновременно нервный и грубый, честный и глубоко верующий, способный накричать на солдата и даже ударить его, но, как правило, справедливо и за дело. Командир в полной мере разделяет военную судьбу своих подчиненных, все тяготы и печали войны. Его храбрость и самоотверженность высоко ценились всеми, с кем он воевал. Его последнему бою и гибели посвящены пронзительные строки *Дневника*: «Командир взобрался на передок и с биноклем в руках, стоя во весь рост, командовал. Хотелось склонить колени перед его героической фигурой – готовый мишенью для врага... Я каменею, поняв страшную правду. Командир был убит наповал, шрапнельной пулей в лоб; об этом рассказал фельдшер, и я подумал: герою – геройская смерть» (466).

Белорусские исследователи сравнивают повесть «На империалистической войне» с произведениями о войне Л.Н. Толстого, Э.-М. Ремарка, Анри Барбюса. Этих писателей роднят не только их антимилитаристские убеждения; «...война, по определению Толстого в эпопее «Война и мир», – самое гадкое дело в жизни, про-

тивное человеческому разуму и всей человеческой природе...», но и созданный в их творчестве неизменный эффект присутствия, эффект сопереживания происходящим событиям и людям, участвующим в них. Свой приговор войне вынес и М. Горецкий: «На войне особенно остро воспринимаешь все родное, далекое. Ведь тут так тяжело... Почему? Потому, что хлеба нет? Или что люди – не люди, а скот? И потому, и потому, и потому... Война нарушает весь распорядок жизни. И в праздничные дни ходим мы грязными, вшивыми, немывыми. Я совсем забыл о празднике» (386).

В повести несколько основных мотивов, которые то соединяются и переплетаются, то один из них начинает играть главенствующую роль, отодвигая другие ключевые мотивы на задний план. На протяжении всей повести постоянен только мотив внутреннего состояния автора, которое наполнено печалью и тоской: «...и горькая тоска навалилась еще сильнее», «И когда по вечерам в пехотной части лагеря весело и задорно играл военный оркестр, меня охватывала такая тоска, что невольно набегали слезы на глаза. Я начинал нервничать». «Я ниоткуда не получал писем, и от этого мне было еще печальнее» (393).

Тема раздумий по поводу будущей судьбы Беларуси, оказавшейся, как это уже не раз бывало в ее истории, на границе двух миров, в эпицентре их столкновения, глубоко переживается автором Дневника: «...край наш бедный, край наш темный – лес, болота, вересок, что в эту проклятую несчастливую пору сплошь залит он горячими слезами, спеленут ужасной нуждой, опустошен и обездолен». Мотив национального, народного, отеческого постоянно находится в центре философских размышлений альтер-эго автора: «Жаль мне тебя, моя бедная, убогая. Неученая и такая творчески одаренная мужицкая родина»; «Проезжали опустевшее местечко. Завидно смотреть! Жалость берет за сердце, оттого что Беларусь, в сравнении с ним, дикая-дикая!» (397).

Совершенно очевидно, что для М. Горецкого проблема национальной идентичности и самоидентичности была очень существенна. Почти всегда рядом с именем его сослуживцев упоминается их национальность: «Старшим над ними был усатый поляк или ополяченный белорус с Виленщины, почему-то с русской фамилией – Маслов», «украинец Ехимчик», «ополяченный литовец», «санитар Фельдман, наш белорусский еврей», «мужчина-русак», «Беленький, наш безбожный иудей». Своих русских сослуживцев Задума отличает по местам их происхождения – «косоглазый туляк денщик», «основательный батарец костромич Пашин», ярославец Соловьев, Дикан – белорус с Минщины.

Свою национальную идентичность Левон Задума осознает постоянно и отстаивает ее при малейших сомнениях со стороны сослуживцев, особенно когда это касается родного языка. Экземпляры первой газеты на белорусском языке «Наша Ніва», присланные ему на фронт из Вильно, приносят радость, позволяют хоть на время забыть о человеческих трагедиях и тяготах войны: «Но чего мне стыдиться, что я здесь, на этой проклятой войне, со спазмами в горле и противными болезненными слезами на глазах целую письма из дому и «Нашу Ніву» из Вильни... Командир был как раз в канцелярии. Он повертел в руках «Нашу Ніву», с нескрываемым любопытством посмотрел на меня, но ничего не сказал... Сколько радости доставляет мне наше печатное слово!» (441).

Бывали мгновения, когда Левон Задума, пребывая в некотором замешательстве по причине собственного нахождения в русской армии, ощущал себя в стане противника. На четвертый месяц войны он, увидев перебежчика с немецкой стороны – поляка-познанца, задается вопросом: «Я в русском войске, как тот поляк в немецком. Значит?..» (443). Но воинская присяга и непрерывные позиционные бои не оставляли ему времени для дальнейших размышлений, и он продолжал выполнять обязанности военного телеграфиста.

Сквозным лейтмотивом проходит в повести тема бессмысленности и бесчеловечности войны. Она прочно связана и с темой тоски, и с темой идентичности, поскольку главный персонаж, как и сам М. Горецкий, осознает собственную беспомощность и неправедность войны, свою «неверную» солдатскую судьбу, всю без остатка подчиненную приказам, нередко ошибочным и скоропалительным. Размышления Левона Задумы приводят его к убеждению, что война не может принести ничего хорошего не только отдельным ее участникам, но и всему белорусскому народу, его судьба по-прежнему будет определяться другими, а впереди только беды и прежняя нищета: «Разве Беларусь от этой войны будет иметь хоть какую-нибудь пользу? Не получится ли так, что, добившись победы на фронте, сильные мира сего станут еще сильнее и окончательно согнут нас в бараний рог?.. Вернувшись в казарму, я просмотрел нехитрое свое имущество, еще раз перечитал книжки... И зачем, спрашивается, я вез их сюда? Все это теперь погибнет, как погибну, может, и я сам... во славу... во славу... чего? Освобождения «малых» народов? Но освободится ли мой народ? Что ему даст эта война? Лучше не думать...» (463).

Еще одна ключевая тема повести «На империалистической войне» – быт, повседневная жизнь–выживание солдата на войне.

Смерть, голод, холод, грязь – вот ее главные приметы. Война – это не только наступления, отступления, взрывы и смерти, подвиги и предательства, прежде всего это – **работа, труд** до изнеможения, грязный, бесконечный, лишенный созидательного смысла, без которого однако невозможно побеждать. Об этом одним из первых в мировой литературе сказал в своей повести М. Горецкий: «Орудийная прислуга так наработалась за день у пушек, что некоторые номера с трудом поднимали руки и проливали еду дрожащими ложками. Работали от семи утра до девяти вечера, без отдыха и обеда, то заряжая пушки, то подкапывая хоботы, то еще чем-нибудь занимаясь». «После обеда рыли окопы. “Что это ваши руки ничего не умеют?” – пренебрежительным тоном спросил старший, глядя на мою работу» (433).

В повести «На империалистической войне» М. Горецкий выстроил целую систему сновидений Левона Задумы; среди них и вещей сон, предсказавший тяжелое ранение в ногу, и сон о мясе с огурцами, гнилыми яйцами, спелыми сливами, которые, в соответствии с народными поверьями, предвещают скорые несчастья, а, может быть, и смерть, предательство, ложь, измену, а также подают хороший знак и надежду на будущее. Чаще всего Левон Задума во сне видит родных и знакомых из мирной жизни – встречу с матерью, с давним приятелем и его сестрой. Сны в *Дневнике* как продолжение яви: «Мне так ясно, так четко снилось вчера, что я на позиции, что немцы наступают... Над нашей хатой рвутся шрапнели, здесь, в родном селе... Я прижался к наружной стенке, возле которой сплю, и слышу как шрапнель над самой трубой: тра-ах! Пули по крыше, по улице: тук! Тук! Тук! Потом возле самой спины, даже горячо стало... Хочу бежать, а нога мертвая, не двинуть, шаг не могу сделать... Я думаю: как мне жить, такому, с такой ногой?» (435). Многие из мимолетных мыслей Левона Задумы во время военных будней нашли отражение в его снах, углубили и расшифровали самые заветные желания молодого солдата, отношения с реальным миром.

Завершается повесть «На империалистической войне» письмом сослуживцев телеграфиста – автора «Записок», в котором они подробно описывают свою нелегкую жизнь, пишут об обстоятельствах гибели знакомых однополчан. Это послание – имитация эпистолярного документа, вполне вписывающаяся в художественно-документальное повествование как композиционный элемент, своеобразный мининарратив, текст в тексте. Его предназначение – усилить эффект присутствия, эффект сопереживания, о которых говорилось выше.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Адамович А.* Жизненный материал и художественное обобщение // Вопросы литературы. 1966. № 9. С. 6–8.

² *Мушинский М.* Народные истоки таланта // Горецкий М. Красные розы. Минск, 1976. С. 7.

³ *Горецкий М.* Красные розы... С. 375. Далее в тексте даются ссылки на это издание с указанием номера страницы в скобках.

VI. ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ, САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Г.В. МАКАРОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ВОЗДЕЙСТВИЕ ВОЕННОГО ФАКТОРА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОДНОГО НАРОДА О ДРУГОМ (НА ПРИМЕРЕ КОНТАКТОВ РУССКИХ С ПОЛЯКАМИ В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г. И ЗАГРАНИЧНОГО ПОХОДА РУССКОЙ АРМИИ)

Abstract:

Makarova G.V. *The impact of the “military factor” on the formation of notions of one nation about another (for example, the contacts of the Russians with the Poles in the period of the Patriotic war of 1812 and foreign campaign of the Russian army)*

The article considers the influence of the “military factor” during the war events of 1812 on the formation of the opinion of Russians of the Poles. The work is based on diaries and memoirs of Russian officers.

Ключевые слова: военный фактор, военные события 1812–1813 гг., российско-польские контакты, формирование стереотипов восприятия.

Многообразие различных факторов, их сочетание, вариативность и разная значимость в определенный момент времени ведут к разнообразию моделей исторического развития и, в частности, взаимоотношений между народами.

Множество факторов оказывали влияние на формирование представлений русского и польского народов друг о друге. Взаимоотношения между народами-соседями, естественно, всегда носят более интенсивный характер, по сравнению с взаимоотношениями народов, которые не имеют общей границы. С другой стороны, эта самая граница и фронтиры создают особую напряжен-

ность, ведут к осложнению отношений между ними, порождают взаимное недоверие и претензии. Возникают ситуации, когда отношения становятся по меньшей мере настороженными, а иногда и враждебными, приводящими к открытым конфликтам и вооруженным столкновениям, как это не раз бывало в истории отношений между Россией и Польшей. В итоге они откладываются, нередко в мифологизированном виде, в исторической памяти народов.

Война с Наполеоном, закончившаяся победным для России результатом, который был зафиксирован Венским договором 1815 г., способствовала росту национального самосознания русского общества, подъему чувства национальной гордости, усилению надежд на лучшее будущее. О связи войны и реформ в политической жизни государства – на примере России – любопытно замечание выдающегося русского историка В.О. Ключевского: «[...] война с благополучным исходом укрепляла сложившееся положение, наличный порядок, а война с исходом непристойным вызывала общественное недовольство, вынуждавшее у правительства более или менее решительную реформу. [...] Так успехи внутренней политической жизни приобретались целью внешних несчастий»¹. (Ключевский имел в виду период с 1612 г. по 1855 г.) Соглашаясь с суждениями историка и расширяя его мысль в хронологическом плане, главный редактор журнала «Континент» И.И. Виноградов отмечал: «[...] эта схема может служить одним из важнейших ключей и к сквозным особенностям последующих этапов исторического развития России»². В этих высказываниях подчеркивается один из аспектов воздействия военного фактора.

Факторный анализ, который может осуществить историк, по своему характеру является ретроспективным. Причинно-факторный метод рассмотрения хода общественного развития, установления значимости отдельных факторов, степени их воздействия, зависимости между ними, меняющейся системы их расположения и т.д. во всех конкретных случаях требует осторожного и скрупулезного подхода. Сам по себе факторный ряд структурно динамичен, и степень влияния любого из факторов непостоянна: его воздействие на отдельных исторических этапах во многом зависит от самых разных текущих событий и реальных обстоятельств, и даже просто от конкретных действующих лиц. Это относится, в частности, и к военному фактору. Казалось бы, военный фактор, нашедший выражение в военно-политической конфронтации и тем более в вооруженном столкновении, должен вести исключительно к негативному восприятию соседних народов друг дру-

гом. Однако, как это на первый взгляд ни парадоксально, отдельные примеры показывают, что воздействие данного фактора может быть различным и в какой-то мере даже позитивным.

Характеризуя источники, содержащие сведения, которые помогают воссоздать картину повседневных событий, причем не только военных, в период Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (дневники, походные записки, письма участников военных действий, их мемуары), можно отметить, что все они весьма субъективны и окрашены личностным восприятием авторов. Они различны по уровню достоверности описываемых инцидентов: те, которые были созданы непосредственно по горячим следам, более достоверны как в фактографическом плане, так и в отражении эмоций, возникавших в тот момент. Заметки и мемуары, написанные позднее, часто содержат неточности – вследствие особенностей памяти авторов, ее избирательности, свидетельствуют об ином восприятии, вызванном влиянием произошедших в дальнейшем событий и разных обстоятельств, которые в результате приводят к изменению первоначальных оценок. Чем большее время отделяет воспоминания от непосредственных событий, от описаний, сделанных в ходе военной кампании, тем больше поводов возникает для «редактирования», переосмысления и переоценки их автором, тем в большей степени они подвержены общественным настроениям уже того времени, когда издаются. Это происходит и тогда, когда записки издает сам автор, ментальность которого изменилась, или когда их публикует кто-то другой, – в любом случае может вноситься соответствующая «правка». Примером такого перехода с течением времени на иные позиции служат изменения во взглядах Ивана Ивановича Лажечникова (1792–1869) в отношении поляков. Имя Лажечникова хорошо известно русскому читателю по его историческим романам «Ледяной дом» и «Басурман». Литературное дарование писателя проявилось и в его походных записках во время войны с Наполеоном. В патриотическом порыве, тайно сбежав из дома родителей в Коломне, которые, впрочем, вскоре простигли его, Лажечников оказался в уже оставленной неприятелем Москве, вступил в ополчение и закончил свой долгий армейский путь в Париже³. В его записках, в частности, нашли отражение впечатления о контактах с поляками в период нахождения русских войск на территории Герцогства Варшавского⁴. Если в них запечатлены явные симпатии автора к польскому населению, то в написанном более полувека спустя романе «Внучка панцирного боярина» (1868 г.) представлена совершенно иная позиция: поляки показа-

ны им в крайне негативном свете. Безусловно, на восприятие поляков Лажечниковым ко времени создания этой книги оказали влияние как характер польско-русских отношений, особенно польские восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., так и реакция на них близких писателю кругов российского общества.

Источники, содержащие сведения о контактах русских с поляками во время войны 1812 г. и заграничных походов, весьма немногочисленны. В дневниках и мемуарах преимущественно описываются военные события, ход сражений, происходивших на территории России; гораздо меньшее их число посвящено заграничным походам. И лишь в немногих из этих материалов можно найти упоминания о повседневной жизни, протекавшей на фоне военных действий, о контактах с местным населением.

Еще Жан-Жак Руссо отмечал, что путешествия, поездки по другим странам необходимы для расширения жизненного кругозора человека, для получения образования. В России такая практика, хотя и в небольшом объеме, существовала уже при Петре I, когда в заграничных поездках помимо знаний приобретались и ремесленные навыки. Впоследствии подобный опыт применялся и при Екатерине II: для получения высокого уровня образования молодые люди направлялись в европейские университеты. Поездки-путешествия с научными и просто познавательными целями со временем становились все более популярными. Ознакомлению с жизнью других стран способствовало и пребывание там российских дипломатов. Заграничные военные походы можно лишь условно отнести к «путешествиям», однако они также помогали знакомиться с бытом других народов. Причем это происходило в огромных масштабах, с участием многотысячных армий, включавших представителей всех социальных слоев – от крестьян до аристократов, вплоть до членов императорской фамилии и самого императора. Автор одной из новейших работ о заграничных походах русской армии Н.Н. Аузова справедливо замечает, что их изучение «имеет огромное значение при осмыслении стереотипов восприятия русских офицерами» иной реальности и «влияния опыта, приобретенного прогрессивной частью русского офицерства, на развитие общественно-политических взглядов»⁵. Можно добавить, что и то и другое касалось не только «прогрессивной части русского офицерства», но всех представителей офицерской среды вообще, в том числе и тех, кто придерживался иных общественных взглядов.

Дневников и воспоминаний «простых людей», крестьян, составлявших основную массу участников походов, создано не было,

поскольку подавляющее большинство их было неграмотным, но даже само по себе визуальное ознакомление с другими странами играло определенную роль в расширении их сознания, дополняя их картину мира. Они узнавали иной образ жизни, видели иные, чем на родине, ландшафты, иную архитектуру городов, наблюдали быт и нравы местного населения.

Видный отечественный философ В.А. Лекторский в беседе с венгерским ученым Л. Гараи высказал мысль о взаимосвязи коммуникации и деятельности человека, о попытках науки «понять коммуникацию как неотъемлемый компонент деятельности». В частности, он ссылается на труды своих коллег, считающих, что «деятельность – это не единственный способ отношения человека к миру: наряду с ней существует созерцание». Представляя точки зрения различных философов, Лекторский отмечает, что «существуют субъект-субъектные отношения», то есть «взаимоотношения Я и Другого человека», которые «являются первичными в отношении человека к миру и другим людям». «Созерцание связано с интерпретацией увиденного», речь идет о «понимании его [«Другого» – Г.М.] таким, каков он есть», – утверждает ученый. Обращаясь к проблемам современности, Лекторский высказал следующее соображение: «Сегодня, когда в условиях глобализации разные культуры попали в ситуацию тесного соприкосновения, выясняется, что во многих случаях их взаимоотношений речь идет не о попытках взаимного понимания, а о стремлении навязать представителям другой культуры собственные представления – а это в условиях реальной жизни означает навязывание культурного и социального доминирования. Но даже в тех случаях, когда делаются попытки наладить взаимопонимание (а в связи с этим социальное взаимодействие), это может оказаться затруднительным. Вряд ли существуют ситуации полной невозможности такого понимания, но в некоторых случаях трудности могут быть очень велики. Я имею в виду тот важный факт, что представители разных культур и разных социальных слоев могут иметь несовпадающие представления о мире (природном и социальном), разное понимание ценностей: что хорошо и что плохо, что можно и чего нельзя делать и т.д. В этом случае их общение может напоминать “разговор глухих”. Вот тут я прихожу к мысли о том, что изучение условий взаимопонимания, диалога предполагает исследование проблем культурной и социальной идентичности»⁶. Эти суждения философа справедливы не только для сегодняшнего дня, но и в отношении событий двухвековой давности, когда огромные массы лю-

дей, в силу сложившихся военных обстоятельств оказались в ситуации непосредственного общения-«соприкосновения».

Контакты русских с представителями других народов, в частности с поляками, в ходе Отечественной войны 1812 г. осуществлялись не только в виде военных столкновений, но и на уровне повседневной бытовой культуры. Впоследствии в том или ином виде заграничные впечатления участников военных походов распространялись в соответствующих социальных кругах. Известным примером является воздействие реально увиденного в европейских странах на мировоззрение будущих декабристов.

Русские войска вошли на территорию Герцогства Варшавского в январе 1813 г., но их общение с поляками имело место и раньше, когда, преследуя «великую армию» Наполеона, они вступили на западные окраины Российской империи – на земли, которые прежде входили в состав Речи Посполитой, до ее разделов в конце XVIII в. Основное крестьянское население этих территорий составляли литовцы, белорусы и украинцы, но местное дворянство было представлено в значительной степени польской магнатерией и шляхтой. Именно с этим сословием главным образом и устанавливались контакты русского офицерства.

Первые встречи русских с поляками при изгнании войск наполеоновской армии происходили на территории Смоленской губернии. Смоленская земля была присоединена к Российскому государству в середине XVII в. Еще польские короли для закрепления этих земель за польско-литовским государством жаловали здесь поместья польскому дворянству. Позже аналогичную политику проводили и российские власти, которые для привлечения на свою сторону поляков дарили им поместья, стремясь обеспечить себе их лояльность. Александр Васильевич Чичерин (1793–1813), поручик Семеновского полка, записал в своем походном дневнике: «Уже в Смоленской губернии я начал забывать настоящую Россию. В Минске, в Вильне я не видел никого, кроме поляков». При этом он высказывал свое мнение о крестьянах. Произведенное ими на автора впечатление вызвало далеко не лестный отзыв: «Они стоят так низко, так неумны, что, мне кажется, сей народ весьма обделен природой. Гордости у польского крестьянина не меньше, чем у дворянина. Он и упрям, и угодлив, а на здравомыслие его нельзя рассчитывать. Пугается он прежде, чем услышит угрозу». Чувствуя неловкость за данную им негативную оценку местного крестьянина, Чичерин пытался найти объяснение, почему же у крестьянина сложился такой стиль поведения: «Имения, принадлежащие часто пяти господам сразу, приучили его к тако-

му рабству, коего не знает наш народ». Сравнивая польского и русского крестьянина, он подчеркивал: «Русский крестьянин боится своего барина, подчиняется своему барину и служит ему. Польский же боится всякого помещика, никогда не знает, кому принадлежит; вынужденный прятать свое достояние от жадных глаз господина, он ютится в грязном и нищем жилище. Между собой они все время ссорятся, завидуют друг другу». Далее автор дневника продолжал отрицательно характеризовать польских (по его мнению) крестьян: они малообщительны и «не знают, как ответить на простой вопрос». «Можно подумать, что они совсем не способны рассуждать, потому что не имеют никакого представления о расстоянии, совершенно не умеют считать, нелюбопытны, едва знакомы даже с соседними селениями», – писал Чичерин. И вновь прибегал к объяснению, оправдывающему данную ситуацию: «Это отупение народа вызвано, несомненно, жадностью господ, но всё же резко поражает контраст польских крестьян с русскими, кои честны, откровенны и прямы, знают своего господина и своего бога, служат им и любят их». Несомненно, патриотические мотивы в суждениях автора одерживали верх, однако вряд ли местное крестьянство можно было считать по национальной принадлежности поляками. По всей вероятности, он характеризовал состояние крестьян в имениях, владельцами которых были помещики-поляки.

Продвигаясь с русской армией на запад, Чичерин отмечал, что «за Неманом характер поляков как будто меняется к лучшему». И снова старался найти этому объяснение: «Угнетение, кое они испытали от французов, и великодушие нашего государя – вот, как мне кажется, главные причины того, что они стали немного откровеннее и, если так можно сказать, сообразительнее. Поляк из Герцогства Варшавского держится немного свободнее, да и чувствует себя свободнее». Описание и трактовка увиденного обуславливались личностным восприятием автора дневника. Чичерин не упоминает, а возможно ему и не был известен тот факт, что по введенному в Герцогстве Варшавском в 1807 г. Кодексу Наполеона крестьяне юридически были свободными людьми, хотя во многом прежние феодальные отношения продолжали сохраняться⁷.

Вопрос об отмене крепостного права был одним из самых актуальных для русской общественной жизни того времени, и участники заграничных походов имели возможность непосредственно видеть и сопоставлять положение крестьян в России и в европейских государствах, через территорию которых проходили русские войска. Интересное мнение по вопросу о крестьянской ре-

форме выражено в письме неустановленного лица Н.М. Лонгинову от 16 января 1813 г., отправленном из Бромберга (в настоящее время – Быдгощь). Лонгинов занимал достаточно важный государственный пост: в 1811 г. он был назначен «в ведомство министерства финансов с чином надворного советника», в 1812 г. получил место секретаря при императрице Елизавете Алексеевне. Форма обращения к адресату и содержание письма свидетельствуют о том, что неизвестный автор стоял примерно на одной служебной ступени с Лонгиновым. Вероятно, оба они принадлежали к общему чиновничьему кругу. Излагая собственную позицию по вопросу об освобождении крестьян, «неизвестный» писал: «Что касается до меня о увольнении крестьян, я, хотя и не якобинец, признаю, что думаю непременно мало-помалу это сделать». Он высказывал соображения, каким образом можно было бы осуществить освобождение крестьян на практике: «Теперь есть случай начать в Польше, конфисковав имения всех тех, кои против нас служили, раздать эти имения генералам и офицерам нашим бедным, постановить таксу, выше которой с крестьян не брать, и чтобы они были вольны», то есть необходимо дать личную свободу крестьянам и перевести их на оброк, причем с фиксированной границей денежного сбора. Зная, что такой путь решения крестьянского вопроса вызвал бы недовольство дворянства внутренних губерний империи, он считал предлагаемый им вариант пригодным для Польши: «Дареному коню в зубы не смотрят – новые помещики были бы довольны, и важная часть крестьян вышла бы из теперешнего постыдного и в Польше несчастнейшего положения». Убежденности автора в правильности такого подхода к эмансипации крестьянства способствовало, в частности, знакомство с порядками в Пруссии, когда ему представилась возможность провести наглядное сопоставление. «Вот здесь, в Пруссии, – писал он, – в части, которая давно уже от Польши взята, мужики уже не крепостные и общее состояние гораздо лучше, чем в нашей Польше». И далее: «Говорили, что часть Польши, доставшаяся нам, счастливейшее тех, кои принадлежат Пруссии и Австрии», и категорически утверждал, что это «совершенная ложь», поясняя свою мысль, что лучше только «помещикам и шляхтам», потому что «они так же дерут с мужиков», как и прежде, а «крестьянам – гораздо хуже». В Австрии и Пруссии, где «власть дворянства удержана в пределах», там «крестьянам под защитой правления было гораздо лучше» – такой вывод делал «неизвестный»⁸.

Среди источников о военных событиях и контактах с польским населением офицеров российской армии значительный интерес пред-

ставляют записки артиллерийского полковника Ильи Тимофеевича Радожицкого (1788–1861)⁹. Судя по их содержанию, автор вел походный дневник, который и лег в основу его сочинения: приводятся точные даты событий, подробно описываются бытовые детали. Сам Радожицкий отмечал присущую авторам подобных воспоминаний субъективность суждений и наблюдений: «Каждый из нас смотрел на происшествия своими глазами и мог заметить то, что другой упустил из вида. [...] Не подробности ли частной жизни людей всякого звания объясняют характер, образ мыслей, степень просвещения и нравственность всякого народа?». Но не только чисто бытовые моменты занимали мысли офицера. Он размышлял и об общем характере взаимоотношений русских и поляков и над возможностью объединения двух народов: «Поляки по необходимости должны сродниться с русскими в одно великое племя народа славянского, под одну державу, под одни законы и веру, – считал он. – Язык польский весьма немногим разнится от русского – корень их одинаковый». А вера у обоих народов одна и та же – христианская, замечал автор, «с некоторым различием в обрядах»¹⁰. По мере продвижения русских войск на запад Радожицкий все отчетливее видел разницу в экономическом положении поляков и населения других стран. «Чем дальше отходили [мы] от Варшавы, – отмечал он, – тем явственнее обнаруживалось благосостояние жителей, несмотря на то, что они много пожертвовали французам»¹¹. «После больших трудов прошедшей кампании в России и скудного продовольствия в разоренной Польше по ту сторону Вислы, – писал Радожицкий, – мы входили в благословенные страны трудолюбия и образованности»¹². Аналогичным было и мнение Лажечникова: «Перейдите рубеж, разделяющий Польшу с Пруссией, и новая, приятная картина представится вашим глазам. Там много дает Природа, здесь Природа не скупее, но трудолюбие умеет к щедротам ее примешивать свои награды»¹³.

Еще один артиллерийский офицер, Гавриил Петрович Мешетич, в своих мемуарах также описал впечатление о пребывании в Польше: «Наконец знамена победоносного воинства России развеваются в Варшавском герцогстве». Местоположение Варшавы и ее архитектура пришлись ему по душе: «Город Варшава, столица тогдашнего герцогства, довольно многолюдный, обширный и шумный, имеет много громадных красивых строений и с окрестностями над рекою Вислою по покатости берега составляет прекрасную картину». Однако совсем иное впечатление произвела на автора общая «печальная картина Варшавского герцогства». «Вид оного, – писал Мешетич, – представлял разительную картину об-

манутой свободы: везде царствовала бедность со всеми печальными ее изображениями, во многих местах хижины без покрытых кровлей, в других местах целые деревни без жителей, которые, будучи гонимы страхом и не имея себя чем пропитать, оставили свои жилища». Увиденное вызывало понимание и сочувствие: «Народ, угнетенный частыми воинскими наборами, разными налогами и порабощением иноземным правительством, он был недоволен своей страной и как будто не находил в оной уже своего пристанища». Мешетич пытался объяснить, какие чувства и настроения испытывали поляки в отношении и России, и Наполеона, начавшего с ней войну: «Знатнейшие, видя попеременно чуждых народов в своей стране, имели привычку сообразовываться с своими обстоятельствами и, как казалось, принимали русских чисто-сердечно. В некоторых приметно было соболезнование об своих детях и родственниках, погибших в войне с Россиею. Другие были недовольны Наполеоном, что он навлек им нещастие [sic!] и разорение их страны, не могли сделать добра»¹⁴.

Знакомство участников Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии с европейскими странами, расширение познаний относительно их социально-политического устройства и сопоставление его с общественным порядком в Отечестве приводили русских офицеров к размышлениям о необходимости его реформирования. Наблюдения за повседневной жизнью местного населения стран, через которые проходила их военная дорога, воздействовали на формирование в их сознании национальных и социальных характеристик этих народов. Непосредственные личные субъективные впечатления русских воинов, отраженные в их опубликованных дневниках и воспоминаниях, со временем оказывали влияние на менталитет сравнительно больших групп населения, утверждались в их представлениях и включались в национальную историческую память, способствуя формированию общего стереотипного восприятия «другого» народа. Таким образом, военный фактор начинал действовать как фактор «внутренний».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть IV // Собрание сочинений в 9 томах. Т. 4. М., 1989. С. 190.

² *Виноградов И.И.* Дневник редактора. Выпуск четвертый. Январь–март 2007 г. // *Континент*. 2007. № 144.

³ Блестящий очерк о жизненном пути и литературном творчестве И.И. Лажечникова написал выдающийся библиограф и историк литературы С.А. Венгеров, создатель «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых от начала русской образованности до наших дней» // *Венгеров С.А. Лажечников И.И. Критико-биографический очерк // Лажечников И.И. Собрание сочинений. Т. 1. Можайск, 1994. С. 5–111.*

⁴ [*Лажечников И.И.*] Походные записки русского офицера, изданные И. Лажечниковым, действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете и Санкт-Петербургского общества любителей словесности. СПб, 1820. В связи с 200-летием Отечественной войны 1812 г. они были переизданы: *Лажечников И.И. Походные записки русского офицера, 1812–1814. М., 2013.* Подробнее о содержании его записок см.: *Макарова Г.В. Контакты между русскими и поляками в начале XIX в. и их отражение в «походных записках» русских офицеров (1812–1813 гг.) // Славянский альманах – 2009. М., 2010.*

⁵ *Аурова Н.Н. Русское общество и заграничные походы 1813–1814 гг. // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 338; она же. Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг.: социокультурный аспект М., 2015.*

⁶ О теориях деятельности: диалог о том, чем они богаты и чего в них недостает (Беседа В.А. Лекторского и Л. Гараи) // *Вопросы философии. 2015. № 2.*

⁷ [*Чичерин А.В.*] Дневник Александра Чичерина. 1812–1813. / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1965. С. 108. Скончался Чичерин в августе 1813 г. в Праге от ран, полученных в сражении под Кульмом // Там же. С. 255–256.

⁸ *Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. М., 2006. С. 422–423.*

⁹ [*Радожицкий И.Т.*] Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год артиллерии полковника И.Т. Р[адожицкого]. Ч. 1, 2. М., 1835. Подробнее о «польских впечатлениях» автора см.: *Макарова Г.В. Контакты между русскими и поляками... С. 133–135, 137–140.* Небольшая книжка о Радожицком вышла в 2012 г.: *Илья Тимофеевич Радожицкий: боевой генерал-ботаник / Автор-составитель: В.В. Снакин и др. сотрудники музея земледелия МГУ. В ней кратко излагается жизненный путь Радожицкого как исследователя-естествоиспытателя. Им был создан оставшийся неизданным 15-томный труд «Всемирная Флора и Помона», над которым ученый трудился более 20 лет // Там же. С. 3.*

¹⁰ [*Радожицкий И.Т.*] Походные записки... Ч. 1. С. 289, 290, 291.

¹¹ [*Радожицкий И.Т.*] Походные записки... Ч. 2. С. 17.

¹² Там же. С. 19.

¹³ [*Лажечников И.И.*] Походные записки русского офицера... СПб, 1820. С. 90.

¹⁴ *Мешетич Г.П.* Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 54, 55.

С.М. ФАЛЬКОВИЧ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

О ФАКТОРАХ, ОПРЕДЕЛЯВШИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОЛЯКОВ И РУССКИХ В ХОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Abstract:

Falkovich S.M. *On the factors which determined the relations between the Russian and the Poles throughout history*

Russian-Polish relations have been affected by a number of factors that have changed in the course of historical development. The article covers the most important of these factors such as territorial vicinity, religious differences as well as differences of the sociopolitical systems of both countries.

Ключевые слова: поляки, русские, история российско-польских отношений, Польша, Россия.

На складывание взаимоотношений между народами и соответственно на формирование их представлений друг о друге оказывали влияние многие факторы. В первую очередь, таким фактором является сам ход исторического процесса. В связи с этим важна территориальная близость или удаленность народов друг от друга. В первом случае возникает реальность взаимного участия в историческом развитии определенного региона. Для русских и поляков, тесно граничивших в регионе Восточной Европы, это был основополагающий фактор, обусловивший как развитие их соседских взаимоотношений, так и эволюцию их взаимных стереотипов. С одной стороны, соседство и славянское языковое родство создавали более благоприятную обстановку для установления и развития экономических, культурных и личных связей, но, с другой, близкое соприкосновение обусловило в Средние века геополитическое соперничество социальной и государственной верхушки обоих народов. Отсюда проистекали военные столкновения, что создавало атмосферу враждебности. Этому способствовал и религиозный фактор: поляки воспринимали православных русских не как полноценных христиан и европейцев, а как азиатов, монголоидов, носителей чуждой культуры. В свою очередь, русские также не считали поляков-католиков истинными христианами, называя их «погаными ляхами», и это противостояние существовало вплоть до XX в. В то же время в ходе исторического развития и особенно в XVI–XVII вв. все европейские веяния шли в Россию через Польшу, и недаром, например, при дворе царя Федора Алексеевича ев-

ропейская культура воспринималась в польском варианте, а сам он бегло владел польским языком.

Влияние фактора общего исторического развития, тесного переплетения исторических судеб особенно ярко проявилось после того, как в конце XVIII в. произошли разделы Польши с участием России и польские земли оказались в составе Российской империи, а польский народ попал под иго царского самодержавия. С одной стороны, возникли условия для установления более тесных связей поляков и русских в экономике, культуре, науке, образовании, а порой даже и в политике, если вспомнить об Адаме Чарторьском – министре в правительстве Александра I – или Александре Велёпольском, возглавлявшем гражданское управление в Королевстве Польском в начале 1860-х годов. Но с другой стороны, свершившийся в конце XVIII в. поворот истории неминуемо вел к возникновению польского национально-освободительного движения, к борьбе поляков против российской власти. Польские национальные восстания и их подавление царской армией не могли не наложить печать на отношения русских и поляков друг к другу. В русском обществе закрепилось понятие «поляк-бунтовщик», но различные общественные силы в России придавали ему различное – положительное или отрицательное – значение, и знаменательно, что именно это польское «бунтарство» послужило основой для складывавшегося русско-польского революционного союза борцов против самодержавия. Вслед за русскими и польскими революционными демократами эту совместную борьбу вели русские и польские социал-демократы; их союз ознаменовался тем, что Социал-Демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) стала частью Российской Социал-демократической партии (РСДРП), а позже уже русские и польские коммунисты вместе боролись за установление в России советской власти.

Важным рубежом стал новый виток исторического развития, когда после 1918 г. в России и Польше возникли разные социально-политические системы. В России влияние классового фактора обусловило появление лозунга: «Против польских панов, в союзе с польскими пролетариями!» – под этим лозунгом проходила польско-советская война 1920–1921 гг. Новая историческая обстановка, связанная с утверждением в России материалистического мировоззрения коммунистов-безбожников, определила изменения в отношении общества к религии и церкви, и в этой связи отпал религиозный фактор противостояния католицизма и православия, обуславливавший отчужденность и враждебность между поляками и русскими. Что же касается классового и связанных с ним по-

литического и идеологического факторов, они осложняли взаимоотношения двух народов в течение всего межвоенного периода, достаточно вспомнить о преследовании в СССР «классовых врагов», в число которых попали сотни польских коммунистов, а в итоге и сама Коммунистическая партия Польши была ликвидирована.

Особым историческим рубежом стал 1939 год: подписание секретного соглашения между СССР и фашистской Германией, а затем вступление в Польшу советских войск – все это стимулировало создание атмосферы российско-польской враждебности. Но последовавшие события Второй мировой войны явились противоречивым фактором в развитии отношений поляков и русских: с одной стороны, их разделяли и ожесточали друг против друга такие факты, как советская политика репрессий и преступления в Катыни, Медном, Старобельске, как Варшавское восстание, как уход армии Андерса в разгар Сталинградской битвы и действия Армии Крайовой, а с другой, положительное значение имели формирование в СССР Войска Польского и совместная борьба против фашизма на фронте и в партизанских отрядах. И, конечно, огромную роль сыграли освобождение польской территории Красной армией, а затем последовательная борьба советской дипломатии за интересы Польского государства, за возвращение в его состав польских земель.

Возникший после войны новый исторический этап также был отмечен помощью СССР в восстановлении Польши, прежде всего, польской экономики, в организации снабжения населения страны, но одновременно происходила конфронтация с Лондонским правительством. Воздействием противоречивых факторов характеризовался весь период существования Народной Польши. Большое значение имело советско-польское сотрудничество в политической, экономической и культурной областях. Польша играла ведущую роль в социалистическом содружестве, в Организации Варшавского договора, в Совете экономической взаимопомощи. Достижения польской культуры в литературе, музыкальной и театральной сферах, киноискусстве были широко известны советским людям и производили на них сильное впечатление. Особенно это касалось таких массовых форм искусства, как кино и эстрада. Примером может служить огромный успех показа на советском телевидении передачи «Кабачок 13 стульев», основанной на материалах польских журналов. Последние также пользовались большой популярностью у советских читателей, и многие, чтобы их читать, специально осваивали польский язык. Полученные впе-

чатления от встречи с польской культурой способствовали тому, что в глазах советского человека возникал новый образ поляка – веселого, остроумного, умеющего смеяться над собственными недостатками и вместе с тем способного глубоко чувствовать. Это, в свою очередь, получило отклик в советском искусстве, в частности, в кино, где с большим сочувствием были представлены страдания польского народа, его героизм во время Второй мировой войны, показаны его трудовые усилия в стремлении построить новую мирную и счастливую жизнь. Однако в этот же период существенную роль играл и отрицательный фактор – усиливалось недовольство польского общества в связи с диктатом Советского Союза, настаивавшего на форсировании темпов построения социализма в Польше, и со связанным с этим ужесточением политики правящей Польской Объединенной Рабочей партии (ПОРП). Это был сильный фактор, приведший к кризису, разочарованию в «реальном социализме», к созданию свободной оппозиции и ее активизации.

Новый период российско-польских взаимоотношений после 1989 г. характеризовался укреплением связей Польши с Западом, с его политическими и военными организациями. Усилилось стремление Польши выступить лидером восточноевропейского региона. С этим была связана политика поддержки центробежных тенденций в Советском Союзе, а после его развала признание новых государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. Такая политика затрагивала сферу российских интересов и не способствовала взаимопониманию народов России и Польши. Вместе с тем именно в годы перестройки в России внимание российского общества привлек польский опыт, вызвали интерес проведенные в Польше реформы, прежде всего, экономические. Происходивший в это время российско-польский «челночный» обмен приводил к установлению более тесных связей между простыми людьми в обеих странах, позволял полякам и россиянам ближе узнавать друг друга, наладить не только деловой и партнерский, но и дружеский контакт. Такой опыт общения мог бы стать важным фактором развития российско-польских отношений в будущем. Однако обострение международной обстановки не способствовало дальнейшему росту этих положительных тенденций, а в последнее время положение усугубилось из-за украинских событий и связанного с ними общеевропейского кризиса. Произошло ухудшение российско-польских политических и дипломатических отношений, ослабление экономического взаимодействия, в том числе в связи с участием Польши в кампании применения к России эко-

номических санкций. Влияние этих неблагоприятных факторов сказывается и на снижении интенсивности общественных, культурных и научных связей между двумя странами.

Представляется, что в данной ситуации важную роль могут и должны сыграть польские и российские историки. Их задачей является не только предъявить российскому и польскому обществу правдивую картину взаимоотношений двух народов на различных поворотах исторического процесса, но и дать последовательный анализ этих взаимоотношений на каждом этапе, показать влияние на них тех или иных факторов, определявших направление и интенсивность их развития. Необходимо подчеркнуть, что именно сам процесс исторического развития представляет собой важнейший фактор влияния, причем оно носит не однозначный, не односторонний, а противоречивый характер, на разных этапах и в различных обстоятельствах, то способствуя сближению народов, то толкая их к противостоянию и конфликтам, что, в свою очередь, влияет на процесс эволюции их представлений друг о друге. Подобный анализ исторического процесса должен помочь полякам и русским в осознании преходящего характера негативных явлений в их отношениях, смягчить противостояние и улучшить взаимопонимание.

И.И. КАЛИГАНОВ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**БОЛГАРИЯ И БОЛГАРЫ ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКОВ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ.
(ХУДОЖНИКА-БАТАЛИСТА, ЛЕЙБ-МЕДИКА,
КАЗАЧЬЕГО ОФИЦЕРА)**

Abstract:

Kaliganov I.I. *Bulgaria and the Bulgarians seen by the participants of the Russo-Turkish War of 1877–78 (a battle painter, a physician in ordinary, a Cossack officer)*

The article analyzes the perception of Bulgaria and the Bulgarians of the participants of the Russo-Turkish War of 1877–78: a Russian battle painter V.V. Vereshchagin, a physician in ordinary S.P. Botkin and a Cossack officer P. Dukmasov. The author shows different view on the same events, which depend on the age, profession and social status of the witnesses.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1877–1878 гг., Болгария, болгары, восприятие очевидцев, разноречивость мнений.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала новым этапом познания россиянами Болгарии как страны и населяющего ее болгарского народа. Число русских солдат и офицеров, побывавших в болгарских землях во время военных действий, с учетом резерва армии, ротации ее полков и дивизий, восполнения места убитых и раненых переваливало за 300 тыс. человек. Помимо солдат и офицеров, в болгарских землях находились многочисленные сестры милосердия, врачи, торговые снабженцы, временные военные корреспонденты, писатели-очеркисты, художники и представители других профессий. Впервые в истории за Болгарией и болгарам наблюдало такое множество русских глаз. Результатом этого стало появление в России о войне против турок в Болгарии, самой стране и населяющем ее болгарском народе огромного количества военных репортажей, воспоминаний, географических описаний, экономических очерков и разнообразных художественных произведений: романов, повестей, рассказов и стихотворений. Их тщательный научный анализ все еще далек от завершения.

Мы уже обращались к названной проблематике в своих докладах, статьях и сообщениях¹. В данной публикации наше внимание сосредоточено на жанре документальном – письмах и воспоминаниях русских участников войны 1877–1878 гг., имевших различный социальный статус и профессиональную ориентацию. На-

ми были избраны три различные по своей масштабности фигуры: знаменитый художник-баталист Василий Васильевич Верещагин (1842–1904), врач Сергей Петрович Боткин (1832–1889) и казачий офицер Петр Архипович Дукмасов (1854–1896). Сравнение их взглядов на ход войны и ее отдельные эпизоды, равно как сопоставление их мнений о Болгарии и болгарях, весьма любопытны и дают неожиданный результат. Несмотря на почти полное единодушие при оценке, например, героизма русских солдат, констатации факта отвратительного снабжения Действующей армии и откровенного воровства интендантов, наши комитенты разительно расходятся во мнениях по поводу особенностей национального характера болгар, специфики их быта и отношения к своим русским освободителям. Эти расхождения во многом обязаны ряду, на первый взгляд, несущественных, но, в действительности, очень важных факторов: возрасту очевидцев, их профессиональной ориентации, статусу во время нахождения на болгарской земле и продолжительности наблюдения за жизнью ее обитателей. Охарактеризуем кратко каждого из трех фигурантов и проанализируем материалы, оставленные этими русскими людьми после пребывания их на болгарской земле в 1877–1878 гг.

Имя русского баталиста В.В. Верещагина – художника с мировой известностью – хорошо знакомо нашим читателям. Его картины были высоко оценены и вызывали широкий международный резонанс еще при жизни мастера. Только за последние 10 лет до трагической гибели В.В. Верещагина во время русско-японской войны² было проведено более 30-ти его персональных выставок, из которых 10 состоялись за границей. На Балканы он отправился уже будучи знаменитым живописцем, прославившись своими полотнами об Отечественной войне 1812 г. и Туркестанской военной кампании. Его картины отличались почти документальной реалистичностью, злободневностью сюжетов и публицистической заостренностью. Последнее нередко вызывало скандалы и запреты на публичную демонстрацию некоторых его картин.

На русско-турецкий фронт в Болгарию Верещагин поехал, чтобы вдохнуть порох войны, ощутить ее всем своим существом изнутри и запечатлеть на своих бессмертных полотнах. Именно поэтому он присоединился к Передовому отряду русской армии, сформированному специально для форсирования Дуная и взлома системы турецкой придунайской обороны. В ответ на его сообщение о решении увидеть всё своими глазами, чтобы перенести затем на холст, известный критик Владимир Васильевич Стасов писал: «Этого от роду не делал, не говорил и не писал ни один рус-

ский художник». Он добавлял также, что ругает В.В. Верещагина на чем свет стоит, ибо «присутствие на войне – это вовсе не дело художника»³. Но баталист не внимал предостережениям критика. Он лез в самую гущу боя: гонялся с русскими моряками на паровой шлюпке «Шутка» за турецким монитором, чтобы ткнуть его шестом с миной, был ранен, долго болел и едва не умер от заражения крови. Болезнь помешала ему переправиться через Дунай с Передовым отрядом, о чем он страшно сожалел.

Попав в Болгарию, Верещагин стремился присутствовать в самых жарких местах сражений, рисуя войну с натуры. Так было, например, на скале св. Николая на Шипке, где он рисовал «вживую» и чуть не погиб от разрывов турецких артиллерийских гранат. Причем здесь не было ни малейшей бравады – художник-реалист желал увидеть все собственными глазами⁴. Свою позицию В.В. Верещагин четко изложил в письме к В.В. Стасову. «Я оставил Париж и работы мои, – писал он ему из Болгарии, – не только для того, чтоб высмотреть и воспроизвести тот или другой эпизод войны, а для того, чтобы быть ближе к дикому и безобразному делу избиения; не для того, чтобы рисовать, а для того, чтобы смотреть, чувствовать, изучать людей»⁵. По словам художника, выезжая в армию, он стремился «все прочувствовать»: самому с пехотой пойти в штыки, с казаками – в кавалерийскую атаку, с моряками – на подрыв турецкого монитора в шлюпке. Пережитое на собственном опыте В.В. Верещагин с невероятной правдивостью отразил затем в таких своих классических полотнах, как «Панихида по убитым», «Перевязочный пункт под Плевной», «Транспорт раненых», «На Шипке все спокойно», «Шипка – Шейново» и др.

Острый взгляд художника открывал и запечатлевал в войне не героическую патетику, а смерть и ужас, которые она несет. Даже при изображении победного ликования русских войск, несущегося на белом коне перед солдатским строем генерала М.Д. Скобелева и с трудом поспевающего за ним на лошади самого себя (это единственный батальный автопортрет В.В. Верещагина) главное событие находится как бы на заднем плане. Передний план занимают те, кто породил это торжество, – убитые, окровавленные и растерзанные русские воины, лежащие на снегу в тех нелепых позах, в которых их настигла смерть. Подобное можно сказать и о картине В.В. Верещагина «Панихида по убитым». Главные персонажи здесь – не батюшка с клириками, отпевающие убитых, лежащих в бесконечных рядах могил, а сами погибшие – похороненные наспех, чуть присыпанные мерзлой землей вперемежку со снегом. Этот гуманистический и пацифистский подход В.В. Верещ-

цагина чувствуется не только в его картинах – он ощущается также в его письмах В.В. Стасову и воспоминаниях о войне⁶.

В последних В.В. Верещагин обращает внимание не только на героизм русских солдат и офицеров (в особенности генерала М.Д. Скобелева, с которым он был накоротке знаком). Он пишет и о том, что этот героизм приходил на помощь, когда средств для победы в должной мере не доставало. Поставляемые на фронт снаряды часто не разрывались или же могли взорваться сразу же при вылете из жерла орудий: следы от сотен таких, глубоко вонзившихся в землю русских снарядов были обнаружены после падения Плевны.

Солдат плохо кормили и часто не привозили на позиции и на марше горячую пищу. Их дневной рацион нередко составляла пара-тройка соленых сухарей. Они были одеты в легкие шинельки и зимой замерзали при несении караульной службы или даже в дороге. Но если тела наших замерзших солдат погребали, то тела турецких во множестве покрывали обочины военных дорог. Как гуманисту В.В. Верещагину жаль было даже погибших и раненных турок: он сожалел, что докторов не хватает не только для наших. В письме В.В. Стасову от 29 июля 1877 г. он писал, что «раненые большей частью валяются на земле, перевозить не на чем, кроватей нет, докторов мало, сестер милосердия мало»⁷. По наблюдению художника, попытки привлечь к исправлению ситуации турецких врачей оказывались тщетными – те сразу же снова разбежались.

И, конечно же, цепкий взгляд гуманиста В.В. Верещагина не мог миновать тех, ради кого и была предпринята сама эта война: самих болгар. Он пишет о массовых разрушениях болгарских домов на театре военных действий: в деревне Шипка, например, по его воспоминаниям, не осталось ни одного не разрушенного дома – каким-то чудом уцелела лишь одна церковь. Особенно тяжелым было положение спасавшихся от турецких зверств болгарских беженцев. Они в беспорядке брели по дорогам после потери крова и имущества, не располагая ни малейшими средствами к существованию. В сущности, они представляли собой толпы нищенствующих. Их размещали по деревням, но они голодали: из-за скудности поставляемого провианта еды не хватало даже для русской армии.

В.В. Верещагин приходил к неизбежному выводу, что большая часть этих несчастных болгар переболеет и перемрет. И всё это при полном отсутствии помощи со стороны Славянских комитетов, которая в данном случае оказалась бы весьма уместной. Од-

нако единственный находящийся в деревне Горна Студена уполномоченный представитель Петербургского Славянского комитета А.А. Нарышкин вынужден был закрыть представительство по причине отсутствия средств. По мнению художника, наиболее действенным явилось бы открытие пунктов питания для болгарских беженцев во всех крупных населенных пунктах и оказание им помощи натурой в более мелких селениях посредством регулярно приезжающих туда служащих. Именно так, считал он, можно будет сократить детскую смертность и не позволить болгарам забывать о морали. В особенности это касалось болгарок, которые ради спасения своих детей готовы были пойти на оказание определенных услуг нашим солдатам.

Сравнительно высокую ступень в социальной иерархии занимал и другой из трех названных нами очевидцев русско-турецкой войны 1877–1878 гг., С.П. Боткин – блестящий терапевт, чье имя носит сейчас крупнейшая клиническая больница Москвы. Он совершил блистательную научную и общественную карьеру, установил вирусный характер гепатита и сделал массу других открытий, за которые в 40 лет был избран академиком и сделался членом 35 русских и 9 зарубежных научных медицинских обществ. В 39 лет он стал почетным лейб-медиком, лечил и сопровождал императрицу Марию Александровну за границу и на русский юг. А в 1877 г., когда разразилась русско-турецкая война, ему присвоили чин тайного советника, то есть генерала от медицины, и отправили в качестве придворного врача сопровождать императора Александра II во время его нахождения на Дунайском театре военных действий. В качестве императорского медика С.П. Боткин находился в Румынии и Болгарии с мая по ноябрь 1877 г. Из-за Дуная он слал письма своей жене на родину, изданные через 15 лет отдельной книгой⁸.

Впечатления С.П. Боткина о Болгарии и болгарях, их физическом облике, характере и быте очень необычны и мало подходят на то, что мы обычно открываем в мемуарах участников войны 1877–1878 гг. Всё в Болгарии для него как-то не так. Климат никогда не годится – днем испепеляющая жара, а ночью начинаешь мерзнуть, поскольку температура опускается до +9. Часто разражаются грозы без дождя, поднимаются пылевые бури, разметывающие госпитальные палатки. В стране полный хаос и разруха. Когда подыскивали пустующую квартиру для государя, долго не могли найти чего-либо подходящего. Наткнулись, правда, на бывший дом турецкого бея, но он оказался по большей части разрушенным, как и многое другое. По словам С.П. Боткина, трудно

было понять, кто здесь больше был виноват: оставляющие свои дома турки или завершающие дело разрушения болгары из корыстных побуждений. Как бы то ни было, но в жилищах были выломаны оконные рамы, сняты двери, исчезли вьюшки от печей и каминов и т.д.⁹.

«Хаты» же болгарских крестьян, судя по его письмам, имеют весьма затрапезный вид: они напоминают скорее не нормальные деревенские жилища, а огромные, покрытые соломой сараи или амбары. Правда, к ним пристроены небольшие, возвышающиеся приблизительно на метр, открытые террасы. Одно из таких жилищ изображено между с. 288–289 упомянутого нами издания. Казалось бы, в болгарских селениях красивыми должны были быть хотя бы церкви, но и они, по словам С.П. Боткина, были в жалком состоянии. Он писал, как однажды при виде колокольни долго не мог понять, где же находится сама церковь и куда лицом стоят солдатики. Оказалось, церковь повторяет архитектуру обыкновенного дома, причем нижний её этаж врыт в землю, поскольку, по объяснениям болгар, турки запрещали им строить церкви так, чтобы они были видны издали. Колокола на колокольне отсутствовали: их заменяли два бруска – металлический для праздников и деревянный для будней¹⁰.

Скверное впечатление вынес С.П. Боткин и о болгарской литургии, совершавшейся в церкви г. Бяла по случаю прихода русских войск. Служили там, по его словам, ужасно – «с католическим характером и с произношением таким, что ничего нельзя было разобрать»¹¹. Болгарские церковные напевы, по его свидетельству, нисколько не напоминают русские, а представляют собой какие-то завывания, не имеющие ни малейшего музыкального смысла. Болгарский священник был облачен просто нищенски, его приветственная речь с пожеланиями императору-освободителю Александру Николаевичу была крайне невнятной и плохо выстроенной. Он никак не мог сформулировать главную мысль, заикался и проявлял полное ораторское бессилие. Наши офицеры вышли из церкви, не дождавшись конца столь неудачной речи¹².

Такое же неблагоприятное впечатление произвело на него зрелище национального болгарского танца «хоро», организованное болгарскими священниками для развлечения русского императора. Судя по описанию С.П. Боткина, хоровод выглядел скучным и нерадостным. Женщины во время него держали за руки женщин, а мужчины – мужчин. Они медленно топтались то в одну сторону, то в другую, а между ними ходили два деревенских музыканта с самодельными однострунными скрипками. Их смычки

издавали какие-то особенные однообразные звуки, задававшие ритм топтанию танцующих. Музыканты передвигались столь же равнодушно, как и равнодушно двигали своими смычками. То же самое можно было сказать и о танцующих болгарках и болгарях, топтавшихся без всякого увлечения¹³.

После первых контактов с болгарями С.П. Боткин заключил, что говорят они «с резким турецким наречием» и почти ничего не понимают по-русски, в отличие от священников и учителей. Болгары, по его мнению, народ не очень красивый: женщины очень худы и замучены, видно их мало. Встретить их можно у фонтанчиков (источников), куда к вечеру ходит за водой женское население. Облачены они в платья с фартуками спереди и сзади, на голове – замысловатые уборы. Дети очень красивы, чего нельзя сказать о взрослых. «Не знаю, что будет дальше, – писал С.П. Боткин своей жене, – но до сих пор болгары не выдерживают моей симпатии. Что за глупые физиономии с черепами редькой сверху!»¹⁴. Он пытался найти симпатичные типажи в толпе болгар в церкви во время литургии, проходившей с участием придворных русских певчих, – тщетно! Ему не встретилось «таких лиц, которые бы примирили его с этой нацией».

Наоборот, в Болгарии С.П. Боткин, по его словам, постоянно натывается на что-то неприятное. Вот, например, сталкивается он с болгариним «со скотской физиономией», загоняющим в свой двор лошадей, а они все как на подбор – серые, красивые, рослые. Спросил он его, уж не краденные ли это турецкие лошади, а тот врёт и твердит, что они его собственные, а сам спешит побыстрее затворить ворота, будто опасаясь, что братья-славяне могут посягнуть на его имущество¹⁵.

На физиономиях болгарских крестьян, по словам лейб-медика, лежит печать восточной апатичности и рабской покорности, не исчезающих даже тогда, когда они встречают русских офицеров, плывя на огромных повозках с хлебом, которые с трудом тащат пары крепких волов. Болгары, конечно, как обычно, приложат почтительно руку к шапке и скажут тебе: «Добрый вечер», но попроси у них наши солдатики хлеба – сразу же услышат привычный ответ: «Немá, немá» (ударение у С.П. Боткина ошибочно. – *И.К.*). В целом восторг, с которым болгары якобы встречают русских освободителей, по мнению С.П. Боткина, живет лишь на страницах статей наших корреспондентов. Сам он, по собственному его свидетельству, признаков такого восторга среди болгар не замечал. Ему даже казалось, что все эти встречи при вступлении наших войск в болгарские селенья искусственно кем-то подготовле-

ны. А истинное отношение болгар к русским на самом деле, по его мнению, совсем иное. С.П. Боткин описывает случай, как он шел раз со своими спутниками по широкой улице и они решили свернуть в маленький переулок, сократив путь к холму, на который намеревались подняться. И по дороге они неожиданно столкнулись с красивой черноволосой, голубоглазой девочкой лет 13-ти, которая при виде русских офицеров что-то залепетала, а затем опрометью побежала назад. Переулок оказался тупиком, и девочка, встав у ворот двора, испуганно и одновременно озлобленно начала иступленно выкрикивать что-то, похожее на собачий лай. Из него офицеры с трудом разобрали, что матери нет дома и там им делать нечего.

По тому немногому, что увидел С.П. Боткин в Болгарии, у него сложилось впечатление, что культура болгар испытала сильное влияние турок. Причем, последние в целом выглядят более предпочтительно, чем болгары. «Настолько, насколько болгары имеют вид тупой и заспанный, – пишет он, – настолько турки имеют вид интеллигентный, бодрый, гордый; лица их чрезвычайно живописны, особенно у стариков с седыми бородами, в белых чалмах»¹⁶. Больше всего С.П. Боткина поразил встречающийся тип красивых турок и турчанок с черными волосами и синими глазами. По его утверждению, он собственными глазами видел «прекрасных турецких детей – голубоглазых и белокурых». Окончательный «приговор» русского лейб-медика болгарам гласил: «народ – не симпатичный»¹⁷.

Практически почти все негативные выводы о Болгарии и болгарях С.П. Боткина – ошибочны в силу скверного знания им страны, отсутствия у него психологической проницательности или по иным причинам. Если затронуть вопрос о том, насколько красива страна Болгария (ее красоту С.П. Боткин, как мы знаем, отрицал), то следует принять во внимание, что наш фигурант познакомился лишь с небольшим и не самым красивым уголком болгарской земли, притом за очень непродолжительное время. Отсюда его суждения о скверном болгарском климате, безводности и бедности болгарских жилищ. То же самое касается физического и интеллектуального облика болгарского народа. Здесь, прежде всего, нужно учитывать тот факт, что у С.П. Боткина было очень слабое зрение. Он страдал от кривизны роговой оболочки глаз и мог читать книги лишь на расстоянии 5–7 см от лица. Где уж ему было разглядеть очарование болгарских красавиц, которое отмечали большинство других русских людей¹⁸.

Или, например, впечатление С.П. Боткина от болгарского «хоро». Оно было устроено ради забавы русского императора, его придворных и высшего русского офицества по инициативе местных священников. Не исключено, что сама идея была подсказана иерархам каким-либо высоким представителем временной русской военной управы. Отказать этой полу-просьбе–полу-приказу болгарам было нельзя. Вот и пришлось болгарским селянам через силу, как понукаемым цыганским медведям, развлекать русского государя и его окружение. Какое уж там буйное, зажигательное, радостное хоро, когда вокруг бушует война, гибнут близкие, разрушаются родные очаги, обозначилась угроза голода! А по поводу вывода С.П. Боткина об отсутствии ораторского таланта у болгарского владыки, так нескладно произнесшего приветственную речь российскому императору в церкви г. Бяла, можно заметить другое. Беднягу, очевидно, не оставляла мысль о том, что если турки вернутся в город, то они его, наверняка, повесят или казнят каким-либо другим более изощренным способом. Какие уж тут упражнения в ораторском искусстве!

Третьим очевидцем и свидетелем того, какими в 1877–1878 гг. были Болгария и болгары, являлся хорунжий 26 Донского казачьего лейб-гвардейского полка П.А. Дукмасов. Ему тогда было всего 23 года, позднее он дослужился до чина есаула. Во время военных действий он проявил себя настоящим смельчаком, был награжден орденом св. Владимира IV-й степени, орденом св. Георгия 4-й степени, получил по два ордена св. Анны и св. Станислава различных степеней, а также золотое оружие «За храбрость». Скорее всего, он был не просто храбрым, но и весьма смышленным, симпатичным, обходительным молодым человеком, и поэтому прославленный герой русско-турецкой войны генерал М.Д. Скобелев взял его себе в ординарцы. Приблизительно через 10 лет после освобождения Болгарии П.А. Дукмасов издал об этом событии свои мемуары¹⁹. Они написаны простым, ясным языком, чуждым дворянско-интеллигентского изящества, что не умаляет их ценности как исторического источника. Читая эту книгу, так и видишь перед собой ее автора – человека прямого, не знающего колебаний военного, верного слуги царя и отечества, радетеля православия, славянофила уже в силу того, что освобождаемые русской армией болгары – народ православный. Перед читателем предстает человек молодой, неженатый, склонный к сердечным увлечениям. Чувствуется, что он еще не обладает достаточным жизненным опытом и поэтому иногда совершает необдуманные поступки под воздействием эмоций.

Название книги говорит о том, что П.А. Дукмасов всю русско-турецкую войну 1877–1878 гг. прослужил ординарцем прославленного генерала М.Д. Скобелева – того самого, которому недавно был установлен памятник в центре Москвы перед зданием Генерального штаба. Мемуары ординарца еще раз подтверждают сведения о скобелевском бесстрашии. Появляясь на линии огня всегда в белом мундире на белом коне, Скобелев никогда не «клянялся» турецким пулям и ядрам, чем вызывал всеобщее восхищение – как своих сослуживцев, так и неприятеля. Турки уважительно называли его «ак-паша» – белый генерал (что, кстати, и послужило впоследствии причиной сноса первого памятника М.Д. Скобелеву, воздвигнутого в Москве перед резиденцией московского генерал-губернатора; большевики не могли допустить присутствия в центре столицы статуи царского генерала, да к тому же ещё и «белого»). Скобелев участвовал в самых отчаянных схватках военной эпопеи 1877–1878 гг.: на Шипке, в Шейново, Стара-Загоре, Плевне и других местах сражений. За ним неустанно охотились турецкие снайперы: ведь за голову «ак-паши» турецкое командование назначило крупное денежное вознаграждение. Но пули не брали генерала Скобелева, словно тот был заговоренный. Поэтому к прозвищу «ак-паша», прибавилось и новое: «ак-шейтан», т.е. «белый дьявол».

Мы не будем останавливаться на описанных П. Дукмасовым блистательных победах М.Д. Скобелева над турками на болгарской земле – о них достаточно много говорилось в мемуарах и художественной литературе. Отметим лишь то, что Дукмасов отразил в своих воспоминаниях не только достоинства прославленного генерала, но и упомянул о некоторых его слабостях. Автор пишет, например, о пагубной страсти Скобелева играть в карты и о проигрышах им крупных сумм, о попадании в трудные ситуации, из которых ему удавалось выпутываться лишь благодаря финансовой поддержке отца. Тот, как и сын, находился поблизости на Балканском театре военных действий. Гораздо больший интерес представляет для нас личность самого автора и то, что он писал о Болгарии и болгарях. П. Дукмасов не был денщиком генерала М.Д. Скобелева, а являлся его ординарцем, т.е. доверенным лицом, а не лакеем или мальчиком на побегушках. Ни сам М.Д. Скобелев, уважительно относившийся к нижестоящим по званию, ни П. Дукмасов, обладавший чувством собственного достоинства, каких-либо других, унижительных отношений не потерпели бы. П. Дукмасов оставался действующим боевым офицером, его неоднократно посылали во главе казачьей сотни, или полусотни, для разведки

боем. Причем происходило это настолько часто, что П. Дукмасов порой досадовал, что задачу эту возлагают на него, а не на постоянно отдыхающих в резерве гусар.

Одна из таких конных разведок была предпринята в окрестностях г. Тырнова. П. Дукмасов рассказывал, как он с 10 казаками переправился через реку Янтру и быстрой рысью поднялся в горы, откуда они увидели черкесов²⁰, спускавшихся в ущелье по тропинке к монастырю св. Троицы. А в Преображенской обители слева от реки они заметили турецкую пехоту, прятавшуюся за монастырскими стенами и в близлежащем лесу. С вершины горы открывался чудный вид на древнюю болгарскую столицу Тырново. В бинокль хорошо были видны турецкие минареты, которые рельефно выступали на фоне утопавших в зелени красивых белых домиков, рассеянных по берегу котловины реки Янтры между поросшими виноградом горами. К западу от города разведка обнаружила траншеи турецкой пехоты и четыре орудия. Этот разведывательный казачий рейд способствовал успеху при взятии Тырнова. Взять этот город было нелегко потому, что продвижение русских конных батарей затрудняли сложный рельеф местности и каменные стены вокруг садов. Их приходилось разбирать, чем сразу же начинали пользоваться турки: при замедлении русской атаки они поднимали смертоносный оружейный и артиллерийский огонь²¹.

Другая описываемая П. Дукмасовым конная разведка имела место 3 июня 1877 г. в окрестностях Йени-Загоры (Нова-Загоры). В ней приняли участие две казачьи сотни под командой адъютанта военного министра, ротмистра Мартынова. Казаки двигались по скверной узкой, каменистой дороге с частыми подъемами и спусками. Дело происходило в Малых Балканах – невысоких, но очень крутых и обрывистых горах. На узкой дорожке казачьи сотни растянулись на значительное расстояние. Казаки любовались открывавшимися им то слева, то справа живописными пейзажами. Вся местность покрывала роскошная растительность: громадные каштаны и буйные чинары, ореховые, дубовые и буквые рощи, изредка встречались и луга. В глубине ущелий и между ущесами звонко журчали горные прохладные ручьи, устремлявшие свои воды в долины рек Марица и Тунджа. Частые подъемы и спуски не утомляли людей. В их легкие вливался горный воздух, полный дивных запахов и ароматов. Он и живописные пейзажи поддерживали в казаках веселое состояние духа. Описание П. Дукмасовым открывшегося перед ними вида Нова-Загоры не отличается какой-либо оригинальностью. Оно, как две капли воды, напоминает описание Тырнова: такие же белые домики и высокие,

стройные минареты. Этот город невозможно было взять сходу – в бинокль в нем просматривались около двух таборов (т.е. батальонов) турецкой пехоты и два эскадрона черкесов в окрестностях. Силы были слишком неравны, и казаки благоразумно отступили²².

Подобные лаконичные описания различных уголков болгарской земли во множестве рассеяны на страницах книги, что делает ее интересным источником в плане восприятия Болгарии как страны глазами русского человека. Они имеют тем большую ценность, поскольку отражают восприятие Болгарии и болгар глазами молодого человека, жадно впитывающего новые впечатления и ещё не успевшего пресытиться их разнообразием и изобилием. Есть здесь и другая сторона дела: молодой казак П. Дукмасов еще не был связан узами брака и испытывал томление жаждущего любви сердца. В книге его воспоминаний есть то, чего не встретишь в мемуарах об освободительной войне 1877–1878 гг., написанных солидными, семейными русскими офицерами. Это, например, откровенное любование красивым и здоровым типом молодых болгарских женщин, восторженно встречавших русских воинов-«братушек». П. Дукмасов признавался, что глаза его невольно разбежались при виде радостных, милovidных болгарок, подносящих русским освободителям цветы, вино и фрукты.

Одна из таких болгарок настолько глубоко запала ему в душу, что он в течение всей военной кампании хранил в своем походном чемоданчике подаренный ею небольшой букетик цветов. Встреча с этой юной болгарской девушкой произошла во время вступления русских войск в деревню Арнауткёй неподалеку от селения Горна-Оряховица. На вид этой девушке было лет 14–15. На ней был красивый, похожий на малороссийский костюм, состоявший из вышитой шелком рубахи, шерстяной юбки и цветастого фартука. Ее шею и руки украшали ожерелья и мониста, ее длинная коса спадала ниже колен. Болгарка удивленно, словно о чем-то вопрошая, смотрела на нашего героя своими прекрасными, задумчивыми, темными-карими глазами. В них светилось столько ума, энергии и страсти, что это пронзило Петра до глубины сердца. Поэтому он взял протянутый девушкой букетик чисто машинально, но затем никак не мог с ним расстаться. Он служил ему памятью о встрече с юной болгарской красавицей, имя у которой он даже не успел спросить²³.

Глубокий след в его душе оставила и встреча с другой юной болгаркой в Стара-Загоре. В этом городе Петра вместе казаками определили на постой в роскошный дом турецкого бея, сбежавшего при приближении «гяуров» в направлении Филиппополя

(Пловдива). Подчиненные почти сразу же обнаружили в доме какого-то старого, безобразного турка в красной феске и привели его к Петру. Это был человек лет 45–50, небольшого роста, с черными, безжизненными глазами, обрюзгшим лицом без бороды и усов, смотревший на Дукмасова исподлобья и с каким-то испугом. Успевшие допросить турка казаки объяснили, что это евнух, назначенный беєм присматривать за гаремом, который не удалось своевременно вывезти. В гареме, как сообщил Дукмасову местный грек-переводчик, находилось до 30 женщин различного возраста²⁴. После этого известия в голове Петра, по его словам, сразу же завертелись соблазнительные картинки, возникающие при чтении историй из «Тысячи и одной ночи»: полуобнаженные женские тела, томные взгляды сквозь полуопущенные ресницы, танец живота. В этом смысле нашему герою повезло: он натолкнулся на гарем – важное звено в традиционном представлении русских о Востоке и Туретчине. Отсутствие этого звена в болгарских землях вызывало у наших людей чувство разочарования, зафиксированное в ряде мемуаров²⁵.

П. Дукмасов не только натолкнулся в Болгарии на гарем, но и основательно изучил в бейском доме расположение его помещений и их обустройство. В его книге присутствует план этой бейской резиденции с описанием всех комнат и их убранства. Согласно этому плану, площадь дома с дворами и садом состояла из двух приблизительно равновеликих дворов-квадратов, отделенных друг от друга деревянными строениями для прислуги и сараем для скота и экипажей. В первый их них, по словам Дукмасова, вел вход с улицы, справа от него находились одноэтажные каменные покои бея, за которыми вглубь располагались небольшой сад с фонтаном и конюшня. Двор имел около 40 шагов в длину и ширину, был обнесен с двух сторон высокой кирпичной стеной и изящно вымощен каменными плитами. Посередине находился красивый мраморный фонтан с золотыми рыбками в резервуарах. Подле стен были посажены деревья в лунках, искусно обложенных разноцветным камнем.

Вход в покои бея предварял увитый виноградом балкон, а сами двери были стеклянными. Покои состояли из трех помещений, одним из которых являлась большая зала с мраморным полом, фонтаном и бассейном для купания. Вдоль ее стен тянулись широкие, низкие диваны с подушками из дорогого малинового бархата. Два других небольших помещения служили спальнями. Между сараем и строением для прислуги имелась потайная дверь, которая вела во вторую часть жилища бея, где и находился гарем.

Переводчик-грек наотрез отказался туда войти из опасения, что турки его за это повесят. Перед глазами П. Дукмасова, по его словам, открылся совершенно новый, никогда не виданный им мирок. Наш герой увидел «небольшой фруктовый сад, обсаженный по краям роскошными, тенистыми ореховыми и персиковыми деревьями, каштанами, миртами и чинарами; великолепный мраморный фонтан посередине сада, окруженный красивыми, ароматическими цветниками». Здесь же находился изящный, двухэтажный, обвитый виноградом дом, в котором почивали обитательницы гарема. Напротив, в торце сада находилась кухня, в которой женщины, по словам евнуха, обычно трапезничали все вместе²⁶.

На этом завершается дукмасовское описание бейского дома с гаремом в Стара-Загоре и начинается рассказ о находившихся там гаремных рабынях. В нем есть психологические зарисовки поведения гарема при виде чужого мужчины, страх, смятение и боязнь его обитательниц нарушить запреты и предстать перед незнакомцем с открытым лицом. Есть в этой части воспоминаний и рассказ об эротическом приключении нашего героя с юной девушкой из гарема, которую, как он узнал позже, звали Пемба. Петр увидел эту красавицу внезапно и затем не мог оторвать от неё глаз. На вид ей было не более 17 лет. Она была маленькая, миниатюрная, стройненькая, с небольшими ножками, обутыми в изящные туфельки. Ее черные волосы чуть выбивались из-под чадры, а чудные, выразительные глазки смотрели на Дукмасова вопросительно и с каким-то любопытством. У Петра сразу закружилась голова. Он почувствовал непреодолимое желание подойти к юной красавице, обвить ее талию руками и без конца целовать её полураскрытые губы, покрытые слабым румянцем щеки, красивый смуглый лобик. Ему хотелось забыть обо всем, что его окружает, – войну, ее ужасы, кровь и страдания...

Но они были в комнате не одни – рядом находились безобразный евнух, старуха-турчанка, ощерившаяся, словно злобный чербер, многочисленные жены и наложницы бейя. За Петром и Пембой следили десятки ненавидящих глаз, карауля каждое их движение. Вспыхнувшее между ними взаимное тяготение не осталось всеми незамеченным. Вокруг них раздалось злобное шипение и чуть внятное бормотание. Поднялся шум, и стоило Петру лишь на мгновение отвлечься, как девушка внезапно исчезла, словно растворившись в воздухе, будто виденье. Лишь под угрозой револьвера евнух согласился отвести нашего героя в спальню гарема, где он пережил незабываемые, чудные мгновения. По словам Петра, когда он вспоминал их, окружающая жизнь казалась

ему будничной, бесцветной и скучной. Он писал, что часто думал о Пембе, гадал о ее дальнейшей судьбе, жалел, что не сделал ее своей женой и не увез с собой в Россию. Очевидно, Петр не раз слышал реальные истории о казаках, ходивших в прошлом в походы на Туретчину и привозивших себе оттуда верных жен.

Сравнивая воспоминания о Болгарии и болгарях С.П. Боткина и П.А. Дукмасова, начинаешь понимать, как много значит, кто и какими глазами смотрит на то, что описывает. С.П. Боткин – профессор, академик, пожилой по тогдашним представлениям человек, не совсем здоровый, личный врач императора Александра II, в чине генерала входящий в его свиту. При чтении его воспоминаний создается ощущение, что он страдает не только от слабого зрения, но и от несварения желудка и постоянно мучающей его изжоги. С.П. Боткин вечно чем-то недоволен: и женщины-болгарки у него некрасивы, и местный владыка у него не оратор, и болгары не так встречают своих русских освободителей: как-то фальшиво и искусственно. Об ошибочности мнения С.П. Боткина о болгарских женщинах уже говорилось выше. Она легко устанавливается при сопоставлении оценок других русских людей, открывавших в болгарках массу достоинств – внешних и внутренних. К ним можно присовокупить и воспоминания П.А. Дукмасова, из которых ясно, что у него просто глаза разбегались из-за обилия встречавшихся ему красивых или миловидных лиц болгарок. Две из них, как мы теперь знаем, оставили в душе русского офицера очень глубокий след.

Причиной других неверных оценок С.П. Боткина из увиденного им в Болгарии была его сановная отгороженность от болгар, не знавших различия сословий. Эту отгороженность он не мог преодолеть, в отличие от П.А. Дукмасова – человека, бывшего много ниже его по званию и поэтому чувствовавшего себя с болгарами наравне, легко и просто. Коснемся, например, описания П. Дукмасовым встречи болгарками его казачьей полусотни в Горно-Оряховице и его характеристики местного болгарского владыки.

При въезде дукмасовских казаков в Горно-Оряховицу их, как освободителей, встречали просто по-царски. О приближении русских «братушек» болгар заранее оповестили звон церковных колоколов и специальные сигналы из соседних сел. Навстречу казакам вышло около тысячи человек: впереди – болгарские священники с большими крестами и хоругвями, за ними – мужчины, женщины, старики и дети. Ритуал встречи был тщательно продуман: приветственные речи болгарских иерархов, молебен, всеобщее коленопреклонение, целование креста, Евангелия и хоругвей,

приветственные слова почтенных седовласых старейшин, препровождение казаков в село болгарскими, взявшими казачьих коней под уздцы, знакомство с селом, угощение гостей и их торжественные проводы. По свидетельству П. Дукмасова, приветственные речи и слова болгар действовали на казаков «...как-то особенно живоительно и ободряюще; каждый с гордостью, казалось, сознавал, что вера болгар в нашу силу, в наш успех не обманывает их, что мы действительно выйдем победителями из этой тяжелой борьбы и вырвем, наконец, их из вековых и мучительных объятий угнетателей»²⁷.

Подобно встрече на окраине села, столь же тщательно была продумана и организация общей трапезы, устроенной болгарскими на сельской площади. Девушки разостлали там прямо на земле холсты, на которые из близлежащих домов женщины почти бегом стали приносить лепешки, пироги, жареных гусей, уток и кур, разные фрукты, сласти и прочее. Мужчины же приносили вино и водку (ракию). Когда казаки начали рассаживаться по скамейкам, старейшины окружили П. Дукмасова, чтобы получить разрешение поддержать коней казаков, пока те обедают. Такое разрешение ими было получено, после чего каждого казачьего коня стали обхаживать чуть ли не по 10 болгарских коневодов различного возраста²⁸.

П. Дукмасова очень порадовало знакомство с болгарским священником по имени Иоанн. Именно он произнес приветственную речь при вступлении казачьей полусотни в Горно-Оряховицу, причем на чистейшем русском языке. Она была стройной, хорошо составленной, содержала в себе пожелания здоровья русскому царю-освободителю Александру II и всему русскому православному воинству. Как выяснилось в дальнейшем, о. Иоанн выучил русский язык, путешествуя по России, куда он ездил для сбора пожертвований. Он, по его словам, побывал в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Троице-Сергиевой Лавре и других святых обителях. Из России о. Иоанн привез много богослужебных книг, различную церковную утварь и деньги, на которые был построен местный православный храм. О. Иоанн проявил себя «веселым и остроумным собеседником» и продемонстрировал свой «недожинный ум, пронизательный и трезвый, светлый взгляд»²⁹. Вот что значит чувствовать себя раскованно и на равных за дружеской трапезой, не боясь начальственного окрика или осуждающего взгляда! В присутствии придворного врача-генерала С.П. Боткина о. Иоанн вряд ли почувствовал себя столь же свободно, как в компании казачьего хорунжего П. Дукмасова!

Во время проводов освободителей болгары наотрез отказались от предложенной им платы за угощение. Они сопровождали казаков до самой околицы, вели себя очень искренно и дружески, их «крепким рукопожатиям и теплым пожеланиям не было конца»³⁰.

Для опровержения ошибочного вывода С.П. Боткина о фальшивом поведении болгар при встречах с русскими освободителями здесь добавить больше нечего. Суждения же о Болгарии и болгарях баталиста В.В. Верещагина в опровержении не нуждаются. Он – художник-реалист, обладавший точным взглядом на события, вещи и людей. Его мнение, как правило, не расходится с тем, что происходило на самом деле.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробно об этом см. в справке к нашей монографии: *Калиганов И.И.* Проблемы истории и культуры славянских народов. М., 2015. С. 476–478.

² В.В. Верещагин погиб вместе с адмиралом С.О. Макаровым на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на японской мине близ Порт-Артура 31 марта 1904 г.

³ Переписка В.В. Верещагина и В.В. Стасова. Т. I. 1874–1877. М., 1950. С. 165.

⁴ Храбрости В.В. Верещагину, действительно, было не занимать – при необходимости он сам мог взять в руки оружие и вступить в отчаянную схватку. Так было, например, во время Туркестанской кампании, за которую он был награжден Георгиевским крестом IV-й степени, а М.Д. Скобелев представлял художника за проявленную отвагу к «золотой шпаге», но тот отказался от награды.

⁵ Переписка В.В. Верещагина и В.В. Стасова. Т. I. С. 174–175.

⁶ *Верещагин В.В.* На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. художника В.В. Верещагина. М., 1902.

⁷ Переписка В.В. Верещагина и В.В. Стасова. Т. I. С. 176.

⁸ Письма из Болгарии 1877 года С.П. Боткина. Спб, 1893.

⁹ Там же. С. 80.

¹⁰ Там же. С. 108.

¹¹ Там же. С. 77.

¹² Там же. С. 78.

¹³ Там же. С. 109.

¹⁴ Там же. С. 82.

¹⁵ Там же. С. 97.

¹⁶ Там же. С. 86.

¹⁷ Там же. С. 99.

¹⁸ Красоту болгарской земли и ее благоприятный климат единодушно отмечали познакомившиеся с ней русские люди: врач К. Зейдлиц и подпоручик лейб-гвардейского Преображенского полка Н.А. Лукьянович, побывавшие на Балканах во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг.;

сотрудник журнала «Современник» Е.П. Южаков, совершивший поездку на славянский юг в 1858–1859 гг. писатели В.И. Немирович-Данченко и В.В. Крестовский, оставившие воспоминания о своем пребывании в стране во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и др.; монах Парфений (Агеев), проехавший в 1839 г. через болгарские земли по дороге на Афон, пришел от Болгарии в полный восторг и назвал ее «уголком рая». См.: *Калиганов И.И.* Болгария и болгары глазами русских в XIX столетии (в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и до нее) // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славяне во времени и пространстве.* М., 2009. С. 41–62; *он же.* Русско-турецкая война 1828–1829 гг. на Балканах и впечатления о Болгарии и болгарях ее русских участников // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ русских в славянских странах.* М., 2012. С. 32–49. А миловидность, красоту и отличную манеру поведения болгарских женщин подчеркивало большинство мужчин. См., напр., *Южаков Е.П.* Один месяц в Болгарии // *Современник.* Т. 84. Спб, 1880. № 11; *Крестовский В.В.* Собрание сочинений. Двадцать месяцев в Действующей армии. В 1877–1878 гг. Т. 5. Спб, 1879. С. 423–424.

¹⁹ Воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и о генерале М.Д. Скобелеве ординарца его Петра Дукмасова. Спб, 1889.

²⁰ Так называли крымских татар, которые начали селиться в болгарских землях по приглашению турецкого султана еще в XVII в. Пик их переселения пришелся на весну-лето 1860 г., когда в болгарские земли переселилось около 200 тыс. человек.

²¹ Воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и о генерале М.Д. Скобелеве... С. 30–31.

²² Там же. С. 58–59.

²³ Там же. С. 39–40.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ *Фролова М.М.* Военная кампания 1828 г. и «открытие» русскими Болгарии (по воспоминаниям русских офицеров) // *Война, открывшая эпоху на Балканах. К 180-летию Адрианопольского мира.* М., 2009. С. 79.

²⁶ Воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и о генерале М.Д. Скобелеве... С. 72–73.

²⁷ Там же. С. 41–42.

²⁸ Там же. С. 43–45.

²⁹ Там же. С. 42–43.

³⁰ Там же. С. 46.

А.И. Колин
(Институт истории АН Молдовы, Кишинев)

Румыния 1905 г. глазами будущего БЕССАРАБСКОГО МИТРОПОЛИТА

Abstract:

Kolin A.I. *Romania of 1905 viewed by future Metropolitan of Besarabia*

The letter from the rich correspondence of Metropolitan Arsenii (Stadnicki), one of the prominent figures of Russian Orthodox Church Hierarchy of the beginning of the 20th century is published. The monk from Besarabia Gurie (future Bessarabian Metropolitan in interwar Romania) tells the teacher about his impressions of his visit to Romania in 1904–1905.

Ключевые слова: Румыния, Бессарабия, Русская православная церковь, Румынская православная церковь, митрополит Арсений.

Вниманию читателей предлагается документ из богатейшего и пока еще недостаточно востребованного историками личного фонда митрополита Русской православной церкви Арсения (в миру Авксентия Стадницкого (1862–1936)), который хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 550) и содержит большое количество документов, раскрывающих связи этого выдающегося церковного деятеля и историка церкви как с родной Бессарабией, так и с Румынской православной церковью¹. Речь идет о письме, которое адресовал владыке Арсению (в то время епископу) его ученик по Кишиневской духовной семинарии иеромонах Новонямецкого монастыря Гурий (в миру Георге Гросу, 1877–1943), уроженец села Ниморень (ныне Яловенского района Молдовы), будущий митрополит Бессарабский, один из выдающихся иерархов Румынской православной церкви периода между двумя мировыми войнами. Совершив в 1905 г. поездку за Прут, Гурий, всю жизнь с уважением относившийся к своему учителю, решил поделиться с ним впечатлениями о современной церковной и духовной жизни в Румынии.

Адресат письма, Авксентий Георгиевич Стадницкий, будущий митрополит Арсений, родился в 1862 г. в Северной Бессарабии, в селе Комарово (молд. – Кумарэу) Хотинского уезда в семье настоятеля Успенской церкви этого села, относившейся к Кишиневской епархии. Его мать, урожденная Черноуцан, принадлежала к другому роду потомственных бессарабских священнослужителей. Свое образование Стадницкий начал в духовном училище заштатного городка Единец в Северной Бессарабии, продолжил в

Кишиневской духовной семинарии, которую с блеском окончил в 1880 г. Уехав затем для получения высшего образования в Киев, он в 1885 г. окончил Киевскую духовную академию. В этом высшем учебном заведении поддерживался высокий уровень преподавания как теологии и философии, так и истории церкви, лекции читали известные ученые – богословы, филологи и историки. Среди выпускников Киевской духовной академии был и автор публикуемого ниже письма иеромонаха Гурий, окончивший ее в 1902 г. со степенью кандидата богословия.

В годы своего студенчества А. Стадницкий дважды (в 1883 и 1884 гг.) на каникулах совершил паломничество на Афон, отразив свои впечатления в дневнике, опубликованном в 1886 г. в Киеве и переизданном уже в наше время в Москве по решению издательского совета Русской православной церкви². За эту первую свою книгу молодой автор был удостоен Макарьевской премии, высшей в России академической церковной награды.

По окончании Киевской академии Стадницкий долгое время преподавал богословие и древнегреческий язык в родной Кишиневской духовной семинарии, в 1887–1895 гг. редактировал «Кишиневские епархиальные ведомости». В эти годы он начал усиленно заниматься историей молдавской и бессарабской церкви на материалах из архивов не только Бессарабской губернии, но и зарубежных. В 1888 г. он выезжал с научной целью в Австро-Венгрию, а в 1890 г. в Румынию, где общался со многими церковными иерархами. В Кишиневе в 1890-е годы был опубликован ряд его исторических работ. Одна из них, «Гавриил Банулеско-Бодони, экзарх Молдо-Влахийский (1808–1812) и митрополит Кишиневский (1813–1821)», вышедшая в свет в 1894 г., была защищена в качестве магистерской диссертации. Прежде всего за заслуги в изучении биографии этого выдающегося церковного деятеля А. Стадницкий уже в 1898 г. был награжден орденом Короны Румынии 3-й степени.

В 1895 г. А. Стадницкий был пострижен в монашество в Александро-Невской лавре в Петербурге, а вскоре получил сан иеромонаха. С января 1897 г. он возглавлял кафедру библейской истории в Московской духовной академии в Сергиевом Посаде, а через год был назначен ректором этого авторитетного высшего учебного заведения. В 1899 г. Арсений получил епископский сан. Заняв административный пост, он уделял большое внимание материальному обеспечению студентов (среди которых были и его земляки, бессарабские молдаване), учредил приказом ректора из бюджета академии особые стипендии для тех студентов, которые не

находились на казенном обеспечении. Среди учеников Арсения по Московской духовной академии был будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексей I (Симанский), пронесший уважение к учителю через всю свою жизнь, о чем свидетельствует их обширная переписка, хранящаяся в ГАРФ. Уже в советское время Арсений, отправленный в ссылку, передал именно Алексею руководство новгородской митрополией³.

Занимая ректорский пост, Арсений в то же время отнюдь не оставил научные исследования по истории молдавской церкви. В 1904 г. выходит его фундаментальный двухтомник «Исследования и монографии по истории Молдавской Церкви», который до сих пор остается важным подспорьем для всех специалистов, обращающихся к церковной истории как Молдавского княжества, так и Бессарабии после 1812 г. В Румынии труд был отмечен королевской наградой *Vene Merente*, а в России Уваровской премией⁴. Но интерес Стадницкого к процессам, происходившим по другую от его родины сторону реки Прут, не был сугубо историческим. Поддерживая связи с румынскими иерархами, он старался почерпнуть как можно больше информации о состоянии церковной жизни в современной ему православной Румынии. Об этом свидетельствует его изданная в 1902 г. в Сергиевом Посаде работа «Из современной церковной жизни в Румынии», представляющая и сегодня несомненный интерес для исследователей румынского православия на рубеже веков.

Наиболее значительной инициативой в бытность Арсения ректором Московской духовной академии стала экспедиция 1900 г., своего рода «академическое паломничество» в Святую Землю преподавателей и студентов духовной академии во главе с ее ректором, организованное при содействии Императорского Православного Палестинского общества. Среди участников экспедиции были видные ученые – историк церкви, будущий член Государственной Думы и член-корреспондент Императорской академии наук Н.Ф. Каптерев, исследователь Библии В.Н. Мышцын. Ряд студентов, выезжавших с Арсением в Иерусалим, впоследствии активно проявили себя как на церковном, так и на научном поприще. Итогом поездки в Палестину стало ее подробное научное описание, сделанное студентами под руководством Стадницкого. Вышедшая под его редакцией в 1902 г. книга «В стране священных воспоминаний», представляющая огромный интерес для исследователей истории русской церкви, православной мысли рубежа XIX–XX вв., а также истории российской восточной дипломатии,

была переиздана в 2014 г. по инициативе Российского Палестинского общества⁵.

Свои бессарабские и румынские связи Арсений сохранял, судя по обширной переписке, и после отъезда в 1903 г. из Сергиева Посада, при исполнении иных пастырских функций. Он был епископом в Пскове, основав там богатый церковно-исторический музей; архиепископом в Новгороде, много занимаясь охраной памятников церковной старины и организовав в этом городе в 1911 г. Всероссийский археологический съезд. В течение некоторого времени Арсений возглавлял учебный комитет при Святейшем Синоде, с 1907 г. был членом Государственного совета от монашеского духовенства. Продолжая заниматься историей молдавской церкви на основе новых источников, он опубликовал в 1914 г. новый труд – «Митрополит Сучавский Досифей в его сношениях с Россией, при свете новых исторических материалов».

Выдающийся проповедник и оратор, крупный историк и духовный писатель, неутомимый организатор церковной жизни, пользовавшийся непререкаемым авторитетом среди духовенства и паствы, Арсений имел репутацию «самого строгого архиерея» Русской православной церкви. Эта строгость проявлялась в требовательности к выполнению заповедей Христовых как духовенством, так и паствой, причем епископ (позже митрополит) распространял ее в полной мере и на самого себя. Между тем, принципиальность Арсения не раз ставила его в состояние конфликта с бюрократией Святейшего Синода.

Арсений являлся заместителем председателя Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. и фактически руководил большинством его заседаний. При выборе в 1917 г. Патриарха всея Руси он был одной из трех выдвинутых кандидатур, получив второе место при голосовании. В годы советской власти, как и патриарх Тихон, митрополит Арсений находился в состоянии постоянного конфликта с коммунистическим режимом, начиная с 1919 г. неоднократно арестовывался – прежде всего за отказ встать на сторону так называемых обновленцев, стремившихся превратить православную церковь в орудие церковной политики большевистского режима⁶. Сосланный в 1925 г. в Среднюю Азию, Арсений прожил там остаток дней своих и скончался в 1936 г. в Ташкенте, имея сан Митрополита Ташкентского и Туркестанского. В последние годы его жизни все православные храмы в крупнейшем городе Средней Азии были закрыты. По свидетельствам современников, митрополит проводил службы под открытым небом, у клад-

бищенской часовни; в большие праздники здесь собиралось до 20 тыс. человек.

Русская зарубежная церковь уже в 1981 г. причислила Арсения к новомученикам православной веры, в постсоветской России память об этом выдающемся иерархе также стала официально почитаться, в Новгороде по благословению Патриарха Алексия II с 1993 г. периодически проводятся Арсениевские чтения. Расширяется интерес к богатому творческому наследию Арсения, постепенно вводятся в научный оборот новые его тексты и архивные документы, связанные с его деятельностью. Наряду с материалами поездок в Палестину и на Афон начата подготовка многотомного издания его обширных дневников, хранящихся в ГАРФ, – инициатива этого проекта принадлежит Православному Свято-Тихоновскому гуманитарному университету⁷. Дневник этот раскрывает Стадницкого как человека чувствительного к национальным чаяниям соотечественников – бессарабских молдаван. Можно привести в качестве примера его записи о вреде русификации даже с точки зрения интересов самой Империи, выполненные им еще 19-летним юношей в марте 1881 г., вскоре после убийства сторонниками революционного террора императора Александра II. Стадницкий упоминает в своем дневнике, в частности, о том, что бессарабские крестьяне, недостаточно владевшие русским языком, превратно поняли сообщение об убийстве императора, подумали, будто он был убит собственным сыном, и это вызвало совершенно ненужные властям слухи в крестьянской среде⁸.

Если в целом наследие Арсения постепенно вводится в научный оборот, то та его часть, которая отражает бессарабские и румынские связи выдающегося российского церковного иерарха, оказывалась на периферии внимания российских исследователей, а потому до сих пор мало востребована. А между тем, она содержит немало ценного материала как по истории Бессарабии, так и по истории российско-румынских отношений. Это касается и его переписки с иерархами и теологами Румынской Православной церкви (Ю. Скрибан и др.), зачастую на румынском литературном языке, которым Стадницкий неплохо владел. Но прежде всего речь идет о его переписке с участниками общественной жизни и интеллектуалами Бессарабии начала века (И. Халиппа), с коллегами – историками и филологами, земляками Стадницкого, обращавшимися в своем творчестве так или иначе к изучению румынской и молдавской культуры (П. Сырку, А. Яцимирский), и наконец с бессарабскими родственниками Владыки Арсения из среды духовенства. В письмах, адресованных Стадницкому из Бес-

сарабии, нашли отражение многие события общественно-политической жизни края, начиная от еврейского погрома 1903 г., событий времен революции 1905 г., и кончая последними годами Первой мировой войны, драматическими событиями 1917–1918 гг., завершившимися вхождением Бессарабии в состав Румынии. Многие корреспонденты с большой готовностью хотели поделиться с Владыкой Арсением своими впечатлениями о тех или иных событиях в Бессарабии, поскольку он пользовался огромным уважением среди земляков независимо от национальности. Как читаем в письме, адресованном Стадницкому его учеником священником Иваном Сахаровым, посланным в Бессарабию для выполнения миссионерской работы среди старообрядцев-липован, «чем более приобретал я знакомых, тем более и более убеждался, что Вы оставили здесь по себе самую светлую память. Вы гордость бессарабцев»⁹. Кстати, среди его корреспондентов, от которых он черпал информацию о жизни родного края, были бессарабцы разных убеждений – как явные румынофилы, вроде будущего влиятельного митрополита румынской церкви межвоенной эпохи Гурия, так и последовательные противники прорумынского вектора развития общественных движений бессарабских молдаван, а также русские интеллигенты Бессарабии, далекие от молдавского национального движения.

По-другому сложилась судьба адресанта Стадницкого – иеромонаха Гурия (1877–1943), оставившего столь же неизгладимый след в истории православной церкви, но не Русской, а Румынской. Как редактор журнала “Luminătorul” и публикатор ряда учебных пособий для бессарабских молдаван он внес после революции 1905 г. свой вклад в идейную подготовку национального движения в Бессарабии. Его пастырская деятельность вызывала неудовольствие царских властей, что заставило его покинуть родной край. Вернувшись в Бессарабию после Февральской революции 1917 г. в России, он активно включился в политическую борьбу за предоставление краю автономии, был одним из основателей Молдавской национальной партии, 21 ноября 1917 г. освящал открытие первого заседания органа государственной власти Бессарабии Сфатул Цэрий. В правительстве так называемой Молдавской демократической республики ведал вопросами образования и культов. После вхождения Бессарабии в состав Румынии был рукоположен в сан епископа, сначала возглавил кафедру в Ботошанах, а в 1920 г. был возведен в сан архиепископа Бессарабского (с 1928 г. митрополит), стоял во главе епархии до 1936 г. Его вынужденный уход с кишиневской митрополитской кафедры стал в из-

вестной мере следствием громкого скандала, разыгравшегося в 1930 г.: при посещении Кишинева король Кароль I не был принят с подобающим его величеству пиететом в кафедральном соборе, так как рядом с ним вместо законной жены находилась, претендуя на ее роль, другая женщина, к тому же не православного исповедания. Уроки «самого строгого архипастыря» Русской православной церкви не прошли, как видим, даром для одного из самых способных его учеников. Скончался Георгий Степанович Гросу в годы Второй мировой войны в Бухаресте, пережив преследования по обвинению в растратах и коррупции.

Публикуемое ниже письмо Гурия Арсению – не только свидетельство (в своем роде далеко не единственное) большого авторитета, которым пользовался А.Г. Стадницкий среди бессарабского духовенства, в том числе той его части, которая не считала чуждым себе делом борьбу за национальные права бессарабских молдаван. Оно позволяет реконструировать принципиальные взгляды молодого, 28-летнего монаха, будущего митрополита, на некоторые проблемы организации церковной жизни, а также пастырского служения. Сравнение положения в церковной жизни Румынии с тем, что Гурий видел в Российской империи, было зачастую не в пользу страны, гражданином которой иеромонах в то время являлся. Обращает на себя внимание среди прочего критический отзыв о главе бессарабской епархии Иакове, типичном представителе царской церковной бюрократии, бесконечно далеком от интересов и устремлений ведомой им паствы. Высокую оценку молодого монаха получила благотворительная деятельность Румынской православной церкви. Однако и ситуацию за Прутом Гурий отнюдь не склонен был идеализировать с точки зрения влияния православия на общество. От его внимания не укрылись упадок монашества и «заметное охлаждение к религии среди всех слоев общества» по мере утверждения в нем совсем иных идеалов и ценностей, имеющих мало отношения к православному учению. Показательно, например, что в одной из школ на месте, где привычно видеть иконы, висел портрет Бисмарка – знак германофильских политических убеждений дирекции, приверженность которым была, вероятно, сильнее верности этих людей православному учению. Склонный к миссионерской деятельности молодой бессарабский монах отреагировал и на рост влияния в Румынии католицизма, активности католических проповедников, зачастую ставивших православных священников в православной стране в положение обороны.

Дальнейшая разработка исследователями обширного архивного наследия митрополита Арсения (Стадницкого) в ГАРФ обещает им новые открытия, способные дополнить существенными штрихами наши знания различных аспектов церковной и общественно-политической истории многонациональной Российской империи начала XX в. Это касается и сложных межэтнических отношений на западных окраинах державы (в первую очередь, в родной А.Г. Стадницкому Бессарабии) в канун Первой мировой войны.

ПИСЬМО ИЕРОМОНАХА ГУРИЯ К АРСЕНИЮ, 1905 г.

С чувством живейшей радости и благодарного удовольствия прочитал я, Глубокочтимый Просвещённый Арсений, Ваше письмо, когда, возвратившись после удачных бесед сегодня из Бендер, получил его от своего келейника.

Миссионерское дело весьма трудно и много оно отнимает времени понапрасну. Разъезды по епархии делают жизнь миссионера похожею на жизнь кочевника. Тяжело было особенно первое время. Миссионерское дело поглощало всё мое время.

Только особенная любовь, которою проникнут я к делу миссии, заставляет не замечать всяких трудностей и неприятностей. Любовь преодолевает все трудности и скрывает все недостатки, так что в условиях, с которыми никто не мог бы мириться, любовь мирится, виноват, чувствует себя как раз на месте. Люблю я простой народ, который коснеет в невежестве, который еще доселе в лице некоторых очень многих своих представителей не знает, кто такой Иисус Христос, которого хочу извлечь из неведения, просвещая его словами Истины и наставляя на путь правды и любви. Господь благословляет труды успехом, и я счастлив, рассеивая тьму неведения и обращая грешников от пути заблуждения их.

Путешествие по Румынии доставило мне столько удовольствия, что я и ожидать не мог, когда предпринимал его. Особенно очаровало меня простое, братское обхождение с нами Архипереев Молдавских, весьма любезных, вежливых.

Эта любовь и обхождение явились для меня поразительным контрастом после обхождения моего Владыки Якова, который, не в суд пишу, сколько раз я у него бывал, ни разу не предложил сесть¹⁰. Затем мне очень понравился особенный характер обильных благотворительных учреждений в Румынии, таких, например, как больница св. Спиридона¹¹ и множество заведений, устроенных частными лицами, а также государственные бесплатные боль-

ницы. Эти учреждения вызваны к деятельности христианскою любовью. Этот характер их как-то особенно заметен после наших учреждений, как, например, Костюжанской больницы, приюта Балша, построенных на чужие деньги, вызванных к деятельности расчетом современного альтруизма. Бюрократизм положил свой отпечаток и на наших благотворительных учреждениях. Приятное впечатление произвели на меня и шоссейные дороги, которые с завистью вспоминаю я, когда приходится весною и осенью ездить по бессарабским грязным дорогам, и обилие школ, в которых обучение обязательно под страхом всевозможных наказаний за непосещение школ.

Что наполнило душу мою скорбью – это заметное охлаждение к религии среди всех слоёв общества Румынии и что духовенство отстранено от преподавания Закона Божия в школах. В одной школе, в квартире учителя совсем не было икон, хотя он именует себя православным, а в канцелярии школы иконы были над дверями, а портрет Бисмарка на почётном месте.

Школа эта построена одним Архимандритом Нямецкой Лавры в с. Вынатор. Я не вытерпел и указал им на все это. Учитель обещал приобрести себе иконы, а в канцелярии поставить иконы на приличном месте, а портрет Бисмарка у дверей. Рядом с этим упадок монашества, что, положением, заметно повсюду [так в тексте – *А.К.*]. Интересны, например, рассуждения некоторых монахов Нямецкой лавры, Старцем которой является Епископ Нарчис Крецулеско¹². «Киновия¹³ есть продукт насилия, властолюбивых стремлений отдельных лиц поработить себе подобных. Я пришел в монастырь, чтобы быть свободным в служении Богу, а не быть рабом игумена». Киновий в Румынии нет кроме женских монастырей. Женские монастыри прекрасно поставлены.

Рост католицизма в Румынии также является неприятным явлением, хотя в ноябре прошлого года привлекли к ответственности католические институты за соращения, но чем кончилось, достоверно не известно – одни говорят и пишут, что закрыли на год институты, а другие – что только внушение сделали монахи-ням.

Из лиц, которые могли бы быть Вашему Преосвященству полезны, я могу указать на викария Унгро-Валахийской Митрополии Нифона Плоештяну и на профессора Университета в Бухаресте и директора митрополии Иоанна Корною¹⁴.

Эти лица личность Вашего Преосвященства знают: мы им о Вас говорили.

Прося Вашего Архипастырского Благословения, желаю Вам всех благ от Спасителя нашего Иисуса Христа.

Вашего Преосвященства смиренный послушник, иеромонах
Гурий.

24 января 1905 год

ГАРФ
Фонд 550. Митрополит Арсений (Стадницкий).
Оп. 1. Д. 280.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первую попытку оценить значимость этого фонда для изучения проблем румынской и молдавской церковной истории предпринял В.Я. Гросул: *Grosul V.I. Arhiva mitropolitului Arsenie Stadnițki ca sursă pentru istoria Bisericii ortodoxe rusă și română // Anuarul Institutului de Istorie "A.D. Xenopol"*. Т. XXXI. Iași, 1994. P. 577–593.

² *Митрополит Арсений (Стадницкий)*. Дневник паломника на Афон. М., 2014.

³ О тесных взаимоотношениях двух выдающихся церковных иерархов дает представление недавно вышедшая фундаментальная биография Алексия: *Одинцов М.И.* Патриарх Победы. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского). М., 2015.

⁴ О вкладе Стадницкого в изучение истории румынской и бессарабской церкви см.: *Гросул В.Я.* Митрополит Арсений Стадницкий – историк румынской и молдавской православных церквей // Новая и новейшая история. 2002. № 1.

⁵ *Епископ Арсений (Стадницкий)*. В стране священных воспоминаний / Вступит. статья Н.Н. Лисового. М. – СПб, 2014.

⁶ Из литературы об отношениях митрополита Арсения с советской властью см.: *Савинова И.Д.* Дело митрополита Арсения Стадницкого // Вопросы истории. 1999. № 2.

⁷ *Митрополит Арсений (Стадницкий)*. Дневник. Том 1. 1880–1901 гг. / Подготовка издания и редактирование: О.Н. Ефремова. М., 2006; Том 2. 1902–1903 гг. М., 2012.

⁸ Там же. Т. 1. С. 90–91.

⁹ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 413. Л. 20.

¹⁰ Иаков, в миру Пятницкий Иван Алексеевич (1844–1922) – епископ Кичиновский и Хотинский в 1898–1904 гг., позже митрополит Томский.

¹¹ Больница в г. Яссы.

¹² Нарчис Крецулеску (1835–1913) – архиерей, церковный историк.

¹³ Киновия – христианская монашеская коммуна, одна из форм организации монашества.

¹⁴ Далее даются адреса этих видных румынских теологов.

VII. ИДЕИ, ЦЕННОСТИ, ИДЕАЛЫ

О.А. ЗАПЕКА

(Институт славянской культуры
МГУДТ, Москва)

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ФИЛОСОФИИ «ОБЩЕГО ДЕЛА»

Н.Ф. ФЁДОРОВА

Abstract:

Zapeka O.A. *The problem of freedom in the work of N.F. Fedorov Philosophy of the "Common Task"*

In N.F. Fedorov's philosophical constructions system all concepts are observed according to the Common cause project (of universal resurrection). In it the freedom has a projective nature and must be the result of a person's labour activity. It is not the freedom that constitutes the virtue of a person, but his or her active participation in the cause of resurrection, that is, in the universal moral duty fulfillment.

Ключевые слова: свобода, Н.Ф. Фёдоров, «общее дело», нравственность, личность, воскресение, христианство, деятельность.

Этическая проблематика составляет ядро русской философии. Большинство этических систем, созданных в конце XIX – начале XX вв., имеет религиозные основания. Так, Николай Бердяев отмечал, что «нерелигиозная мысль у нас всегда не оригинальна»¹. Славянофилы первые выступили проводниками той идеи, согласно которой русская духовная жизнь религиозна по своей сути: томление религиозной жаждой, религиозная тоска – неотъемлемые свойства русского духа.

Русская мысль «пережила» довольно сильное влияние философского опыта Запада, но русской духовной культуре всегда был чужд принцип абстрактного философствования, характерный для духовных движений европейского сознания, обнаруживающий свои истоки в рассуждениях древнегреческих софистов и панлогизме Аристотеля. Русская религиозно-философская мысль имела иную направленность: осмысление конкретного духовного опыта. Эта

традиция и стала основой мирозерцания русских христианских философов Нового времени.

Например, отправной точкой философствования Ф.М. Достоевского, без которого невозможно представить русскую религиозную философию конца XIX – начала XX вв., стало совпадение, «наложение» начал этического и религиозного. «Цель всякого движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть, – подчеркивает Достоевский, – единственно лишь искание Бога, Бога своего, непременно собственного, и вера в Него как в Единого Истинного. Никогда ещё не было народа без религии, т.е. без понятия о зле-добре»². Способность к различению добра и зла позволяет человеку (народу) «добыть» Бога, прийти к нему.

Мысли Ф.М. Достоевского были во многом созвучны мыслям одного из самых удивительных его современников – Н.Ф. Фёдорова, чье философское творчество отличали исключительная оригинальность и дерзновенная сила. Достоевскому были близки идеи всеобщего воскрешения, братства, составившие основу учения «загадочного мыслителя». Достоевский также разделял фёдоровское убеждение в том, что современное им общество пребывает в «неродственном» состоянии. Но, как нам кажется, не стоит преувеличивать степень влияния воззрений Фёдорова на Достоевского: последний был знаком только с кратким очерком идей Фёдорова, а более полного представления о них он так и не получил (письмо Н.П. Петерсона – ученика, последователя и комментатора учения Фёдорова, в котором система мыслителя была изложена более целостно, вышло уже после смерти писателя).

Достоевский и Фёдоров – противники обособления человеческой личности, противники индивидуалистической жизненной установки. Формула Достоевского «все виноваты во всем», означающая, что все люди связаны таинственным единством, которое потенциально включает в себе возможность подлинного братства, приобретает в философии Фёдорова особое значение. Он доводит до предельной крайности это сознание всеобщей ответственности всех за всех, что и нашло своё выражение в «проекте» всеобщего воскрешения, участие в котором есть высший нравственный долг каждого человека. Фёдоров отвергает всякую индивидуальную перспективу жизни временной и вечной как совершенно безнравственную, бесчеловечную и безбожную. Жить нравственно – значит жить со всеми и для всех. Только выполнив свой долг перед умершими, человек может обрести личное счастье и личную свободу. Человеческая личность, взятая в своей отдельности, вне процесса реализации долга перед отцами, лишается в

учении Фёдорова своей самоценности. Человек, с точки зрения Фёдорова, нравственен настолько, насколько он осознал свой долг и насколько он вовлечён в процесс «общего дела» воскрешения.

В системе философских построений Фёдорова все понятия, все «составляющие» рассматриваются с точки зрения «проекта общего дела» (всеобщего воскрешения). Проблема всеобщего воскрешения заслонила от него ряд других проблем. У Фёдорова, как очень верно заметил Бердяев, «слабо выражены нравственные и религиозные начала свободы и достоинства личности»³. Если философия Достоевского «дышит» пафосом свободы: судьба человека решается в свободе, через свободу «проходит» испытание высшее достоинство человека, его готовность к исполнению высшего предназначения, – то автор «философии общего дела» не принимает свободы в том виде, в каком она существует в мире подполья. Свобода у него носит проективный характер, она должна стать «продуктом» трудовой деятельности человека. Диалектика добра и зла, раскрытая Достоевским, путь расщепления оказались чуждыми фёдоровскому мирозерцанию. Зло, как его понимает Фёдоров, лежит в природе, в её бессознательности, «в самом рождении и связанной с ним неразрывно смерти»⁴. Истинное зло есть смерть, истинное добро есть жизнь, «возвращение живущими жизни всем умершим для жизни бессмертной есть добро без зла»⁵. Зло, как отмечает Фёдоров, преодолевается по мере того, как совершается процесс воскрешения. «Подлинная этика требует такого добра, которое не нуждается во зле. Добро без зла находится и вне зла и того добра, которое не может быть без зла»⁶.

Братское единение и воскрешение отцов – вот те цели, достижение которых должно предшествовать осуществлению во всей полноте Царства Божьего. Никакого нового рая вне «земного бытия» Фёдоров не приемлет. Именно потому, что люди перестали воспринимать каждую смерть как трагедию, утратили чувство непримиримости в отношении к смерти, обратив религиозное сознание к грядущему воскрешению, осуществимому, согласно мысли Фёдорова, лишь имманентно как воскрешение, а не трансцендентно, и впало человечество в состояние неродственности. Трансцендентное воскрешение Божьей силой Фёдоров приравнивает к «воскресению суда», к «воскресению гнева». Мыслитель настаивает на необходимости активного участия человека в деле воскрешения, в результате чего спасение обретут все, а не только избранные. Спасение всех есть для Фёдорова необходимое условие оправдания Бога и оправдания человека.

Мир, в котором протекает жизнь людей, лишь потенциально может быть признан совершенным. Объединившись, человечество призвано сделать мир совершенным, преодолеть главную причину его несовершенства, «бедности», причину его неродственного состояния – смерть. Человек, согласно Фёдорову, должен сделаться активным орудием воли Бога, поскольку через человека, как существо разумно-свободное, через единую совокупность человечества действует божественная воля, направленная на восстановление мира и бессмертное состояние, когда грехи искуплены и возвращены все жертвы грехопадения. Без веры в человека, в его способность стать орудием Божьей воли невозможна, как считает Фёдоров, и вера в Бога. Фёдоров понимает своё учение как активное христианство, слово Божье воспринимается им как программа, как призыв к действию. Бога Троицкого Фёдоров считает возможным переосмыслить как символический образец общества будущего, основанного на любви, высшей родственности, «полной взаимности, взаимопонимании». Троица есть своего рода идеальное общество, а не монолитный Бог Ветхого завета или Корана, в чем Фёдоров видит особенность христианской идеи Бога. В нераздельности и неслиянности лиц троичного Бога усматривает он «возвышенно показательную эмблему» всеобщего братства, при полном раскрытии индивидуальности каждого члена. Фёдоров истолковывает догмат троичности как заповедь, как проект для человечества; превращение догмата в заповедь становится важнейшим принципом активного христианства.

Устроиться «человеческое многоединство или всеединство (всехъединство)» должно без принуждения, свободно и по закону любви. Этот план устроения «человеческого многоединства» по образцу Троицы и представляет для Фёдорова закон любви, т.е. сущность христианства: «...потому и нет у них смерти, что верность и взаимная любовь их безграничны; у нас же только воскресение, отрицающее границу, полагаемую нашей верности смертью, уподобляет нас Троице»⁷. В идеальном обществе, которое станет венцом всеобщих усилий и деле воскресения, личность человека будет обладать нравственной самоценностью и свободой. До тех пор ее действия определяются исключительно нравственным чувством долга, к которому взывает Фёдоров. Свободу и саму жизнь необходимо добывать собственным трудом, а не принимать только как дар Божий, «нет достоинства добывать жизнь для себя, для своей драгоценной личности, и защищать свою драгоценную свободу, всякий зверь так поступает»⁸. Согласно Фёдорову, не в свободе состоит достоинство личности, а в активном её

участии в деле воскрешения, т.е. в выполнении всеобщего нравственного долга. По убеждению философа, «идеал свободного существа не должен быть, однако, целью человека; не из личной свободы вытекает долг воскресения, а из сего последнего должна произойти свобода, без исполнения же этого долга свобода даже невозможна»⁹.

Мыслитель верил, что само дело воскрешения отцов преобразит человечество, зло станет попросту невозможно, и люди достигнут нравственного совершенства. То же преобразование произойдет и с теми, которые воскреснут: «И свершится дело Божье, превратившее всё человечество в орудие свое, и обратятся все солнца, все небесные миры в Царство Божие, в рай»¹⁰.

Фёдоровское учение превозносит человеческий разум: в рациональном познании, по мнению философа, заключён залог успеха в деле воскрешения предков. Эта позиция вызвала ряд критических замечаний, высказанных многими русскими мыслителями, в том числе С.Н. Булгаковым и Н.А. Бердяевым: «Фёдоров верит в возможность рационально регулировать и управлять всей жизнью мира, без всякого иррационального остатка. Он не хочет признавать тесного, иррационального истока в жизни мировой и жизни человеческой, бесосновной воли ко злу, с которой не может справиться никакой свет знаний и сознания. В этом душа его не современна»¹¹. Христианство в интерпретации Фёдорова лишается элемента мистического, а ведь только как мистическая должна быть понята христианская идея воскрешения. «Гениальная дерзновенность» фёдоровской идеи в том и состоит, что воскрешение переносится из плана трансцендентного в план имманентный и осуществляется посредством активной деятельности человечества, выступая для него как высшая цель, долг и единственно нравственное назначение. «Проекту» подчинена вся человеческая жизнь, содержание которой составляют, с точки зрения Фёдорова, осознание нравственного долга перед усопшими и деятельность, активизирующая это осознание. Не случайно Георгий Флоровский сравнивает фёдоровский «проект» с предписанием, поступающим человеку извне и определяющим всю его дальнейшую жизнь.

Тема человеческой личности как начала самоценного, ее достоинства, равно как и тема свободы человека не обрели у Фёдорова самостоятельного значения: они полностью подчинены центральной теме его философии (о чем уже говорилось выше). У Фёдорова нравственное совершенствование личности происходит по мере ее вовлечения в практический процесс «общего дела». Свобода носит в фёдоровских построениях характер проективный,

что мы уже отмечали, но это вовсе не означает, что свобода «выводится» (исключается) философом из области сущего. Не по принуждению человек включается в процесс всеобщего воскрешения, а по доброй воле. Вопрос об участии человека в «общем деле» Фёдоров выводит в область выбора самого человека. «Назначение человека, – утверждает Фёдоров, – быть существом свободным, а, следовательно, и самосозданным, так как только самосозданное существо может быть свободным. В этом создании себя, т.е. в состоянии и обращении к небу, человек открывает Бога и Бог открывается человеку, точнее сказать: открывая Бога отцов, существо, сделавшее такое открытие, становится сыном человеческим, а не просто человеком только; и лишь отвлеченно, забывая утраты, можно сказать, что существо, открывшее Бога, стало человеком»¹².

В философии «общего дела» идёт речь о двух нравственностях: нравственности разъединения, «т. е. свободе личности, выражающейся в борьбе за мнимые достоинства и мнимые блага сынов, забывших отцов», и нравственности объединения, т.е. нравственности сынов, сознающих утрату и «только в исполнении долга находящихся свое благо, свое дело»¹³. В настоящем мире господствует нравственность разъединения, ибо человечество руководствуется в своих поступках чувством (похотью) только. Когда же мир станет управляться чувством (сыновства) и разумом воскрешенных поколений, то, полагает Фёдоров, восторжествует нравственность объединения.

Итак, нравственное совершенство и свобода личности в полной мере обретаются и раскрываются в Царстве Божиим, в будущем «союзе воскрешающих и воскрешенных»; в мире сущем и нравственности, и свободе придаётся скорее инструментальный характер. Человек рождается рабом и останется таковым до тех пор, пока не обратит даровое в трудовое, не воскресит умерших родителей и не обновится сам. Только реализация проекта воскрешения приведет к осуществлению свободы: «...как может быть абсолютной самоцелью осуществление свободы каждого в отдельности, этого бессодержательного Ничто в мнимом единстве, вернее в пустоте всех, остающихся подчиненными силе неразумной и мечтающих только об освобождении себя от существ разумных? Рабство и господство есть несомненное зло; но и свобода (взятая сама по себе, без дальнейшего определения и осуществления своего назначения) не есть благо; она просто – ничто»¹⁴. Таким образом, Фёдоров утверждает свободу, проникнутую светом разума и силой любви (сыновней).

У Фёдорова мы находим немало общего с А.С. Хомяковым и славянофильством в целом, но его философия много активнее. Фёдоров призывает к космодемиургическому акту, который имеет в качестве высшего образца творческий акт божественный, и понимает «общее дело» не как новое творение (творение «из ничего»), а как воссоздание уже бывшего состояния мира, поскольку мир уже есть и может быть лишь преобразован, одухотворён: «Творить мы не можем, а воссоздавать сотворённое не нами, но разрушенное по нашему неведению или по нашей вине мы должны, иначе мы не будем подобием творца, и всё созданное должно погибнуть, разрушиться»¹⁵. Фёдоров не отвергает творчество как форму самоосуществления человека, наоборот, творчество и любовь он считает высшими способностями человека, без которых невозможно устройство будущей жизни. В его учении человеку отводится роль «творческого регулятора» преобразованного и одухотворенного мира. Духовная любовь к родителям, к предкам заложена в основу проекта воскрешения; любви надлежит стать определяющим началом идеального союза воскрешенных и воскрешающих. Этот союз, о котором речь шла выше, можно рассматривать как своего рода осуществление идеи соборности. В контексте активного христианства Фёдорова его концепция «общего дела» может быть представлена как вариант «разработки» идеи соборности, Богочеловечества. В дальнейшем идея соборности трансформировалась в понятие всеединства, ставшее основополагающим в философской системе В.С. Соловьёва, основателя философской школы всеединства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М.: Путь, 1912. С. 4.

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 10. Л., 1974. С. 198–199.

³ Бердяев Н.А. Религия воскрешения («Философия общего дела» Н. Фёдорова) // Н.А. Бердяев о русской философии. Т. 2. Ч. 2. Свердловск, 1991. С. 55.

⁴ Фёдоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 407.

⁵ Там же. С. 558.

⁶ Там же. С. 643.

⁷ Там же. С. 132.

⁸ Там же. С. 430.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Бердяев Н.А. Религия воскрешения... С. 53.

¹² Фёдоров Н.Ф. Сочинения. С. 561–562.

¹³ Там же. С. 487.

¹⁴ Там же. С. 548.

¹⁵ *Фёдоров Н.Ф.* Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Н.Ф. Фёдорова, изданные под ред. В.А. Кожевникова и Н.П. Петерсона. Т. 2. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. С. 47.

Э.Г. ЗАДОРЖНЮК

(Институт славяноведения РАН, Москва)

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В ИДЕЙНОМ НАСЛЕДИИ ЕВРАЗИЙСТВА: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ*

Abstract:

Zadorozhnyuk E.G. Slavic issue in the ideological heritage of Eurasianism: historical reconstruction

The article analyses the place and role of the Slavic issue in the ideological heritage of Eurasianism. It also traces the moments of confrontation in their cognitive trajectories of the Eurasian and Romano-Germanic worlds with the projection on the dominant Euro-Atlanticism attitude of modern political elite of Central and South-Eastern Europe.

Ключевые слова: славянский вопрос, евразийство, романо-германский мир, евроатлантизм, Центральная и Юго-Восточная Европа, Восток, Запад, геополитическое противостояние.

Славянский вопрос – неустранимая часть истории идей и презентующих их политических течений России XIX – начала XX вв. – приобрел новые характеристики после 1917 года. В пост-революционных – в основном эмигрантских – течениях он решался принципиально по-новому: православной империи как центра притяжения славянства уже не стало, а установка на интернационализм и мировую революцию отводила ему второстепенные, если не третьестепенные роли. Дополнительным фактором в его рассмотрении стало внимание к туранскому вопросу, если под таковым считать активность неевропейских народов в мировой политике, роль которого по-разному трактовалась различными силами в новой России и за рубежом, но с решением которого связывалось ее будущее. Достаточно вспомнить не лишнее и сегодня пронизательности суждение В.И. Ленина: «Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т.п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы»¹. Евразийство по-своему признало эту весьма высокую значимость выдвинутого на передний

* Статья подготовлена в рамках проекта ОИФН РАН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы».

план именно им туранского вопроса (большинство его представителей подписалось бы под указанным суждением), вольно или невольно отодвигавшего на задние планы другие вопросы.

На первый взгляд, славянский вопрос – «слепое пятно» в воззрениях евразийцев. Однако данная фраза-оксюморон не должна отводить ему третьестепенное место в их наследии. Нарочито дистанцируясь от его решения, евразийцы не отказывались от активизма в защите позиций как раз славянских народов, но также других – неевропейских.

Как известно, начало 1920-х годов – это время прибытия масс российских эмигрантов из Крыма, в основном в столицы вновь образованных в Центральной и Юго-Восточной Европе государств (София, Прага, Белград); время стратегического отступления революционных сил из-под одной из столиц – Варшавы; время санкционирования «линии Керзона», отгораживавшей СССР (тогда – Р.С.Ф.С.Р) от Европы.

Именно в указанный период славянский вопрос стал приобретать качественно новые очертания. Горькая ирония его решения в те непростые времена заключалась в том, что «спасители славянства» были вынуждены не только жить среди «спасаемых», но и как-то объяснять причины происшедшего. Кто бы стал к ним прислушиваться, если бы они вещали в такие времена о судьбах славянства? И все же значимость интерпретации евразийцами славянского вопроса сохраняется и до сегодняшнего дня, когда весомые части политических элит славянских государств региона громко декларируют ориентацию на полновесное «вхождение в Европу» (Евросоюз) и даже в Евроатлантику (НАТО) в пику конструктивным отношениям с Россией.

Общий взгляд евразийцев на славянский вопрос привязывает его решение к концепту «месторазвитие» (П.Н. Савицкий), означавшему комплементарное (т.е. взаимодополняющее) единство социального и природного пространств, в рамках которого формируется и развивается этнос, определяя в дальнейшем способы его жизнедеятельности. Все же этот вопрос попадал в некое «слепое пятно» поля зрения большинства евразийцев. Они знали о его важности, но нарочито не давали рецептов его разрешения. В монографии В.Я. Пашенко о социальной философии евразийства один из разделов посвящен соотношению данной «синтетической» идеологии со славянофильством. Ее автор справедливо пишет: «Центральной проблемой, по которой евразийцы заняли жесткую антиславянскую позицию, стала проблема славизма и панславизма»². В этом плане они, конечно же, провидчески указывали на

сложности в «славянском мире», который, игнорируя призыв Ф.И. Тютчева³, не «смыкался тесней» в XX, да и в XXI вв. Но автор призывает не соглашаться и с той точкой зрения, «согласно которой евразийство противоположно и даже враждебно славянофильству»⁴. Это так, более того, на наш взгляд, есть достаточно оснований считать их некими «потаенными славянофилами». Тем более это примечательно, поскольку некоторые их предшественники-славянофилы (тот же В.И. Ламанский или К.Н. Леонтьев) в чем-то являлись «потаенными евразийцами».

Эпизодически, например, в полемике по украинскому вопросу между Д.И. Дорошенко и Н.С. Трубецким, в ряде музыковедческих наблюдений П.П. Сувчинского, а также в религиозных творениях Г.В. Флоровского те или иные стороны этого вопроса фрагментарно поднимаются. Действительно, не заслуживает ли внимания тот факт, что Савицкий описывал освоение Азии и становление Евразии как результат активности как раз славянских народов в прошлом? И не доказал ли Сувчинский, что именно культур-импульс славянской музыки и живописи обновил культуру Европы? И не всеотзывчивостью ли славян вдохновлялись уже достаточно поздние экуменические проекты Флоровского?

При этом Трубецкой читал лекции по сравнительной лингвистике на материале славянских языков, но одновременно – по истории Индии. Летом 1922 г. он покинул Болгарию, намереваясь работать в Брно (Чехословакия), но неожиданно для себя оказался по приглашению в Венском университете. Здесь он тоже исследовал культуры славянских народов и сопоставлял их мировоззрения, подчеркивая непродуктивность любого национального «эгоцентризма». Он постоянно доказывал, что именно русские задавали и задают образцы взаимообогащающего общежития народов и всех этносов, исходя во многом из языковой славянской общности. В этих условиях и в ряде регионов проживания славян может появиться «многонародная нация» – как она образовывалась в СССР, где, по его убеждению, формируется «общеевразийский национализм». Специальных работ в данном направлении у Трубецкого нет, но положительные оценки близких к этому надэтнических образований в Чехословакии и Югославии в его переписке отыскать можно⁵.

Если вернуться к взглядам Савицкого, то следует признать, что он продолжает традицию трактовки славянского вопроса В.И. Ламанским и в меньшей мере – Н.Я. Данилевским. Понятие «месторазвитие» оказалось в этом плане продуктивным для анализа славянских общностей и идентификации славянских государств и их

союзов – выявления специфики не только присущих тому или иному западно-, юго-, восточнославянскому народу обычаев или песен (как в классическом славянофильстве), но и характерных для них типов хозяйствования, торговых связей и т.п. Признавая славянскую основу русского народа, Савицкий неоднократно подчеркивал, что он должен выступать в качестве стены против форсированной европеизации не только себя, но и других близких ему этносов.

Славянский вопрос у Сувчинского находился на периферии; к примеру, он почти не просматривается в его переписке с Трубецким. Именно этот европейски образованный и авторитетный в плане культурологии человек активнее всего писал о самодостаточности евразийского мира русской культуры, высоко значимой для всего славянства.

Евразийство Г.В. Флоровского⁶ было в чем-то окрашено славяноцентризмом, поскольку он считал, что именно славяне реализовали в потенции принцип правды в государстве, осуществили синтез права и нравственности. Все же «поворот к отцам» (церкви) побуждал его разоблачать «евразийский соблазн». Со временем вольно или невольно евразийские устремления трансформировались в экуменизм, сохранив и его интерес к туранскому и монгольскому элементам. Ход мысли Флоровского таков: в свое время христианский эллинизм был привит славянству, так почему не привить ценности христианства всему миру? Не получилось славянского единения – пусть будет единение мировое, хотя бы в религии. Следует напомнить, что в 1923 г. Флоровский принимал участие в организации Русского студенческого христианского движения в чехословацком городе Пршерове; примерно это время можно считать началом его дрейфа от евразийства к экуменизму.

Основная идея евразийцев, выраженная в названии их классического труда «Исход к Востоку»⁷, своеобразно дополнялась в биографическом плане их «исходом к Западу», а если взять группу левых евразийцев С.Я. Эфрона и Д.П. Святополк-Мирского, обосновавшуюся в пригороде Парижа Клараре – то и «исходом к Марксу» как классическому западному мыслителю. В государствах же Центральной и Юго-Восточной Европы, во многом появившихся в итоге Первой мировой войны и Октябрьской революции, евразийцы нашли не очень теплый прием. С одной стороны, они бежали от революции, с другой же – так или иначе признавали ее как преобразующий Европу и весь мир факт, за что и попали в число «фактопоклонников» – наряду с предшествующими им сменовеховцами и следующими за ними младороссами. Термином

«фактопоклонничество» в самом общем смысле обозначалось принятие свершившегося. П.Б. Струве в контексте споров между эмигрантами клеймил как раз им всех, признававших советскую власть. Эта позиция отдалила их не только от эмигрантских, но и от государственных кругов славянских стран, которые не замечали евразийцев едва ли не демонстративно; оппозиционные левые силы в этих странах также их не приняли.

При внимательном прочтении не только корпуса работ евразийцев, но также их переписки обнаружить скрытые контуры решения ими славянского вопроса все же можно. На поверхности оно сводится к дистанцированию от него в пользу евразийского проекта. Но при более пристальном рассмотрении оказывается, что западно- и южнославянские, а в какой-то мере и восточнославянские народы считались ими полем напряженного противостояния евразийского и романо-германского миров⁸. Оно, полагали евразийцы, носит многослойный характер и постоянно меняет характер своего протекания: от ламинарного к турбулентному; так было всегда, так есть и сегодня. Историческая реконструкция взглядов евразийцев на славянский вопрос позволяет указать на некоторые причины указанной турбулентности. Одна из главных заключается в том, что страны Центральной и Юго-Восточной Европы (а в новом веке еще и Украина) были (и остаются) полем столкновения евразийского и романо-германского (евроатлантического) начал, даже если соответствующие установки артикулированно не выражаются.

Так, функциональное определение собственности, которое предполагает согласование в деятельности хозяйствующих субъектов, обосновывал Н.Н. Алексеев. Он подчеркивал правомерность и правомочность федеративного устройства России, исходя из общности судеб народов Евразии. Такая форма общежителства возможна и для славянских народов, тем более, что и им присуще ощущение права как реализации правды. Этот факт игнорировало русское западничество – получив в виде отклика, по его меткому выражению, «взбесившееся славянофильство», близкое к большевизму.

В одной из работ Л.П. Карсавина, изданной в Петрограде в 1922 г.⁹, ставились вопросы, на которые евразийцы уже дали ответ в сборнике, выпущенном в Софии. В середине 1920-х годов Карсавин философско-исторически обозначал Евразию как некое культурно-историческое единство. С опорой на миссию сохранения России он также указывал путь к преодолению «пананархии». Именно через евразийские идеи Карсавин конкретизировал при-

нительно к славянскому миру понятие «всеединство». Более того, по его мнению, разрешение противоречий между Востоком и Западом возможно через индивидуализацию народов и православную идеократию.

Линию на сочетаемость леса и степи, выразившуюся в феномене «христианизации татарщины», проводил Г.В. Вернадский, который охарактеризовал процессы «движения против солнца» – то есть постепенного освоения русскими Сибири, чему сопутствовало и построение продуктивной геоэкономики. Важным тезисом, доказывавшимся на богатом материале, является положение о слиянии евразийского континента с русской историей, что недостаточно полно ощущалось и славянским миром в целом. А ведь, по убеждению Вернадского, как естественность союза народов Евразии сохранила единую Россию при ее всеохватной трансформации, так подобный союз может укрепить и единство славянских народов – без заискиваний перед Западом. Свои взгляды на перспективу союза восточнославянских народов Вернадский выражал в частности в книге «Богдан – гетман Украины», выпущенной в 1941 г., – как раз в то время, когда германский и отчасти романский мир наращивал давление на славянские земли до предела (1938 г. – Чешские земли, 1939 г. – Польша, 1940 г. – Югославия, 1941 г. – захват земель двух восточнославянских народов полностью и русского народа частично).

Изданная в 1926 г. в Харбине работа В.Н. Иванова содержала оригинальный взгляд на аутентичную русскость, не всегда совпадающую с евразийством¹⁰. Он практически не поднимал славянского вопроса, поскольку находился в пространственной отдаленности от него, хотя его акцент на «новой реальной культуре» как аутентично русской, а не азиатской, европейской или евразийской, позволяет идентифицировать его как наследника славянофилов.

Многое для распространения идей евразийства среди чехов сделал К.А. Чхеидзе, выпустив ряд работ на чешском языке и публикуясь в чехословацкой периодике. Он часто писал о кавказской составляющей евразийства, познакомив с ней не только Чехословакию, но и всю Европу.

Обстоятельно писал о статусе концепта «нация» с учетом евразийских разработок П.М. Бицилли. Он тщательно анализировал «украинский вопрос», рассматривая на широких славянских пространствах соотношение «культуры центра» и «культуры провинции». Работая с 1924 г. в течение более полувека в Софийском университете, Бицилли многое сделал для того, чтобы болгарская

культура вышла из «провинциального пространства», чему не помешала даже начавшаяся в 1948 г. травля его как «белоземлянина».

Я.Д. Садовский ввел понятие «демотия»: в отличие от демократии как западноевропейского способа регуляции социальной жизни через принцип представительства, она (в основном в славянстве) выражает прямую связь государства с народными массами, опираясь на их моральную поддержку. Демотия соотносилась с властью советов и противопоставлялась олигархии; первая, полагал он, в большей мере присуща славянским народам, чем романо-германским.

А.С. Лурье с позиций культурологии трактовал социальную жизнь как «театр действительности» с ее алогизмами – именно их довольно адекватно отражает славянская музыка, устремленная в будущность; ей присущи и туранские мотивы. Эфрон считал, что именно Россия освободит славянство, а затем и Запад от духовного рабства. Святополк-Мирский обосновал тезис о переносе ценностей «вздыбившейся» славянской культуры на Запад, дал высокую оценку «скифизму» Александра Блока и Андрея Белого с его духом культурного обновленчества. Его переход к марксизму оказался для многих неожиданностью, но сам Святополк-Мирский взял на себя миссию внедрения ряда ценностей как раз евразийства в СССР¹¹.

Обращаясь к жизнеописанию родоначальника евразийства князя Трубецкого, а также «завершителей» этого течения – еще одного князя Святополка-Мирского и выходца из среднего сословия С. Эфрона, нельзя не обратить внимания на сходный трагизм их судеб. Смерть первого наступила после допроса в венском гестапо: его подозревали в связях с СССР, чего, по сути, не было. Второй и третий – уподобляясь героям греческой трагедии в своем презрении к возможной смерти – выехали (как и сменовеховец Н.В. Устрялов, тоже предчувствовавший свою трагическую судьбу на родине) в новую Россию и там погибли. Их судьбы – явное свидетельство того, что евразийство было не только умонастроением, но и жизненным выбором с полной самоотверженностью в его осуществлении.

Ключевое противоречие подхода к решению славянского вопроса у большинства евразийцев заключается в том, что они – оказавшись во время выработки своих основополагающих идей как раз на славянских землях и во вновь созданных государствах Центральной и Юго-Восточной Европы – скептически смотрели на роль славянства и обосновывавшие эту роль идеи. Этот скепсис был зафиксирован в остро критических суждениях Трубецкого и

Савицкого. «Между отдельными славянскими народами, – писал Савицкий в Берлине в 1923 г. – есть культурно-исторические и более всего языковые связи. Но как начало культурного своеобразия понятие языкового славянства во всяком случае в том его эмпирическом содержании, которое успело сложиться к настоящему времени, дает немного. Историческое своеобразие России явно славянское, но не может определяться ни исключительно, ни даже преимущественно ее принадлежностью к славянскому миру»¹².

Позднее Трубецкой подчеркивал: «Русский литературный язык есть общеславянский элемент в русской культуре и представляет то единственное звено, которое связывает Россию со славянством. Говорим “единственное”, ибо другие связывающие звенья призрачны. “Славянский характер” или “славянская психика” – мифы. Каждый славянский народ имеет свой особый психический тип, и по своему национальному характеру поляк так же мало похож на болгарина, как швед на грека. Не существует и общеславянского физического антропологического типа. “Славянская культура” – тоже миф»¹³.

Вместе с тем, идейные оппоненты евразийства и даже сочувствующие ряду его идей мыслители трактовали представителей этого течения как поздних славянофилов и даже панславистов. Так считали Н. Бердяев, исходивший из либеральных воззрений, и П. Струве, руководствуясь более консервативными установками; оценки такого рода просматриваются и у современных исследователей.

В целом же можно утверждать, что евразийский проект во многом восполнял идеи всеславянства в их демократическом (кирилло-мефодиевцы) и консервативном (панславизм) истолкованиях. Тот факт, что именно по преимуществу русские как славянский народ освоили континент Евразии, говорил, по их убеждению, и в пользу ранних славянофильских идей, допуская спасение Россией и «загнивающего» Запада. Основные взгляды лидеров евразийства на славянство выводились из их общих мировоззренческих установок с достаточно значимыми отличиями. Они ранжировались как по предметным полям (у Трубецкого, например, здесь просматривается опора на языкознание, у Савицкого – на экономическую географию, а у Сувчинского – на культурологию), так и по методам исследования, способам изложения, исследовательским процедурам. Но все они так или иначе отходили от установок европоцентризма и доминирования в его рамках романо-германского начала, которое в разной степени захватывало и славянские народы, включая русский, лишая их культурной иден-

тичности в рамках Европы. Так, по мнению Трубецкого, Россия, со времен Петра I, «вступив на путь романо-германской ориентации, оказалась в хвосте европейской культуры, на задворках цивилизации»¹⁴.

Евразийцы признавали равноправие всех народов как своеобразных личностей, независимо от степени, а точнее – характера их цивилизационного развития. В этом плане русский народ выступает носителем начал евроазиатского – «истинного», противостоящего петербургскому «ложному» – национализма, доказав своей историей и практикой государственного строительства возможность продуктивной общежительности самых разных народов и этносов. Этому способствовало оправославнивание, которое «перемальвало» византийские, туранские и монгольские составляющие в ходе истории и которое в принципе способно устранить крайности европеизации, особо ярко проявившиеся в имперский период истории России и принявшие крайние формы в ходе ее большевизации.

Революция 1917 г., как полагали евразийцы, предоставляет возможности избежать крайностей русификации как превращенной формы европеизации и дать весомый шанс осуществиться подлинно евразийскому проекту. Эмпирические корреляты возможности такого проекта тот же Трубецкой обнаруживает в успешной языковой политике СССР, и не только в ней, а Савицкий – в активизации связей между этносами путем подтягивания культуры некоторых из них к более высокому уровню. Соответствующий опыт применим и к славянским разнородным государствам – Чехословакии и Югославии, но евразийцы рассматривали его как бы вскользь. Лишь отдельные их ученики (в основном Савицкого) в Праге признавали релевантность такого опыта.

Одним из главных научных достижений – если не мыслительным подвигом – евразийцев является разработка фактора указанной общежительности европейских (в основном русского) и восточных народов в ходе долговременной истории. Она выражается в том факте, что практически ни один из этносов не был истреблен, а в той или иной степени сохранял свою идентичность. Конечно, процессы их сближения шли не без проблем, сопровождаясь тем же грабежом, спаиванием и т.д. и т.п., что и отмечалось многими евразийцами. Но общий вектор характеризовался именно общежительностью, что и дало основание считать гипотезы евразийства весьма продуктивными.

Романо-германские же племена, считали евразийцы, еще в Средневековье прошли катком по восточным соседям: были

уничтожены едва ли не десятки славянских этносов, или же они оказались полностью ассимилированы. Факты общежительности со стороны германцев обнаруживаются с большим трудом и в дальнейшем¹⁵. Ассимиляционные процессы даже в XVIII–XIX вв. были очень интенсивными, и польские земли, особенно отошедшие к Пруссии и затем вошедшие в Германскую империю и в меньшей степени – в Австро-Венгерскую, продолжали ощущать на себе нивеляторское давление. То же можно сказать и о Чешских землях, заселенных немцами (Судеты), на что неоднократно (в основном в письмах и беседах) указывали евразийцы.

Польское движение в австрийских и общегерманских землях было гораздо менее интенсивным. Внимательнейшим образом обсудил эту проблему в своих трудах М.П. Драгоманов¹⁶ и, несмотря на свои антиимперские установки, отметил, что культурная экспансия в них на польские земли последовательно подрывает идентичность поляков, иссушая их душу; об этом же писали А.И. Герцен и М.А. Бакунин¹⁷. Возникает вопрос – где в большей степени игнорировался польский вопрос: в Российской империи, в границах которой польский народ все же сохранял свою культурную и национальную идентичность, постоянно восставая, а польская элита с трудом лишалась сословных привилегий, – или же в польских землях, входивших в Германскую и Австро-Венгерскую империи?

Практически все вновь появившиеся после 1918 г. государства заняли антисоветские, а их интеллектуальные элиты русофобские позиции, поощряемые, кстати, Западом. Польша в этом плане выступала страной-агрессором против РСФСР, Чехословакия вплоть до середины 1930-х годов занимала позицию непризнания, Болгария проводила антироссийскую и антисоветскую политику, можно сказать, преемственно, выступив союзником Германии и в 1914, и в 1939 гг. Крайней противоречивостью отличались отношения по линии СССР – Югославия, хотя именно неуступчивость Сербии отодвинула начало германской агрессии против СССР. Такой общей настрой в славянских государствах региона является, можно сказать, объективной причиной субъективного нежелания историков заниматься проблемой влияния революции на государственное строительство – как ранее, хотя и в меньшей мере, этого не хотели делать и евразийцы.

И все же факт общежительности славян в трудные времена остается фактом, поэтому анализировать ее с учетом установок евразийства абсолютно необходимо. Сколько бы, к примеру, ни навешивали идеологических ярлыков на созданный в 1941 г. в

Москве Всеславянский комитет, полностью отрицать конструктивную его направленность в плане мобилизации сил славянства на борьбу с фашизмом нельзя.

Этноконтакты западноевропейских народов с достаточно крупными славянскими в XX веке и вплоть до настоящего времени складывались и складываются весьма непросто: достаточно вспомнить бомбардировки одного из крупнейших славянских городов – Белграда – в 1999 г. авиацией НАТО. Евразийство в этом плане побуждает пристальнее всматриваться в историю не только самой Евразии, но и других частей европейского континента, включая страны Центральной и Юго-Восточной Европы, которые выступают как поле закрепления начал евроатлантизма.

История XX века показала (а XXI век демонстрирует в полной мере) следующий момент: если славянский проект не самодостаточен (тем более, что его потенциальные реализаторы часто враждуют между собой – можно вспомнить вражду сербов и хорватов вчера, русских и украинцев сегодня), то и списывать его на свалку истории тоже вряд ли правомерно. К такому выводу приводит пристальный анализ взглядов на него евразийцев, даже вопреки тому, что славянский вопрос во многом находился в «слепом пятне» их поля зрения – так бывает в истории идей и порождающих их движений.

Факт возвращения Россией Крыма, трактуемый как акт агрессии большинством евроатлантистов, включая их последователей в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, самым резким образом обострил проблему отношений России с Западом. Часть их политической элиты при этом позиционирует регион как своеобразное евроатлантическое предместье, сдерживающее «агрессивную» Россию. События на Украине обнажили воздействие многих механизмов геополитического противостояния, которое еще за 2–3 года до его наступления можно было бы считать архаичным «спором славян между собой».

Особенностями этого конфликта являются агрессивно-информационные войны в условиях открытого медийного пространства. Это – качественно новый момент в геополитическом противостоянии, побуждающий пересмотреть идейные устои существования и современной России. Отсюда – активная как никогда ранее востребованность евразийской идеологии в ее новом формате, необходимость придания нового смысла ряду старых идей евразийцев и конструирования новых.

В любом случае, не только история идей, но и реальная политическая история не могут обойтись без того, чтобы не решать

проблему статуса этих идей, включая и отношение евразийства к славянскому вопросу. Его анализ требует новых методологических процедур, более того, таких подходов, в рамках которых сочетаются самые различные аналитические операции. Важны в этом плане ситуационный анализ, психологическое истолкование политических и экономических феноменов, инструментарий продуктивной геополитики, свободной от идеологических завихрений.

Представленные в статье взгляды евразийцев на славянский вопрос характеризуются критическим отношением к славянофильству и панславизму, но с опорой на реальные факты общежителности славянских и неславянских народов. Поэтому проект «исхода к Востоку» (на фоне жизненного пути евразийцев в форме «исхода к Западу») вызывал и вызывает интерес в плане геополитического статуса России в прошлом и настоящем. Особенно важны взгляды евразийцев, критически относившихся к романо-германской культуре вчера, в связи с установкой на евроатлантизм большей части современной политической элиты стран Центральной и Юго-Восточной Европы сегодня.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше // Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1970. С. 404.

² Пащенко В.Я. Социальная философия евразийства. М., 2003. С. 183.

³ См.: Задоржнюк Э.Г. «Славянский мир, сомкнись тесней...». К 210-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева и 140-летию его кончины // Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности / Отв. ред. Е.С. Узенева. Книга 1. М., 2013. С. 61–76; она же. Ф.И. Тютчев и Ф. Энгельс о судьбах славянства // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 41–54.

⁴ Пащенко В.Я. Указ. соч. С. 197.

⁵ Следует отметить замечание Н.С. Трубецкого о «призрачности связи евразийства со славянофильством» в письме П. Сувчинскому от 15 января 1925 г. (Цит. по: Глебов С. Евразийство между империей и модерном. История в документах. М., 2009. С. 286), а также исполненное иронии суждение в письме от 29 июля 1924 г. относительно того, что на съезде славянских этнографов в Праге «чехи обсуждают вопрос о том, считать ли славянами русских, преподающих в немецких университетах» (Цит. по: Там же. С. 254). В пандан можно привести суждение К.Н. Леонтьева: «Было бы большим счастьем, если бы немцы заставили бы нас предать чехов на совершенное съеденье германизму. Иначе можно опасаться, что они попадут точно в состав Великого Восточно-Славянского Союза; это было бы великим бедствием. Чехи – это европейские буржуа по преимуществу; буржуа из буржуа, “честные” либералы из “честных” либералов. Их претенциозное и либеральное бюргерство гораздо вреднее

своим мирным вмешательством, чем бунты польской шляхты. Это тоже химическое, внутреннее отравление» (Цит. по: *Чижов М.* Константин Леонтьев. М., 2016. С. 597–598).

⁶ См.: *Аксенова Е.П.* Славянская идея в русской философской мысли (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Г.В. Флоровский) // Славянский альманах 2000. М., 2001.

⁷ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения (Утверждение евразийцев). Кн. 1. София, 1921; На путях (Утверждение евразийцев). Кн. 2. М.–Берлин, 1922.

⁸ Можно сказать, что в настоящее время это противостояние евразийского и евроатлантического миров. Проблема этого противостояния резко актуализировалась в связи с событиями на Украине, а также противоборством евроскептиков и еврооптимистов уже внутри стран Центральной и Юго-Восточной Европы // См., например: *Между Москвой и Брюсселем / Под ред. К.В. Никифорова.* М., 2016.

⁹ *Карсавин Л.П.* Восток, Запад и русская идея. Петроград, 1922.

¹⁰ *Иванов В.Н.* Мы. Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин, 1926.

¹¹ См.: *Соболев А.В.* К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов // *Россия XXI.* 2002. № 5.

¹² *Савицкий П.Н.* Избранное. М., 2010. С. 191.

¹³ *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 218.

¹⁴ Там же. С. 127.

¹⁵ В меньшей степени евразийцы рассматривали специфику колониального освоения Америки, особенно Северной, сопровождавшейся массовой гибелью местных народов. При этом Савицкий считал Америку параллелью Евразии и страной будущего, Трубецкой же видел в ней всего лишь конденсированную Европу, имплицитно враждебную Евразии.

¹⁶ *Драгоманов М.П.* Историческая Польша и великорусская демократия. 1881–1882 // *Драгоманов М.П.* Политические сочинения. Т. 1. М., 1908.

¹⁷ Подробнее см.: *Задорожнюк Э.Г.* А.И. Герцен, Т.Г. Масарик и славянский вопрос // *Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина / Под ред. И.В. Чуркиной.* М., 2013. С. 721–747.

Н.В. КОВОИЦЫНА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ЧЕШСКИЕ ЦЕННОСТИ ПЕРИОДА ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Abstract:

Korovitsyna N.V. *Czech values of the liberal transformation period*

The author analyses dynamics of value system changes in the Czech Republic after 1989. The attention is given to the three revolutions – consumerist, demographic and spiritual – which constitute the basis of national mental changes.

Ключевые слова: Чехия, система ценностей, либерализация, вестернизация, социокультурная динамика.

В обществах восточноевропейского типа после 1989 г. произошли важные перемены в ценностных системах населения, базовых мировоззренческих представлениях и взглядах, соответствующих новым культурным, идеологическим ориентациям и социально-экономическому климату. Десятки исследований ценностей, проведенных в Чехии на рубеже XX и XXI веков, позволяют представить реальные направления долговременного развития общества, динамику его сознания.

В целом отличительной чертой динамики ценностных структур чешского общества в период с 70-х годов прошлого века до наших дней является значительная стабильность. Во главе их иерархии находятся ценности, связанные с семьей, спокойной и безопасной жизнью. Напротив, несмотря на некоторые подвижки, инициатива, знание, самовыражение и общественное участие постоянно оказываются в нижних частях этой иерархии. Чешское общество в последнюю четверть века не отличалось особой ценностной дифференциацией по социально-демографическим показателям, хотя ее уровень с 1970-х годов поныне, а особенно после 1989 г., возрос¹. Возраст выступает в качестве главного дифференцирующего ценности фактора. Если в 1980-е годы люди с высоким доходом больше ценили семью, ныне ситуация прямо противоположная. Снижается влияние различий в образовании на культурную дифференциацию.

Ценностные сдвиги периода социализма 1970–1980-х годов демонстрировали важность здоровья, семьи, мира, друзей; по другим источникам наиболее предпочтительными являлись спокойная семейная жизнь, конформизм и бесконфликтность². Согласно

первому наиболее репрезентативному исследованию 1984 г., во главе системы ценностей оставались семья и близкие, труд, а особенно покой и безопасность. К числу же наименее предпочтительных относились ценности самостоятельности в трудовой деятельности (предпринимательства, руководящих позиций), религиозности, общественного влияния и участия. До 1989 г. в чешском обществе был глубоко укоренен тип личности, замкнутой по отношению к внешнему миру, полагающейся на себя, скромной, необщественной, склонной к минимизации конфликтов и рисков³.

Культурная динамика периода 1984–1990 гг. показала ошущаемое снижение значения ценностей, связанных с семьей⁴. В эти переломные для системных сдвигов либерального типа годы снизилась ценность скромной и экономной жизни, связанной только с семьей и детьми, но и активностью в сфере общественного развития. Наибольший рост произошел в ориентации на предпринимательство, заработка, жизнь для себя и по собственным понятиям, независимо от общества. Особенно возросло значение ценностей индивидуалистических, самовыражения, успеха и богатства. Возросла ориентация на качество жизни, профессиональную самореализацию и предпринимательство.

Исследования Центра изучения общественного мнения (ЦИОМ) в период 1990–2014 гг. продемонстрировали относительное постоянство наиболее важных для чехов ценностей, связанных с семейной жизнью: ценность семьи по сравнению с другими европейскими странами в течение всего рассматриваемого периода оставалась на очень высоком уровне⁵. Также стабильны были и последние в иерархии две ценности – проведение политики партии и жизнь в соответствии с религиозными принципами. В то же время произошли некоторые структурные сдвиги, одним из важнейших среди которых было снижение значения труда в формирующемся потребительском обществе и увеличение его веса как источника высоких зарплаток, а также сокращение значения участия в развитии демократии в обществе. Вместе с тем возросло значение следующих ценностей: иметь какую-нибудь работу, друзей, которые могут быть полезны, приятно проводить время, иметь время на собственные интересы, жить интересной, увлекательной жизнью, обладать красивыми редкими вещами⁶. Основная часть перечисленных сдвигов датируется 1999–2004 гг. – временем создания фундамента современного чешского общества как капиталистического, вестернизированного в восточноевропейской версии.

Вместе с тем последнее исследование ЦИОМ 2014 г. показало, что в нижней части иерархии ценностей «маленького чеш-

ского человека» оказались не соответствующие западному типу культуры ценности: владение собственной фирмой, хорошая информированность о событиях в стране и мире, участие в развитии демократии в обществе, достижение значительного социального положения, руководящие позиции. Вес этих ценностей в предстоящие три года продолжал понижаться.

В настоящее время в иерархии ценностей чешского населения семья остается на самом верху: она не важна только для 3% населения, а для 4/5 очень важна. Хотя семья по-прежнему лидирует, ее значение за период общественной трансформации сократилось. На втором месте теперь ценности ближайшего социального окружения (друзья и знакомые). Затем следует свободное время (предпочтения, связанные с гедонизмом и внеуродовыми ориентациями, развлечениями), только на четвертом месте труд (даже несмотря на появление и рост безработицы), и с большим отрывом от всех основных ценностей политика (второе после труда снижение значения) и религия, которые неважны для 80% населения. Прогнозируется, что в будущем ценности семьи и труда останутся по-прежнему высокими, но они будут и далее вытесняться ценностями свободного времени, а также друзей. Основой чешского общества является не гражданское сотрудничество, а частные связи – родственные, дружеско-соседские, трудовые⁷. Значение друзей и свободного времени будет расти и за счет долгосрочно низкого и понижающегося значения политики и религии⁸.

Параллельно сдвигам в системе ценностей в период либеральной трансформации произошла серия изменений в жизненных ориентациях чешского населения. Наибольший долгосрочный рост с начала 1990-х годов зарегистрирован в сфере доминирующих гедонистических ориентаций. Гедонизм, неотделимый от индивидуализма, характерного для 75% населения, – две главных ориентации в современной Чешской Республике. Несмотря на процессы перехода от социализма к капитализму возросли равнозначные ориентации у более 70% населения, утверждающего, что различия в доходах должны быть уменьшены. За последние годы усилилось значение и ксенофобных ориентаций чешского общества. Это общество, явно отрицающее иностранное: свыше половины населения соглашается, что «иностранцам в нашей стране должна быть запрещена всякая политическая деятельность». Усилились также конформистские ориентации. Напротив, снизилась важность либеральной ориентации: предпочитали свободу благосостоянию и безопасности теперь около 60% опрошенных, что на 10% меньше, чем в середине 1990-х годов⁹. В чешском об-

щество существует особая форма либерализма, основанная на индивидуализме, свободе и замкнутости по отношению к внешним обстоятельствам, всему чужому и отличному. В меньшей степени по сравнению с либералами уменьшилось число сторонников эгалитаристских воззрений: по мнению половины опрошенных, «проблемы граждан должно решать прежде всего государство, а не сами граждане». Стремление взять судьбу в собственные руки сейчас не популярный лозунг в ЧР. Очевидно, в частности, за счет роста нигилизма и фатализма снижалось значение и так слабо распространенных в чешском обществе – одном из наиболее секуляризованных в мире – религиозных, трансцендентальных и духовных ценностей, как и ценности политики – более ощутимо, чем в других европейских странах. Последнее представляет собой вторую, наряду с нарастанием гедонизма, тенденцию, особо ощутимую в современном чешском обществе.

Доля людей, постматериалистически ориентированных, составляла в Чехии около 10%¹⁰, она чуть возросла в 1990-е годы, в отличие от других (кроме Словении) обществ восточноевропейского типа, где шок от перехода к капитализму был более выраженным. Движение чешского общества к постматериализму теперь ставится под сомнение¹¹. На сравнительном европейском фоне отличие чешского общества особо ощущалось у ценностей религии, а также семьи, свободного времени и политики. Кроме того, чешское общество – менее открытое к переменам и универсалистское, более консервативное по сравнению с западноевропейским, хотя и превосходящее по этим показателям остальные восточноевропейские общества. В целом неолиберальная эволюция ценностных структур чешского общества не ведет к укреплению тех ее компонентов, которые способствуют развитию открытого общества. Для чешского общества характерно явное отрицание религии, политика и общественное участие традиционно ранжируются здесь очень низко. Для чехов особенно типично противоречие между словом и делом, т.е. между вербальным выражением склонности к свободе, либерализму, необходимости каждому позаботиться о себе и фактической долгосрочной тенденцией к отрицанию всего чужого, к требованиям традиционализма, уравнительности и патернализма.

Ценностные сдвиги периода перехода от социализма к капитализму и вестернизации обусловлены тремя важнейшими революциями: потребительской, демографической и духовной.

Концом 1990-х годов датируется появление в ЧР живущего сегодняшним днем «homo oeconomicus» потребительского об-

щества. То, что произошло в начале первого десятилетия 2000-х годов, можно назвать историческим системным изменением – капиталистической революцией, когда предприниматель стал ключевой фигурой общества¹². Этому предшествовало удвоение во второй половине 1990-х годов, прежде всего за счет рабочего класса (сокращение его – главный тренд всего периода трансформации), численности нижнего класса по самооценке чешского населения. Финансовый фактор стал главным в мотивации трудовой деятельности, его упомянуло около 90% опрошенных, как и в других вышеградских странах (в странах северо-западной Европы – 68%). В 1991–1999 гг. произошло существенное уменьшение важности, придаваемой социальным и самореализационным аспектам труда в ЧР за счет увеличения экономических¹³. Особенно снизилась общественная значимость труда. Доля людей, соглашающихся с тезисом «работа – обязанность перед обществом», в ЧР ниже, чем в странах Западной Европы и вышеградских¹⁴.

Изменение в положении труда в иерархии ценностей связано со снижением его значения как источника социальных контактов и пространства самореализации, усилением его функции источника существования и создания условий деятельности в свободное время¹⁵. Ощутимый дисбаланс между трудом и свободным временем усилился между 1997 и 2005 гг.: падение интереса к труду было разительным. В те же годы сократилась удовлетворенность трудом (в ЧР она ниже, чем в западноевропейских странах), особенно среди профессионалов. Кроме того, ровно треть чехов считает, что если ставить цель заработка денег, не всегда можно быть честным. Еще четверть века назад в чешском обществе был распространен принцип: «кто не крадет, тот обворовывает свою семью». Теперь наименее честны в экономической сфере молодые мужчины с высшим образованием, предприниматели, живущие в Праге, т.е. самые преуспевающие слои общества. Недоверие к экономическим институтам тесно связано с недоверием к политическим структурам и функционированию демократии в стране¹⁶.

В довольно короткий период произошли резкие общественные перемены, когда ценность прибыльной работы и комфортабельной жизни возросла за счет зеркального падения ценности интересной работы (количество работавших лишь столько, сколько требовалось, в 1997–2005 гг. удвоилось¹⁷), а также общего образования¹⁸, деятельности по месту жительства и поддержки демократии. Расцвет массового потребления проявился в возникновении многочисленных супермаркетов и гипермаркетов в городах с более 50 тыс. жителей (хотя 4/5 жителей высказывались против

их строительства), интенсивной индивидуальной покупательской активности, достигавшей рекордных уровней во время летних отпусков и рождественских сезонов – вплоть до конца 2008 г. Лишь после 1990 г. восточноевропейский регион по-настоящему превратился в потребительское общество и общество свободного времени. Заговорили и о потребительской революции в странах региона. В результате изменился весь социокультурный ландшафт посткоммунистических стран. Население Чехии и соседних стран с большим энтузиазмом погрузилось в потребительское общество, отличительными чертами которого стали индивидуализация (например, молодежь стала откладывать брак и основание семьи или отказываться от них), деморализация и материализация¹⁹. Лозунг новой морали – «каждый сам за себя» – противоречит преимущественно коллективистским, уравнилельным, этатистским, консервативным основам чешской культуры. Чешское население стало одним из наиболее ярких примеров, подтверждающих и другой лозунг общества потребления, – «я то, что я покупаю», ставший предпосылкой превращения консюмеризма в новую народную «религию», замещающую традиционные религиозные формы.

На динамику ценностей огромное влияние оказала демографическая революция или второй демографический переход, изменивший отношение людей к семье, когда заключение брака в соответствии с христианским учением, его социальной этикой перестало считаться необходимым шагом, предшествующим совместной жизни супругов, и в большинстве случаев сопровождалось только появлением у них детей. Чешское и в целом восточноевропейское общество невидимые сдвиги в поведении людей охватили в самом конце прошедшего столетия как результат и центральное событие либеральной трансформации. Демократическая революция предшествовала демографической, поразительной по скорости и глубине, но не особенно благоприятной для судеб общества. Начавшиеся с «бархатной» революции процессы оказали значительное влияние не столько на индивидов, сколько на семьи. Однако чешская семья не прошла те же стадии развития, что западная, их структура и динамика перемен различны²⁰.

В социалистический период восточноевропейская семья, особенно чешская, была «законсервирована», ее традиционные формы получили широкое распространение в 1970–1980-е годы. Тем быстрее произошли в регионе сдвиги в брачности и рождаемости в конце XX в. Младшее поколение чехов вернулось к западноевропейской модели семьи, существовавшей в стране в досоциалистический период. Число браков в период между 1990 и 2003 гг.

сократилось наполовину и достигло низшего со времени окончания Первой мировой войны уровня. Важной предпосылкой послужил распад связи жизненной удовлетворенности с супружеской жизнью. Вместе с тем поразительно низка степень толерантности чешского населения к незарегистрированным бракам (около 60%), мало отличающаяся от этого показателя в католических Польше и Ирландии. Время, которое чешская женщина проводит дома с ребенком, превышает по продолжительности все страны Европы, является мировой редкостью²¹. Кроме того, во всех посткоммунистических обществах (кроме восточногерманского) существует намного более высокая, по сравнению с западными, поддержка традиционного распределения гендерных ролей в семье, в Чехии достигающая более 40%, в том числе в молодом поколении. Т.е. чехи как представители малого народа, заботящиеся о его самосохранении в изменчивом мире, остаются очень консервативными в демографическом отношении, несмотря на длительную высокую профессиональную занятость женщин.

Ухудшение экономического положения нижних слоев общества привело к падению рождаемости намного ниже уровня воспроизводства населения. Свободное материнство становится важной стратегией улучшения материального положения малообеспеченных и малообразованных слоев. Это к тому же наиболее либерально ориентированная группа чешского общества, без развитого критического мышления. Скептические по отношению к либеральной риторике СМИ высокообразованные слои общества обладают наиболее консервативным отношением к семье и браку²². Хотя второй демографический переход в ЧР считается фактически завершенным, взгляды людей на семью и брак меняются гораздо медленнее, чем реальное поведение, и это значительно отличает чешское общество от западноевропейского, особенно в области поддержки консервативной модели семьи и признания значения брака и детей для полноценной жизни человека. Что и способствует сохранению положения семьи во главе ценностной иерархии поныне.

Чешская культура – одна из наименее религиозных в мире. «В Чехии еще со времен гуситских войн и поражения на Белой горе в 1620 г. преобладает сильное антиклерикальное чувство»²³. Специфику чешского исторического опыта составили массовый уход от католической церкви и неспособность достаточно слабой протестантской церкви заполнить образовавшийся вакуум²⁴. Поэтому чехи – «наиболее антирелигиозный народ»²⁵, хотя считается, что они антицерковны по привычке, а не из атеистических убеж-

дений. Атеистический характер чешского общества усилился в период социализма, однако, по имеющимся данным, членов католической церкви в 1950 г. было 6%, а в 1970–1980-е годы – около 40% населения²⁶. «Религиозное оживление» датируется концом 1980-х – началом 1990-х годов. Но значительное снижение доверия церквям произошло уже между 1991 и 1993 гг. и затем продолжало уменьшаться во всех отношениях, кроме «моральных проблем и потребностей индивида». Доверие церквям в стране находится на очень низком уровне, конкурировать с ними в этом отношении могут только политические партии. Огромный потенциал общественного интереса, открывавшийся в период «бархатной» революции перед христианскими церквями, они не смогли реализовать, престиж католической церкви снижался, и они утратили популярность. Спустя несколько лет после революции чешское общество наполнили десятки новых религиозных течений, связанных с нелегальными традициями коммунистического прошлого, в большинстве своем – импортом из-за границы или духовными поисками отечественных представителей.

В Чешской Республике существовало сильное социальное сопротивление возврату религиозности, и среди значительной его части утвердился «народный атеизм»²⁷. В результате, если доля атеистов или по крайней мере людей без вероисповедания в 1991 г. составляла 40%, то уже десятилетие спустя – почти 60%²⁸. Декларируемый атеизм в чешском обществе, по сравнению с 1990-ми годами, значительно усилил свои позиции, нарастала доля людей, идентифицирующих себя как убежденных атеистов и отрицающих какое-либо представление о Боге²⁹. В этот период по мере снижения членства в традиционных церквях росло число приверженцев малых церквей, особенно евангелического типа, увеличившееся в этот период в некоторых из них втрое. В целом доля традиционных верующих, регулярно посещающих богослужения и принимающих учение христианских церквей, составляет уникальный показатель – всего 10%. Только каждый десятый чех верит, что Бог существует. Это самый низкий показатель в регионе, сопоставимый, но превышающий аналогичный показатель в Восточной Германии и Эстонии. Причем только 4% чешских католиков считаются «истинными христианами», что объясняет положение религии в конце иерархии системы ценностей в стране³⁰.

В условиях подъема индивидуализма, материализма и потребительства основным течением в религиозности чешского населения стал рост альтернативной, внецерковной духовности, веры не в Бога, а в ясновидящих, целителей, амулеты, сверхъестественные

явления, гороскопы, в магию, оккультизм, астрологию и проч. Свершилась подлинная духовная революция, приведшая не к секуляризации, а к детрадиционализации веры, смене типа религиозности, в том числе среди высокообразованных слоев населения. Чехи отвергают традиционные религиозные системы и организованную религиозность, склоняясь к вере, как они считают, ориентированной на человека.

Картина динамики ценностей чешского общества после 1989 г. соответствует наполненному радикальными сдвигами четвертьвековому периоду национальной истории, больше напоминающему трансформационный кризис – социальный и культурный. Вместе с тем конкретный анализ характерных для страны общественных, духовных процессов нередко демонстрирует их сохраняющийся традиционализм, отличие от аналогичных процессов в западном мире, а также от целей евроинтеграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Values, stratification, transformation. Plzeň, 2012. S. 192.

² Inventura hodnot. Výsledky sociologických výzkumů ve společnosti České republiky. Praha, 2009. S. 281.

³ Slejška D. Vývojové procesy lidských hodnot. Praha, 1990. S. 71–72.

⁴ Inventura hodnot. S. 179.

⁵ Česká republika – trendy, ohrožení, příležitosti. Praha, 2009. S. 209.

⁶ Tuček M. Jaké hodnoty jsou pro nás důležité – červen 2014? // Tisková zpráva CVVM SU AV ČR. 17. července 2014.

⁷ Češi na cestě za svojí budoucnost. Budoucnost a modernizace v postojích a očekávaních obyvatelstva. Praha, 2003. S. 76.

⁸ Ibid. S. 146.

⁹ Inventura hodnot. S. 244.

¹⁰ Česká republika – trendy, ohrožení, příležitosti. S. 204.

¹¹ Values, stratification, transformation. S. 447.

¹² Večerník J. Czech society in the 2000s: a report on socio-economic policies and structures. Prague, 2009. S. 94.

¹³ Mareš P. The Czechs: jobs and work. // Sociologický časopis/ Czech sociological review. 2001. Vol. 9. S. 77.

¹⁴ České hodnotové proměny 1991–2008 (European value study). Brno, 2010. S. 128.

¹⁵ Kultura v krajích České republiky. Praha, 2012. S. 213.

¹⁶ Hodnoty, postoje, chování. Praha, 2013. S. 94.

¹⁷ Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... Praha, 2010. S. 112.

¹⁸ Socioekonomické hodnoty, politiky a instituce v období vstupu České republiky do Evropské unie. Praha, 2006. S. 103.

¹⁹ Večerník J. Op. cit. S. 230.

²⁰ Подробнее см.: *Коровицына Н.В.* Традиционная семья в Чехии: социальные и культурные вызовы после 1989 г. // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. М., 2014. С. 232–240.

²¹ *Kde to ladí, a kde skřípe: slad'ování práce a péče v mezinárodní perspektive*. Praha, 2012. S. 53.

²² *Sňatek a rodina: zájem soukromý nebo veřejný*. Praha, 2006. S. 15.

²³ *Socioekonomické hodnoty, politiky a instituce v období vstupu České republiky do Evropské unie*. S. 230.

²⁴ *Hamplová D., Řeháková B.* Česká religiozita na počátku 3. tisíciletí. Praha, 2009. S. 31.

²⁵ *Nešpor Z.* Příliš slabé ve víře. Česká ne/religiozita v evropském kontextu. Praha, 2010. S. 7.

²⁶ *Hamplová D., Řeháková B.* Op. cit. S. 31.

²⁷ *Socioekonomické hodnoty, politiky a instituce v období vstupu České republiky do Evropské unie*. S. 231.

²⁸ *Nešpor Z.* Op.cit. S. 102.

²⁹ *České hodnotové proměny 1991–2008*. S. 58.

³⁰ *Individuals and households in the Czech Republic and CEE countries*. Praha, 2010. P. 184.

VIII. КУЛЬТУРА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

М.М. ФРОЛОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

«АБАГАР» 1651 Г. В БИБЛИОТЕКЕ А.Д. ЧЕРТКОВА

Abstract:

Frolova M.M. *«Abagar» 1651 in the library of A.D. Chertkov*

The article is devoted to the history of the appearance of «Abagar» 1651 in the library of A.D. Chertkov, a well-known Russian historian, numismatist and bibliographer.

Ключевые слова: «Абагар», А.Д. Чертков, П.И. Кеппен, граф Н.П. Румянцев, Е. Копитар, М.К. Бобровский, «Библиографические листы», Н.Н. Мурзакевич.

Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858), известный историк, библиограф, нумизмат, славист, общественный деятель, меценат, сумел осуществить свою заветную мечту и создать замечательную библиотеку, в которой постарался «собрать все, что когда-либо и на каком-либо языке писано о России»¹. Однако постепенно в его книжном собрании начали появляться также издания о славянах и на славянских языках – задолго до того, как он погрузился в изучение средневековой истории Болгарии и написал свои фундаментальные труды: «О переводе Манассиной летописи на словенский* язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар» (М., 1842), «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг.» (М., 1843) и др. Коллекции книг и рукописей на новоболгарском языке, которую собрал сам А.Д. Чертков и в которой насчитывалось примерно 30 названий², было положено

* В первой половине XIX в. этноним «славяне» нередко писали в форме старославянского этнонима «словене»; образованное от этого термина прилагательное – словенский (язык, земля и т.п.).

начало еще в 1823 г., во время его путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии (1823–1825 гг.).

Осенью 1823 г. в Вене Чертков коротко сошелся с Петром Ивановичем Кеппенем (1793–1864), всесторонним знатоком славянской филологии первой четверти XIX в., членом известного кружка канцлера графа Н.П. Румянцева. Правда, Кеппен и Чертков могли быть знакомы еще по Петербургу. Кеппен в 1816 г. был одним из учредителей Вольного общества любителей российской словесности, деятельность которого привлекла внимание и Черткова, не преминувшего обзавестись Уставом общества. Он вполне мог посещать некоторые заседания Общества, хотя и не стал его членом. Кроме того, Кеппен опубликовал в 1819 г. библиографический сборник «Обозрение источников для составления российской словесности» (СПб), мимо которого не мог пройти Чертков, воодушевленный идеей строгого комплектования своей библиотеки изданиями о России. Интенсивному общению Черткова с Кеппенем в Вене много способствовало и то обстоятельство, что Чертков остановился в трактире «Венгерская корона», где квартировал Кеппен. Жители Вены, как писал Чертков, жили «весьма скромно: званые обеды, балы, собрания почти неизвестны». А с представителями знатных австрийских фамилий, в которых «древняя немецкая аристократическая спесь существует еще во всей своей силе», трудно было познакомиться и «быть приняту в их домах»³. Русские путешественники поэтому проводили досуг, как правило, вместе: обедали, посещали театры, музеи, ездили на экскурсии, ходили друг к другу в гости, коротали вечера у камина за беседой.

П.И. Кеппен выехал в Австрию в 1821 г. по поручению графа Румянцева. Его путешествие по европейским славянским землям и знакомство со славянскими учеными составили, как писал в конце XIX в. А.А. Кочубинский, «своего рода эпоху в русском славяноведении первой четверти XIX в.» и открыли «путь русским славистам на Запад»⁴, – подчеркивает современный исследователь, профессор Л.П. Лаптева. Петр Иванович был первым русским ученым, лично познакомившимся с такими известными славистами как П.-Й. Шафарик, Й. Добровский, С.-Б. Линде, В. Ганка, Е. Копитар. Вернувшись в Россию, он стал издавать в 1825 г. журнал «Библиографические листы» – первый международный библиографический журнал, в котором публиковал разнообразные сообщения о западнославянском мире⁵.

В августе 1822 г. Кеппен находился в Германштадте (ныне г. Сибиу, Румыния), где плодотворно общался со многими болгарами, проживавшими в этом городе, в том числе и с Д. Мустаковым.

Путевой дневник ученого зафиксировал его наблюдения над живым болгарским языком, что, как отмечает современный ученый-лингвист Г.К. Венедиктов, «представляет собой первый шаг в изучении этого языка русскими учеными вообще»⁶. К тому же Кеппен привлек внимание к болгарскому языку таких известных филологов как В. Караджич и Е. Копитар⁷. В «Записке о путешествии по словенским землям и архивам», опубликованной в декабре 1825 г., Кеппен сформулировал задачи, стоявшие перед учеными-славистами при посещении западноевропейских городов, и, в частности, те, которые необходимо было решить исследователям, имевшим возможность работать в Риме, «где многое еще остается обследовать». Под номером 8 было указано: «достать “Каталог Пропанды 1738 г.” и “Болгарские молитвы Филиппа Станиславова, бискупа од великия Болгарии, напечатанные на пяти листах для наклейки на стене”»⁸. При составлении и публикации этой «Записки» ее автор не знал, что пункт № 8 был уже успешно исполнен отставным полковником А.Д. Чертковым.

Еще во время пребывания в Вене в 1823 г. Кеппен обратил внимание Черткова, собиравшегося ехать в Италию, на эти книги. Сам он из-за изменившихся планов не смог посетить Рим. В конце ноября 1823 г. он продолжил свои научные изыскания в Германии и вернулся в Россию весной 1824 г. А Чертков из Вены отправился путешествовать по Италии, Сицилии, Швейцарии, где старался выполнить поручения Кеппена⁹. В Риме он сумел отыскать икупить указанные книги.

Следует сказать, что «Болгарские молитвы» или, как теперь они именуется в литературе, – «Абагар» – были изданы в 1651 г. в Риме в типографии Конгрегации распространения веры Никопольским епископом Филиппом Станиславовым (ок. 1608–1610–1674) специально для болгар-павликиан, которые принимали католичество. Сам Филипп Станиславов был родом из павликиан и прекрасно знал их обычай. Так, например, павликиане всегда носили при себе на шее в качестве оберега или амулета рукописные свитки с молитвами, которые назывались абгар. В состав молитв входило апокрифическое послание эдесского царя Авгаря (на латинском языке – Абагар) к Иисусу Христу, что могло дать название этим талисманам. Да и сам издатель дважды в тексте назвал этот памятник «Абагаром».

«Абагар» Филиппа Станиславова был напечатан кириллицей на 5 крупных листах, но с одной стороны. Текст был разделен на 4 колонки, огражденные с двух сторон рамкой из орнаментов. Причем, первый столбец кроме боковых рамок имел еще горизонталь-

ную рамку сверху, а последний – такую же рамку снизу, что привело русского ученого К.С. Кузьминского, впервые, в 1906 г., опубликовавшего полный текст «Абагара», к заключению о том, что листы не вешались на стены, как указывал Кеппен, а разрезались, склеивались, сворачивались в свиток длиной почти в 5 м 80 см и носились как амулеты от злых сил¹⁰. Именно такой свиток хранится в университетской библиотеке г. Болоньи¹¹. Филипп Станиславов включил в это издание молитвы, апокрифические заговоры, евангельские чтения. По мнению дореволюционного русского историка М.Г. Попруженко, которое вполне разделял болгарский историк литературы Б. Пенев, тексты и девять гравюр должны были воздействовать на прозелитов – покатоличенных павликиан с тем, чтобы отклонить их от еретических учений, укрепить веру в крест, святость брака, икон, чтобы они «в несчастьях уповали на Бога», а не на колдунов, чтобы признали католическую веру самой истинной верой, подчинившись Папе Римскому¹².

Вот такой интересный памятник Чертков купил в Риме. По возвращении в Россию в конце мая 1825 г. он в своем имении Ольховатка Воронежской губернии разобрал ящики с книгами, минералами, этрусскими вазами и другими вещами, которые привез из путешествий, и отправил в Петербург Кеппену посылку с книгами. О ее получении тот сообщил в мартовском номере «Библиографических листов»: «Купленные в Риме г[осподи]м полковником А.Д.Ч. (А.Д. Чертковым – М.Ф.) и препровожденные к издателю сих листов Глаголическая книга 1635 г. “Исправник за ереиј” и пр., о коей говорено было на с. 377¹³), и Болгарские молитвы, которые Филипп Станислаоф о велике Булгарие Бискуп собрал и издал в 1631 г. (см. в. с. 489¹⁴), получены им исправно вместе с Краинскими стихотворениями и приняты с отличною признательностью к почтенному г[осподи]ну посылателю»¹⁵. На своем экземпляре «Абагара», который впоследствии поступил в библиотеку Румянцевского музея, Кеппен записал: «Сии 5 листов Болгарских молитв, назначенных для наклейки на стене, по просьбе моей куплены в Риме в книжной лавке или типографии Пропаганды полковником Александром Дмитр. Чертковым и доставлены ко мне 19 февраля 1826 г. – П. Кеппен»¹⁶.

В 1838 г. Чертков издал каталог своей библиотеки («Всеобщая библиотека России»), где «Абагар» значился как «Молитвы на болгарском наречии; собрал Филип Станиславов од велике Булгарие Бискуп. Рим, а.х.м.а (1651): на 5 открытых листах, перемеченных буквами а.в.г.д.е, в 4 столбца, с изображениями»¹⁷. Это библиографическое описание вошло затем в каталоги славяно-рус-

ских книг, составленных и опубликованных И.П. Сахаровым (1849), В.М. Ундольским (1871), И.П. Каратаевым (1883) и др.¹⁸. Очевидно, что в каталоге Черткова при типографском наборе года издания «Абагара» была сделана ошибка и напечатана «м», обозначающая цифру 40. Сахаров первый отметил эту опечатку: «Верно ли здесь в годе буква м?»). Однако в более поздних библиографических справочниках Ундольского, Каратаева и др. данные «Абагара» из Чертковского каталога перепечатывались без всякой критики, поскольку упомянутые авторы явно сами не видели это издание. Любопытно, что в самом памятнике также была допущена ошибка в написании года издания: вместо N (50) напечатана Н. Первые исследователи «Абагара» (М.П. Петровский, М.П. Попруженко, К.С. Кузьминский) отметили несоответствие этой даты (1601) тому хронологическому ряду, который выстраивался самим составителем «Абагара» в послесловии: «Абагар» был напечатан в то время, когда правили турецкий султан Ибрагим I (1640–1648), господарь Валахии Матей Басараб (1633–1654) и господарь Молдавского княжества Васил Лупул (1634–1653). Кроме того, было известно, что в 1648 г. Филиппа Станиславова назначили епископом (бискупом) в созданную годом раньше Никопольскую епископию. Кеппен также неправильно прочитал год издания «Абагара» – 1631 г. Чертков не опубликовал специальной работы, посвященной «Абагару», но тот факт, что он точно указал дату его выхода в свет – 1651 г., свидетельствует о том, что он внимательно исследовал этот памятник.

К.С. Кузьминский считал, что П.И. Кеппен был первым русским ученым, кто заинтересовался «Абагаром»¹⁹. С ним вполне соглашался болгарский исследователь Б. Райков, представивший подробную историю изучения памятника. Но Райков к имени Кеппена присоединил и фамилию А.Д. Черткова: «Благодаря пионерским усилиям Кеппена и Черткова болгарский “Абагар” стал достоянием русской науки»²⁰. Изыскания российского историка Ю.А. Лабынцева привели к появлению в историографии новой точки зрения: первым исследователем «Абагара» являлся каноник М.К. Бобровский (1784–1848), магистр философии и богословия, преподававший в Виленском университете, «один из первых восточнославянских историков книгопечатания и библиографов славянских печатных книг»²¹.

С созданием единой системы университетского образования в Российской империи в начале XIX в. Главная виленская школа в 1803 г. была преобразована в императорский Виленский университет, который первым получил свой устав – 18 мая 1803 г., став-

ший прообразом уставов императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов (1804–1805). Самое непосредственное участие в разработке этого устава принял князь А.А. Чарторыйский (1770–1861), член Главного правления училищ, «пользовавшийся громадным влиянием на молодого государя (Александра I – *М.Ф.*) и полным доверием и уважением первого министра народного просвещения графа Завадовского, тоже питавшего симпатии к полякам»²². Чарторыйский был назначен попечителем Виленского учебного округа (1803–1824 гг.), в который входили 8 губерний (Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Могилевская, Минская, Киевская и Подольская, с 1810 г. – Белостокская область). Чарторыйский, мечтая о восстановлении самостоятельности Польши в тех государственных границах, которые она имела до первого раздела в 1772 г., придавал огромное значение развитию польского просвещения и активно содействовал умножению количества школ, в которых, как он подчеркивал в своих мемуарах, «польскому чувству был дан полный простор для развития»²³. Особое внимание он уделял Виленскому университету, преподавание в котором хотел поставить на уровень европейских университетов. В комплексе мероприятий, направленных на улучшение положения университета, важное место занимали научные командировки преподавателей в Западную Европу. Согласно §11 устава Виленского университета, «для распространения науки и усовершенствования знаний: 1) позволяется Университету, с одобрения попечителя, отправлять в чужие края своих адъюнктов, отличившихся в науке и добропорядочном поведении, и даже профессоров»²⁴. По штату Виленского университета отведенная на командировки сумма составляла 3000 руб. серебром (в других университетах Российской империи она достигала только 2000 руб. серебром)²⁵. Заслуживает уважения позиция Чарторыйского, благодаря которому многие молодые преподаватели были отправлены в Западную Европу для повышения своей квалификации: «Слушание великих учителей, возможность присмотреться к новым и разнообразным предметам, обычаям, учреждениям, иной мир, новые мнения и суждения расширяют разум, снимают с очей завесу узкого и малого кругозора, образуют иного человека, освещают цель науки, во сто крат увеличивают опытность, развивают самостоятельность: этих результатов ничем нельзя заменить, и какая наука не нуждается в них, чтобы быть достойным образом представленной в университете?»²⁶.

В 1817 г. такая возможность была предоставлена М.К. Бобровскому, исполнявшему в Виленском университете «с успехом в

течение трех лет обязанности профессора Св. Писания» и обнаружившему «преданность науке и выдающиеся способности»²⁷. Он был направлен в Вену и Рим на три года для усовершенствования в богословских науках и восточных языках, но его командировка длилась пять лет. В «Инструкции», составленной Советом университета, ему рекомендовалось обращать внимание и на славянскую литературу, а также посетить «те из ближних земель, где господствуют славянские наречия»²⁸. Бобровский справился с этой частью предписаний очень успешно, совершив в течение 1817–1822 гг. первое ученое путешествие по Чехии, Моравии, Галиции, Далмации, Словении. Он много работал в архивах и библиотеках Вены, Рима, Парижа и других городов, где нашел и изучил немало славянских рукописей и старопечатных книг. Ему принадлежит заслуга первого описания славянских манускриптов и старопечатных книг Ватиканской библиотеки. Позднее Бобровский открыл Супрасльскую рукопись (XI в.), один из древнейших памятников кирилловского письма. Несмотря на ограниченность средств, за время командировки ему удалось собрать превосходную библиотеку из редких книг и рукописей на славянских наречиях, которая, к сожалению, после его смерти рассеялась. В «Записке о путешествии по словенским землям и архивам» Кеппен советовал всем, желавшим ехать в Западную Европу с научной целью, повидаться с каноником Бобровским, который мог сообщить много полезной и важной информации «по части памятников»²⁹.

Ю.А. Лабынцев полагает, что Бобровский, выросший в семье униатского священника и сам облеченный этим саном, обратил внимание на «Абагар» не случайно. Своим внешним видом «Абагар» напомнил ему «столь распространенные на его родине так называемые “образки”, т.е. изображения Богоматери и святых, как правило, гравированные на дереве, часто с текстами разных молитв, обычно вывешиваемые на стене»³⁰. К тому же, в Риме Бобровский собирал материалы по истории униатской церкви. Лабынцев предположил, что Бобровский мог совершить покупку «Абагара» в книжной лавке Конгрегации распространения веры. Это суждение основывалось на том факте, что «в своем обозрении глаголических изданий XVII–XVIII вв., виденных и частью приобретенных во время путешествия, М.К. Бобровский рекомендует будущим путешественникам купить некоторые из них в этой типографии Пропаганды, т.е. в книжной лавке Конгрегации распространения веры»³¹. Вероятно, Лабынцев упустил из виду запись самого Кеппена, поставленную на полученном от Чертковца экземпляре «Абагара», в которой тот прямо указывал на то, что «Аба-

гар» был куплен в книжной лавке или типографии Пропаганды. Уверенность Кеппена в том, что «Абагар» предназначался «для наклейки на стене», также подтверждала гипотезу Лабынцева, что именно Бобровский рассказал петербургскому ученому об «Абагаре». Одним из доказательств верности данной точки зрения, по мнению Лабынцева, служит высказывание В.А. Францева, внимательно изучавшего жизненный путь и научное творчество профессора Виленского университета, о том, что сообщение об открытых Бобровским памятниках древнеславянской письменности произвело огромное впечатление на научную общественность России, и «немедленно по поручению графа Румянцева Кеппен составил программу путешествия по славянским землям («Записку о путешествии по словенским землям и архивам» – *М.Ф.*) с целью собирания сведения о славянских памятниках... Путешественник кое-где должен был следовать вполне маршруту ученого путешествия Бобровского»³².

По-видимому, Бобровский действительно был первым ученым, кто обратил внимание на «Абагар», однако вызывает сомнение утверждение Лабынцева о том, что «сведение об “Абагаре” 1651 г. мог дать Кеппену только М. Бобровский»³³. В исследовании Лабынцева, на наш взгляд, выпало весьма важное звено: А.Д. Чертков и его покупка «Абагара» в Риме, где русский путешественник находился с 29 декабря 1823 г. (8 января 1824 г.) по 2 (14) марта 1824 г.³⁴. Впрочем, время его пребывания в вечном городе не было известно в историографии, посвященной «Абагару». Лабынцев считает, что для Кеппена «Абагар» был куплен в 1826 г.³⁵.

Опубликованная переписка Бобровского с Кеппеном убедительно свидетельствует о том, что до 1825 г. ученые не только не были лично знакомы, но и не состояли в переписке. Первое письмо каноника на латинском языке из Жировиц (Жировичи), датированное 23 января 1825 г., было послано в Петербург через виленского профессора русской словесности И.Н. Лобойко (1786–1861)³⁶, который хорошо знал Кеппена «с самого детства» в Харькове, так как оба они «воспитывались в одном университете и с равной горячностью любили науку и ученых»³⁷. Лобойко был также одним из деятельнейших членов Вольного общества любителей российской словесности. Кеппен получил от Лобойко, который приезжал в северную столицу летом 1824 г., «несколько снимков с парижских и ватиканских рукописей»³⁸, снятых Бобровским в Западной Европе. В письме от 3 декабря 1824 г. Лобойко просил Кеппена вернуть эти снимки, так как «из-за неожиданных обстоя-

ятельств» Бобровский решил «исключительно посвятить себя этому предмету»³⁹. Дело в том, что 14 августа 1824 г. в результате следствия комиссии, возглавляемой уполномоченным комиссаром его императорского величества при Государственном совете Царства Польского Н.Н. Новосильцевым, по делу тайных студенческих обществ филوماتов и филаретов* Бобровский был отстранен от преподавания⁴⁰ и сослан в монастырь в Жировицах, где в то время располагалась резиденция Брестского униатского епископа. Испытывая материальную нужду в незаслуженной ссылке, Бобровский просил Лобойко, чтобы тот в свою очередь попросил Кеппена узнать о его дальнейшей участи, поскольку другие преподаватели Виленского университета, также обвиненные и уволенные от должности, уже получили новые назначения (например, в начале 1825 г. И.Н. Данилович был определен профессором российского права в Харьковский университет). Но только через год, в 1826 г., Бобровского восстановили в Виленском университете в качестве профессора экзегетики и герменевтики*.

В мае 1825 г. Бобровский послал Кеппену «краткую библиографию или лучше каталог изданных книг, не всех, конечно, которые известны ученым, а только тех, которые или я видел в заграничных библиотеках, или же приобрел во время путешествия»⁴¹. В октябре 1825 г. Кеппен опубликовал только каталог глаголических книг⁴².

Из всего сказанного следует закономерный вывод о том, что не переписка Кеппена с Бобровским стала источником сведений об «Абагаре». О его существовании Кеппен знал гораздо раньше. Поэтому вполне вероятно другая версия: информатором для Кеппена и Черткова в 1823 г. мог стать известный славист, словенец по происхождению, Ерней Копитар (1780–1844), служивший в Венской придворной библиотеке. Бобровский, познакомившись с Копитаром в 1817 г., состоял с ним в активной переписке: присы-

* Филоматы (по-гречески «любители наук») и филареты (по-гречески «любители добродетели») – название тайных патриотических (пропольских) и просветительских объединений студентов Виленского университета в первой четверти XIX в.

* Экзегетика – раздел богословия, занимающийся истолкованием смысла Священного Писания. Необходимость экзегетики связана со смысловой многомерностью библейского текста. Герменевтика – раздел богословия, занимающийся раскрытием основных принципов истолкования Священного Писания как с теоретической точки зрения, так и в исторической практике.

лал снимки с рукописей, выписки и рассказывал о своих открытиях. Он вполне мог включить сообщение об «Абагаре» в одно из своих писем. К сожалению, ни в дневнике Кеппена⁴³, ни в путевых записках Черткова за время их пребывания в Вене нет ни слова об «Абагаре», впрочем, не пишется и о книгах, на которые нужно было обратить внимание в Риме. Однако нами установлено, что Копитар в 1823 г. составил для Черткова список книг, которые следовало искать в Италии и других странах и по возможности приобрести⁴⁴. Из переписки графа Румянцева и Кеппена выясняется, что Чертков по рекомендации Копитара за 150 или 160 руб. купил Библию, переведенную на словенский язык. «Библии сии, изданные протестантами, были истребляемы католиками; как их, так и других крайних (словенских – М.Ф.) книг, уцелело весьма немного с того времени, как австрийское правительство более и более старалось устранить протестантизм, преследуя оный в своих провинциях», – писал Кеппен Румянцеву 20 апреля 1825 г. На что тот тут же отреагировал: «Кто таков г. полковник Чертков, о котором сказываете мне, что купил Библию, изданную Трубером? Не почитаете ли Вы возможным у него ее купить, обо мне не упоминая?»⁴⁵.

Необходимо уточнить: протестантский священник, создатель словенского письменного языка П. Трубар (1508–1586), опубликовавший в 1550 г. первые книги на словенском языке – «Абecedник» и «Катехизис», издал только перевод Нового Завета (Тюбинген, 1582). Его последователь протестантский священник и богослов Юрий Далматин (ок. 1547–1589) перевел на словенский язык всю Библию, которая была напечатана в Виттенберге в 1584 г.⁴⁶. Скорее всего, в переписке графа Румянцева и Кеппена речь шла о Библии Ю. Далматина. Именно эта Библия в двух томах указана в каталоге А.Д. Черткова «Всеобщая библиотека России» (М., 1838) на странице 477 под № 21.

Кроме того, в свое сочинение «Hesyhii glossographi discipulus...», изданное в 1839 г. в Вене (через год после Чертковского каталога), Копитар поместил, помимо библиографического описания «Абагара», некоторые свои замечания относительно этого памятника, а также опубликовал целиком его послесловие с переводом на латинский язык⁴⁷. Но при датировке «Абагара» Копитар не принял во внимание опечатку, поэтому указал неправильный год его издания – 1601⁴⁸. Из данного труда явствует то, что Копитар держал в своих руках «Абагар». Открытым остается вопрос, когда, где и при каких обстоятельствах он работал с «Абагаром»? В 1823 г., когда Чертков посещал Императорскую библиотеку в Ве-

не, она все еще не имела каталога и располагалась в обширной зале, где книги «при ежедневном умножении оных» стояли «на полках в два и три ряда, одни за другими»⁴⁹. Известно, что один экземпляр «Абагара» в настоящее время хранится в Австрийской национальной библиотеке⁵⁰. Может быть, именно его Копитар в свое время обнаружил в фондах Императорской венской библиотеки? А может быть, этот экземпляр был передан Копитару Бобровским или Чертковым?

При работе над каталогами своей библиотеки Чертков не раз просматривал «Абагар». Об этом свидетельствует запись в уникальном экземпляре «Всеобщей библиотеки России» (инвентарный номер 5068), который хранится в отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки России (ОИК ГПИИБР). В него были вплетены белые листы, на которые Чертков вписывал названия новых поступлений, а также свои аннотации к книгам. В нем после выходных данных «Абагара» Чертков записал следующее: «Практически единственное сочинение на болгарском языке, напечатанное Пропагандою». И тут же карандашом пометил: «Поместить в редкие книги»⁵¹. Чертков ошибался в том, что памятник был составлен на болгарском языке. В настоящее время после длительных дискуссий специалистов был сделан вывод о том, что «Абагар», опубликованный в 1651 г., стал первой печатной книгой, в которой прослеживались только элементы новоболгарского языка⁵².

Достаточно важен вопрос о количестве экземпляров «Абагара» 1651 г., которые Чертков купил в Риме. В своем экземпляре «Каталога Пропаганды 1738 г.»⁵³ рядом с библиографическим описанием «Абагара»⁵⁴, которое в переводе на латинский язык не совсем точно передавало название этого издания на кириллице, Чертков написал карандашом: «Взято 10 листов»⁵⁵. Эту запись, о которой сообщил К. Кузьминский, можно понять в том смысле, что Чертков купил 2 экземпляра «Абагара», каждый из которых состоял из 5 листов. Но в Отделе рукописей Государственного исторического музея нами обнаружен экземпляр «Всеобщей библиотеки России» с вплетенными белыми листами для пометок (Д. 277), подобный тому, что находится в ОИК ГПИИБР, только в нем содержится совершенно иная информация. На вклейке к странице 610, где были напечатаны библиографические данные «Абагара», о которых говорилось выше, Чертков чернилами записал то название «Абагара» на латинском языке, которое было указано в «Каталоге Пропаганды 1738 г.». Затем следом он поставил: «Молитвы на Болгарском наречии, на 5 открытых листах, нашим церковным

шрифтом, с фигурами, собрал Филип Станислаов од Великіе Болгаріе. Бискуп. Рим. 1651. (по 5 бајое* или по 25 коп. наших». Чертков также указал, что у него имеется 9 экземпляров «Молитв на Болгарском наречии»⁵⁶. Следовательно, Чертков приобрел в Риме 10 экземпляров «Абагара». Один он отправил Кеппену в 1826 г.

После смерти А.Д. Черткова его сын Г.А. Чертков решил выполнить заветное желание отца – открыть бесплатную библиотеку в Москве. На должность библиотекаря был приглашен П.И. Бартевев, который, готовя Чертковскую библиотеку для публики, внимательно разбирал книжную коллекцию и составил каталог дуплетов. В нем мы отыскивали информацию о том, что «Молитвы на болгарском языке. Рим. 1651 г.» имеются в 8 экземплярах⁵⁷. Понятно, что Бартевев оставил один экземпляр «Абагара» для самой Чертковской библиотеки, 7 экземпляров попали в список дуплетов. А поскольку Бартевев установил самые широкие связи со многими государственными и частными библиотеками, с которыми он обменивался дуплетами, то выявить судьбу этих 7 экземпляров в настоящее время представляется невозможным из-за отсутствия необходимых материалов.

Однако можно предположить, что сам А.Д. Чертков мог подарить один экземпляр (девятый) профессору Ришельевского лицея в Одессе Н.Н. Мурзакевичу (1806–1883), страстному нумизмату, библиофилу и частому гостю в доме Черткова. Благодаря Мурзакевичу болгарская коллекция Черткова постоянно пополнялась изданиями на новоболгарском языке. В 1843 г., приняв лестное предложение новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова, Мурзакевич стал библиотекарем Одесской городской библиотеки с высоким окладом, квартирой и с сохранением места в лицее. Заботами Мурзакевича книжное собрание Одесской библиотеки, которое он принял в весьма плачевном состоянии, за первые 5 лет его заведования удвоилось. Из переписки с секретарем Общества истории и древностей российских мы узнаем о желании Мурзакевича составить при Одесской библиотеке «отделение чисто славянское», куда «войдут книги болгарские, сербские, чешские и всякие другие». «Да будет одесская книжница рассадницею славянства»⁵⁸, – таков был план Мурзакевича. Свои болгарские книги он передал в Одесскую библиотеку и просил московских коллег присылать ему дуплеты. 13 декабря 1843 г. Мурзаке-

* В восстановленной в 1815 г. Папской области денежной единицей до 1866 г. являлся скудо, равный 100 байокко; но многие русские в Риме называли байокко байё или байо.

вич писал Черткову: «Буду просить о вспомоществовании Шафарика и Ганку. По этому плану я бы желал хоть для образца иметь хоть один из Ваших дубликатов глаголитских. Впрочем, если угодно будет прислать «Меч духовный»⁵⁹, Moscouiter wunderbare Historien, Basel 1567⁶⁰, Добровского Lehrgebände⁶¹ и некоторые другие, буде Вам угодно, то я обязуюсь доставить взамен болгарские книги, которые повременно являются на свет. В Москве они редкость, а для меня приобретение их дело нетрудное»⁶². Это письмо одесского историка к тому же подтверждает обыкновение А.Д. Черткова приобретать редкие книги не в одном, а в нескольких экземплярах, если представлялась такая возможность. В начале XX в. известный славист М.Г. Попруженко, преподаватель историко-филологического факультета Новороссийского университета, нашел в фондах Одесской библиотеки неполный экземпляр (4 листа) «Абагара» и исследовал его. На наш взгляд, этот экземпляр «Абагара» попал в Одессу из Москвы.

К сожалению, «Абагар» из библиотеки А.Д. Черткова (в 1863 г. она была открыта как бесплатная публичная библиотека, в 1872 г. – передана в дар г. Москве и временно размещалась в Румянцевском музее, затем, в 1887 г., была переведена в библиотеку Исторического музея) бесследно исчез, о чем сообщил в 1906 г. К.С. Кузьминский. Когда это произошло, неизвестно. В одной записочке А.Д. Черткова сообщалось: «Из моей библиотеки раскрадено книг с 1836 г. (с напечатанного каталога)»... 63⁶³. Но «Абагар» тогда еще хранился в 9 экземплярах.

В начале XX в. научной общественности были известны лишь три экземпляра «Абагара»: в Москве (Румянцевская библиотека, экземпляр П.И. Кеппена), Лейпциге и Одессе⁶⁴. Любопытно, что экземпляр, с которым работал Копитар, не принимался в расчет, вероятно, из-за того, что не было указано место его хранения. На сегодняшний день в библиотеках Западной Европы, Болгарии и России обнаружены уже 16 экземпляров⁶⁵.

Таким образом, введение в научный оборот такого замечательного памятника как «Абагар» 1651 г. непосредственно связано с именем А.Д. Черткова, с его неутомимыми поисками редких книг и манускриптов. «Абагар» к тому же положил начало болгарской коллекции книг и рукописей А.Д. Черткова.

История появления «Абагара» в России является, на наш взгляд, зримым свидетельством развития научного интереса к зарубежным славянам, она дополняет важную страницу становления русского славяноведения первой четверти XIX в., времени установления плодотворных личных контактов российских ученых с

зарубежными славистами. Эти контакты сопровождались интенсивным обменом информацией, книгами и научными знаниями, расширением горизонтов научного поиска.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Чертков А.Д.* Всеобщая библиотека России или каталог книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях и подробностях. Первое приращение. М., 1838. С. IV.

² См.: *Фролова М.М.* Болгарские книги в собрании А.Д. Черткова: к 150-летию Чертковской библиотеки // *Славяноведение*. 2013. № 6. С. 62–70.

³ *Чертков А.Д.* Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. в 1823–1825 годах. М., 2012. С. 75.

⁴ *Кочубинский А.А.* Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887. С. 198; *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 75.

⁵ *Францев В.А.* Введение в славяноведение. Лекции, читанные проф. В.А. Францевым студентам 1-го курса Историко-филологического факультета императорского Варшавского университета в 1914–1915 гг. Варшава, 1915. С. 64.

⁶ *Венедиктов Г.К.* Първа страница в историята на изучаването на българския език от руски ученици // *Българското възраждане и Русия*. София, 1981. С. 214.

⁷ Там же. С. 236.

⁸ *Кеппен П.И.* Записка о путешествии по словенским землям и архивам // *Материалы для истории просвещения в России, собираемые П. Кеппеном*. СПб, 1825. № 33. Стб. 489.

⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 445. Д. 302. Л. 142; *Чертков А.Д.* Воспоминания о Сицилии. М., 1836. С. 34.

¹⁰ *Кузьминский К.* О сборнике молитв, известном под названием «Абагар» (Библиографическая заметка и текст). М., 1906. С. 4.

¹¹ *Райков Б.* Абагар на Филип Станиславов. Рим, 1651. Фототипно издание. София, 1979. С. 25.

¹² *Попруженко М.Г.* Абагар (Из истории Возрождения болгарского народа). СПб, 1906. С. 255; *Пенев Б.* История на новата българска литература. Т. 1. София, 1976. С. 225.

¹³ Исправник за ереј исповедници, и за покорних. Пренесен нигда с латинскога языка из Словенский по попу Шимуну Будинеу. А сада писмении глаголским исписан и напечатан О. Рафаелом Леваковичем. Печ. там же 1635 г. (экземпляр в Ватиканской библиотеке, другой у г. Бобровского). См.: *Кеппен П.И.* О первопечатных словенских книгах (заключение). Стб. 377.

¹⁴ Здесь П.И. Кеппен ссылается на свою статью «Записка о путешествии по словенским землям и архивам», в которой упоминалось это издание (Стб. 489).

- ¹⁵ *Кеппен П.И.* Уведомления // Материалы для истории просвещения... 1825. № 39. С. 585.
- ¹⁶ *Кузьминский К.* О сборнике молитв... С. 6.
- ¹⁷ *Чертков А.Д.* Всеобщая библиотека России. С. 610.
- ¹⁸ *Сахаров И.П.* Обзорение славяно-русской библиографии. СПб, 1849. № 536; *Ундольский В.М.* Очерк славяно-русской библиографии М., 1871. С. 75. № 656; *Каратаев И.* Описание славяно-русских книг. Т. 1. СПб, 1883. С. 547. № 681.
- ¹⁹ *Кузьминский К.* О сборнике молитв... С. 5.
- ²⁰ *Райков Б.* Абагар... С. 7.
- ²¹ *Лабынцев Ю.А.* Михаил Бобровский – первый исследователь болгарского «Абагара» 1651 г. // Русско-болгарские связи в области книжного дела. М., 1981. С. 80.
- ²² *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб, 1902. С. 50, 80.
- ²³ *Погодин А.* Виленский учебный округ. 1803–1831 // Сборник материалов для истории просвещения в России. Т. 4. Вып. 1. СПб, 1902. С. VIII.
- ²⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. Т. XXVII (1802–1803). СПб, 1830. С. 611. (Устав или общие постановления Императорского Виленского университета и училищ его округа).
- ²⁵ *Жарова Е.Ю.* Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 274. / <http://cyberleninka.ru/article/n/universitetskie-ustavy-1803-1804-gg>.
- ²⁶ Цит. по: *Францев В.А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага, 1906. С. 256.
- ²⁷ *Францев В.А.* Польское славяноведение... С. 257.
- ²⁸ Там же. С. 258.
- ²⁹ *Кеппен П.И.* Записка о путешествии по словенским землям и архивам. Стб. 475.
- ³⁰ *Лабынцев Ю.А.* Михаил Бобровский... С. 81.
- ³¹ Там же.
- ³² *Францев В.А.* Польское славяноведение... С. 324–325.
- ³³ *Лабынцев Ю.А.* Михаил Бобровский... С. 80.
- ³⁴ *Чертков А.Д.* Журнал моего путешествия... С. 52, 77.
- ³⁵ *Лабынцев Ю.А.* Михаил Бобровский... С. 81.
- ³⁶ Переписка ученого слависта М.К. Бобровского с П.И. Кеппеном // Славянские известия. 1889. № 12. С. 304.
- ³⁷ *Лобойко И.Н.* Мои воспоминания. Мои записки. М., 2013. С. 127.
- ³⁸ *Францев В.А.* Из переписки графа Н.П. Румянцева. Граф Н.П. Румянцев и П.И. Кеппен. Варшава, 1914. С. 34.
- ³⁹ Переписка ученого слависта М.К. Бобровского с П.И. Кеппеном. С. 303.
- ⁴⁰ *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 153–154.
- ⁴¹ Переписка ученого слависта М.К. Бобровского с П.И. Кеппеном // Славянские известия. 1889. № 14. 2 апреля 1889 г. С. 353.

- ⁴² *Кеппен П.И.* О первопечатных словенских книгах (заключение) // Материалы для истории просвещения в России... Стб. 376–379.
- ⁴³ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 30. (Кеппен П.И.). Оп. 1. Д. 137.
- ⁴⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 271. Л. 64.
- ⁴⁵ *Францев В.А.* Из переписки графа Н.П. Румянцева. С. 102–103 (20 апреля 1825 г. СПб.), 105 (5 мая 1825 г. Гомель).
- ⁴⁶ *Чуркина И.В.* Словенские протестанты и формирование словенской идентичности // Reformacija na Slovenskem. (Ob 500-letnici Trubarjeva rojstva). Obdobja 27. Ljubljana. 2010. С. 35–44; http://www.centerslo.net/files/file/-simpozij/simp27/02_Curkina.pdf.
- ⁴⁷ Hesychii glossographi discipulus et [epiglofssistaz] russus in ipsa Constanti-nopoli sec. XII–XIII: e codice Vindobonensi graecorussica omnia, additis aliis pure graecis, et trium aliorum Cyrilliani lexicis codicum speciminibus, aliisque miscellaneis philologici maxime et slavistici argumenti / nunc primum edidit et Scientiarum Academiis Berolinensi et Petropolitanae si quidem mereantur promovenda sistit Bartholomaeus Kopitar; cum tabula aenea graecorussa. № 11. Р. 45–46.
- ⁴⁸ *Райков Б.* Абагар... С. 7–8.
- ⁴⁹ *Чертков А.Д.* Журнал моего путешествия... С. 63.
- ⁵⁰ *Райков Б.* Абагар... С. 24.
- ⁵¹ *Чертков А.Д.* Всеобщая библиотека России. С. 610.
- ⁵² *Райков Б.* Абагар... С. 8–9, 28–29.
- ⁵³ Catalogus librorum qui ex officinali libraria sacri consilii christiano nomini propaganda formis omnigenis impressi prodiderunt ibique adhuc asservantur linguarum variorum ordine digestus. Romae, MDCCXXXVIII.
- ⁵⁴ Bulgari. Stanislaron Philippus Episcopus Nicopolitanus. Preces quadem, sine anno, et in folio, ut ajunt, aperto.
- ⁵⁵ *Кузьминский К.* О сборнике молитв... С. 6.
- ⁵⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 277. Л. 618 об., 619.
- ⁵⁷ Там же. Д. 272. Л. 152 об.
- ⁵⁸ Материалы для истории императорского Общества истории и древностей российских. Переписка гг. действительных членов Общества. Письма Н.Н. Муракевича к О.М. Бодянскому (1838–1866 гг.) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 1. 1887. С. 195.
- ⁵⁹ *Баранович Лазарь.* Меч духовный... или книга проповедей слова божьего... Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1666.
- ⁶⁰ *Herberstein S.* Moscouiter wunderbare Historien. Basel, 1567 (*Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии).
- ⁶¹ *Dobrovsky Joseph.* Ausführliche Lehrgebaude der Bohmischen Sprache, zur grundlichen Erlerhung derselben für Deutsche, zur vollkommern Kenntniss für Bohmen. Prag., 1809.
- ⁶² ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 256 и об.
- ⁶³ Там же. Д. 271. Л. 647.
- ⁶⁴ *Пенев Б.* История на новата българска литература. С. 625.

⁶⁵ Райков Б. Абагар... С. 24–25; Лабынцев Ю.А. Михаил Бобровский... С. 83.

Ю.А. ЛАБЫНЦЕВ, Л.Л. ЩАВИНСКАЯ
(Институт славяноведения РАН, Москва)

**ГРОДНЕНСКИЕ СБОРНИКИ НАРОДНОЙ ПАРАЛИТУРГИКИ –
РЕЛИГИОЗНЫЕ МАРКЕРЫ МАССОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ***

Abstract:

Labyntsev Y.A., Shavinskaya L.L. *Grodno collections of folk paraliturgy as religious markers of mass apprehensions of the Orthodox population in the last decade of the Russian Empire existence*

The article describes the history of the publication of such collections of paraliturgicals as Grodno “Molitvoslov” of 1906 and 1917 and “Grodno Collection of pious hymns” of 1910-1911. These publications were well known among the Orthodox of the 20th century. Their compiler was Archpriest John Korchinskiy, who did much to popularize one of the remarkable spiritual writers of the past – Chrysanth Sakovich.

Ключевые слова: православие, паралитургика, Гродно, Иоанн Корчинский, Хрисанф Сакович.

Образование православной Гродненской епархии на исходе XIX столетия совпало с серьезными изменениями в духовной жизни местного населения, ставшими особенно очевидными в 1905 г. Не только различного рода революционно-демократические идеи и действия, но и религиозные коллизии, приведшие к появлению царского указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г., неоспоримо свидетельствовали о разрушении традиционных начал. Сельский священник, живший на юге Гродненского уезда, еще ранее уловил этот начавшийся процесс и написал о нем в церковной летописи, отмечая, что, если старшее поколение его прихожан ведет «жизнь истинно христианскую», то «молодой народ пошел ходить в воле сердец своих», при этом вокруг укореняется «практичный атеизм, подхваченный фабричным людом... нет Бога и ничего не надобно»¹.

Еще более глубокую и всеобъемлющую оценку происходящего дал замечательный богослов и церковный публицист епис-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-04-00238 «Всему православному миру: поэтическое наследие Хрисанфа Саковича (исследование и публикации)»).

коп Гродненский и Брестский Никанор (Каменский): «В настоящее время идет проверка всякого рода принципов, которыми живет человечество»². А в ответ на принятие указа о веротерпимости он с огромным внутренним страданием восклицал: «Объявлена широкая до беспредельности веротерпимость, т.е. обязанность терпеливо относиться ко всяким отступникам от веры, как имеющим право перехода даже в другое верование. Таким образом, тот, кто должен терпеть, должен терпеть беспредельно, ибо если предоставлено всякому право перехода в другое вероисповедание, то как же не потерпеть то или другое малое отступление, особенно в обрядах, ибо всякому понятно, что лучше допустить и перенести малое отступление, нежели полное оставление исповедуемой нами веры, совершенный уход от нас в иную веру! Поистине, должна быть великая веротерпимость, т.е. снисхождение ко всяким малым отступлениям, чтобы спасти от полного отступления. Но сносно ли это, стерпимо ли это для людей горячей, искренней веры? Конечно, тяжело! Но как же быть иначе, если всякая даже малейшая попытка стеснять свободу веры может повести к полному отступлению от веры нашей в другую? Другого исхода нет, как терпеть, терпеть много, долго, бесконечно»³.

Вместе с тем, сложнейший период этот оказался и временем весьма конкретных действий православного сообщества, направленных на усиление своей внутренней и внешней духовной миссии. Еще до апрельского указа по инициативе епископа Никанора во всех уголках Гродненской епархии проходят собрания священнослужителей, вырабатывающие единую программу действий. В ней отмечалось, что «водворение... правды при помощи насилия не только не улучшит жизни, но сеет вражду, возбуждает и порождает зверства и ведет к анархии, а следовательно и окончательной гибели той правды, из-за водворения которой начаты волнения»⁴. Предлагалось наряду с множеством других мер «в противовес подпольным брошюрам и прокламациям распространять среди паствы непосредственно и чрез братства и попечительства краткие поучения и брошюры, излагающие православный взгляд на возможное улучшение человеческой жизни лишь при одном условии – исповедании Христова учения»⁵.

Назначенный в самом начале 1905 г. ключарем кафедрального собора и председателем Гродненского епархиального училищного совета протоиерей Иоанн Корчинский продолжил разработку и осуществление своей программы подготовки и выпуска новых народных изданий, которая в столь нестабильных внешних и внутривнутриполитических условиях оказалась весьма успешной. Так,

в кратчайшие сроки ему удалось составить и издать оригинальный народный «Молитвослов», напечатанный в Гродно в начале 1906 г. и стоивший всего лишь 12 копеек. «Молитвослов» этот, по мнению епархиального очевидца, – «одно из самых полезных для народа изданий Гродненского Епархиального Училищного Совета». Он удовлетворяет «наущную духовную нужду простого грамотного люда» и напечатан именно «для простого народа», среди которого «распространяется успешно; крестьяне, особенно бывшие школьники, приобретают его с большой охотой»⁶. Усилившиеся в конце 1906 – начале 1907 гг. внутрисоциальные «нестроения», когда в Гродно даже вынуждены были временно прекратить свою работу все типографии, в том числе и губернская⁷, не помешали Иоанну Корчинскому подготовить и напечатать новое дополненное, увеличенное по объему почти в три раза, издание своего народного «Молитвослова». В качестве особого приложения в этом, увидевшем свет летом 1907 г., «Молитвослове» была помещена специальная памятка «Самое необходимое наставление о вере христианской», успешно выпускавшаяся и в качестве самостоятельной брошюры, стоившей всего две с половиной копейки⁸. Явный успех всех этих и других народных изданий под грифом Гродненского епархиального училищного совета, инициированных первоначально в основном Иоанном Корчинским, побудил и других священников предлагать, например, выпуск иного «особого сборника песнопений и молитвословий на разные случаи жизни крестьянина», что-то в роде своеобразного народного требника. На съезде священства Гродненской епархии 24–27 ноября 1908 г. по этому поводу был сделан обстоятельный доклад, состоялось широкое обсуждение идеи такого издания, было выработано специальное постановление, утвержденное архиереем епископом Михаилом (Ермаковым): «Признавая не только пользу, но и необходимость издания подобного сборника, просить издательскую комиссию при Училищном Совете принять на себя труд, издать такой сборник для народа. Когда сборник этот будет издан, то священники обязаны научить прихожан пользоваться этим сборником, а псаломщики научить народ петь песнопения, заключающиеся в сборнике. В виду существующих в некоторых приходах (напр. Мотоле) прекрасных напевов, псалмов и не записанных песнопений, просить регента Архиерейского хора, как инспектора хоров Гродненской губернии, немедленно приступить к собранию их и переложению на ноты, дабы со смертью хранящих их старцев они не исчезли, а приходское духовенство содействовать ре-

генту Архиерейского хора указанием мест, где такого рода напевы хранятся»⁹.

В ходе своей издательской деятельности Гродненский епархиальный училищный совет за несколько лет приобрел значительный опыт, позволивший, в частности, его руководителю с большой точностью определить и отчасти решить проблемы тех или иных читательских предпочтений огромных масс крестьянства, с учетом, естественно, главной задачи – их религиозного просвещения. Не все из выпущенных Советом изданий быстро распространялись, особенно наглядно это стало очевидным начиная с 1905 г., когда в печати сразу же появилось около 20 различных брошюр, значительная часть которых была написана епископом Никанором (Каменским). Его прекрасная церковная публицистика, более всего рассчитанная на образованного читателя, не столь остро воспринималась простым народом. Весьма известный к тому времени спор «Что читать народу?» в сфере религиозной оказался специфически куда более усложненным, нежели на пространстве светской жизни. Иоанн Корчинский, например, никак не мог полемизировать с иерархами о способах, методах, стиле и содержании православных народных изданий. Имея тот или иной взгляд на предмет, он действовал, так сказать, с оглядкой на данное обстоятельство, то есть предлагал практическое решение проблемы, стараясь публично не обозначать суть ее остроты. Так появились два издания гродненских народных «Молитвословов» 1906 и 1907 гг., сразу же полюболюбившиеся простому читателю.

Иное дело довольно многочисленные брошюры-проповеди епископа Никанора, носящие дискуссионный оттенок. В начале одной из них под названием «Богатство и бедность», напечатанной в 1905 г. Гродненским епархиальным училищным советом, говорится: «Рабочий вопрос, так широко и глубоко волнующий ныне русское общество, несомненно слагается из множества элементов, почему и к разрешению его придумываются разные способы, преимущественно практического характера, насколько практическое дело и деятели входят в этот животрепещущий вопрос. Но по существу сюда входят и такие элементы, которые присущи человеческой жизни искони веков, а именно вопросы моральные и религиозно-нравственные, отсутствие которых поражает многих полную смущенностью. Можно даже думать, что эти беспринципные люди служат преимущественными элементами опасного брожения умов. Желая дать изображение этих нравственных устоев, необходимых в твердой постановке рабочего вопроса, мы даем необходимые для сего очерка учения о богатстве и бедности и как

бы дальнейшее раскрытие того же учения: о несостоятельности учения о равенстве и коммунизме». Естественно, едва ли кто и сейчас будет утверждать, что подобные слова могли быть понятны тогдашнему простому люду, за исключением, например, такой, казалось бы, ясной всем дефиниции как богатство: «Самое истинное богатство есть то, которое является естественным последствием постоянного и правильного труда, который необходимо ведет к накоплению всяких предметов собственности, тогда как бездельность ведет ко всякого рода бедности и нищете, так что глупому и ленивому часто не помогает и наследственное богатство, почему богатство и бедность очень переходчивы. Нередко бывает, что рожденный в бедности умирает в богатстве, а рожденный в богатстве погребается как нищий» (с. 3–4).

И уж совсем никак не был рассчитан на простонародное восприятие текст брошюры епископа Никанора «Народность и космополитизм», ранее опубликованный в «Гродненских епархиальных ведомостях»¹⁰ и затем летом того же 1905 г. выпущенный в Гродно в виде массового отдельного издания, стоившего пять копеек. В нем гродненский архиерей приводил, например, такое свое суждение: «Религия народа, будучи воспринятою духом народа, отражает в себе все его высшие особенности духа и хранительницею его как лучших свойств и достоинств, закрепляет их в народность, придавая и всей народности особенную доблесть и освящение. Все типическое в быте народа тесно связывается с религиозными представлениями, все получает устойчивость, долговечность и, передаваясь из поколения в поколение, как священный завет старины, образует народный характер, отражающийся в его сказаниях, думах, стремлениях, поэзии и литературе. Вот почему ничем так не дорожит народ, как теми особенностями своей жизни, которые запечатлены его верованиями, с которыми неразрывны и все светлые надежды как отдельных лиц, так и всего народа. Подобно тому, как нравственная личность каждого отдельного человека постепенно органически вырастает из его внутреннего существа, заключающего в себе зачатки индивидуального образования, так точно и народности создаются не внезапно, но последовательно возникают из тех первоначальных взаимных отношений между людьми этого народа, непосредственно определяясь природою, порядками, в силу которых всякий отдельный человек становится сыном народа, не по внезапному своему решению, а по непреодолимому определению жизни, направляющей всех и каждого к общенародным чувствам, постепенно сознаваемым и уясняемым в качестве народного самосознания, возбуждающего или дух

народной гордости, или безропотного христианского спасительно-го терпения и надежд, которыми и живут лучшие мировые народности»¹¹. Не менее сложно для простонародного восприятия оказалось, хотя уже не только по воле автора, и специальное, написанное епископом Никанором по случаю принятия 17 апреля 1905 г. указа о веротерпимости «Слово к народу о веротерпимости», напечатанное первоначально в «Гродненских губернских ведомостях»¹², а затем тогда же в виде отдельного, практически бесплатного, издания Гродненского епархиального училищного совета под № 17.

Народные издания, подготовленные Иоанном Корчинским, ждала куда более благодарная читательская судьба. Особенно это относится к различного рода паралитургическим сборникам или тем, которые содержат паралитургику лишь частично – «Молитвословам» 1906 и 1907 гг. После большого успеха последних о. Иоанн составляет новую книгу – паралитургический сборник, названный им «Гродненским сборником набожных песнопений». В нем уже совсем нет нот, оформление необычайно простое – всего лишь две черно-белые иллюстрации, в отличие от его изданий гродненских «Молитвословов», содержащих нескольких цветных литографий, выполненных в знаменитой одесской типографии Е.И. Фесенко. Первое издание этой изящной, несмотря на простоту, 50-страничной книги увидело свет в Гродно весной 1910 г.¹³, затем практически в течение нескольких последующих месяцев она переиздавалась стереотипно. Последнее, четвертое, ее издание вышло в 1911 г.¹⁴. На обороте титульного листа этих сборников указано: «Печатать разрешено по резолюции Преосвященнейшего Михаила, Епископа Гродненского и Брестского от 29 марта 1910 г. за № 1062».

В редакционном отклике «Гродненских епархиальных ведомостей» на выпуск этого сборника говорилось: «Книжка отличается вполне приличною внешностью и украшена двумя священными изображениями (Коложская икона Божией Матери и Распятие). Цена сборника – только 5 копеек – небывало низкая... Едва ли издательская комиссия покроет выручкою расход по изданию сборника. Нет сомнения, комиссией руководило определенное намерение – удешевить это издание в пользу и утешение местного грамотного люда»¹⁵. И удивительно малая цена книги, а главное, умело подобранный состав паралитургических произведений, обеспечили ей сразу же необычайную популярность в белорусской крестьянской среде, с последующим столь же успешным распространением, в том числе среди других православных народов,

прежде всего русского и украинского. Необходимо отметить, что экземпляров четырех изданий этой книги сохранилось до наших дней гораздо больше, нежели экземпляров всех других паралитургических сборников, составленных Иоанном Корчинским. Об этом свидетельствуют как наши многолетние экспедиционные наблюдения среди населения на территории Беларуси, Польши, Литвы, Украины и России, так и непосредственная работа в различного рода библиотеках и архивах, государственных, церковных и частных. На пространство современной России, например, экземпляры этой книги попали в период Первой мировой войны в основном с гродненскими беженцами, многие из которых навсегда остались здесь жить. В нынешней Беларуси сохранилось, по нашим наблюдениям, всего лишь несколько сильно дефектных экземпляров этой книги разных изданий, находящихся в частных руках. Всего в ее составе 39 произведений, из которых абсолютное большинство чрезвычайно популярно среди православных до сих пор. При массовой переписке их православными верующими на протяжении целого столетия в качестве одного из основных источников используется «Гродненский сборник набожных песнопений» 1910–1911 гг. Таковы напечатанные в нем: «Молитва Святому Духу», «Воскресная песнь первая», «Воскресная песнь вторая», «Молитва Деве Богородице», «Молитвенная песнь Спасителю», «Молитвенная песнь Кресту и страданиям Христовым», «Песни о святом Кресте», «Песнь на святое Рождество Христово первая», «Песнь на святое Рождество Христово вторая», «Песнь на святое Рождество Христово третья», «Песнь на Крещение Господне», «Песнь на святое Благовещение», «Песнь покаянная», «Песнь-молитва о спасении», «Песнь умиленная», «Песнь на погребение Христа Спасителя», «Песнь на Светлое Воскресение Христово первая», «Песнь на Светлое Воскресение Христово вторая», «Песнь на праздник Святой Троицы первая», «Песнь на праздник Святой Троицы вторая», «Молитвенная песнь Заступнице мира Марии Деве», «Молитва-песнь в день Покрова Божией Матери первая», «Молитва-песнь в день Покрова Божией Матери вторая», «Молитвенная песнь Пресвятой Богородице, Защитнице Русской земли», «Молитвенная песнь ко Пресвятой Деве Марии», «Песнь ко Пресвятой Богородице», «Песнь Святителю Христову Николаю», «Песнь о святом Афанасии Брестском», «Молитва матери-христианки о своем дитяти», «Песнь матери-христианки над колыбелью дитяти», «Песнь зауспокойная первая», «Песнь зауспокойная вторая (аллилуйя)», «К Тебе, Царь неба и земли», «Коль славен наш Господь», «Пред образом Спасителя», «К чему скорбеть».

Иоанн Корчинский отбирал все самое лучшее, что к тому времени особенно почиталось в простонародной православной среде, и потому его сборник оказался столь популярным и был сразу же востребован. Среди включенных в состав «Гродненского сборника набожных песнопений» оказалось очень много сочинений священника Хрисанфа Саковича, в монашестве Христофора, чему способствовали, конечно же, не только известность этого религиозного стихотворца у православных всех сословий, но и особое отношение к его творчеству самого о. Иоанна, тонко чувствовавшего особый поэтический и духовный талант создателя народных паралитургических гимнов. Впрочем, Корчинский позволял себе править его тексты, тем более, что представлены они были им в «Сборнике» 1910–1911 гг. без какого-либо упоминания об их авторе. Например, о. Иоанн значительно переделал некоторые строки знаменитой «Песни над колыбелью христианского дитяти» Хрисанфа Саковича. Так, концовка в авторском оригинале следующая:

«Но тогда, мой ангел милый!
Ты – печальный и унылый
Правду всю уразумеешь,
И душевно пожалеешь
О младенчестве бесценном,
Безмятежном и блаженном,
И беды все, друг мой милый!
Кончатся едва с могилой»¹⁶.

А в целиком далее воспроизводимом тексте этой «Песни» в обработке Корчинского, озаглавленной им уже как «Песнь матери-христианки над колыбелью дитяти», она такова:

«Спи, дитя мое родное,
Милое и дорогое!
Спи, закрыв, малютка, глазки,
Я тебе с любовью сказки
Буду говорить святые,
Ангельские, не простые.
Слушай же, дитя родное,
Милое и дорогое!
Ты на Божий свет родилось
И в купели окрестилось;
Дух Святой к тебе явился
И в душе твоей вселился;
А благий Христос Спаситель
Повелел, чтоб твой Хранитель –
Ангел жил с твоей душой
И смотрел бы за тобою, –
От несчастий сохраняя,

Точно мать твоя родная.
Спи, дитя мое родное!
Ты теперь еще святое:
Ты недавно окрестилось
И грехом не осквернилось;
Ты пороку не причастно,
Но невинно и прекрасно.
Спи, дитя мое родное,
Милое и дорогое!
Ты теперь беды не знаешь,
Беззаботно почиваешь.
В колыбели как проснешься
Радостно ко всем смеешься,
Взором всех нас освещаешь,
И улыбкой утешаешь.
Любят все тебя, ласкают,
Обнимают и лобзают,
Но потом, дитя родное,
Милое и дорогое!
Как пройдут молодые лета,
Ты познаешь прелесть света,
Вступишь в жизненное море,
Испытаешь скорь и горе.
Мир тогда коварный, лживый
И жестокий, жадный, льстивый
Соблазнит тебя грехами,
Омрачит тебя страстями!
О, тогда, мой ангел милый!
Ты печальный и унылый,
Вспомни мать твою родную,
Вспомни песнь мою простую.
И утешься ты в горе,
К небу обратишь ты взоры.
Спи, дитя мое родное,
Божья милость будь с тобою!»¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Электронный экспедиционный архив проекта. Церковные летописи XIX – начала XX вв.

² *Е.Н.* Народность и космополитизм // Гродненские епархиальные ведомости (далее – ГрЕВ). 1905. № 13. С. 385.

³ *Никанор, епископ.* Веротерпимость и вытекающие из нее пастырские отнoшения // ГрЕВ. 1905. № 20-21. С. 573.

⁴ ГрЕВ. 1905. № 16-17. С. 471.

⁵ Там же. С. 472.

⁶ В.В.Ч. «Молитвослов», издание Гродненского Епархиального Училищного Совета // ГрЕВ. 1906. № 15. С. 43.

⁷ От редакции // ГрЕВ. 1906. № 45–52. С. 1201.

⁸ Новое издание «Молитвослова» // ГрЕВ. 1907. № 34. С. 318.

⁹ Журнал № 40, состоявшийся 26 ноября 1908 года // ГрЕВ. 1909. № 9. С. 70–72.

¹⁰ Е.Н. Народность и космополитизм ... С. 385–386.

¹¹ Там же. С. 389–390.

¹² Е.Н. Слово к народу о веротерпимости // ГрЕВ. 1905. № 22–23. С. 598–602.

¹³ Гродненский сборник набожных песнопений. Издание Гродненского Епархиального Училищного Совета. № 33. Гродна: Губернская типография, 1910. 49, 2 с.

¹⁴ Гродненский сборник набожных песнопений. Издание Гродненского Епархиального Училищного Совета. № 33. Четвертое издание. Гродна: Губернская типография, 1911. 49, 2 с.

¹⁵ Новое издание Гродненского Епарх. Училищного Совета // ГрЕВ. 1910. № 20–21. С. 312.

¹⁶ Электронный архив проекта. Прижизненные издания сочинений Хрисанфа Саковича.

¹⁷ Электронный архив проекта. Рецепция сочинений Хрисанфа Саковича. Гродненские печатные издания.

А.К. КОНЁНКОВА

(Институт славянской культуры
МГУДТ, Москва)

ЭЛЕМЕНТЫ НАРОДНОЙ РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ В ДЕРЕВЯННОЙ СКУЛЬПТУРЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ. С.Т. КОНЕНКОВ, Д.А. ЯКЕРСОН

Abstract:

Konenkova A.K. *Elements of folk carving wooden sculpture of Belarus and Russia of the first half of the 20th century. S.T. Konenkov, D.A. Yakerson*

The article is devoted to the artistic potential of wood as a material of sculpture on the example of the works of a Russian sculptor S.T. Konenkov and a Belarusian sculptor D.A. Yakersona. The works of both sculptors represent folk tradition of woodcarving.

Ключевые слова: специфика дерева, скульптура Беларуси и России I половины XX в., народные традиции в резьбе по дереву, С.Т. Конёнков, Д.А. Якерсон.

Первое десятилетие XX века в художественной жизни России было отмечено ярким явлением – на выставках стали появляться произведения, выполненные из дерева, материала, к этому времени давно ушедшего из мастерских профессиональных скульпторов. Это были работы С.Т. Конёнкова, А.С. Голубкиной, А.Т. Матвеева, Д.С. Стеллецкого, С.Д. Эрзи. Как отмечала М.Н. Яблонская в статье, посвященной творчеству скульптора С.Д. Эрзи, работа с деревом сопровождалась исследованием художественных возможностей этого материала, что было «выражением борьбы за возвращение скульптуре образной специфики, утраченной ею в XIX веке»¹.

Существенное влияние на развитие деревянной декоративной скульптуры оказала Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1923 г. в Москве. Скульптурным ее оформлением руководил С.Т. Конёнков, работы выполняли скульпторы Н.А. Андреев, И.Д. Шадр, И.С. Ефимов, М.М. Страховская². В 1926 г. было создано Общество русских скульпторов и состоялась его первая выставка. Наряду с Конёнковым и Голубкиной в ней приняли участие молодые скульпторы, уже выставившиеся на выставках в Москве. На выставке показали свои работы и такие скульпторы, работавшие в дереве, как Д.Ф. Цаплин, И.Г. Фрих-Хар, которые еще не были достаточно известными.

В начале 1930-х годов в Москве группа скульпторов организовала объединение «Бригада скульпторов, работающих в дереве». Сюда входили Б.Ю. Сандомирская, Н.И. Абакумцев, В.А. Ваггин, И.С. Ефимов, Ю.А. Кун, Е.Д. Никифорова, С.М. Чураков, Д.А. Якерсон, Ян Коорт³. Создавая новый стиль, они опирались на художественные возможности дерева, применяя его к оформлению архитектуры⁴. В своей декларации молодые скульпторы писали, что дерево является одним из основных материалов скульптуры, позволяющим произведению приобрести свою художественную полноценность. Определяя специфические свойства дерева, они писали, что дерево архитектурно благодаря своим природным конструктивным свойствам, что, несмотря на использование его в скульптуре с давних пор, его возможности, вытекающие из специфики его природы, еще далеко не использованы, что дерево является нашим исконным материалом⁵.

Согласно исследованию И.М. Елатомцевой, в Беларуси в жанре станковой скульптуры дореволюционного периода работала довольно большая группа скульпторов: Я. Богушевский, Я. Тышинский, О. Краснопольский, К. Змигородский, В. Бубновский, Н. Михолап. Но только в творчестве художника, поэта и скульптора Каруся Каганца Елатомцева отметила обращение к национальным традициям, а с работой в дереве в это время был связан только скульптор Я. Дроздович⁶.

В 1920-е годы в Беларуси, в Витебске, начала формироваться национальная профессиональная школа скульпторов. В 1920 г. на базе Витебской народной школы были созданы Высшие художественно-технические мастерские, преобразованные в 1921 г. в Художественно-практический институт, а в 1923 г. – в Витебский художественный техникум, директором которого был назначен скульптор, выпускник Петербургской Академии художеств М.А. Керзин. Техникум стал первым на территории Беларуси художественным учебным заведением, где скульптура преподавалась в качестве академической дисциплины⁷. В рамках этой школы формировалось творчество скульптора А.К. Глебова. В эти же годы становятся известны работы в дереве белорусских скульпторов А.В. Грубе и Д.А. Якерсона.

Интерес скульпторов первой половины XX в. к дереву во многом объясняется спецификой этого материала, создающего трудности в работе скульптора, но одновременно дающего новые возможности художественной выразительности.

Среди всех материалов, применяемых в скульптуре, дерево – единственный материал, имеющий определенную природную фор-

му и объем – цилиндр ствола. Дерево имеет также специфическую фактуру – свой рисунок, который составляют годичные кольца, а также волокна древесины, которые при движении резца в разных направлениях создают разный декоративный рисунок. Резец, вынимающий древесные слои, оставляет след на поверхности дерева, создающий эффект импрессионистической лепки формы – как следы пальцев скульптора. Древесина разных пород дерева имеет свой цвет, который может быть разным даже в пределах одного ствола, структуру, создает особенный характер поверхности деревянной скульптуры⁸.

Технические особенности дерева, как материала для создания скульптуры, формируют особенный выразительный художественный язык. Композиция в скульптуре из дерева имеет замкнутый характер: передача движения ограничена, детали фигуры плотно прижаты друг к другу. Дерево предполагает стилизацию форм, изменение пропорций в соответствии с диаметром и общим объемом ствола. Это связано также и с тем, что движение резца скульптора ограничено из-за структуры и плотности древесины.

Однако дерево имеет свои преимущества, очень важные для станковой скульптуры. Это, прежде всего, теплота живого материала, подчеркивающая интимность произведения. Дерево допускает самую разнообразную обработку поверхности, вплоть до зеркальной шлифовки. Оно легко принимает окраску, не теряя собственной фактуры. Древесина по своей природе декоративна. Произведения из дерева легко вписываются в жилой интерьер, сам по себе уже включающий много деталей и предметов из дерева. И, что особенно важно, дерево глубоко укоренено как основной материал в народной культуре белорусов и русских.

Народы России и Беларуси с давних пор граничили и взаимодействовали друг с другом на большом территориальном пространстве, окруженном дремучими лесами. Дерево сопровождало человека в течение всей его жизни: в быту, в окружающей архитектурной жилой и хозяйственной застройке, церковной архитектуре, материальной культуре и оформлении внутреннего пространства церкви и жилых домов. Истоки работы с деревом зарождаются еще в дохристианский, языческий период обеих стран. Как самый демократический и обладающий большими художественными возможностями материал, дерево получает широкое распространение именно в народной среде.

Самые ранние произведения деревянной скульптуры до нас не дошли. Мы имеем только единичные археологические находки, которые не дают полного представления о развитии и пластиче-

ских формах скульптуры этих времен, но свидетельствуют о распространении этого вида искусства.

В период средневековья искусство работы с деревом было тесно связано с народным зодчеством, изготовлением разнообразных изделий прикладного декоративного характера, а также с церковным искусством.

В России светское профессиональное искусство работы с деревом получило развитие в XVIII в., когда в Петербурге была создана школа корабельной горельефной скульптуры для украшения носовых частей кораблей. Деревянная скульптура создавалась также для украшения интерьеров, фасадов зданий и в отдельных случаях для фонтанов. Почти до конца XVIII в. в Петербургской Академии художеств большое внимание уделялось работе с деревом, но в течение XIX в. дерево практически исчезло из мастерских скульпторов⁹.

В это время, как и до XVIII в., деревянная скульптура сохранялась в народном искусстве и, несмотря на запреты, также и в церковном.

К сожалению, о народной круглой скульптуре как в России, так и в Беларуси мало что известно. Представление о русской народной скульптуре может дать Богородская школа резьбы по дереву, мастера которой создавали не только широко распространенные деревянные игрушки, но и круглую скульптуру. Однако, это произведения мелкой пластики, которая имеет свои специфические законы.

О народной скульптуре Беларуси этого времени сохранились воспоминания. Исследователь народно-прикладного искусства Беларуси М.С. Кацер в своей монографии приводит рассказ народного художника Беларуси Заира Исааковича Азгура о произведениях одного из народных мастеров: «Однажды с товарищем Урамом я пошел в лес за грибами. После долгих хождений по лесу на одной из прогалин я увидел скульптурные изображения людей, вырезанные из дубовых стволов, – одни из этих дубов позасыхали, другие имели зеленые листья. Но там меня поразило и испугало то, что комель каждого из этих дубов был человеком. У каждого были и нос, и брови, и ноздри, и губы, и волосы, и борода. И что ни дуб, то другое лицо. У одного нос тонкий, а у другого толстый. Глаза также разные, но у всех – злые. Меня охватил страх, тут я взглянул на высокий пенёк. У него были добрые глаза, усмешка и длинная, прямо до земли, борода. Я остановился перед ним, и мне самому захотелось так же усмехнуться, даже исчез

весь страх. Я не заметил, сколько так простоял, только помню, что очнулся, когда услышал за собой Урамовы шаги».

Автором этих скульптур был местный крестьянин, служивший лесником у помещика. О нем было известно, что он очень хорошо вырезал из дерева. Все скульптуры со злыми глазами изображали родственников помещика, а скульптура с добрыми глазами – отца лесника. Никто не видел этих скульптур, они были спрятаны в лесу в месте, окруженном болотами. Но однажды помещик все-таки увидел их и узнал своих родственников в «злых» изображениях. Народный скульптор за правдивость, реалистичность и эмоциональную выразительность своих произведений был послан в Сибирь, и о нем больше никто ничего не знал¹⁰.

Накопленный в течение многих сотен лет опыт работы с деревом ярко проявился в развитии скульптуры первой половины XX в. Это время отличалось богатством и разнообразием художественных форм, стилевых направлений, творческих индивидуальностей. И как материал с большими художественными возможностями дерево снова начало использоваться скульпторами.

Одним из первых к этому материалу обратился Сергей Тимофеевич Конёнков. В 1905 г. им был вырезан из дерева «Вах», а с 1907 г. он практически постоянно работал с деревом. Тогда начала формироваться его знаменитая, так называемая «лесная серия» или, как он сам называл эти работы, «деревяшки» – «Егорыч пасечник», «Великосил», «Старенький старичок», «Старичок-полевичок», «Стрибог», «Красавица в кокошнике» и др. Ко времени создания своих первых скульптур из дерева он был уже профессиональным скульптором, окончившим Московское училище живописи, ваяния и зодчества, Петербургскую Академию художеств, изучал в Париже работы О. Родена, а в Италии творения Микеланджело. Конёнков в совершенстве владел приемами создания скульптур из мрамора и был уже признанным автором таких известных работ как «Нике» (1906), «Крестьянин» (1906), «Славян» (1906), «Рабочий боевик 1905 года Иван Чуркин» (1906) и др. Поэтому для многих были неожиданными совершенно новое стилистическое направление и новый материал, с которыми выступил в 1910 г. Конёнков на VIII Московской выставке Союза русских художников, открытой в Историческом музее.

При начале работы с деревом проявилась крестьянская память скульптора, те образы и формы, которые были ему известны с детства. Он вспоминал об этом как об откровении: «И вот он пришел этот час: лесное царство, в окружении которого прошло мое детство и юность поманила меня, и я пошел на этот зов при-

роды. Я лицезрел то, что веками жило в сказках и поверьях. Я ощущал в себе способность видеть невидимое. Спала пелена с глаз, и обнаружило себя внутреннее зрение»¹¹. «Разве не из лесной опушки «появился» мой тихий и молчаливый «Старичок-полевичок», которого я вырубил из ствола дерева? Ведь еще в детстве я видел его с сутулой спиной и локтями, прижатыми к бокам, в сердцевине старого дуба. Еще в детстве из глубины леса я видел его добрый и веселый взгляд. Вот и вышел он из дерева, подпоясанный толстой веревкой»¹².

Хотя скульптор не оставлял работу с мрамором и гипсом, но дерево было его любимым материалом до конца жизни. Многие из исследователей считают, что именно Коненков открыл новые выразительные возможности, образные качества дерева, обозначил многообразие путей его художественной обработки¹³.

Продолжателем своеобразной «фактурной» линии в деревянной скульптуре, начатой С.Т. Конёнковым, можно считать белорусского скульптора Давида Ароновича Якерсона¹⁴.

Якерсон начинал творить как скульптор в своем родном городе Витебске, в мастерской Ю.М. Пэна. Здесь он работал вместе с М. Шагалом, увлекся кубизмом, супрематизмом К. Малевича, что во многом научило его умению обобщать форму. В 1921 г. Якерсон переехал в Москву и год учился во Вхутемасе. А. Шатских пишет, что Якерсон начал выставляться в Москве с 1926 г. на выставках Общества русских скульпторов и объединения АХРР. Первые его работы, показанные в Москве, связаны с созданием национального образа («Тунгус» и «Монголка») и были выполнены в дереве. Работа над национальной темой была продолжена в 1930-е годы – это скульптуры «Монгол», «Якут», «Каюр», «Кавказский еврей», «Белорусский еврей», «Абиссинка» и др. Эти работы отличаются цельностью объема, обобщенностью формы, создают впечатление первобытной мощи образа. Это стилистическое направление в творчестве Якерсона А. Шатских связывает с общим для скульптуры 1920–1930-х годов увлечением европейского и русского искусства архаикой и примитивом как формой жизни, близкой к природе¹⁵. Однако и в дальнейшем эта манера остается характерной для работ скульптора, выполненных в дереве, что связано с особым пониманием им специфики дерева, – «определенный обрубок дерева, его природные свойства так тесно переплетаются с образом, что порою представляется, что характер этого образа продиктован, подсказан ими»¹⁶. В этом, действительно, много общего со скульптурами Конёнкова, но Якерсона отличает более декоративное понимание деревянной скульптуры. Особенно

это заметно при сравнении деревянных кариатид Конёнкова и Якерсона. Кариатиды Конёнкова, выполненные для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1923 г., более традиционны и представляют каждая стилизованные женские фигуры. Своих кариатид Якерсон показал в 1935 г. на «Выставке скульптуры в дереве». Они представляют собой не одиночные фигуры, а групповые композиции – «Плотогоны», «Спортсмен», «Декоративная композиция». Свои архитектурные опыты Якерсон объясняет следующим образом: «Благодаря своим конструктивным свойствам дерево может одновременно служить архитектурным элементом, колонной, пилястром и капителью. В этой области мною сделан ряд опытов-работ, где, сохраняя в колонне ее конструктивные свойства, я даю на ее поверхности ряд решений в виде барельефа, горельефа и контрельефа»¹⁷.

Несмотря на стилистические различия творческой манеры Конёнкова и Якерсона, в основе их художественных решений, несомненно, лежит народная традиция работы с деревом. Подобный вывод можно сделать, сравнив работы обоих скульпторов с работами из дерева белорусского народного мастера Аполлинария Флорициановича Пупко¹⁸. Профессионального художественного образования он не имел, но происходил из семьи, которая славилась своими художниками, гончарами, резчиками, краснодеревщиками. К тому же место, где он родился, – местечко Ивенец под Минском, до сих пор является центром народных промыслов. Среди работ А.Ф. Пупко есть такие станковые скульптурные произведения, как «Гончар», «Умелец», «Лирник», которые также отличаются обобщенностью формы, композиционно вписаны в объем ствола. Дом Пупко украшен своеобразными деревянными кариатидами, решенными в целом так же, как и кариатиды обоих скульпторов.

Дерево, как отмечали и исследователи, и сами скульпторы, является традиционным материалом для восточных славян, что стимулировало развитие интереса скульпторов первой половины XX в. к освоению его специфики и созданию особенного художественного языка. Многовековой опыт работы с деревом, накопленный славянской культурой, позволил им создать выдающиеся произведения искусства в области станковой скульптуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Яблонская М.Н. К столетию со дня рождения С.Д. Эрзи // Советская скульптура. 1976.

- ² <http://www.la-fa.ru/sculpture2.html> – Дата обращения 15.04.2016.
- ³ Каталог выставки скульпторов в дереве. М., 1935.
- ⁴ *Сушко Л.Г.* Скульптор Беатриса Сандомирская (1894–1974). К 120-летию со дня рождения//<http://tramvaiiskusstv.ru/all-articles/item/358-skulptor-beatrisa-sandomirskaya-1894-1974.html> – Дата обращения 15.04.2016.
- ⁵ <http://www.la-fa.ru/sculpture2.html> – Дата обращения 15.04.2016.
- ⁶ *Елатомцева И.М.* Очерки по истории белорусской советской станковой скульптуры. Мн., 1974. С. 10–28.
- ⁷ *Войницкий П.В.* Станковая скульптура Беларуси последней четверти XX века. Мн., 2015. С. 22.
- ⁸ *Одноралов Н.В.* Скульптура и скульптурные материалы. М., 1982. С. 202–204.
- ⁹ *Одноралов Н.В.* Указ. соч. С. 197–202.
- ¹⁰ *Заір Азгур.* Незабынае. Мн., 1962. С. 8–9.
- ¹¹ *Коненков С.Т.* Мой век. М., 1971. С. 156.
- ¹² *Коненков С.Т.* Слово к молодым. М., 1958. С. 26.
- ¹³ <http://shr.su/expo-projekts/pokrovka-37/item/1157-voskresenskie.html> – Дата обращения 15.04.2016.
- ¹⁴ *Шатских А.* Деревянная скульптура Якерсона // Советская скульптура. Выпуск 8. М., 1984. С. 160–169.
- ¹⁵ Там же. С. 160–169.
- ¹⁶ <http://www.la-fa.ru/sculpture2.html> – Дата обращения 15.04.2016.
- ¹⁷ *Якерсон Д.А.* Скульпторы о себе // Творчество. 1935. № 10.
- ¹⁸ <http://agrocomfort.by/image/cache/data/showplace/Dom%20muzey%20Pupko/P1050176-500x630.JPG>

А.В. БЕЛОВ

(Институт славянской культуры
МГУДТ, Москва)

**ЗАРОЖДЕНИЕ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ.
У ИСТОКОВ ГЛАВНОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ
КРЕПОСТИ РОССИИ НА ЧЕРНОМ МОРЕ***

Abstract:

Belov A.V. *The birth of Sebastopol. At the origins of the main Black sea naval fortress of Russia*

The author analyzes the discovery of the Sebastopol bay, establishment of the naval fortress and the birth of the city Sebastopol.

Ключевые слова: Севастополь, Ахтиарская бухта, Севастопольская бухта, Черноморский флот России, Новороссия, Ф.Ф. Мекензи, Д.Н. Синявин, Ф.А. Клокачев.

Возникновение Севастополя по традиции, заложенной, по видимому, еще в 1950-е годы, порой связывают с именем выдающегося российского полководца А.В. Суворова, командовавшего войсками России в Крыму и пребывавшего на полуострове с декабря 1776 г. по июль 1777 г., в том числе и с целью возведения здесь военных сооружений. Возможно, по этой же причине ему порой приписывают открытие Большой Ахтиарской (Севастопольской) бухты или приоритет в оценке ее исключительных качеств для размещения здесь кораблей флота¹.

А.В. Суворов сыграл видную роль в поддержании мира на полуострове и обеспечении его обороны от грозящего турецкого десанта. Естественно, что во время службы на юге России именно эти проблемы занимали командующего в первую очередь. В одном из своих писем, от 25 сентября 1778 г., А.В. Суворов упоминает Ахтиарскую бухту, но пишет о ней скорее нейтрально. При этом он не отмечает ее исключительных характеристик, но сообщает свою обеспокоенность угрозой со стороны Турции или ее сторонников, которая происходит с этого направления: «... я за крымский их десант отвечать не могу, как за какой Ахтиар», – писал полководец, имея в виду недавно произошедшее здесь восстание янычар².

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-10169 а(ц).

Между тем качества Ахтиарской бухты были исключительны. Данное обстоятельство отмечали все, кто по тем или иным причинам давал ей характеристику. В первую очередь, этими людьми были военные моряки, непосредственно занимавшиеся данной проблемой. Так, в частности, адмирал Фома Фомич (Томас) Мекензи (Макензи) писал графу И.Г. Чернышеву 2 июля 1783 г.: «Не могу довольно расхвалиться вашему сиятельству удобства Ахтиарской гавани...»³, куда не так давно вошли на постоянное базирование первые корабли российского флота.

Однако еще за 10 лет до этого события, осенью 1773 г., командир отряда кораблей Кинсберген, воспользовавшись вынужденной передышкой, отправил для замеров бухты корабль «Модон» с «описной партией» под началом «штурмана прапорщичьяго третьего ранга Ивана Батурина». В составленном им плане были подробно изложены исключительные удобства будущего Севастопольского рейда⁴. Тогда же была описана и стоявшая на северном берегу залива⁵ небольшая татарская деревенька Ахтиар, насчитывавшая всего 9 мазанок. Будучи практически единственным на то время поселением, она на какое-то время дала свое имя бухте, которое, впрочем, использовалось наряду с другими ее наименованиями. Так, для сотрудников «описной партии» залив был обозначен как Инкерманский (по древней крепости), что свидетельствовало об отсутствии у россиян в начале 70-х годов XVIII в. точных знаний об очертаниях берегов Крымского полуострова, которые только предстояло описать, оценить и назвать.

Кто же был первым, открывшим Севастопольскую бухту для русского флота? С уверенностью можно сказать, что подобного рода события являются «подарком» героя лишь в исторической памяти народа. В реальности они – результат повседневного труда многих людей, часто растянутого во времени и тесно связанного с изменяющимися потребностями текущего момента.

Материалы Российского Государственного военно-исторического архива, относящиеся к 1820–1840-м годам сохранили упоминание, которое может дать один из возможных ответов на данный вопрос. Согласно им, во время шторма «в один из заливов, составлявших гавани древнего Херсонеса», был «загнан бурей» 40-пушечный фрегат «Стрела» (при закладке в Херсоне – «12-й»). В то время гаванями древнего города считали 7 бухт: Карантинную, Херсонскую, Стрелецкую, Круглую, Плотную, Камышовую и Казачью⁶. Сегодня все они относятся к территории Севастополя, но, как и тогда, в большей или меньшей степени находятся в удалении от Большой Ахтиарской бухты.

Бросив якорь, капитан «Стрелы» Д.А. Доможиров⁷ отдал приказ осмотреть окрестные малоизученные территории. Вполне возможно, что составлявшие рекогносцировочный отряд матросы и были теми людьми, кому принадлежит приоритет открытия Севастопольской бухты для военного ведомства юга России. Несмотря на наличие описания И. Батурина 1773 г., бухта в это время не рассматривалась как место пребывания здесь русского флота. Задача эта стала актуальной спустя 10 лет, в период подготовки к присоединению Крыма к России, произошедшего после отречения последнего хана Шагин-Гирея в 1783 г., а также как реакция на активизацию агрессии Османской империи, не желавшей мириться с усилением России на Черном море. Очутившись вблизи Ахтиара в разгар противостояния России с «Блистательной Портой», командир «Стрелы» «сделал подробное описание всего порта [бухты – А.Б.], показал его выводу», отметив, что «Ахтиарской залив обширной и лучше закрытый от ветров гораздо удобнее тем для помещения большого флота». Именно этот рапорт, по утверждению составителя архивной записки, «подал мысль князю Потемкину-Таврическому перевести туда из Херсона Черноморской карабельной флот»⁸.

Появление судна под командованием Д.А. Доможирова вблизи будущей Севастопольской бухты произошло, по-видимому, в сентябре – октябре 1782 г., так как фрегат был спущен 26 августа⁹, а не позднее 1 ноября вышел приказ отправиться в залив для зимовки двум русским военным кораблям: «8-му» (позже «Осторожный») и «11-му» («Храбрый») под общим командованием капитана 1-го ранга Одинцова¹⁰. Войдя в его воды 17 ноября 1782 г., они стали первыми российскими военными судами, занявшими Ахтиарскую бухту, разместившись в заливе, названном позже «Киленбалкой».

Весной следующего 1783 г. на помощь немногочисленному корабельному отряду прибыли воинские части (гренадерский батальон, Днепровский и Каппорский полки, части полевой артиллерии), призванные оградить новообетенную морскую базу от вторжения, как с моря, так и с суши¹¹.

Капитан Одинцов провел новые промеры Ахтиарской бухты с составлением на их основании карты, которую вместе с описанием отправили начальнику херсонского порта, генералу-цейхмейстеру И.А. Ганнибалу (двоюродному деду великого русского поэта А.С. Пушкина). Документ содержал подробное изложение предоставляемых удобств гавани («все корабли и прочие суда могут безвредно стоять на якорю...»), возможности их расположе-

ния («без всякой нужды до 50 и больше становится может») и создания здесь военно-морской базы («для строения казарм, офицерских покоев и магазинов...») ¹².

2 мая 1783 г. в Ахтиарскую бухту на постоянное базирование вошли первые силы Черноморского флота России – легкая эскадра, состоящая из 5-и фрегатов («9-й», «10-й», «11-й», «12-й», «14-й»), 2-х донских кораблей («Хотин» и «Азов»), 3-х шхун («Победослав», «Измаил», «Вячеслав»), 2-х палак («Патмос», «Святая Екатерина») и 1 бота «Битюг». Корабли входили под флагом командующего флотом на Черном и Азовском морях вице-адмирала Федора Алексеевича Клокачева, бывшего до того командиром Азовской флотилии. Повышенный в должности 11 января 1783 г., он получал себе в помощь двух капитанов – Р. Дугдала и Ф.Ф. Мекензи, с возведением их в звание контр-адмиралов. Корабли эскадры бросили якоря в водах Южной бухты ¹³.

Прибыв на место, командующий отдал приказ провести новое обследование залива, по итогам которого сообщил в своем докладе в Адмиралтейство о невиданных возможностях, предоставляемых Ахтиаром: «При самом входе в Ахтиарскую гавань дивился я хорошему ее с моря положению; вошедши и осмотревши, могу сказать, что во всей Европе нет подобной сей гавани – ни положением, ни глубиною». По оценке вице-адмирала, на рейде можно было разместить эскадру численностью «до ста линейных судов» ¹⁴ – наиболее мощных кораблей, являющихся главной ударной силой флота. Кроме того, Ф.А. Клокачев настаивал на необходимости строительства здесь морской крепости, «равной Кронштадту». Не сомневаясь в выгоде позиции, он лично и незамедлительно назначил места важнейших элементов будущей инфраструктуры: верфи, килебанки, порохового хранилища, сахарной фабрики, провиантских складов, экипажных казарм и жилого городка ¹⁵ – предтечи современного Севастополя.

В ходе изучения и описания бухты по приказу вице-адмирала капитан-лейтенантом Берсеневым для отправки в Адмиралтейств-коллегию была составлена карта.

Всего в Южной бухте Ахтиарского залива зимой 1783–1784 гг. находилось 20 кораблей. Общая численность их команд насчитывала 2 тыс. 600 чел.

Приступив в 1783 г. к обустройству базы, из которой вырос город Севастополь, командующий флотом Ф.А. Клокачев отдал приказ набрать из числа личного состава кораблей «всякого рода мастеровых». Они-то и стали строителями первых зданий будущего города. За работу полагалась небольшая «добавочная плата».

Наряду с матросами участие в возведении принимали немногочисленные местные жители: греки и татары¹⁶. Позже на юг России для строительства флота и необходимой ему инфраструктуры стали высылать пленных шведов, которых специально для этой цели собирали среди лиц, расселенных по Владимирской¹⁷, Костромской¹⁸, Ярославской¹⁹ и другим губерниям Центральной России. Причем, выбирали исключительно «умеющих плотников и кузнецов»²⁰. Так, только в апреле 1789 г. и только из Владимирской губернии «с надлежащим присмотром к екатеринославскому господину губернатору» была направлена партия в 20 чел.²¹.

Вскоре после прибытия в Ахтиарскую бухту Ф.А. Клокачева, ему пришлось отправиться в Херсон для поправки дел в этом, главном на тот момент, центре кораблестроения России на Черном море. Обустройство военно-морской базы в Южной бухте полностью ложилось на его заместителя контр-адмирала Ф.Ф. Мекензи, который и стал фактическим основателем Севастопольского порта и города.

Созвав к себе на совещание командиров кораблей, собравшихся в Ахтиарской бухте к началу зимы 1783–1784 гг., контр-адмирал обратился к ним с короткой речью: «Господа, здесь мы будем зимовать, старайтесь каждый для себя что-нибудь выстроить, я буду помогать вам лесом, сколько можно будет уделить, прочие вы как сами знаете, так и делайте; более ничего, пойдемте кушать». По воспоминаниям участника этой встречи, флаг-капитана (начальника штаба) эскадры, будущего адмирала Д.Н. Сенявина, в ответ на речь Ф.Ф. Мекензи, «капитаны ему поклонились, смекнули, что речь говорена кратко, ясно и обстоятельно». День закончился ужином и балом. Наутро военные моряки приступили к необходимым работам. Порядок их был следующим: получив место, выделенное для зимовки корабля, капитан судна возводил здесь для него пристань; затем сразу же приступали к строительству бани, наличие которой признавалось обязательным условием зимовки. После ее «устроения» приступали к работам по возведению жилых домиков для офицеров и казарм для матросов. Эти помещения выполнялись «на манер малороссийских хат»: плелся каркас, который затем обмазывали глиной, белили и покрывали камышом²².

Закладка первых строений будущего Севастополя состоялась в первых числах июня 1783 г. Уже 2 июля в письме к графу Чернышеву Клокачев дал отчет о положении дел. Согласно ему, в бухте силами матросских команд велось активное строительство. По западной стороне Большой Южной бухты возникли сараи, «ма-

газейнь» (склады всевозможных запасов и корабельного имущества), небольшие помещения для офицеров, лазарет «для болящих», кухни для судовых экипажей. Вслед за ними приступили к возведению казарм, для которых выбрали «береговые менее возвышенные места и пространство между гаванью и лежащей к западу от ней другой небольшой бухтой». С особой гордостью Мекензи сообщал, что «завел уже маленькое адмиралтейство»²³.

В качестве строительного материала моряки использовали обработанные камни из развалин расположенного в непосредственной близости древнего Херсонеса. Добывали и местный строительный материал. Первые здания города «не стоили великих денег: камень и все материалы для строения найдены на месте». В основном строили из «мягкого камня подобного малтийскому, который на воздухе скоро утвердеет и получает бледно-желтый цвет»²⁴.

В это время Ф.Ф. Мекензи заложил первые четыре каменных сооружения Севастополя: часовню во имя Николая чудотворца (позже на этом месте возведут морскую церковь), собственный дом, «пристань очень хорошую против дома своего» и кузницу. Все эти сооружения возводились из местного камня. Для работы нашли нескольких хорошо знающих материал и технику работы с ним мастеров–греков из числа жителей Балаклавы. К 1 ноября 1783 г. дом контр-адмирала был готов, и хозяин устроил бал в честь своего новоселья²⁵.

Несмотря на многочисленные радостные события, строительство велось в крайне тяжелых условиях, граничащих с риском для жизни. Морякам остро не хватало воды. Свирепствовали местные болезни. Из-за близости болот, лежащих при впадении в бухту речки Черной, люди страдали от малярии. Первый период строительства базы пришелся на время, когда в Новороссии свирепствовала чума. По воспоминаниям очевидца тех событий, всего за две недели (с 1 по 15 ноября 1783 г.) на фрегате «Крым», несмотря на изоляцию заболевших на берегу, погибло 110 чел. Был день, когда в море похоронили сразу 16 умерших. Только 2 чел. из числа заразившихся и оставленных в Кафе пошли на поправку²⁶. Одной из жертв эпидемии оказался и главнокомандующий флота вице-адмирал Ф.А. Клокачев, умерший в том же 1783 г. в Херсоне «от заразительной болезни»²⁷.

Из воспоминаний участника закладки первых зданий Д.Н. Сеньявина хорошо видно, что большой положительный импульс исходил от главы порта и его фактического создателя контр-адмирала Ф.Ф. Мекензи. Искренний характер и позитивный настрой этого человека много способствовали успеху и скорости тяжелых

работ. Контр-адмирал с удовольствием и подкупающей искренностью отмечал успехи своих подчиненных, стремился обустроить их быт и досуг. Но особой его страстью была организация праздников. «В каждое воскресенье и торжественные дни, – вспоминал Д.Н. Сенявин, – у него обед, а вечером бал. Ни свадьбы, ни крестины, ни даже похороны без присутствия его не обходились, везде он бывал, а потом все у него обедают и танцуют всегда почти до рассвета. Нельзя пересказать, до какой степени мой адмирал был весельчак и вместе с тем проказник...»²⁸.

Когда 10 января 1786 г. Мекензи скончался, его искренне оплакивали. Место «главного командира флота и порта Севастопольского» занял Марко Иванович Войнович – командир 70-ти пушечного корабля «Слава Екатерине», прибывшего в бухту в сентябре 1784 г.²⁹.

Уже к началу 1784 г. город был практически готов. Казармы, дома офицеров, склады и иные помещения стояли в основном законченными. Сооружения к тому времени оштукатурили, выбелили и покрасили в палевый или серый цвета; многие кровли покрывала черепица. «Все это вместе на покатоности берега, – как вспоминал Д.Н. Сенявин – делало вид очень хороший». Наиболее красивый обзор будущего города открывался с северной стороны³⁰.

Также были выложены два «хороших тротуара», обсаженных в четыре ряда фруктовыми деревьями: первый шел от пристани до крыльца дома контр-адмирала, второй – от дома до часовни. Кроме того матросы «устроили» «шесть красных лавок с жилыми наверху покоем, один изрядный трактир, несколько лавок маркитанских, три капитанских дома, несколько магазейн [складов – А.Б.] и шлюпочный сарай в адмиралтействе». Все эти сооружения были выполнены из камня или досок. Бухта, примыкавшая к руинам древнего Херсонеса, стала использоваться для карантина судов³¹, приходящих из зараженных мест. Свое название Карантинная она носит до сих пор.

В начале 1784 г.³² в Севастополь с инспекцией прибыл генерал-губернатор Новороссийского края князь Григорий Александрович Потемкин, который остался доволен увиденным³³. Мекензи получил в награду имение близ города, в пяти километрах от Инкермана. Вскоре эта местность станет называться Мекензиевы горы. Название сохраняется за урочищем до наших дней³⁴.

10 февраля 1784 г. указом Екатерины II было предписано «устроить... крепость большую Севастополь, где ныне Ахтияр, и где должны быть адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение»³⁵.

Согласно государственным актам, город создавался как военная база (порт) и крепость, входившая в систему укреплений по границам нового Екатеринославского наместничества³⁶. Позже оно было переименовано в Новороссийскую губернию³⁷ и разделено на три административных образования: Николаевскую, Таврическую и Екатеринославскую губернии³⁸. Город существовал вне административной системы страны³⁹, выступая военным портом и крепостью, находившимися в подчинении Адмиралтейств-коллегии, императрицы и ее наместника.

На медали, отлитой в честь основания Севастополя, была помещена надпись – «Польза России»⁴⁰.

Уже в первые десятилетия своей истории Севастополь – «столь обширный город» – был не только «сооружен в короткое время», но продолжал строиться и «распространяться». При этом, на данном этапе он «не стоил государству почти никаких издержек». Исключение составили лишь казармы и некоторые (как пишет современник) «незначущие здания». Большая часть первых сооружений города была возведена силами флотских команд из местных материалов, добываемых ими же поблизости⁴¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История города-героя Севастополя. 1783–1917. Киев, 1960. С. 27.

² А.В. Суворов. Письма. М., 1987. С. 52.

³ Головачев В.Ф. История Севастополя как русского порта. СПб, 1872. С. 77.

⁴ Там же С. 37.

⁵ Российский Государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 295.

⁶ Там же.

⁷ Российский флот: Справочник в 2-х томах. Т.1. М., 1997. С. 213.

⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 295.

⁹ Российский флот... С. 213.

¹⁰ Головачев В.Ф. История Севастополя... С. 66.

¹¹ Черноморский флот России: Исторический очерк. Симферополь, 2002. С. 38.

¹² Головачев В.Ф. История Севастополя... С. 68.

¹³ Там же. С. 49, 70, 78.

¹⁴ Там же. С. 71.

¹⁵ Черноморский флот России... С. 38.

¹⁶ Головачев В.Ф. История Севастополя... С. 77.

¹⁷ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 640. Часть I. Л. 136.

¹⁸ Там же. Л. 138.

¹⁹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1014. Л. 43.

- ²⁰ РГАДА. Ф. 16. Оп 1. Д. 640. Часть I. Л. 136.
- ²¹ Там же.
- ²² *Сенявин Д.Н.* Записки адмирала Д.Н. Сенявина // Гончаров В. Адмирал Сенявин. Библиографический очерк с приложением записок адмирала Д.Н. Сенявина. М.; Л., 1945. С. 123.
- ²³ *Головачев В.Ф.* История Севастополя... С. 77.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 295–295об.
- ²⁵ *Сенявин Д.Н.* Записки адмирала Д.Н. Сенявина... С. 121.
- ²⁶ Там же. С. 119–120.
- ²⁷ Там же. С. 126.
- ²⁸ Там же. С. 125.
- ²⁹ Там же. С. 127, 128.
- ³⁰ Там же. С. 124.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 126.
- ³³ *Головачев В.Ф.* История Севастополя... СПб, 1872. С. 77.
- ³⁴ История города-героя Севастополя... С. 32.
- ³⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. (далее – ПСЗ-I). Т. XXII. № 15.929. СПб, 1930. С. 21–22.
- ³⁶ Там же. С. 21.
- ³⁷ ПСЗ-I. Т. XXIV. № 17.634. СПб, 1930. С. 229.
- ³⁸ ПСЗ-I. Т. XXIV. № 20.449. СПб, 1930. С. 272.
- ³⁹ ПСЗ-I. Т. XXII. № 15.924. СПб, 1930. С. 20.
- ⁴⁰ Черноморский флот России... С. 38.
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 297–297 об.

В.В. ВОЛОБУЕВ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

«МАТЬ ИОАННА ОТ АНГЕЛОВ» И КАЗУС КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ПНР

Abstract:

Volobuev V.V. *“Mother Joan of the Angels” and an ‘incident’ in the Catholic church of the Polish People’s Republic*

The article deals with the prohibition on distribution in the USSR of the film by Jerzy Kawalerowicz “Mother Joan of the Angels”, and shows, though the prism of relations between the authorities and the Catholic church, the historical milieu in the early-1960s Polish People Republic and the Soviet Union.

Ключевые слова: кинематограф, Польша, СССР, Е. Кавалерович, фильм «Мать Иоанна от ангелов».

Положение римско-католической церкви в Польской народной республике отличалось значительной независимостью. Незвзирая на постоянное давление, правящей верхушке так и не удалось добиться от костельной иерархии той степени подчинения, в которой пребывала православная церковь в СССР. Позиции католической церкви, даже несмотря на обрушившиеся на нее репрессии, оставались настолько крепки, что приходилось говорить о своеобразном двоевластии в стране: политической сферой целиком и полностью владела Польская объединённая рабочая партия, пытавшаяся проводить атеизацию населения и ограничить влияние костёла, зато в сфере частной жизни безраздельно властвовала церковь. Достаточно сказать, что весь период существования социалистической Польши большинство учеников ходили на уроки Закона Божьего. С огромным трудом (и не с первого раза) в 1961 г. властям удалось убрать эти уроки из школьного расписания, но их просто перенесли в помещения при костелах и в частные дома (так называемые «пункты катехизации»).

Приходские священники организовывали для молодёжи спортивные состязания, экскурсии, паломничества; каждое лето работали католические детские лагеря. Всё это способствовало тому, что традиция приобщения детей к вере не прерывалась, невзирая на антицерковную пропаганду властей. Советский дипломат в записке для IV департамента МИД СССР отмечал в сентябре 1971 г.: «В костёле дети находят ответы на интересующие их вопросы, но ответы от служителей культа – умных, образованных врагов социализма, которые не упускают случая объяснить всё с позиций своего класса и постараться привязать детей к церкви... Можно отметить, что в любой момент в костёлах Польши находится по отношению к общей массе присутствующих приблизительно 30% детей школьного возраста. Одна польская учительница средней школы в доверительном порядке говорила нам, что нередко приходящие в школы и присутствующие на уроках инспекторы, как правило – пожилые люди, – инте-

ресуются моралью и нравственностью учащихся. Они обращают внимание на посещение детьми костёлов и остаются удовлетворёнными, когда узнают, что большинство школьников ходят в церковь... Та же учительница говорила, что многие ее бывшие ученики приглашают ее на свадьбы, которые почти без исключения проходят в костелах. В кульминационном моменте свадебного обряда ксёндз обязательно добивается от молодоженов твердого обещания посещать костел и способствовать приобщению своих будущих детей к религиозной вере... (следует иметь в виду, что на церковные праздники многие родители берут с собой в костёл детей дошкольного возраста. Значительная часть этих детей привлекается служителями культа к несению службы в костелах). Таким образом, успех польской церкви основан на поддержке подавляющего большинства верующего населения, приобщённого к религии ещё в детские годы¹.

Правящая элита ПНР рассматривала костёл как естественного союзника «реакционных классов» и орудие Ватикана, всегда настроенного неприязненно к социалистическому лагерю. Власти облагали налогами пожертвования в пользу церкви, закрывали католические учебные заведения и монастыри, выносили из классов настенные кресты, запрещали строительство новых храмов и часовен. Однако, при этом, марксисты в Польше никогда не провозглашали борьбу с религией как таковой. Этому мешала вышеупомянутая приверженность подавляющего большинства поляков костелу (в отличие от России, где еще до 1917 г. широко распространялись антиклерикальные настроения). Более того, партийный лидер В. Гомулка, вернувшись в октябре 1956 г. к власти, объявил, что любой гражданин Польши, будь он верующий или нет, имеет право участвовать в общественной жизни, лишь бы он не выступал против строя.

В Польше этот тезис воплотился весьма своеобразно: немалое число членов партии не считали зазорным посещать по воскресеньям костелы и крестить детей. Вот что сообщал, например, в июле 1960 г. сотрудник советского генконсульства в Гданьске В.В. Цыбуков: «Аппарат местных советов на уровне повята [района – В.В.] и, особенно, громады [микрорайона – В.В.] сплошь и рядом засорён клерикалами. Это можно проиллюстрировать примером повята Тчев в Гданьском воеводстве. В этом повяте 3 члена бюро комитета ПОРП, председатель комитета Фронта единства народа, председатель суда, директор речной верфи и другие руководящие работники посылают своих детей на уроки религии в школах. Председатель президиума народного совета (член Демократической партии) поддерживает тесные контакты с ксёндзом, помощник прокурора улаживает дела клиру и т.д. При этом нужно учесть, что Тчев является промышленным повятом. Положение в сельскохозяйственных повятах и громадах еще хуже. В громадских радах народных [сельсоветах – В.В.] висят кресты и распятия»².

Выход на экраны в подобной ситуации фильма «Мать Иоанна от ангелов», показывающего религиозное мракобесие и изуверство (пусть и в старой Речи Посполитой), однозначно воспринимался клиром как стремление угодить правящему режиму в его борьбе с епископатом. Реакция духовенства и Ватикана была предсказуема: клир категорически не реко-

мендовал прихожанам ходить на творение Е. Кавалеровича (каковое, заметим, ныне вошло в золотой фонд польского кинематографа). Однако и местные власти, как выяснилось, были не в восторге от такого «подарка». К примеру, из Познани сотрудники местного консульства СССР сообщали в июне 1961 г.: «Из-за широкой дискуссии в печати перед выборами в народные советы и Сейм местное руководство не пропустило на экраны Познани фильм Е. Кавалеровича “Мать Иоанна из монастыря ангелов”. Боялись, что из-за отрицательной оценки фильма общепольской и местной католической печатью его будут бойкотировать избиратели-католики, и просмотр может отразиться на исходе выборов»³.

Таким образом, номенклатура на местах не хотела играть с огнем и дразнить своих верующих соотечественников. Что же тогда насторожило советских чиновников, которым «польские товарищи» отправили этот фильм для показа в СССР? Очевидно, для тех он, полный экзотических сцен и мистических переживаний, выглядел слишком уж экзотичным, рождённым в ином культурном окружении, и был совсем неуместным в стране, где вопрос о победе материализма над идеализмом, вроде бы, уже был снят с повестки дня как решённый раз и навсегда в пользу материализма (даром, что спустя всего четыре года в этой самой стране А. Тарковский снимет «Андрея Рублёва»). А может быть, советские партаппаратчики опасались касаться религиозной темы (даже в таком, очернительном, духе) ввиду нового витка гонений на церковь, развёрнутых Н.С. Хрущевым? Точный ответ мы вряд ли узнаем.

ЦК КПСС

Ленинградский обком КПСС считает необходимым изложить свое мнение о целесообразности демонстрации на экранах Советского Союза кинофильма «Мать Иоанна от ангелов», производства творческого коллектива «Кадр» Лодзинской студии художественных фильмов (Польская Народная республика).

Фильм, ставящий целью показать столкновение материалистического и идеалистического мировоззрения, разоблачение религии, по существу пропагандирует религиозную идеологию, не несёт зрителю ничего познавательного, идейно ценного с точки зрения материалистической идеологии, насыщен эротикой, садизмом, патологическими сценами, мистикой. Авторы даже не пытаются вскрыть классовую сущность религии, как оружия угнетения и одурманивания трудящихся. Он проникнут духом сочувствия и оправдания фанатизма. Сцены борьбы любви и веры, «божественного и дьявольского» могут оставить у верующих или колеблющихся только подтверждение их собственных сомнений, вызвать симпатии у верующих к фанатическому «геройству» ксёндза.

Все действие фактически происходит вне времени и пространства. Если же отнести содержание фильма к XVII веку, то постановщики не называют действительную социальную роль монастырей той эпохи.

Не отрицая художественных достоинств фильма, показ его на экранах страны нанёс бы вред делу коммунистического воспитания нашего народа.

Секретарь ЦК КПСС,
[Первый] Секретарь Ленинградского обкома КПСС И. Спиридонов

ЦК КПСС

В связи с запиской тов. Спиридонова И.В. докладываем о нижеследующем.

Польский кинофильм «Мать Иоанна от ангелов» рассказывает о жизни средневекового женского монастыря. В фильме показаны мракобесие и жестокость католической религии, унижающей и подавляющей человеческую личность. Вместе с тем кинокартина имеет серьезные идейно-художественные недостатки. В фильме содержатся натуралистические сцены. Авторы не вскрывают классовую сущность религии.

Как сообщил зам. министра культуры СССР т. Данилов Н.Н., кинофильм «Мать Иоанна от ангелов» был рекомендован для покупки польским посольством в Москве. Отказ от покупки этой премированной на международном кинофестивале картины, которую в Польше считают полезной в связи с ее антиклерикальным содержанием, к тому же созданной по рассказу председателя Союза писателей ПНР, известного польского литератора Я. Ивашкевича, мог быть болезненно воспринят в кругах польской общественности. В 1961 г. советской стороной было приобретено лишь 7 польских кинокартин (отклонено от покупки – 12), в то время как польская сторона приобрела 57 советских фильмов.

Фильм «Мать Иоанна от ангелов» выпущен минимальным тиражом (330 копий) и в настоящее время сошел с экрана, т.к. не пользовался успехом у зрителя.

Однако наши кинопрокатные организации, учитывая, что содержание польского кинофильма «Мать Иоанна от ангелов» во многом чуждо нашему зрителю, могли бы ограничить прокат этого фильма. В частности, не было никакой нужды печатать 190 копий фильма на узкой пленке, т.е. для сельской киносети.

В связи с вышеизложенным считали бы целесообразным воздержаться от повторного показа фильма «Мать Иоанна от ангелов».

Вместе с тем полагали бы необходимым поручить Министерству культуры СССР и Министерству внешней торговли СССР принять меры к улучшению работы по обмену кинофильмами между Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Просим согласия.

Зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС А. Петров

Зав. сектором В. Баскаков

6 марта 1962 г.⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив внешней политики (АВП) РФ. Ф. 122. Оп. 56. П. 422. Д. 38. Л. 42–43.

² АВП РФ Ф. 0122. Оп. 45. П. 374. Д. 720/13. Л. 110.

³ АВП РФ Ф. 0122. Оп. 43. П. 155. Д. 180. Л. 14.

⁴ На документе имеется помета А. Петрова (?): «Ленинградскому обкому КПСС (т. Спиридонову), Министерству культуры СССР (т. Данилову) сообщено».

IX. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Т.И. Вендина

(Институт славяноведения РАН, Москва)

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

Abstract:

Vendina T.I. *Russian dialects in the modern ethno-linguistic and ethno-cultural situation*

The article is devoted to the problem of Russian dialects steadiness during the process of social integration. With the help of the materials from the “Lexical atlas of the Russian vernaculars” the author proves that the reasons for this structural steadiness lie in the system of dialectical language itself as well as in the mechanism of its acquisition.

Ключевые слова: русские диалекты, Лексический атлас русских народных говоров.

В современной литературе по диалектологии уже традиционной стала констатация факта, что «диалекты находятся на пороге исчезновения».

Причины этого процесса видят, с одной стороны, в экстралингвистических факторах (в разрушении социальной инфраструктуры общества, в его социально-демографических изменениях, в урбанизации сельского населения, что нередко приводит к исчезновению населенных пунктов, в языковой политике государства и т.д.), а с другой – собственно в лингвистических, в частности, в размывании языковой системы диалектов волнами литературного языка.

В российском языкознании постулат о быстром отмирании диалектов при социализме получил особенно широкое развитие в связи с тем, что в стране долгое время господствовала социальная теория развития этнического языка, в соответствии с которой диалекты должны будут исчезнуть в условиях бесклассового общества. В основе этой теории лежал тезис об отмирании элементов «старого качества» (носителем которых было «отсталое крестьянство», которое в силу своей «мелкобуржуазной сущности» тормозило движение общества вперед) и развитии элементов «нового качества». Позднее этот тезис получил теоретическое обоснование в известной сталинской статье «Марксизм и вопросы языкознания», где заявлялось, что диалекты, представляющие собой отклонения от общенародного национального языка, «лишенные как-либо языковой самостоятельности, обречены на прозябание». Эпоха строительства социализма породила своеобразный социальный заказ, связанный с дискредитацией старых народных традиций, народной культуры и соответственно диалектов¹. Поэтому интерес к изучению народного языка расценивался как реакционный, «тянувший язык к отсталым формам быта, к отсталой идеологии эксплуатируемых и невежественных масс» (Предисловие к «Толковому словарю живого великорусского языка» Даля. М., 1935. Т. I. С.14).

В настоящее время социолингвистика так определяет взаимоотношения между диалектами и литературным языком:

1) социальная база литературного языка расширяется, а социальная база диалекта становится все более ограниченной;

2) литературный язык полифункционален, и по мере своего развития он увеличивает и усложняет систему своих коммуникативных функций, тогда как круг функций диалектов, напротив, сужается, ограничиваясь бытовыми сферами общения;

3) в литературном языке возрастает нормативность и последовательно устраняется вариативность языковых средств, в то время как диалектная норма подвергается расшатыванию (и прежде всего из-за влияния на нее литературного языка), вследствие чего возрастает функционально не обусловленная вариативность языковых средств и способов выражения (подробнее см.: Михальченко, Крючкова 2002: 127).

Однако для того, чтобы понять сущность этого процесса, необходимо выяснить условия его протекания. Тезис же об отмирании диалектов принимается а priori, а как действительно происходит процесс воздействия литературного языка на диалекты не известно. Именно на фактическую неизученность этой проблемы

еще в 40-е годы было обращено внимание Н.П. Гринковой (Гринкова 1947: 177), которая отмечала, что указание на воздействие литературного языка на диалекты «в большинстве исследований выглядит скорее как отписка по поводу материала, не подлежащего изучению, а процесс воздействия литературного языка не изучается, и как он происходит – не известно». Вместе с тем, как показала история, эти лингвистические прогнозы вступают в противоречие с процессами, реально протекающими в русских диалектах, а потому они нуждаются в серьезной корректировке.

Об этом красноречиво свидетельствует развернувшаяся в настоящее время работа над «Лексическим атласом русских народных говоров».

В настоящее время подготовлен к печати первый том Атласа «Растительный мир». Карты, входящие в этот том Атласа, имеют своей целью локализовать в пространстве вариативные звенья одного из древнейших номинативных участков лексической системы русских диалектов, связанного с представлениями диалектоносителей об окружающей их природе.

В томе содержится более двухсот карт, которые представляют лексику разных тематических групп:

1) названия лесных массивов, в том числе и общее название леса (ср., например, карты 'лес', 'большой лесной массив', 'небольшой лесок, роща', 'высокий лес', 'мелкий лес, мелколесье', 'густой лес', 'редкий лес', 'чаща', 'больной лес', 'здоровый высокий прямой строевой лес', 'тонкий высокий лес', 'вырубленный лес', 'поваленный бурей лес', 'мертвый лес с засохшими на корню деревьями', 'молодой лес из деревьев разных пород', 'горельный лес', 'лес, растущий на болоте', 'лес, растущий по берегам рек, озер', 'лиственный лес', 'хвойный лес', 'смешанный лес' и др.); сюда входят и названия некоторых лесных локусов (ср. карты 'поляна', 'опушка леса', 'просека, участок вырубленного леса', 'выгоревшее место в лесу', 'грибное место', 'луг богатый травами', 'ягодное место' и др.);

2) названия деревьев (ср. карты 'большое растущее дерево', 'маленькое растущее дерево', 'верхушка дерева', 'ветвь дерева', 'листва', 'почка', 'сережки на дереве', 'ветвистое дерево', 'развилочное дерево', 'гнилое дерево', 'дерево, вырванное с корнем', 'дерево с дуплом', 'кривое дерево', 'верхний слой древесины дерева', 'сломанное бурей дерево', 'сухое упавшее дерево' и др.), в том числе отдельных их видов (ср. карты 'береза', 'верба', 'осина', 'рябина', 'ель', 'сосна', 'черемуха'), сюда входят и названия 'березового сока', 'смолы', а также 'коры деревьев' (см. семанти-

ческую карту бересто, 'кора ивы', 'кора, используемая при дублении', 'шишковатый нарост на дереве' и др.);

3) названия кустарников (ср. карты 'густые заросли кустарника', 'мелкий низкорослый кустарник', 'орешник', 'шиповник' и др.);

4) названия трав (ср. карты 'болотная трава', 'сорная трава', 'колючая трава', 'душица', 'зверобой', 'крапива', 'молочай', 'подорожник', 'полынь', 'щавель' и др.);

5) названия ягод (ср. карты 'брусника', 'голубика', 'ежевика', 'малина', 'черника', 'земляника', 'клюква', 'клюква, перезимовавшая под снегом', 'комоника', 'морошка', 'зрелая ягода', 'незрелая зеленая ягода' и др.);

6) названия цветов (ср. карты 'василек', 'девысил', 'ромашка', 'клевер', 'ландыш', 'колокольчик', 'одуванчик', 'репейник' и др.);

7) названия грибов, в этот блок карт входят и названия кушаний из грибов (ср. карты 'гриб' (о.н.), 'белый гриб', 'валуй', 'лисичка', 'масленок', 'мухомор', 'опенок', 'несъедобный гриб', 'поганка', 'подберезовик', 'подосиновик', 'рыжик', 'свинушка', 'съедобный гриб', 'сыроежка', 'шампиньон', 'грибной нарост на дереве', 'грибная похлебка' и др.).

Лингвогеографическое представление диалектной лексики позволило реально увидеть всю лексико-семантическую глубину русского диалектного лексикона и сложность его лингвистического ландшафта. При этом обнаружилось, что на картах этого тома Атласа устойчиво повторяется один и тот же ареальный сценарий, связанный с лексической дробностью русского диалектного континуума. Этот факт говорит о высокой степени лексической вариативности единиц, находящихся в отношениях дополнительного распределения (см., например, ситуацию на картах Л 11 'густой лес' или Л 13 'чаша'). Не случайно многие карты этого тома потребовали создания карт-дублей, позволяющих более четко представить ареалы картографируемых лексем.

О ЧЕМ ЖЕ ГОВОРЯТ КАРТЫ АТЛАСА?

Они говорят прежде всего о том, что **русские диалекты** **потеряли своего лексического своеобразия**, несмотря на интенсивный процесс влияния литературного языка, следствием которого является нивелирование диалектных различий. Это особенно ярко проявляется в наличии в диалектах слов, которым в литературном языке нет однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (см., например, карту 'хвойный лес': *игольник, хвойник, хвойняк, чернолесье, ярёжник*; карту 'ред-

кий лес': *редашка, редина, редняк, редник, поред, поредье, проредка, редколесье, редколесок, редколесица*; карту 'густые заросли кустарника': *бачажник, густарник, зарастель, густарицина, палежник, чапарыжник, настельник*; карту 'лес по берегу реки': *береговик, береговина, бережина, бережник, наберега, займище, левада*; карту 'лес, растущий на болоте': *болотник, болотняк, мокрытник, омшара, топляк, топняк, согра, сохра, шохра* и др.).

Следует отметить также обилие нового материала, обогащающего наши представления о русском лексическом диалектном фонде: практически каждая карта Атласа выявляет новые диалектизмы, которых нет даже в таком солидном издании, как «Словарь русских народных говоров» (СРНГ): ср., например, такие лексемы, как *голощека, прогал, прогалина* на карте 'поляна'; *берества, берество*, широко представленные на карте 'кора березы' и др.

На лексико-словообразовательных и семантических картах Атласа у ряда картографируемых слов выявились и новые значения, которые в СРНГ не фиксируются: так, например, на карте 'молодой лес' представлены лексемы *дубрава* и *молочник*, которые в этом значении СРНГ не отмечены; на карте 'лес по берегу реки' представлены лексемы *прибрежник, наберега, бережняк, бережник, береговина*, которые в этом значении в СРНГ отсутствуют.

И этот свежий диалектный материал является главным итогом настоящего лингвистического проекта. Следует особо отметить тот факт, что многие из этих диалектизмов были зафиксированы впервые, ибо их нет даже в таких солидных изданиях, как «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. Несмотря на то, что после выхода в свет этого словаря прошло более ста пятидесяти лет, русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия.

Любая карта Атласа, в отличие от диалектного словаря, является собой лингвогеографическую проекцию целой лексико-семантической группы, которая обычно представлена в разрозненном и далеко не полном виде в отдельных диалектных словарях, а наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность реально увидеть своеобразие русского языкового сознания в сложном процессе познавательной и классифицирующей деятельности человека (см., например, карты 'густой лес' или 'мертвый лес с засохшими на корню деревьями', которые отличает обилие лексем и мотивационных признаков).

В этом отношении чрезвычайно показательными являются карты, посвященные названиям грибов, см., например, карту ‘дождевой гриб’, которая ярко иллюстрирует креативность языкового сознания диалектоносителей: *баня, банька, бздюх, бздюха, бздушка, дождевик, дождёвик, поддождёвик, дымарь, дымовик, дымовуха, дымовушка, дымка, дымок, печки, порхавка, порхалка, пороховик, пороховник, пороховица, пороховница, пуховка, пуховик, пылевик, пыльник, пыхалка, табак, табачник, хлопущика, вороньи яйца, дождёвые яйца, Ванька-бздун, Васька – топись печка, заячья картошка, мышинная баня, волчий табак, медвежий табак, дедушкин (дедов) табак, цыганский табак* и др.

Материалы карт первого тома Атласа свидетельствуют о неравномерной диалектной расчлененности русских диалектов, поскольку на разных картах степень их лексической и словообразовательной дифференциации не одинакова: на одних картах она чрезвычайно дробная (в связи с чем для достижения наибольшей наглядности было необходимо составление карт-дублей, см., например, карту ‘поляна’, которая имеет шесть таких карт-дублей), на других – более ровная, характеризующаяся, например, двумя-тремя ареалами, а иногда даже монотонная (см., например, карту ‘осина’, где наряду с общерусской лексемой *осина* существуют небольшие островные ареалы лексем *осика, дрожнина, дрожница, трепетуха, трясына, трясына, трепетуха* и др.).

Однако большинство карт Атласа демонстрирует высокую степень диалектной дифференциации. И эта расчлененность, подчас мозаичность и пестрота русского диалектного ландшафта, наличие многочисленных островных ареалов требуют своего осмысления не только в лингвогеографическом, но и глоттогенетическом аспекте.

Предварительный лингвогеографический анализ материалов карт, входящих в первый том Атласа, позволил выявить некоторые ареалы лексических диалектизмов, образующих противопоставленные лексические различия: так, в частности, материал карты ‘густой лес’ говорит о том, что лексема *займище* характерна в основном для южнорусских говоров, тогда как лексема *сузём* – для севернорусских; или на карте ‘трава, растущая на болоте’ отчетливо видно, что в южнорусских говорах преобладает номинация *болотница*, а в говорах северо-западного региона – лексема *болотина*; четко локализованные ареалы просматриваются и на карте ‘мухомор’: лексема *мухоморка* распространена в основном в западной группе среднерусских говоров (Псковская и западные районы Тверской области), лексема *мухарник* – в восточной груп-

пе (обширная территория к северо-востоку от Москвы), лексемы *мышак*, *мышьяк* – в приволжских районах Ивановской и Костромской областей; лексема *рябчик* – в южнорусских орловских говорах).

Анализ материалов карт «Лексического атласа русских народных говоров» свидетельствуют о консервативности диалектов, на протяжении многих веков успешно противостоящих внешним влияниям, а также тенденции к стандартизации. Эта сопротивляемость диалектов в процессе их контактирования между собой и с литературным языком способствовала консервации отдельных узколокальных лексем, что привело к появлению эксклюзивов, характерных для диалектов севернорусского или южнорусского наречия.

Так, в частности для диалектов **севернорусского наречия** характерны такие лексемы, как: *крушина* в значении ‘береза’ (карта ‘береза’), лексемы *пинда* и *мянда* в значении ‘верхний слой древесины’, которые имеют прибалтийско-финское происхождение (карта ‘верхний слой древесины, расположенный непосредственно под корой’), *лесина* в значении ‘большое растущее дерево’ (карта ‘большое растущее дерево’), *шипница* в значении ‘шиповник’ (70 ‘шиповник’), *скала*, *скалина*, *скальё* в значении ‘кора березы’ (карта ‘кора березы’), лексема *веретье* в значении ‘поляна’ (карта ‘поляна, открытое место в лесу’), *ежевица* в значении ‘ежевика’ (карта ‘ежевика’), *подснежница* в значении ‘клюква, перезимовавшая под снегом’ (карта ‘клюква, перезимовавшая под снегом’), *зубина* в значении ‘гриб’ (карта ‘гриб’ (о.н.)), *обабок* в значении ‘трубчатый гриб’ (карта СМ обабок), *маслак*, *масляк* в значении ‘масленок’ (карта ‘масленок’), *кужлявое* и *кужлеватое* в значении ‘дерево с большими боковыми ветвями’ (карта ‘дерево с большими боковыми ветвями’ (какое?)), лексемы *подберезоватик* и *болотник* в значении ‘подберезовик’ (карта ‘подберезовик’), лексема *подосиноватик* в значении ‘подосиновик’ (карта ‘подосиновик’), лексемы *зуба*, *чамга*, *чамка* в значении ‘грибной нарост на стволе дерева’ (карта ‘грибной нарост на стволе дерева’) и т.д.

Если эксклюзивы севернорусского наречия – вполне ожидаемый феномен русского диалектного ландшафта (ср. устоявшееся мнение, что именно Русский Север сохраняет диалектизмы в их нетронутой языковой чистоте), то эксклюзивы южнорусского наречия, их состав, а главное – количество являются для читателя скорее неожиданностью.

Так, в частности, диалекты **южнорусского наречия** характеризуют такие лексемы, как: *трухляк* в значении ‘гнилое дерево’ (карта ‘гнилое дерево’), *дубрава* в значении ‘небольшой лесной массив, роща’ (карта СМ дубрава), лексемы *хвойник* и *ярежник* в значении ‘хвойный лес’ (карта ‘хвойный лес’), лексемы *олех*, *олѣх* в значении ‘болотистое место, поросшее ольхой’ и ‘лес, растущий по болоту’ (карта СМ олех), лексема *осика* в значении ‘осина’ (карта ‘осина’), лексема *клевеника* в значении ‘березовый сок’ (карта ‘березовый сок’), лексемы *клей* и *подсочка* в значении ‘смола хвойных деревьев’ (карта ‘смола хвойных деревьев’), лексемы *ягода*, *пазобник*, *пазобника* в значении ‘земляника’ (карта ‘земляника’), лексема *веснушка* в значении ‘клюква, перезимовавшая под снегом’ (карта ‘клюква, перезимовавшая под снегом’), лексемы *зелье*, *зельѣ* в значении ‘сорная трава’ (карта ‘сорная трава’), лексемы *ландух*, *ландуш* в значении ‘ландыш’ (карта ‘ландыш’), лексемы *дождѣвка* и *пышка* в значении ‘дождевой гриб’ (карта ‘дождевой гриб’), лексемы *подберезовка* и *приберезовик* в значении ‘подберезовик’ (карта ‘подберезовик’), лексемы *ветлистое* и *ветливое* в значении ‘дерево с большими боковыми ветвями’ (карта ‘дерево с большими боковыми ветвями’ (какое?)), лексемы *круговина*, *кулига*, *кулижка* в значении ‘поляна’ (карта ‘поляна, открытое место в лесу’), лексема *жевина* в значении ‘ежевика’ (карта ‘ежевика’) и т.д.

И даже **среднерусские говоры** имеют такие отличительно характеризующие их лексемы, которые противопоставляют их говорам севернорусского и южнорусского наречий, например, в западной группе среднерусских говоров распространены лексемы *печура*, *печурка* в значении ‘белый гриб’, а в восточной – лексема *желтяк* (карта ‘белый гриб’), в западной группе среднерусских говоров отмечены лексемы *козляк*, *козьяк* в значении ‘масленок’, а в восточной – лексемы *сосновик*, *подсосновик*, *сосенок*, *подсосник* (карта ‘масленок’); для западной группы среднерусских говоров характерна и лексема *стрекава* в значении ‘крапива’ (карта ‘крапива’); в среднерусских говорах получили распространение и лексемы *палестина*, *палестинка* в значении ‘поляна’ (карта ‘поляна, открытое место в лесу’) и др.

Нередко эксклюзивные лексемы представлены в диалектах лишь одной какой-либо группы, например:

костромская группа говоров севернорусского наречия выделяется такими лексемами, как: *нива* в значении ‘небольшой лесок, роща’ (карта ‘небольшой лесок, роща’), *сеча* в значении ‘вырубленный лес’ (карта ‘вырубленный лес’), *грива* в значении ‘по-

ляна' (карта 'поляна, открытое место в лесу'), **выдра, выдря** и **выкорча** в значении 'дерево, вырванное с корнем' (карта 'дерево, вырванное с корнем'), **бабур** и **бабура** в значении 'съедобный гриб' (карта 'съедобный гриб') и др.;

псковская группа среднерусских говоров характеризуется такими лексемами, как **чистина** в значении 'поляна' (карта 'поляна, открытое место в лесу'), **блицы, блички, блички, блицына, блицынка** в значении 'гриб' (карта 'гриб' о.н.), **блица** в значении 'съедобный гриб' (карта 'съедобный гриб'), **блицы** в значении 'грибное место' (карта 'грибное место'), лексема **бересто** в значении 'лыко' (карта СМ бересто), лексема **весёлка** в значении 'береза' (карта 'береза'); **мухоморка** в значении 'мухомор' (карта 'мухомор') и т.д.;

владимирско-поволжскую группу среднерусских говоров отличают такие лексемы как: **бруснига, брушница** в значении 'брусника' (карта 'брусника'), **ежевига** в значении 'ежевика' (карта 'ежевика'), **землянига** в значении 'земляника' (карта 'земляника'), **чернига** в значении 'черника' (карта 'черника'), лексемы **красновик** и **челыш** в значении 'подосиновик' (карта 'подосиновик'), лексема **разнолесок** в значении 'смешанный лес' (карта 'смешанный лес') и др.;

для западной группы среднерусских говоров характерна лексема **веснянка** в значении 'клюква, перезимовавшая под снегом' (карта 'клюква, перезимовавшая под снегом'), лексема **вихрелом** в значении 'поваленный бурей лес' (карта 'поваленный бурей лес'), лексема **горькуха** в значении 'одуванчик' (карта 'одуванчик') и др.;

для курско-орловской группы говоров южнорусского наречия характерны лексемы **западок** в значении 'дупло' (карта 'дупло'), **комоника** в значении 'брусника' (карта СМ комоника), **снытка** в значении 'щавель' (карта 'щавель'), **рябчик** в значении 'мухомор' (карта 'мухомор') и т.д.

восточную (рязанскую) группу южнорусских говоров выделяет лексема **зеленука** в значении 'незрелая ягода' (карта 'незрелая ягода');

в донских говорах отмечены лексемы **свербука, свербучка** в значении 'крапива' (карта 'крапива'); лексема **разлатое** в значении 'дерево с большими боковыми ветвями' (карта 'дерево с большими боковыми ветвями' (какое?)), лексемы **ожина, ежина** в значении 'ежевика' (карта 'ежевика'), лексемы **полуника, полуница** в значении 'земляника' (карта 'земляника'), в этих говорах лексема **дубрава** имеет значение 'молодой лес' (карта 2 СМ дубрава) и др.

Даже эти немногочисленные иллюстрации являются свидетельством не только сопротивляемости диалектов, но и их динамики. Эти примеры говорят о том, что в процессе саморазвития диалектов возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия, как от литературного языка, так и от других диалектов.

Такая диалектная картина, вырисовывающаяся на картах Атласа, заставляет задуматься над причинами устойчивости диалектизмов в условиях процессов социальной интеграции, протекающих во всех славянских диалектах.

Ответ, по-видимому, следует искать в самой традиционной культуре, в своеобразии ее языковой картины мира, поскольку восприятие и осмысление человеком мира является производным от его культурно-исторического бытия.

Так, в частности, анализ русской диалектной языковой модели мира (подробнее см. Вендина 1998) показал, что в отличие от литературного языка она имеет иную номинативную логику и соответственно отражает иную классификацию человеческого опыта, так как ее когнитивная сетка, «набрасываемая» на окружающий мир, оказывается более густой. Необходимость понятийного расчленения того или иного семантического пространства диалектной картины мира продиктована самой логикой организации традиционной духовной культуры. Лексическая детализация ее языка связана с реальной практической потребностью диалектоносителей (так, например, для носителя литературного языка неважно, какие последствия для сельского хозяйства повлечет за собой дождь, а для крестьянина – важно, отсюда лексемы *сеногной* ‘мелкий продолжительный дождь во время сенокоса’ Тобол., Тюмен., Курган., Том., Кемер., Иркут., Хабар., Свердл., Перм., Яросл., Арх., Карел., Олон., СРНГ 37: 170; или *огуречник, огуречничек* ‘теплый грибной дождь в конце июня’ Орл., СРНГ 22: 365). Как видно из приведенных примеров, эти диалектные лексемы не имеют в литературном языке однословных соответствий, а передаются описательными конструкциями, т.е. номинативные принципы освоения этой семантической сферы литературного языка здесь просто не работают². Поэтому диалектная категоризация мира отличается от литературной, т.е. диалекты имеют свой взгляд на окружающий мир³. В них ярко выражена зависимость от внешних условий бытия, близость к натуральному хозяйству, исконным занятиям крестьянина, парцеллирование объектов познания, антропоцентризм и субъективизм. При этом «сознание не просто дублирует с помо-

щью знаковых средств отражаемую реальность, а *выделяет* в ней *значимые* для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные обобщенные модели действительности» (Петренко 1988: 12), т.е. объективный мир членится человеком с точки зрения категорий ценности. Поэтому это не пассивная объективация внешнего мира, а сознательное и целенаправленное словотворчество, в котором семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет для крестьянина практическую ценность в повседневной жизни, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет ему ориентироваться в окружающем его мире.

Кроме того, диалектная картина мира отличается от литературной «своим естественным характером, поскольку она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, близость к природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется никакой кодификацией... Поэтому диалектоноситель иначе “ословливает” окружающий мир, рисует иную картину бытия, чем носитель литературного языка, опираясь на возможности своего диалекта, развивая и обогащая их» (Радченко 2004: 25). Не случайно известный немецкий диалектолог Ф. Штро, говоря о соотношении диалекта и литературного языка, отмечал: «Диалект рисует в красках то, что литературный язык представляет лишь в общих очертаниях» (Stroh 1931: 247). Это своеобразие диалектной номинативной логики лексической параметризации окружающего мира делает их устойчивыми к внешним влияниям, позволяет «без перерождения выдерживать напор этих влияний» (Потебня 1905: 175) и противостоять интеграционным процессам, ср. в связи с этим точку зрения Л.Э. Калнынь, которая, исследуя этот процесс на фонетическом материале, пришла к сходным выводам: «Разного вида контакты, в которые вступают русские диалекты с литературным языком, не приводят к устранению диалекта ни путем его замены стандартной формой, ни путем его включения в диалектно-литературное двуязычие... Диалекты, существующие в условиях территориальной и временной преемственности, вопреки официальной языковой политике демонстрируют структурную устойчивость (консерватизм), естественно присущую живому языку. Это заставляет с сомнением относиться к тезису, согласно которому русские диалекты в современной языковой ситуации якобы занимают периферийное место, отведенное языковым реликтам» (Калнынь 1997: 119, 123).

Другая причина такой диалектной устойчивости связана с существованием общих культурных традиций, которые способствуют сохранению целостности ареала. «Целостность ареала задается не однородностью этнического состава, не прочностью экономических связей, не политическим устройством, не одинаковостью истории, не всеобщностью языка, а той общностью, которую мы разумеем под расплывчатым понятием «культура» и которую прекрасно ощущают представители одного народа, одной нации как высшее единство» (Степанова 1978: 45).

Более того, структурная организация системы диалектов также препятствует их нивелировке. В коммуникативной функции языка диалектов скрыты две противоположные силы – объединяющая и разъединяющая языковые общности (говорящих). Первая заключается в том, что представители разных географических районов, социальных и возрастных слоев, профессиональных и других группировок достигают при общении в пределах одной языковой территории взаимного понимания. В этом случае можно говорить о монофункциональном характере народного языка, вытекающем из единства и относительной устойчивости его внутренней структуры. Вторая выявляется при неизбежной «вертикальной» и «горизонтальной» стратификации общества, когда внутри создающихся микроколлективов формируется определенный речевой вариант общенародного языка.

Материалы Атласа реально доказывают, что жизнь диалектного слова во многом определяется состоянием и механизмами эволюции словарного состава диалектов. Они говорят о том, что состояние лексико-семантической системы русских диалектов представляет собой динамическую устойчивость.

Сочетание в лексической системе диалекта двух противоположных тенденций – динамики и консерватизма – является следствием общего механизма эволюции словарного состава любого языка, основанного на кумулятивном принципе. Высокая лексическая вариативность, наблюдающаяся практически на каждой карте Атласа, свидетельствует о динамике лексической системы русских диалектов. Несмотря на существование различных конструктивных и деструктивных факторов, влияющих на языковую систему диалектов (контакты с другими иноязычными системами, с литературным языком, иноязычное давление, исчезновение населенных пунктов, физическое уничтожение носителей диалекта и т.д.), систему диалектной лексики отличает большой запас прочности, стабильности.

Не могу в связи с этим не привести мнение исследовательницы Г.М. Курбангалеевой, много и успешно занимающейся русскими диалектами в иноязычном окружении, в частности, на территории Башкирии. Говоря о динамике их системы, отмечая наличие деструктивных факторов, автор пишет о том, что «с одной стороны, наблюдается стремление к постоянному обновлению, словотворчеству, достижению максимальной точности и наибольшей выразительности, а с другой – стремление к сохранению старого, консерватизм (не случайно в диалектах сохраняется так много архаичной лексики, своими корнями уходящей не только к древнерусскому периоду, но и праславянскому)». Поэтому «процесс утраты устаревших слов идет гораздо менее интенсивно, чем в литературном языке: выходят в пассивный запас прежде всего слова и выражения, потерявшие свою материальную основу..., связанные со старым укладом жизни, старыми орудиями труда и материального производства, при этом некоторая часть подобной лексики сохраняется и подвергается переосмыслению. Действие и противодействие обеих этих тенденций придают диалектной лексике, как и системе диалекта вообще, структурную устойчивость». Несмотря на проникновение новых элементов из литературного языка или из других диалектных систем и языков, диалектная система не утрачивает своей устойчивости, поскольку «новые для системы элементы в течение длительного времени сосуществуют со старыми, исконными для старой системы, порождая ее повышенную вариативность. И эта возможность длительного сосуществования старых и новых вариантов – одна из важнейших особенностей диалектных лексических систем» (Курбангалеева: 2008, 85–86)⁴.

Структурная устойчивость диалектов поддерживается не только системой языка, но и механизмами его усвоения. Как показали исследования, навыки владения диалектной речью подсознательно сохраняются у представителей среднего поколения даже тогда, когда они становятся активными пользователями литературного языка. В старости эти навыки снова актуализируются, и среднее поколение вновь возвращается в лоно своего диалектного языка, ср. в связи с этим следующее замечание Л.Э. Калнынь: «Отражение того, насколько традиционная лексика глубоко сохраняется в подсознании носителей диалекта, можно видеть в таком явлении, как реставрация диалектных слов в речи носителей диалекта преклонного возраста, ранее освоивших литературный язык, возвращение, казалось бы, утраченных в речевой практике индивидуальных слов» (Калнынь 2007: 293, Коготкова 1970).

Континуальность диалектов, наличие междиалектных контактов – все это факторы, которые препятствуют их исчезновению. И поскольку «в самом языке нельзя найти возможности прекращения его существования» (Соссюр 1990: 17), можно надеяться, что пока будет жива традиционная духовная культура, до тех пор будут существовать и диалекты.

Понятно, что в этом контексте особое значение приобретает развитие диалектологии. Существующая до сих пор инерция негативного отношения к изучению диалектов (особенно в педагогических вузах, следствием чего является сворачивание курса диалектологии, отмена диалектологической практики) должна быть преодолена как мешающая поступательному движению вперед.

Поэтому сегодня следует возродить интерес к изучению диалектов, повысить их ценность как памятника культуры и истории, ибо «только так, – по мысли А.А. Шахматова, – мы сможем привить любовь к своему отечеству, уважение к его прошлому, а также веру в его будущее» (Хрестоматия 1982: 89).

В этом отношении материалы «Лексического атласа русских народных говоров» имеют непреходящую языковую и культурную ценность.

ЛИТЕРАТУРА

- Вендина 1998 – *Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.
- Гринкова 1947 – *Гринкова Н.П.* Воронежские диалекты. М., 1947.
- Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1978–1980.
- Иванов, Якубинский 1932 – *Иванов А.М., Якубинский Л.П.* Очерки по языку. М.; Л., 1932.
- Калнынь 1997 – *Калнынь Л.Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // ВЯ. 1997. №3.
- Калнынь 2007 – *Калнынь Л.Э.* Динамика русских диалектов в связи с воздействием на них литературного языка // Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2007.
- Коготкова 1970 – *Коготкова Т.С.* Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
- Курбангалеева 2008 – *Курбангалеева Г.М.* Лексика русских говоров Башкирии: основные тенденции формирования и функционирования // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб., 2008.
- Михальченко, Крючкова 2002 – *Михальченко В.Ю., Крючкова Т.Б.* Социоллингвистика в России // ВЯ. 2002. №5.

Недоступова 2013 – *Недоступова Л.В.* Природа и человек в лексике говора поселка городского типа Таловая Таловского района Воронежской области. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Воронеж, 2013.

Орлов, Кудряшова 1998 – *Орлов Л.М., Кудряшова Р.И.* Русская диалектология: современные процессы в говорах. Волгоград, 1998.

Петренко 1988 – *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.

Потебня 1905 – *Потебня А.А.* Язык и народность // А.А. Потебня. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.

Радченко 2004 – *Радченко О.А., Закуткина Н.А.* Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // ВЯ. 2004. №6.

Сосюр 1990 – *Сосюр Ф.* Заметки по общей лингвистике. М., 1990.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров.* Т. 1. М.–Л., 1965.

Степанова 1978 – *Степанова Л.Г.* К специфике ареального членения Италии // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л., 1978.

Хрестоматия 1982 – Хрестоматия по методике русского языка. М., 1982.

Шапошников 1999 – *Шапошников В.Н.* О территориальной и функциональной структуре русского языка в конце XX столетия // ВЯ. 1999. №2.

Stroh 1931 – *Stroh F.* Sprache und Volk // Hessische Blätter für Volkskunde. Bd. XXX–XXXI. 1931–1932.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср., например, следующий пассаж из “Очерков по языку” А.М. Иванова и Л.П. Якубинского: «Заинтересован ли пролетариат в сохранении крестьянского разноречья? – спрашивали авторы “Очерков” и отвечали: – Нет. Он заинтересован в его ликвидации. То обстоятельство, что русский национальный язык до сих пор не стал еще достоянием всего крестьянства, является одним из препятствий на пути социалистического строительства» (Иванов, Якубинский 1932: 142).

² Ср. в связи с этим пример, который приводит в своей статье В.Н. Шапошников. Говоря о нормализаторской и унифицирующей установке местной прессы (г. Шуя, бывш. Владимирская губ.), автор отмечает и сохранение в ней многочисленных диалектизмов (таких, например, как *лавы* ‘легкий сезонный мост через реку’, *мытллка* ‘род плота для полоскания белья в реке’), которые «являются неотъемлемым элементом письменной и электронной прессы, так как обозначаемые ими реалии являются существенной частью хозяйственного ландшафта, а потому они являются устойчивыми компонентами языкового сознания» (Шапошников 1999: 53).

³ Не случайно крупнейший немецкий диалектолог Й.Л. Вайсгербер дал такое определение диалекту: «Диалект есть языковое освоение родных мест» (Weisgerber 1956: 7).

⁴ Ср. также следующее мнение исследователей, которые пришли к сходному выводу, изучая донские казачьи говоры Волгоградской области: «Особенности внутренней организации диалектных систем препятствуют интенсивному их разрушению. Именно поэтому, несмотря на активное

воздействие литературного языка, современные говоры сохраняют многие архаические черты» (Орлов, Кудряшова 1998: 5); или вывод из диссертационной работы Л.В. Недоступовой, которая, описывая говор поселка городского типа Таловая (14 тыс. жителей) Воронежской области, приходит к выводу о том, что «диалект существует и продолжает развиваться даже при функционировании его в условиях районного центра» (Недоступова 2013: 20).

Е.Н. РУДЕНКО

(Белорусский государственный университет, Минск)

СВОБОДА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА БЕЛОРУСОВ

Abstract:

Rudenko E. *Freedom in the linguistic worldview of the Belarusians*

The article is devoted to the concept of «freedom» in the Belarusian language. Three types of data (dictionary, text and psycholinguistic) are involved. The material of all available dictionaries is extracted and summarized; precedent texts and corpus data are analyzed; associative dictionaries and other studies are explored; surveys are conducted, too. As a result, ethnolinguistic view on these data as far as on Belarusian toponyms with names of 'freedom' is created.

Ключевые слова: Концепт «свобода», картина мира, этнолингвистика, лексикон, текст, психолингвистика, белорусский язык.

В настоящей статье приведены наиболее значимые результаты исследования концепта «свобода» в языковой картине мира белорусов. Это исследование проводилось в соответствии с методикой Польской этнолингвистической школы, согласно которой учитываются три вида данных: словарные, текстовые и анкетные¹.

1. Словарные данные. По данным словарей, для носителя современного белорусского языка концепт «свобода» означает:

1) государственную независимость. В этом значении, помимо слова *свабода*, часто выступают лексемы *незалежнасць, самастойнасць*, в печати и современных художественных текстах – *воля*;

2) демократические и гражданские свободы. В средствах массовой информации используется много устойчивых сочетаний и речевых штампов со словом *свабода*: *дэмакратычныя свабоды, свабода друку, гандлю* и др. Само слово *свабода* (*свабодны*) в этом значении в обыденной речи часто имеет иронический оттенок и противопоставляется порядку, дисциплине и законности (*зараз у нас свабода; свабоднае выхаванне* и т.д.), то есть понятие свободы переосмыслилось весьма специфическим образом;

3) личную свободу как состояние. В этом значении употребляются слова *свабода* и *воля*, но чаще *воля*;

4) простор, отсутствие преград – на современном этапе развития белорусского языка обозначается преимущественно словом *воля*².

В качестве устойчивых сочетаний словарями приводятся *барацьба за свабоду, браць многа свабоды, дэмакратычныя свабоды, свабода веравызнання, даць свабоду; браць многа волі, даць многа волі, даць волю рукам, вольнаму воля, вольная воля; даваць волю*³.

2. Текстовые данные. Для белорусского языка и белорусской культуры давней и устойчивой является традиция понимания свободы как социального феномена – ‘отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие ограничений в общественно-политической жизни’. Этот концепт был весьма актуален для Великого княжества Литовского – именно с этой эпохой соотносится устойчивое выражение *золотая вольность*, – в старобелорусском языке он передавался лексемами *свобода, свободность, воля, вольность*. Значимость социальных свобод подчеркивается в ключевых памятниках письменности, таких как Предисловие Льва Сапегы к «Статуту 1588 года» (*кожъдый обыватель годенъ естъ нага-ненья, который вольностью се фалить и правъ своихъ умети и розумети не хочеть, которымъ правомъ усю вольность свою обварованую маеть*)⁴ или Предисловия к Библии Франциска Скорины (*ровная свобода всемъ, общеє имение всехъ* (Скар. ДЗ, 3))⁵. В письменных текстах социальный аспект концепта «свобода» является наиболее реализуемым на всем протяжении развития белорусского языка вплоть до сегодняшнего дня (см. ниже корпусные данные).

Для нового периода развития белорусского языкового сознания (начало XIX в., первое возрождение) свобода, воля – это крестьянский идеал (*зямля і свабода, зямля і воля*), реализованный во многих значимых текстах художественной литературы, например, в поэме «Новая земля» Якуба Коласа: *...гэта думка аб зямлі Запала ў сэрца назаўсёды, Як промень воліі свабоды*. Позже он, под влиянием русскоязычной литературы, трансформировался в бел. *свабода*, в идеал политический, революционный (*шлях, прамень, сцяг, вецер свабоды*).

Для гражданина Беларуси, которая часто бывала в эпицентре военных конфликтов, свобода означает также суверенитет, независимость страны и, соответственно, неразрывно связана с идеей ее защиты: *Усе, каму свабода дарага, падымайцеся на ворагаў, на катаў* – М. Танк. См. также близкое к фразеологизму выражение *барацьба за свабоду*.

Свобода, как и любое абстрактное понятие, в целом осмысливается человеком в терминах пространства, например, как место, куда можно попасть (*рвацца к свабодзе, прыкрыць свабоду груд-*

зямі, дарога да свабоды), или как предмет, который может быть дан, отнят и т.д. (см. фразеологизмы *даваць волю, свабоду* ‘чрезмерно баловать’; *браць многа волі, свабоды* ‘своевольничать’). Пассивность (естественно, неосознанная) «субъекта свободы» для носителей русского языка подчеркивалась Анной Вежибицкой⁶: русская (и белорусская) свобода может даваться и отниматься извне, в то время как для англичанина, например, это собственное чувство независимости, которое не может быть привнесено: *Даць свабоду ўсім народам!* – Л. Арабей. (Скіба:) *Чаму вы чакаеце, каб яны вам свабоду на талерцы паднеслі* – К. Крапіва.

Свобода для белоруса – это нечто ценное, и, как все ценное, антропоморфизмуется: *Няма гэтых пятаў, Якімі закулі свабоду* – М. Танк; *свабода к вам стукае ў дом* – Я. Колас; *не задушыць свабоды; свабода прыйшла; шчыт для свабоды*. В целом такие контексты малотипичны для предикатно-аргументной структуры обозначений понятия «свобода» в силу его непредметного характера. Свобода – или концепт состояния, или признаковый концепт, например, ее можно переживать как чувство: *прага да свабоды, адчуванне свабоды, пачуццё свабоды*.

Субъектом свободы может выступать не только человек (*Распарадзілася Зінаіда: – Няхай Аўдоця сядзе. А мы на свабодзе пакоцім...* – А. Савіцкі), совокупность людей или социум, но и элементы живой и неживой природы (*І чуць апошні лёд зламаўся, З зямлі клубок вады падняўся І з шумам коціць паўзверх лёду, Пачуўшы волечку-свабоду, Усё большы-большы круг займае* – Я. Колас).

Все сказанное в двух предыдущих абзацах о бел. *свабода* полностью применимо и к бел. *воля*. Например: *Быць спакойным Яно не можа – Значыць, мору Патрэбна воля* – С. Фамін.

В качестве материала для текстового и корпусного исследования концепта «свобода» в белорусской публицистике были избраны: 1) архивы трех газет; корпус научных и научно-популярных текстов⁷; 2) корпус текстов разных жанров, созданный в Академии наук Беларуси и доступный онлайн⁸; «Экспериментальный корпус белорусского языка» газетных и художественных текстов, разрабатываемый на филологическом факультете БГУ⁹.

Исследование концепта «свобода» в белорусской прессе проводилось на материале архивов газет разной политической ориентации: «Советская Белоруссия», «Звезда», «Наша ніва», с привлечением данных публицистических подкорпусов названных выше корпусов БГУ и Академии наук РБ.

Газета «Советская Белоруссия» выходит 5 раз в неделю тиражом более 500000 экз., ее учредителем является Администрация Президента Республики Беларусь. Постулируется, что газета двуязычна, однако подавляющее большинство материалов выходит на русском языке. Официальная белорусскоязычная газета Беларуси – «Звезда», учредителями которой являются Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь, Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Совет министров Республики Беларусь. Газета «Наша ніва» – еженедельная независимая белорусскоязычная газета, тираж которой более 6000 экз.; объем газеты – 48 с. половинного формата.

Из проанализированных контекстов следует, что в Беларуси пресса трактует свободу преимущественно как социальное понятие. Это координирует с данными словарей: бел. *свабода* понимается в первую очередь как ‘отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие стеснений, ограничений в общественно-политической жизни и деятельности какого-либо класса или общества в целом’. В рамках этого значения часто реализуются устойчивые сочетания *свабода друку*, *свабода веравызнання*, *дэмакратычныя свабоды* и т.д. В «Советской Белоруссии» социальным свободам посвящено 43% контекстов, в «Звездзе» – 45%, в «Нашай ніве» – 56%.

Способ представления концепта «свобода» в прессе Беларуси зависит не от языка, а от общей ориентации издания: преимущественно русскоязычная «Советская Белоруссия» и белорусскоязычная «Звезда» имеют сходные характеристики.

В официальной прессе Беларуси свобода чаще трактуется как государственная независимость, в половине контекстов эта семантика связывается с темой Великой Отечественной войны.

Трактовка свободы в белорусскоязычной «Нашай ніве» отличается от двух названных выше газет. Здесь гораздо выше процент материалов, где свобода понимается как социальный феномен (56%), и половина их сообщает об отсутствии или недостаточной реализации социальных прав и свобод. Преимущественное внимание к отрицательному, к недостаткам в реализации социальных свобод обусловило тот факт, что очень многие из отобранных контекстов посвящены внутренней жизни страны (90%).

Специфика в трактовке свободы белорусскоязычной «Нашай нівай» заключается также в активном употреблении слова *воля* ‘свобода’ в противовес «Советской Белоруссии» и «Звездзе». Повидимому, это объясняется тем, что белорусский язык «Звезды», в отличие от языка «Нашай нівы», – результат длительной руси-

фикации. Кроме того, язык «Советской Белоруссии» и «Звездь» отражает влияние советского дискурса, где воля была синонимом анархии, а следовательно, мало употреблялась в качестве синонима «официозной» свободе.

В художественных текстах из корпусов Академии наук и БГУ лексема *свабода* в большей половине контекстов употреблена в значении ‘отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие стеснений, ограничений в общественно-политической жизни и деятельности какой-либо группы или общества в целом’, что совпадает с пониманием свободы в публицистике. Треть контекстов – реализация семантики ‘личная независимость, самостоятельность’, и очень немногие – ‘государственная независимость’ (3%), причем, в половине случаев речь идет не о Беларуси: *І ўсё ж невыказна горка ад таго, што ўжо два стагоддзі, як на першую з гэтых шалюў – за свабоду нашых далёкіх і блізкіх суседзяў – пакладзена беларускіх жыццяў нязмерна болей, чым за свабоду ўласную* (У. Арлоў. Мой радавод да пятага калена, або Спроба пазбегнуць выгнання).

Характерно, что в художественных подкорпусах контекстов с лексемой *воля* в два раза больше, чем с лексемой *свабода*. В половине контекстов слово *воля* представлено как синоним *свабода* (остальные – ‘желание, стремление’), причем также преобладает социальное понимание концепта: *Беларусі на пацеху Вашы дзеткі каб расьлі, І пад бацькаўскія стрэхі Славу й волю прынясьлі* (К. Акула. Ашаўскай самапомачы зычлівае слова ад суседа). *Воля* также активно трактуется как антоним к ‘тюремное заключение’.

3. Анкетные данные. Третья группа сведений об исследуемом концепте – анкетные данные. Нами было проведено анкетирование с 70 студентами-гуманитариями и 50 – естественниками. Им предлагалось выполнить следующие пункты развернутой анкеты:

1. Запішыце словы, якія можна выкарыстаць замест слова *свабода*.
2. Запішыце словы, супрацьлеглыя па значэнні слову *свабода*.
3. Запішыце 3 асацыяцыі да слова *свабода*.
4. Запішыце 3 асацыяцыі да слова *воля*.
5. Запішыце 3 асацыяцыі да слова *вольнасць*.
6. Якая бывае свабода? Дапішыце 3 атрыбуты да слова *свабода*: *свабода* (якая?) ...
7. Дапішыце 2-3 дзеясловы, якія спалучаюцца са словам *свабода*. *Свабода* (што робіць?) ...
8. Дапішыце назоўнікі да прыметнікаў *свабодны*, *свабодная*, *свабоднае*, *свабодныя*.

9. Дапішыце назоўнікі да прыметнікаў *вольны, вольная, вольнае, вольныя*.

10. Дапішыце другую частку складанага сказа: *У Фрыляндый свабода, але ...*

11. Запішыце вядомыя вам устойлівыя выразы, прыказкі і прымаўкі са словам *свабода*.

12. Запішыце вядомыя вам устойлівыя выразы, прыказкі і прымаўкі са словам *воля*.

13. Напішыце кароткае сачыненне, якое пачынаецца словамі: *На маю думку, свабода ... Па-мойму, сутнасць свабоды... Мне здаецца, свабода (свабоду, свабодай ...) ...*. Адкажыце ў ім на пытанні: *Што значыць слова "свабода"? Што значыць, па-вашаму, "сапраўдная свабода"?*

Анализ ответов информантов показал следующее:

1. Среди слов, которыми можно заменить бел. *свабода*, наиболее часто встречаются *воля, незалежнасць, вольнасць, роўнасць, вальнадумнасць, братэрства*, где *воля, незалежнасць, вольнасць* являются синонимами, *вальнадумнасць* – гипонимом, а *роўнасць* и *братэрства* – элементами, часто встречающимися вместе с бел. *свабода*.

2. Понятиями, противоположными «свобода», по мнению информантов, являются *няволя, зняволенне, рабства, прыгнёт* – в словарях антонимом бел. *свабода* и *воля* называется только *няволя*¹⁰.

3–5. Что касается ассоциаций к бел. *свабода, воля, вольнасць*, то они в значительной степени пересекаются. Во-первых, в ассоциациях названные лексемы часто взаимозаменяемы, особенно *свабода* и *воля*. Во-вторых, ассоциации этих лексем часто подобны, например, и к бел. *свабода*, и к бел. *воля* дана ассоциация *права; воля* и *вольнасць* – *магчымасць, дазволенасць; свабода, воля, вольнасць* – *дазвол, прастора*. Характерно, что практически все ассоциации к названным трем словам являются парадигматическими.

6. Самыми частыми атрибутами бел. *свабода* являются *роўная, сапраўдная, (не)абмежаваная, уласная; бел. воля* – *сапраўдная, чалавечая; бел. вольнасць* – *(не)абмежаваная*. Таким образом, атрибуты рассматриваемых лексем также часто повторяются; исключением являются только фразеологизированные сочетания, например, *асабістая свабода; добрая воля, свая воля, народная воля; залатая вольнасць, шляхетская вольнасць*.

7. Среди самых частотных глагольных словосочетаний с лексемой *свабода* можно назвать *свабода існуе, акрыльяе, узвышае, дазваляе*, но и *губіць*. Заданная модель словосочетания «подталкивала» информантов к антропоморфизации свободы, и эта ан-

тропоморфизация была в полной мере реализована: *свабода прыходзіць* и даже *памірае, уваскрасае, жыве*. Несмотря на такую модель, в ответах информантов нередки были сочетания, где бел. *свабода* являлась объектом действия (*адстойваць, абараняць, атрымаць, чакаць свабоду*) или где инфинитив выполнял атрибутивную функцию (*свабода гаварыць, мысліць, выбіраць*).

8–9. Наиболее распространенными существительными при атрибуте *свабодны* (-ая, -ае, -ыя) были следующие: *свабодны чалавек, народ, пакой, выбар; свабодная нацыя, дзяржава, краіна; свабоднае жыццё, адзенне, мысленне; свабодныя людзі, выбары, адносіны*. Фактически те же существительные распространяются прилагательным *вольны* (-ая, -ае, -ыя), за исключением сочетаний, близких к устойчивым: *вольны вецер, шлях; вольная птушка; вольны мастацтвы, паводзіны*.

10. Варианты завершения предложения *У Фрылянды свабода, але...* (вариация but-теста) весьма любопытны и показательны. Сущность наиболее распространенного завершения – ..., *але такога месца на свеце няма*. Далее следует: ..., *але толькі на словах; ..., але ёсць абмежаванні*. But-тест выявляет страхи белорусов:

..., *але няма ўпэўненасці ў будучыні*.

..., *але ўзровень жыцця вельмі нізкі*.

..., *але холадна*.

..., *але людзі ўсё адно нешчаслівыя*.

Единичен контекст, когда бел. *свабода* трактуется как анархия: ..., *але людзі прытрымліваюцца закону*.

И типично белорусское резюме: *У Фрылянды свабода, але дома лепш*.

11–12. Известные информантам устойчивые выражения со словами *свабода* и *воля* очень немногочисленны: фактически они ограничиваются фраземами *вольнамуволя* и *свабода слова*. Представлен также фразеологизм *на ўсё воля Бога (божая воля)*, где *воля* выступает в значении ‘желание’.

13. Короткое сочинение носителей белорусского языка на тему свободы показало следующее:

Подавляющее большинство информантов понимают свободу как личностную категорию. Для них важно ощущение личной свободы, которая трактуется и как *стан душы, свабода думкі*, и как индивидуальная независимость. В сочинениях очень часто повторяется сочетание *свабода выбару*, но этот выбор не должен ущемлять свободу другого. *Свабода – паняцце адноснае; Свабода заканчваецца там, дзе пачынаецца свабода другога* – вот вторая ключевая мысль сочинений. Свобода – не вседозволенность, сво-

бода неотделима от ответственности и обязанностей. Но такое понимание свободы никак не связывается со страной, с государством – речь идет о межличностных контактах. Свобода как социальная категория представлена только в двух ответах, например: *Сапраўдная свабода – калі грамадзяне выказваюць свае меркаванні, і ўлада да іх прыслухоўваецца.*

Парадокс, но, согласно другим пунктам анкеты, свобода для белорусов – социально-политический концепт. Показательны ответы на 11-й пункт (*свабода слова, свабода друку, дэмакратычныя свабоды*). Клишированные ответы такого рода можно назвать «цивилизационными» или «европоцентристскими».

Таким образом, трактовка свободы информантами отличается от трактовки свободы в толковых словарях белорусского языка и в текстах. Там свобода репрезентируется в первую очередь как социальный феномен, неотделимый от понятий «страна» и «государство». Приоритет индивидуальной, личностной свободы характерен для носителей русского языка. То, что эта черта повторяется в анкетах на белорусском языке, по-видимому, является следствием двуязычия информантов, причем, для многих из них родным является именно русский язык.

С другой стороны, картина мира белорусов, в том числе и русскоязычных, отличается от картины мира русскоязычных россиян. Этой проблеме уже посвящались специальные исследования¹¹. Нами это явление описано в других работах на материале политического дискурса – ежедневных газет Беларуси (белорусско- и русскоязычных) и Украины (украинско- и русскоязычных) в сравнении с русскоязычными газетами России¹². К сожалению, бел. *воля, вольнасць, свабода* отсутствуют в ассоциативных словарях белорусского языка¹³. В Славянском ассоциативном словаре¹⁴ приводятся ассоциации к бел. *вольны: вецер 167, чалавек 96, час 63, птушка 20, свабодны 17, свабода 14, народ 12, ... , ветер 5*. Среди названных наиболее частых ассоциаций привлекают к себе внимание два факта: 1) реакция *чалавек* гораздо более частотная, чем реакция *народ*, реакция *Беларусь* – единичная; 2) среди частотных встречается русскоязычная реакция *ветер* – русскоязычные реакции на белорусскоязычные стимулы в целом нередки.

В Беларуси два государственных языка: русский и белорусский. Анкетирование проводилось в Беларуси не только на белорусском, но и на русском языке, а также на русском языке в двух городах России. Ответы белорусов на белорусском и русском языках были очень похожи между собой. Это в целом характерно для белорусского менталитета: различия могут быть связаны с груп-

повой, возрастной, гендерной идентичностью, но, как правило, не языковой. Большинство информантов расценивали свободу как личностную категорию – это показывает изменение идентичности белорусов, процесс ее русификации. Специфика ответов на пункты анкеты белорусов (белорусско- и русскоязычных) заключалась в том, что для белорусов свобода чаще и сильнее связана с категорией ответственности, с ограничениями.

Анкетирование показало также гендерные различия. Например, только женщины предлагали такие ответы, как *небяспечная свабода*. Частая женская ассоциация к прилагательным *свабодны, вольны: свабоднае адзенне*, бел. *вольны вецер*, мужская – *вольны птах, вольныя пвodziны*. Для мужчин чаще, чем для женщин, свобода обозначает деньги, для юношей – финансовую независимость от родителей.

Свобода чаще антропоморфизируется женщинами, и это типично для информантов, принадлежащих ко всем опрошенным группам. Свобода «вдохновляет», «умирает», «живет» и др. чаще для женщин, чем для мужчин. Кстати, свободу представляют как женщину носители всех языков, по крайней мере индоевропейских.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большинство жителей Беларуси двуязычны и хотя бы пассивно владеют обоими языками. Языковая картина мира белоруса зависит от многих факторов: характер билингвизма (он может быть разным даже при преимущественной распространенности смешанного асимметричного типа); язык представления – русский или белорусский – и его территориальная и/или социальная разновидность; социальное положение, пол, возраст, образование носителей.

Исследование публицистических текстов (белорусскоязычные и двуязычные газеты) и анкетирование показали, что представление концепта зависит не столько от языка (русский или белорусский), сколько от социальной принадлежности, возраста, пола, образования. Жители Беларуси консолидированы как нация, в отличие, например, от жителей Украины, где аналогичный анализ демонстрирует наличие двух разных языковых картин мира в зависимости от используемого языка.

«Свобода», по данным белорусского языка, в словарях, в художественной литературе, в публицистике (бел. *свабода, воля, вольнасць, незалежнасць*) предстает в первую очередь как соци-

альный концепт, реализующийся в значениях ‘отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие ограничений в общественно-политической жизни и деятельности какой-либо группы или общества в целом’ (*дэмакратычныя свабоды*), ‘государственная независимость, суверенитет’ (*барацьба за свабоду*).

В рамках публицистического дискурса лексемы, посредством которых обозначается понятие «свобода» (бел. *свабода, воля, вольнасць, незалежнасць*), передают также семантику ‘возможность беспрепятственно действовать в какой-либо области’ (*свабода прадпрымальніцтва, акадэмічныя свабоды* и под.), ‘демократические и гражданские свободы’ (*свабода слова, свабода друку*); ‘состояние, противоположное тюремному заключению’. Именно публицистический, общественно-политический дискурс дал языку новую фразеологию, связанную с социальной трактовкой свободы: *свабода друку, свабода веравызнання* и т.д. (в народной фразеологии и паремиологии из всех существительных, номинирующих концепт, встречается только *воля – вольнаму воля, даваць волю* и др.). Фраземы с бел. *свабода* активно употребляются молодым поколением белорусов, что указывает на связь с исторической традицией понимания свободы как социальной ценности.

Социальный аспект свободы преобладает и в современных художественных текстах, как показал анализ корпусных данных. Эта традиция восходит еще к старобелорусскому языку; она укреплялась в новой белорусской литературе периода первого возрождения и поддерживается публицистикой.

Белорусские обозначения свободы в художественной литературе передают значения ‘личная независимость, самостоятельность’; ‘состояние, противоположное неволе: тюремному заключению, крепостному праву и др.’; ‘период времени’; ‘отсутствие преград, простор’, помимо приведенных в начале раздела. Субъектом свободы в художественной литературе чаще выступает человек или государство (второе – в произведениях о Великой Отечественной войне), в поэтических текстах – элемент природы (при ее антропоморфизации), хотя группа людей также возможна в качестве субъекта.

Иная позиция представлена в анкетах. Поскольку информантами были молодые люди, то анкеты отражают понимание свободы новым поколением белорусов и изменение содержания концепта в современной белорусской языковой картине мира. Свобода в современном понимании – личностная категория. Это индивидуальная независимость, это свобода выбора, это *свабодны чалавек*. Свобода индивидуума в понимании молодых белорусов не-

отделима от ответственности и обязанностей, особенно в межличностных контактах. Ответы информантов показывают, что они осознают связь между личностным и социальными аспектами свободы: личная свобода обеспечивается свободой социальной и во многом зависит от нее. Однако нельзя не отметить, что социальный аспект реализуется только во фразах, т.е. воспроизводится автоматически. Как известно, клишированные контексты воплощают самые устойчивые представления – трактуя свободу как индивидуальное состояние, белорусская молодежь опирается на традицию ее понимания как социальной ценности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Bartmiński J.* O językowym obrazie świata – razjeszcze // *Poradnik Językowy*. 2014. 7–24.07.

² Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. Мінск, 2005; Глумачальны слоўнік беларускай мовы / Пад рэд. К. Крапівы. Т.1-5. Мінск, 1977–1984.

³ *Іванова С., Іваноў Я.* Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакраіназнаўчы дапаможнік. Мінск, 1997; *Ленішаў І.Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–2. Мінск, 1993; *Суднік М.Р.* Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі. Мінск, 1957; *Фядосік А.С.* Анталогія беларускай прыказкі, прымаўкі і выслоўя. Мінск, 2002; *Янкоўскі Ф.* Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. Мінск, 2004.

⁴ Зварот Льва Сапегі да ўсіх саслоўяў Вялікага княства Літоўскага // Беларуская Палічка [Электронны рэсурс]. URL: <http://knihi.com>. Дата абрашчэння: 01.10.2013.

⁵ Картагэка Гістарычнага слоўніка беларускай мовы (Мінск, 1982).

⁶ *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

⁷ *Corpus Albaruthenicum* [Электронны рэсурс]. URL: <http://grid.bntu.by/corpus>. Дата абрашчэння: 01.10.2013.

⁸ Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. URL: <http://bnkorporus.info/about.html>. Дата даступа: 01.10.2013.

⁹ Yet Another Belorussian Corpus [Электронны рэсурс]. URL: <https://github.com/poritski/YABC>. Дата абрашчэння: 01.10.2013.

¹⁰ *Гамеза Л.М.* Комплексны лексічны слоўнік беларускай мовы (сінонімы, антонімы, амонімы, паронімы). Мінск, 2008.

¹¹ *Панейка А.А.* Лексічныя асацыятыўныя палі ў беларускай і рускай мовах: Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2000.

¹² *Руденко Е.Н.* Концепт «свобода» в языковой картине мира белорусов: развитие и функционирование // *Etnolingwistyka*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2011. С. 177–194.

¹³ *Цітова А.І.* Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1981.

¹⁴ Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Российская Академия наук. Редкол.: Н.В. Уфимцева (гл. ред.) [и др.]. М., 2004.

А.И. ЧИВАРЗИНА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В МАКЕДОНСКОЙ ПОХОРОННОЙ ОБРЯДНОСТИ

Abstract:

Chivarzina A.I. *The color symbolism in the Macedonian funeral rites*

The article considers specific features of the Macedonian funeral tradition. The research focuses on the color side of the problem: the use of the color terms during funeral rites, their meanings and connotations manifested in the ritual acts.

Ключевые слова: похоронная обрядность, базовые цветообозначения, балканские языки, балканославянские обычаи.

На Балканах традиционный уклад жизни не игнорирует смерть, она постоянно присутствует в обрядах перехода (в обрядах рождения, крещения, свадьбы и т.д.), упоминается в народных песнях. Умирание рассматривается как данность. Цель посмертных обрядов – успешные «проводы» в загробный мир, через что подкрепляется вера в вечную жизнь: утверждение преемственности, цикличности, круговорота энергии в природе.

Занимаясь изучением похоронной обрядности на материале балканских народов, следует иметь в виду продолжительный процесс формирования народной традиции, которая представляет собой многочисленные переплетения старых верований (язычество), влияний балканского субстрата (например, цвет и крой одежды) и соседних культур, христианской церковной традиции (так, по православным канонам священников хоронят в белом). Символика цвета проявляется как в ассоциациях с реалиями, окрашенными в тот или иной цвет, так и в сопоставлении с другими цветами, действовавшими в ритуале¹.

Спектр цвета, связанный с умиранием и присутствующий в похоронных обрядах, достаточно беден, но каждый из представленных цветов максимально насыщен значениями.

1) Чёрный цвет, будучи одним из основных элементов цветовой символики, обладает однозначно негативной оценкой, ассоциируясь с несчастьем, мраком, смертью, землей, нечистотой, потусторонним, «чужим» миром².

Негативная семантика черного цвета отражена в македонской фразеологии и метафорике: в причитаниях сироты встречается «чёрная судьба» (*църни ризик*), а вдова «чернеет» в горе (*што*

*ти било наречено, / кога ти си се родило, / од пустите наречници/
за да останеш вдоица/ и да умреш поцрнета* ‘что тебе предрекли/
когда ты родилась, / проклятые наречницы, / да останешься ты
вдовой / и умрешь почерневшей’)³, черным называется враг как в
прямом *црни душмани* ‘черные враги’⁴, так и в переносном значе-
нии *црна змија* ‘черная змея’ (*црна земја је студена, / тамо има
црна змија, / црна змија тројоглава, / ќе ти пиет твојте очи* ‘чер-
ная земля студеная, / там змея черная, / змея черная трехглавая, /
будет пить твои глаза’)⁵.

По народным представлениям, в черных одеждах приходят
существа другого мира, предсказательницы судьбы человека (*на-
речници*). Сама смерть или тяжелая болезнь является в персонифи-
цированном образе женщины в черном, в названиях таких болез-
ней присутствует указание на цвет: *црна чума* ‘черная чума’, *црна
болка* ‘черная боль’, *црна кашлица* ‘черный кашель’: *од седум го-
дини мачен / од пушта црна кашлица, / што ти извади твоја душа
/ се да кашлаш и да плукаш / цели тасон да полниш* ‘семь лет му-
чился / проклятой черной чахоткой, / которая вынула твою душу /
все кашляешь да плюешь, / целую чашу наполнишь’⁶. В наррати-
вах о смерти носители македонского языка называют смерть *Црна
Чума, Црна Ага*⁷.

В некоторых областях Македонии предметы и животные
черного цвета используются при гадании на смерть: если вдруг
петух запоет с опущенной головой, то его ощипывают у гребня:
когда перья окрашены в запеченую черную кровь – к несчастью
(*ако никне црно, викаат не е на арно* ‘если покажется черное, го-
ворят – не к добру’), и напротив, в обрядах, направленных на из-
бежание смертей в доме, убивают черную курицу, получающую за
счет цвета апотропеические свойства⁸.

Черный цвет ассоциируется со злом и болью, с грехом. По
прошествии десяти лет в некоторых районах Македонии соверша-
ется повторное погребение: по костям определяют не только за-
гробную судьбу человека, но и состояние души на момент смерти:
*ако биле црни (коските), многу бил жалосен. Жалосно – ако било
некое помладо. Многу му црнееле (коските) за младоста, му било
жал, му поцрнеле коските* ‘если были черными (кости), то очень
печалился. Жалко – если был молодым. Очень чернели у него
(кости) по молодости, было ему жалко, почернели кости’⁹.

2) Черному цвету смерти и траура противостоит в оппозиции
по признаку «темный/светлый» белый цвет. В похоронной обряд-
ности белый наделяется значениями, полярными черному цвету.

Положительное восприятие отражено в македонской фразеологии, используемой в народных причитаниях: *на бел свет, по бела виделина* ‘на земле, среди людей’ (*девет години татко и мајка жалеа, /.../ на бел свет не се јавија, / тенка Калина жалеа* ‘девять лет отец с матерью печалились, /.../ на люди не показывались, / стройную Калину оплакивали’; *тогај си излегла танка Ангелина, / тогај си излегла по бела виделина, / си го зела Ивана јунака* ‘тогда вышла стройная Ангелина, / тогда вышла на люди, / выбрала себе Ивана-юнака’¹⁰) – это наиболее частотные устойчивые выражения, встречающиеся в каждой из песен-причитаний, несмотря на то, что последние носят преимущественно импровизированный характер¹¹.

Свет этого мира противопоставляется посмертному мраку: *се случувало постарите луѓе да побараат од своите блиски да ги изнесат надвор, во дворот, за да се «простат со белото видело»* ‘бывало старики попросят своих родных вынести их на двор, на двор, чтобы «проститься с белым светом»’¹². В Пиринском крае мерку с покойника брали белой нитью, в дальнейшем ее использовали для изготовления сорока свечей, которые следовало израсходовать в последующие дни¹³. На гробу оставляли переплетенные белую и черную нитку – черную погребали вместе с умершим, белую как символ мира и жизни оставляли в доме. В завершение похорон на могиле танцевали *оро* с белым платком, знаменуя тем победу жизни над смертью¹⁴.

В некоторых районах Македонии в гаданиях на смерть белый цвет перьев петуха трактуется в положительном ключе (*ако никнат бели пердуви, било на арно* ‘если покажется белое – к добру’). При повторном захоронении светлый цвет костей следовало считать знаком счастливой судьбы умершего, такой человек почитался праведником, а мирро с его костей использовалось как исцеляющее средство¹⁵.

Отдельно следует сказать о реликтах белого траура, которые по-прежнему сохраняются у южных славян¹⁶, а по материалам Х. Вакарелского на территории этнической Македонии тоже: в юго-западной Македонии и в Родопах женщины повязывают на головы или подбородок белые платки¹⁷. Белый траур до сих пор встречается у сербов на Косовом поле и в Метохии, а также у черногорцев¹⁸. Есть и македонский материал на основе народных песен: *станала, си врзала бела крпа, се подбрадила и заиграла. Заиграла и рекла: се ќе прежалеа, еве бела крпа су си врзала, се ќе прежалеа, и синови, и ќерки* ‘встала она, повязалась белым платком, повязалась и пустилась в пляс. Заплясала и сказала: перестану скорбеть

по всем, вот и белый платок себе повязала, всех перестану оплакивать, и сыновей, и дочерей'¹⁹. Пророчащими скорую смерть считаются сны, где встречаются белые одежды, напоминающие цвет савана: *Що се отнася до сънуването на бял покров, то е естествено асоцииране с гробния покров от бяло платно* 'что касается видения во сне белого покрывала, то оно соответственно ассоциируется с погребальным покрывалом из белой ткани'²⁰.

Несмотря на присутствие реликтов белого траура у славян, этот цвет нельзя считать синонимичным черному в похоронной символике, наоборот – белый надевают, чтобы дети рождались здоровыми и сильными, чтобы вдова вновь могла выйти замуж, чтобы умерший мог видеть на «том свете» – «чтобы у него не было темно в глазах»; с этим связан и обычай, известный у других славянских народов, обряжать покойника во все светлое²¹.

3) Красный и желтый цвета встречаются достаточно редко. Красный ассоциируется с кровью и жизнью, желтый – с солнечным светом и золотом, а в похоронной обрядности они могут выступать синонимами друг другу (как царские символы), а также синонимами белого цвета в противопоставлении загробному мраку. Нити красного или желтого (иногда белого²²) цвета клали на губы умершего (*ѓувезинче црвено* – бук. 'красенькое красное')²³. В качестве примера можно привести отрывок из романа 1980 г. П.М. Андреевского «Пырей», в котором повествование строится на описании народной жизни македонцев, ритуалов и традиций. Приведенный ниже отрывок является фрагментом описания похорон главной героини по имени Велика:

На стисната уста смртта и' стоеше како незарастена лузна, како трага од долго целивање со неа. Од ушите и од ноздринките и' се подаваше црвено пасменце волна 'На стиснутых губах стояла смерть, словно незаживший шрам, словно след от долгого поцелуя с ней. Из ушей и носа были видны красные ниточки шерсти'²⁴.

Красный, считаясь цветом жизни, использовался в качестве защитного средства для вдовца или вдовы, чтобы те имели возможность заключить второй брак (*ќе врзат вута алова напре* 'повяжут красный фартук спереди')²⁵. В случае крайней необходимости даже беременным разрешалось прощаться с покойником, если те держали в руке лоскут или нитку красного цвета²⁶. Следует также отметить, что в центральной Сербии сохранился, например, обычай откупа, когда близнец клал на грудь умершему брату желтый или белый цветок²⁷ со словами: *Ја теби жут / бели цвет, а ти мени бели свет!* 'Я тебе желтый/белый цветок, а ты

мне белый свет!²⁸. Этот же ритуал совершается и при откупе одномесечника или однодневника²⁹. В некоторых районах (у болгар) прибегают к обману смерти: в гроб кладут красную (белую³⁰) нить, живому брату дают черную (желтую), а непосредственно перед погребением нити подменяют³¹.

4) Зеленый цвет встречается в причитаниях по неженатым парням и девушкам, отсылая к свадебным обрядам перехода, где зеленый выступал в значении чего-то опасного для молодых, зловещего, являясь контекстуальным синонимом черного³². Положительная коннотация зеленого проявляется в растительном коде: вдовец или вдова должны были трижды обойти зеленое дерево, чтобы покойный супруг не препятствовал новому браку³³.

5) Синий цвет в похоронной обрядности конкретно на территории расселения македонцев встречается редко. Есть информация, что в районе Охрида женщины надевали в траур синие платки, но затем стали использовать белый цвет ткани³⁴. Из общеславянского материала известно, что синий часто выступает синонимом черного при трауре, подобно черному цвету он ассоциируется с мрачным загробным миром и мифическими существами потустороннего мира³⁵.

Таким образом, в похоронной обрядности македонцев наиболее часто встречается черный цвет, являясь воплощением горя и смерти, ему противостоит белый, символизируя жизнь и солнечный свет этого мира. Редко встречаются желтый и красный в качестве синонимов белого, и зеленый – преимущественно в значении черного на похоронах неженатых парней и незамужних девушек. Реликты белого траура связаны с защитной, апотропеической функцией этого цвета в похоронной обрядности и не препятствуют восприятию его как положительного. Можно заключить, что последние минуты земного пути человека – похороны, будучи максимально наполненными архаикой, не нуждаются в развитой системе цветообозначений. Все разнообразие спектра сворачивается до первой, редко до второй ступени эволюции цвета³⁶: когда все цвета делятся на темные и светлые, холодные и теплые, когда посмертный мрак («тот свет») противопоставлен солнечному свету и когда единым цветом выступают красный-желтый-белый и черный-зеленый-синий, а их замена внутри группы не релевантна. Если же встречаются элементы основного значения цвета, как, например, с зеленым (символ молодости и здоровья) или красным (символ крови и жизни), то они адресуют к другим обрядам, наполненным красками, таким как свадьба³⁷. Получается, что именно в похоронной обрядности у народа с развитой системой цвето-

обозначений, т.е. обладающего всеми терминами цвета, необходимыми на последней, седьмой, стадии³⁸, можно наблюдать законсервированные первые шаги эволюции цвета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Колосова В.Б. Цвет как признак, формирующий символический образ растений // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 264.

² Белова О.В. Черный цвет // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2012. Том 5 (С–Я). С. 513–518.

³ Китевски М. Македонска народна лирика. Обредни песни. Скопје, 1997. С. 223.

⁴ Там же. С. 229.

⁵ Там же. С. 224.

⁶ Там же. С. 221.

⁷ Ристески Л.С. Посмртниот обреден комплекс во традициската култура на Мариово. Прилеп, 1999. С. 27, 34–35.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Там же. С. 107.

¹⁰ Речник на македонската народна поезија. Во 4 тома. Скопје, 1983. Т.1. С. 92.

¹¹ Китевски М. Македонска народна лирика... С. 194.

¹² Ристески Л.С. Посмртниот обреден комплекс... С. 65.

¹³ Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. Българска Академия на науките. София. 1980. С. 414–421.

¹⁴ Ристески Л.С. Посмртниот обреден комплекс... С. 92.

¹⁵ Там же. С. 48, 107.

¹⁶ Толстой Н.И. Белый цвет // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995. Том 1 (А–Г). С. 152–153; Толстая С.М. Траур // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2012. Том 5 (С–Я). С. 314–317.

¹⁷ Цит. по: Вакарелски Х. Български погребални обичаи. Сравнително изучаване. София, 1990. С. 53; Шапкарев К.А. Сборник от български народни умотворения. Част първа. Простонародна българска поезия или български народни песни. София, 1891. С. 105, 153.

¹⁸ Цит. по: Вакарелски Х. Български погребални обичаи... С. 155; Филиповић М.С. Белешке о народном животу и обичајима на Гласинцу. Гл. ЗМБХ. 10. 1955. С. 117–136.

¹⁹ Ристески Л.С. Посмртниот обреден комплекс... С. 92.

²⁰ Вакарелски Х. Български погребални обичаи. Сравнително изучаване. София, 1990. С. 43.

²¹ Толстой Н.И. Глаза и зрение покойников // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 192–193.

²² Етнография на Македония. Извори и материали в два тома. София, 1992. Том 2. С. 315.

²³ Ристески Л.С. Посмртниот обреден комплекс... С. 71.

- ²⁴ *Андреевски Петре М.* Дениција. Пиреј. Битола, 2008. С. 75.
- ²⁵ *Ристески Л.С.* Посмртниот обреден комплекс... С. 87.
- ²⁶ *Толстая С.М.* Покойник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2009. Том 4 (П–С). С. 116.
- ²⁷ *Колосова В.Б.* Цвет как признак... С. 264.
- ²⁸ *Толстой Н.И.* Близнецы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995. Том 1 (А–Г). С. 192.
- ²⁹ *Плотникова А.А.* «Одномесечники», «Одnodневники» // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Том 3 (К–П). С. 533.
- ³⁰ *Ристески Л.С.* Посмртниот обреден комплекс... С. 92.
- ³¹ *Плотникова А.А.* «Одномесечники», «Одnodневники»... С. 533.
- ³² *Гура А.В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012. С. 675–676.
- ³³ *Ристески Л.С.* Посмртниот обреден комплекс... С. 88.
- ³⁴ Извори за българската етнография. Етнография на Македония. Материали од архивното наследство. София, 1998. Том 3. С. 269.
- ³⁵ *Белова О.В.* Синий цвет // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2009. Том 4 (П–С). С. 640.
- ³⁶ Ср. классификацию в: *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: their universality and evolution. Los Angeles, 1969.
- ³⁷ *Виноградова Л.Н.* Похороны-свадьба // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2009. Том 4 (П–С). С. 225–227.
- ³⁸ *Berlin B., Kay P.* Basic color terms...

Н.Н. СТАРИКОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**ФЕНОМЕН ПОСТМОДЕРНИЗМА В СЛОВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ***

Abstract:

Starikova N.N. *The phenomenon of postmodernism in Slovenian literature: pre-conditions and consequences*

The article is devoted to the problems of specificity in genesis and functioning of postmodernism in Slovenian literature and to the impact it has had on the national literary process.

Ключевые слова: словенская литература, постмодернизм, интертекстуальность, новая словенская проза, молодая словенская проза.

Каждое новое литературное направление ищет новые аспекты реальности и на их основе формирует свое видение картины мира. Многозначный и динамически подвижный (в зависимости от исторического и социального контекстов) комплекс философских и эстетических представлений, именуемый в современной науке постмодернизмом, выступает, прежде всего, как способ мировосприятия и характеристика определенного менталитета. Феномен его возникновения связан с кризисным состоянием современной цивилизации в целом и общественного сознания в частности и с общим изменением социокультурной ситуации, в которой под воздействием масс-медиа начали формироваться стереотипы массового сознания. С точки зрения генеалогии постмодернизм можно интерпретировать как синтез постструктуралистских и деконструктивистских концепций и современной художественной практики. Применительно к литературе представляется возможным рассматривать это явление и как совокупность приемов, необходимых для выработки универсального художественного языка путем конвергенции, даже сращивания и интерференции различных литературных направлений. В основе этого языка лежит принцип игры знаков, ибо «никакой монолог, никакой метод уже не могут всерьез претендовать на полное овладение реальностью [...]». Все языки и все коды, на которых когда-либо человечество общалось само с собой, все философские школы и художественные направления теперь становятся знаками культурного сверхъязыка.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 15-04-00161а.

зыка, своего рода клавишами, на которых разыгрываются новые полифонические произведения человеческого духа»¹. Мир мыслится как текст, как игра сознательных и бессознательных заимствований, цитат, клише, в котором иерархия ценностей аннулируется ради сосуществования разных культурных моделей и канонов, самоценных, самодостаточных и не сводимых друг к другу. Стремление избежать однозначности, передать многоликость и незаключенность истины – одна из главных причин обращения авторов к художественным принципам постмодернизма. И хотя не для всех участников результат оказался одинаково успешным, в литературе именно постмодернизм во второй половине XX в. стал местом столкновения противоположных творческих сил, тем самым эпштейновским «парадоксом в действии»², который придал мировому литературному процессу импульс художественного обновления.

Одним из специфических свойств словенской литературы на протяжении всего пути была ее национально-охранительная функция. По сути, художественные тексты на словенском языке на протяжении столетий являлись главным консолидирующим инструментом, «держали» нацию. Стоя на страже национальных интересов, институт словесности долгое время был также инструментом общественной борьбы за национальное возрождение. Отсюда – стойкий и последовательный консерватизм художественного сознания как в сторону европейских инноваций, так и по отношению к собственной литературной традиции. Осознание принадлежности к общеевропейской культуре, тяготение к западноевропейскому опыту наблюдалось у словенцев еще на рубеже XIX–XX вв. Однако следуя за литературной модой, будь то декаданс, авангард, модернизм, словенские авторы всегда демонстрировали лояльность к национальной традиции, не посягали на такие абсолютные величины, как гражданственность, патриотизм, национальное самосознание. Следствием такого «сверхсерьезного» подхода стало значительное снижение потенциала иронического и пародийного в литературе в целом. Выровнять эту диспропорцию, преодолеть стойкий, последовательный, «генетический» консерватизм национального художественного сознания, компенсировать недостаток иронии как одной из важнейших составляющих комического в определенной степени помог именно постмодернизм. Он стимулировал модус карнавализации (веселой относительности) самой причастности к национальной художественной классике, к тем клише, которые неизбежно приобретает любая литература в процессе своего функционирования. Впервые иерархия архе-

типических художественных ценностей была подвергнута «оперативному вмешательству», благодаря которому многие табу оказались сняты. При этом произошла удивительная вещь: модернистская эстетика эксперимента, порожденная противоречием между предельно обособленной и самоуглубленной индивидуальностью и отчуждающимися, надличностными тенденциями развития общества и культуры (массовое общество, тоталитарное государство, электронные технологии и т.д.) сменилась возобновлением интереса к «традиционным» темам и классическим формам, но уже без тех противоречий и надрывов, которые определяли модернистское сознание. Творческий поиск в литературе обогатила игра, высвобождающая сознание из-под гнета стереотипов, но игра, в которой, «нет воли самих играющих, а только бесконечные игрушки игры – знаки, цитаты, информационные коды»³.

Вопрос о предпосылках возникновения и характере развития национального постмодернизма давно занимает словенских литературоведов. Свидетельство тому – обилие исследований, посвященных этому явлению национальной литературы, среди которых можно назвать «Трудности с постмодернизмом» (1982), «Словенская литература после модернизма» (1989–90), «На пути к постмодерне» (1995) Я. Коса; «Сфинкс постмодерна» (1989) А. Дебеляка; «Постмодерн и “молодая словенская проза”» (1991), «Страх перед наивностью. Поэтика постмодернистской прозы» (2000) Т. Вирка; «Гордость и предубеждение» (1996) М. Коса; «Отечественный Парнас в кавычках: пародия и словенская литература» (1997), «Интертекстуальность» (2000) М. Ювана. При этом словенскую литературу можно отнести к той категории европейских литератур, где постмодернизм, не заняв господствующего положения, все же бесспорно оказал определенное влияние на литературный процесс.

Постмодернистские веяния начали ощущаться в культурном пространстве Словении еще в период титовской Югославии, в определенном смысле как реакция на идеологическую несвободу в период позднего тоталитаризма, а затем и на само крушение социалистической системы. Идеологические предпосылки стали одной из причин того, что в словенской литературе, как и в других славянских литературах⁴, сначала начал складываться «политический» вариант постмодернизма и лишь потом классический западный – «деконструктивный»⁵. Словенские литераторы, активно «подключаясь» к уже сформированному постмодернистскому видению мира, пытались в его стилистике описать собственный опыт, по своей природе совершенно иной, чем в Америке и Западной Ев-

ропе. Стремясь освободиться от всех нелитературных задач, они стали искать опору во многих ключевых позициях философии постмодернизма: в устремленности к синкретизму мышления, в предостережениях об исчерпанности старых взглядов на историю, в обесценивании вечных ценностей, в том числе кажущихся незыблемыми канонов красоты, в принципиальном плюрализме художественных языков, в «постмодернистской чувствительности» (специфическом видении мира как хаоса, представляющего сознанию лишь в виде неупорядоченных фрагментов). При этом словенская литература имела предпосылки для формирования и «западного» варианта. Об этом свидетельствует, например, творческое наследие В. Бартола.

Появление в конце 1930-х годов в (по европейским меркам) скромной литературе новаторского романа, получившего международное признание, ставшего, пусть даже с полувековым опозданием, бестселлером и на родине, и за границей и оказавшего бесспорное влияние на всю послевоенную прозу Словении, – факт из ряда вон выходящий. Таким уникальным явлением стал роман Владимира Бартола (1903–1967) «Аламут», опубликованный в 1938 г. и переживший настоящее второе рождение в канун словенской «бархатной» революции конца 1980-х годов. Внимание Бартола привлекли события восьмисотлетней давности, последствия которых не просто повлияли на всю дальнейшую биографию человечества, но остаются актуальными и в XXI в., а именно – история зарождения мирового политического терроризма, вскормленного исламом. Одним из первых в европейской литературе он обратился, с одной стороны, к столь экзотическому для родной культуры, с другой – абсолютно вневременному, универсальному по своему философскому и этическому смыслу материалу мировой истории, ставшему благодаря общественно-политическим катаклизмам первой половины XX в. необычайно актуальным. Писатель, опираясь на античные и европейские философские концепции и учения через интертекстуальный подход, цитаты, парафразы, аллюзии, прямой пересказ, ввел в произведение обширный, можно сказать, энциклопедический философский контекст, формирующий ассоциативное «подключение» читателя к мировой культуре. Бартол соединил языки и понятия разных эпох и культур, первым в национальной литературе использовал прием полистилистики – «вживления элементов разных эстетических направлений»⁶. Его средневековый иранец оперирует понятиями и категориями, сформулированными, главным образом, мыслителями последующих столетий – Декартом, Макиавелли, Ницше, Фрейдом. Центральная

фигура «Аламута», исламский философ и по совместительству шеф религиозных фанатиков-камикадзе Ибн Саббах воплощает в романе известную гипотезу о том, что идеи Ницше много старше его самого. Роман, синтезирующий черты романа исторического, философского, психологического, приключенческого, явился, по сути, первой попыткой соединить элитарное искусство с массовой культурой, неслучайно он назван литературоведом Б. Патерну «словенским вариантом “эковского” романа»⁷.

Еще до упомянутого ажиотажа по поводу Бартола и его романа, в середине 1970-х годов в словенской прозе сложилось новое «радикальное» направление, основанное на альтернативном отношении к потенциальным возможностям родного языка, ориентированное на эстетическое противодействие системе (форма протеста) и реализуемое в разных типах так называемой тривиальной литературы – от научной фантастики до детектива. Авторы этой «новой» прозы М. Швабича (1949–1993), Б. Градишника (род. 1951), Э. Филипчича (род. 1951), У. Калчича (род. 1951), В. Ковачича (род. 1953) можно назвать предтечами словенского постмодернизма⁸. Их произведения отличает провоцирующая сатира на архетипические национальные мифологемы, с помощью которой традиционные сюжеты и художественные каноны переворачиваются с ног на голову, пародирование классиков и гротескный маньеризм стиля. Часто главным героем их прозы становился собственно словенский язык со всеми его музейными запасниками и новациями – от Я. Трдины* до Р. Шелиго** – с характерным смешением диалектизмов, жаргонизмов, вульгаризмов и неологизмов. Такое авангардное обновление лексики приводило иногда к деформации фабулы. Показателен в этом плане сатирический роман-антиутопия «Херувимы» (1979), изданный под псевдонимом Йозеф Паганел Э. Филипчичем и Б. Градишником. Соавторы, не без влияния политической сатиры видного словенского социолога, публициста, прозаика и общественно-политического деятеля Д. Рупела (род. 1946) конструируют «перекомбинированную» действительность, оперируя сюжетами мировой истории и произвольно и неправдоподобно их компануя. Действие романа переносится в 1960-е годы, когда Словения путем революции освобождается от гнета соседней Турции и начинает жить самостоятельно. В кари-

* Янез Трдина (1830–1905) – классик словенской литературы, основатель фольклоризированного реализма.

** Руди Шелиго (род. 1935) – прозаик и драматург модернистского направления, политический и общественный деятель.

катурных персонажах участников «словенской революции» угадываются черты реальных политиков и деятелей культуры. Откровенно сатирически показано партизанское движение словенских подпольщиков на территории Турции.

В целом продолжая эксплуатировать одну из «становых» тем литературы XX в.: «человек и общество», авторы «новой» прозы искали убежища внутри создаваемого художественного текста, полагая, что именно там их ждет абсолютная свобода. Стирая границы между реальностью и художественной условностью, некоторые из них (прежде всего Швабич, Градишник и Калчич) изменили сам подход к искусству слова, которое в их представлении первично по отношению к современной действительности. Они обновили и реконструировали «малые» жанры – очерк, новеллу, анекдот.

В дальнейшем эта тенденция к минимализации прозы была реализована следующей генерацией писателей, вошедшей в литературу в середине 1980-х годов. Это Ф. Франчич, В. Жабот, И. Забел, Ф. Лаиншчек, А. Морович, И. Братож, Я. Вирк, Л. Гачник, А. Блатник, Л. Ньятин, А. Шушулич, М. Ленардич. Произведения этой молодежи (более десяти имен, средний возраст в момент дебюта – 25 лет) получили название «Молодая словенская проза» (МСП). Помимо возраста авторов объединял достаточно высокий профессионализм (рассказы Блатника, Ньятин и Вирка вошли в первую антологию современной словенской прозы для англоязычных стран «The Day Tito Died. Contemporary Slovenian Short Stories», 1993 г.), а также склонность к некоторой аберрации художественного сознания и общий меланхолический тон произведений. Это настроение было задано двадцатилетним Блатником в его первом сборнике рассказов «Букеты для Адама вянут» (1983), с которого, собственно, и начинается свое бытование МСП: «[...] когда я пишу эти строки, я хорошо понимаю, что человечество еще не изобрело надежного способа сойти с хрупкой насыпи мимолетности»⁹. Эта цитата может служить эпиграфом не только для «малогобаритных» (от одного предложения до 3–5 страниц) рассказов этого сборника, но и для стилистически разнородных, зашифрованных текстов А. Моровича (сб. «Свободный бег», 1986 г.), И. Забела (сб. «Стратегии. Тактики», 1985 г.), Л. Ньятин (сб. «Теснота нетерпения», 1987 г.), для социально-критической «мужской» прозы Ф. Франчича (сб. «Ego trip, 1984 г.; «Нет», 1986 г.) и Ф. Лаиншчка (роман «Перонары»*, 1982 г.), для философских новелл

* Перонары – те, кто живёт на перроне, привокзальные бомжи.

Я. Вирка (сб. «Прыжок», 1989 г.). От авторов «радикального» направления 1970-х годов эти молодые интеллектуалы 1980-х переняли свободу в обращении со своим главным инструментом – художественным словом, метафиктивность построения фавулы и увлеченность стилевыми и интертекстуальными экспериментами. В их текстах четко прослеживается установка на литературную игру смыслов и намеренное стирание грани между собственно отображением действительности и реконструкцией сюжетов на основе уже существующих художественных интерпретаций реальности, т.е. созданием неких гипотетических конструкций. В то же время эти прозаики в несколько большей степени, чем их более старшие коллеги, озабочены поисками не только новых тем и средств художественного выражения, но и нового онтологического статуса художественного творчества в целом. Это заметно на примере альманаха «Рошлин и Верьянко» (1987), программного коллективного сборника авторов МСП, ставшего, своего рода визитной карточкой этой генерации. Участники проекта должны были по мотивам известной словенской средневековой баллады с трагическим сюжетом – сын убивает нового мужа своей матери (одним из самых востребованных национальной литературой) – создать нечто свое, обыграв традиционную интригу. Крайне вольно подойдя к поставленной перед ними задаче, большинство авторов трактует вечный конфликт поколений не с позиций метафизического нигилизма как, например, Градишник или Филипчич, а – констатационно, не отрицая или разрушая, а – отстраняясь. Символическая смерть отцов им не нужна, и в самой интерпретации темы смерти отсутствует какое-либо мировоззренческое начало. Для Блатника смерть есть акт потрясающий, для Забела – непостижимый, для Ньятин – интимный, для Вирка – вселяющий ужас. Главным для этих авторов является принцип самодостаточности и необремененность никакими литературными авторитетами.

На начальном этапе МСП реализовала себя, прежде всего, как проза интеллектуальная, требующая от читателя определенной эрудиции, то есть как элитарное искусство. В 1990-е годы часть ее представителей, продолжая самоутверждаться через процесс взаимодействия автора и текста, начинают тяготеть к большей тривиализации конечного литературного продукта. В это время с романами действующих «классиков» постмодернизма: «Конгресс или убийство в территориальных водах» (1993) и «Соседки» (1995) М. Новак, «Пастораль» (1994) и «Волчьи ночи» (1996) В. Жабота, «Тао любви» (1996) А. Блатника, – начали успешно конкурировать произведения амбициозных дебютантов этого направле-

ния: М. Новак-Кайзер (род. 1951) – роман «Особые нежности» (1990), К. Маринчич (род. 1968) – роман «Цветочный сад» (1992), Т. Перчича (род. 1954) – роман «Изгоняющий дьявола» (1994).

В своей активной фазе постмодернизм в словенской литературе существовал в атмосфере взаимодействия с элементами других художественных направлений, с традицией национальной и зарубежной классики, что повлекло за собой сочетание самых разных художественных стилей, включая соединение в не виданных ранее масштабах «высокого», рафинированного и «низкого», тривиального, массового; поиск синтеза новейшей техники письма с реалистической поэтикой. Поэтому одной из особенностей словенской постмодернистской ситуации стало обилие художественных текстов, которые можно назвать «романами с элементами постмодернизма», где классическая повествовательная традиция «вбирает» приемы иного художественного опыта, и постмодернистские приемы не служат для постмодернистских целей. Подчеркнутая игра с языком, информационными кодами, интертекстуальный эксперимент часто сосуществуют в этих произведениях с «классическим» вымыслом. Ярким примером такого сосуществования является роман Д. Янчара (род. 1948) «Насмешливое вождение» (1993), в котором иронично и остроумно высмеивается модель «американской мечты». Америка показана здесь как постиндустриальное общество потребления, в культуре которого культивируется установка на консьюмеризм и удовольствие.

Инъекция постмодернизма стала для словенской литературы своеобразным транквилизатором, освободившим национальное художественное сознание от ряда комплексов и стереотипов. Как заметил Т. Вирк, постмодернизм «подрывал авторитет ее [литературы – Н.Н.] канонизированной истории, нивелировал различие между высокой и низкой литературой и подвергал сомнению традиционные эстетические критерии»¹⁰. В то же время на фоне общественных катаклизмов и влияния постмодернистской парадигмы сама роль художественного слова начала трансформироваться. После 1980 г. в Словении, по наблюдениям Я. Коса, постепенно утверждалось «представление о том, что литературу, как и все прочие сферы культуры и цивилизации, следует понимать как производственно-потребительское поле деятельности, что означает ее подчинение рынку, вкусу и “потребностям” читателя»¹¹. Такой подход стимулировал новые методы продвижения беллетристики, существенно повлиявшие на издательскую политику, оценку произведений и критерии присуждения литературных премий, на формирование литературного канона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX вв. М.: Советский писатель, 1988. С. 385.

² Там же. С. 6.

³ Эпштейн М.Н. Прото-, или Конец постмодернизма // Знамя. 1996. № 3. С. 209.

⁴ См. подробнее: Постмодернизм в славянских литературах / Отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: ИСЛ РАН, 2004; Старикова Н.Н. Постмодернизм // Лексикон южнославянских литератур / Отв. ред. Г.Я. Ильина. М.: Индрик, 2012. С. 350–355.

⁵ Вирк Т. «Политический» постмодернизм в прозе некоторых славянских литератур // Славяноведение. 2006. № 6. С. 60–61.

⁶ Липовецкий М. Патогенез и лечение глухонемой // Новый мир. 1992. № 7. С. 215.

⁷ Paterni V. Bartolov roman *Alamut* // Delo. Ljubljana, 14.12.1989. S. 5.

⁸ См. об этом подробнее: Старикова Н. Н. Словенская литература // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны: в 2 т. Том второй. 1970–1980-е гг. / Отв. ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 2001. С. 408–409.

⁹ Blatnik A. Šopki za Adama venijo. Ljubljana, 1983. S. 5.

¹⁰ Словенская литература XX века / Отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: Индрик, 2014. С. 237.

¹¹ Kos J. Primerjalna zgodovina slovenske literature. Ljubljana, 2001. S. 381.

Л.Ф. ШИРОКОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

«МАНИФЕСТЫ» И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА «ПОКОЛЕНИЯ-56» В СЛОВАЦКОЙ ПРОЗЕ

Abstract:

Shirokova L.F. *“Manifests” and artistic practice of the so-called “Generation ’56” in the Slovakian prose*

In Slovakia of the 1950s there was a new generation of writers, who gathered around the magazine “Mlada tvorba”. Youngsters expressed their views on their rights for individuality, artistic experiment, freedom from standards / patterns of the past through the “manifests”. Artistic practice showed similarities and differences of these writers’ idioms.

Ключевые слова: словацкая проза, манифест, художественный эксперимент.

Во второй половине 1950-х годов в словацкой культуре сложились предпосылки для определенного изменения идейно-художественного вектора ее развития. Главной из этих предпосылок стало, без сомнения, потепление в общественно-политической сфере, наступившее в Чехословакии после XX съезда КПСС 1956 г. На волне этой относительной «либерализации» смягчались цензурные препоны, в культурной периодике все чаще появлялись непривычно смелые полемические статьи, публиковались произведения, в которых отражался новый взгляд на устоявшиеся ценности. Сыграл свою роль и приход в литературу писателей молодого поколения, в большей или меньшей степени свободных от идеологических шор недавнего прошлого. Эту организационно не оформленную группу литераторов (поэтов, прозаиков, критиков), начавших свой творческий путь в конце 1950-х – начале 1960-х годов принято называть «поколение-56» или «поколение “Младой творбы”» – по названию литературно-художественного журнала, издававшегося с 1956 г. по 1970 г.

Молодые писатели входили в словацкую литературу в ту пору, когда в ней еще господствовал метод социалистического реализма, на основе которого создавались крупномасштабные произведения социальной направленности («Деревянная деревня» Франтишка Гечко, трилогия «Поколение» Владимира Минача, «Мертвые не поют» Рудольфа Яшика и др.). Творчество молодых стало для своего времени формой внутренней литературной полемики, спором поколений, обладавших разным жизненным опытом, раз-

ным восприятием современной действительности и пониманием роли писателя. Определенное воздействие на молодых прозаиков оказало и ставшее возможным в условиях политической «оттепели» знакомство с образцами западной литературы, в которых они находили не только новые художественные формы, но и созвучие с их собственными нравственными поисками, с психологией современного молодого человека.

Первые литературные опыты начинающих писателей относятся к середине 1950-х годов. Многие из них участвовали в работе университетского «Кружка молодых авторов», где читались и обсуждались их еще нигде не опубликованные произведения. Вскоре «Кружок» почти в полном составе влился в авторский коллектив разрешенного в 1956 г. к изданию журнала «Млада творба». Здесь дебютировали многие не именитые тогда авторы, ставшие впоследствии известными поэтами, прозаиками, критиками. Выступали молодые и на страницах других литературных изданий (прежде всего, в журналах «Словенске погляды» и «Културни живот»).

В редакционных статьях звучали призывы к усилению активной гражданской позиции писателя в рамках социалистической литературы. Вместе с тем молодые литераторы отстаивали право на собственный путь, на творческий эксперимент в отражении жизни своего современника (статьи Милана Ферко «Бунт против привычных условностей», Йозефа Кота «Наступление без оружия, или оружие без наступления», Павла Штевчека «Возвращение к литературе» и др.).

Роль своеобразного опыта «манифеста» молодых сыграла вводная редакционная статья в самом первом номере только что созданного журнала «Млада творба» за 1956 г. Молодой задор, призыв к активной творческой позиции по понятным причинам сочетался в ней с осторожными «реверансами» в сторону остававшихся еще незыблемыми основ. «Мы говорим о своем праве на эксперимент в поиске новых путей индивидуального художественного творчества», – решительно заявляли молодые литераторы, сосредоточив уже в одной этой фразе сразу несколько почти революционных пунктов программы. Однако чуть далее шла оговорка: «Молодые писатели вовсе не воспринимают поиск новых путей как недооценку или отрицание основного принципа сегодняшнего искусства – социалистического реализма. Его историческая необходимость подтверждается не только общим направлением развития мировой литературы, но и значительными достижениями создателей нашей национальной литературы¹. Не слу-

чайно, что в редакционный совет журнала на первых порах входили самые видные из них – Владимир Минач и Рудольф Ящик. Тем не менее, уже первые публикации показали тяготение дебютантов именно к эксперименту и стилевой индивидуальности (рассказы «Если бы они пришли...» Ярославы Блажковой, «Строительные леса» Йозефа Кота и др.), за что они сразу же получили свою порцию критики.

Второй публикацией, близкой к жанру манифеста, была статья бывшего в ту пору главным редактором «Младой творбы» М. Ферко, уже по традиции опубликованная в первом номере журнала за 1957 г. Это был своего рода «манифест от противного», озаглавленный в духе обновления как «Бунт против привычных условностей». Критический пафос статьи был направлен одновременно как на дидактизм и конформизм старшего поколения словацких писателей, так и на легковесность взглядов и литературных упражнений молодых. «В последнее время привычным стало для нас многое, – писал М. Ферко. – Привычным стало ханжеское причитание: “Когда мы были молодыми – вот это была молодежь!” Но привычным стало и то, что молодые закрывают глаза на разного рода негативные явления в области морали. Привычным стало для нас молчание некоторых писателей как раз в то время, когда их слова были особенно нужны. Но привычной стала для нас и манерность письма многих молодых литераторов»². И далее главный редактор в кратких разделах указал на конкретные недостатки, против которых нужно бороться литературе, стремящейся к обновлению. Со слова «Против...» начинаются и названия разделов: «Против мудрого молчания» («До каких пор будем мы ждать выполнения обещаний некоторых писателей: “Подождите, до сих пор мы не могли, а уж теперь, после XX съезда...”»), «Против “фольклоризации” поэзии» с примерами псевдонародных графоманских стихов. Напрямую молодым адресовались разделы «Против воровбыного чирикания» с критикой мелкотемья у начинающих поэтов и «Против провинциализма» с пожеланиями более глубокого знакомства с достижениями мировой литературы. В конце М. Ферко наметил и позитивный курс, по которому следует идти молодым писателям: «На страницы “Младой творбы” должна пробиться бурная и сложная жизнь нашей молодежи, наших сверстников»³. Однако у начинающих литераторов были собственные, причем самые разные, представления о сложностях жизни молодого человека, переживавшего в 1950–1960-е годы трудности, связанные не только с личным становлением, но и с резкими изменениями в окружающем мире: потеплениями, похолоданиями, с «вес-

ной 1968 г.», затем с ее крушением и долгим периодом «нормализации общественной жизни» 1970–1980-х годов.

В словацком литературоведении принято выделять две или даже три волны «молодой прозы». Писатели, принадлежавшие к первой волне – Антон Гикиш, Йозеф Кот, Ян Йоганидес, Ярослава Блажкова, Марина Череткова-Галлова, Андрей Худоба – дебютировали в «Младой творбе» в конце 1950-х годов, когда журнал, по крайней мере, формально, занимал лояльную позицию в отношении официальной идеологии.

Понятие «второй волны» связано с именами Павла Виликовского, Винцента Шикеры, Рудольфа Слободы, Петера Яроша, Ладислава Баллека, дебютные книги которых увидели свет в первой половине 1960-х годов. Они основывались на своем индивидуальном опыте, переживаниях недавнего детства и юности, на присущем этому поколению ощущении несовершенства, а порой и враждебности по отношению к себе окружающей действительности.

К концу политической либерализации 1960-х годов зазвучали голоса других молодых прозаиков – Душана Душека, Душана Митаны и др., книжные дебюты которых появились уже позднее. К ним отчасти применимо название «потерянное поколение», поскольку, продолжая путь индивидуализма, творческого эксперимента и нонконформизма, они с трудом вписывались в литературу времен «нормализации» начала 1970-х годов.

«Молодая проза» вызывала к себе пристальное внимание словацкой критики, которая стремилась определить новое качество литературы и дать оценку выходящим в свет разнообразным, но в чем-то схожим произведениям. В 1960-е годы преобладающим литературно-критическим жанром были рецензии на только что вышедшие в свет книги. Наряду с оценочными работами, представляющими критический разбор того или иного нового произведения, появлялись и более развернутые статьи, авторы которых пытались определить общие контуры прозы молодых. Более взвешенно и концептуально высказывались по поводу новой прозы критики – сверстники молодых писателей, которые не столько оценивали, сколько комментировали, а порой и теоретически обосновывали появление свежих тенденций в словацкой литературе. Программные основы молодой прозы наметил в статье «Трудности с программой» (1962) П. Штевчек: «Реализм современной прозы – всегда психологический, социальный же аспект – лишь опосредованный и вторичный»; «интеллект становится главным композиционным принципом и содержанием прозы»; «судьба человека, фиксация этой судьбы, ее развитие – вот главная тема

современной прозы»; «проза должна постигнуть реальность человека во времени, а не наоборот»⁴.

Иной ракурс в восприятии и отражении действительности молодых по сравнению с их предшественниками видел Ю. Ноге: «Молодая словацкая проза в большей своей части – это не литература “больших тем”»; «прозаики предлагают читателю не масштабные концепции, а то, что есть в них самих, что они знают – свое детство, положительный и печальный опыт своей молодости, мечты, иллюзии и разочарования»; «их мир – это часть большого настоящего сегодняшнего мира, но все же мир, свой собственный, заново созданный в литературе»⁵. Другой важный аспект, отмечаемый критиками молодой прозы, – новое в концепции личности, иной герой в иных обстоятельствах его самораскрытия. «Ставшая уже затертой фраза о человеке как главном объекте искусства становится реальностью лишь теперь, в произведениях этих молодых прозаиков»; «они исходят из более субъективного и углубленного видения действительности»⁶ – писал Я. Штевчек, анализируя книги Я. Йоганидеса.

Особенно отчетливо видятся специфические черты героя молодой прозы в сопоставлении с крупными произведениями социалистического реализма 1950-х – начала 1960-х годов. Так, В. Петрик отмечал стремление молодых «показать человека изнутри, в его естестве – в отличие от авторов прежних книг, где человек трактовался в первую очередь как представитель своей социальной группы»⁷. Еще более развернуто проводит такое сопоставление критик М. Гамада, ровесник и соратник молодых писателей, рассматривая в качестве примера лишь одну из книг: «Если большинство наших прозаиков среднего поколения представляет человека как существо общественное и нередко сводит его характеристику к социально-политической составляющей, то Йоганидес сосредоточивается только и исключительно на человеке как существе частном, носителе определенного психофизического содержания»⁸.

Выступления М. Гамады вызвали ответную реакцию крупнейшего представителя упомянутого им тогдашнего «среднего» поколения – В. Минача. На страницах литературной периодики между ними завязалась острая полемика, по самому своему характеру не оставлявшая надежд на сближение позиций, поскольку проблемы молодой литературы рассматривались с разных точек зрения. В. Минач был убежден в чужеродности нового видения человека в произведениях молодых авторов, подверженных, по его мнению, влиянию модных течений западной литературы.

М. Гамада воспринимал этот спор как принципиальное столкновение позиций двух поколений и даже двух идеологий. «В действительности речь идет о новом и ином мировосприятии моего поколения, – писал он в статье «Не за экзистенциализм – за экзистенцию человека!», – фатализм или вера Минача в то, что история неотвратимо движется к оптимистическому разрешению, никак не удовлетворяет наше поколение... Этический аспект мы воспринимаем как в высшей степени политический, и то, что иные считают всего лишь исторической ошибкой, мы называем деградацией человечности»⁹.

Многие из начинавших свой творческий путь в 1960-е годы остались в литературе надолго, составив ее основу, центральный и наиболее плодотворный идейно-художественный фундамент. Их творческие и человеческие судьбы складывались впоследствии по-разному, однако уже дебютные книги стали для каждого не только визитной карточкой, но и серьезной заявкой на свой особый путь в словацкой прозе XX века. О новизне творческого мировосприятия молодых говорили сами названия их первых книг: «Мечта приходит на станцию» (1961) А. Гикиша, «Нейлоновый месяц» (1961) Я. Блажковой, «Там, где пьют радуги» (1962) А. Худобы, «Личное» (1963) Я. Йоганидеса, «Дом для живых» (1963) П. Балги, «Последние» (1963) Й. Кота, «Послеполуденный отдых на террасе» (1963) П. Яроша, «Не аплодируйте на концертах!» (1964) В. Шикеры, «Вернется некто другой» (1964) Д. Кужела, «Нарцисс» (1965) Р. Слободы, «Воспитание чувств в марте» (1965) П. Виликовского, «Путь на морское дно» (1966) Я. Ленчо, «Документы о видах» (1966) П. Груза, «Бегство на зеленый луг» (1967) Л. Баллека и др.

Одной из первых книжных публикаций молодого поколения стала новелла Антона Гикиша (род. 1932) «Мечта приходит на станцию» (1961). «Производственный» сюжет (электрификация железной дороги) еще вполне соответствовал критериям социалистического реализма, однако служил во многом лишь фоном для раскрытия отнюдь не одномерных характеров. Герои Гикиша, уже в начале новеллы представленные автором, также традиционны для производственного романа: это бригадир монтажников, инженер-электрик, корреспондент газеты, ночной сторож, бетонщик, швея. Однако все они люди неуспокоенные, часто страдающие от старых душевных ран, оставленных войной, от неразделенной любви или от страха перед настоящим. Новизну в характеристике персонажей вносило использование автором разных форм

внутренней речи, а также средств монтажа, экспрессивной разбивки текста.

Своего рода феминистский экспрессионизм продемонстрировала в своей прозе 1960-х годов Ярослава Блажкова (род. 1933). Молодая героиня ее дебютной книги «Нейлоновый месяц» (1961) чувствует и действует вне всяких общепринятых правил. Характерный для новелл Блажковой конфликт отцов и детей представлен здесь в плане отторжения героиней всего старого – мещанской успокоенности и благопристойности, заученных правил хорошего тона, старомодных предметов обстановки и упорядоченных отношений. Стихия Ванды – естественность и свобода, яркость и индивидуальность, поэтому новелла изобилует гиперболами, экспрессивными образами и неожиданными ракурсами.

Опубликованный в 1963 г. сборник Яна Йоганидеса (1934–2008) «Личное» вызвал большой интерес и читателей, и критики. Уже в самом названии заключался полемический настрой: ведь идейная направленность литературы тех лет предполагала главенство коллективного, социального начала, создание образа героя с активной общественной позицией, для которого личное, частное – на втором плане. Непривычными были и пессимистическая тональность, и подробные углубленно-психологические описания душевного состояния человека, и сам способ повествования. Новелла «Личное» написана в форме монолога умершего уже человека, пытающегося объяснить своей вдове истинную причину их взаимной отчужденности. Одиночество, крушение надежд, непонимание окружающих – основной мотив книги. Детальное описание внешности, жестов, поз героя, цепкий и беспристрастный взгляд на него «со стороны», балансирование героя между жизнью и смертью – все это свидетельствовало о близости Я. Йоганидеса духу и форме хорошо знакомой ему западной литературы, особенно, экзистенциализма и «нового романа».

Самоощущение современного молодого человека в большом городе, среди массы других людей стало предметом изучения Петера Яроша (род. 1940) в новелле «Послеполуденный отдых на террасе» (1963). В подробном описании будней братиславской редакции, импульсивных поступков и эротических переживаний ее сотрудников, в прихотливом развитии сюжета, склонности к гротеску уже можно заметить черты, ставшие – при всей последующей расположенности писателя к постоянной смене художественного инструментария – определяющими для его творчества.

Первая книга Рудольфа Слободы (1938–1995) «Нарцисс» (1965) выделялась даже на фоне оригинальных дебютных произведений

молодой прозы. Прежде всего – своим жанром, поскольку другие отдавали предпочтение малым формам – новелле, рассказу. «Нарцисс» – роман, позволивший автору в полной мере раскрыться как тонкому психологу и беспощадному к себе и своему автобиографическому герою наблюдателю умственных и душевных метаний. Урбан Хромы пытается сам выстроить свою судьбу, упорно сопротивляясь общему течению: он бросает учебу в университете, работает на шахте в Остраве, отслужив год в армии, поступает разнорабочим на металлургический завод, и в финале вновь возвращается домой, опустошенный и разочарованный. Эти внешние события – лишь часть его жизни, в которой главное место занимают сны, видения, споры с самим собой, экзистенциальные переживания героя.

Уже в первых книгах Винцента Шикеры (1936–2001), опубликованных в 1964 г. – сборниках рассказов «Не аплодируйте на концертах!» и «Может, я построю себе бунгало» зазвучали свойственные всему его творчеству проникновенные ноты человеческого сострадания, внутренней неудовлетворенности, осознания несовершенства мира и неповторимой ценности каждой личности. Место действия большинства его произведений – городки и деревни Западной Словакии, родного для Шикеры виноградарского края.

Ладислав Баллек (1941–2014) дебютировал незадолго до драматических событий конца 1960-х годов одним из последних, когда многие из поколения молодых уже опубликовали свои вторые, а то и третьи книги. Герой новеллы «Бегство на зеленый луг» (1967) интеллектuala Таро Вулкан сломлен обрушившимися на него бедами; он бежит из города и колесит по стране, вымещая свою злобу в циничной игре с «жертвами» – близкими и незнакомыми людьми. Зеленый луг, вольная природа пробуждают в нем забытую человечность и сострадание, становясь и последним земным прибежищем. Новелла «Бегство на зеленый луг», вместе с двумя его следующими книгами («Красное, как лилия, странствие», 1969 г. и «Белый воробей», 1970 г.) составили своего рода «цветную» трилогию философской направленности с пессимистической тональностью повествования, ставшую завершением не только первого этапа творчества Л. Баллека, но и всего периода «золотых шестидесятых» в словацкой прозе.

Молодые словацкие писатели 1960-х, вышедшие из колыбели «Младой творбы», не составили вместе ни литературной группы с общей программой, ни какого бы то ни было творческого объединения. Их роднило изначальное отрицание идеологических

рамков социалистического реализма с его масштабностью охвата действительности часто в ущерб человеческой индивидуальности. Экспериментируя с формой и художественными средствами выражения, каждый из них выработывал собственный творческий почерк, искал и находил свой тип героя, особый ракурс видения мира. В то же время, основываясь на своем духовном и эмоциональном опыте, они осознанно или интуитивно возвращались к лучшим традициям словацкой литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Mladá tvorba. 1956. Č. 1. S. 1.

² Mladá tvorba. 1957. Č. 1. S. 2.

³ Ibid. S. 3.

⁴ Števček P. Návrat k literatúre. Bratislava, 1967. S. 73.

⁵ Noge J. Literatúra v pohybe. Bratislava, 1968. S. 192.

⁶ Števček J. Od literatúry k poznaniu // Kritika 64. Bratislava, 1965. S. 183.

⁷ Petřík V. Hľadanie prítomného času. Bratislava, 1970. S. 108.

⁸ Hamada M. V hľadani významu a tvaru. Bratislava, 1966. S. 186.

⁹ Ibid. S. 237.

Д.Ю. ВАЩЕНКО

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**СИСТЕМА МЕСТНЫХ ТОПОСОВ В СЕРИИ АНТОЛОГИЙ
СЛАВЯНСКОЙ ПОЭЗИИ «ИЗ ВЕКА В ВЕК»
(НА СЛОВАЦКОМ И ЧЕШСКОМ МАТЕРИАЛЕ)¹**

Abstract:

Vashchenko D.Yu. *The system of local spaces in a series of anthologies "From century to century" of Slavic poetry (on the Slovak and Czech material)*

The article analyzes the specifics of the conceptualization of locally marked spaces in the text of two poetry anthologies, Czech and Slovak, published in 2005 and 2006. It is shown that in this aspect the anthologies have a number of similarities and differences, most of which we consider as the tendency to sacralization of its space in Slovakian anthology and desecration – in Czech. In terms of the composition loci revealed that in the Slovakian anthology the capital carries a minimum functional load, and the mountains – the most, in the Czech anthology there is an opposite trend. In cases where translation distorts the original, we consider the differences between the original and the translation.

Ключевые слова: поэзия, перевод, концептуализация, сакрализация.

Поэтическая антология в качестве объекта исследования до сегодняшнего времени редко попадала в поле зрения специалистов. Отдельные исследования на указанную тему принадлежат Ю.В. Смирновой², У.Ю. Вериной и В.В. Баженовой. Так, В.В. Баженова исследует феномен поэтической антологии в рамках теории метатекста³ и пишет, что для коллективного книжного ансамбля характерна «открытая динамичная структура»⁴, в связи с чем «не всегда можно выделить устойчивые циклообразующие компоненты [...] Соответственно, возникает проблема изучения иных принципов объединения полижанровых, полимотивных, политематических текстов, представляющих коллективные ансамбли». Антология являет собой сложное единство, где каждое стихотворение характеризуется высокой индексальностью, поскольку является условным репрезентантом всего творчества того или иного автора. Антология как целое становится репрезентантом всей поэзии соответствующей страны и, вместе с тем, характеризуется определенной мерой субъективности, так как напрямую связана с интенциями составителя. У.Ю. Верина справедливо отмечает, что: «В антологии автор является «одним из», и здесь он представлен фрагментарно и, в свою очередь, является фрагментом общего,

коллективного целого. Рецепция здесь чрезвычайно зависима от ряда условий. В частности, концепции самой антологии, ее цели и вида, полиграфического исполнения и так далее»⁵. Несмотря на всю свою мозаичность и ввиду фиксированного составителя, антология составляет целостный текст, за которым скрывается определенный образ мира.

Переводная поэтическая антология несколько отличается от моноязычной: ее целевой аудиторией являются представители иного культурно-языкового пространства. Это, с одной стороны, не может не влиять на принцип отбора текстов, с другой стороны, чрезвычайно важной становится фигура медиатора, то есть переводчика – по сути, переводчики антологии составляют ее второй мозаичный план, наряду с собственно авторским. До сих пор такие антологии рассматривались в ракурсе теории перевода, изучению подвергались способы передачи в тексте перевода компонентов текста оригинала. Й. Сипко в своей статье⁶ анализирует способы передачи культурно обусловленных реалий в сборнике «Антология словацкой поэзии. Из века в век», о которой пойдет речь ниже. Мы хотели бы сместить акценты и посвятить внимание образу мира, который конструирует конкретная поэтическая антология, а также сопоставительному анализу поэтических антологий, переведенных с разных славянских языков. Наш анализ будет носить социокультурный характер: мы будем рассматривать способы концептуализации в тексте определенных реалий. С одной стороны, мы хотели бы максимально избежать оценочности, неизбежно присутствующей в работах, посвященных литературному переводу, когда решения переводчика декларируются исследователем как удачные, либо неудачные. С другой стороны, смена ракурса рассмотрения позволит реконструировать картину, которая предстает вниманию читателя при условии, что он прочитает антологию от начала до конца, что позволит делать прогнозы о возможной рецепции текста в конкретной культурной среде. Специфика передачи соответствующих образов при переводе также будет привлекаться нами к анализу, однако скорее во вспомогательной функции.

Очень интересной в этом плане является серия поэтических антологий «Из века в век», вышедших с 2005 по 2010 гг. в издательстве «Пранат» по инициативе С.Н. Гловюка и под его общей редакцией. Вышли чешская, словацкая, польская, украинская, словенская, сербская, хорватская, болгарская, белорусская антологии. Все они двуязычны. Слева на развороте находится стихотворение на языке оригинала, справа – на языке перевода.

В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть способы представления локусов, выступающих как знаки локальной идентификации, на материале антологий чешской и словацкой поэзии. Составителем словацкой антологии стал Юрай Калницкий, составителем чешской – Далимил Добиаш. Чтобы ограничить объем материала, мы брали только те локусы, которые обозначены именем собственным; речь пойдет о конкретных географических названиях, многие из которых представляют собой национальные символы, этнокультурные образы⁷. Примеры мы будем приводить на языке оригинала с тем переводом на русский, который был опубликован в антологиях, и с сохранением авторской пунктуации. Там, где между текстом оригинала и текстом перевода наблюдается разница, приводящая к деформации исходного смысла, мы будем оговаривать это по ходу изложения. При этом мы будем указывать только авторов оригинальных стихотворений, но не авторов их переводов на русский язык.

Словацкая антология⁸ включает 190 стихотворений, ключевыми словацкими топосами являются, в порядке убывания частотности: отдельные локусы, Дунай и Татры.

Конкретные локусы упоминаются в тексте антологии девять раз, среди них присутствуют названия словацких гор, а также наименования церквей, реже названия населенных пунктов. Локус осмысливается авторами как центр земного мира, место, откуда ведут все дороги, либо, наоборот, куда все дороги приводят. Так, у Милана Ферко в стихотворении *Prorocstvo* читаем: *Nebude šťastná moja domovina, kým zo Sitna znie durkot bájných zbraní[...]* «И счастья, нет, на родине не будет, ведь с Ситно слух идет о поле брани [...]». У Игора Галло в стихотворении *Cesta* также видим мотив локуса как центра мироздания, точки, куда сходятся все дороги: *Do Modrého kostolika pozývali zvony. Prineskoro ist'. Uctiť Pána Boha.* «Синий костел звал люд из сел. Поздно идти Бога почтить». У Мирослава Пиуса в стихотворении *Slováci* также встречаем локус как позицию, откуда сакральная сущность распространяет свое влияние на людей, однако в данном случае это влияние имеет свое действие: *V mojej pamäti je vaša koža, [...], ktorú ste ponúkali teplému letnému dažďu v plnokrvnému voňavému víchru, schádzajúce mu z Bočovky do vašich záhrad.* «В моей памяти ваша кожа, [...], Кожа, которую вы подставляли теплому летнему ливню и пахучему ветру, слетавшему с Бочовки в ваши сады». Упомянем здесь еще одну особенность конкретных локусов в словацкой антологии, напрямую вытекающую из сказанного: свой локус является местом встречи и возможного диалога человека с Богом. У Миро-

слава Пиуса в стихотворении *Reč mojej matky* мы находим: *Ked ma Boh vyškolicil v pravde a za našim domom v medzerke, ked blízke Inovecké vrchohy horeli v nebeskom ohni, mi ukázal peklo, bola tu reč-chlieb*. «Когда Бог захотел воспитать меня в правде, И за нашим домом в ложбине близко совсем Иновецкие горы горели в небесном огне, так Бог мне показывал ад, слышал я речь-хлеб». Ср. также у Павла Станислава в стихотворении *Krajina svätého Cyrila a Metoda: V krajine môjho života, kde sa začínajú a končia Tatry týkame si zo Solúna s dvoma bratmi V slávnej Nitre pod Zoborom i v mojej rodnej vieske týkame si s Pánom Bohom*. «В стране моего жития, где начинаются и заканчиваются Татры, мы прикоснулись к двум братьям из Солуни, в славной Нитре, под Zobором, и в моей родной деревеньке мы касаемся Господа Бога».

Далее, локус характеризуется специфическим течением времени: это место вне времени и пространства, либо место, в котором время останавливается и превращается в вечность. Ср. у Густава Гупки в стихотворении *Porokoch: Rodný dom stojí tak ako svet stečený zo svojho detstva, Nad Surom vyčkáva ráno s hmlou akoby sa vrátil cez ňu spiatky*. «Дом истек ясным детством и близок концу, А над Шурум туманно и сыро». В стихотворении Яна Швантнера *Stiavnická reflexia*, где локус вынесен в название стихотворения и является основным местом, в котором происходит действие, он представлен как точка перехода из жизни в смерть и из смерти в жизнь: *Zo smrti do života ľudia ľahko prechádzajú vo sne* «От смерти к жизни люди легко переходят во сне».

Большинство названий составляют наименования горных вершин, именно горы являются в словацкой антологии доминирующим типом пространства. Наименование основного словацкого горного массива – Татры – также очень частотно и встречается семь раз. Проанализируем стихотворение Войтеха Кондрота *O Tatrách*. Оно строится на достаточно формальном приеме совмещения несовместимого, точнее, на метафорической генитивной конструкции. Генитивный объект представляется автором через объект, стоящий в номинативе, в следующей строчке они меняются местами: «телефонные столбы пихт пихты телефонных столбов / стиральные машины водопадов водопады стиральных машин». Подобный прием получает в первых строфах стихотворения свою внутреннюю мотивацию, поскольку Татры, подобно остальным местным локусам в антологии, – это место наложения реального и фантастического, земного и духовного, буквального и скрытого. Ср.: *Tie štíty ducha na ktoré už nevylezieš Doliny srdca do ktorých už nezostupíš* «Горные пики духа на которые не поднимаешься Доли-

ны сердца в которые не спустишься». Аналогичный ход, когда противоположности совмещаются в одной точке, мы находим и у Павла Станислава в стихотворении *Krajina svätého Cyrila a Metoda: V krajine môjho života, kde sa začínajú a končia Tatry tykáme si zo Solúna s dvoma bratmi*. «В стране моего жития, где начинаются и заканчиваются Татры, мы прикоснулись к двум братьям из Солуни». В случае с Татрами отметим один, на наш взгляд, факт весьма неудачного перевода. У Штефана Моравчика в стихотворении *Krajina pod Tatrami* мы находим: *Rozhovor s Bohom vedie priamy, preto tu nikdy nie sme sami. Sny našich predkov sú tu s nami*. Досл. «она (то есть страна) ведет прямой разговор с Богом, поэтому здесь мы никогда не одиноки, мечты (сны) наших предков всегда с нами». Здесь представлена все та же интерпретация своего родного локуса как места встречи человека с Богом и предками, в котором прошлое тесно переплетается с настоящим. В переводе данный образ полностью исчезает: «она нас встречает храмами и солнечными полянами, волшебная, долгожданная, столетиями сияющая. Загадочная и странная».

Еще одним признаковым локусом в словацкой антологии является Дунай, который может трактоваться двояко – либо как место, откуда нет возврата, либо как неземная, небесная река, пришедшая в этот мир. Ср. у Войтеха Мигалика в стихотворении *Sonet mesačného svitu: Obzri si Dunaj, son ten ťažký čln, ktorý sa mlkvo ponára tam vzadu s nákladom túžby po tebe a hladu*. «Обернись: как челн тяжелый, ухожу я в Дунай, Молчаливо погружаясь с грузом прошлых весен, по тебе тоскует сердце и остаться просит». В антологии данный мотив повторяется у того же самого автора уже в стихотворении *Matematika: a rozmýšľal som, keď ma čosi prudšia clivota hnala k Dunaju, či na tých hviezdach tiež sa ľudia lúčia a či tiež hviezdy rátajú* «Меня тоска гнала к Дунаю, горчайшая из горьких мук, и звезды вместе с ним считая, я думал: сколько там разлук». Мы вновь видим, как рифма диктует расширение образа в переводе. Строго говоря, в оригинале лирический герой рефлексивирует в полном одиночестве, локус является местом, куда он направляется. Перевод вновь конкретнее оригинала: локус дополнительно персонифицируется, и герой считает звезды вместе с персонифицированной рекой. В данном случае, как и в примере с «нищетою словацких гор», модификация образа в переводе, на наш взгляд, обусловлена в первую очередь формальными требованиями: «считая» как опорное слово в синтагме появляется скорее всего в рифму к слову «Дунаю». Данный случай также является интересным потому, что это единственный в антологии пример, когда конкрет-

ный, пусть и культурно отмеченный, локус повторяется у одного и того же автора. В обоих случаях погружение лирического героя в Дунай обусловлено его уходом от возлюбленной и общим пессимистическим настроением, при этом назад дороги нет, путь в Дунай, то есть внутрь реки является последним путем лирического героя, а сам Дунай мифологизируется и приобретает статус подземной реки царства мертвых.

Наименее частотным словацким локусом в словацкой антологии является Братислава – она практически не упоминается в тексте либо вводится через отдельные культурно маркированные топосы типа Синего костела или Дуная.

Иная система локусов наблюдается в антологии чешской поэзии⁹. Она насчитывает 188 стихотворений; наиболее распространенными, как и в словацкой антологии, являются отдельные местные топосы: как правило, к ним отсылают имена населенных пунктов. Вторым по распространенности локусом является Прага – в первую очередь, отдельные ее места.

В системе местных чешских локусов – в тексте антологии они упоминаются 12 раз – мы наблюдаем пересечения и различия с системой, представленной в словацкой антологии. Как и у словаков, свой локус в чешской антологии является точкой пересечения земного и небесного, местом, где высшие силы приходят в земной мир либо встречаются с земными жителями. Это делает его уникальным местом, реальным и фантастическим одновременно. Ср. у Карла Шиктанца в стихотворении *Český orloj. Prosinec: Hled' – mezi jezy bijí kry a kolem dokola v obšírné rovině od pólu k pólu nikde nic, jen Labe v klubičku a kaple na Řípu, co okem jediným zeleně patří na pravěký sneh...* «Вокруг на обширной равнине от полюса до полюса нет ничего, только свернувшаяся клубком Лаба и часовня на горе Ржип, что единственным оком зеленовато взирает на доисторический снег». В чешской антологии эта уникальность чаще носит негативные коннотации. Так, см. стихотворение Иржи Кубены *Báseň mluví: Ty, sama hřích. Což udržela vy ses, Echo, ó básni prokletá, na smrku nad Macochou, macecho či nemacecho? – Jsem tu už po léta. Ach, couváš, pravda, do kamení, kde sa shledáváme, a jsi jak pravdiva ja pes, jenž vítá štěkotem své známé? Či jinak? – Jako kámen ze zdiva.* «Ты – грех и только. Подтверди же, Эхо, проклятие стиха, звук над Мацохой, лишняя помеха? Предчувствие греха». Само имя локуса может интерпретироваться автором как знак странности, фантастичности обозначаемого. У Станислава Дворского в стихотворении *Vrátše válko II: Tlustá žena v nejlepších letech spráskne ruce začne se chvět nebo modlit šeptá dívne jmeno Zbi-*

roh... «Толстая женщина в самом соку руками всплеснет, задрожит или станет молиться шепча странное слово Збируг».

Главная особенность концептуализации местных чешских локусов – это часто встречающаяся интерпретация локуса как места низведения богов. Сакральное участвует в делах сугубо земных, и тем самым его присутствие в этом мире превращается в фарс. Так, ср. у Мирослава Коричана в стихотворении *Léto v Klu-kách: kraj pěnou se zdobí a bozi chrochtají mlaskavě v přítomnu jest* «край украшается пеной и хрюкают боги чавканье времени суть». У Ярослава Кованды в стихотворении *Archlebov: V přestávce fotbalového zápasu hráci močí do vinohradu... Osiky: slunka osycky kostel má bekovku...* «В перерыве футбольного матча игроки мочатся в виноградник... Осины: солнца веснушки костел играет в защите».

Для системы местных локусов в чешской антологии характерно движение лирического героя по направлению из локуса. Ср. у Ярослава Кованды в стихотворении *Domu: Mám to říct než zítra třeba zapomenem... jak strýc Tónek jede horkým krajem z Hed [...] rozrazil [...] že bezzubý opilka [...] je jeho brácha který holil v koncentráku Nemce* «Я должен сказать а то завтра забуду как дядя Тонек едет по жаре из деревни Геды [...] он распознал [...] в беззубом пропойце [...] брата собственного который брил в концлагере немцев». Локус предстает как точка прозрения, поворота в жизни. Лирический герой может направляться не из локуса, но проезжать мимо него, и параллельно констатировать факт своего отчуждения от данного места. У Петра Грбача в стихотворении *Vlaka plesnivý citrón* поезд проезжает мимо городка Вельке Мезиржичи, где в том числе «в храме тем временем бьют в ступу брюха пропойцы», лирический герой описывает мир маленький и вместе с тем абсурдный, от которого он отстранен.

Вторым по частотности типом локуса в чешской антологии являются отдельные городские места – улицы, площади, лес. В подавляющем большинстве случаев все они относятся к пражскому топосу, в одном стихотворении встречается улица г. Брно. Локус выступает темным, проклятым местом, который ставит свою печать в том числе на лирического героя. Ср. у Эвы Шванкмайеровой в стихотворении *Co je vepředu? (do pivnice)*, где подчеркивается семантика топонима (черный) в пределах Праги: *Vyrostla jsem v lese, Černým lese. A ve vodě, Labské vodě. Velice vytrvale to oznamuji. Zase tolik pravd. Jenomže starnu tady v tom městě z omítek praskavých.* «Я выросла в лесу, в Черном лесу и в воде, воде Лабы, я настойчиво заявляю об этом. Снова столько правд только вот старею я здесь в этом городе из штукатурки трескучей...». Локус

также может выступать в качестве дополнительного маркера одиночества лирического героя, ср. у Эгона Бонди «Я в полном одиночестве иду по Народному Проспекту», либо локус дополнительно символизирует изгнание лирического героя из социума как такового. Ср. стихотворение Карла Шебека без названия: *dnešním dnem jsem nezaměstnaný už mne nevezmou v parku Na Štěpánce a tak si budu vydělávat jinak*. «С сегодняшнего дня я безработный, в парке на Штепанке меня уже не примут, поэтому зарабатывать я теперь буду иначе». Также городской локус может выступать как место низведения драмы, превращения ее в фарс. Ср. у Ивана Верниша в стихотворении *Nechval dne před večerem: Odpoledne, kolem páté, začali se všichni sbíhat na náměstí Vrchlického, kde hoří dům č. p.7. ... ve městě je hluk a záře, jako někdy na slavnostech* «Полудни – гул набата. Начали мы все сбегаться на Врхлицкого, на площадь, где горел дом № 7... Отблески огня – на лицах, словно это просто праздник и сверкает фейерверк».

Впрочем, не всегда городские локусы носят негативные коннотации. За счет совмещения в них двух временных планов, прошлого и настоящего, они могут насыщаться воспоминаниями и служить духовному обновлению лирического героя. Ср. у Петра Грбача в стихотворении *Mezi Veslářskou a Kamenomlýnskou* (характерно, что конкретно этот городской локус единственный в антологии принадлежит не Праге, а Брно): *Každý má své město a svou zabijackou vůni vysušené paměti... Zalezeš ke skále a budeš věřit na tařici, na lásku...* «У каждого свой убийственный аромат засушенных воспоминаний. Ты спрячешься под скалой и станешь верить в любовь». Также приведем здесь полностью стихотворение Мирослава Флориана *Karlůvmost: Chtěl bych svoje verše sklenout jak ty kámen v oblouk smělý, aby po nich přes propasti lidé k lidem přicházeli*. «Крепче арок, выше сводов возводить стихи мы будем, чтоб по ним через пучины люди приходили к людям». Мост здесь и реальный, и вне-реальный, пребывающий в духовном мире и связывающий людей между собой ментально. Прага как топоним упоминается в тексте антологии только четыре раза, город раскрывается через отдельные его топосы. Концептуализация Праги в целом совпадает с изложенной. Вит Кремличка в стихотворении *Přívodní stav* прямо пишет: *Praha je město kdekoli na svete... V ulici ztuhnul čas; už nikdy neuslyšíš moře*. «Прага лежит где угодно на свете... Время на улице замерло; больше никогда не услышишь море».

Даже если не судить напрямую по антологиям о литературах, в них последовательно прослеживается одна общая законо-

мерность. Свой локус в обеих антологиях трактуется как место встречи земного и божественного начал. Это может быть место перехода человека в мир иной или общения со своими умершими предками, либо же место прихода божественного начала в земной мир и соответственно точка, где земные люди могут общаться с Богом. Различия между словацкой и чешской антологиями состоят в разной оценочной модальности. В словацкой антологии эта модальность позитивная, в чешской – скорее негативная. Разнятся также сами авторские интенции: к сакрализации своего локуса в словацкой антологии и к десакрализации божественного – в чешской.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-04-00365 «Роль России в распространении знаний о славянстве».

² *Смирнова Ю.В.* Антология как разновидность поэтического сборника. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

³ *Баженова В.В.* Интерпретация произведения в контексте литературного сборника: «Людочка» В. П. Астафьева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2009. С. 57–65.

⁴ *Баженова В.В.* Русский литературный сборник середины XX – начала XXI века как целое: альманах, антология. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010.

⁵ *Верина У.Ю.* Поэт в книге стихов и антологии (по изданиям современной уральской поэзии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). Филология. Искусствоведение. Вып. 92. С. 121–124.

⁶ *Ситко Й.* Культурологические особенности перевода словацкой поэзии на русский язык // *Vsťahy a súvislosti v umeleckom preklade.* (ed. A. Valcegová). Prešov, 2007. S. 186–199.

⁷ *Ibid.* С. 190–191.

⁸ Из века в век. Словацкая поэзия. М. 2006.

⁹ Из века в век. Чешская поэзия. М. 2005.

Т.А. АГАПКИНА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

СИМВОЛИКА ДЕРЕВЬЕВ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СЛАВЯН: БУЗИНА (РОД *SAMBUCUS L.*)

Abstract:

Agapkina T.A. *Tree Symbolism in Slavic Folk Culture: Elder (Sambucus L.)*

The article treats a mythopoetic concept of elder and its magical use in Slavic traditional culture. It is stated that the Slavic beliefs and rituals have many similarities with the German ones.

Ключевые слова: славянская этноботаника, фольклор, мифология, бузина.

Славянские верования и ритуалы, связанные с бузиной, на протяжении последних полутора веков не раз становились предметом научного описания и обсуждения. В этой связи важно сразу же отметить, что мифология бузины более всего развита у западных славян и украинцев (преимущественно на Карпатах), практически не выражена в Белоруссии и России, а у южных славян мифологические верования и ритуально-магические практики, связанные с бузиной, немногочисленны и порой имеют свою специфику. Поэтому не случайно, что в силу особенностей распространения этих верований наиболее активно они изучались именно в странах Западной Славии. О бузине писали П. Сobotка, Э. Мавевский, Е. Колбушовский, К. Мошинский и др.

Если внимательно взглянуть на весь корпус имеющихся сведений (описаний ритуалов и магических практик, верований, фольклорных упоминаний), зафиксированных в славянских источниках, то окажется, что в целом ряде регионов Западной Славии бузина как бы продолжает немецкие традиции. Напомним, что у немцев бузина была объектом всеобщего почитания; считалось, что у каждого дома должен расти куст бузины; ей нельзя было причинять никакого вреда (корчевать, рубить, жечь) и т.д. Бузина наделялась целым рядом защитных функций: верили, что туда, где растет куст бузины, не бьет гром; коровам не угрожают ведьмы; в тени бузины можно спать, не боясь змей, оводов; она широко использовалась в народной медицине и т.д.¹

На западе Славии бузина в целом ряде случаев также выполняла функции домашнего опекуна: она охраняла дом и скотину от всего злого, приносила в дом счастье, оберегала от пожара, эпидемий, колдовства. Словенцы, подобно немцам, считали, например,

что, обращаясь к бузине с просьбой об излечении от какой-нибудь болезни, надо, стоя под деревом, снимать шляпу².

Однако, наверное, самым важным свидетельством отношения к бузине как к благодетельному растению и одновременно основным объяснением этому является тот факт, что бузина нашла широкое применение в народной медицине западных славян и западных украинцев. При лечении чахотки, горячки, колтуна, рожи, лихорадки, зубной боли к бузине ходили и «переносили» на нее болезни. При лихорадке чехи, мораване и лужичане обращались к бузине в заговорах, которые основаны на мотивах отсылки болезни на бузину: «Beze, posílá mě Pán Bůh k tobě, abys si ty mze vzal ze mě na sebe» [Бузина, посылает меня Бог к тебе, чтобы ты взяла с меня лихорадку]³. У южных славян бузина упоминалась в формулах невозможного, которые читали при лечении лихорадки (*грозница*). В Кратово (Македония) больной отламывал молодую веточку бузины (*bazga*) и сажал ее в землю вверх ногами, говоря при этом: «Къко ће овъј бьеуе да се фане, Тъкој и мене грозница да ме фане!» [Как эта бузина примется, так и лихорадка меня схватит!]⁴.

С заговорами к бузине обращались и в случае других болезней. Подобно тому как в украинских заговорах дубу и березе предлагали побрататься с человеком, чтобы избавить ребенка от ночного плача, так в польских, при зубной боли, человек «предлагал дружбу» бузине: «Bzuniu, bzuniu, mój bratuniu, wyswatajmy się i zaprzyjaźnimy się. Ja cię strzegę od ognia palenia, a ty mnie strzeż od zębów bolenia» [Бузина, бузина, мой брат, давай посватаемся и подружмся. Я буду стеречь тебя от сожжения огнем, а ты стереги меня от зубной боли], после чего давший такое обещание не должен был ни рубить, ни сжигать бузину⁵.

Широкое использование бузины в медицине, безусловно, опирается на ее реальные целебные свойства, о которых давно и хорошо известно. Однако традиция обращения к бузине в заговорах и ее применение в лечебных ритуалах, которое мы наблюдаем у славян, особенно западных, скорее всего продолжают соответствующие немецкие традиции. Не зря исследователи называли бузину «живой аптекой немецких крестьян». Немцы ходили к бузине и читали под ней заговоры при чахотке, подагре, лихорадке, зубной боли, рожистом воспалении, глистах и др.⁶.

Сведения о почитании бузины у западных славян содержатся в некоторых ранних источниках; в частности, о ней упоминал польский проповедник-Аноним (1-я пол. XV в.), сообщая, что «служит также бузина против уроков <порчи. – Т.А. > и

чар»⁷. И действительно, бузина часто выступала в роли апотропея (ею оберегали людей и скотину от нечистой силы, моровых болезней, покойников и др.), как и многие другие деревья славянского «дендрария». Примечательно в этом лишь одно: использование бузины в функции оберега несравненно уже и слабее, нежели ее применение в народной медицине, хотя с другими деревьями и кустарниками обычно бывает наоборот: их апотропейный узус значительно шире народномедицинского.

Бузина применялась как оберег в календарных обрядах. Банатские болгары втыкали бузину (*тръмбъз*) в окна и двери в Духовские праздники, чтобы в дом не могли проникнуть духи-«ресарете» или самодивы⁸. В Закарпатье, чтобы обнаружить ведьму, которая стремится навредить человеку или скотине в канун Юрьева дня, в течение года, с одного Юрья до следующего, советовали понемногу делать каждый день борону «з бзины». На следующий год хозяин должен был поборонить ею поле, после чего к нему обязательно пришла бы местная ведьма и поклонилась ему⁹. В регионе Средска (Косово) надежным оберегом от вампиров и ходячих покойников считали сам куст бузины, который многие семьи с этой целью выращивали около своих домов¹⁰.

Отношение к бузине как к полезному и благодетельному растению, своего рода почитание бузины сосуществует с восприятием ее как кустарника демонического, связанного с хтоническим началом, нечистыми духами и т.п. вещами. И основной причиной этого, по-видимому, являются верования, которые описывают бузину как место обитания демонов. Поляки Жешовского края связывали происхождение бузины непосредственно с дьяволом: они «уверяли... что *bez* означает то же, что и *bies*. Тот первый бес, который выбрал... котловину [называемую *Bieśnik*] для обитания, посеял столько бузины, чтобы она его охраняла»¹¹. Поляки, кашубы, жители Западной Украины считали, что под бузиной, в ее корнях, а также в самом дереве живет демоническое существо (черт, *bies*, дьявол, сатана, *zle, dywo, dityko, didko* и др.).

В других регионах Польши и Украины бузину считали местом обитания домашних духов, опекунов хозяйства, таких как *ду-дух, skrzat, duszki* и др. По словацкому поверью, в красной бузине живет *pikulik* – домашний дух, приносящий хозяевам деньги¹². Кашубы рассказывали, что краснолюдки (*krásnqta*) – мелкие домашние духи-покровители – обитают в том числе в саду под бузиной и насылают сыпь на детей, которые мочатся под такими кустами¹³. Свидетельства о демонах около бузины из регионов Южной Славии единичны. Так, например, сербы говорили, что во время ее

цветения часто видят дьявола¹⁴.

Последствия подобной «локализации» демонов вокруг бузины, на или под ней были довольно разнообразными, хотя и вполне ожидаемыми.

Во-первых, бузина воспринималась как своего рода «зона контакта» с демонами и духами. В Польше (Добжинская земля) под бузиной осуществляли обмен «подминчи», подброшенного богинками или другими демоницами, на человеческое дитя: слегка побив «подминчу», родители оставляли его под кустом бузины, откуда краснолюдки забирали его и куда возвращали человеческое дитя¹⁵.

Во-вторых, связь бузины с демоническим началом и сформировавшийся вследствие этого негативный ореол растения, по-видимому, объясняют и тот факт, что за бузиной «закрепились» некоторые легендарные сюжеты, касающиеся драматических событий священной истории. Подобно осине на большей части восточнославянской территории, на западе Украины и в Польше бузина воспринималась как дерево, на котором повесился Иуда¹⁶.

Впрочем, негативные ассоциации бузины касались не только легендарных сюжетов. Ее демонический ореол, с одной стороны, и некоторые природные особенности, с другой, усиливая друг друга, провоцировали отрицательное отношение к бузине, проявляющееся в разных сферах и жанрах.

Способность бузины в естественных условиях легко дичать и быстро разрастаться, образуя целые заросли (в населенных пунктах, на кладбищах, вдоль дорог и на пустошах), на уровне верований приобретает символический смысл, и в результате бузина становится символом запустения, заброшенности. Украинцы Черниговщины полагали, что если бузина растет во дворе, значит дом в упадке или скоро опустеет: «Бузина как стане расти, дак там двор запустеу»¹⁷. В том же значении бузина упоминается в проклятиях, см. македонское: «Зова ти на огништу никнула» [Чтоб у тебя в очаге выросла бузина, т.е. чтобы опустел твой дом]¹⁸.

Причастность бузины к сфере хтонического (ср. дьявола, живущего под бузиной), возможно, проливает свет еще на две области, касающиеся мифологии бузины.

Подобно вербе, бузина связывается с водой, хотя эти верования, кажется, относятся только к южным славянам. Болгары, например, считали, что там, где растет бузина, можно рыть колодцы, так как вода недалеко¹⁹. На Балканах, в Боснии и других регионах Южной Славии ветки бузины черной, бузины красной, а

также бузину травянистую широко использовали в обрядах вызывания дождя. Ими с ног до головы укутывали ряженных персонажей «додолу» или «пеперуду», а другие участники обрядов держали в руках букетики бузины или были украшены ею.

Кроме того, бузина фигурирует в отдельных контекстах, имеющих отношение к смерти. В частности, из ее веток в Польше делали погребальные венки²⁰. Лужичане считали, что, когда упоминавшийся выше демон *božagłos* («глас божий»), обычно сидевший на ветках растущей у дома бузины, переселялся под этот куст, это предвещало близкую смерть кого-то из домочадцев²¹. Связь бузины со смертью в целом для славян нетипична, зато находит широкие параллели у немцев, где она считается деревом смерти. Веткой бузины измеряли гроб; у погонщика, который вез гроб, ветка бузины служила хлыстом; ветками бузины покрывали тело покойника; в Тироле перед гробом несли «длинный, как жизнь» крест из бузины, который затем втыкали в могилу, и т.д.²²

Почтение к этому растению, с одной стороны, и исходящая от бузины опасность, с другой, вызвали к жизни запреты корчевать, реже рубить и еще реже сжигать бузину (а также ломать ее ветки, сжигать, спать или мочиться под ней и нек. др.), запреты, имеющие поистине тотальный характер и соблюдаемые везде, где хотя бы в малой степени была выражена, проявляла себя мифология этого растения. Последствиями их нарушения становились смерть, болезни, падеж скота, реже неурожай и другие несчастья. В польском и западноукраинском фольклоре известны многочисленные былички, описывающие то, что происходит с человеком, нарушающим один из таких запретов; лейтмотивом этих быличек становится «мечь» бузины. Единственным спасением для пострадавших от бузины является возвращение срубленного, сломанного или выкорчеванного кустарника или его ветвей на прежнее место, см. в западноукраинской быличке: некий Андрий срубил бузину (*бзину*), так как собирався ставить забор: «так зараз руки стали деревом, що ни міг нічо робити. Тай казаў зараз пліт роскидати, так тогди му зараз стало лекше»²³.

Опасной близостью к нечистой силе объясняют и запрет что-либо строить на том месте, где растет бузина. В Закарпатье рассказывали о человеке, поставившем хлев там, где был куст бузины: «Он у Дашьиві поставив си господар стодолу, тей на самі середині на тоці був корч бзиновий; так уже якось припало. А він корч зрубав, як стодолу ставив. Ну, нічого. Поставили, уже все готове – аж ту ему кілька ночий раз по раз приходит щось відь вікна, уже певне не що як “той”, бодай скамінів; серед

ночи приходит, той каже: “Перекигни си столу, бо вмреш!” І зараз підь той чьис таки жінка му вмерла, і двоє дітий – звичайне: то вже нечиста справа. Тогди вінь спросив си господарів, той перекигнули столу, аж той тік поминули – той вже нічого му не робыло»²⁴.

Рассматривая мифологию и ритуальную практику, касающуюся бузины, нельзя обойти вниманием еще две сферы традиционной культуры, точнее, магии, в которых не обошлось без ее участия. Обе они стоят несколько особняком по отношению к основному корпусу верований и ритуалов.

Любовная магия. П. Сobotка писал, что в славянском песенном фольклоре бузина символизирует замужество и чувственность. У чехов и словенцев к бузине девушки обращались во время гаданий о замужестве. Вечером на святки девушка шла к бузине, трясла ее и говорила: «Тřesu, třesu bez, ozvi se mi pes, kde mŕj milŕj jest» [Трясу, трясу бузину, отзовись, пес, оттуда, где мой милый]²⁵. Словенцы считали, что в этот момент можно увидеть суженого в кусте бузины²⁶. У словаков в любовной магии использовался огонь из семи щепок бузины²⁷. Обращают на себя внимание и крайне редкие у славян ассоциации бузины с непристойным поведением. Так, чехи и словаки иногда называли потаскуху *panna z bezu*²⁸; те же мотивы встречаются в детских дразнилках: «Bába leze do bezu, já tam za ní polezu, kudy bába, tudy já, budeme tam obádvá» [Баба лезет на бузину, я полезу туда за ней, куда баба, туда и я, будем там вдвоем]²⁹.

Неслучайно, что эти немногочисленные свидетельства, сосредоточенные на самом западе славянского мира (Чехия, Моравия, Словения), находят широкие параллели в германской традиции. Согласно «Словарю немецких суеверий», распутницам ветки бузины втыкали в окна в Духов день. Бузина часто упоминается в эротических песнях. Так же, как и славяне, немецкие девушки гадали: считалось, что если девушка в Фомин день потрясет куст бузины во время благовеста, то жених появится с той стороны, откуда в этот момент залает собака. В XVI в. в процессе против ведьм в Госларе (Нижняя Саксония) упоминалось заклинание, обращенное к цветущей бузине, с помощью которого можно было завоевать любовь мужчины, и т.д.³⁰.

Вторая область, в которой проявляет себя бузина, – магия, связанная с общественными отношениями. Нам уже приходилось писать об украинских заговорах, в основе которых – упоминание о некоем преступлении, совершенном в прошлом³¹. Как правило, эти преступления восходят к событиям библейской

или культурной истории (и связаны с сюжетами об Эдипе, Иуде, Каине и Авеле и т.п.). Смысл этих заговоров состоит в том, чтобы провести аналогию между преступлениями прошлого, которые, несмотря на тяжесть содеянного, якобы завершились для их участников благополучно, и текущими событиями, которые для того, кто читает этот заговор, также должны пройти без каких-либо последствий. Например, чтобы выиграть судебный процесс, человек накануне отправлялся к кусту бузины, где один или с партнером разыгрывал такой, например, диалог: «Добридень тобі, бузино! Чи сколов брат брата? – Сколов. – Який суд судили? – Затрется, замнется, тай так минется»³².

Конечно, велик соблазн увидеть в этом и других подобных ему заговорах отражение демонической сущности бузины и связать их с дьяволом и другими демонами, которые обитают под ней. Однако едва ли это правомерно. Скорее имеет смысл указать на редкие примеры использования бузины в судебной магии, которые, возможно, свидетельствуют о каких-то глубоких, но до настоящего времени не известных нам способах ее магического применения. Так, жители Виленской губ. полагали, что, идя в суд, надо взять с собой ветку бузины, а также хлеба и соли, и тогда дело будет выиграно³³. Немецкие адвокаты, по сообщению А. Фишера, еще в XIV в. брали с собой в суд палочки из бузины – «ut vincant in causis» [для победы в делах]³⁴.

Мы уже упоминали, что бузина как культурный символ и инструмент магии известна славянам далеко не повсеместно. Основная область его распространения – Западная Славия и примыкающая к ней Западная Украина. Такая регионализация растительного символа в данном случае не мотивирована природными факторами (бузина растет повсеместно в зонах умеренного и субтропического климата, к которым относится большая часть территории расселения славян), что заставляет искать для ее объяснения внешние причины. Поэтому мы готовы согласиться с мнением тех исследователей (Е. Majewski, К. Moszyński), которые усматривали в славянских верованиях и ритуалах, связанных с бузиной, немецкое влияние. И действительно: многие аспекты этого растительного символа как бы продолжают соответствующие немецкие верования (это и широкое применение бузины в народной медицине, и обращенные к ней заговоры, и запреты, и любовная магия). Однако куда важнее другое: не единичные совпадения, а общая конфигурация символа: присутствие под бузиной некоего духа или

демона как причина почитительно-настороженного к ней отношения и соблюдаемых запретов; народномедицинское применение бузины, явно превосходящее ее использование в апотропеической магии, и т.д.

Вместе с тем нельзя не заметить и отличий, главное из которых состоит в том, что если в немецкой мифологии под бузиной и в ней самой обитают по преимуществу духи дерева, духи плодородия и иные благодетельные существа, то в западнославянской и западноукраинской – преимущественно дьявол и иже с ним. Такой смысловой сдвиг приводит к изменению общей оценки дерева, и бузина начинает восприниматься как источник опасности и заповедный объект, практическое использование которого сильно ограничено. Наконец, с бузиной оказываются связаны драматические сюжеты священной истории (прежде всего повешение Иуды), она ассоциируется с запустением и хтоническими силами и в результате окончательно переходит в разряд проклятых деревьев. Мы склонны думать, что именно это имел в виду К. Мошиньский, когда сравнивал бузину с осиной, полагая, что их объединяет один и тот же тип верований³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens / Hrsg. von H. Bächtold-Stäubli unter Mitwirkung von E. Hoffmann-Krayer. Berlin; Leipzig, 1927–1942. Bd 4. S. 261–275.

² Rasla je jelka do neba. Zgodbe iz našega ljudskega herbarija / Ur. Z. Šmitek, M. Kropej, R. Dapit. Radovljica, 2012. N 29.

³ *Grohmann J.V.* Aberglauben und Gebräuche aus Böhmen and Mähren. Prag; Leipzig, 1864. Bd 1. S. 181.

⁴ *Šimić S.* Narodna medicina u Kratovu // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1964. S. 351.

⁵ Archiwum Katedry Etnologii i Antropologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego. A 25, Хелмское воев.

⁶ *Bartsch K.* Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg. Wien, 1880. Bd 2. S. 102, 366–367, 402; *Wislocki H.* Volksglaube und Volksbrauch der Siebenbürger Sachsen. Berlin, 1893. S. 92, 106 и т.д.

⁷ *Czernik S.* Sny i widma. Warszawa, 1971. S. 65.

⁸ *Телбизов К., Векова-Телбизова М.* Традиционен бит и култура на банатските българи // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1963. Кн. 51. С. 180.

⁹ *Франко И.* Людові віруваня на Підгірю // Етнографічний збірник. Львів, 1898. Т. 5. С. 211.

¹⁰ *Вукановић Т.* Енциклопедија народног живота, обичаја и веровања у Срба на Косову и Метохији (VI – почетак XX в.). Београд, 2001. С. 145.

- ¹¹ Kotula F. Po Rzeszowskim Podgórzu błędząc. Kraków, 1974. S. 35.
- ¹² Olejnik J. Liečivosť a magická moc niektorých krov a stromov v poverových predstavách ľudu v oblasti Vysokich Tatier // Sborník prác o tatranskom národnom parku. Bratislava, 1966. N 9. S. 198.
- ¹³ Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Warszawa; Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1969. T. 2. S. 236, 238.
- ¹⁴ Чајкановић В. Речник српских народних веровања о билькама. Београд, 1985. С. 103.
- ¹⁵ Petrow A. Lud ziemi Dobrzyńskiej // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1878. T. 2. S. 141.
- ¹⁶ Данильченко Н. Етнографические сведения о Подольской губернии. Каменец-Подольский, 1869. Вып. 1. С. 16.
- ¹⁷ Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва). С. Макишин Черниговской обл.
- ¹⁸ Тановић Ст. Урок – урочовајне у околини Ђевђелије // Гласник Етнографског музеја у Београду. 1934. Књ. 9. С. 36.
- ¹⁹ Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1890. Кн. 3. С. 86.
- ²⁰ Sikora I. Świat roślinny w kulturze ludowej i folklorze literackim // Literatura Ludowa. 1983. N 2. S. 37–38.
- ²¹ Schulenburg W. von. Wendisches Volksthum in Sage, Brauch und Sitte. Berlin, 1882. S. 145.
- ²² Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens..., s.v. *Holunder*; Fischer A. Zwyczaże pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921. S. 346–347.
- ²³ Гнатюк В. Знадоби до української демонології. Т. 2. Вип. 1 // Етнографічний збірник. Львів, 1912. Т. 33. С. 17–18 (№ 52).
- ²⁴ Колеса Ф. Людові вірування на Підгір'ю // Етнографічний збірник. Львів, 1898. Т. 5. С. 89.
- ²⁵ Český lid. Praha, 1891. T. 1. S. 295.
- ²⁶ Kuret N. Praznično leto Slovencev. Celje, 1967. D. 2. S. 125–126.
- ²⁷ Olejnik J. Op.cit. S. 198.
- ²⁸ Košťál J. Čechisch-slovakisches erotisch-skatologisches Idiotikon // Anthropophyteia. 1909. Bd 6. S. 27.
- ²⁹ Erben K. Prostonárodní české písně a říkadla. Praha, 1984. S. 39.
- ³⁰ Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens..., s.v. *Holunder*.
- ³¹ Агапкина Т.А. Восточнославянские заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М., 2010. С. 627–628.
- ³² Милорадович В. Украинские тайные знания и чары (Этнографический очерк) // Пошана. Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1909. Т. 18. С. 236, Полтавская губ.
- ³³ Szukiewicz W. Wierzenia i praktyki ludowe // Wisła. 1903. T. 17, zesz. 4. S. 271.
- ³⁴ Fischer A. Op. cit. S. 347.
- ³⁵ Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. T. 2, ч. 1. Kultura materialna. Warszawa, 1967. S. 531.

Х. РЕЦЕНЗИИ

К.В. ШЕВЧЕНКО

(Филиал Российского государственного социального
университета (РГСУ) в Минске, Беларусь)

ТАИНСТВЕННЫЙ ЭТНОС ИЗ КРЫМА: ВЗГЛЯД ИЗ ЧЕХИИ
PETR KALETA. TAJEMNÉ ETNIKUM Z KRYMU. OSUDY PŘÍSLUŠNÍKŮ
KARAJIMSKÉ EMIGRACE DO MEZIVÁLEČNÉHO ČESKOSLOVENSKA. PRAHA:
KLP, 2015. 423 s.

Abstract:

Shevchenko K.V. *A mysterious ethnos from Crimea: an outlook from the Czech Republic. Petr Kaleta. "A mysterious ethnos from Crimea. Fortunes of the Karaites migrants in the interwar Czechoslovakia"*.

The article contains the analysis of the monograph by the Czech Slavic historian, associate professor of the Charles University in Prague P. Kaleta "A mysterious ethnos from Crimea. Fortunes of the Karaites migrants in the interwar Czechoslovakia" which was published in Prague in 2015 and which is the first fundamental monograph about the Karaites in the Czech language. Special attention is paid to the views of the Czech historian on the origin of the Karaites, the evolution of the Karaites diasporas in Eastern Europe as well as the position of the Karaites in the Russian Empire and in the interwar Czechoslovakia, which was a home for a few dozen on this minor Turkic people.

Ключевые слова: караимы, караимоведение, караимизм, караимская диаспора, Российская империя, межвоенная Чехословакия.

Наметившийся в последние годы рост интереса чешской научной общественности к народам Евразии нашел свое выражение в монографии известного чешского историка-слависта, доцента философского факультета Карлова университета в Праге Петра Калеты «Таинственный этнос из Крыма. Судьбы представителей караимской эмиграции в межвоенной Чехословакии», изданной пражским издательством KLP (Koniasch Latin Press) в конце 2015 г.

Монография П. Калеты, посвященная караимам – одному из самых малочисленных и одновременно загадочных тюркских этносов, представляет собой уникальное явление в современной чеш-

ской историографии, являясь первым фундаментальным монографическим исследованием караимской проблематики на чешском языке. Это тем более важно, поскольку, в отличие от России и Польши, где караимоведение имеет длительную и устойчивую традицию, в Чехии подобная традиция пока не сложилась, а имеющиеся немногочисленные публикации по караимской тематике, как отмечает П. Калета, часто страдают поверхностностью и неточностью¹.

Основная цель исследования, по словам автора, состоит в том, чтобы показать, как менялась жизнь караимского общества в XIX – начале XX вв. и как повлияла на караимов России Первая мировая и Гражданская войны, в результате которых часть караимов оказалась в эмиграции в Чехословакии (с. 9). Монография П. Калеты основана на богатом и разнообразном историографическом и источниковом фундаменте, который включает труды ведущих российских и польских специалистов-караимоведов, материалы периодической печати, а также многочисленные архивные документы, использовавшиеся автором, главным образом, при написании главы о судьбах представителей караимской общины в Чехословакии. В работе были использованы материалы Национального архива в Праге, Архива чешской высшей технической школы в Праге, Городского архива Праги, Моравского земского архива в Брно, Архива органов безопасности в Праге, Словацкого национального архива в Братиславе и Библиотеки Врублевских Литовской Академии наук в Вильнюсе. Помимо этого, автор активно использовал материалы семейных архивов, а также результаты устных интервью с потомками караимских эмигрантов. Колоссальным преимуществом монографии является наличие многочисленных фотографий представителей караимской диаспоры в Чехословакии, а также разнообразных документов, связанных с их жизнедеятельностью.

Первая глава работы посвящена происхождению караимов, караимской религии – караимизму, а также особенностям и месту караимского языка в системе других тюркских языков. Национальную религию караимов – караимизм – П. Калета характеризует как один из важнейших компонентов караимской идентичности (с.18). Большое внимание автор уделяет специфике религии караимов и ее отличиям от талмудического иудаизма. Как подчеркивает П. Калета, главным для караимов является Ветхий Завет, в то время как приверженцы талмудического иудаизма наряду с Ветхим Заветом признают также «устную традицию, кодифицированную в талмуде» (с. 22). Основоположником караимского вероуче-

ния традиционно считается Анан бен Давид из Басры, живший во второй половине VIII в. (с. 22). Важной чертой вероучения караимов является «самостоятельность и свобода понимания Ветхого Завета с отрицанием каких-либо авторитарных комментариев» (с. 23). С этой точки зрения, по мнению П. Калеты, караимское вероучение сыграло роль, в известной степени подобную роли Реформации в христианской Европе (с. 22). Два ключевых догмата караимизма – принцип единства и справедливости Божьей – обнаруживает сходство и с некоторыми течениями в исламе, в частности, с исламской философской школой калам в рамках суннитского ислама (с. 25).

Большое внимание автор уделил зарождению и распространению караимского вероучения, отмечая, что из Месопотамии, где в VIII в. зародился караимизм, он распространялся путями, во многом схожими с распространением талмудического иудаизма, «хотя отношения между ними часто не были наилучшими» (с. 32). По мере распространения караимского вероучения караимские общины возникали на Ближнем Востоке, в Византии, в Восточной Европе и на Балканах.

П. Калета подчеркивает важность расселения караимов на территории Хазарского каганата, что, по его словам, «имело большое влияние на процесс их этногенеза, становление языка и формирование религии» (с. 35). При этом автор отмечает, что установить степень распространенности караимизма в Хазарском каганате сложно, поскольку в средневековых источниках весьма проблематично отделить собственно караимов от талмудистов-иудеев (с. 35). Ссылаясь на работы польских специалистов, автор указывает, что исследования языка и культуры восточноевропейских караимов свидетельствуют об их происхождении от хазар и об их этноязыковой близости к другим тюркским народам Северного Кавказа, а также к чувашам (с. 36). Разгром Хазарского каганата киевским князем Святославом и последующие нашествия половцев и монголо-татар привели к падению роли караимизма в данной части Восточной Европы.

В последующий период своей истории в рамках Крымского ханства караимы имели ряд важных привилегий, включая освобождение от налогов и особый правовой статус; при этом основными занятиями караимов в Крыму были ремесло и торговля (с. 40). На территории Руси первая караимская община возникла в Киеве, а также в Галиции еще в конце X в. (с. 41). К концу XIV в. караимы появились на территории Литвы, где их центром стало местечко Троки (лит. Тракай). По приводимой автором легенде,

великий князь литовский Витовт в 1398 г. в результате своего похода на Крым привел оттуда 383 караимские семьи, которые были поселены в Троках как жители приграничных крепостей Великого княжества Литовского. Приведенные Витовтом караимы присоединились к уже существовавшей в Литве небольшой караимской общине (с. 44). Караимы получили ряд привилегий от литовских князей. Так, в 1441 г. Казимир IV Ягеллон предоставил им Магдебургское право. С самого начала великие князья литовские использовали караимов в качестве охранников дорог и мостов, а также местных полицейских формирований. В более позднее время караимы Литвы занимались ремеслом, торговлей и сельским хозяйством, прославившись как искусные огородники. В 1556 г., по официальным данным, в Троках проживало около 300 караимов; к 1795 г. их число в результате частых войн и эпидемий упало до 169 (с. 45). После вхождения в состав Российской империи большое число караимов из Литвы переселилось во внутренние области империи; при этом многие караимы сделали успешную карьеру в Москве, Петербурге и в других крупных городах (с. 46).

Большой интерес представляет подробный анализ публикаций о караимах в чешской прессе, сделанный автором вплоть до 1914 г.; при этом П. Калета отмечает, что за исключением статей Палацкого, Зоубка, Ржегоржа и некоторых других авторов, имевших научную ценность, остальные материалы представляли собой либо популярные зарисовки, либо заметки путешественников (с. 72).

Вторая глава монографии посвящена положению караимов в Российской империи, караимской эмиграции после революции 1917 г. и положению караимов во время нацизма.

После вхождения Крыма в состав России в 1783 г. караимы получили ряд привилегий со стороны имперских властей, что позволило им достаточно быстро и в целом успешно интегрироваться в социальный организм империи. Как подчеркивает автор, императрица Екатерина II в 1795 г. предоставила караимам право владеть землей, что дало им возможность успешно заниматься сельским хозяйством, в первую очередь скотоводством и коневодством. Примечательно, что известный в России в начале XX в. орловский рысак по кличке Крепыш, многократно побеждавший на российских и международных скачках, принадлежал караиму М.М. Шапшалу (с. 78). П. Калета приводит любопытные данные переписи 1921 г., в соответствии с которой крымские караимы владели в то время 89 573 десятинами сельхозугодий, включая сады и виноградники.

Откликаясь на просьбы караимов о предоставлении им равных прав с мусульманским населением, император Николай I в апреле 1837 г. уравнил караимов в правах с местными мусульманами. В результате было создано Таврическое караимское духовное управление с центром в Евпатории, под юрисдикцией которого находились и караимы из западных русских губерний (с. 79). Позже, в начале 1860-х годов, в Тракае было создано отдельное духовное управление для караимов северо-западных губерний России.

Событием огромной важности для крымских караимов стал визит в Крым в сентябре 1837 г. императора Николая I с семьей. В ходе визита местные караимы подарили царской семье двух породистых скакунов с драгоценными седлами; царица Александра Федоровна в ответ послала караимской общине в Чуфут-Кале подарок в виде огромного серебряного кубка (с. 80). Позже Чуфут-Кале посещали императоры Александр II, Александр III и Николай II, побывавший в историческом центре караимов в 1902 г.

В 1852 г. караимское население получило возможность свободно селиться в городах Российской империи, в результате чего караимские общины возникли в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве и Одессе (с. 81). Перепись 1897 г. зафиксировала в Российской империи 12.894 караимов, из них 6 166 проживало в Крыму и 1 383 – в западных губерниях.

Большой интерес представляет раздел второй главы, посвященный росту образования и изменениям в караимском обществе во второй половине XIX в. П. Калета подробно показывает, каким образом рост образования, социальной мобильности и коммуникации менял характер традиционного уклада жизни караимов, среди которых появились инженеры, врачи, учителя государственных учебных заведений, юристы и офицеры. Любопытно, что количество караимских студентов в российских университетах по отношению к их общей численности было очень высоким (с. 86). Вместе с тем, стремительная европеизация караимов, распространение русского языка и нового образа жизни вели к неизбежной утрате традиций и к падению авторитета караимского духовенства, чему пытались противостоять представители караимских традиционалистов (с. 84).

Автор справедливо отмечает противоречивый характер XIX века в истории русских караимов. С одной стороны, «росло число караимов, возникли новые караимские общины и расцвели караимские святыни... По этой причине некоторые могли назвать данную эпоху “золотым веком” караимов. Однако с другой стороны,

быстрая европеизация и русификация караимов, утеря ими традиционных ценностей приводили к тому, что они становились равнодушными к своим корням и культурному наследию; при этом часть образованных караимов полностью интегрировалась в состав русской интеллигенции, которая «часто теряла смысл жизни» (с. 85). Оценивая отношение властей Российской империи к караимам, автор приходит к выводу о том, что оно было «в целом позитивным, отразившись и на материальных условиях существования караимов. Однако этого, к сожалению, было недостаточно для сохранения караимской конфессиональной и этнической идентичности...» (с. 92).

Высокий уровень образованности караимов и их успехи в хозяйственной сфере позволили автору вполне обоснованно заключить, что в начале XX в. караимов можно без преувеличения считать частью российской элиты (с. 94). Особый интерес в этом отношении представляет судьба одного из самых интересных представителей караимской общины в России, уроженца Бахчисарая С. Шапшала, который, успешно окончив Петербургский университет, где он изучал восточные языки (турецкий, арабский и фарси), сделал успешную карьеру в российском МИД. Особое значение имела миссия Шапшала в Иране в 1901–1907 гг., где он, будучи представителем России, являлся учителем иранского шаха Мухаммеда Али, с которым у него сложились тесные дружеские отношения. После возвращения в Россию С. Шапшал преподавал турецкий язык и литературу в Петербургском университете, одновременно являясь драгоманом (официальным переводчиком) шестого класса в Азиатском департаменте российского МИД (с. 137–140).

Первая мировая война, революционные потрясения 1917 г. и Гражданская война оказали крайне негативное влияние на положение караимов. Если перепись 1897 г. в России зафиксировала 12 894 караимов, то по переписи 1926 г. их численность снизилась до 8 324 человек. Любопытно, что в рядах русской армии в боях Первой мировой войны сражалось около 700 караимов, при этом примерно 500 из них были офицерами (с. 94).

Победа большевиков в Гражданской войне привела к эмиграции значительного числа зажиточных караимов, среди которых было много торговцев, ремесленников и представителей интеллигенции. Автор уделяет большое внимание описанию процесса эмиграции караимов, подробно анализируя положение караимских эмигрантских общин в различных странах Восточной и Западной Европы. В монографии детально рассматривается «Русская акция», начатая в сентябре 1921 г. правительством Чехословакии и направ-

ленная на материальную помощь эмигрантам из России, общее число которых в Чехословакии к 1925 г. составляло около 25 000 человек (с. 104). В разгар «Русской акции» в 1922–1923 гг. годовая дотация на ее проведение составила около 120 миллионов крон; к 1930 г. финансирование сократилось до 8 миллионов (с. 109). П. Калета подчеркивает, что подавляющее большинство караимских беженцев, попавших в Чехословакию в рядах русской эмиграции, являлись военнослужащими Белой армии, главной целью которых было получение высшего образования (с. 115). В целом до начала Второй мировой войны на территории Чехословакии находилось 49 караимов, большинство которых было солдатами и офицерами Белой армии (с. 116).

Автор знакомит читателей с подробным социодемографическим профилем караимской общины в межвоенной Чехословакии. Характеризуя караимов в Чехословакии в межвоенный период, П. Калета обращает внимание на то, что все они имели четкое представление о своем этническом происхождении и вероисповедании. Так, большинство из них в официальных документах указывало караимское вероисповедание, что, как полагает автор, было скорее индикатором памяти об их этническом происхождении, поскольку национальную принадлежность они, как правило, указывали русскую (с. 122). Даже Исаак Безикович, имевший сильное национальное самосознание и считавший караимов прямыми потомками хазар, указывая хазарскую национальную принадлежность, в скобках рядом указывал также русскую национальность (с. 122), что свидетельствовало о сложившейся своеобразной двойной идентичности. Подобные примеры говорят о сильной степени интегрированности караимов в русскую культуру; причем, судя по всему, эта интегрированность даже усилилась в условиях эмиграции. П. Калета констатирует высокую степень ассимиляции находившихся в Чехословакии караимов – многие из них уже не знали караимского языка; часть из них «была связана с православием, которое они не считали несовместимым со своим караимским происхождением» (с. 122). Прибывшие в Чехословакию караимы происходили в основном из образованных и обеспеченных семей и «имели прекрасные предпосылки для дальнейшего образования» (с. 123).

Среди немногочисленной караимской общины в ЧСР выделяется 6 человек, которым удалось успешно завершить учебу в чехословацких вузах и сделать в Чехословакии успешную карьеру; среди них горный инженер М. Айваз, конструктор С. Хаджи, железнодорожный чиновник А. Минаш, геолог М. Катък, биолог и

зоотехник А. Каракоз и химик С. Борю (с. 124). О жизненном пути этих лиц подробно говорится в третьей главе монографии, посвященной судьбам караимов, проживавших в Чехословакии. Ценность данной главы особенно велика, поскольку она основана на обширных архивных материалах, включая семейные архивы, и на устных воспоминаниях, зафиксированных автором монографии. П. Калета, опираясь на данные архивов, добросовестно реконструирует и подробно описывает биографии осевших в Чехословакии караимов, которые представляют собой обильную пищу для размышлений. Так, один из наиболее интересных представителей караимской диаспоры в Чехословакии Михаил Айваз, эмигрировавший из Советской России по причине стойких антисоветских убеждений и сделавший в Чехословакии успешную карьеру химика и предпринимателя в области производства художественной мозаики, увлекался русской советской литературой и ее переводами на чешский язык, поддерживая тесные дружеские связи с рядом крупных советских писателей, включая К. Паустовского (с. 189).

Особый интерес представляет раздел монографии о положении караимов в период нацистской оккупации, где автор подробно излагает драматичные эпизоды борьбы караимов за самосохранение, поскольку первоначально нацистские власти рассматривали караимов как особую еврейскую секту, что означало перспективу их неминуемой гибели. Караимским деятелям, однако, опираясь на ряд авторитетных европейских ученых, удалось убедить нацистские власти в тюркском происхождении караимов. Особую роль в этом сыграл гахан (духовный глава – *К.Ш.*) караимов уроженец Бахчисарая С. Шапшал, который после прихода к власти большевиков эмигрировал в Польшу, где возглавил местную караимскую общину.

* * *

Монография П. Калеты, написанная живым и доступным языком и прекрасно иллюстрированная, может по праву считаться первым и весьма основательным камнем в будущее здание чешского караимоведения. Работа чешского историка представляет колоссальный интерес не только для тех, кто интересуется историей и культурой собственно караимов, но и для широкого круга исследователей русской эмиграции, для которых история малого и таинственного тюркского народа в XX веке может стать орудием лучшего понимания социокультурных процессов, имевших место в русской диаспоре за рубежом.

Изображенные в монографии судьбы представителей караимской диаспоры в Чехословакии, высокая степень интегрированности караимов в общерусскую цивилизационную общность, которая, судя по всему, усилилась в условиях эмиграции, при одновременном сохранении собственной караимской идентичности, представляют собой дополнительный важный материал для лучшего осмысления того сложного феномена, который в последнее время стал обозначаться понятием «Русский мир».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kaleta Petr.* Tajemné etnikum z Krymu. Osudy příslušníků karajimské emigrace do meziválečného Československa. Praha: KLP, 2015. S. 10.

С.В. ВАСИЛЬЕВА

(Бурятский государственный университет,
г. Улан -Удэ)

**ИЗДАНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СПРАВОЧНИКА «СТАРООБРЯДЦЫ
(СЕМЕЙСКИЕ) БУРЯТИИ». УЛАН-УДЭ: Изд. дом «ЭКОС»,
2015. 264 с.**

Abstract:

Vasilyeva S.V. *Publication of the historical and cultural encyclopedic guide “Old Believers (the Semeiskie) of Buriatia”*

Historical and cultural encyclopedic guide “Old Believers (the Semeiskie) of Buriatia” is the first systemized guide book about the history and culture of the Old Believers (the Semeiskie) published in the Buryat Republic. New archive materials and field studies allowed analyzing the appearance and migration of the Old Believers in the Transbaikal region. Special attention is given to the material and intellectual culture, forming of the church hierarchy in the area, organization of the interconfessional life of the community and also to the process of establishment, development and current condition of the Old Believers (the Semeiskie) ethno-confessional group.

Ключевые слова: этносы, конфессия, старообрядчество, древлеправославная церковь, Сибирь, Забайкалье, Республика Бурятия.

Обеспечивая русское присутствие на азиатских окраинах, Российское государство способствовало в первую очередь заселению стратегически важных пограничных территорий, укомплектованию штата административных учреждений и пополнению военных гарнизонов. В отличие от приверженцев официальной церкви, старообрядцы на местах водворения создали чрезвычайно прочную неформальную общность, которая явилась основой традиционных институтов самоуправления. И именно это обстоятельство, наряду с более рациональной системой хозяйственных ценностей, способствовало тому, что старообрядцы стихийно закладывали основу российской государственности на окраинах империи.

В результате масштабного переселения старообрядцев в Сибирь (XVIII в.) оформился территориальный центр старообрядцев (семейских), расположенный на территории современной Бурятии. Носители древнего православия проникали в регион двумя путями: в качестве ссыльных и вольных колонистов, представляя собой часть русского субэтноса, неравномерно распределенного по территории региона.

Исследование опыта адаптации в иноэтничной, инокультурной, иноконфессиональной среде, взаимодействия конфессий и этносов, сближения их культур и сохранения собственной специфики стало важнейшей проблемой современных научных изысканий как в целом в России, так и на ее окраинах. Изучение этих процессов осуществляется сегодня исследователями Сибири, в том числе Бурятии, комплексно, с использованием историко-сравнительного, ретроспективного, системного, типологического, логико-аналитического, хронологического методов, а главное – методов включенного наблюдения и интервьюирования широкого круга респондентов с применением аудиозаписи, фотографирования и других технологий фиксации материалов. Результатом такой широкомасштабной научной работы стало издание историко-культурного энциклопедического справочника «Старообрядцы (семейские) Бурятии».

В представленном энциклопедическом справочнике о старообрядцах (семейских) Бурятии отражены основные моменты истории появления и развития этой этно-культурной группы русского этноса. Авторам удалось показать роль старообрядцев в развитии хозяйства, материальной и книжной культуры, раскрыть особенности фольклора и говоров, познакомить со спецификой современной жизни старообрядчества.

В вводной части справочника кратко охарактеризованы музейные коллекции и источники, хранящиеся в различных городах Байкальской Сибири. Отдельный раздел посвящен историографическому обзору и оценке работ как дореволюционных, так и современных исследователей, изучавших различные аспекты истории и культуры старообрядцев (семейских) в Бурятии.

Первая глава отражает религиозные воззрения семейских. Показана их сложная вероисповедная структура, включавшая и основные направления – поповское (беглопоповское) и беспоповское, и более мелкие многочисленные образования, разнообразные согласия. Отмечается, что как исторически, так и в настоящее время у старообрядцев Бурятии отсутствует единый церковно-религиозный институт. Здесь представлены две иерархии: Русская Православная Старообрядческая церковь (РПСЦ) (старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию) и Русская Древлеправославная Церковь (РДЦ) (Новозыбковская иерархия). Далее в алфавитном порядке представлены различные аспекты религиозного культа.

Вторая глава, освещающая историю заселения старообрядцами Бурятии, предваряется кратким общим очерком, характери-

зующим последнее перед насильственным переселением в Сибирь (60-е годы XVII в.) место пребывания старообрядцев, – некоторые центральные и южные губернии России (слободы на территории Ветки – земли, принадлежавшие польским панам и входившие в XVI–XVII вв. в состав Речи Посполитой, земли русско-украинского и русско-белорусского пограничья). Далее в алфавитном порядке рассматривается история образования и развития всех семейских селений Бурятии. Исторические сведения, полученные из архивов, публикаций дореволюционных авторов и воспоминаний старожилов, подкреплены статистическими показателями (демографическим и конфессиональным). Названы имена первых поселенцев; обозначены основные занятия поселян. Такая характеристика селений – довольно удачная находка авторов справочника, позволившая им проследить общее и особенное в формировании и жизнедеятельности старообрядческих общин Бурятии.

Глава третья «Материальная культура» представляет собой обзор материальной культуры старообрядцев (семейских), включая общую характеристику их хозяйственной деятельности, материальной культуры, в том числе агрокультуры в суровых природных условиях Забайкалья. Далее, используя тот же алфавитный принцип, представлены основные составляющие хозяйственно-материального быта (жилища, средства передвижения, орудия сельскохозяйственного и домашнего производства, гончарное и мукомольное дело, народная медицина). Особое внимание уделено повседневной и праздничной одежде, используемой в обрядах жизненного цикла.

Глава четвертая, вводящая в широкий оборот археографические данные, позволяет читателю глубже понять культуру представителей этой конфессиональной группы. В главе представлена краткая история исследования книжно-рукописного наследия старообрядцев (семейских); характеризуются основные вероисповедные книги, рукописи, демонстрируется их художественное оформление.

Пятая глава знакомит читателя с фольклором семейских. Анализ степени изучения фольклора и его различных составляющих предваряется общей характеристикой устного поэтического творчества старообрядцев с акцентом на религиозность как главное отличие от других локальных и социальных групп забайкальского населения. В главе характеризуются различные подразделы устного народного творчества (заговоры, календарно-обрядовая поэзия, легенды, песни и др.).

Шестая глава посвящена говорам. Анализируется лексика говоров, их морфология, обрядовая и религиозная лексика, а также заимствования от народов европейской части страны и от местных тюркоязычных и монголоязычных народов. Особое внимание уделяется анализу термина «семейские»; приводятся взгляды различных исследователей на его этимологию и значение. Характеризуется первый системный лексикографический словарь говоров старообрядцев (семейских) – «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья», содержание которого основано на обширных полевых исследованиях авторов. Материалы «Словаря» послужили основой для последующих исследований говоров старообрядцев (семейских), активного применения его в педагогической практике.

Седьмая глава «Старообрядчество в XX веке» посвящена рассмотрению преобразований в жизни старообрядцев (семейских), которые произошли после Октябрьской революции 1917 г. и последующих событий (раскулачивание, кооперирование, коллективизация и атеизация населения, закрытие зданий культа, регистрация общин, репрессивная политика государства). Эти мероприятия, а также вовлечение семейских женщин в общественную жизнь и массовый отток молодежи от традиционной культуры, значительно ослабили староверие и религиозные традиции. Эта ситуация несколько изменилась в постсоветский период – началась активизация религиозной жизни. На качественно новый уровень поднялась и фольклорная деятельность старообрядческих общин, начали проводиться конкурсы и этнографические праздники.

Восьмая глава освещает жизнедеятельность современного старообрядчества в Бурятии. Отмечено, что в постсоветской России старообрядцы (семейские) получили, наконец, свободу вероисповедания, что позволило наладить более тесное взаимодействие с государством и обществом. С учетом современной системы ценностей пересматриваются позиции старообрядцев в современной социальной и культурной жизни. Материалы, представленные в главе, позволяют сделать вывод о том, что в Бурятии проводится большая работа по изучению и сохранению традиционной русской культуры старообрядцев (семейских). Она изучается в общеобразовательных школах, чему в немалой степени способствовали издание и распространение учебно-методического комплекта по истории и культуре старообрядцев Бурятии. Школьники овладевают знаменитой домовою росписью семейских. В школьных краеведческих музеях проводятся выставки старопечатных книг и рукописных изданий старообрядцев, проводятся тематические кон-

ференции. Создаются новые фольклорные ансамбли, многие из которых стали региональными и общероссийскими призерами, а также лауреатами международных конкурсов в различных номинациях.

Самобытная духовная культура старообрядцев (семейских) Бурятии признана в мае 2001 г. в Париже «Шедевром устного и нематериального наследия человечества» и включена в список ООН по вопросам образования и культуры (ЮНЕСКО).

Особое место в этом разделе отведено истории формирования старообрядческого комплекса в Этнографическом музее народов Забайкалья. Старообрядческий комплекс – наглядное свидетельство хозяйственной деятельности и материальной культуры старообрядцев (семейских), что позволяет в полной мере представить все особенности жизнедеятельности этой группы населения.

Завершается справочник Приложением, включающим сведения о религиозных деятелях-старообрядцах, исследователях и собирателях фольклорного материала.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в опубликованном справочнике авторы постарались использовать достижения всех научных направлений с целью возможно более глубокого анализа процессов трансляции и развития русской народной культуры в условиях Бурятии.

Особо хотелось бы отметить, что издание энциклопедического справочника было приурочено к празднованию 250-летия прибытия первых переселенцев-старообрядцев в Бурятию. Выход в свет этого издания имел огромный положительный резонанс среди населения и руководящих структур Бурятии. Проведение 7–9 августа 2015 г. Второго международного форума встречи старообрядцев мира «Путь Аввакума» стало не только показателем заботы государства о сохранении различных этногрупп Республики Бурятия, но также продемонстрировало, как совместными усилиями можно затормозить процесс угасания уникальных культур и придать им позитивный импульс, направленный на возрождение, сохранение и дальнейшее их развитие.

М.Ю. Дронов

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ЦОРАНИЧ Я.

ИЗ ИСТОРИИ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В СЛОВАКИИ

Abstract:

Dronov M.Yu. *Coranic J. On the history of the Greek-Catholic Church in Slovakia*

The review presents a view of the Russian historian on the latest work on the history of the Greek-Catholic Church (Uniate) on the territory of the modern Slovak Republic.

Ключевые слова: Греко-католическая церковь, русины, Словакия, Ярослав Цоранич.

Имя Ярослава Цоранича (*PhDr. Jaroslav Coranič, PhD.*) не нуждается в представлениях для исследователей церковной истории Карпатского региона. Этот историк, а по совместительству священник и педагог, прекрасно известен в первую очередь благодаря своим многочисленным публикациям, посвященным прошлому Греко-католической церкви в Словакии и соседних странах.

Очередная книга Я. Цоранича охватывает более тысячи лет истории восточного христианства на территории нынешней Словацкой Республики. Работа, написанная на словацком языке, вышла за рубежом – в городе Чешске-Будейовице. Издателем выступило Объединение имени св. Яна Непомуцкого при местном римско-католическом епископстве. Поэтому настоящая монография также является частью серии «Среднеевропейская история» теологического факультета Южночешского университета.

Как мы узнаем из предисловия, автор поставил своей целью «хотя бы кратко представить те наиболее важные моменты и тех наиболее важных представителей, которые повлияли на ее (Греко-католической церкви. – *М.Д.*) историческое развитие» (s. 7). На наш взгляд, это однозначно удалось.

Основу книги составляют введение, десять разновеликих глав и заключение. Первая глава (s. 13–28), как это принято в словацкой церковной историографии всех конфессий, дает представление о христианизации Великой Моравии. Вторая глава (s. 29–78) посвящена ранней истории Мукачевской епархии, материнской по отношению к нынешним греко-католическим епархиам в Словакии. Здесь же рассматривается заключение Ужгородской унии (1646 г.). В третьей (s. 79–143), четвертой (s. 145–196) и пятой

(s. 197–249) главах монографии поэтапно рассматривается ситуация в Прешовском епископстве в 1818–1945 гг. Основным критерием для выделения внутренних параграфов в этих главах явились годы правления епископов и апостольских администраторов, стоявших во главе епархии. Шестая глава (s. 251–292) посвящена Греко-католической церкви в особенно противоречивый период первой Словацкой Республики (1939–1945 гг.). В следующей главе (s. 293–326) анализируется ситуация в послевоенные годы, предшествовавшие ликвидации унии и насильственной православизации чехословацких греко-католиков в 1950 г. Восьмая глава (s. 327–358) знакомит с положением Греко-католической церкви в 1950–1968 гг., когда де-юре она перестала существовать, а ее сторонники подвергались преследованиям и репрессиям. В девятой (s. 359–399) и десятой (s. 401–473) главах монографии подробно разбирается новейшая история словацкого греко-католицизма – начиная от легализации Греко-католической церкви в Чехословакии в 1968 г. и заканчивая совсем близким к нам 2014 годом. Ценным является привлечение автором большого количества всевозможных статистических материалов и публикация административно-территориальных карт разных периодов.

При знакомстве с работой Я. Цоранича не покидает чувство, что слова «из истории» в названии книги скорее свидетельствуют о скромности автора. Ведь по сути — перед нами фундаментальная история Греко-католической церкви на территории современной Словакии. Однако, по мнению совестливого историка, «отражение множества важных событий, произошедших в истории этой (Греко-католической. – М.Д.) церкви за весь период ее существования, могло бы стать предметом самостоятельных монографий для каждой главы этой работы» (s. 7).

В книге имеются список сокращений (s. 489–490) и именной указатель (s. 519–526), что заметно облегчает работу с томом. Особенно большое впечатление производит 28-страничный перечень использованных источников и литературы (s. 491–518). Правда, несмотря на это библиографическое обилие, вне внимания автора остались работы закарпатских и российских коллег (М. Болдижара, В. Фенича, Ю. Данильца, М. Дронова и др.).

Как и полагается, в книге помещено резюме на английском, немецком и итальянском языках (соответственно s. 479–481, 482–484, 485–487). Жаль, что автор отказался от резюме на одном из восточнославянских языков – например, на русском, как на языке международного общения, или на украинском, которым пользуются миллионы единоверцев Я. Цоранича на Украине и в диаспо-

ре. А возможно, учитывая тематику книги, было бы уместно и резюме на прешовском стандарте русинского языка. Ведь именно русины еще до середины XX в. занимали господствующее положение в Греко-католической церкви на территории Словакии. В любом случае на фоне других аннотаций отсутствие кириллицы бросается в глаза.

Впрочем, все высказанные мелкие замечания не носят принципиального характера. Поэтому нельзя не признать, что монография Я. Цоранича «Из истории Греко-католической Церкви в Словакии» является архиценным вкладом в изучение судеб восточного христианства в Карпатском регионе.

ХІ. ХРОНИКА КОНФЕРЕНЦИЙ

М.Ю. ДРОНОВ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «Имя народа:
УКРАИНА И ЕЕ НАСЕЛЕНИЕ В ОФИЦИАЛЬНЫХ И НАУЧНЫХ
ТЕРМИНАХ, ПУБЛИЦИСТИКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ»**

Abstract:

Dronov M.Yu. *Conference: "Name of the people: Ukraine and its population in the official scientific terms, journalism and literature"*

The notice tells about the conference which was held in the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Science in March 2015 and was devoted to the Ukrainian ethnonymics.

Ключевые слова: топонимика, Украина, этнонимика.

17 марта 2015 г. в Институте славяноведения РАН состоялась научная конференция, посвященная проблемам украинской этнонимии. Организатором мероприятия выступил отдел восточного славянства (заведующий к.и.н. Е.Ю. Борисенюк). Оргкомитет возглавила к.и.н. С.С. Лукашова, проделавшая основную часть подготовительной работы.

Предваряя научные доклады, с приветственным словом к собравшимся обратился тогдашний заместитель директора Института д.и.н. М.А. Робинсон, который высоко оценил актуальность тематики конференции, подчеркнув взаимосвязь исследуемых процессов с современной общественно-политической ситуацией на Украине.

Первым в рамках утреннего заседания, модераторами которого выступили д.и.н. Л.Е. Горизонтов (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») и к.и.н. М.Э. Клопова (ИСл РАН), прозвучало выступление С.С. Лукашовой. Исследовательница представила термины «украинский» и «малороссийский» в качестве социографических маркеров в источниках лично-

го происхождения XVIII в. Д.и.н. М.В. Лескинен (ИСл РАН) выступила с докладом «“Южноруссы”, “малорусы”, украинцы: трансформация этнонима в российской этногеографической номенклатуре и дефинициях второй половины XIX века». В продолжение темы Л.Е. Горизонтов рассмотрел терминологические аспекты представления Поднепровья и Северного Причерноморья в многотомных описаниях Российской империи рубежа XIX–XX вв. Молодой петербургский исследователь А.Л. Котенко (НИУ «ВШЭ») поделился собственными наблюдениями о географических пределах понятия «Украина» в 1840–1914 гг. Всеобщий интерес вызвало полемическое выступление О.Б. Неменского (ИСл РАН) «Политические игры с этническим именем». М.Э. Клопова представила фундированный доклад «Население Восточной Галиции на страницах российской печати накануне и в годы Первой мировой войны». Е.В. Байдалова (ИСл РАН) проанализировала употребление слов «хохол», «малоросс» и «украинец» в романе В.К. Винниченко «Хочу» (1916). Предельно широкий ракурс был избран последней докладчицей заседания – к.и.н. И.А. Кукушкиной (Ин-т всеобщей истории РАН). В рамках краткого выступления она попыталась определить место терминов «Украина» и «украинцы» в украинской художественной литературе XIX – начала XX вв.

После обеденного перерыва конференция продолжила свою работу под управлением нового модератора – М.В. Лескинен. Выступившая в начале заседания аспирантка РГГУ Е.А. Прошина рассмотрела этногеографическую терминологию польских документов по украинскому вопросу на Парижской мирной конференции (1919). Следующий доклад Е.Ю. Борисенок был посвящен «Украине» и «украинцам» в идентификационной стратегии большевиков. Научный сотрудник Института российской истории РАН, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации к.и.н. К.С. Дроздов осветил вопросы, связанные с этнонимией украинского населения России и РСФСР в конце XIX–XX вв. К.и.н. М.Ю. Дронов (ИСл РАН) выступил с сообщением о карпаторусской идентичности в XX столетии. Кискусствоведение М.А. Маханько (Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»), основываясь на семейных фотографиях и воспоминаниях, подготовила видеопрезентацию «Память о малороссийских корнях семьи В.В. Маханько (Токмак-Казань)». Д.ф.н., проф. Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ Е.Е. Левкиевская посвятила свой доклад семантическим вариантам употребления топонима «Малороссия» и его дериватов в современной русской речевой практике. К.ф.н. Т.Н. Курохтина (ИСл РАН) выступила с подчеркнуто зло-

бодневной темой «Этнофолизмы пост-майдана (на материале русско-украинского интернет-пространства)». События последних лет также вдохновили к.и.н. И.А. Снежкову (Ин-т этнологии и антропологии РАН), представившую в форме презентации доклад «Политический фольклор как “зеркало украинской революции”».

Несмотря на известную остроту многих затрагивавшихся на конференции вопросов, научная встреча прошла, как и подобает, в традиционно выдержанном, академическом ключе. Горячие дискуссии, возникавшие после некоторых выступлений, протекали в корректной и доброжелательной форме. В этом отношении инициатива отдела восточного славянства ИСл РАН по проведению конференции «Имя народа» оказалась успешной и перспективной с точки зрения организации подобных украинистических совещаний.

К сожалению, актуальная общественно-политическая обстановка не позволила принять участие в мероприятии исследователям из Украины. Отчасти этот недостаток был преодолен во время подготовки сборника статей по материалам конференции, который должен выйти в течение 2016 г. В нем будут представлены также тексты украинских и отсутствовавших российских коллег.

С.Ю. СТРАШНЮК, Д.В. ЧЕНЧИК
*(Харьковский национальный университет
им. В.Н. Каразина, Украина)*

«VIII ДРИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» В ХАРЬКОВЕ

Abstract:

Strashnyuk S.Yu., Chenchik D.V. *“VIII Drinov readings” in Kharkov*

The article represents a review of the international conference VIII Drinov readings which took place in March 2016 in Kharkov.

Ключевые слова: конференция «VIII Дриновские чтения», Марин Дринов, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, профессор С.И. Сидельников, Центр болгаристики и балканских исследований им. М. Дринова.

С 29 по 31 марта 2016 г. в Харькове проходила международная научная конференция «VIII Дриновские чтения», посвященная 100-летию со дня рождения профессора С.И. Сидельникова и 10-летию Центра болгаристики и балканских исследований им. М. Дринова. Конференция была организована Харьковским национальным университетом им. В.Н. Каразина, Харьковским городским обществом болгарской культуры им. Марина Дринова, Национальной академией наук (НАН) Украины, Болгарской академией наук и Благотворительным обществом «БФ им. Иоанна Рильского».

Первое пленарное заседание открыл ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина академик НАН Украины профессор **В.С. Бакиров**, который отметил, что за время, прошедшее после Первых Дриновских чтений в 1988 г., харьковскими учеными-болгаристами опубликовано около 20 монографий, более 300 статей, защищено три докторских и 16 кандидатских диссертаций, издано несколько выпусков «Болгарского ежегодника» и 8 томов «Дриновского сборника», что свидетельствует о динамичном развитии научной школы, у истоков которой стоял председатель Болгарского научного общества, профессор Харьковского императорского университета Марин Дринов. Открытие 28 февраля 2006 г. *Центра болгаристики и балканских исследований им. М. Дринова* придало этой школе дополнительный импульс, превратив Каразинский университет в координационный центр по этим отраслям гуманитарного знания в масштабах Украины.

С открытием «VIII Дриновских чтений» и первым юбилеем Центра им. М. Дринова участников научного форума, собравших-

ся в Зале заседаний Ученого совета университета, поздравил Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Болгария в Украине **Красимир Минчев**. На него произвела большое впечатление насыщенная программа конференции, включившая 115 научных докладов ученых из Болгарии, Молдовы, Польши, России, Сербии и Украины, отражающих в той или иной степени круг научных интересов профессоров М.С. Дринова и С.И. Сидельникова.

На первом пленарном заседании было заслушано четыре доклада. Первый из них – «*С.И. Сидельников и возрождение харьковской исторической болгаристики после Второй мировой войны*» – был подготовлен директором Центра болгаристики и балканских исследований им. М. Дринова доцентом **С.Ю. Страшнюком** в соавторстве с к.и.н. **А.А. Сайпановой**. Авторы сосредоточились на вкладе этого крупного ученого, выпускника Ленинградского университета 1939 года, в изучение национально-освободительного движения болгарского народа в XIX в. – от крестьянских восстаний 1840-х годов до объединения Княжества Болгарии и Восточной Румелии в 1885 г. в единое государство. Уделив основное внимание оценке ученым деятельности первого Болгарского Революционного Центрального Комитета на рубеже 1860–1870-х годов, докладчик отметил также решающую роль С.И. Сидельникова в восстановлении исторической болгаристики в Харькове после 1945 г. *Исследование С.И. Сидельниковым революционной деятельности Васила Левского* проанализировал проф., д.и.н. **Н.Н. Червенков** (Кишинев). Именно В. Левского Степан Иванович считал основоположником комитетской организации, сделав обоснованный вывод о том, что тот впервые указал на необходимость переноса тяжести борьбы против турецкого господства внутрь страны и выдвинул идею создания революционной организации для подготовки народа к вооруженному выступлению. Тем самым С.И. Сидельников опроверг широко распространенную в исторической литературе Народной Республики Болгарии точку зрения о заимствовании В. Левским идеи от Л. Каравелова или И. Касабова, полагает Н.Н. Червенков, председатель Научного общества болгаристов Республики Молдова. С темой магистерской диссертации М. Дринова 1873 г. «Заселение Балканского полуострова славянами» перекликался доклад «*Славяне VI–VII вв. на территории современной Южной Болгарии: миф или реальность?*» профессора Великотырновского университета им. Святых Кирилла и Мефодия **Бориса Борисова**. Сведения из письменных источников о том, что в указанный период весь Балканский полуостров был заселен славянами, не находят подкрепления данными археологических раскопок к югу от Ста-

рой Планины. На сегодняшний день нигде не обнаружен культурный слой с раннеславянскими материалами, а количество объектов, в которых были найдены отдельные фрагменты раннеславянской керамики, совсем незначительно; отсутствуют и славянские могильники. Все это свидетельствует, по мнению профессора Б. Борисова, что на территории современной Южной Болгарии в VI–VII вв. отсутствовало постоянное славянское население. «*Скитания по чужбине в поисках работы*» (По пращните друмища на гурбета) – тема доклада д-ра **Петко Христова**, директора Института этнологии и фольклористики с Этнографическим музеем БАН, который поделился результатами исследований трудовой мобильности болгар и балканской «культура на гурбета» учеными возглавляемого им института.

30 марта конференция продолжила свою работу в шести секциях: «*Протоболгары и хазары в степях Восточной Европы*», «*Византия, Болгария и Русь на перепутьях средневековой истории*», «*Османская империя в истории Восточной и Юго-Восточной Европы*», «*Болгария и болгары в новое и новейшее время*», «*Южнославянская и восточнославянская этнология и фольклористика*», «*История славистики и балканистики*». Всего было заслушано 63 доклада, в том числе два на втором пленарном заседании, которое проходило 31 марта в конференц-зале Центральной научной библиотеки университета. С первым из них – «*Присутствие Дриновского правописания в болгарском литературном языке до 1944 г.*» – выступила бакалавр Софийского университета им. Святого Климента Охридского **Мария-Йоанна Василева**, проследившая эволюцию болгарской орфографии в результате реформ конца XIX–первой половины XX вв. Второй пленарный доклад – «*“Апокалипсис приходит вечером”: фатализм и фикция в постмодерной болгарской драматургии*» – представила д-р **Марията Иванова-Гиргинова** (Институт литературы БАН), остановившаяся на творчестве Георги Господинова и его интерпретации литературного мифа о Дон Жуане.

На пленарных заседаниях были представлены проекты: «*Известные болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ: Биографическая энциклопедия*» (проф., д. и. н., иностранный член БАН **М.Г. Станчев**); «*Болгары диаспоры: историко-этнографические очерки*» (д.и.н. **А.А. Пригарин**); 8-й том «*Дриновского сборника*», ежегодника Комиссии историков Украина-Болгария (главный редактор **С.Ю. Страшнюк**); другие научные издания 2015–2016 гг. по истории славистики, болгаристики и балканистики. Организаторы конференции с благодарностью приняли в дар

несколько десятков книг из личной библиотеки д.и.н. Р.П. Гришиной, ушедшей из жизни в прошлом году, а также комплект журнала «Славяноведение» за 2015–начало 2016 гг., другие издания Института славяноведения РАН. Они были переданы молодыми научными сотрудниками Института **Н.С. Гусевым** и **А.А. Леонтьевым**, выступившими на секционных заседаниях с докладами «*Профессор Иван Шишманов на защите болгарских интересов в Петербурге в 1913 году*» и «*Болгарская османистика конца XIX – начала XX вв.: становление научной дисциплины*» (соответственно).

По ходу работы «VIII Дриновских чтений» были открыты пять выставок: «*Таврийская Болгария*» – выставка работ известного харьковского фотохудожника **В.Л. Бысова**; «*Болгария 1956 года*» – цикл офортов народного художника Украины **В.Ф. Мироненко** (в университетской художественной галерее им. Генриха Семирадского); «*Протоболгарские древности на берегах Северского Донца (памяти профессора А.А. Тортики)*» в недавно открытом Музее археологии университета; книжная выставка «*Дриновские традиции в Харьковском университете*» (в Центральной научной библиотеке Харьковского национального университета) и выставка детского рисунка «*Болгарская весна в Харькове*», подготовленная Детской школой искусств № 3 г. Харькова.

Следующие, «IX Дриновские чтения» состоятся осенью 2018 г.

Т.В. ШАЛАЕВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**XXXII ВСЕРОССИЙСКОЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЕ
СОВЕЩАНИЕ «ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ
ГОВОРОВ – 2016»**

Abstract:

Shalaeva T.V. *XXXII Russia-wide dialectological conference “Lexical atlas of the Russian vernaculars – 2016”*

Ключевые слова: лексический атлас русских народных говоров, русский язык, диалекты, атлас, лексика, лингвогеография, этимология.

XXXII Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2016» прошло в Русском географическом обществе в Санкт-Петербурге 2–3 февраля 2016 г. Оно было посвящено вопросам русской диалектной лексикологии, лингвогеографии и, в частности, проблемам, связанным с составлением Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ). В создании этого многотомного труда принимают участие сотрудники крупнейших региональных вузов Российской Федерации под руководством Института лингвистических исследований РАН и Института славяноведения РАН. Ежегодное совещание, проводимое Институтом лингвистических исследований РАН, имеет своей целью обсуждение актуальных вопросов лексики русских говоров с точки зрения общей и исторической лексикологии, словообразования, этимологии, лингвистической географии, этнолингвистики и ономастики. Необходимость рассмотрения данных проблем проявилась в процессе работы над ЛАРНГ. Доклады, представленные на совещании, содержат результаты разноаспектных исследований русской диалектной лексики, что, с одной стороны, дает надежные теоретические основания для отбора картографируемого материала ЛАРНГ, а с другой – позволяет наиболее полно и последовательно отображать его на картах Атласа.

Особую важность совещанию нынешнего года придало представление подготовленной к печати рукописи первого тома ЛАРНГ «Растительный мир». Участники совещания выразили надежду на то, что он будет издан в ближайшее время.

Совещание открыл директор Института лингвистических исследований РАН, академик РАН *Н.Н. Казанский*. Он приветствовал участников совещания, отметил общенациональную значи-

мость проектов такого масштаба и указал как важнейшее достижение многолетней работы коллектива готовый к печати первый том ЛАРНГ. Затем *Т.И. Вендина* (Институт славяноведения РАН, Москва) выступила с докладами: «О ходе работы над томом “Растительный мир”» и «“Лексический атлас русских народных говоров” и лексика природы как объект картографирования». В них была дана общая характеристика представленного тома, его структуры, типы карт и особенности подачи и комментирования материала. *Т.И. Вендина* представила аудитории десятый том «Общеславянского лингвистического атласа» «Народные обычаи», изданный в 2015 г. Он был подготовлен международной группой диалектологов и этимологов, представляющих все славянские страны. Атлас содержит обширный материал по традиционной культуре славян, собранный в полевых условиях на всей территории Славии. Также *Т.И. Вендина* познакомила участников совещания со своим новым учебником для высших учебных заведений «Введение в языковедение» (М., 2015). *А.С. Герд* (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) в соавторстве с *А.Н. Левичкиным* (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) прочитал доклад «О специфике тем Программы сбора материалов для ЛАРНГ».

Далее доклады можно разделить по нескольким тематическим направлениям. Так, ряд выступлений касался общих проблем картографирования лексики и составления лексических атласов. Это такие выступления, как: *С.А. Мызников* (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) «Диалектологический атлас карельского языка деревни Б. Бибриха в контексте современной лингвогеографии»; *С.А. Мызников, М.Д. Люблинская* (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) «Об атласе оленеводческой лексики уральских языков Севера России»; *Е.В. Колосько* (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) «Понятие “Ленинградская область” и “говоры Ленинградской области” в лингвогеографическом аспекте».

В отдельных докладах рассматривалась проблема соотношения общерусского и диалектного материала ЛАРНГ. Так, *А.С. Герд* (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) сделал доклад на тему: «О ходе работы над проектом ЛАРНГ», в котором рассказал о подготовке тома «Анатомические названия» из второй темы программы ЛАРНГ «Человек». Докладчик подчеркнул необходимость осторожного и критичного подхода к картографированию общерусской лексики, зачастую входящей в литературный язык, и отметил возможность привлечения данных ди-

алектных словарей при составлении ЛАРНГ. *Л.Я. Костючук* (Псковский государственный университет) выступила с докладом «Значимость общерусских лексем в системе говоров (из опыта лексикографической и лексикокартографической работы)».

К данному тематическому блоку близки выступления на тему взаимодействия диалектной лексики, лексики других форм существования русского языка и словарного состава других языков. Это доклады *А.А. Соколовой* (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург) «Дорога в диалектной лексике, разговорной речи и языке рекламы», *А.А. Семеновой* (Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского) «Функционирование общенародной и диалектно-просторечной лексики (на материале говора села Белогорное Вольского района Саратовской области)», *Е.И. Сьяновой* (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург) «О проекте “Словаря русско-украинских говоров”».

Кроме того, были доклады об особенностях бытования диалектной лексики в современном обществе: *А.И. Буранова* (Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского) «Особенности количественной дистрибуции лексики в говорах, существующих в различных социокультурных условиях», *Е.Н. Ильина* (Вологодский государственный университет) «Отражение особенностей звучащей речи жителей Вологодского края в современной массовой коммуникации», *Ю.Н. Драчева* (Вологодский государственный университет) «Диалектная лексика в современной массовой коммуникации».

Некоторые доклады были посвящены лексическим особенностям отдельных регионов России: *Н.В. Шевченко* (Государственная полярная академия, Санкт-Петербург) «Сравнительный анализ значений слов в говорах Тверской области по полевым данным и по лексикографическим источникам», *Н.А. Красовская, Л.В. Шестопалова* (Тульский государственный педагогический университет) «Проявление системных отношений в лексике некоторых населенных пунктов Воловского района Тульской области», *Г.М. Курбангалеева* (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа) «Лексика русских говоров Башкирии как система», *Т.Ф. Зиброва* (Самарский государственный университет) «Лексикализованные явления в самарских говорах (по материалам для регионального атласа)», *О.Н. Паликова* (Тартуский государственный университет) «Фразеологизмы в говоре старообрядцев Западного Причудья: конфессиональный аспект», *Е.К. Лунькова* (Смоленский государственный университет) «Лингвогеогра-

фические данные в процедуре описания диалектного словообразовательного типа (на материале смоленских говоров)».

Отдельные лексико-семантические группы диалектной лексики были предметом рассмотрения в докладах: *Н.В. Бурко* (Орловский государственный аграрный университет) «О некоторых наименованиях отрицательных объектов мезорельефа», *Ю.В. Каменской* (Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского) «Лексическая репрезентация структуры социума в диалекте», *М.М. Кондратенко* (Ярославский государственный педагогический университет) «Универсальное и специфическое в семантической структуре русской диалектной хрономии», *З.В. Сметаниной* (Вятский государственный гуманитарный университет) «Наименование утвари для подготовки теста и изделий из него», *В.Н. Гришановой* (Орловский государственный университет) «Дейктико-прагматическая функция христианской календарной лексики в говоре».

Значительная часть докладов была посвящена анализу лексических групп в отдельных говорах: *Т.Е. Баженовой* (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара) «Метеорологическая лексика в самарских говорах», *И.Б. Качинской* (Московский государственный университет) «Номинация возлюбленного в архангельских говорах», *М.А. Грановой* (Пермский государственный национальный исследовательский университет) «Отражение сюжетных мотивов в номинациях колдуна (на материале мифологических рассказов Архангельской области и Пермского края)», *И.И. Русиновой* (Пермский государственный национальный исследовательский университет) «Лексическая система мифологических рассказов Пермского края о людях со сверхъестественными способностями», *Ж.А. Паниной* (Московский государственный университет) «Номинация празднеств в честь завершения сезонных полевых работ (на материале архангельских говоров)», *М.Г. Соломатиной* (Московский государственный университет) «Номинация духовных лиц в архангельских говорах», *Н.А. Стародубцевой*, *Н.А. Тушиковой* (Волгоградский государственный университет) «Обозначение орудий и процессов сельскохозяйственного труда и производства в речи старшего поколения носителей донских говоров», *Я.В. Мызниковой* (Санкт-Петербургский государственный университет) «Лексика животноводства и птицеводства в говорах Ульяновской области», *М.В. Флягиной* (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) «Имена прилагательные, характеризующие явления природного мира, в донских говорах».

Некоторые доклады касались региональной ономастики: *Е.В. Цветкова* (Костромской государственной университет) «Названия родников в костромских говорах», *Ю.А. Кривошапова* (Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина) «Потамонимы (названия рек): деривационный потенциал (на материале русских народных говоров)», *О.Н. Паликова, В.П. Щаднева* (Тартуский государственный университет) «Историческая память и топонимика: названия деревень Западного Причудья (на материале диалектных записей)».

Были представлены доклады по истории диалектной лексики: *С.С. Волков* (Санкт-Петербургский государственный университет) «О некоторых географических наименованиях у М.В. Ломоносова», *В.Б. Колосова* (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) «Фитонимия русского языка в диахроническом аспекте (XI–XVII вв.)», *А.А. Бурькин* (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) «К изучению лексики программы ЛАРНГ за пределами зоны ЛАРНГ (Словарный состав “Слова о полку Игореве” и лексика украинского языка)», *В.С. Картавенко* (Смоленский государственный университет) «Диалектная и разговорная лексика в смоленском памятнике XVII в. “Мера лесов...”».

Звучали и этимологические доклады: *Т.В. Шалаева* (Институт славяноведения РАН, Москва) «К этимологии русск. диал. *елóжник* ‘поваленный бурей лес’», *В.Л. Васильев* (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого) «О “кабинетной” апеллативизации топонимов».

Два выступления были посвящены использованию диалектной лексики в произведениях художественной литературы: доклады *Л.П. Батыревой* (Шуйский филиал Ивановского государственного университета) «Диалектная лексика в автобиографическом очерке А.Н. Сидорова “Повесть о русском солдате”» и *О.Г. Ровновой* (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва) «Функции диакритических знаков в письменном диалектном тексте».

В докладе *Л.А. Климковой* (Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского) «Диалектологической работе в Арзамасском вузе – 60 лет» была изложена хроника работы регионального диалектологического коллектива.

По результатам совещания планируется издать сборник статей «Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2016».

В рамках совещания ЛАРНГ 4 февраля 2015 г. в Институте лингвистических исследований РАН состоялся ежегодный картографический семинар. В ходе семинара участники проекта ежегодно представляют и обсуждают готовые материалы Атласа, происходит отбор картографируемой лексики и планирование работы над будущими картами. В этом году семинар был посвящен находящемуся в стадии разработки тому «Животный мир». Вначале *Т.И. Вендина* представила отчет о работе над данным томом. Затем состоялось обсуждение следующих карт: Л 259 «Галка», ЛСЛ 260 «Самка галки», ЛСЛ 262 «Собирательное название для галок» (автор – *Л.А. Климкова*, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского), Л 264 «Голубь дикий», Л 265 «Голубь домашний» (автор – *Н.В. Бурко*, Орловский государственный аграрный университет), Л 275 «Дятел», ЛСЛ 276 «Самка дятла», ЛСЛ 277 «Птенец дятла» (автор – *Н.А. Красовская*, Тульский государственный педагогический университет), ЛСЛ 306 «Птенец соловья» (автор – *Т.М. Малыгина*, Курский государственный университет), Л 353 «Змея», ЛСЛ «Детеныш змеи» (автор – *Л.М. Алёшина*, Орловский государственный университет), Л 374 «Паук», Л 375 «Паутина» (автор – *В.Н. Гришанова*, Орловский государственный университет).

Участники совещания выразили надежду на публикацию первого тома ЛАРНГ «Растительный мир» в ближайшем будущем и интенсификацию работы над томом «Животный мир».

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

**СОГЛАШЕНИЕ (СОГЛАСИЕ), ДОГОВОР, КОМПРОМИСС
В ИСТОРИИ, ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ**

Сборник статей

Ответственный редактор: *Е.С. Узенёва*

Оригинал-макет: *А.А. Улыбина*

Подписано в печать 16.06.2016 г. Объем – 32,8 п.л.
Тираж – 500 экз. Формат 60x90/16.